

Культурный центр «Солдаты России»

Николай Струтинский

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Документальные повести

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

ББК Ш6(4Укр)6-334.48
С876

*Инициативная группа выражает благодарность
Владимиру Николаевичу Струтинскому за предоставление
рукописей его отца и фотографий из семейных архивов.*

Струтинский Н.

С876 Во имя Родины : документ. повести / Н. Струтинский. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-7996-0617-6

«Во имя Родины» — уникальный сборник документальных повестей о событиях Великой Отечественной войны. «Во имя Родины» — рассказ о расследовании обстоятельств гибели легендарного разведчика Николая Кузнецова. «На берегах Горыни и Случи» — повесть о судьбе партизанской семьи Струтинских.

«Сын политкаторжанина» — повесть о героях-подпольщиках. Она датирована 1988 годом и оказалась невостребованной после развала СССР. Чтобы обрести жизнь, рукопись книги прошла по маршруту Черкасы — Киев — Москва — Екатеринбург. Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК Ш6(4Укр)6-334.48

ISBN 978-5-7996-0617-6

© Струтинский Н., 2011
© Бунтов Е., дизайн обложки, 2011

К ЧИТАТЕЛЮ

Сегодня настолько разорвана связь времен и поколений, что многие даже не осознают величие и значимость подвига наших отцов и дедов, победивших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Некоторые думают, что, повернись история иначе, мы бы просто жили в другой России, более успешной и цивилизованной. А это огромное заблуждение. Нужно четко понимать, что при другом исходе не было бы на карте такой страны, как Россия, не родились бы на свет и вы, дорогие читатели.

Чем больше времени проходит со времен той кровавой войны, тем больше находится желающих переписать историю по-своему, зачастую искажая факты и перевирая события тех лет. Великий грузинский поэт Шота Руставели писал: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Сегодня вы держите в руках уникальный сборник документальных повестей Николая Владимировича Струтинского о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, о партизанском движении, о советском разведчике Николае Ивановиче Кузнецове.

17 сентября 1942 года партизанский отряд под командованием Николая Струтинского случайно встретился в лесу с отрядом специального назначения «Победители» Дмитрия Николаевича Медведева. Здесь и произошло знакомство автора книги с легендарным Николаем Кузнецовым, известным в отряде под именем Николая Грачева.

Николай Иванович Кузнецов — самородок, разведчик, профессионал высочайшего класса. Именно благодаря Кузнецову Ставка Верховного главнокомандования получила точные данные об операции «Цитадель» — наступлении гитлеровцев на Курской дуге, о формировании диверсантом Отто Скорцени фашистской спецкоманды для покушения на глав СССР, США и Великобритании, о

местонахождении личной ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей. Плюс постоянная развединформация, в том числе о каждой передислокации вражеских войск.

Кузнецов — личность уникальная. Однако до сих пор попытки выставить разведчика заурядным террористом, который просто ликвидировал немецкий генералитет, существуют. Но представьте себе хотя бы на секунду, что это такое — больше года не просто жить, а добывать ценную информацию в глубоком тылу врага, в небольшом городке Ровно, где полно фашистов, полицейев и агентов гитлеровской службы безопасности, в условиях, когда неизвестно, кто есть кто. И сразу многое станет ясным.

Николай Струтинский вспоминал: «Некоторые называют Кузнецова террористом. Но ее Величество История чтит точность. А еще — справедливость. Я ходил с Кузнецовым в разведку, каждый раз — на верную гибель. И пока дышу, буду до конца оставаться живым свидетелем доброго имени нашего разведчика — сына народа российского, сына народа Украины».

Всю свою послевоенную жизнь Николай Владимирович Струтинский был верен памяти павших боевых товарищей. Своими произведениями о Великой Отечественной войне он проваливал попытки тех, кто хотел переписать историю на свой лад, объявляя советские войска оккупационными, а партизан — террористами. От покушения на жизнь разведчика спасла счастливая случайность. Но жить по-другому Струтинский просто не умел и не мог. Он часто встречался со школьниками, делился воспоминаниями, закладывая в детский разум зерна патриотического восприятия и понимание значения победы советского народа над фашизмом. После войны Николай Владимирович много раз бывал на Урале, в 1990-х годах жил на родине боевого товарища и легендарного разведчика Николая Кузнецова. Он почетный гражданин города Талицы Свердловской области. Последние годы жизни Николай Струтинский прожил в Черкассах, где и умер в 2003 году. Но живы его книги.

Сборник «Во имя Родины» — это бесценные воспоминания человека, прошедшего войну. Струтинский пишет о ней своим сердцем, с каждым словом заново переживая и боль потерь, и радость Победы. Он очень точно передает накал того времени, о котором и поныне

снимают фильмы и слагают легенды, пишет о событиях, которые вошли в историю и стали классикой советской разведки.

В этой книге вы прочтете три документальные повести — «Во имя Родины», «На берегах Горыни и Случи» и «Сын политкаторжанина», и каждая из них по-своему уникальна.

Сейчас, кроме специалистов, мало кто помнит о том, что место захоронения Николая Ивановича Кузнецова даже через пятнадцать лет после окончания войны еще не было известно. Чтобы найти могилу героя, его боевым товарищам пришлось преодолеть множество преград, и в 1960 году останки легендарного советского разведчика перезахоронили на Холме Славы в городе Львове. Об этом — повесть «Во имя Родины».

«На берегах Горыни и Случи» — очень личная, идущая из глубины души повесть о жизни партизанского отряда, о встрече с Николаем Кузнецовым. С началом Великой Отечественной войны вся семья Струтинских — мать, отец и девять их детей — начали свою борьбу с оккупантами. Партизаны лишали фашистов телефонной связи, уничтожали гитлеровских солдат и вставших на их сторону полицаяв.

В апреле 2011 года случайно стало известно о существовании ранее не изданной повести полковника Струтинского «Сын политкаторжанина». Это воспоминания о героях-подпольщиках. Рукопись датирована 1988 годом, но после развала СССР оказалась никому не нужной. Чтобы обрести новую жизнь, она прошла по маршруту Черкасы — Киев — Москва — Екатеринбург.

И вот этот бесценный дар — воспоминания партизана, участника Великой Отечественной войны — усилиями многих людей сейчас увидят свет. Читая книгу, нынешнему поколению необходимо помнить, что солдаты Великой Отечественной войны отдали самое дорогое — свою жизнь для того, чтобы сохранить нашу страну и чтобы мы с вами могли жить. Надо всегда помнить о героизме каждого солдата и подвиге всего советского народа, о значении Великой Победы, о том, что такое патриотизм в самом высоком понимании этого слова.

А Николая Владимировича Струтинского трижды представляли к званию Героя Советского Союза, однако соответствующий указ так и не был подписан.

Обращаюсь к вам, читатели! Пока еще есть возможность оставить для потомков воспоминания живущих ныне ветеранов, мы должны это делать! И пусть книга, которую вы держите сейчас в руках, станет очередным шагом на этом пути. Я это вижу именно так.

*Председатель Регионального отделения ДОССАФ
России Свердловской области Герой Российской
Федерации генерал-майор Геворк Исаханян*

Во имя Родины

...Я вполне отдаю себе отчет в том, что при выполнении задания очень вероятна возможность моей гибели. Но непоколебимое сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую веру в нашу победу над врагом. Это сознание дает мне силы выполнить мой долг перед Родиной до конца!

Н. Кузнецов

Часть 1

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ, ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ*

Эта встреча произошла во Львове в 1950 году.

Стояло яркое весеннее утро. Цвела и благоухала украинская природа. В кипень жасмина и сирени одевался городской парк, радостно и звонко заливался соловей.

Солнце висело над зданием университета, расцвечивая его радужными теплыми красками. Лучи пробивались сквозь кроны могучих кленов, ясеней и буков, зайчиками прыгали по песчаным аллеям, детской площадке, на которой резвились неугомонные малыши.

Весеннее утро обновленной многострадальной украинской земли. Весна города, поднятого из праха войны. И мы безмолвно наслаждались этим утром, с затаенным сердцем принимали все, кажущееся таким обыденным, привычным. Потому что мы, может, больше, чем кто-либо ощущали кровное единство с этой землей, знали цену этому чистому яркому небу над городом.

— Вот и Борис! — вдруг воскликнул Петр Мамонец, заметив приближавшегося богатыря.

— Здорово, братцы! — улыбаясь, Борис Сухенко тискал наши руки. Мамонец извлек часы, констатировал:

— Точь-в-точь десять. Аккуратист на диво.

— Иначе и быть не может, — отвечал Борис. — Военная дисциплина.

В этот момент подоспели еще двое — Василий Багров и Жорж Струтинский.

— Ну вот, все и собрались, — подытожил я. — Пошли.

На улице Гоголя свернули в подъезд монументального здания и, поднявшись на третий этаж, позвонили. Сейчас же за плотной двойной дверью раздался тоненький лай комнатной собачонки. Потом двери распахнулись, и перед нами предстал уже не молодой, но не утративший военной выправки человек. Даже в голосе его звучала властность:

— Прошу, друзья! — распорядился он с былой партизанской сдержанностью.

* Повесть была впервые опубликована в журнале «Байкал» (№ 6 за 1972 г., № 1–2 за 1973 г.).

Это был Виктор Васильевич Кочетков, один из руководителей отряда. Во главе десантной группы в августе 1942 года Кочетков спустился на парашюте в глубокий тыл врага и впоследствии принял остальные группы медведевцев на свои костры. Он возглавлял сложные боевые операции, непосредственно участвуя в них, был заместителем командира отряда «Победитель». Но и теперь, спустя пять лет, Виктор Васильевич остается на боевом посту. Родина доверила ему один из ответственных участков. Он полковник органов государственной безопасности...

Нас было шестеро в квартире Виктора Васильевича, шестеро товарищей по оружию, бывших партизан-медведевцев. У каждого было, что вспомнить. Рассказы могли продолжаться бесконечно, но собрались мы здесь по делу, серьезному и важному. О нем и начал говорить Кочетков, сдвинув пшеничные брови.

— Друзья! У нас есть общий долг. Это долг перед товарищем, воином, героем, — медленно начал Виктор Васильевич, и мы сразу поняли, о каком долге и каком воине идет речь. Потому что это имя хранилось в сердце каждого из нас, и каждый из нас чувствовал свою вину перед ним. И раздельные четкие слова бывшего командира падали в наши души свинцовыми каплями.

— О Николае Ивановиче Кузнецове знает вся наша страна. О его подвигах написаны книги, сняты кинофильмы. Но что известно о последних днях его боевой деятельности? Последних дней жизни, обстоятельствах и месте гибели? А также о его товарищах — Ване Белове и Яне Каминском? Эти вопросы задают нам и школьники, и студенты, и рабочие. Не только задают вопросы. Упрекают нас в том, что мы до сих пор не предприняли мер, чтобы найти их останки и перезахоронить с положенными почестями. Что мы можем сказать в свое оправдание? Сослаться на давность событий? На чрезвычайную сложность поисков? На борьбу с остатками бандеровских банд? Все это верно. Но все это не снимает с нас нашего долга.

Виктор Васильевич замолчал, справляясь с какой-то внутренней угнетенностью. Мне вспомнился случай, произошедший менее года назад здесь же, во Львове.

Мы выступали перед студентами Львовского торгово-экономического института. Вместе с нами, бывшими партизанами, на встрече присутствовал писатель Ярослав Александрович Галан. Он с волнением слушал наши рассказы о партизанской борьбе с гитлеровскими оккупантами в городе Ровно, а потом, когда я рассказал несколько эпизодов из боевой

жизни Николая Ивановича Кузнецова, воскликнул: «Какой человек! Это богатырь!...»

Ярослав Галан в тот же день сделал мне два упрека: первый — почему до сих пор не найдены останки Николая Кузнецова, не расследованы обстоятельства его гибели, второй — почему я не работаю над воспоминаниями. Ярослав Александрович настоятельно рекомендовал взяться за перо.

— Вы обязаны писать, чтобы запечатлеть этот подвиг и его героев. Изложить это просто и достоверно — вот ваша задача. Это очень нужно для всех нас, живущих теперь, а еще больше — для будущих поколений, — говорил он. — Если вы не сделаете этого, то позже исторические события, славные боевые дела ваши могут быть искажены случайными людьми.

Ярослав Александрович обещал мне искреннюю помощь. Он не знал о том, что преступный кровавый меч уже занесен над его головой. 24 октября 1949 года — спустя три дня после встречи — Ярослав Галан погиб от рук украинских националистов, состоявших ранее на службе у гитлеровских оккупантов.

После этого я не раз размышлял над словами писателя и теперь ощутил их глубокую справедливость с особенной остротой.

— Я как заместитель командира отряда должен был знать каждое мгновение жизни этого замечательного человека до его последнего дыхания, — продолжал Кочетков, обводя нас внимательным требовательным взглядом. — И моя мера ответственности перед ним, перед людьми больше. И теперь мы должны поклясться, что обещаем использовать все свои силы, наши общие возможности, чтобы установить место и обстоятельства гибели дорогого нам Николая Ивановича и его боевых спутников — Каминского и Белова, увековечить память героев.

Все мы, партизаны-медведевцы, с глубоким уважением относились к Виктору Васильевичу Кочеткову. В глубоком тылу врага, в тяжелые минуты мы всегда чувствовали его поддержку, получали совет, помощь. И в послевоенные тяжелые годы некоторые из партизан-медведевцев, попавшие в беду, обращались к нему за помощью. Виктор Васильевич всегда помогал в меру сил и возможностей, участливо разбирался во всех сложных ситуациях, в которых случайно оказывались бывшие партизаны. И сегодня, пожимая на прощанье его руку, каждый из нас чувствовал, что этот разговор является программой наших действий.

С чего же начинать, какие исходные позиции наметить? Ведь действительно, прошли годы, все нити, казалось, были прерваны, следы стерты. Известно было немного: Николай Иванович погиб где-то в районе

Львова — Ровно. И возможности нашей наличной боевой пятерки были ограничены. Петр Мамонец был студентом Львовской юридической школы. Я — также студент, слушатель Львовской двухгодичной партийной школы. Борис Сухенко и Георгий Струтинский работали в органах государственной безопасности. Василий Багров — на производстве.

Но поиск был начат, хотя каждому приходилось совмещать эту кропотливую работу с обязанностями по службе и учебе. Скоро в него включились и другие наши боевые друзья. Иван Сотников, работавший в Козинском районе на Ровенщине (через этот район протекает автострада Львов — Ровно), взял на себя задачу установить места боев мелких партизанских групп с немцами и оуновскими бандитами. Львовец Михаил Сапир, Николай Бондарчук, Василий Бурим, Григорий Клешкань, Сергей Шишмарев, Борис Баньковский, Пантелей Терещенко, Сергей Пилягин, проживавшие в Ровно, Алексей Глинко, Михаил Несен из Дрогобыча — каждый имел свою боевую задачу. Мы суммировали добытые сведения, советовались с Виктором Васильевичем Кочетковым, координируя таким образом свои действия. И поиск продолжался.

Мы посещали хутора, села, прилегающие к шоссе дорогам Львов — Ровно, Львов — Золочен, отдельные хаты, близкие к лесам, беседовали с колхозниками, обследовали места гибели неизвестных людей при переходе фронта и после его продвижения, тщательно изучали все сведения и приходили к огорчительному выводу: всё это не то, что мы ищем.

Следует сказать о том, что наша работа носила неофициальный характер, а вскоре (в связи с систематическими неудачами) и вовсе прекратилась. Это объяснялось и тем, что Петр Мамонец после окончания юридической школы был направлен работать на Ровенщину, я получил назначение в город Коломыю, на Станиславщину. Но главным фактором приостановки наших поисков было то, что Виктор Васильевич Кочетков в 1953 году был переведен в город Куйбышев. Прощаясь с нами, он снова напомнил нам о нашей задаче:

— Не оставляйте начатое дело, продолжайте его до полной победы, — сказал он.

Мы высказали наши заверения, хотя, честно признаться, вера наша в успех была поколеблена. Слишком трудной казалась задача, малы были наши возможности.

Однако обстановка вскоре изменилась, и наша уверенность окрепла. Я снова был переведен во Львов, где впоследствии и был выдвинут на советскую работу. Создавались благоприятные условия для проведения

развернутого поиска. Хотя Виктор Васильевич был далеко, мы установили регулярную письменную связь, часто перезванивались. Кочетков получал от нас информацию и, в свою очередь, давал советы, руководил нашими действиями, которые становились четче, настойчивее.

Весной 1955 года мы получили сведения о том, что примерно год назад перед линией фронта на вражеской стороне неподалеку от хутора Загатка Берестенковского района в бою с неизвестными погибло несколько человек в форме солдат гитлеровской армии. Мы кинулись туда. Но при проверке эти данные не нашли своего подтверждения. Как выяснилось, там были расстреляны немецкие солдаты, захваченные неизвестными.

Много было таких выездов, много расследований, которые никак не продвигали нас к цели. Но мы вновь и вновь собирали данные, сопоставляли, планировали, кому куда выехать, с кем повстречаться. А время не стояло на месте.

Наступила золотая осень 1955 года. Георгий позвонил по телефону:

— Есть предложение съездить на охоту. Как ты на это?

— Куда предлагаешь? — поинтересовался я.

— Неподалеку от села Пеняки.

— Какой это район?

— Подкаменский, на Львовщине!

— Подожди, взгляну на карту, — предупредил я брата и, быстро развернув двухкилометровку северных районов области, нашел названное село, а неподалеку от него — синее пятнышко, которым было отмечено небольшое озеро с прилегающим участком леса.

«Район привлекательный, — прикинул я. — Лежит между Золочевым и Бродами. Кузнецов мог там побывать!»

Готовились мы кропотливо: зарядили патроны, почистили ружья, на всякий случай захватили легкие рыбачьи снасти, продукты, ну и, разумеется, по бутылке «Московской», ибо без таковой самый штатный охотник выглядит в глазах людей «белой вороной».

Неподалеку от города Броды машина свернула вправо, вскарабкалась на возвышенность и помчалась сквозь открытое, пересеченное пролесками поле, подымая за собой столб сизой пыли, и наконец остановилась на берегу озера, расположенного в ложине на восточной окраине пеняцких лесов. У этого леса мы и раскинули плащ-палатку, так что все озерко лежало перед взором, как на ладони. Хрустально чистая вода искрилась и, словно зеркало, отражала опускавшееся над лесом оранжевое солнце.

Противоположный отлогий берег озера был покрыт густой травой, а северный взят в полукольцо высокого камыша. Вокруг царил тишина.

Лишь изредка плесканье королевского карпа нарушало неподвижность радужного зеркала.

Мы безмолвно любовались чарующей красотой природы и все же одновременно уловили шорох за спиной — сказались напряженные годы партизанской жизни. Из леса, отводя рукой ветви лещины, вышел старик. Он не подозревал о нашем присутствии, поэтому остановился в смятении, почти наткнувшись на нас.

— Здравствуй, отец, — приветливо произнес Георгий. — Присаживайся хлеб-соль с охотниками поделить, не стесняйся, — освобождая место и наливая чарку, заключил он.

Старик изучающе осмотрел нас, поколебался, прикидывая что-то в уме, и наконец протянул мозолистую руку, взял чарку, опрокинул ее без задержки, крикнул и, опустившись на колени, стал закусывать.

— Здешний, небось, дедушка? — полюбопытствовал Георгий.

— Из соседнего леса, — ответил гость не очень охотно.

Мне почему-то показалось, что он из тех, о ком говорят: себе на уме, и непременно кое-что знает о здешних событиях. С ним стоит поговорить. Я подмигнул брату. Тот догадливо наполнил граненую стопку. Старик оказался отзывчивым в этих делах, опрокинул и эту.

— А теперь за успех нашей охоты! — предложил я, подавая очередную чарку старику.

— Ну что ж, ни пуха и ни пера.

После третьей гость повел себя более свободно. Беседуя о минувшей войне, о терроре гитлеровских оккупантов и националистических банд, старик обнаружил большую осведомленность, а также хорошее знание пеняцких и боратинских лесов. И, насколько мы поняли, он не был сторонником этой своры, однако, и не желал вдаваться в подробности о ней. Говорил, в общем, об уже известном и почему-то настороженно озирался по сторонам. Он боялся. Потом недоверчиво стал разглядывать и нас, особенно меня, наконец, не удержался от вопроса:

— А вы, хлопцы, откуда приехали?

— Мы, отец, издалека, из Львова.

— Не так уж и далеко, но порядком... — согласился старик и замолк.

Я подумал: может, уйти, оставить их наедине с братом, возможно, он сумеет наладить разговор. Я поднялся, незаметно моргнув брату, одел патронташ, зарядил «зимсона» и ушел в камыши.

— Пусть охотится, — сказал Георгий, — а мы посидим. — Гость кивнул головой и пристально посмотрел на бутылку. Георгий заметил это и вылил остатки водки в рюмку старика.

— Тяни, отец, до дна. Последняя.

— Ладно уж, где наша не пропадала, — пошутил гость и опрокинул чарку, закусил и разговорился.

— Ох, и истребили, сыну, нашего брата фашисты. Тебе не видывать того, что дал мне Бог перенести на своих плечах. Фашисты — изверги. А «Степановы хлопцы» еще страшнее, сыну. Ох и лютовали, изуверствовали. Забивали топорами и бросали в горящие хаты старцев и дитятей. Народ находился под страхом Божьим. Вечером ложились спать и не знали, встанут ли завтра. Ночами бандиты врываются в хаты. Особо тут «отличились» Шугай, Черногора, Довбня, Темный, а Орих такую память о себе оставил, что до самого суда праведного не забыть. Орих — тот и сейчас, верно, по этим лесам бродит.

Последние слова старик проговорил так тихо, что Георгий еле уловил их.

Пытаясь узнать, что известно старику о советских партизанах, он спросил:

— А что, разве не было здесь советских партизан? Мне рассказывали, что они действовали, даже переодевались в форму немецких солдат.

— Был случай, сыну. С советскими партизанами был. Перед самым приходом наших в одном селе их истребили бандиты. Трое их было. В форме гитлеровцев.

— Слыхал я об этом, но это же были немцы! — пытаюсь подзадорить старика, чтобы выведать подробности гибели этих людей, заключил Георгий.

— Чего?! Какие немцы? — воскликнул старик возмущенно. — Кому лучше знать — тебе или мне?.. Мне даже известен такой Скиба. Кат, а после войны акушером стал. Я знал и Хитрого. Они истребили тех партизан... — старик запнулся, добавил неуверенно. — Там, на Березине.

Старик как-то весь сник, затем настороженно огляделся.

— Может, оно и верно, хлопче. То были немцы. Люди говорят всяко, — сказал он хрипло. Поправив потрепанную овечью шапку, подал руку.

— Ну, мне пора. Буду возвращаться — загляну к вам.

Безуспешно Георгий пытался задержать старика — тот ушел торопливо и беспокойно. Нам оставалось ломать голову над множеством вопросов: откуда он, как звать, в каком селе погибли переодетые партизаны, кто такие Хитрый, Скиба — фамилии это или бандитские клички, наконец, откуда старику обо всем этом известно?

И все-таки встреча со стариком подтолкнула наш поиск. Именно после нее пришла мысль побывать в тех местах, где Кузнецову были назначены «маяки»*. Ведь где бы ни ходил Николай Иванович, а после акта возмездия над генералом Бауэром во Львове он должен был выйти на один из намеченных командованием пунктов. Чем больше мы разрабатывали эту версию, тем больше, казалось, у нас было шансов на успех.

Борис Сухенко говорил:

— Я помню, как снаряжалась группа партизан для обеспечения встречи Николая Кузнецова подо Львовом. Первоначально командиром ее готовился Володя Ступин, он и подбирал хлопцев. Но потом все переиграли — он не пошел, а группа все же отправилась...

— А кто может назвать точные координаты намеченных командованием отряда «маяков» подо Львовом? — спросил я для того, чтобы проверить свою память и память товарищей. — В эту группу были включены Евгения и ее муж Василий Дроздов. Они до прихода в наш отряд жили где-то подо Львовом. Отец Евгении служил лесником. Отлично знает окружающие леса. А где-то в них, если мне не изменяет память, должен был быть организован «маяк» для Николая Ивановича. Это примерно в 15–20 километрах от Львова. Не в Ганачивских ли?

— Точно! — воскликнул Борис. — Группа была отправлена под Львов. Первый «маяк» должен был быть ими организован в Ганачивском лесу, а второй, кажись, у села Боратин. Ведь жена Василия Дроздова из этого села. Отец ее, точно, был лесником. Кузнецов должен был на них побывать, если не погиб во Львове.

— А ну-ка, Николай, разворачивай карту. Сейчас мы отыщем все эти затаенные места!

Изучая местность по карте, мы обнаружили лесной массив примерно в 20 километрах от Львова строго на восток, примыкавший к селам Ганачив и Ганачивка. Затем разыскали по карте и село Боратин, окаймленное со всех сторон лесом. Но нигде вблизи этих пунктов урочища или же хутора, именуемого Березиной, на карте не обнаружили.

— У старика, может, есть причина не говорить всей правды, — сказал Георгий.

— Как же быть? — заметил Багров растерянно.

— А вот так. Ехать в село Ганачив, — решительно заключил Сухенко. — Там ведь остался кто-то из старожиллов. Кто-нибудь нам

* «Маяк» — место конспиративных встреч (у партизан и подпольщиков). (Здесь и далее примечания редактора.)

расскажет правду. Может, Скибу или Хитрого вспомнит. Ехать надо не медленно. Зачем откладывать в долгий ящик?

— А что, Борис прав. Я готов хоть сейчас. Что, вызвать машину? — оботрлся я к друзьям.

И в тот же декабрьский пасмурный день мы уже мчались по золочевскому асфальту и, добравшись до села Куровичи, остановились у поворота. Указатель гласил: до села Ганачив два километра. Свернули на полевую дорогу, и машина засела в грязи. Было решено — машину оставить на месте, а в село добираться пешком. Идти было нелегко. Навстречу дул морозный ветер. Небо набухло от туч, обещаая первый снег.

Наконец перед нами открылось село.

— Ганачив! — облегченно воскликнул Михаил Сапир.

— А что, если мы подыдемся туда, — предложил я, указывая на возвышавшуюся гору, — и осмотрим здешние окрестности?

Возражений не было. Мы поднялись на возвышенность, властвующую над холмистой местностью, и оказались на старом кладбище, среди полусгнивших крестов, примитивных надгробий и безымянных холмиков, поросших вечнозеленым бессмертником. На самой вершине стоял столетний дуб-великан, распустив могучие ветви. Он, словно страж покоя, зорко наблюдал за дальними и близкими подступами к селу, над которым возвышался высокий, готического стиля польский костел.

— Какой отличный наблюдательный пункт! — воскликнул Михаил Сапир. — Смотрите, село — как на ладони. Все дороги отсюда свободно контролируются.

— Да, местечко классное, — подхватил Сухенко.

В это мгновение из зарослей калины вышел парень. Поздоровавшись с нами, он намеревался пройти мимо.

— Эй, хлопче, ты здешний? — остановил его Сухенко.

— А если здешний, то что? — недружелюбно ответил тот.

— Да ничего особенного, — с улыбкой объяснил Борис. — Мы из Львова и хотели кое-что спросить у тебя.

— Спрашивайте. Постараюсь ответить, — согласился тот.

— Живешь ты в этом селе?

— Да.

— Давно?

— Не очень. Но уже больше десяти лет.

— Значит, не осведомлен, что здесь творилось в те годы, — прикинул я и дополнительно спросил: — А кто есть в селе из старожилов?

— Такими село не славится. В Ганачив понаехали все новые.

— А куда же старые жители девались?

Парень оглядел нас и, подумав, ответил:

— Многих немцы перебили... — И снова поглядев на нас, заключил: — А те, что остались, поразъехались еще в 1944 году.

— А многих, видимо, бандиты перебили, не так ли? — спросил Багров.

— Не знаю, возможно, и так, — неохотно процедил парень.

— Значит, в здешнем селе только переселенцы живут, — уточнил Георгий, — из старых жителей никого не осталось.

— Да, одни переселенцы...

Итак, первая наша вылазка не увенчалась успехом. Зато при повторном посещении Ганачива нам все же удалось установить двух стариков, ранее проживавших в этом селе, — Якобечко и Баера, которые теперь живут в соседнем селе — Ганачивке.

На этот раз со мной были Михаил Сапир и Василий Багров.

— Здесь такое творилось, что и сам черт не разберет, — рассказывали наперебой Якобечко и Баер. — Немцы и полицаи переодевались в советских военнопленных и обманным путем узнавали у населения о партизанах, а те, наоборот, переодевались в одежду полицаев и немцев и пробирались в города, даже в сам Львов.

— А вон там, под лесом, гаивка* стояла, — дрожащей рукой указал Якобечко. — Там зимой, в начале 1944 года, появились партизаны. С ними была раненая женщина. Только пришли, как нагрянули немцы и полицаи. Окружили лесничевку**. Дело было безвыходное. Можно было поднимать руки. Но вдруг загремели гранаты, винтовки. И немцы в панике отступили. Офицеры были убиты. Партизаны подобрали оружие врагов и продолжали биться. Теперь уже с карателями, которые лезли, как тараканы. Затем гаивка загорелась. Видно, сумели зажечь ее эти сучьи дети. Сгорела начисто. В ней погибли пятеро. Говорят, четверо мужчин и одна женщина. Да это только по костям можно судить. Те, что остались в живых, скрылись в тех лесах. Затем к ним пришли еще какие-то люди в немецкой военной форме. А вскоре бандиты напали на Ганачив. Сожгли село. Многих забили, а те, кто остался, разбежались кто куда.

— А кто бы мог рассказать об этих людях подробно? — спросил Сапир.

Старики стали советоваться между собой.

* Гаивка — домик лесника (от укр. *гай* — лес (диал.)).

** Лесничевка — домик лесника (разг.).

— Как того паренька звали, что приходил к нам за продуктами? Будто бы Сеня?

— Да, да. Семен. Он из здешних. Но откуда — не знаю. Вот того бы Сеньку сюда, он многое пояснит.

Но для нас кое-что уже прояснилось. Нам стали известны место, примерная дата и обстоятельства гибели Дроздовой и других находившихся вместе с ней в группе, а также и то, что Василий Дроздов с несколькими товарищами остался в живых и организовал здесь новую партизанскую группу. Но главное — это то, что нам удалось узнать: у Дроздова после гибели жены появились люди в немецкой форме. Это могли быть Кузнецов, Каминский и Белов. Мы, думалось, напали на след.

— Теперь следует заняться розыском Сеньки, — предложил Георгий. — Или других лиц, связанных с отрядом Дроздова... Если такой существовал на самом деле.

Вскоре мы побывали и в селе Сывороги, в котором неизвестная группа приняла бой с полицией и эсэсовцами. Жители рассказали, что это произошло в феврале 1944 года и что партизаны, потерпевшие поражение, раскололись в бою на две группы, одна из которых, малочисленная, вместе с тяжело раненной женщиной пересекла Перемышлянское шоссе и скрылась в Ганачивском лесу.

— Да, Сенька теперь главное звено...

Подробности этих событий поручено было узнать Георгию Струтинскому и Василию Багрову, бывшим разведчикам. Они снова навестили Ганачивку. Снова беседовали с Якобечко и Баером и при их помощи нашли еще одного крестьянина, знавшего Сеньку.

— Такого худенького хлопчика, который приходил к нам из леса за картошкой? Помню, помню! — ответил крестьянин. — А вот фамилия-то как? Убей — не помню. — Он призадумался, вдруг посмотрел на крышу соседнего дома, покрытую оцинкованным железом, и воскликнул: — Чиновник! Или нет. Нет — Цин! Честное слово, Цин.

Цин. Семен Цин. Жив ли он?

— После войны он появлялся в нашем селе. Значит, не погиб. А проживает, наверное, во Львове. Там и ищите.

Теперь на Цина возлагались большие надежды.

Георгий и Василий попросили крестьян вспомнить облик Сени. После этого обратились в адресный стол города Львова и получили несколько адресов, по которым значилась такая фамилия. Так мы наконец разыскали нужного человека, Семена Иосифовича Цина. Он подтвердил все то, о чем уже было известно, уточнил даты появления Пауля Зиберга,

Яна Каминского и Ивана Белова в ганачивских лесах — примерно в конце февраля или начале марта 1941 года. О себе Цин сообщил, что в группе Дроздова был недолго и всего знать не может. Впоследствии мы неоднократно встречались с Семеном Иосифовичем, выезжали с ним в те места, где он перенес тяжелые дни гитлеровской оккупации, встретился с группой Василия Дроздова и вместе с ней воевал. Но как-то, возвращаясь во Львов, Цин вспомнил, что в послевоенные годы во Львове он встречал человека, который вместе с ним томился в куровичском лагере, бежал из него, впоследствии находился в отряде Василия Дроздова, а также лично встречался с советскими разведчиками, которые расстреляли Бауэра.

— А как его фамилия? — осведомился я.

— Кажется, его звали Ильей, а фамилии вот никак не вспомню. Ведь это так давно все было. Есть еще, правда, одна деталь, — вспомнил Цин. — Этот человек, встретившись с советскими войсками, ушел с ними, а после войны я встречал его во Львове на костылях.

— А разыскать его сможете? — заговорили мы с Мишей в один голос.

— Постараюсь! — решительно ответил Семен Иосифович.

Я настоятельно попросил Цина:

— Если найдете Илью, немедленно звоните мне — и на работу, и на квартиру в любое время.

Негласное следствие развивалось вглубь и вширь, добывались все новые и новые данные. И спустя неделю-две нам удалось разыскать очевидцев куровичского происшествия. Бывший житель села Куровичи — Ярослав Против, проживающий во Львове, рассказал, что в начале 1944 года, примерно в феврале, он со своими друзьями Андреем и Владимиром в воскресный день вышел на асфальтированную дорогу. В центре села стоял немецкий офицер с металлическим орлом на груди. Они обратили внимание, как фельджандарм жезлом остановил мчавшуюся из Львова легковую автомашину. Потребовал у пассажиров документы и стал к ним присматриваться. Спустя две-три минуты грянуло несколько пистолетных выстрелов, и офицер с бляхой на груди свалился мертвым.

А вскоре в моей квартире раздался телефонный звонок. Говорил Семен Цин.

— Ваше задание выполнил! — докладывал он. — Запишите адрес Ильи: улица Котовского, девять, квартира один. Сам он из Глинян. После освобождения Львовщины ушел на фронт. Был тяжело ранен, и ему ампутировали ногу. Теперь носит протез.

Наконец мы встретились с Ильей. Узнав, с кем имеет дело, он радушно нас принял, и мы проговорили далеко за полночь. Илья сообщил нам главное, что было нужно. И уже на следующий день мы совершили поездку по местам, где действовал отряд Василия Дроздова, — в Ганачивский лес. Мы выбрали малопроезжую грунтовую дорожку, предполагая, что этим путем добирались сюда Николай Кузнецов с Яном Каминским и Иваном Беловым, покинув Львов.

Машина одолела болотистую местность, достигла леса и, словно сквозь тоннель, образовавшийся в густом массиве, поднялась на гору. Здесь мы оставили автомобиль и спустились к месту, где когда-то стояли жилища, в которых находили приют партизаны. Теперь перед нами были груды развалин, поросшие высоким бурьяном, обвалившийся погреб. Несколько уцелевших деревьев — яблони, груши, сливы и небольшой кустик сирени — выглядели точно цветы на могиле.

Илья взволнованно оглядел местность, тяжело вздохнул. Я заметил, как из его уставших глаз покатались слезы, он отвернулся и посмотрел невидящим взглядом куда-то вдаль.

— Здесь, — заговорил он дрожащим голосом, кивнув на высокий бурьян, — стояла хата. У крыльца цвели роскошная сирень, жасмин. А вот эти деревья кормили нас. Бывало, появимся здесь — сейчас же к деревьям. Собираем опавшие краснощекие яблоки, желтые груши. А люди, которые здесь жили, для нас ничего не жалели. Делились последним куском хлеба, укрывали нас. Где они теперь?..

— Успокойся, Илья, это была война. Много народу унесли те годы... — пытался я утешить Илью, хотя у самого на душе было тяжело.

Неподалеку от горы, в лощине, виднелись следы разоренного бандитами фольварка. Громоздились развалины сожженных строений, торчали стволы погибших фруктовых деревьев, высохший искусственный пруд с плакучими ивами по берегам глядел пустой глазницей.

— В этом фольварке францишканов*, — продолжал Илья, — разведчики взяли тогда лошадей, сани и вместе с нашим проводником Эрлихом отправились в сторону Буска и Бродов, ибо туда приближалась линия фронта. Больше о них мне ничего не известно...

Итак, мы установили важный факт: Кузнецов, Каминский и Белов не погибли в Ганачивском лесу, как это предполагалось раньше. После

* Фольварк (*польск.* folwark) — небольшая усадьба, обособленное поселение; францишканы (*польск.*) — от францисканцы; здесь — в значении 'жилище аскетов'.

встречи с Дроздовым они ушли дальше по направлению Буск — Броды. Необходимо было наметить новую программу действий, продвигаться дальше по следу боевых товарищей до неизвестного места их гибели.

Наша четверка собралась снова. Раскинув на столе топографическую карту, на которой были обозначены села, отдельные хутора, магистрали и дороги, лесные массивы, мы провели предполагаемую линию фронта, которая в первой половине марта 1944 года приближалась к городам Броды, Подкамень, Тернополь почти одновременно. Изучая шаг за шагом рельеф местности, лесные массивы в направлении Бродов, мы пришли к мнению, что Николай Кузнецов со своими товарищами мог двигаться лесами, прилегающими к шоссейной магистрали. При этом мы имели в виду, что в группе, которую направлял Медведев подо Львов, находилась жена Дроздова, родители которой проживали неподалеку от асфальтированной дороги в районе Бродов. Об этом было известно Кузнецову, и он мог выйти на эти координаты. Боратин, который расположен в Бродском районе, должен был нас теперь заинтересовать, хотя мы не знали фамилии родителей Евгении Дроздовой.

...В жаркий июньский день, когда заседание исполкома близилось к концу, ко мне подошла секретарь:

— Николай Владимирович, к вам хочет зайти инженер домоуправления Иван Степанович Перейма с неизвестными мужчиной и девушкой.

Я принял их сразу же после заседания. Перейма представил мне сперва краснощеку девушку лет шестнадцати.

— Знакомьтесь, Николай Владимирович. Это дочь Василия Дроздова, Люба. Она проживает в селе, которое вас интересует, — Боратин.

— А Николай Казмирчук — это родственник Любы, — продолжал Перейма, представляя средних лет худощавого мужчину.

— Кстати, вы знаете, где и как погиб Дроздов? — спросил у меня Перейма.

— Нет, о его судьбе нам ничего не известно, — ответил я.

— Так вот, имеются данные, что Василий погиб от рук бандитов именно в этом Боратине.

Это было неожиданное для нас известие.

После этой встречи Иван Степанович Перейма и другие наши следопыты неоднократно выезжали в село Боратин и на прилегающие к нему хутора Сухота, Казмиры, Сталашка. Постепенно в наших руках сосредоточились необходимые сведения. Мы снова собрались на наш небольшой совет. Подытожили, что нам удалось выяснить.

Родители Евгении Дроздовой проживают здесь же, в селе Боратин. Отец, Гаврилишин Максим Игнатьевич, мать, Мария Сидоровна, а также сын с невесткой и старшая дочь.

Березина, о которой упоминал старик, является восточной частью села Боратин. Здесь погибли трое неизвестных, одетых в смешанную одежду — вермахта и штатскую.

— Одна хозяйка начала было за ужином рассказывать об этом случае, — докладывал Перейма, — мол, не немцы то были, только в немецких мундирах... Но муж на нее так поглядел, что она поперхнулась и выронила ложку из рук.

— А где они погибли, эти неизвестные? В хате, сарае или на дворе? — уточнил я.

— Вот этого узнать не удалось, — ответил Перейма, разводя руками.

Было ясно, что неспроста жители Боратина так тщательно скрывают этот случай. Ведь если это были немцы, зачем им таиться?

И снова мы снарядили экспедицию. В этот раз Иван Перейма и Георгий Струтинский, переодевшись в изрядно поношенную одежду, под видом путников побывали в окрестных хуторах, прилегающих к селу Боратин. Они вели непринужденные разговоры с крестьянами, направляя тему разговора в нужное русло. Помаленьку раскрылась история этого села, его жизнь в период гитлеровской оккупации.

Здесь, в Боратине, зарождалось осиное гнездо оуновских* банд.

Когда-то в давние времена в этом селе велись каменные разработки. Люди на своих участках земли добывали известковый камень, продавали его в другие села и тем жили. Село и теперь окружают огромные подземелья, пещеры, соединенные между собой узкими таинственными ходами.

В первые дни гитлеровской оккупации, когда фашисты угоняли сельскую молодежь в Германию на работы, молодые люди укрывались в этих подземельях, а родители снабжали их провиантом. Когда к селу приближались советские войска, в этих катакомбах поселились оуновские бандиты. Убийцы выползали из них с наступлением сумерек, грабили и убивали жителей, ненавидевших гитлеровских оккупантов и их агентов — оуновских бандитов, оставленных здесь фашистами для борьбы с

* ОУН — Организация украинских националистов, которая во время Великой Отечественной войны оказывала поддержку оккупационным войскам; ее боевики проявляли крайнюю жестокость по отношению к пленным бойцам Красной Армии и мирному населению.

наступающей Советской армией. От их рук, вероятно, и погиб Василий Дроздов.

У всех нас сложилось убеждение, что именно в Боратине погиб и Николай Кузнецов с товарищами, где после Ганачива командованием отряда была предусмотрена явка.

— Теперь, Коля, нам следует тщательно изучить это село и его окрестности, в том числе лесные массивы и прилегающие к ним хутора, — предложил Борис Сухенко. — Надеюсь, что кое-что мы здесь узнаем...

Снова туда были отправлены Василий Багров, Георгий Струтинский и Степан Перейма.

Прошло некоторое время, и мы получили сведения, что трое неизвестных, переодетых в разношерстную ферму — немецких военнослужащих и штатскую, погибли в хате Степана Голубовича.

— Бандиты до сих пор держат в страхе село. Поэтому трудно установить подробности. И мне угрожали, — докладывал Перейма. — Разговариваю вечером со старичками в селе, как вдруг подходит мужчина лет сорока, предупреждает: — Не в свое дело лезешь, хлопче. Уходи по добру, поздорову. Иначе худо будет.

— Что ж, это свидетельствует о том, что мы на верном пути, — заключил я. — Едем в Боратин?

Но следовало быть осторожными в этом селе, ибо еще живы были те, кто были причастны к гибели Николая Кузнецова, и они, конечно, могли оказать сопротивление. Для начала мы провели рекогносцировку — присмотрелись к хате Голубовича, проследили, кто в ней бывает из гостей, но ничего подозрительного не обнаружили.

И вот летним солнечным днем 1958 года наша тройка на «Победе» появилась в селе. По договоренности с водителем машина остановилась как раз напротив хаты Голубовича. Водитель поднял капот, стал копаться в моторе. Мы немного посидели в машине, потом вылезли и начали советовать шоферу, как исправить ее. Из соседних хат за нами следили настороженные глаза хозяев, но в хате Голубовича, которая нас интересовала больше других, было спокойно, и никто у ее окон и двери не появлялся.

— Ну что ж, раз так, будем действовать, — прикинул я и, приоткрыв калитку, вошел во дворик, затем в сад и отсюда, облюбовав удобное местечко, громко крикнул товарищам:

— Давайте сюда коврик и харчи! Перекусим. Дорога дальняя.

Друзья притащили коврик, расстелили на траве, загрузили богатой снедью.

Мы закусывали и осматривали хозяйство. Видно, в хате никого не было. Только у канавы под лесом крестьянин косил траву.

— Участок принадлежит этому же хозяину. Значит, это и есть Голубович, — определил Георгий.

— Косарь заметил нас, взглянул исподлобья и, закинув на плечо косу, направился к хате. Тропинка, по которой он шел, пролегала мимо нас.

— Добрый день! — поздоровался он.

Мы хором ответили на его приветствие.

— Наверное, сам хозяин пришел, а мы, непрошенные гости, тут у вас... — начал оправдываться Борис. — Извините, пожалуйста, за самовольство, но так случилось, машина забарахлила, и мы решили, пока шофер там возится, перекусить.

— Ничего, пожалуйста, отдыхайте, — сторонясь, произнес хозяин.

— Может, и вы с нами перекусите. Подсаживайтесь, — Борис Сухенко налил вина в граненый стакан. — С устатку, ведь косить — дело нелегкое.

— Ну что вы, я не пью, да еще такую, — отказывался хозяин. И все же не устоял. Чокнулся с нами поочередно, приложился к объемистой посудине, залпом выпил.

— Из уважения к вам как к гостям, — сказал он, присаживаясь рядом.

— К непрошеным гостям, — поправил Георгий.

— Это не играет роли, прошеным или нет. Раз вы у меня, значит, гости. К тому же, со своей закуской, — неловко пробормотал хозяин.

— А теперь давайте познакомимся, — предложил я. — Мы из Львова, присматриваемся, где лучше урожай овощей, фруктов. Скоро ведь заготовками заниматься... А звать-то вас как?

— Меня? Степан Голубович.

Хозяин приглядывался к нам, пытаясь понять, с кем имеет дело.

— Степан Васильевич, — добродушно добавил я. — Мы знаем вас. Нам рассказывали, как тут у вас хозяйничали немцы. Как столкнулись с бандитами. В вашей хате. А теперь вы бригадиром в колхозе работаете.

Мы внимательно наблюдали за Голубовичем и видели, как его глаза обеспокоенно забегали, словно ища выхода. Он был застигнут врасплох.

Наконец поняв, что имеет дело с людьми осведомленными, ответил, нащупывая твердую почву:

— Я вижу, вам все известно. Но все же хотелось бы знать, что вам нужно теперь от меня?

— Вовсе ничего, Степан Васильевич, и мы очень признательны вам за то, что вы из сада своего нас не попросили, — объяснил я.

Голубович повеселел, поднялся на ноги, ушел в сарай, откуда тут же принес в поле пиджака сочных яблок и груш, высыпал их на коврик и пригласил угощаться.

Теперь беседа велась о сельском хозяйстве, о положении дел в колхозе, о бригаде, возглавляемой им же, Голубовичем, и он, успокоившись, объяснял нам, отвечал на вопросы. Налили еще по одной. Борис Сухенко, обращаясь ко мне, наивно спросил:

— А что же произошло тут, в этой хате?

— Чего ты меня спрашиваешь? Вот хозяин, — кивнул я на Голубовича. — Пусть он и расскажет. Я тоже послушаю. Ведь посторонние могут сказать разное.

— На самом деле, Степан Васильевич, — продолжал Борис. — Расскажите, пожалуйста, как это случилось?..

Голубович говорил неохотно, сбивчиво, и рассказ получился совсем кратким.

Да, был такой случай. В марте, что ли, точно не помнит. Зашли в хату двое в немецкой форме. Один офицер. Потом прибежали бандиты. Завязалась ссора. Дошло дело до оружия. Но что было дальше, ему, Голубовичу, неизвестно. Так как убежал из дому от страха. А утром вообще выехал из этого села вместе с семьей.

Голубович явно запирался, но у нас не было никакого права учинить ему допрос. Приходилось ограничиваться праздным любопытством.

— Любопытно, из-за чего же они схватились, — заметил я. — Ведь немцы с бандитами всегда ладили.

— Кто его знает, — Голубович пожал плечами. — Одно кровавое дело творили, верно. Но тут подступали наши. Может, бандиты решили обелить себя как-то перед Советской властью.

— Что же, вполне логично.

— Интересно, что это был за немецкий офицер. Зачем он здесь оказался, — протянул Сухенко.

— А кто его знает. Мне ничего не известно. Боясь издевательств немцев, я с семьей бежал из дому, — повторил Голубович.

Продолжать беседу не имело смысла. Шоферу был дан знак, и он доложил:

— Машина исправлена. Можно ехать...

Возвратившись во Львов, я направил авиапочтой письмо в Куйбышев с подробным докладом об этом визите. А спустя несколько дней состоялся мой разговор с Виктором Васильевичем Кочетковым.

— Николай! Дорогой! — донесся обрадованный голос с далекой Волги. — Советую тебе немедленно обратиться в государственные органы. Теперь в ваших руках неопровержимые факты. Остается сделать решающий шаг...

Мы обдумали предложение Кочеткова, подготовили нужный документ и передали в управление Комитета государственной безопасности полковнику Владимиру Григорьевичу Шевченко.

В указанном заявлении я кратко изложил известные мне факты и далее написал: «...Меня как бывшего партизана весь послевоенный период мучает то, что до сего времени мы не сумели установить обстоятельств гибели своих боевых товарищей, несмотря на то, что я предпринимал все возможные меры». Далее мы просили поручить расследование этого важного дела опытному оперативному работнику, который может получить от нас возможную помощь и консультации.

Ознакомившись с письмом, Владимир Григорьевич одобрил его и обещал оказать посильную помощь.

Но случилось непредвиденное. Как раз в эти дни, когда можно было развернуть расследование, волей всевозможных интриг я оказался за пределами Львовщины — в городе Бердичеве, на Житомирщине. Дело приостановилось. Уезжая, я оставил жене папку, в которой сосредоточивались все добытые нами сведения, со строгим наказом заносить сюда все, что касается розысков Н. И. Кузнецова, и извещать меня.

И вскоре Зина сообщила мне первую новость. Во Львове ходят упорные слухи о том, что Николай Кузнецов не погиб, а жив-здоров и в настоящее время находится где-то за границей. А немного спустя мы узнали от своих ровенских товарищей, что по довоенному месту проживания Вали Довгер, в Клесовский район, во второй половине 1958 года поступило два письма на ее имя якобы от Николая Ивановича, который извинялся перед ней за все прошлое и докладывал, что он в настоящее время находится в каких-то лагерях, но не теряет надежды освободиться и рассчитывает на скорую встречу с ней.

Цель всего этого была очевидна: первое — опорочить имя героя, и второе — заставить прекратить его поиски. Но было понятно и третье — если враждебные элементы предприняли такие меры, то это еще раз подтверждает, что мы идем верным путем. Враг мечется, пытается сбить нас с толку, ввести в заблуждение, помешать розыску.

Я немедленно проинформировал обо всем В. В. Кочеткова, который в ответ написал: «...Дорогой Коля, поздравляю тебя и друзей с успехом. В нем я не сомневался. Теперь, когда враг решился на такой шантаж, пытаюсь отвлечь вас, сбить с верного пути, значит, вы ударили по цели, задели пока что невидимого противника. В этом же направлении и продолжайте поиск. Желаю полной победы. Ваш В. Кочетков».

И еще Виктор Васильевич посоветовал попытаться разыскать брата и сестру Кузнецова. Их участие могло стать весьма положительным фактором.

Да, это было бы хорошо. Но где их разыскивать? По месту рождения — в Зырянке — они не проживают, и их адреса там неизвестны. Живы ли они вообще?

Есть поговорка в народе: «На ловца и зверь бежит». Так случилось и у нас. Как-то во второй половине 1958 года, перед моим отъездом в Бердичев, на квартиру зашел худощавый высокий мужчина. Это был Олег Чеповский, состоявший в Лунской подпольной организации, которую я в то время возглавлял. Олег тогда носил вымышленную фамилию Харченко. Теперь он проживает в городе Уфе. И когда между нами зашел разговор о расследовании обстоятельств гибели Николая Кузнецова, Олег неожиданно сообщил, что родная сестра героя, Лидия Ивановна Брюханова, тоже живет в Уфе, и он, Олег, знаком с ней.

Зная, что Олег иногда не прочь пошутить, я первоначально не поверил. Такое совпадение! Но это было именно так. Мы списались с Лидией Ивановной, а через нее узнали адрес брата — Виктора Ивановича Кузнецова, проживавшего в городе Свердловске, и второй сестры — Агафьи Ивановны, проживавшей в Тюмени.

Эти люди, самые близкие Николаю Ивановичу, были нам очень нужны. Ведь когда будут найдены останки героя — в чем мы не сомневались — необходимо будет официальным путем, через следственные и другие государственные органы получить от родственников и близких подробнейшие данные о приметах и возрасте погибших — Николая Ивановича Кузнецова, Ивана Белова и Яна Каминского.

И вдруг мне вручили телеграмму из Свердловска: «12 марта буду в Бердичеве, прошу сообщить Ваши возможности, Виктор Кузнецов». А на другой день в кабинет вошел человек, очень напоминающий лицом Николая Кузнецова.

— Вы очень похожи! — невольно воскликнул я.

Мы крепко обнялись и расцеловались, точно родные братья, несмотря на то, что встретились мы впервые в жизни. Виктор Иванович

напомнил мне дорогие черты Николая Кузнецова, боевого соратника, с которым рука об руку я провел опасные и тяжелые для Родины годы в глубоком тылу врага. И в поведении, в манерах между братьями было много общего. Та же скромность, разговор с расстановкой, обдуманность каждого слова, серьезность, уравновешенность.

Это была долгая и взволнованная беседа двух людей, которые знали человека, ушедшего от них навсегда, знали его подвиги, любили его за большое мужество, за безграничную любовь к Родине, человека, который отдал себя без остатка во имя ее свободы и независимости!

С того памятного дня между нами установилась искренняя, теплая дружба.

Дела наши по розыску между тем продвигались не так скоро, как бы того хотелось. Товарищи Баженов, Дзюба и Рубцов, которые теперь занимались расследованием, встречали на своем пути много трудностей. И это естественно, ведь им приходилось все изучать заново. Вместе с ними по-прежнему вели поиски Борис Сухенко, Николай Гнидюк, брат Георгий и другие.

Как мне хотелось вместе с боевыми друзьями целиком отдаться этой сложной работе, чтобы завершить ее! И наконец такая возможность представилась. Меня перевели во львовское управление и поручили возглавить группу чекистов по расследованию обстоятельств гибели Николая Ивановича Кузнецова, Яна Каминского, Ивана Белова.

Так начался новый этап поиска. Расследование велось по нескольким направлениям одновременно. Изучались архивы следственных дел, устанавливались очевидцы и участники этих событий.

Зная о том, что в районе Бродов, неподалеку от села Боратин, Советской армией была разгромлена дивизия СС «Галичина», созданная немцами из сброда предателей, мы приняли следующее решение: первое — установить участников этой дивизии, которые в период разгрома или раньше ушли в оуновскую банду и свирепствовали на территории Подкаменского, Паниковецкого и Бродовского районов; второе — определить бандбоекки*, их главарей и участников, действовавших при переходе линии фронта в этих районах, установить фамилии, имена, клички. Всех преступников разделить на убитых советскими войсками, самими бандитами, ушедших с немцами и пропавших без вести, осужденных и находящихся в заключении, осужденных, а затем амнистированных советским правительством, и, наконец, тех, которые порвали связь с

* Бандбоекки — вооруженные бандитские группы (*прост.*).

бандами и, выйдя с повинной, перешли на сторону Советской власти, оказывая активную помощь в ликвидации оставшихся банд.

Это была трудоемкая работа. Бывали случаи, когда на розыск одного человека затрачивалось более месяца, а когда выяснялось, что он проживает за пределами области, появлялись новые трудности: как же с ним связаться? Вопросы решались по-разному — одних свидетелей вызывали во Львов, к другим посылались соответствующие работники.

Лишь путем упорного и последовательного труда территория, на которой велись расследования, сужалась с каждым днем. Теперь поиски велись в одном селе — Боратине и его окрестностях, а преступников, принимавших участие в этом злодеянии, устанавливали на соседних хуторах (Сталашка, Сухота, Казьмиры, Лисовики), в селах (Черница, Суходолы, Суховолье, Гаи Старобродские), в городах Броды и Львов.

Наряду с тем мы принимали меры по розыску родителей и близких родственников погибших партизан, в том числе Василия Дроздова и Ивана Белова. Общими усилиями нам удалось разыскать мать Василия Дроздова. Ею оказалась Елена Тихоновна Царева, проживавшая в селе Вешки Знаменского района Смоленской области. Она состояла на иждивении родственников, лишь после выдачи ей соответствующих документов о подвиге и гибели сына ей назначили пенсию. Также нами было найдено личное дело Ивана Белова, по которому нам удалось установить адрес довоенного жительства его матери и сестры. Мать Белова, Мария Осиповна, и сестра, Раиса Васильевна Рущенко, проживали в городе Грозном, по улице Тбилисской, в доме № 139.

На этот адрес и была отправлена мною первая весточка. Ответа я ожидал с нетерпением. По нескольку раз в день проверял домашний ящик для писем. Но ответа из Грозного не было.

— Видимо, никого в живых не осталось, — предполагали мы, как вдруг однажды, когда я пришел домой на обед, жена объявила:

— Твое долгожданное пришло!

Письмо читали коллективно.

...Здравствуйте, дорогой друг, товарищ, Николай Владимирович!.. Письмо Ваше, адресованное Белову Василию Тимофеевичу, получила я, за которое очень благодарю Вас. Спасибо за внимание и настоящую большую дружбу с моим сыном Иваном Васильевичем Беловым...

Мне как матери вручили его награду — орден Отечественной войны 1-й степени. Я как мать погибшего сына получаю пенсию, муж мой Василий Тимофеевич Белов умер в 1945 году в марте месяце, и я сейчас живу с дочерью и зятем.

Уважаемый Николай Владимирович, прошу вас, опишите о моем сыне все, что вы помните: когда он погиб, в каком месте?

Сентябрь, 1959 год, г. Грозный.

С того времени между мной, матерью и сестрой Вани Белова установилась переписка, в которой мы сообщали друг другу все, что нам было известно об их погибшем сыне и брате.

Как было установлено, Иван Васильевич Белов указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года был награжден орденом Отечественной войны первой степени, который и был вручен на хранение его матери Марии Осиповне.

Одновременно нами были подняты немецкие архивные материалы, подтверждающие гибель советских разведчиков — Николая Кузнецова, Ивана Белова и Яна Каминского.

Начальник полиции безопасности и СД по Галицкому округу штандартенфюрер СС и старший советник юстиции доктор Витиска в своей телеграмме-молнии в Берлин на имя начальника Главного управления имперской безопасности СС группенфюрера (генерал-лейтенанта) Мюллера описывал гибель советских разведчиков следующим образом:

При встрече 1 апреля 1944 года украинский делегат сообщил, что одно подразделение УПА* 2 марта 1944 года задержало в лесу вблизи Белгородки, в районе Вербы (Волынь), трех советско-русских шпионов.

УПА удостоверило личность трех арестованных, как следует ниже:

1. Руководитель группы, под кличкой «Пух», имел фальшивые документы старшего лейтенанта германской армии, родился якобы в Кенигсберге. На удостоверении была фотокарточка «Пуха». Он был в форме немецкого старшего лейтенанта.

2. Поляк Ян Каминский.

3. Стрелок Иван Власовец, под кличкой Белов, шофер «Пуха».

Все арестованные советско-русские агенты имели фальшивые документы, богатый материал, карты, немецкие и польские газеты, среди них львовская газета, и отчет об агентурной деятельности.

Судя по этому отчету, составленному лично «Пухом» и его сообщниками, в районе Львова были совершены следующие террористические акты:

После выполнения задания в Ровно «Пух» направился во Львов и получил квартиру у одного поляка. Затем «Пуху» удалось проникнуть на

* УПА — Украинская повстанческая армия (вооруженные формирования ОУН).

собрание, где было совещание высших представителей власти в Галиции под руководством губернатора доктора Вехтера.

«Пух» был намерен застрелить при этих обстоятельствах губернатора доктора Вехтера. Из-за строгих предварительных мероприятий гестапо этот план не удался, и вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и секретарь последнего доктор Шнайдер. Оба немецких государственных деятеля были застрелены недалеко от их частной квартиры. В отчете «Пука» по этому поводу дано описание акта убийства до мельчайших подробностей.

После свершения акта «Пух» и его сообщники в районе Золочева, Луцка и Киверец нашли убежище у скрывавшихся евреев, от которых получили карты и газеты, среди них и львовскую газету, где был помещен некролог о докторе Бауэре и докторе Шнайдере.

Речь идет, несомненно, о советско-русском террористе Пауле Зиберте, который в Ровно похитил среди прочих и генерала Ильгена, в Галицынском округе расстрелял подполковника авиации Петерса, одного старшего ефрейтора авиации, вице-губернатора доктора Бауэра и его президиал-шефа Шнайдера, а также майора полевой жандармерии Кантера.

Имеющиеся в отчете агента «Пука» подробности о местах и времени совершенных актов, о захваченных боеприпасах и т. д. кажутся точными. К тому же от боевой группы Прюцмана поступило сообщение о том, что Пауль Зиберт и его оба сообщника были найдены на Волыни расстрелянными.

Группой расследования этот документ, исходящий от самого начальника СД Галицкого округа Витиски, был подвергнут тщательному изучению и анализу. Мы стремились найти ответ на два вопроса по документу: с какой целью шеф СД Витиска дезинформировал Мюллера в том, что «Пух» со своими соучастниками нашел укрытие у евреев, скрывающихся в лесах в районе Луцка и Киверец на Волыни, тогда как отлично знал, что это имело место на территории Львовского дистрикта*; почему в данной телеграмме Мюллеру Витиска утверждает, что «Пух» убит неподалеку от села Белгородки в районе Вербы (Волынь).

Первое разгадывалось просто: Витиска, отвечавший за безопасность Львовского округа, показал наличие вооруженных еврейских групп на чужой территории, которая входила в компетенцию шефа СД Волыни и Подолии доктора Карла Пютца. Таким образом трусливый фашист уходил от ответственности перед Берлином, понимая, что в момент подписания данной телеграммы территория, о которой шла речь, давно освобождена

* Дистрикт — административно-территориальная единица в России в составе провинции, введенная в 1719 году в ходе областной реформы Петра I.

советскими войсками, а в районе Вербы — Белгородки ведутся бои. Так что проверить рапорт группенфюрера Берлину было почти невозможно. К тому же Витиска ссылался на данные группенфюрера СС Прюцмана — уполномоченного Берлина на той территории, уже списавшего со счета Пауля Зиберта как действующего советского разведчика в тылу гитлеровских войск, о чем им было доложено в Берлин.

Однако и этот факт подлежал проверке. В названный район был командирован Иван Ильич Дзюба, которому при помощи работников Дубновского райотдела Комитета государственной безопасности товарищей Кравца и Ярового удалось выявить несколько бывших бандитов, действовавших в тот период в районе сел Птыча, Великая Мильча, Белгородки. От них были получены сведения о том, что примерно в середине февраля 1944 года бандбоекка в ночное время столкнулась у Белгородки с отрядом советских партизан. В завязавшейся перестрелке банда потеряла убитыми три человека. Эти трое дезертировали из дивизии СС «Галичина» и были одеты в форму военнослужащих немецкой армии. Было установлено, что они похоронены на кладбище села Великая Мильча и что при погребении присутствовал священник. Отыскался и священник. Им оказался Иван Семенович Ворона, служивший в церкви села Птыча. В беседе с Дзюбой он и посвятил нас в подробности:

— Ночью приехали за мной вооруженные люди. Тогда расспросами запрещалось заниматься, и я повиновался, совершенно не зная, куда меня везут. Меня доставили на кладбище села Великая Мильча. Здесь уже было несколько, видимо, местных крестьян, а у свежевырытой могилы стояло три гроба с покойниками в форме немецких военнослужащих. Я произвел положенный обряд, и они были погребены.

От жителей села Великая Мильча нам стало известно, что на могилу в послевоенные годы приходили женщины из соседних сел, оплакивали погибших, но кто были эти женщины и где они проживают, никто не мог сказать. Таким образом, все свидетельствовало о том, что оуновские главари дезинформировали своего шефа Витиску и умышленно вместо Боратина указали Белгородку — Вербу? Их можно было понять: чуяли, что час расплаты близок, и заматали следы.

...Наконец, мы пришли туда, где, по данным следствия, должны были быть захоронены останки Николая Кузнецова, погибшего в хате Голубовича. Площадь, которую пришлось нам исследовать буквально по метру, занимала около двух гектаров. И лишь после долгого упорного труда нам удалось определить предполагаемое место захоронения на площади примерно до десяти квадратных метров. На этих десяти квадратах

густо зеленела молодая поросль, сплетались травы, так что никаких признаков могилы не было и в помине.

Иван Дзюба и Михаил Рубцов с недоверием поглядывали на щуплого человека, который привел нас на это место. Но тот твердо стоял на своем.

Еще и еще раз мы осмотрели место, прозванное урочищем Кутыки Рябого, и не могли отвязаться от одной и той же мысли: почему захоронили Кузнецова на насыпи, над канавой, а не в самой канаве? Ведь это было девятого марта. Тогда здесь лежал снег, стояли морозы. Проще было закопать тело в канаве. Зачем бы бандитам рубить мерзлую землю на насыпи?

Нет, здесь что-то не так... Как бы эти «друзья» не направили нас по ложному следу. Это они пытались делать не раз, прибегая к самым различным уловкам. Достаточно вспомнить пущенный ими слух о письме Николая Ивановича, и само письмо, наконец попавшее в наши руки. Оно оказалось грубой, почти безграмотной подделкой. Вот оно.

Здравствуй Валя! С горячим и долгим молчанием к тебе твой, верный друг Коля. Валя, сколько мы пережили, родимая. Я вспоминаю, как будто это происходило недавно, родная Валя, я жив. здоров, пришлось побывать везде, Валя, и в последствии ты все узнаешь, но сам не знаю, ты жива или нет... этим я ничего не пишу. Они меня считают погибшим, но этот покойник, родился на свет, как золотая звезда. Валя, я виноват во всем. О, я сильно подвинулся в жизни, родная, попал в тяжелое положение, но об этом никто не знает вообще... Документы наши пропали, но я остался жив и попал в лагерь, откуда бежал, меня обратно в лагерь отправили во Францию, я оттуда бежал, но заболел тифом, чуть не пропал, но меня подобрала одна женщина и отходила, и я остался жив... Во Львове меня брали два раза и отпускали... Валя, прочитай эту книгу*, смешно, родная. Пиши мне все подробно, буду очень рад. До свидания, крепко целую, все твой Н. И. Кузнецов. 10.XI.1958 года**.

Мы сличили почерк письма с почерком Николая Кузнецова и, конечно, не обнаружили никакого сходства. Это была грубая провокация, грязная фальшивка. Но она все же сыграла отрицательную роль в деле розысков, отняла время на расследование.

* Имеется в виду книга «Сильные духом» Д. Медведева, командира партизанского отряда. — Н. С.

** Документ приводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Наконец, последняя провокация. Когда следственные мероприятия привели нас в село Боратин и, в частности, к месту захоронения останков Кузнецова в урочище Кутыки Рябого, и мы с Дзюбой и Рубцовым приступили к обследованию местности, в селе был пущен слух о том, что якобы одна женщина лично видела, как ранней весной 1944 года с советского самолета был убит за селом немецкий офицер, и это он похоронен в том месте, которое мы обследуем.

Сигнал этот, понятно, потребовал тщательной проверки. На это нами было затрачено более двух недель, но версия не подтвердилась. Мы понимали, что нас постоянно пытаются увести в сторону, направить действия по ложному следу.

И теперь, на завершающем этапе расследования, было бы убийственно попасться на удочку врага. Ведь если раскопаем могилу, а в ней окажется совсем другой человек, какой козырь получит враг! Тогда следствие будет приостановлено на неопределенное время, да и возобновится ли?

Как ни велико было наше нетерпение, мы решили отложить раскопки, чтобы еще раз изучить сведения, сопоставить факты, поговорить со свидетелями.

...Снова втроем — Рубцов, Дзюба и я — мы прибыли в урочище Кутыки Рябого. На этот раз мы обратили внимание на траншеи и блиндажи, едва различимые в зарослях и обвалах. Начали наводить справки. Выяснилось, что здесь пролегал второй эшелон обороны гитлеровских войск и что его сооруджали во второй половине марта 1944 года, то есть сразу же после событий в хате Голубовича.

Траншеи начинались в десяти-двадцати метрах от предполагаемого места захоронения. Поэтому нам пришлось еще дополнительно выяснить, когда пришли сюда немецкие войска, кто из населения привлекался на работы по строительству оборонительных сооружений. Все эти вопросы сводились к одному: почему могила советского разведчика оказалась на возвышенном месте? Нам казалось, что именно со строительством этих траншей связана тайна захоронения Н. И. Кузнецова. И мы не ошиблись...

Так шаг за шагом почти десять лет мы продвигались по следам героев. Перед нами вставали отдаленные временем годы, годы тяжких испытаний и беспримерного мужества советских людей. Мы прошли путь подвига, которым до последнего своего дыхания следовал легендарный советский разведчик Николай Иванович Кузнецов. О последних боях его и товарищей по оружию я попытаюсь рассказать теперь.

Часть 2

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

...Утро вставало хмурое и морозное. Солнце закрывали низко плывшие над землей снежные облака. Резкий северный ветер, крутясь между уцелевшими хатами хутора Тростянец, срывал с крыш вихорьки мелкого снега и уносил его на росший недалеко старый лес, на видневшиеся вдаль поля.

— Неважная погода, Николай Иванович, — озабоченно проговорил Лавров, секретарь партийной организации отряда, стоявшему рядом Кузнецову, одетому в серо-зеленую форму гауптмана вермахта. — Третий день ветер... Какие сугробы намело. Тяжело вам будет пробираться...

— Проедем, Александр Семенович. Машина у нас надежная, — уверенно ответил Кузнецов. И снова его задумчивый взор устремился в даль, беспокойную и смутную от вихрящегося снега. О чем думал он в это морозное январское утро 1944 года? Возможно, вспомнились первые годы войны, когда украинская земля стонала под сапогом фашистских палачей и взывала к мести. 19 октября 1942 года состоялась его первая встреча с гитлеровцами, и этот день, этот час навсегда врезались в память.

Это было у села Белая Криница. Фашистские орды катили по автостраде Ровно — Киев, самодовольные и уверенные в своих успехах. А по обочине тянулась колонна пленных советских бойцов. Они шли босиком, падали от голода и усталости. Их конвоировали юнцы из фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд», такие же самодовольные палачи, как и те, что катили мимо на восток. Кузнецов запомнил, как пожилой боец, шедший из последних сил, рухнул на шоссе. Попытался подняться, но не смог. Дрожащей рукой он вытащил фотокарточку и, показывая ее подбежавшему юнцу с автоматом, безнадежно произнес:

— Трое детишек.

Фашист вскинул автомат и ударил короткой очередью в лицо.

Разве можно забыть или простить палачам их зверства?! И вот теперь надвигалось возмездие. Советские войска уже подступали к Ровно — городу, в котором около двух лет работал советский разведчик, нагоняя страх на фашистских главарей. Скоро ему снова предстоит лицом к лицу встретиться с ними. Только теперь уже во Львове, куда стягивались потрепанные силы противника.

Оторвавшись от своих мыслей, Кузнецов снял фуражку, отряхнул снег и твердым взглядом оглядел стоявших возле него партизан.

— Товарищи! Боевые друзья! Вместе с вами мы прошли нелегкий путь. И вот сегодня расстаемся у этого затерявшегося на Волыни хутора, — сказал он, и голос его осекся. — Но мы расстаемся ненадолго...

Кузнецов быстро овладел собой, продолжал уже спокойно.

— Я всегда буду помнить время, которое мы провели вместе, вашу дружескую поддержку. Никогда не забуду и того, что вместе пережили и видели: дым пожаров наших городов и сел, кровь и слезы нашего народа, гибель товарищей по оружию и тех, кого зверски замучили в застенках гестапо. И пока в моей груди теплится жизнь и бьется сердце, я, как и вы, буду уничтожать гитлеровцев везде, где только возможно, пока последний из них не оставит советскую землю!..

Настала минута прощания. Александр Лавров, Борис Сухенко, Николай Бондарчук, Владимир Ступин и Жорж Струтинский крепко обнимали товарищей, уходивших на новые подвиги в тыл врага. Их было трое — Николай Кузнецов, Ян Каминский, Иван Белов.

...Последние рукопожатия, пожелания. Партизаны еще некоторое время видели, как Кузнецов из приоткрытой дверцы кабины махал им на прощание рукой. Они дружно отвечали, подбрасывали вверх шапки с нашитыми на них красными лентами. Еще немного — и серого цвета «фиат» скрылся за снежной завесой...

— Уехал, — с грустью проговорил Сухенко и тут же как всегда властно приказал: — По коням!

Серый «фиат» быстро бежал проселком, пустынным, давно не езженным. Безжизненно было вокруг — разрушенные спаленные хаты, выжженные сады и поля. Каратели здесь особенно усердствовали, стремясь вытравить партизанский дух, которым, казалось, была пропитана сама земля. Зря старались, господа фрицы и их прихвостни-националисты, — он пережил хваленый арийский дух! Кузнецов мимолетно улыбнулся, снова погрузился в размышления.

Вся его деятельность и жизнь в глубоком тылу врага была связана с партизанами. У них он прошел боевую школу, получил боевое крещение, испытал горечь первой неудачи.

— Пожалуй, и все, кого я приглашал, — сказал тогда Медведев. — Прежде чем отправиться на выполнение задания, хочу напомнить вам о бдительности и строжайшей дисциплине. Были случаи, когда наши товарищи, находясь за пределами отряда, допускали вольности и ставили

себя в крайне опасное положение. Всякое недостойное поведение будет впредь строго караться.

Медведев помолчал, словно ожидая вопроса, затем продолжил:

— Я разделяю вашу ненависть к врагу. Варвары вторглись на землю нашей Родины, как орды гуннов. Они грабят ее и льют кровь советских людей. Угоняют на каторгу молодежь. Убивают стариков, женщин и детей. Фашисты заслужили страшную месть. Но я строжайше приказываю не искать стычек с врагом и, если возможно, обходить его. У нас пока другие задачи, придет время и для боя.

Командир отряда коротко обрисовал обстановку на фронтах, более подробно остановился на положении здесь, в глубоком тылу врага, затем сказал:

— На мой взгляд, ваша группа по своему составу вполне подходит для выполнения намеченного задания. Среди вас есть русские, украинцы, казах и даже испанец. Группу сегодня возглавит, — Медведев посмотрел на Кузнецова, — Грачев Николай Васильевич. Не все вы его знаете, но его распоряжения — закон, и выполняться должны безоговорочно и точно. Боевое снаряжение получите у командиров подразделений. Расположение отряда покидаете с наступлением сумерек. У кого есть вопросы? Все ясно?

— Ясно, товарищ командир, — ответил за всех Кузнецов.

— Тогда готовьтесь. А вы, товарищ Грачев, останьтесь на минутку, — приказал Медведев.

Разговор наедине был все тот же — о задании.

В указанное время и место явились шестеро. Затем сюда же в сопровождении Кузнецова подошел и командир отряда. Он прошелся перед группой, стоявшей в шеренге с отечественными автоматами «ППШ» на груди, остановился около Жоржа Струтинского, разглядывая его тяжелый пулемет.

— А как твой, танковый, не подведет? — спросил Медведев.

— Надеюсь как на самого себя, товарищ командир, — уверенно отвечал Жорж.

— Хорошо!

— А как ты, Абдраимов, не скучаешь по Казахстану? — спросил Медведев стоявшего рядом со Струтинским Дарпека.

— Мало-мало скучаю, товарищ командир, — смущенно ответил Абдраимов.

— Скучать по родной земле воину не грешно. А ты настоящий воин. Мы с тобой в брянских лесах партизанили. И линию фронта переходили

к Москве. Теперь снова в глубоком тылу врага, — с отеческой теплотой говорил Медведев.

Сентябрьский день уходил тихой зарей. Вокруг еще слышались разноголосые птичьи хороводы, на старой сосне без устали трудился лесной кузнец — дятел, а над лесом темновато-сизой пеленой опускались легкие сумерки.

Партизаны, вытянувшись цепочкой, покидали расположение отряда. Мягкий шорох листьев под осторожными шагами, свежий лесной воздух, пахнувший грибами, ягодами и смолистой сосной, сопровождали эту маленькую группу. И земля, попранная фашистскими захватчиками, была еще роднее, дороже и ближе. За ее свободу и независимость боролись и сын солнечного Казахстана Дарпек Абдраимов, и патриот Испании Артуньо...

Шли молча. Дарпек шел впереди группы. Уроженец степей, он обладал исключительным зрением и наблюдательностью. Даже без бинокля, простым глазом мог обнаружить движущиеся мишени, которых другие партизаны, находившиеся рядом с ним, не замечали. Он зорко глядел по сторонам, просматривал на ходу лесные полянки, удалявшиеся узенькой лентой просеки, лес. Он улавливал любой шорох, различал ямы, заросшие мхом и осокой, валежник, то замедлял, то ускорял шаг. Благодаря его необыкновенному чутью группа двигалась относительно быстро, без помех.

Вокруг было тихо. Вдруг Дарпек подал сигнал. Когда группа остановилась, жестом руки приказал лечь. И лишь теперь, припав к земле, партизаны расслышали глухое тарахтение колес и людской говор. А позже увидели, как невдалеке, пересекая их маршрут, двигались песчаным большаком подводы с вооруженными людьми.

— Полицай, — определил Кузнецов. — На этот раз уйдут от расплаты.

Тьма окутала полесский край, затих стук колес, и партизаны снова двинулись своей дорогой. Наконец достигли полотна железной дороги Рокитно — Сарны. Залегли. Промчался грузовой состав на восток. Вдоль насыпи прошла вооруженная винтовками охрана.

— Пора, — шепотом приказал Кузнецов. Снова тихо двинулись вперед. Очутившись по другую сторону насыпи, вышли на дорогу.

— При-ва-а-ал... — тихо передалось по цепочке. Партизаны свернули в кустарник. Кузнецов объяснил задачу:

— В селе Клесово проживает учительница. Она должна посетить город Ровно и возвратиться сегодня. Я должен встретиться с ней, — и, предупреждая возможные вопросы, сообщил план операции:

— Струтинский с Дарпеком блокируют центральную улицу. У них пулемет. Кто знает, как нас примут. Возможно, вместо учительницы встретят немцы. Тогда с началом перестрелки они кинут подкрепление с центра. Ваша задача — прикрыть нас. После выполнения задания будем отходить к вам. Соединившись, отступим к лесу. Со мной идут Артуньо, Мачерет и Нечипорук. Ясно?

— Ясно! — ответили шепотом.

— Отступать только по команде моей или Нечипорука, — дополнил Кузнецов.

Вскоре партизаны вошли в село, объятое тьмой и тишиной. В хате, где жила учительница, было темно. На двери висел замок.

— Значит, учительница куда-то скрылась.

Спустя полчаса Кузнецов с товарищами возвратился к Дарпеку и Жоржу. Обстановка осложнилась. Куда же девалась учительница? Что с ней? Это имело огромное значение для дальнейшей работы разведчика. Необходимо было выяснить хоть что-то о ее судьбе. Выбор пал на Жоржа, и он, получив краткий инструктаж, скрылся в темноте. Грачев и Артуньо, находившиеся в прикрытии Жоржа, слышали, как он настойчиво стучал в окно соседней хаты. Наконец скрипнула дверь, и на пороге появился хозяин в одном белье. Жорж, представившись дальним родственником учительницы, прибывшим из Ровно, хорошо разыграл удивление тем, что ее нет дома. Хозяин сказал, что соседка днем возвратилась из города — не то из Сарн, не то из Ровно, была почему-то взволнованной, затем наспех собрала часть вещей в чемоданы, погрузила в подоспевшую повозку и под вечер укатила. Куда и по какой причине она уехала, объяснить сосед не мог.

— Прошу вас, передайте ей, когда она возвратится, что был Жорж из Ровно. Извините, что побеспокоил.

— Ох, как она будет жалеть, — участливо сказал хозяин, стремясь поскорее уйти в хату.

— Ничего. Скажите, что я скоро снова наведуся. Буду в Клесово проездом.

— Струсил или предала? — старался понять Кузнецов. — Если предала, была бы засада в хате. Значит, испугалась. Побоялась работать с нами. Сбежала в город Сарны, там у нее родные. Ну что же, вольному воля.

Перекликнулись в крайних дворах петухи. Один, второй, а вскоре и целый хор кочетов гремел на всю округу. В темно-синем небе еще мерцали звезды, а на востоке просыпался рассвет.

— Поспешим, товарищи, — подал команду Кузнецов, — до рассвета надо пересечь железную дорогу.

Уставшие, омраченные неудачей, партизаны возвращались в отряд. Шли напрямик, через болота и кустарники. Дарпек и Жорж натерли ноги разбитой обувью и теперь пробирались босиком.

Наконец оказались в знакомых местах. Дремучим лесом прошли к большой поляне, на которой месяц назад принимали из Москвы транспортный самолет. Самолет был поврежден при посадке, так и остался стоять в кустарнике на краю поляны. У самой опушки Кузнецов командовал короткий привал и, выбрав поудобнее место, прилег. Его примеру последовали остальные. Солнце катилось к закату. Вокруг стояла тишина. Казалось, кроме них во всем лесу нет живой души. Приказ командира о бдительности был нарушен: Артуньо, приступив дневалить, также прилег.

...По приказу свыше коменданты гестапо трех районов — Березино, Людвиполя и Клесово, собрав резервы карателей, направили их в район приземления самолета и организовали засаду. На нее и вышла группа Кузнецова и, не подозревая о нависшей опасности, расположилась на отдых не более, чем в ста метрах. Каратели выжидали, приняв партизан лишь за разведку, но в то же время, чтобы захватить группу в плен, часть из них отправилась в обход с тыла. Однако случилось неожиданное. Безукладников, лежавший рядом с Жоржем, заинтересовался танковым пулеметом. Непривычно тяжелое оружие выскользнуло из его рук и резко ударилось прикладом о землю. Одинокий выстрел эхом прокатился над лесом.

Партизаны вскочили на ноги.

— Виноват, товарищ командир. Надо же было взять его в руки, будь он неладен! — оправдывался Безукладников.

— Зачем берешь оружие, если не умеешь с ним обращаться?! — строго заметил Кузнецов, но последние его слова были прерваны выстрелами. Более сотни карателей, ведя беспорядочный устрашающий огонь, двигались на партизан:

— Сдавайтесь! Вы окружены!

Мгновенно сориентировавшись в обстановке, Кузнецов командовал:

— За мной! — и устремился в лесной «коридор», который еще не успели перекрыть каратели.

Вырвавшись из кольца, группа долго петляла по лесу, путая следы. И когда совсем стемнело, прибыла в отряд с противоположной стороны.

Кузнецов доложил командиру о неудаче.

— Раненых и убитых нет? — осведомился Медведев.

— Нет, все целы. Только пиджак на спине Безукладникова разорван, и Артуньо потерял каблук от сапога, — ответил Кузнецов.

— Огонь был сильным. Мы круговую оборону заняли, разведывательную группу отправили в том направлении, — командир помолчал. — Хорошо хоть то, что удачно вырвались.

— Да, героизма здесь мало, — согласился Кузнецов с тяжелым сердцем.

— Будем считать, первый блин комом... И серьезным уроком для нас. Враг очень интересуется нашим отрядом. Как будто чувствует, что не только пули ему ждать отсюда. Но не наше дело ввязываться с ним в драки. Наша задача, как вы знаете, — разведка. — Медведев внимательно посмотрел в лицо Кузнецова. — И главным образом, это ваша задача, Николай Иванович. А теперь идите отдыхать. И не сильно огорчайтесь. Как говорят, за одного битого двух небитых дают.

...Серый «фиат», наконец, оставил проселок и помчался автострадой Ровно — Львов, обгоняя тяжелые машины. Равнодушный гауптман, одетый строго по форме, и два его спутника — солдат-шофер и красивый молодой мужчина в полугражданской одежде — с легкой грустью наблюдали, как непрерывным потоком двигались гитлеровские части — моторизованная пехота, артиллерия, танки, машины, обозы...

Фашистские солдаты, заросшие и грязные, зябко поеживались от пронизывающего морозного ветра. На лицах застыло выражение тупого безразличия и обреченности. Они уже не мечтали о захвате Москвы и Ленинграда. Думали лишь о том, чтобы хоть временно вырваться из кромешного ада войны, убраться подальше от огня беспощадной большевистской артиллерии, от их бесчисленных танков и самолетов, от страшных штыков.

Даже здесь, далеко от фронта, гитлеровцы передвигались в страхе, боясь мести советских партизан. Да, это была уже обреченная армия, она еще жестоко сопротивлялась, но уже чувствовалось, что фашистская военная машина останавливается.

Кузнецов с едва заметной усмешкой поглядывал на этих «завоевателей мира», говорил вполголоса:

— Гитлеровцы деморализованы. Порастеряли весь лоск. Не те, что были в сорок первом. Близится час полного освобождения советской земли. Теперь уже скоро, друзья. Очень скоро.

— Львов — последняя наша операция в тылу врага. Так я думаю, Николай Иванович? — улыбнулся Белов.

— На нашей земле, пожалуй, да, — отозвался Кузнецов. — Смотрите, друзья, Львов.

Вдали развевалась панорама старинного украинского города. В заходящих лучах солнца вырисовывались контуры горы Высокий Замок, причудливых зданий с остроконечными черепичными крышами, на которых радугой переливался серебристый иней...

«Фиат» остановился у контрольно-пропускного пункта. Из машины не спеша вышел гауптман и подал свои документы пожилому фельдфебелю. Взгляд офицера безразлично скользнул по большому фанерному щиту. Первая надпись, выведенная крупными красными буквами, гласила:

Внимание! Военным по прибытии в город тотчас регистрироваться в местной военной комендатуре! Отметка о прибытии или убытии обязательна! Без нее занятие квартир и ночлег в городе запрещены!

— Сколько восклицательных знаков, — отметил про себя Кузнецов. — Устрашают сами себя господа фашисты. Здесь так же, как было в Ровно. Посмотрим, что во Львове...

Фельдфебель вернул документы, поднял шлагбаум, корректно сказал:

— Господин гауптман, можете следовать дальше.

Львов теперь — главное логово врага на Украине. В него нужно войти и желательно выйти. Да, после событий в Ровно задача осложнилась.

Кузнецов исподволь оглядел спутников. Они были невозмутимы. Небольшие жилистые руки Ивана Белова спокойно лежали на баранке руля, серые глаза равнодушно скользили по полотну трассы. Уверенность и покой исходили от всей его шуплой фигуры. Крепкими нервами и твердой волей обладал этот белолицый южанин. У него была тяжелая судьба, нелегким был и его путь в партизанский отряд...

Летом 1943 года по распоряжению шефа строительной организации города Ровно Дмитрий Бурим был отправлен на стройку гаражей-боксов для чистки и промывки немецких грузовых автомашин. Дармовой труд широко использовался хозяевами «нового порядка». Руками военнопленных расчищались улицы, убирались завалы после бомбежек,

ремонтировались дороги, тротуары, строились склады, бараки. Эти же руки заготавливали на зиму дрова для немецких организаций и учреждений, грузили в машины награбленное имущество для отправки в Германию. Теперь на поросшем бурьяном пустыре, между речкой и городским базаром, собрались изможденные люди, взятые в стальную щетину штыков предателями-полицаями. Пленные рыли котлованы, мастеровые из вольных громоздили стены. Здесь же находились и другие невольники, охраняемые полицейскими. Это были заключенные, доставленные из тюрьмы, куда они попали за различные уголовные преступления. Среди них были военнослужащие бывшей польской армии. Все они теперь выполняли черновую работу. Разводили и подносили раствор, кирпичи, отвозили на тачках землю.

Работа продвигалась медленно, в тягостной тишине. Лишь стучали шипами кованые сапоги охранников. Пленные озирались по сторонам, вглядываясь в лица прохожих. Надеялись случайно встретить знакомое лицо, возможно, даже близкого человека, каким-нибудь чудом оказавшегося в этом городе. И такие встречи происходили.

— Обед! — объявил унтершарфюрер СС.

Пленные кинулись к котлу с вонючей похлебкой. Бурим, усевшись на бровку котлована, развернул свой узелок. Рядом, за связкой колючей проволоки, на кирпичах присел его помощник.

— Садись поближе, парень, — пригласил Дмитрий подносчика. — Как звать?

— Звать Иваном, а фамилия Белов, — неловко ответил узник.

— Так вот, Ваня, раздели со мной обед, — сказал Бурим, подавая краюху черного хлеба, намазанного чуть заметным слоем смальца. — Работали-то вместе.

— А сами как? — спросил парень, протягивая дрожащие руки к хлебу.

— Ничего! У меня еще кусочек имеется. Тем более, я пока что на свободе.

— Чем же я вас отблагодарю?

— Не переживай. На том свете оттанцуешь, если встретимся, — пошутил Дмитрий и тут же поинтересовался:

— Откуда сам, издалека?

— Из Грозного, — охотно ответил Белов. — Там родители по улице Тбилисской остались: отец, мама, сестренка. Живы ли? — парень притих, глядя в одну точку, вздохнул и начал рассказ.

— Я работал механиком в гараже. Был призван на кадровую. Служил в Москве. На хорошем счету был у командования. Но вот подвернулось несчастье — аварию допустил. И как это произошло, до сих пор не понимаю. Ну и попал под ревтрибунал... Осудили на полтора года. Срок отбыл день в день. В сороковом летом домой возвратился. И не успел опомниться, как грянула война. И вот такая судьба. Сражался честно. А случилось такое, что деваться некуда. Каземат. Проволока. Штыки. Лучше бы смерть..

Дмитрий участливо слушал рассказ Белова, разделяя его горе, и вспоминал свою жизнь, нелегкую жизнь. Родился он в городе Холме, в большой семье рабочего. Нищета и полуголодное существование были постоянными спутниками Буримов. Безработица преследовала людей, и они бродили по всему миру в поисках куска хлеба. Так и отец Буримов не имел оседлого места. Повзрослев, братья Дмитрий и Николай в тридцатые годы отправились нелегально через польско-советскую границу в Советский Союз. С куском черного хлеба в кармане они очутились в пинских болотах. После долгих мытарств их задержали, передали в руки полиции. Затем заключили в тюрьму города Столина. Они отсидели шесть месяцев и, освободившись, прибыли в город Ровно.

Вскоре сюда же приехал отец, Андрей Трофимович Бурим. Так собралась вся семья. Отец, Дмитрий и Василий приобрели специальность каменщиков-печников, Николай — связиста-монтера. Потом пришла война, а с нею — «новый порядок».

— Ну а сейчас, при «новом порядке», за что в тюрьме очутился, если не секрет? — спросил Бурим.

— Из лагеря вывели как специалиста-шофера, — объяснил Белов. — Фронт измотал фрицев и крепко обескровил, вот и появилась нужда в рабочих руках, тем более в технических специалистах. Освобождают из лагерей. Думаешь, они так из гуманности поступают? Черта с два! В гараже рейхскомиссариата я трудился за пропащую душу. Ну и запутали... Был арестован уголовной полицией за подделку талонов на бензин. Ну и пленным немного подсобил. Они бежали... Видимо, кое-что пронюхали, собаки...

— И ты признался во всем? — прощупывал его Бурим.

— Что вы?! Пока никаких доказательств не имеют. Хотя это ничего не значит. Чувствую, дорога на Белую* близится. Уже многих из нас отправили туда. Видимо, в очередном эшелоне при «разгрузке» казематов

* На улице Белой немцы расстреливали советских граждан.

пойду и я... Закончится война. Придут сюда наши. Народ заживет новой жизнью после победы. А мои родители даже весточки обо мне не получают. — Серые глаза парня устремились в даль безоблачного неба, и в них была безысходная тоска.

— А ты не паникуй раньше времени, браток! — строго сказал Дмитрий.

— Жизнь заставляет, — безразлично ответил Белов, однако настояжился. — Если бы нашелся человек, подсобил бы словом, да и делом — век бы благодарил. Да что поделаешь, нету...

— А сам ты надежный хлопец? Не распустишь нюни, если момент наступит? — спросил Бурим, прямо глядя в серые открытые глаза.

— Ну что вы! Не смотрите, что я такой неказистый. Встать на ноги способность у меня есть, но...

— Ну и чего же тебе недостает?

— Приютиться негде на первое время. Жил я по Золотой. Там во дворе хатка была буфетчика Маевского. Оттуда меня взяли. Теперь, сами понимаете, туда нельзя показываться.

— Хорошо! Я подумаю. Утро вечера мудренее. Завтра сообщу о своих возможностях, а ты решай. Ну а теперь за работу. Пошли!

Возвратившись домой, Дмитрий встретился со своим братом, рассказал о Ване Белове.

— Ну что ж, раз хлопец хороший, то мы всегда рады подать руку помощи, — поддержал Василий. И, задумавшись, спросил: — Какой он из себя? Невысокого роста, щуплый, блондин?

— Да, да. Точно такой! — отвечал удивленный Дмитрий.

— Вот здорово! Ведь мы ожидали выхода на работу этого парня. Задание такое. Понял? Только ты пока ничего не предпринимай, я сам пригляжусь. Договорились?

— Хорошо, — согласился Дмитрий...

Те же мастеровые и заключенные на другой день продолжали работу. Встретились и Бурим с Беловым. Но в тот день несколько мастеровых и часть подносчиков, в том числе Бурим и Белов, были переведены на восстановление дома, поврежденного бомбежкой. Проводились внутренние работы. Штукатурились потолки, стены, сооружались печи. В доме частично отсутствовали оконные рамы, вовсе не было дверей.

Улучив момент, когда Белов оказался рядом, Дмитрий шепнул:

— Ну как, решился? Готов?

— Конечно! Хоть сейчас, — радостно отозвался парень...

Василий видел, как первым в дом вошел Дмитрий, а за ним вслед полицаи проводили заключенных. Он также пошел в дом.

— Стой! Сюда нельзя, — охранник преградил винтовкой дорогу.

— Почему нельзя? — удивился Василий.

— Не видишь, арестованные работают?

— Ну и наплевать! Пусть работают. Ведь я не к ним иду, а к мастеру, — возмутился Василий.

На спор подоспел Дмитрий.

— Ну чего же вы, хлопцы, это мой друг, Василий. Пропустите!

— Ладно, иди... — согласился полицай, убирая винтовку.

Поздоровавшись, братья закурили, и Василий шепнул:

— Это он, точно! Ухитрись как-нибудь организовать побег. Я буду его ждать.

Дело близилось к исходу дня. А полицаи, как назло, ни на шаг не отступали от рабочих-узников.

— Как же быть? — переживал Дмитрий. — Если Василий сказал, значит, надо. Человек этот, наверное, представляет какой-то интерес для подполья. — Уловив момент, когда Белов выкладывал из ящика кирпичи, подошел и, подбирая нужный кусок кирпича, шепнул:

— Готовься. Запомни: улица Ясная, 25. Там тебя ждут. Я постараюсь отвлечь охрану.

— Понятно, — ответил Белов.

Работа продолжалась. Охранники, освоившись за день, стали больше доверять и мастеру, и заключенным. После обеда Дмитрий принялся шарить по карманам табак. Едва насобирав на тоненькую самокрутку. Сделал несколько затяжек, передал старшему охраннику. Спустя некоторое время Дмитрий снова обшарил свои карманы, но табаку больше не было. Выругавшись вслух, он обратился к тому же старшему.

— Эй, фюрер, слушай, чего мы будем терпеть без курева? Ведь марки у меня есть! Пошли кого-нибудь из этих. Курить хочется, уши пухнут!

— Из них никого нельзя, — возразил старший. — А вот своего напарника, шуцмана*, пожалуй, можно. — Эй ты, Сергей, — позвал он. — Возьми деньги у мастера, сбегай за сигаретами!

— Какие вам, пан мастер? — поинтересовался шуцман, уходя.

* Шуцман — от нем. *Shutzmann* — полицейский; так в народе именовали украинцев, поступавших на службу в немецкую полицию.

— Обожаю «Махоркове», — сказал Дмитрий, подчеркивая особенность привычку к этим пролетарским сигаретам. — А если поблизости таких не окажется, то подскочи чуть подальше, в центр!

К счастью, шуцман задержался порядком. Подносчики по роду работы разбрелись в разные стороны. Старший в основном уделял внимание двум узникам, вызывавшим его подозрения, зато никакого беспокойства не проявил по поводу Белова, который постоянно появлялся перед его глазами.

Даже Дмитрий, наблюдавший за его поведением, был удивлен такому хладнокровию парня. Сам он куда больше волновался.

Улучив момент, когда старший охранник обернулся к подозреваемым в побеге, Белов ловко метнулся к деревянным щитам, затем в окно и скрылся.

В этот момент появился с сигаретами шуцман. Дмитрий, пытаясь скрыть волнение, кинулся навстречу вошедшему и, держа в руках спички, тут же разорвал пачку:

— Прошу, панове, закуривайте!

— А где же тот, маленький? — спохватился шуцман.

— Как? Я его только что видел! — забеспокоился старший. И оба кинулись к месту, где только что работал Белов. Но напрасно, того и след простыл.

В тот же вечер Иван уже находился в квартире Василия Бурима, где с хозяйской помощью приводил себя в человеческий вид. На следующий вечер Василий Бурим и Пантелей Терещенко отвели его на конспиративную квартиру Ольги Голдованской, расположенную в соседнем квартале. А спустя несколько суток в составе подготовленной подпольем группы он оказался в партизанском отряде, где и произошла его встреча с Кузнецовым.

...Серый «фиат», зажатый колонной автомашин, медленно продвигался узкими улицами незнакомого города. Штурман СС в каске с натянутым на подбородок ремешком и с автоматом в руках преградил дорогу. Машины резко затормозили. «Фиат» оказался вторым в колонне.

«Что случилось? Неужели облава и проверка документов? — спокойно подумал Кузнецов, стараясь разглядеть, что там впереди. — Как не везет, черт побери!»

Но тревога оказалась напрасной: каратели сопровождали большую группу заключенных. Кузнецов внимательно приглядывался к лицам узников. Порой ловил во взглядах торжествующую усмешку или жгучий

огонь мести. Эти люди, видно, тоже знали, что участь рейха решена, что час освобождения близок.

Кузнецов откинулся на сиденье, стараясь сконцентрировать ум и волю на предстоящей операции, но мысли снова и снова возвращались в Ровно, где остались боевые друзья, участники остафовского подполья — братья Шмереги, Василий и Дмитрий Буримы, Казимир Домбровский, Николай Остафов... Какова их судьба, где они теперь?.. По некоторым сведениям, гестаповцам удалось напасть на след подполья.

* * *

Меня просто потрясли события последних дней, Густав! И до чего же мы дожили, — откровенничал Рудольф Визе перед шарфюрером СС Густавом Крече, наполняя его рюмку лимонным ликером.

— Ты что имеешь в виду? — приподнял тот пушистые брови.

— Ты еще спрашиваешь! А Ильген и Функе? Обоих подряд.

— Я всего-навсего следователь отдела, а ты начальник всего Ровенского отделения СД, — отпарировал Крече.

— Конечно, ты прав, Густав. Но пойми и меня. Я без упреков обращаюсь к тебе, просто так, по-дружески.

— Это совсем другое дело. А ты думаешь, я равнодушно отношусь к этим происшествиям? Эти события потрясли не только рейхскомиссариат Украины, они отразятся на всей германской империи.

— Да, конечно, ты верно говоришь. Но в первую очередь отыграются на мне. Ведь я руководитель органа, который обязан был предотвратить эти крайне нежелательные события. Уму непостижимо — пятнадцатого ноября исчез генерал фон Ильген из своего особняка вместе со своим ординарцем и часовым! Ведь Ильген не просто генерал вермахта, он еще возглавлял специальные войска по борьбе против большевистских банд на территории всего рейхскомиссариата. И на тебе! Взяли живьем! Черт побери! А теперь как мне объясняться за него?!

— А верно, что все это произошло днем?

— Конечно, правда! — нервно воскликнул Визе. — В белый Божий день. Увели, как свиней, и бесследно...

— Ужасно. Мы с тобой здесь ликер попиваем, а он, бедняга, где-то в большевистском лагере, на допросе. Это убийственно. Не дай Бог мне, простому следователю СД, попасть в их руки. А он же генерал, — ужаснулся Густав.

— Вполне с тобой солидарен. Давай выпьем хотя бы за то, чтобы нас эта участь миновала да чтобы наш Карл смирительствовался надо мною.

— Давай выпьем,— поддержал Густав, приподняв рюмку.

— Ну, черт с ним, с Ильгеном, раз таким бездарным оказался. А вот вчера прямо в здании министерства юстиции по улице Школьной убили соратника самого фюрера — генерала Альфреда Функе.

— Я слышал. Но подробностей не знаю.

— Ровно в девять утра генерал вышел из парикмахерской, пересек центральную улицу города и, как только вошел в здание, здесь же в коридоре, на третьей ступеньке лестницы тремя выстрелами из малого «вальтера» прямо в сердце, наповал. Представляешь, где совершенно покушение? В центре города, к тому же в самом здании суда!

— Хотя какие-нибудь следы есть? — участливо спросил Густав.

— Да ты что? Какие там следы? Кроме трех пустых гильз от «вальтера» — ничего! Правда, кое-кто видел после выстрелов, что из здания вышел высокий человек в военной серой пелерине и офицерской фуражке рейхскомиссариата Украины и не спеша скрылся.

— А что еще известно?

— Да, — вспомнил Рудольф, — еще какой-то солдат СС в каске и с автоматом «МП» патрулировал у стен здания.

— А кто это? Где он? — поинтересовался Густав.

— Тоже исчез вместе с тем офицером.

— Значит, все было подготовлено тщательно и на высоком уровне, — резюмировал Крече. — И что же дальше?

— Что дальше? Ты спрашиваешь, что дальше? — саркастически улыбаясь, повторял Визе. — А дальше вот что: сегодня хороним сенатс-президента юстиции Украины генерала Функе. Вот пока и все, — закончил Рудольф и безнадежно развел руками так, что задел нечаянно бокал, и тот, ударившись о пол, разлетелся на мелкие части.

— Ну и черт с ним, — растерянно произнес Густав.

— О ком ты, Густав! О Функе?

— Нет, что ты! — возразил собеседник. — О твоём бокале.

— А верно, черт с ним! Бокал другой подадут, а вот за президента меня по головке не погладят, — констатировал Визе и, призадумавшись, заключил: — И все же надеюсь на лучшее

— Как это?

— В Берлине обещают что-то предпринять, а также и здесь, на месте, при СД Волыни и Подолии будет создана зондеркоманда из восьмидесяти человек. Ее задача — обезвредить этих преступников.

— Давно пора бы. Теперь давай этих молодчиков в наши руки, а мы из них душу выколоти́м и генерала отыщем.

— Хорошо, Густав, будем жить надеждой, а сейчас пошли, — предложил Визе. — Скоро похороны начнутся.

Исчезновение из охраняемого особняка генерала фон Ильгена, его ординарца и часового 15 ноября 1943 года буквально потрясло фашистских главарей в городе Ровно. А убийство сенатс-президента юстиции Украины генерала Альфреда Функе устроило эти потрясения.

Гитлеровское руководство приняло экстренные меры, решив создать специальную команду, благо отребья, в связи с отступлением немецких войск, в Ровно оказалось достаточно. Один из них, Виктор Николаевич Каминский, с начала оккупации служил в полтавском СД, размещавшемся по улице Новопролетарской, и жил здесь же, во флигельке этого карательного органа.

Когда советские войска с боями приближались к Полтаве, Каминский вместе со всем преступным семейством бежал из города. Первой одномесечной остановкой на пути непрерывного бегства оказался город Умань, расположенный на пересечении стратегических магистралей Киев — Одесса и Винница — Кировоград. Сюда вскоре подоспела большая группа его сослуживцев по полтавскому СД. Весь этот сброд, словно кровожадный паук, опутав своей агентурой город и его окрестности, намеревался осесть здесь надолго. Была и другая надежда: хваленые войска Гитлера отгонят большевиков, и они, словно победители, снова причалят к Полтаве.

В Умани очутились и дружки Виктора Каминского со своими семьями — официальные сотрудники и агенты СД, в том числе Павел Коровин, Николай Мисько, Георгий Волков и другие. Но мечты их не сбылись. Коровин по прибытии сообщил, что перед отступлением лично участвовал в поджоге Полтавы, и что город, охваченный огнем, 23 сентября оставлен немцами. Спустя полмесяца, снова погрузившись в грузовики, покрытые брезентом, «паучки» из полтавского СД со своими выводами выгрузились в городе Ровно.

Почти одновременно сюда же, в Ровно, бежали сотрудники Житомирской криминальной полиции и гестапо: Федор Харламов, Владимир Степановский, Василий Личманенко, Будник и многие другие.

Когда рейхсфюрер СС Гиммлер позаботился о принятии радикальных мер, и в городе Ровно создавалась специальная зондеркоманда, этот сброд предателей, отличившихся своими зверствами, оказался весьма

кстати. Восемьдесят два профессиональных убийцы были объединены в зондеркоманду при четвертом отделе СД, возглавил ее бывший сотрудник полтавского СД Виктор Каминский, который в свое время закончил Варшавскую диверсионно-разведывательную школу. Теперь на него возлагались большие надежды, о чем откровенно высказался шеф СД при первой же встрече.

Карл Пютц подвинул Каминскому тощую папку с агентурным материалом, на обложке которой синим карандашом было написано: «Дело Остафова — руководителя террористической подпольной организации в городе Ровно от войск НКВД Медведева на Волыни».

— Возьмите. Здесь все, что нам удалось раздобыть за два с лишним года о большевистском подполье в нашем городе. В вашем распоряжении теперь будет около ста профессионалов, — шеф не мог скрыть презрительной усмешки. — Надеюсь, вы понимаете, что это высокое доверие нужно оправдать верным служением великой Германии, фюреру, который спас вас от большевиков.

— Готов буду... Всегда готов, герр шеф, — заверил Каминский, принимая из рук Пютца тощее досье.

— Надеюсь. Идите. Мы ждем результатов! — кинул вдогонку шеф.

Зондеркоманда была разбита на три отделения: первое — оперативное, второе — разведывательное и третье — особое отделение.

В двадцатых числах ноября 1943 года зондеркоманда заработала весьма интенсивно, и ей удалось напасть на след остафовского подполья. Все восемьдесят два агента, в том числе и сам вожак, владея русским и украинским языками, переодевшись в поношенную грязную и рваную одежду, бродили по окраинам городов Ровно, Здолбуново, вынюхивали, выпрашивали. И, если удавалось расположить к себе сочувствующих хозяев, просили связать их с советским подпольем.

Другие палачи из этой команды обретались в ресторанах, трактирах и буфетах города, присматривались и завязывали разговоры с посетителями. И тех, которые вызывали хоть малейшее подозрение, хватали, доставляли в секретные помещения СД и с применением различного рода пыток допрашивали.

Вскоре начались аресты остафовцев.

...Ровно находился под систематическим наблюдением медведевской разведки. Одни возвращались, другие уходили, добывая все новые и новые разведанные, перепроверя полученные из других источников.

В штабе отряда их сопоставляли, объединяли, анализировали и по радиостанциям отправляли в Москву.

Теперь, после отъезда Кузнецова во Львов, планы партизанской разведки, а также действия всего отряда несколько изменились. Было решено в середине января перебросить весь отряд под Львов и с нового плацдарма — где-то с Пеняцких или Каменка-Струмиловских лесов — направлять во Львов отдельные группы разведчиков. Николай Гнидюк, Михаил Шевчук, Петр Мамонец, Струтинский и другие, прошедшие школу разведки под руководством Николая Кузнецова, находились теперь при штабе отряда, готовясь к выполнению новых сложных заданий во Львове. Поэтому на какое то время связь отряда с ровенским подпольем была прервана. Ее необходимо было восстановить и детально изучить обстановку в городе. С этой целью в город был направлен Струтинский.

Обстановка в городе оказалась очень опасной. Во-первых, потому, что в руках карателей оказались главные нити нашей разведки, во-вторых, немцы хватали на улицах всех мужчин без разбора, сгоняли в лагерь, «фильтровали», после чего большинство из них грузили в товарные вагоны и отправляли на запад, некоторых по какому-то особому подозрению избивали на улицах и даже расстреливали на месте.

Конечно, в такой обстановке разведчику выполнять любое, даже самое простое задание в городе было крайне трудно. И все же Струтинскому кое-что удалось установить. Он встречался с подпольщиками, выяснял, кто дополнительно арестован, кто находится под угрозой ареста, кто освобожден из-под ареста, как себя ведет.

Как-то в сумерках, проходя по улице Немецкой, он заметил двух офицеров СД, которые тайно осматривали дом по улице Ивана Франко. В этом доме была одна из главных конспиративных квартир Николая Кузнецова. Хозяином ее был Иван Приходько — брат погибшего Николая Приходько, боевого партизана. Значит, зондеркоманда Каминского напала на след. Но Кузнецова в городе уже нет! Поздно спохватились, господу предатели. Вам придется разочароваться. Пауль Зиберт далеконько отсюда, он непременно подаст о себе весть, от которой всем вам придется тошно.

Струтинский со злой радостью наблюдал за агентами, которых ждало тяжкое разочарование. Но вдруг знобящая тревога вошла в сердце: в квартире осталась семья Ивана Приходько. Как быть? Необходимо было действовать! Притом срочно и решительно.

Все складывалось как будто удачно. На улице разведчик случайно встретил самого хозяина, Ивана Приходько. Тут же было решено, как

только сгустятся сумерки, перевести семью на другую квартиру, чтобы затем переправить ее в отряд, а сейчас где-то переждать время. Выбор пал на Антона Марциняка. Хозяина не было дома.

— Антон на работе, — сообщила его жена Мария. В этот момент раздался сильный стук в дверь.

«По наши души», — подумал Струтинский, посмотрев на безмолвного Приходько. Опасность была велика. Хозяйка приоткрыла немного дверь, раздались чужие голоса:

— Антон Марциняк дома?

— Нет. Его нет дома, — было слышно, как голос Марии дрожал.

— Кто же есть в квартире? — настаивал все тот же неизвестный мужчина. И в тот же миг, распахнув дверь, в комнату ворвался среднего роста человек, плотный, в гражданском костюме, в кубанке...

— Кто такой будешь? — в упор спросил Струтинского.

— Местный, ровенский я.

— Иди за мной! — властно распорядился незнакомец.

Через открытую дверь разведчик увидел второго, высокого, в форме офицера СД, с парабеллумом в руке.

— Вам документы? — спросил Струтинский наивно, опуская руку в боковой карман.

— Руки из кармана! — истерически завопил штатский.

Но было поздно. В руке разведчика блеснул вороненый «вальтер». Противник бросился на него, пытаясь выбить оружие. Офицер, стоявший на кухне, прокричал: «Виктор, уходи!» — и трижды выстрелил в их сторону над головой. Почти одновременно стрелял и Струтинский — офицер упал, потом убрался. Человек, названный Виктором, метнулся на разведчика снова, пытаясь схватить за горло. Единоборство продолжалось всего одну-две минуты, враг упал, сраженный тремя выстрелами. На кухне лицами к стене с поднятыми руками стояли Иван Приходько и Мария Марциняк.

Пока удалось вырваться из лап карателей, но опасность не миновала. В окно было видно: в переулке находились несколько человек с автоматами. Надо было решаться на какой-то отчаянный шаг.

— Вот что, Ваня. Дом окружен. Единственный выход — бегом на крыльцо, кричи «Хайль Гитлер» и прыгай по лестнице прямо к ним. А я за тобой следом. Быстрее! — распорядился разведчик.

Это походило на какой-то трюк из кинематографа. Приходько, во всю мочь ревя «Хайль Гитлер», свалился на карателей, как бомба. Следом за ним скатился Струтинский, стреляя из двух пистолетов сразу. Фашисты

были ошеломлены, один или два кинулись наутек. Воспользовавшись их замешательством, партизаны благополучно скрылись вместе с Марией.

В тот же день Струтинскому удалось разыскать Антона Марциняка и Яна Каминского, которым угрожали немедленные аресты, и переправить их в отряд. А спустя час или того меньше он наблюдал, как каратели ломились в пустые квартиры остафовцев.

Но на душе разведчика было тревожно. Стало очевидно, что Пауль Зиберт разоблачен, о чем немедленно было доложено командованию отряда. Не менее ясно было другое: не всем товарищам удастся миновать рук карателей.

В квартире Михаила Шмереги было празднично. Приближался новый, 1944 год. Вместе с женой Анастасией Михаил хлопотал около традиционной елки. Рядом с ними, радостно лопоча, сутился малыш.

Новый год совпал с большими победами на фронтах Отечественной войны. Советская армия вступала на западные земли Украины. Поэтому Новый год приобретал особенную торжественность.

— Скоро, очень скоро придет этот час, — радостно воскликнул Михаил. — Слышишь, малыш, скоро. А ты помнишь, Настка, 1939 год, золотую осень...

— Все помню, Миша, — растроганно отвечала жена. — Для встречи наших освободителей у меня хранится настойка. Уже три года. Дай Бог дожждаться!

Дождаться. Кто из советских людей не думал об этом в эту новогоднюю ночь! И они не только ждали, они действовали.

Действовали и братья Шмереги, собирая ценные сведения, которые помогут советским войскам быстрее и с меньшей кровью овладеть городом. Они уточняли укрепления, расположение войск, наиболее уязвимые места в обороне противника.

В этот праздничный вечер семья Шмерегов и не подозревала о нависшей опасности. Они ждали гостей — друзей, товарищей по оружию. И не предполагали, что нагрянут гости другого сорта. Пока Шмереги хлопотали у елки, из ворот дома № 26 — управления СД — выкатились два лимузина. Автомшины шли без лишнего шума, глухими темными переулками, так же тихо остановились у дома, в котором проживали братья Шмереги. Увидев их в окно, Анастасия растерянно воскликнула:

— Приехали! А у нас такой хаос. Слышишь, Михаил?

— Не волнуйся, Настка, — улыбнулся Михаил. — Все будет в ажуре...

Михаил подошел к окну и остановился в оцепенении. Из машин выползали каратели. Одни из них с автоматами наготове окружили усадьбу, другие бежали в дом.

Непрошенные гости без стука ворвались в комнату. Дети, почуввав опасность, забились под елку и оттуда испуганно наблюдали за пришедшими.

— Шмерега Михайль?! — завопил фашист, указывая пальцем на хозяина.

— Да. Я Михаил Шмерега. А в чем дело? — стараясь сохранить спокойствие, ответил Михаил.

И, не получив ответа, Шмерега подумал: «Конец. Мне — черт с ним, раз так случилось. Но вот семья...» Он взглянул на забившихся под елку малышей и побледневшую жену и мрачными глазами уставился в веснушчатое лицо фашиста.

Но стоявший у двери другой гестаовец, как бы разгадав его намерение, приставил к груди автомат. Это охладило Шмерегу, он понял, что сопротивляться в такой обстановке — значит подписать смертный приговор всей семье.

Шарфюрер СС Майнгольц кивком головы приказал двоим сотрудникам вывести Шмерегу. Каратели подвели его к только что подошедшему грузовику и толкнули под брезент. Вместе с ним в кузов влезли охранники.

Как ни тяжело было на сердце Шмереги, он старался трезво оценить обстановку. Что известно фашистам? Кого они еще взяли? И — острая, как игла, мысль: где Николай Иванович? Не угодил ли он в засаду? Ведь Кузнецов обещал заскочить с товарищами к нему! Мысли путались, никакой ясности не было, снова и снова стучало сердце: «Увижу ли своих белокурых и голубоглазых малышей — Алешу и Василька?»

Тяжелое испытание выпало на долю Шмерегов. Панская Польша. Безработица. Нищета. Задавленный нуждой отец. Прибитая, тихая мать. Он, Михаил, сын потомственного железнодорожного рабочего, не умея раболепствовать, перебивался случайными заработками.

Полной грудью Шмереги вздохнули лишь после освобождения Красной армией западно-украинских земель в незабываемом для него 1939 году. Уже не нужно было бороться за кусок хлеба. Каждое утро он шел в паровозное депо и трудился.

Но радость свободного труда была прервана вероломным нападением фашистской Германии. Настали страшные дни для мирных жителей этого небольшого, утопающего в зелени городка. Начались аресты

и расстрелы. Площадь около кинотеатра стала местом казни советских людей.

Ранней весной 1942 года в квартиру Михаила вошли советские партизаны — брат его жены Николай Приходько и Александр Середенко. И с этого времени Шмереги стали их надежными помощниками, соратниками. Квартира Шмерегов стала служить местом встреч с Николаем Кузнецовым. Михаил и Сергей по заданию подполья подвешивали магнитные мины под брюхо локомотивов, которые потом взрывались далеко от станции. Они разбрасывали партизанские листовки, призывавшие народ на борьбу против оккупантов, занимались разведкой, хранили дома оружие, боеприпасы, гранаты.

И вот теперь... Конечно, жаль, что это случилось накануне освобождения. Но черта с два они чего-нибудь добьются от Шмереги. Он знает цену своей жизни.

Грузовик остановился, хотя мотор продолжал работать, сотрясая кузов мелкой дрожью. Заскрипели петли железных ворот, и грузовик медленно вполз на территорию узенького двора ровенского СД, огороженного высоким забором. Под конвоем двух штурманов СС Шмерега был доставлен в дежурную комнату. Здесь офицер, хорошо владевший русским языком, аккуратно занес фамилию арестованного в регистрационный журнал и нажал кнопку на столе. Где-то задребезжал звонок, в дежурное помещение явился сотрудник СД с пистолетом в руке. Повинуясь приказу, Михаил Шмерега пошел впереди его по длинному коридору, и почти у самого конца его толкнули в дверь кабинета.

За столом сидела средних лет женщина, элегантно одетая, со следами обильной косметики на продолговатом лице, с длинной дамской папиросой во рту.

«Прожженная стерва», — определил Михаил, переступив порог.

Нахмутив черные брови, гестаповка на ломаном украинско-русском языке приступила к допросу:

— Партизан Шмерега? Впрочем, это не так важно. Важно другое: ты хочешь жить? Конечно, хочешь! Так будь откровенен со мной, и этим благоразумием спасешь себя. Понял? Только за такое поведение мы тебя отпустим, даже щедро вознаградим. Ты у нас не первый, надеюсь, будешь не последним. И знай: все, кто оказались благоразумными, сегодня ходят на свободе, а те, кто упорствовали, — давно в земле, и никому из родных и близких неведомо, где их могилы. Будешь упорствовать — тогда... — сделал рукой жест вокруг своей шеи, гестаповка ухмыльнулась.

Шмерега внутренне насторожился, соображая, что отвечать фашистке, колючие глаза которой ничего хорошего не предвещали.

— Так, надумал? Говори, не бойся! Расскажешь все — тебя отпустят, оденут, обуют и денег дадут. Не будешь таким нищим, каким выглядишь сейчас! Ну, говори же!

— Благодарю за щедрые обещания, фрау, — спокойно заговорил Шмерега, зная, что обыск в его квартире ничего гестаповцам не дал. Оружие, боеприпасы и гранаты, оставленные группой Кузнецова, были зарыты в землю в одном из уголков сарая, и немцы навряд ли смогли их найти. А в доме ничего изобличающего в нем партизана не было. Они взяли его по доносу какого-нибудь предателя.

— Скрывать мне нечего, — продолжал он ровным голосом. — Расскажу все как на исповеди.

Лицо фашистки преобразилось, она обмакнула ручку в чернила, приготовилась оформлять протокол. Но чем дальше говорил Шмерега, тем кислее выглядела ее физиономия, и, не удержавшись, она завопила:

— Что ты мне лепечешь о том, что жил при Польше и Советах, о своей лояльности новому порядку и что собираешься отступить на Запад вместе с нашими войсками? Об этом своей бабушке расскажешь на том свете. А мне, если не хочешь подохнуть, говори, что знаешь о партизанах? Что, не хочешь? Тогда я прикажу посадить тебя в одиночку. Там, надеюсь, ты трезво обдумаешь свое положение и то, что вообще тебя ждет, если будешь запираяться!

Шмерегу увели в одну из камер, где прямо на полу лежали, скорчившись, человек семь неизвестных. Михаил примостился рядом, облегченно подумал: «Хоть брат сумел миновать кровавых лап».

Неожиданно дверь распахнулась, и в ней появился человек в нательной рубаше с закатанными рукавами. Обратившись к Шмереге, злорадно проговорил:

— Ты, Михаль Шмеруха, будешь слюшал голос карашьо твой знакомого. Слюшай!

Не понимая, Михаил презрительно смерил взглядом заплечных дел мастера и продолжал лежать на полу. Но чей-то крик врезался в его уши, знакомый голос заставил приподнять голову. Он! Ей Богу, он, Сережа, брат! Михаил сорвался с места и кинулся в приоткрытую дверь.

— Сережа, брат! За что вы убиваете его, гады!

Михаил увидел раздетого догола Сергея, лежавшего на топчане. Один фашист держал его за ноги, второй стоял сапогами на пальцах опущенных рук, придавив их к полу, третий изо всех сил бил резиновой

палкой по голове, спине, где попало. Не владея собой, Михаил вцепился мертвой хваткой в горло палача. Но от страшной боли в затылке свалился на пол и потерял сознание.

Палачи добивались одного:

— Куда девался Пауль Зиберт, переодетый в немецкую форму?

Когда под утро истязаемые впали в забытие, Михаил слышал глухие, очень далекие орудийные раскаты. Красная армия приближается! Надежда на спасение не потеряна, только бы продержаться!

Перед самым рассветом в дверях камеры вновь показались два фашиста, один из которых распорядился:

— Николай Струтинский, выходи!

У Шмереги от неожиданности чуть не остановилось сердце. Он растерянно глядел на дверь. «Неужели Коля тоже попался? Как же я не узнал его?»

С пола поднялся высокий блондин, испуганно глаза на гестаповцев. «Нет! Не он. Наверное, однофамилец», — облегченно вздохнул Шмерега.

Спустя полчаса молодчики втащили в камеру почти безжизненное тело «того же» Струтинского. А вскоре, придя в себя, он гнусавил:

— За что же меня так мучают? Ведь я в своей жизни не видел партизан. Почему я должен знать какого-то Зиберта, Довгер и других? За что меня Бог так наказал? Я же немцам служил верой и правдой...

Предатель не лгал. Сходство его заключалось только в фамилии и имени. В руки СД он попал по ошибке, ибо служил у немцев шофером, носил форму немецкого солдата, оружие, возил примерно такого же офицера, каким внешне был Пауль Зиберт. С партизанами он, конечно, не был связан.

Приближение советских войск к городу заставило фашистов потопиться. Арестованных, в том числе и братьев Шмерегов, Валю Довгер, погрузили в крытые машины и отправили в дубновскую тюрьму. Их оставили в живых до особого распоряжения, ожидаемого от имперских главарей. Из Берлина последовал приказ: выяснить, кто расстрелял Геля, Функе, Даргеля и куда упрятали генерала Ильгена. Арестованных везли во Львов в надежде, что они понадобятся для очных ставок и дачи нужных показаний, которых не удалось добиться, применяя жестокие пытки.

В Дубно задержались лишь на несколько дней. Братья Шмереги отсюда были доставлены в Вербу, а затем в Кременец. Но и здесь фашистам долго задержаться не пришлось. Советские войска, форсировав болотистую Икву, уже настигали колонну грузовиков с арестованными. Артиллерийские снаряды рвались совсем рядом. Боясь,

чтобы заключенные не разбежались, фашисты повернули колонну на Козинскую дорогу. Отсюда по асфальтированному шоссе — на Броды. Артиллерийский обстрел и бомбардировки центральной магистрали заставили колонну двигаться побочными дорогами. Колонна, в которой находились братья Шмереги, остановилась вблизи железнодорожной станции Радзивилов, на хуторе Дача-Круковая. Здесь сосредоточились гестаповские офицеры, отступавшие вместе со своими попутчицами разных национальностей и наконец решившие отвязаться от своих дам. Михаил, подмигнув брату, сказал: «Когда свиней смолят, им не до поросят».

Гитлеровцам действительно приходилось туго. Они старались спасти свои шкуры и не очень пеклись об арестованных. Так братья Шмереги по приказу офицеров попали в число грузчиков. Прихватив чемоданы скуливших женщин, они под конвоем эсэсовского солдата отправились к станции Радзивилов. Неподалеку от станции солдат неожиданно встретил своего земляка, и они разговорились, забыв обо всем на свете. Улучив момент, братья пустились наутек, бросив злополучные чемоданы. Растерявшийся конвоир пытался их задержать, пустил вслед очередь из автомата, другую, но Шмерегам удалось скрыться за углом какого-то дома, за которым начинались сады, кустарник.

Шмереги добрались до хутора, тайно зашли в сарай, зарылись в сено. Вечером начался артиллерийский обстрел станции, снаряды рвались на поле. Осколки впились в соломенную крышу сарая, стены. С наступлением темноты обстрел прекратился. Зато явственно слышался гул моторов машин и танков. Свои?! Советская армия?

В сарай вошла женщина и неторопливо принялась доить корову, ласково покрикивая:

— Стой, Ряба. Не тупцой!*

Подоив корову, женщина ушла, заперев на замок сарай.

— Что же это происходит? — шепнул Сергей. — На хуторе, может быть, уже наши! Давай продерем дыру и вылезем отсюда.

— Только не это! — возразил Михаил, хотя нетерпение его тоже одолевало. — Снова попадем к гестаповцам — не уйти больше.

Когда рассвело, братья оставили укрытие и вышли во двор, где уже хлопотал хозяин.

— Не бойся, батьку, мы свои! — успокоили они крестьянина.

— Как же вы ко мне попали?

* Не топчись! (укр.).

— От швабов* вырвались вчера вечером, и спасибо этому сараю... — сказал Сергей и тут же спросил: — А кто на хutore? Какая власть?

— Пришли советские войска! — ответил крестьянин. — Кончилось проклятое басурманское время.

— Правда?! — воскликнули в голос братья.

Хозяин указал рукой на село Адамовку и пояснил:

— Там, у крайних хат, стоят советские танки. А возле них солдаты снегом умываются.

Так неожиданно к ним возвратилась свобода. Ее вторично принесли на западно-украинские земли воины Советской армии...

Василий Бурим вошел в сарай, взял топор, выбросил десятка два ольховых чурок.

— Приготовлю дров Марии, а сам отправлюсь в город, — решил он. Неожиданно заскрипела калитка. Обернувшись, Василий увидел молодого человека в полувоенной одежде.

— Добрый день! — поздоровался вошедший. — Здесь живет Бурим?

— А какого вам нужно?

— Мне нужен брат Дмитрия Бурима. Не вы ли будете?

— Да, я. А что случилось?

— Дмитрий просил принести ему курево.

— Почему же сам не пришел? — поинтересовался Василий, сдерживая нараставшее беспокойство.

— Дмитрий арестован. Час тому назад их схватили немцы, связали и кинули в подвал школы Синкевича.

— Кто арестовал? Кто еще с ним был?

— Арестовало гестапо. Вместе с Дмитрием схватили еще троих.

— Кого?

— Пашку Запорожца, Якова Ушакова и Гуляева, имени последнего не знаю.

Сдерживая волнение, Василий припоминал названных товарищей, которых знал со слов своих братьев — Дмитрия и Николая. До установления связи с разведчиками медведевского отряда братья Василия, Николай и Дмитрий, были связаны с ними, а затем, не теряя этой связи, одновременно выполняли отдельные задания Николая Кузнецова, Струтинского

* Швабы — жители средневекового немецкого герцогства, а позднее — провинции Швабия. Здесь — в знач. немцы // Электронный толковый словарь. URL: www.rulib.info

и непосредственно его, Василия. Теперь было понятно, что в цепи подпольщиков где-то случился разрыв.

Василий вытер пот, невольно выступивший на лбу, спросил:

— А немцев там много из гестапо?

— Осталось двое, а те уехали за грузовиком. Видимо, для арестованных. Вам надо немедленно уходить! — предупредил незнакомец.

Василий высыпал из кармана имевшийся самосад, а сам быстро вернулся в квартиру.

— Маруся, собирайся. Митю схватили каратели. Сейчас приедут за нами.

Мария не сразу все осознала. Остолбенев, безмолвно смотрела на мужа.

— Да как же это, Василий? А все это кому оставим?..

— Не мешкай. Опоздаешь — на Белой очутишься.

Одно упоминание об улице Белой приводило в трепет горожан. Все видели и знали, что на Белой казнили непокорных новому порядку людей. Знала это и Мария.

— Что же мне брать? — спросила она. — Я совсем растерялась. У меня ноги подкашиваются.

— Бери по мелочи. Самое необходимое. И спускайся во двор. Я забегу предупредить Николая. Догоню тебя...

Но брат уйти не успел. Едва Василий с женой успели пересечь улицу, к дому подкатила легковая автомашина. Вышедшие из нее два офицера торопливо проследовали через дворик.

— Ты Бурим? — спросил каратель, ворвавшийся первым.

Не отвечая, хозяин смотрел прямо в лицо непрошеного гостя и думал: «Черт возьми, опоздал всего на несколько минут!»

— Чего молчишь? Ты Бурим Васька? — опять не получив ответа, подошел к Николаю, выдернул из его кармана мельд-карту*, прочел: Бурим Николай. Немец обрадованно воскликнул:

— А, брудер! Гут! Аллес гут!** Ты нам надо.

Каратели сопроводили Николая к машине, затем возвратились и тщательно обыскали квартиру. Обыск не дал результатов. Тогда они переметнулись в квартиру Василия. Сбили замок, но ничего не нашли и там.

Василий и Мария более двух недель скрывались в Ровно.

* Мельд-карта — от *Melde* — регистрационный (нем.).

** А, брат! Хорошо! Очень хорошо! (нем.).

— Почему мы так рискуем? Ведь здесь многие нас знают, и все может плохо закончиться, — тревожилась Мария.

— Нам необходимо связаться с остальными, — объяснил Василий, хотя в душе надеялся что-нибудь узнать о судьбе братьев и друзей.

Но ожидания оказались напрасными. Тогда Василий решил навесить конспиративную квартиру Ольги Голдованской. Принимая самые тщательные меры предосторожности, он пробрался к дому. На сердце было тревожно, точно в предчувствии чего-то недоброго. Так оно и вышло — хозяйка была в слезах. Вещи были разбросаны, везде лежал битый фарфор, стекло...

Ольга Михайловна чуть приподняла опущенную голову, воскликнула:

— Василий, жив? Уходи поскорее! Пантелея схватили. Уходи, умоляю!

Василий, сжав в руке пистолет, спешно удалился...

Медлить было нельзя. Василий наметил всех, кого еще можно было спасти от ареста, составил группу, и на рассвете подпольщики покинули город.

День клонился к вечеру, когда группа наконец вышла на партизанский «маяк». Но «маяк» оказался заброшенным. Было пусто и безлюдно. Лишь торчали обгоревшие кузова «адлера» и «опеля», которые Василию приходилось неоднократно перекрашивать. А чуть в стороне, припорошенные снегом, валялись два поломанных велосипеда. Раньше все это принадлежало его боевым друзьям — Николаю Кузнецову и Николаю Струтинскому. Где они теперь? Живы ли?..

Бурим грустно смотрел на эти останки, и они как будто оживали. Перед глазами вставали дорогие лица, мужественные в момент смертельной опасности и открытые, приветливые среди друзей. Воспоминания возвращали в покинутый город, к боевым делам, от которых гитлеровцы метались, словно на раскаленной сковороде...

...Гитлер на украинской земле думал обосноваться навечно. И в первую очередь побеспокоился об административной реформе, ввел свое деление. Территорию Галичины включил в генерал-губернаторство Польши (дистрикт Галиция), центром оставил старинный украинский город Львов. Назначил наместником генерала Оттона Бауэра. Создал рейхскомиссариат Украины, во главе которого поставил Эриха Коха. Правительственным президентом оккупированной Украины был назначен генерал Пауль Даргель, который одновременно являлся первым заместителем Эриха Коха. Фюрер на военный лад раскрыл всю

Украину. Ввел генерал-комиссариаты: Волынь и Подолье, Житомир, Киев, Николаев, Днепропетровск и Крым (Таврию); в них входило 114 окружных комиссариатов.

Всю полноту власти над украинской землей и ее народами фюрер вручил своему выкормышу, бывшему прусскому владыке Эриху Коху. Палач решил также внести свою лепту в дело преобразования, дабы утвердить на украинской земле прусский дух. Он распорядился переименовать улицу Калинина в Кенигсбергштрассе. На этой улице, в самом ее тупике, в западной части, разместился рейхскомиссариат Украины — резиденция Коха. Сам он поселился рядом, в двухэтажном кирпичном особняке, окружив дом усиленной охраной офицеров и сержантов СА-СД. Эрих Кох очень заботился о безопасности своей персоны. Территория резиденции была обнесена высоким забором, вокруг которого усиленная охрана автоматчиков-шарфюреров СС несла круглосуточную службу. У центрального входа также круглосуточно находились два сержанта. Внутри парка между зданием рейхскомиссариата и личной резиденцией гауляйтера постоянно прогуливался его личный телохранитель из СД. Словом, все было поставлено так, что всякая случайность была исключена. К тому же, гауляйтер в городе появлялся очень редко и исключительно скрытно.

Эрих Кох представлял собой значительную фигуру в гитлеровской фаланге. Поэтому, несмотря на такой режим охраны, Николай Кузнецов все же готовился проникнуть в резиденцию наместника Гитлера на Украине. В его руках уже были некоторые сведения о порядках, введенных Кохом в резиденции, в службе охраны. Об этом сообщили Валя Довгер, Николай Гнидюк, Иосиф Боган и другие. Но этих сведений было далеко не достаточно для успеха операции. И однажды, находясь в квартире Василия Бурима, Кузнецов обратился к остафовцам за помощью.

— Хотелось бы знать, как там все расположено на территории за оградой. О самом особняке необходимо знать точнее. Какие у вас есть возможности?

— Мы подумаем, Николай Иванович, — ответил Бурим.

Дело оказалось совсем не простым. Кто может проникнуть в эту прокаженную зону? И вдруг пришла счастливая мысль: печники, маляры — словом, кто-то из мастеровых людей. Значит, надо идти к брату!

Василий сразу приступил к делу.

— Митя, за Белова тебе спасибо от командования. Парень очень стоящий. Теперь есть новое поручение...

— Все, что в моих силах, сделаю.

— Ты знаешь всех мастеровых. Так вот, кто из них бывает в рейхскомиссариате? Или кто может пройти туда?

— В резиденцию Коха? — уточнил Дмитрий.

— Да, да, именно к нему!

— В последнее время я там ежедневно бываю. А что надо?

— Что ты, Митя! — воскликнул Василий. — Как вовремя! А что там делаешь?

— Камин и печки перекладываю. Именно в особняке Коршуна.

— Это просто удача, Митя! Необходимо узнать обстановку во дворе резиденции: где расставлены охранные посты, их состав, вооружение. Нужны планы двора и особняка Коха, входа, запасных выходов, расположение комнат.

Дмитрий посмотрел в глаза брата:

— Ты опасное дело задумал, Василий.

— Все продумано, всерешено. Осталось единственное — действовать. Через несколько дней Дмитрий доложил о выполнении задания.

— Все в полном порядке. План комнат Коршуна в кармане. Мне поручили у него новые печи и камин из кафеля ставить. Ну уж работа была, будь она проклята! Возле меня и моего помощника стояло четыре эсэсовца. Глаз с нас не спускали — и в глине ковырялись, и в воде, и в песке — боялись, чтобы мины не подложили. А что, если на самом деле подложить палачу адскую машину? — вдруг заключил Дмитрий.

— Мысль дельная! — одобрил Василий. — Надо будет посоветоваться...

Этот вопрос обсуждался совместно с Николаем Кузнецовым, и он 10 июня 1943 года отправил на имя командира отряда докладную записку, в которой сообщал:

Брат «Буки», работающий в «Веркдинстве», бывает от этой организации на аэродроме, во дворце «Бека», его гараже, на постройке бомбоубежища «Беку». Периодически приглашается к «Беку» для ремонта печей, каминов (как хороший специалист). Лично производит осмотр дымоходов во дворе «Бека». Недавно осматривал и ремонтировал камин в зале ожидания его дворца. По моей просьбе составил подробную схему (чертеж) всех деталей размещения и планировки комнат внутри особняка «Бека» и прилегающего двора, в том числе и наливного бассейна, в котором «Бек» купается. Очередной почтой документ отправлю вам. Пух.

Дмитрий Николаевич ознакомился с документом, и тут же из дремучего Цуманского леса в Москву полетела радиogramма. Командир

отряда нетерпеливо ожидал новые, дополнительные сообщения от Кузнецова.

19 июня пакет со специальным сообщением Кузнецова и детальными планами двора, парка и особняка Эриха Коха был вручен начальнику «маяка» Всеволоду Попкову, который тут же выделил трех разведчиков, старшим назначив Гришу Шмуиловского, и проводил их за пределы «маяка».

— Счастливого пути, друзья! Будьте осторожны. Полно бандитов бродит по здешним лесам.

Попков испытывал какое-то тревожное предчувствие. Он хотел остановить ребят, добавить в группу еще двух разведчиков, но было поздно. Тропинка, вьющаяся змейкой, увела их с полянки в глухой Клеванский лес. Тем более, смешно было руководствоваться каким-то предчувствием. Возвращаясь на «маяк», Владимир представлял путь товарищей, который отлично знал: вот пересекают речку, вот выходят на поле и снова теряются в лесу...

В это время разведчики переправились через речку Стуболку и, прижавшись к насыпи узкоколейки, разобранный давным-давно, пробирались к лесу. На песчаном большаке, вползающем в молодой дубняк, было совсем спокойно. И даже скрип телеги не нарушал тишины. Только, как показалось Шмуиловскому, тревожно прошуршала листва. Но как ни напрягал слух молодой разведчик, бывший московский студент-журналист, прилетевший добровольно в тыл врага защищать Родину, он не мог уловить ни звука, который бы говорил об опасности.

— Впереди еще будут опасные места, — тихо предупреждал Григория разведчик, шедший рядом.

— Знаю, следует немного растянуться! Вон там впереди, на опушке леса, может быть засада, — определил Шмуиловский.

— Да, место уж больно подходящее для этой цели, — согласился разведчик.

— Это в том случае, если нас поджидают. А если нас не ждут и не знают нашего маршрута, то для кого такая засада? — возразил разведчик, шедший последним.

— Ничего, дадим отпор. Нас все же трое, и оружие классное, — одобрял Шмуиловский друзей, поглаживая отечественный «ППШ».

— А если и придется погибнуть — ну что ж, война... — шутил первый.

— Спишет, ты не сказал, — дополнил другой.

— Конечно, спишет! — уже всерьез согласился первый.

— Война есть война, к тому же глубокий тыл противника, — ни к кому не обращаясь, напомнил Григорий. И тут же невольно вспомнил широкие улицы столичного города, мать-старушку, ее мольбы не покидать ее: «Ведь ты у меня один-одинешенький, на всем белом свете у меня кроме тебя, Гришенька, никого больше нет. Не улетай!»

Скованный тяжкими воспоминаниями, Григорий споткнулся и чуть не упал. Он встрепенулся, словно пробудился от сна, пошел дальше.

Вдруг за поляной, по которой они шли, в старом сосновом лесу что-то мелькнуло. Партизаны залегли, долго всматривались в темные стволы деревьев, но ничего не обнаружили.

— У страха глаза велики, — насмешливо кинул Григорий. — Пойдем! Время не терпит. У нас срочный пакет. Он здесь лежит, — он указал на внутренний карман пиджака. — В случае чего, берите пакет и уходите. Во что бы то ни стало сегодня же пакет должен быть в руках командира отряда. Понятно?

— Придем в отряд, сам и вручишь, — бросил шедший рядом партизан.

Разведчики приближались к лесу, когда Шмуйловский заметил вооруженных людей, притаившихся за деревьями.

— Ложись! — закричал он.

В этот миг лес ощерился вспышками выстрелов. Строчили пулеметы, автоматы, стреляли из винтовок и обзоров. Отвечали и советские автоматы. Припав к земле, трое отбивались от нескольких десятков бандитов. Вдруг Шмуйловский почувствовал жгучий толчок в голову. Кровь потекла по лицу, заливая глаза. Он продолжал стрелять. Но силы покидали его. «Все погибло, — мелькнула мысль. — Никому не уйти. Товарищ слева уже убит. Пакет?» Пальцы разведчика впивались в землю, разгребая ее. Еще, еще немножко. Он всунул в лунку пакет, присыпал, сровнял. У него хватило сил отползти немного, чтобы отвести бандитов от пакета...

...Командир отряда вышел из землянки. Мысль о разведчиках тревожила его. Он поглядывал на часы. Все нет и нет. Медведев позвал адъютанта и распорядился:

— Срочно прошу вызвать Балясникова!

— Есть вызвать Балясникова! — повторил тот и удалился.

— Ваша задача со взводом через десять минут выйти навстречу разведчикам к переправе у Красной Руды! — приказал Медведев. — Их задержка меня очень беспокоит...

Партизаны обнаружили изуродованные трупы разведчиков, но пакета тогда не нашли. Операцию пришлось отложить, опасаясь провала. Кох избежал расплаты...

Бурим смотрел на скелеты машин, как смотрят на верного друга. Вот на этом «опеле» приезжал Кузнецов за чертежами. А на «адлере» был доставлен за город генерал Ильген, заместитель командующего войсками Украины. На этих велосипедах... Да тут целый музей!..

— Вася, Вася, — в который уже раз окликала Бурима жена. Наконец он поднял голову, поглядел на нее долгим отчужденным взглядом. — Как нам быть? Куда пойдем? — сквозь слезы спрашивала Мария.

Василий обвел взглядом молчаливый угрюмый лес, светящийся инеем, над которым уже опускалась ночь. Теперь он понимал, что разыскать отряд не удастся. Но сказать об этом людям, доверившим ему свою жизнь, было тяжело. О возвращении в Ровно не могло быть и речи.

— Будем устраиваться на ночлег, — оказал Василий твердо.

Первая ночь оказалась мучительной. В густой еловой посадке наломали веток, соорудили что-то наподобие шалаша, внизу выстлали ветками и улеглись, прижавшись друг к другу. Несмотря на усталость, никто не сомкнул глаз.

Утром мороз смягчился, но сыпал густой мелкий снег. После теплых постелей здесь, в открытом лесу, все продрогли до косточек. На Марию и Лиду жалко было глядеть: лица позеленели, глаза запали, зубы стучали от стужи.

Василий не мог смотреть в глаза спутников. Тяжесть давила плечи. Ему поверили люди. За ним пошли отец, жена. И вот он привел их сюда, в заснеженный лес, может, на верную гибель.

Бурим тряхнул головой, отгоняя тягостные мысли.

— Нет. Это подлая трусость. Надо действовать. Надо идти, бороться, — пробормотал он.

Отец присел рядом, заговорил:

— Я понимаю положение. Мой совет такой — надо выйти из леса. Надо где-то душу отогреть. Ведь не звери, а люди живут кругом.

Ничего другого пока не оставалось.

На хуторе их встретили недоверчиво, но в хату пригласили всех. А когда люди согрелись и поделились, откуда и зачем пришли, хозяин предложил:

— Пойдемте в соседний хутор, там с вами разберутся. Сам я не властен распоряжаться.

— Ну что ж, пойдёмте, — согласился Василий.

В хате, куда привел их хозяин, оказалось полно вооруженных людей. Некоторые из них чистили обрезы, винтовки, пулемет, смазывали их.

«Оуновские молодчики», — промелькнуло в голове Василия.

— Кто вы такие? Какими судьбами толпой очутились в нашем отдаленном хуторе? — строго обратился один из этой шайки.

— Мы жители города Ровно. Попали в беду, — объяснил Василий. — Мои братья высказывались против немцев, что, мол, им каюк, бабы кочергами скоро прогонят. Ну и еще кое-что сказали. Об этом кто-то донес в гестапо, и их схватили. Пришли и по наши души, но мы убежали в лес. Так и наткнулись на ваш хутор.

— Хорошо, люди добрые. Допустим, верю я вам, — согласился хозяин. — Но я обязан доставить вас к нашему начальству. Там разберутся, кто вы на самом деле...

Пришлось шагать в третье село, под названием Ставок. Первым главарь банды по кличке Ясень вызвал Василия.

— Кто вы, откуда и зачем попали в эти места? — спросил он.

Бурим повторил ответ.

— Хорошо. Но без пропуска вы дальше не сможете идти. Вас могут и ограбить, и убить, — расчувствовался главарь.

— Тогда дайте нам какой-нибудь документ!

Ясень раздобыл, взял кусок бумаги и написал: «Эти люди — Бурим Василий, его отец Бурим Андрей, жена Мария, Сажников Валентин и его жена Лидия, а также сын арестованного в Ровно немцами брата Бурима Николая — Григорий, назвавшиеся беглецами от немцев из Ровно, направляются в село Крутая Слобода Сарненского района к своей тетке Сидорчук Анне». И поставил подпись — Ясень.

Такой тетки на самом деле не было. В том селе когда-то жил Василий, будучи еще подростком. Пас коров, собирал в лесу ягоды, грибы. И теперь, зная, что названное село далеко от этих мест и на проверку потребуется много времени, он придумал тетку.

Вручая Василию «документ», главарь заключил:

— Записку даю, но гарантии полной не обещаю.

— Я понимаю, конечно. И за это большое спасибо. Но было бы лучше, если бы вы титул свой указали, — заметил Бурим.

— Ничего, меня вокруг все знают. Достаточно и этого, — самодовольно буркнул Ясень и предупредил: — Но смотрите, чтобы большевики не обнаружили у вас этой записки, а то на сук сразу вздернут.

Василий надеялся, что, зная местность, он будет бродить с группой по этим местам и в конце концов встретится с партизанами. Снова группа отправилась в путь и вскоре оказалась в Яновой Долине над Горынью. На подступах к селу ее догнала пароконная подвода. Ездовой натянул вожжи, трое соскочили с подводы, приказали:

— Руки вверх!

— Подождите, хлопцы, — возразил было Бурим.

— Руки вверх! — злобно заорали все трое.

«С этими надо поостроже», — решил Василий и тоже закричал:

— Вы что, осатанели! У меня пропуск имеется.

Те сразу смягкли, недоверчиво переглянулись, а старший осведомился:

— Кто выдал? Показывай!

— Как кто? Лично сам Ясень!

Бурим сунул записку в руку бандеровца.

Старший бегло прочитал пропуск и остановился на подписи. Остальные двое прильнули к старшему и согласно пробормотали: «Ясень».

— А кто такой Ясень, знаешь? — уточнил старший. — Если знаешь, отпустим, а не знаешь — придется всех вас допросить.

— Ясень — это комендант нашего округа, с ним я в хороших отношениях, — усмехаясь, объяснил Василий. — Поэтому он и написал мне этот пропуск.

— Тогда другое дело... — сказал старший и вернул пропуск.

В это время подошли еще трое мужиков с вилами и топорами в руках. Одни из них спросил:

— Ну что, хлопцы, подсобить? — он имел в виду группу Бурима.

— Отпускаем. Своими оказались, — недовольно буркнул старший.

Солнце катилось к горизонту, группа спешила взобраться на вершину горы, чтобы до сумерек разглядеть, что делается вокруг, куда лучше податься на ночлег. И вдруг перед их взорами неожиданно возникли вооруженные люди, которые двигались по дороге. Впереди до сотни конников, затем пешие, далее тянулся обоз.

— Партизаны!

— Бегом! Скорее! — закричал Василий, кинувшийся к большаку наперерез двигавшимся конникам. Пробежав немного, он оглянулся и увидел, как за ними спешил отец, который от недоедания совсем выбился из сил. Он падал, подымался, но старался не отстать от группы.

Конники были уже рядом. Василий жадно всматривался в их лица, надеялся встретить кого-нибудь знакомого из группы Николая Кузнецова.

Но, заметив трезубцы на шапках конников, сразу остыл. «Бандеровцы», — пронеслось в голове.

Неподалеку стояла пустующая будка. Василий завел в нее свою группу. Однако их обнаружили.

В качестве пленных их привели в хутор, сдали станичному.

— Устрой до завтра, а дальше посмотрим, куда их девать, — распорядился главарь банды.

— Слушаюсь, друже сотнику! — отрапортовал станичный.

Станичный привел пленников в хату, передал хозяину с той же многословностью: «Оставляю этих людей до утра».

— А разве я против? Многих у меня оставляли, а потом уводили, — с подозрительным радушием ответил станичный.

Василий огляделся. В глаза бросилась чужая мебель. Шкафы, шифоньеры, столики и тумбочки были расставлены как попало и, как видно, совсем недавно. «Награблено все это у жителей окрестных сел, у поляков, — определил Бурим, — а этот хозяин наверняка гад. В хорошие руки нас сдали. Не порубит ли нас этот бандит, когда мы уснем?»

Бурим решил прошупать хозяина.

— Курите, хозяин? — дружелюбно спросил он, подавая сигарету.

Тот исподлобья взглянул на Василия, и взгляды их встретились. Василий уловил злобные искорки, затаенные в глубине глаз, которые сейчас же ушли в сторону.

— Не курю, — отрубил хозяин глухо. — Но взять — возьму. Для гостей, — добавил он и бесцеремонно забрал всю пачку.

— Тебе они, хлопче, не нужны... — хозяин усмехнулся. — Здоровью вредят.

Василий почувствовал, как петля стягивается на горле. Бандит давал понять, что утром их уведут туда, откуда не может быть возвращения. Но он справился с собой, сказал как ни в чем не бывало, взглянув на полуразвалившуюся печь:

— Холодно у вас. Печка, видимо, не греет?

— Исправить некому, — буркнул хозяин. — Был тут один мастеровой, да немцы убили.

— Ну что ж, если пожелаете, я куколку из нее сделаю.

— Ты на самом деле разбираешься в этом? — спросил хозяин с явной радостью.

— Что вы! — вмешалась Мария, хорошо понимая обстановку. — Да у него золотые руки! Он с малых лет этим ремеслом занят. Тысячи печей в нашем городе построил.

— Ну, раз так... — протянул хозяин, что-то соображая, почесывая заросший затылок. Дармовой труд, видно, этому бандиту был по нутру. — Я утром замолвлю словцо перед паном сотником. А сейчас устраивайте постель. А то баб ваших клонит ко сну. Солома в клуне.

Беда отступила, по крайней мере, можно было спать спокойно.

Утром никто из бандитов не появился, видно, «друзе Дубовой» считался с хозяином. Василий за день переделал печь, вкладывая все усердие, и в хате стало тепло. Хозяин высказал удовольствие и тут же предложил:

— Ты, хлопче, помастеруй по соседям недельку. Харчишки я тебе и твоей компании обеспечу.

Хозяин решил поживиться за чужой счет, и оставалось только благодарить его неистребимую жадность.

Прошла неделя, началась другая. Василий со своими помощниками трудился с утра до вечера. Аппетит хозяина разгорался, он уже брал подряды в соседних хуторах.

Бандеровцы, казалось, забыли о пленных. Они внезапно появлялись и так же исчезали. Дубовой со своими сотнями метался, и причина тому была веская: приближался фронт. С каждым днем все четче с севера и востока доносились орудийные раскаты, от взрывов вздрагивала земля. И хозяин становился добрее да ласковее.

Однажды утром, когда над сизой гривой далекого леса поднималось холодное зимнее солнце, Василий в окно увидел такое, от чего зашлось сердце. Неподалеку от хаты, прямо на шоссе стояли несколько вооруженных винтовками красноармейцев — пожилые небритые люди в серых шинелях, ботинках с обмотками и шапках-ушанках. Они стояли в окружении сельских баб и, весело переговариваясь, жевали пироги.

Неужели свои?! А может быть, переодетые бандеровцы? Может быть, маскарад? Василий вышел из хаты, оглядел равнину, тянувшуюся к лесу. Но советских войск нигде не обнаружил. Откуда взялась эта группа, и почему красноармейцы, если в самом деле это они, так беспечны? Ведь здесь кругом бандеровцы!

Василий стоял, не зная, что предпринять, как вдруг случилось потрясающее: на трех подводах ворвались в село вооруженные люди в масках-латах и, соскочив с саней, окружили группу этих красноармейцев, жевавших пироги, моментально разоружили их, втолкнули в сани и скрылись.

Прошла еще одна долгая тревожная ночь. А утром в хату почти вбежал отец:

— Наши! Переходят Горынь!

Вскоре Василий встретился с молодыми крепкими ребятами. Он представился командиру, сообщил о себе и кратко доложил обстановку.

— Хорошо, товарищ Бурим, — сказал лейтенант, командир разведотряда. — Вас проводят в штаб. Там вы обо всем доложите подробно.

Оповестив своих, Василий явился в штаб советской контрразведки «Смерш». Майор, как заметил Василий, отнесся к его рассказу с недоверием и предложил в обязательном порядке явиться к нему завтра.

Проверка через Москву все подтвердила. Когда Василий снова вошел в штаб, майор крепко пожал ему руку, сказал:

— Отряд полковника Медведева продолжает находиться в тылу противника, и вам в ближайшее время с ним не удастся встретиться.

— Как же нам быть? — невольно вырвалось у Василия.

— Ровно уже освобождено нашими войсками. Примерно через час туда следует грузовая машина. Если желаете ехать в город, собирайтесь, — предложил майор.

Вечером Василий Бурим со своими спутниками возвратился в родной город, освобожденный от фашистской нечисти. Ему удалось разыскать товарищей, избежавших лап карателей. Их осталось немного. Друзья вспоминали пройденный путь, и всех тревожил вопрос: а где же сейчас он, дорогой Николай Иванович Кузнецов?

* * *

Около пяти часов вечера 31 января 1944 года гитлеровцы из охрана штаба военно-воздушных сил, размещавшегося во Львове по улице Вальной, задержали высокого стройного блондина в форме гауптмана. Он спокойно расхаживал по коридору, читая прикрепленные к дверям кабинетов таблички.

— Как вы сюда попали? — строго, но соблюдая субординацию, обратился фельдфебель. — Сюда без разрешения входить нельзя. Пропуск вы у нас не получали.

— Вот как! — удивился офицер, скрывая иронию. — Я и не знал.

— Господин гауптман, пройдемте к начальнику, — последовало почтительное, но категорическое приглашение. Гауптман странно взглянул на фельдфебеля, однако согласился.

— Пойдемте.

Представ перед начальником штаба Гансом Петерсом в его кабинете, с достоинством подавая командировочное удостоверение, он доложил:

— Господин оберштурмбанфюрер, задержан вашей охраной. Я по делам службы. Разыскиваем одного типа, скрывавшегося под личиной офицера-летчика.

Петерс, как и все офицеры вермахта, недолюбливал службу безопасности и побаивался ее. На его лице мелькнули неестественная ухмылка и растерянность.

— Прошу присесть! — с наигранной любезностью пригласил подполковник, пробегая глазами удостоверение. В нем значилось: «Гауптман СС Пауль Зиберт командирован в город Львов для исполнения служебных обязанностей государственной важности...»

«Гм, гауптман... Разве в полиции безопасности есть такое звание? Если не ошибаюсь, у них гауптман именуется гауптштурмфюрер СС, — соображал Петерс. — На всякий случай проконсультируюсь у Краузе по телефону. Он в курсе этих дел».

— Я вернусь через пару минут, — сказал он, направляясь с удостоверением в руке к двери. — Обождите.

Гауптман вышел вслед и, остановив подполковника в коридоре, потребовал:

— Возвратите удостоверение. Я ухожу.

— Что за дерзость?! — вспыхнул Петерс, потянувшись к кобуре.

В это же время прозвучало три выстрела, и он свалился на цемент. Гауптман метнулся по черным гранитным ступенькам вниз. Преграда. Ефрейтор Зейдель вскинул автомат.

— Хальт! Хальт!*

Но два пистолетных выстрела свалили ефрейтора.

Гауптман исчез...

Гауптштурмфюрер СС Краузе, расследовавший обстоятельства гибели подполковника Петерса и ефрейтора Зейделя, докладывал о результатах начальнику управления полиции безопасности дистрикта Галиции штандартенфюреру СС Витиске.

— Подробности дела я знаю, — не скрывая раздражения, выговаривал шеф. — Покойнику уже ничем не поможешь. Важно сейчас нам, живым, приложить усилия, чтобы поймать большевистского разведчика, действовавшего в Ровно. То, что он у нас в городе, подтверждает зажатое в руке погибшего удостоверение.

Витиска взял документ и вслух прочитал:

* Стой! Стой! (нем.).

— Гауптман СС Пауль Зиберт. То, что он гауптман, а не обер-лейтенант, роли не играет, — продолжал Витиска. — Вы докладывали, что кто-то из ровенского гестапо знает Зиберта в лицо?

— Яволь, экселенц*, — почтительно откликнулся Краузе. — Лео Метко был с ним знаком. Они встречались на квартире некой Валентины Довгер, выдающей себя за фольксдойче**. Она арестована, но виновность ее установить не удастся. Метко, будучи в Ровно, подозревал Зиберта в связи с гибелью Функе, похищением Ильгена, покушением на Даргеля. Он имел неосторожность своими предположениями поделиться с этой Довгер. Она, вероятно, дала знать советскому разведчику, ибо Зиберт вскоре скрылся из Ровно в неизвестном направлении.

— Что предпринято по вашей линии для его поимки? — интересовался штандартенфюрер.

— Я ориентировал внешние команды СД по всей территории Галиции — в Тернополе, Станиславе, Дрогобыче, Коломне, Черткове и других городах. Приказал днем и ночью держать под наблюдением все дороги, улицы, контрольно-пропускные пункты. Усилил патрульную и карательную службы, отдал приказ систематически проводить облавы в городах. Кроме этого, все дороги, ведущие из Львова, круглосуточно контролируются службами СД, гестапо, фельджандармерией. Железная дорога, вокзалы, казино, имперские учреждения города также под усиленным контролем. Из Львова птица не пролетит без нашей проверки, — не без самодовольства заключил Краузе.

После ухода Краузе начальник управления пригласил комиссара по уголовным делам.

— Как у вас идут дела по поимке этого прокаженного, фон Паппе? У Краузе, кроме обещаний, пока ничего нет, — начал он, едва комиссар успел войти в кабинет. — Хотя... подождите. На этот вопрос ответите позже. Пока я прошу рассказать о ваших подопечных. В нашем деле они очень пригодятся. Пусть это будет даже сброд, именующий себя оуновцами. Я хочу иметь полное представление о том, кого мы привлекаем к нашей ответственной работе и кто на что способен. Меня интересуют их главари.

— Я позволю себе дать краткую характеристику одному из них, — живо начал Паппе. — Его кличка Черногора. По нему вы можете судить

* Так точно, ваше превосходительство (нем.).

** От *Volksdeutsche* — обозначение этнических немцев, которые жили за пределами Германии (нем.).

и о таких наших воспитанниках, как Темный, Довбня, Могила, Скиба, Бурьян, Меч, Клей, Шугай и других.

...Черногоре доставляло наслаждение, когда в бараки, где содержались неблагонадежные для рейха люди, согнанные из разных городов Западной Украины, заходил комендант куровичского лагеря Эпле. Он злорадно докладывал:

— Преступники не подчиняются, господин обер-лейтенант. Медленно слезают с нар, опаздывают на работу.

— Да?! — удивлялся Эпле.

С минуту комендант водил своими бесцветными глазами по лицам изможденных людей, не торопясь вытаскивал из кобуры парабеллум. Выбрав четыре-пять жертв, спокойно стрелял, целясь в головы... Черногора же, осмотрев трупы, широко улыбаясь, докладывал:

— Точные выстрелы, господин комендант!

Но особенно доволен был Черногора, если в бараки оберштурмфюрер СС приходил пьяным. В таких случаях не требовалось доклада. Эпле просто снимал с плеча автомат и короткими очередями стрелял по лежавшим на нарах людям. В это же время и Черногора успевал застрелить из карабина нескольких обезумевших узников.

Иногда обреченные на смерть люди находили пути, убегали из лагеря. Но куровичская полиция изобрела свои методы борьбы с побегами. В близлежащих Ганачивских лесах регулярно проводились облавы на беззащитных и голодных людей, похожие на травлю диких животных. Эпле приглашал на такую «охоту» своих дружков из львовского гестапо. Стрелки расставлялись по просеке, выбирая широкое поле для обстрела. Шуцманы и охрана лагеря брели цепью по лесу с гигиканьем и пальбой. Люди старались уйти от преследователей, но попадали под огонь гестаповцев. Львовские каратели уезжали довольные, напоминая коменданту непременно сообщить, когда состоится очередная «охота». После этого шуцманы начинали делить «добычу» — окровавленную одежду и обувь, снятые с трупов. Затем переворачивали на спины застывшие тела, палками раскрывали рты, выискивая платиновые или золотые зубы, коронки. Тут равных Черногоре не было. Он прямо своими огромными ручищами разрывал челюсти. Даже бывалые палачи невольно отводили глаза:

— Ну и силища у тебя, Черногора! Сатанинская...

— Сила силой, — посмеиваясь, отвечал тот. — У меня практика. Когда я был комендантом полиции в Пеняках, набил руку на живых евреях. Одним ударом кулака выбивал все до единого зуба.

— Такие люди, как этот Черногора, нам нужны, — заметил Витиска, с брезгливой миной выслушав характеристику бандита. — У них нет ни души, ни сердца. О совести я не говорю. Совесть, как мудро сказал наш фюрер, — удел слабых. Этот полицай оказался неплохим учеником Эпле. Где он сейчас?

— Господин штандартенфюрер, Черногора орудует со своей... — Паппе сделал паузу, подыскивая слово. — Э-э... С отрядом в лесах под Бродами. Их целая сотня. Жгут польские села, вырезают жителей. Я решил направить его туда — разжигать вражду между поляками и украинцами. Получается неплохо...

Витиска перебил:

— Нас вполне устраивает, что оуновские грабители находятся в той местности. Они нам пригодятся. Ведь там действуют партизаны, и к тем местам приближается линия фронта... Теперь другой вопрос. Как нам известно, в Пеняцких лесах появилась большевистская группа. Ее преследуют численно превосходящие отряды оуновцев, но она продолжает оставаться в этих лесах. Она находит поддержку у польского населения. Большевики упорно держатся этих лесов. Почему? Вы над этим не задумывались, Паппе?..

— Я занимался этим, герр шеф, — ответил криминал-комиссар.

— И что же получилось?

— Операция прошла блестяще. Оуновские две сотни при поддержке наших войск СС сожгли всю Гуту-Пеняцкую, более 120 хозяйств. При этом было уничтожено более 750 жителей. Правда, многим все же удалось бежать.

— И куда они бежали?

— В соседнее польское село.

— Какое село?

— Кажется, в Гуту Верхобужскую.

— Выясните и организуйте такую же операцию.

— Есть, герр шеф! Будет исполнено!

— И все-таки неясно, господин комиссар, почему большевики не хотят уйти из Пеняцких лесов, — хмуро пробормотал Витиска. — Их гонят, бьют. Они уходят и возвращаются. Ведут себя, как привязанные. Не связано ли это каким-то образом с действиями большевистской разведки в нашем городе, в частности, с этим неуловимым Зибертом...

В морозный январский вечер группа партизан покидала обжитые, ставшие родными места. Порошил мелкий снежок, медленно опускаясь на землю. В мирной сказочной тишине стоял могучий цуманский лес.

И эта тишина, и этот неторопливый снежок навевали светлые думы. Хотелось вспомнить что-нибудь радостное в жизни, сказать друг другу теплое слово.

— Итак, сегодня шестое января, — как нечто радостное сообщил Шевченко, шагая рядом с Дроздовым.

— Да-да, шестое, — откликнулся Василий. — Итак, начался походами 1944-й год. А ты смотри, Евгения, как удачно подобрана у нас группа: двадцать один человек.

— А что же это означает? — спросила жена.

— Как что? Очко — полный выигрыш.

— Что же, карты сданы. Игра началась, — улыбнулся Шевченко. — Идем ва-банк на последнюю ставку фюрера...

Задача группы, поставленная командованием отряда, сводилась к следующему: пройти или пробиться ко Львову, организовать «маяк» в Пеняцких лесах и ждать прибытия Кузнецова. Группе предстояло пройти более двухсот километров по маршруту: Дубно, Погаев, Золочев, Перемышляны, Гоначив...

Несмотря на многочисленные бандитские шайки, идя только ночью, партизанам удалось за четверо суток преодолеть почти двухсоткилометровый путь. Не обнаружив себя, группа расположилась на дневной привал у подножия Лысой горы, покрытой буковым лесом.

— Смотрите, ребята, вон и Боратин. Рядом, — сообщил Дроздов, отлично знавший эти места. — Видите, а там, за лесом, в долине — село Сталашка. А немного дальше — село Черница. Далее — Пеняцкий лес.

— Далековато, — заметил партизан Приступа, потирая озябшие руки. — Не зря говорят: где Берестяны — на Ровенщине, а где Боратин — на Львовщине. Здорово все же маханули!

— Однако сколько ни хворала — померла, — пошутил Бурлак. — Я переходы не люблю. Ездить — другое дело. Хоть лошадьми, хоть машиной, сколько угодно!..

Партизаны умолкли, прислушиваясь к голосу Евгении Дроздовой, которая, почти плача, умоляла командира:

— Пустите! Тут рядом... Дочь. Я ее так давно не видела.

— Хорошо. Идите вместе с Василием. Как свечерееет. Попутно разведайте, что там в селе, — согласился наконец Крутиков. — Только никакого шума и не задерживаться.

С сумерками Василий и Евгения осторожно вошли в Боратин, пробрались огородами к родительскому дому. Евгения, едва перешагнув

порог, кинулась к люльке. Прижала к груди спящего ребенка и замерла, только счастливые слезы катились по огрубевшему лицу.

— Любушка! Родненькая моя! Вася, погляди. Погляди на нашу дочь.

Скрывая волнение, Дроздов подошел к Евгении и шершавыми горячими губами припал к щечке дочурки. Сердце щемило, словно предчувствовало, что дочке придется расти без них.

— Любушка, голубка моя, — лаская нежные ручонки девочки, приговаривала Женя. А та спросонья смотрела на них своими удивленными глазенками, не понимая, почему мама и папа плачут.

Василий, собирая волю, взглянул на часы.

— Время, Женя!

— Еще немножко. Прошу тебя...

— Куда же вы так быстро, дети? — растерянно проговорил Максим Гаврилишин. Рядом с ним, накинув на плечи платок, плакала беззвучно мать Евгении.

— Доченька моя, куда же ты? — с трудом произнесла она. — И Стефочку нашу угнали, окаянные. И ты меня покидаешь. Останься, не убивай нас, стариков...

— Спасибо вам, родные. Берегите Любушку. Нам пора...

Со слезами и горестью оставили они хату, а в ней самого дорогого сердцу человека — родное дитя. Выбравшись за огороды, они остановились, чтобы прощальными взглядами окинуть родной кров. В этой хате родилась и выросла Евгения. Для Василия она также стала родной. Здесь он нашел то единственное, что встречается человеку лишь однажды, хотя за свои годы успел объехать многие города и села, пройти большой путь. В 1937 году он был призван на действительную службу в ряды рабоче-крестьянской Красной армии. С отличием окончил полковую школу. В 1939 году участвовал в освобождении западных областей Украины в должности командира стрелкового взвода. Затем — участие в финской кампании. Наконец, снова город Броды. Гражданская жизнь. В Боратине, куда частенько наезжали бывшие сослуживцы на вечеринки к девушкам, Василий познакомился с Евгенией. Летом 1940 года они расписались в бродовском загсе. Евгения в это время работала заведующей боратинским молокопунктом.

Появление дочери, которую называли Любовью, еще теснее скрепило супружескую жизнь. Василий по своему характеру был весельчак, общительный, с добрым русским сердцем. Нередко к нему обращались крестьяне за советом, вообще он был уважаемым человеком в округе. Многие

соседки Гаврилишиных завистливо поговаривали: «Смотри, какого зятя Максим отхватил! Большевика, хлопца геройского, лейтенанта».

И действительно, в то время семья Максима Гаврилишина была самой счастливой на селе. Но наступило лето 1941 года, и, как только в воздухе запахло грозой, Василий Дроздов был снова призван в Красную армию. Вспыхнула война. Мирная жизнь, счастье семьи Гаврилишиных были нарушены, как и у многих миллионов людей нашей Родины. Василий в форме офицера забежал в хату попрощаться с родными:

— Выступаем на фронт!

62-й артиллерийский полк, в котором служил Василий в должности командира стрелкового взвода, с боями отступал на восток. Раненный в бедро, Дроздов очутился во вражеском тылу. Фронт удалялся, затихали орудийные раскаты. На восток двигались все новые и новые пополнения врага. Над просторами Украины неслись распластанные крылья фашистских стервятников, доставляя смертоносный груз к линии фронта.

«Неужели все кончено? Неужели все погибло?!» — мучительно раздумывал Василий, скрываясь в лесу. И тут же прогонял эти страшные мысли: «Нет, этого быть не может! Успех врага — временное явление. Наши возвратятся. Наши придут обратно на свои земли».

Крепкий, молодой организм переборол все невзгоды, и рана начала заживать. Василий стал осторожно пробираться к дому. Оставалось совсем недалеко, еще одни сутки. «Крепись, совсем немного осталось. Переждать день и пройти ночь...» С этой мыслью Василий забрался в стог сена на небольшой поляне в лесу, уставший, крепко уснул. Проснулся от злобного собачьего лая и боли. Здоровенная овчарка, вцепившись зубами в ногу, тянула его из сена. У стога, улыбаясь, стоял фашист с автоматом наизготовку.

Дроздов попал под облаву. Его определили в золочевский лагерь военнопленных. Сколотив группу из 28 человек, он организовал побег, уничтожив при этом пятерых фашистов. Василий все же добрался до села Боратин. Но каратели, которым содействовали местные предатели, шли по следу. Как-то во дворе появился незнакомый человек и, подав конверт в руки Евгении, предупредил:

— Примите срочные меры, за ним скоро придут.

Евгения быстро взобралась на чердак, подала Василию письмо и замерла в тревожном ожидании. В письме было несколько строк, которые он прочел несколько раз:

Товарищ Дроздов, в гестапо донесли о вашей принадлежности к партии и офицерском звании. Ваша жизнь в опасности. Примите срочные меры. Наша армия ведет героические сражения. Впереди тяжелая борьба. Желаю успехов!

— Успокойся, Женя, — ласково погладив золотистую косу жены, произнес Василий, хотя сам терялся в догадках. — Кто же этот человек?

— Не знаю, кто мог сделать это.

Василий посмотрел в отверстие чердачного щита, откуда был хорошо виден лес, и вдруг проговорил:

— А мне ясно!

— Что тебе ясно, Вася? — с тревогой спросила Евгения.

— Мне ясно то, дорогая, что борьба против гитлеровского фашизма не погасла и в тылу. Она разгорается. И здесь, в Бродах, существует подпольная организация, которая и позаботилась обо мне... И тебе спасибо, родная, за все! — он крепко обнял Евгению. — А теперь пора. До вечера пережду в соседском сарае.

В момент, когда Василий пробирался в соседскую клуню, с противоположной стороны во двор Гаврилишиных входили каратели с трезубцами на головных уборах.

— О, Боже! — ужаснулась Евгения, вышедшая из-за сарая. — Успели!

— Максим Гаврилишин тут живет? — спросили гестаповцы.

— Тут, вон его хата! — безразлично ответила Евгения, словно ее это не касалось, а сама поспешила скрыться.

— Ну-ка, старик, говори, куда большевика девал, зятяка своего? — потребовали гестаповцы.

— Нет его. Как ушел с войсками, так и не возвратился, — ответил Максим Гаврилишин.

— Если найдем, поговорим с тобой по-другому! — предупредили каратели, уверенные в успехе.

Дроздов с револьвером в руке наблюдал сквозь щель, как суетились каратели: они обшарили хату, чердак, сарай Гаврилишина, наконец, ушли, обозленные неудачей. Дроздов полностью перешел на нелегальное положение, в селе появлялся редко. Постепенно накапливал оружие, боеприпасы, военное снаряжение и искал связи с партизанами, но безуспешно.

Однажды Олекса Гаврилишин, брат жены, сообщил Василию о том, что во Львове украинские националисты-«мельниковцы» провели совещание, и на этом совещании присутствовал и житель соседнего села Черница, некий Крижаневский, бывший петлюровский полковник.

— Есть слух, что у него имеется большой запас оружия, — предупредил Олекса.

— Правда? — загорелся Дроздов.

— На мой взгляд, да. Склад не склад, а несколько стволов нарезного оружия обязательно должно быть. Ведь петлюровский полковник живет богато. Да еще в таком глухом месте, на отшибе, в лесу.

В это время у Дроздова уже было четыре надежных человека. С наступлением сумерек они появились на хуторе и беспрепятственно вошли в хату. Самого Крижановского дома не оказалось — уехал во Львов. Ночной обыск результатов не дал. Кроме двуствольного охотничьего ружья, нескольких кинжалов и сабли, ничего найти не удалось. Прихватив с собой обнаруженные немецкие деньги, немного продуктов, Дроздов оставил хутор.

Крижановский, являющийся одним из вожаков украинских буржуазных националистов, не замедлил посетить коменданта повитовой полиции* в Бродах пана Суховича и пожаловаться ему. И так как следы вели в село Боратин, подозрение пало на Дроздова и Гаврилишина. Сухович направил в село своих верноподданных. Выяснить участников операции взялся главарь местных бандеровцев Быстрый. Он при помощи гестапо и агентов Суховича схватил Олексу Гаврилишина и предложил ему просить у Крижановского помилования, а также выдать Василия Дроздова и других участников. Олекса ответил категорическим отказом, поэтому был передан в руки бродовского гестапо.

Узнав о судьбе Олексы, Дроздов встретился с его родственницей Марией Заяц и попросил любой ценой пробраться в тюрьму, чтобы поговорить с Олексой, узнать, чего они требуют от него и что известно фашистам.

— Хорошо, — пообещала Мария. — У меня есть там один знакомый.

Девушка стала встречаться с Лозовым, который занимал в бродовской полиции один из командных постов, и наконец добилась разрешения на свидание. Перед рассветом, когда немцы еще спали, Лозовой впустил ее в общую камеру, где среди узников томился и Олекса.

— Что нового на свободе? — жадно интересовались обреченные.

Люди в камере были истощенные, грязные, по ним ползала всякая нечисть. Пробравшись с трудом между узниками, Мария увидела Олексу. Вручила передачу и, наклонившись, шепнула привет от Василия.

* Повитовая полиция — районная полиция (от укр. повит).

— Передай Василию, что ни слова мною не сказано фашистам о наших делах, о наших товарищах! Но в руки пусть не попадают. Здесь кое-что известно о них.

В тот же день Мария встретила Евгению и передала ей весь разговор, а та, в свою очередь, как только наступили сумерки, поспешила в условленное место.

— Молодец Олекса! — воскликнул Василий. — Думаю, его долго не станут держать. Доказательств никаких.

Олексу доставили во львовскую тюрьму гестапо, но вскоре направили в золочевский концентрационный лагерь, так называемый «Ляцкив». А через некоторое время, не добившись никаких показаний, отпустили на свободу. Олекса сразу подался на станцию Золочев, чтобы первым попавшимся транспортом отправиться во Львов, а затем на Броды — домой. Олекса не знал, что, когда его выпустили за ворота лагеря, коменданту концлагерей по Золочевскому округу гауптштурмфюреру СС Варцоку передали по телефону о том, что в лагере «Ляцкив» содержится Олекса Гаврилишин, участвовавший в вооруженной акции вместе с советским офицером Василием Дроздовым, скрывающимся в лесах. Об этом стало известно пану Суховичу из верного источника — от агента Темного.

— Доставить ко мне Олексу Гаврилишина! — распорядился Варцок. Но спустя десять минут ему доложили, что Гаврилишин час тому назад был выпущен из лагеря.

— Поднять на ноги всех, разыскать и доставить!

Гестапо и агенты кинулись во все концы, и Олекса снова был схвачен на станции Золочев, когда садился в поезд. «Как нелепо! Почему поддался беспечности и отправился на вокзал. Надо было бежать куда глаза глядят от этого проклятого места!» — мучительно думал Олекса. Его пытали, но он держался, категорически отрицал свою причастность к событиям на хуторе Крижановского, отрицал даже существование самого Дроздова.

Вскоре Олексу отправили в лагерь Освенцим, и там он был казнен.

...Как ни ухищрялись агенты бродовского гестапо, но поймать Дроздова им не удавалось. Фашисты бесновались, что на свободе такой опасный человек, к которому могут примкнуть другие, и тогда появится новый очаг сопротивления.

— Котят надо топить, пока они слепые! — поучал Сухович своих агентов. — Дроздова и его единомышленников следовало бы сразу

уничтожить. Отправляйтесь, если не возьмете самого, прихватите жену. Мы ее заставим говорить.

Но Василий опередил фашистов. Он увел Евгению в лес.

Каратели ворвались в хату Гаврилишиных и, удостоверившись, что Евгении нет дома, вместо нее велели одеваться ее младшей сестре Стефании, которая качала ребенка.

— О, Боже милостивый! — воскликнула мать. — Куда же вы ее, смилуйтесь, она же еще ребенок! — умоляла женщина.

И тогда девочка поднялась во весь свой маленький рост и произнесла:

— Не плачь, мамочка, я своей жизнью заступлюсь за родную сестру. Если так надо, ведите!..

...Колеса поезда отсчитывали стыки рельсов. В одном из товарных вагонов среди молодежи, угоняемой на каторгу в Германию, сидела девушка с русской косой и пела сильным голосом:

Бувай здоров, коханий мій...
Мені пора в дорогу!
Розвіють вітри тихі мрії
Без тебе, молодого.
Надія мов рожевий цвіт
Розвіється з вітрами,
А я піду в далекий світ
Незнаними шляхами.
Дзвіночок дзвонить: дзень-дзелень
Рушаю я в дорогу,
Не вчую більше твоїх пісень,
Не вчую ані слова...
І в глибині твоїх очей
Я більше вже не гляну,
Далеко від твоїх грудей
На чужині зів'яну.
В повітрі котяться дими,
Машина вже на шляху,
Прийди, коханий, обійми
І поцілуй без жаху!
Бо може вже не вернусь я,
Ти не вдавайся в тугу...
Бувай здоров, коханий мій,
Ти швидко знайдеш другу...

Песня билась над бескрайними полями оккупированной Украины, подымалась ввысь и вместе с эшелоном летела на запад...

Партизаны, миновав Боратин, вышли на хутор, где неожиданно встретились с одной из оуновских банд. Но встреча окончилась мирно. Бандиты приняли группу за своих бандеровцев, снабдили суточным паролем и выделили три подводы. Партизаны сейчас же покинули хутор. Когда боратинская боевка разгадала обман и кинулась настигать партизан, было уже поздно. Тогда рассыпались курьеры связи со специальным оповещением — грипсами, в которых сообщалось: через Боратин проследовала на юг группа советских партизан, в ее составе — Василий Дроздов и его жена Евгения, жители села Боратин, в прошлом разоружившие сотню «великана».

Теперь боев невозможно было избежать.

В селе Вороняки партизаны попали в засаду бандеровцев. Прорвались, но потеряли трех товарищей — Величко, Шевченко и Корня. В районе Перемышлян группу атаковали немецкие автоматчики. После короткого боя партизаны вынуждены были разделиться на две группы и уходить в разных направлениях. Одну возглавил Крутиков, другую — Дроздов.

В этом бою Евгения была ранена в ногу. Ей необходимо было сделать перевязку. Группа Дроздова завернула в село Ганачив, связалась с местным подпольем, как было условлено, и вскоре ушла в лес. Партизаны расположились в пустующей избе лесника, где был назначен «маяк» для Кузнецова. Четырнадцатого января пришел связной из Ганачива — радист Бурлак, а на шестнадцатое была назначена первая разведка во Львов.

Утром шестнадцатого Василий Дроздов и Федор Приступа собирались в путь, когда в избу вскочил связной и крикнул сдавленным голосом: — Немцы! Отходите в лес.

Тусклое солнце висело над лесом, озябшим и настороженным. Зловещие черные силуэты двигались по опушке. Каратели растягивались цепью, стремясь взять избу в кольцо.

Гибель казалась неминуемой. Кое-кто из партизан дрогнул, бросился к двери.

Бурлак попытался укрыться в лесу, но не успел, упал, скошенный пулеметной очередью.

— Слушай мою команду! — властно приказал Дроздов. — За порогом — смерть! Будем отбиваться. Федор, занимай это окно — бей по левому флангу. Фидель, вставай к другому. Твоя цель — правый фланг. Не давайте врагу окружить хату. Остальные — со мной. К дверям. Возьмем центр карателей.

— Я с тобой, Вася, — мягко, но решительно произнесла Евгения, ослабевшими руками сжимая в руке пистолет.

Дроздов, Евгения и трое товарищей легли за порогом. Каратели были близко и шли во весь рост.

— Бейте по офицерам, — скомандовал Василий. — Огонь!

С первыми же выстрелами упали оба офицера. Каратели залегли на открытой местности, ведя плотный огонь. Некоторые подались назад, ища укрытия. У партизан оставалось мало патронов, и продержаться до наступления вечера не было возможности.

— Прикройте, — приказал Василий товарищам и перевалился через порог.

— Куда ты, Вася, — крикнула Евгения, приподнимаясь. Тугая пулеметная очередь отбросила ее на пол, опрокинула на спину.

Дроздов подполз к Бураку, забрал автомат, снял подсумок с дисками. Когда он вернулся в избу, жена и три товарища были мертвы. Вскоре пал еще один. Защитников оставалось трое, а карателей — не менее пятидесяти. Чувствуя, что огонь ослабел, они снова начали окружение.

— Надо уходить, Федор! — крикнул Василий. — Давай лампу! Лей керосин! Зажигай!

Дроздов перенес тела погибших в один угол, положил рядом.

— Прощайте, друзья, — проговорил сухим голосом. — И ты, Женя, прости. Не сберег. Не сохранил для Любушки...

— Уходим, Василий! — крикнул Приступа. — Хотя бы один из нас обязан встретить Грачева.

Напоминание о боевом задании заставило Дроздова очнуться.

— Через окно! — прохрипел он, задыхаясь от дыма.

Краузе принимал действенные меры по розыску советских разведчиков, находившихся во Львове. Он почти не спал и буквально выматывал жилы из своих подопечных, гоняя их по городам Галиции, узеньким улочкам Львова. Однако Зиберт был неуловим.

— Вас восемьдесят дураков! А где результаты? Харламов, я вас спрашиваю? — распекал Краузе главаря зондеркоманды, созданной специально для поимки Зиберта. — У нас деньги платят за дело. Так ловите же этого прокаженного.

В городе Харламов встретил своего подчиненного Личманенко, одетого в старомодный серый костюм с искоркой, шляпу и плащ, с элегантной тростью в руке. Харламов на ходу шепнул: «Следуй за мной». За первым же углом остановился, поджидая Личманенко.

— Краузе сегодня как черт! Мне влетело, — торопливо заговорил он. — А ты ходишь, будто связанный... Какой ты, к черту, интеллигент. Ты на сумасшедшего больше похож. Тоже мне, агент!

— А ты что, думаешь, лучше? — окрылся Личманенко. — Одного поля ягоды.

Разрываясь от злости друг на друга, предатели разошлись в разные стороны.

Краузе заставил проглотить горькую пилюлю и Лео Метко, вызванного во Львов. Метко, человек неопределенной национальности, позволил ему по телефону из города, сообщил:

— Наши поиски безрезультатны. Никого похожего не видел...

— Я вообще сомневаюсь в том, что вы видели что-нибудь, кроме самогонки. Иначе не прошляпили бы его. Смотрите, меры приму самые крайние. Запомните!

— Кажется, все, — положил трубку Краузе. — Накачку дал... Ну и подлецы же эти изменники. Свины! Если они свою родину предали, разве могут быть верными нам?

Чертыхнувшись, Краузе заторопился на очередной доклад.

— Можем быть уверены, — доложив Витиске о работе, заключил Краузе. — Русский разведчик у нас в мешке. Осталось его только завязать и положить к вашим ногам, герр шеф!

— Подобную фразу, Краузе, произнесете, когда действительно Зиберт будет пойман! — охладил его пыл Витиска. — А пока он держит нас на ногах... Представьте только: вся служба безопасности дистрикта — гестапо, жандармерия, охранная полиция, вся резидентура со своими агентами задействована, круглые сутки бегают, а результатов никаких! Смотрите, чтобы Зиберт вам не завязал мешок...

— Но он больше не дает о себе знать, — вставил Краузе.

— Вы сказали глупость, гауптштурмфюрер! — скрывая раздражение, промолвил Витиска. — Считаете, он успокоился на Петерсе? Вы учтите его размах: Функе, Гель, Ильген! Вот каких деятелей рейха больше нет! Или, по-вашему, оставив у нас удостоверение личности, разведчик испугается и прекратит акции? Как бы не так! Наоборот, он рассчитывает на нашу растерянность в связи с приближением советских войск. Зиберт уже обошелся нам дорого, и один Бог знает, во что еще обойдется...

— Все же ему не миновать наших рук, — почтительно заметил Краузе. — Клетка захлопнута надежно.

— Вы свободны, гауптштурмфюрер, — сказал Витиска, поднимаясь из-за стола. — Я еду к доктору Вехтеру. Скоро вернусь...

Девятого февраля 1944 года после обеда штандартенфюрер явился в полицию безопасности ошеломленный; не обратив внимания на выскочившего из-за стола секретаря, молча прошел в кабинет, с необычным стуком захлопнув дверь. Бесшумно, словно дух, проскользнул по коридору испуганный Паппе. А спустя полчаса в его кабинете появился встревоженный Краузе. Он вошел, не раздеваясь, повалился в кресло:

— Вот так дела. Ужас один. Опять он!..

Витиска, словно мумия, сидел, не двигаясь. Лицо его казалось окаменевшим. Он смотрел на висевшую на стене картину, изображавшую типичный немецкий пейзаж: однообразные с черепичными крышами дома, прямую, как стрела, улицу и видневшуюся в конце ее кирху, за которой всходило оранжевое солнце. Картина называлась «Утро в фатерлянде». Но Витиска картины не видел. В глазах шефа СД стояла другая, страшная картина: возле своего особняка на улице, согнувшись, лежит вице-губернатор Галиции генерал Отто Бауэр в луже крови. Кровью залит и его черный галстук. Пальцы рук скрючены, ногти посинели... Лаковые сапоги блестят, на правом сапоге к подошве пристала спичка. «Нет, половина ее, — припоминает Витиска. — Ох, Зиберт, Зиберт, попадись ты мне!»

Шеф полиции нервно придвинул к себе лист бумаги. Это был рапорт полевой жандармерии № 96. В нем говорилось:

9 февраля 1944 года около 7 часов 45 минут во Львове перед земельным участком по Лейтенштрассе № 5 произведено покушение на вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера. Нападающий стрелял из автоматического пистолета. Оба ранены в грудь и живот, смертельно. При вскрытии трупов найдено много осколков от пуль. Это подтверждает предположение о том, что этим же оружием были совершены покушения и на других лиц, в частности, в Ровно...

Развернувшись в кресле, схватив трубку телефона, Витиска резко приказал:

— Краузе, ко мне!

Струной вытянулся перед ним начальник гестапо.

— Поднять все и вся на ноги!

— Слушаюсь, экселенц!

— Город взять в железное кольцо. Чтобы из него птица не вылетела. Зиберт здесь. Нельзя терять ни минуты!

— Как у вас с провинцией? — переходя к конкретным делам, спросил у Паппе штандартенфюрер.

— За провинцию я ручаюсь. Курьеры уже повезли главарям националистов точные приметы Зиберта, — почтительно ответил комиссар по уголовным делам...

Спустя полчаса Краузе прибыл в тюрьму гестапо.

— Лейтмаер, у тебя есть места? — спросил он у начальника тюрьмы.

— Битком набито. Полно, как сельдей в бочке!

— Пора десятковать! Предвидится большое пополнение...

— Готов исполнить хоть сейчас, герр шеф!

— Отбери на первый случай полсотни... Список их предоставишь мне на подпись, — приказал Краузе.

Навстречу восходящему солнцу по извилистой асфальтированной дороге бежал серый «фиат». Офицер, сидевший рядом с шофером, острым взглядом просматривал балки, заросшие буковым лесом, которые тянулись по обеим сторонам шоссе. «Фиат» спустился по склону, проскочил Винники, выбежал на снежные просторы полей.

— Куровичи! — прошептал гауптман. Все насторожились. Они знали, что здесь находится пост фельджандармерии. Тревога оправдалась.

— Ваши документы! — сухо потребовал штурмбанфюрер СС с большим металлическим орлом на груди.

— Прошу, господин штурмбанфюрер, — сдержанно произнес офицер, подавая из машины офицерскую книжку. В то же время его взгляд скользнул по жандарму: «Стреляный воробей! Придется скрестить шпаги...»

Майор, раскрыв документ, чуть вздрогнул, прошептал: «Зиберт!» Стараясь скрыть волнение, он дрожащими пальцами продолжал листать документ, с надеждой поглядывая на дверь, за которой находились его подчиненные.

— Он все знает. Мешкать нельзя! — заключил гауптман и нажал на спусковой крючок «вальтера».

Судорожно вздрогнув, майор свалился в придорожную канаву. Из комендатуры посыпали фашисты. Треск автоматных очередей разрезал воздух. Пули, летевшие вслед удалявшейся автомашине, не причинили ей вреда. Она благополучно скрылась за поворотом шоссе и удалилась в направлении Золочева.

— Несколько минут назад в Куровичах при попытке задержать неизвестную легковую автомашину был убит майор полевой жандармерии Кантор. Печальный факт, господин гауптштурмфюрер, — упавшим голосом сообщил Витиска остолбеневшему Краузе. Шеф почувствовал,

как холодные мурашки забегали у него по спине: он отвечал за безопасность в городе. Но в то же время не смог сдержать вздоха облегчения: «Наконец-то разведчик оставил город...»

— Гибель майора касается непосредственно вас, Краузе, — продолжал он. — Дело неприятное и может иметь далеко идущие последствия. Вы понимаете меня?

Побледневший Краузе отлично понял шефа: в лучшем случае его ожидают разжалование и отправка на фронт.

— Вы в состоянии установить, куда исчезла машина, кто ее пассажиры и где они? — язвительным тоном спросил Витиска.

Потрясенный Краузе уехал на место инцидента. Здесь он установил: машина серого цвета, «фиат», в ней находилось трое: офицер, шофер-солдат и третий в гражданском. Краузе пустился по следу злополучной машины. Навстречу ему со стороны Золочева уже двигались каратели, вызванные по телефону.

— Никакой машины не встречали! — доложили они.

— Тогда надо проверить дорогу на Перемышляны. Быстрее! — завопил Краузе.

Через несколько километров жандармы обнаружили машину, оставленную в лощине у дороги.

— Вы правильно поступили, Паппе. Именно туда будет пробираться разведчик. — Подойдя к висевшей на стене карте Западной Украины, Витиска продолжал: — Обратите внимание на трассы, ведущие в Золочев и Броды — основные два направления, куда приближаются советские войска. Понимая, что ему оставаться во Львове нельзя, Зиберт пойдет на соединение со своими или к партизанам, действующим здесь. — Он ткнул в зеленое пятно пеняцких лесов. — Иначе деваться ему некуда. На запад пути отрезаны. Все службы безопасности оповещены, даны его приметы. Кстати, вы помните, что в этих лесах до сих пор держится группа большевиков?

— Она разбита нами.

— Разбита, но не уничтожена, — перебил Витиска. — Не туда ли направляется этот Зиберт? У вас есть какие-нибудь сведения о передвижении самого партизанского отряда?

— Нет, на нашей территории его нет.

— Странно, — пробормотал шеф. — Рассуждая логически, можно предположить, что Медведев должен двигаться на Львов. По крайней мере, идти на сближение со своими войсками.

Витиска вздохнул.

— Что ж, меры, принятые вами, надо считать необходимыми. Пусть националисты перекроют лесные дороги, тропы, устраивают засады в деревнях, расположенных неподалеку от линии фронта.

Угрюмый взгляд Витиски скользнул по лицу вошедшего в кабинет Краузе, затем задержался на заместителе Витиски Шенке и с надеждой остановился на покорнейшем гауптштурмфюрере СС фон Паппе.

— Что еще можно предпринять?

— Я прикажу своим агентам в Золочевском и Бродовском повятах тщательно проверять задержанных, а наиболее подозрительных передавать нам. Вооруженные отряды УПА уже выполняют наши указания. Я лично инструктировал некоторых главарей. Пообещал националистам крупную сумму денег за поимку советского разведчика.

— Да, да. Оуновцы падки на деньги, — поддержал Витиска. — Пообещайте 25 тысяч злотых за Зиберта. Деньги эти и так не имеют реальной ценности, а со временем, предполагаю, они превратятся в сор. Так что не жалейте денег за голову Зиберта.

— Теперь главный козырь в нашей большой игре вы, Паппе, — продолжал Витиска. — Зиберт ушел в провинцию.

— Разведчик ушел в ганачивский лес, а затем в свиржский. Мы обнаружили его машину неподалеку от Курович. По предположению, в ней Зиберт и его два сообщника, — вставил Краузе. — Вот рапорт полевой жандармерии при местной комендатуре.

— Что в нем интересного? Прочтите!

— Слушаюсь, герр шеф!

Краузе начал читать:

Рапорт № 113

14 февраля 1944 года в легковом автомобиле с поддельными регистрационными знаками найдено две гильзы калибра 7,65. Из этого автомобиля был застрелен 12 февраля 1944 года в селе Куровичи майор военного патруля Кантор. Убийцам удалось скрыться. Здесь речь идет об автомобиле, который использовался также при убийстве вице-губернатора д-ра Бауэра и д-ра Шнайдера (рапорт № 96), а также, по всей вероятности, при убийстве подполковника Петерса и ефрейтора Зейделя (рапорт № 98).

— Да, но я ведь сказал, что это уже входит в функции Паппе, — заметил шеф. — Он займется лесом. Вы следите за городом. И отвечайте за это, Краузе, запомните это!

На рыжие черепичные крыши и серые здания города опустилась ночь. Город был погружен во тьму. Ни одного огня. Окна во всех учреждениях, казармах, увеселительных заведениях были замаскированы.

В кабинет Паппе с улицы доносились только глухие шумы: рокот автомашин, следующих с затемненными фарами, шаги солдат, обутих в тяжелые кованые сапоги. Паппе просматривал лежащую на столе кипу газет, издававшихся националистами во Львове и других городах Галиции.

Одна из них, львовская газета от 13 февраля, заинтересовала его. Газета стремилась засвидетельствовать свое верноподданничество рейху.

Тут же после смерти д-ра Бауэра и Шнайдера к губернатору Галиции прибыли представители УЦК в лице его руководителя д-ра В. Кубиевича и заместителя руководителя д-ра В. Паньковского, которые от имени УЦК выразили сочувствие по поводу потери приятеля украинского народа, которым был д-р Бауэр.

— Ваши соболезнования нам не нужны, господа националисты! — усмехнулся Паппе. — Все это лакейская болтовня. Нам нужен Зиберт. Уж тут я буду бдительно присматривать за вами, господа изменники.

* * *

Собираясь в ответственный рейд подо Львов, Медведев десятого февраля 1944 года радировал в Москву:

Встреча с Кузнецовым назначена каждый четный день в 12 часов по немецкому времени у главного входа в большой оперный театр.

Но перспективы пробиться с отрядом подо Львов были слабые. Поэтому вперед была выслана группа, а также предусмотрен другой вариант. Если Кузнецов во Львове не встретит своих, то, проведя операцию, переедет в Краков и, выполнив там задание, будет пробиваться в отряд или, уйдя в подполье, будет ждать прихода советских войск.

А 28 февраля 1944 года в Москву была передана другая радиোগрамма:

Встреча с группой Крутикова и Кузнецова назначена в районе Перемышлян, что находятся к юго-востоку от Львова. Поэтому маршрут отряда, хотя и более тяжелый, но единственно возможный, будет пролегать от Ровно на юг, затем на юго-запад, южнее Золочева. Намечаем выход в тыл противника 1–2 марта.

На всей территории Галичины, оккупированной гитлеровцами, господствовала мокрая метельная ночь. На столе при свете керосиновой

лампы командир отряда изучал карту. Карандаш пробежал по красной извилистой линии, остановился на населенном пункте Нивица. Нивица! Итак, отряд прошел около двухсот километров строго на юг. Отсюда до Львова около семидесяти километров. Линия фронта не более чем в двухста километрах.

Медведев задумался. В отряде закончились боеприпасы. С таким вооружением и, в особенности, с такими людьми, закаленными воинами, можно было бы пробиться хоть черту в пасть. Но нет боеприпасов. Почти нет. Что делать?..

Командир, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Подошел к окну, плотно завешенному одеялом, приподнял угол. Февральский ветер монотонно свистел за окном, трепал оголенные ветви деревьев. Сыпал хлесткий дождь вперемешку со снегом. Неподалеку прохаживался часовой.

Взвод кавалерийской разведки прибыл в Нивицу до вступления всего отряда, но и теперь кавалеристы еще не спали: чистили оружие, перетирали боеприпасы, приводили в порядок сбрую, кормили лошадей, хлопотали по хозяйству...

Медведев прежде, чем вздремнуть, решил посмотреть расположение своих подразделений, проверить охрану. Кто его знает, что таит в себе это незнакомое галицкое село. Да еще такая непогода. Судьба тысячи патриотов была на ответственности командира.

— Стой! Кто идет? — окликнул знакомый голос.

— Свой, — отозвался Медведев.

— Узнал, товарищ командир, — уже тихим голосом произнес Дарпек. — У нас все тихо. Кажется, спокойно во всем селе.

— Ну-ну, Абдраимов, не настраивайся так. Тишина обманчива. Будь начеку. Львов не так далеко, а до Каменки-Струмиловой, до Буска — рукой подать. А немцев там знаешь, сколько?

— Ясно, товарищ командир.

— Люди спят? — тихо осведомился Медведев.

— У нас никто не спит. Делом занимаются.

— Молодцы. Будьте настороже.

Медведев направился через огород к штабу. У сарая приостановился, уловив какой-то шорох. Не показалось ли? В темноте мелькнули силуэты. Потянулись наперерез к дому, в котором был размещен штаб отряда. Медведев выхватил маузер, но стрелять воздержался: если это свои?..

И вдруг раздался оклик часового:

— Стой! Кто идет?

Вместо ответа — выстрелы. В этот же момент гроыхнул взрыв в доме, в котором расположилась санчасть.

Дарпек и Сухенко мчались на выстрелы по следам командира.

— Я здесь, товарищи! — отозвался Медведев. — Бегите к штабу, занимайте оборону.

Дарпек побежал к командиру и, прикрывая его собой, повел огонь по фашистам. Но пуля тут же скосила его. Дарпека подхватили Сухенко и Медведев, передали подоспевшим партизанам. Фашистов выбили из села, многим из них удалось скрыться под покровом ночи.

Как выяснилось позже, в Нивице находилось подразделение дивизии СС «Галичина», около пятидесяти человек. В соседнем селе также стояло небольшое подразделение. Застигнутый партизанами враг притаился, выжидая момента. И вот, когда все умолкло, подразделения объединились. Отлично зная расположение села и каждый дом, они осторожно пробрались в село и, разбившись на две группы, напали на штаб и санчасть, планируя уничтожить командование отряда, врачей и скрыться. Так предполагалось начать разгром отряда, который должна была довершить дивизия СС «Галичина», стягивавшая силы в этот район. Но план сорвался.

Дарпек Абдраимов получил тяжелое ранение в область сердца и был безнадежен. Он приходил в сознание и шептал:

— Жив командир?.. Что с командиром?..

— Командир жив! — успокаивали партизана врачи.

— Командир жив — хорошо, — Дарпек опять терял сознание.

Темно-синее холодное небо повисло над поруганной Галицкой землей. Где-то далеко-далеко мерцали уже поблекшие звезды. Не успевшие отдохнуть партизаны готовились к походу.

Освободившись от неотложных дел, Медведев поспешил в санчасть. Дарпек в это время пришел в сознание и, заметив вошедшего командира, радостно блеснул глазами:

— Командир! Я... я очень рад!

Вскоре он скончался...

Медведев бережно взял его безжизненную руку, положил в свою ладонь и, поглаживая ее, тихо произнес:

— Много мы с тобой прошли, Дарпек. Своим сердцем ты защитил Родину. Сердцем прикрыл и меня. Прощай, дорогой друг, воин-богатырь...

Задумчивыми глазами Медведев посмотрел на окружавших его медицинских работников, снова задержал взгляд на лице Дарпека, молча вышел из хаты.

Сельская улочка, по которой шел командир, вывела на окраину села. Дальше дорога тянулась открытым полем, исчезая в сосновом лесу. Эта дорога вела во Львов.

— Где же ты, Николай Иванович? — обронил Медведев, вглядываясь вдаль.

— Вы о Грачеве, Дмитрий Николаевич? — спросил Гнидюк, сопровождавший командира.

— Да. Он привел нас в Нивицу. Но нам не пробиться дальше. Вынуждены возвращаться... И Крутиков молчит...

День угасал. Фашистские войска стягивались к Нивице, сжимая кольцо. Отряд был готов к выступлению, но покидать село днем было рискованно.

— Еще бы часик-полтора потерпели фашисты, и мы «на коне», — поговаривали партизаны.

Разведданные о противнике очень беспокоили Медведева. От перехваченных фашистских лазутчиков партизаны узнали о скоплении эсэсовских войск в Топорове и в соседних с ним селах, а также и о том, что из Львова на Буск и Каменку-Струмилову двигаются немецкие танки, бронемашины, войска.

— Значит, кольцо сжимается, — прикидывал Медведев, изучая по карте эти районы, дороги, ведущие к Нивице, расстояния.

На пороге появился Борис Сухенко, ожидая указаний. Дмитрий Николаевич взглянул на него:

— Теперь о Дарпеке. Увезем с собой и где-то на марше похороним...

Но вбежал связной, доложил о появлении на подступах к селу вражеских бронемашин.

— Значит, разведка. А следом и основные силы пойдут, — спокойно констатировал командир. Подошел Сухенко, Медведев с расстановкой сказал:

— Надо укрыть Дарпека. Взять с собой не можем.

— Как укроем, товарищ командир? — не понял Сухенко.

— Ройте прямо в клуне могилу. Сделайте это без посторонних глаз. В Нивице останется сын далекого солнечного Казахстана. Но придет время — и о нем будут знать. Мы, товарищи, клянемся в этом. Мы унесем память о нем в своих сердцах. Иди, Борис, выполняй.

Дмитрий Николаевич снова склонился над картой, намечая маршрут отступления. За этим занятием и застал его Сухенко.

— Приказание выполнено, товарищ командир. Дарпек похоронен. Из посторонних глаз никто не видел. Могила замаскирована.

— Спасибо, Борис. Теперь в дорогу. Быстрее.

С последним словом командира ударили пушки. Завязался бой. Через некоторое время он так же внезапно затих...

Снова появился связной.

— Что с броневиками, убрали? — спросил Медведев.

— Так точно, товарищ командир! Первая машина дымит. Остальные повернули обратно. Да клуня в селе загорелась. Зажигательной броневик угодил.

— Какая клуня?

— Та, где кавразведка наша размещалась, — пояснил связной.

Медведев вышел из хаты, остановился. Пламя вперемешку с клубами черного дыма поднималось высоко над селом.

— Значит, над могилой Дарпека огонь, — подумал Медведев и тут же распорядился: — Командиров подразделений ко мне!..

Конная разведка проверила намеченный командиром маршрут отступления. Как только над Нивицей опустились сумерки, основные силы отряда оставили село, растворились в ночной мгле. В это время по улицам носились конники, создавая видимость присутствия в селе всего отряда. Они покинули Нивицу перед рассветом и, сделав десятикилометровый круг, догнали отряд.

— Ну, оторвались? Немцы не тянутся по вашему следу? — спросил Медведев командира маневренной группы.

— Удачно получилось. Ни единого выстрела. Пусть ищут нас там, в лесах, — доложил тот.

— Мы обязаны уклониться от боев, черт возьми! — произнес Медведев. — Нам необходимо сохранить людей, получить боеприпасы. А там мы сами найдем врага.

Несмотря на крайнюю осторожность, отряд все-таки нес потери. Погиб Александр Базанов, отважный жизнерадостный москвич, начальник штаба батальона. Его похоронили в лесу, неподалеку от просеки, по которой отступал отряд. А вскоре погиб Дмитрий Лисейкин, один из лучших разведчиков.

В районе Станиславчика отряд переправился через Стырь, чистые воды которой тихо текут на север, рассекая на две части Берестечко и центр Волини — город Луцк. В том же направлении двигался отряд. За одну ночь полевыми дорогами и лесными тропами партизаны миновали населенные пункты Станиславчик, Конюшков, Шныров, Безодня, Полночное и перед рассветом вошли в село Хотынь. Выставив кольцо секретов, отряд расположился на отдых.

В это время немецкие части сомкнули свои клещи вокруг Нивицы. Шефу СД Галиции Витиске снова пришлось перенести тяжкий удар. — Обманули, мерзавцы, скрылись!

Витиска кинул свои сконцентрированные резервы на прочесывание лесных массивов.

Когда отряд в полном спокойствии отдыхал в Хотыни, фашистские танки, броневики и солдаты месили дороги и тропы, прочесывали лесные массивы в районе треугольника дорог Топоров — Манастырек — Турзе. Витиска не предполагал, что по бездорожью отряд, располагающий артиллерией и большим обозом, в состоянии сделать ночной бросок на такое расстояние.

Выиграв время, отряд снова выступил в поход. Напрягая последние силы, партизаны стремились до рассвета переправиться через железную, а затем шоссейную дороги, ведущие из Ровно на Луцк. Но случилось неожиданное. Во второй половине ночи впереди раздались оклики:

— Стой! Кто идет?!

— Свои! — раздалось в ответ.

И началось, полетело туда-обратно:

— Кто свои?! Стой!

— Свои, говорят тебе!

— Кто свои? Отвечай — стрелять буду!

— Мы Советская армия! Отвечай, кто вы?

— Мы советские партизаны! Выходи один — потолкуем!

— И от вас один выходи!

«Какие же это свои, если солдат в погонах?» — размышлял вышедший навстречу партизан. И тут же вспомнил, что как-то на привале взводный объяснил им, что по приказу Верховного Главнокомандующего в Советской армии были введены погоны.

Сошлись. Поздоровались. Начали объясняться. Оказалось, это группа конников Первого кавалерийского корпуса Советской армии, наступающего на данном участке фронта. С партизанами им уже приходилось встречаться, поэтому их командир тут же связался с Медведевым, доложил обстановку.

— А вас много, товарищ командир? — осведомился лейтенант.

— Больше тысячи!

— Здорово! — восхищенно сказал кавалерист. — И тут же, решив заручиться поддержкой, спросил: — Ну а если нас припрут, вместе будем сражаться?

— А как же. Конечно, вместе! — ответил Медведев.

— Нам просто повезло. Замечательно! — воскликнул лейтенант.

Радостная весть о встрече с авангардом кавкорпуса, да еще в погонах, молнией разнеслась по всем подразделениям отряда. Началась перекличка:

— Москвичи есть?

— Есть!

— А ленинградцы?

— Тоже есть!..

И тут пошли рукопожатия, расспросы и рассказы о Советской армии, о новой форме, о боях и о доме...

В районе городов Ровно, Клевани, Цумани и немного левее Луцка громыхали орудийные раскаты, взрывы авиационных бомб, полыхали фронтовые пожары. Очутившись в прифронтовой неразберихе, да еще повстречавшись с конниками Советской армии, партизаны namного утратили бдительность. Война, казалось, уже позади. Все опасности пройденны. Как-то забылось о существовании ровенской группировки немцев, которая прорывалась на запад, и о том, что группа кавалеристов Первого кавкорпуса была направлена сюда, в район хуторов Пальче, где пролегли почти рядом две магистрали — железнодорожная и шоссейная, с определенным заданием — следить за передвижением отступающего противника.

Не предполагая, что его отряду предстоит встреча с врагом лоб в лоб, Медведев дал приказ «оседлать» дороги у хутора Пальче.

— Дождемся утра, а там двинемся дальше.

К дорожным магистралям были выдвинуты дозорные. А затем партизаны, забравшись в хаты, клуни, сараи, на чердаки, уснули богатырским сном. Часовые, хотя и были также изморены переходом, бдительно всматривались в темные полосы дорог, ведущие со стороны Ровно. Но вокруг было тихо.

В посветлевшем небе угасли звезды. Бледно-розовый поясok пролет над гарнизоном, с дальних постов донесли о движении по шоссе со стороны Ровно большого количества техники и войск. Рокот моторов быстро нарастал, приближался.

— Подымайся, немцы! Немцы! — разнеслось по хутору.

Но люди спали непробудно: усталость делала свое дело.

Кавалеристы и партизанский заслон, отстреливаясь, начали отходить к хутору. Противник выдвинул вперед танки и ударил прямой наводкой через головы отступающих по хатам и сараям. Партизаны выскакивали на улицу, наспех занимали оборону. Другие с обозом и штабным

имуществом отходили к лесу. Спустя несколько минут все пришло в порядок: железная цепь преградила врагу дорогу. Минометчики отправляли мины в гущу немецких автоматчиков. Подразделение Орехова прямой наводкой било из «сорокопятак» по танкам и самоходным орудиям. Пэтээры подсобляли. Полыхнул один танк. Задымился второй...

Артиллеристы, развернув орудия, галопом поскакали к лесу, откуда снова ударили по врагу. Часть партизан заняла огневые позиции на опушке леса, прикрывая отступающих товарищей.

Николай Гнидюк и Струтинский отступали к опушке вместе, отстреливаясь от наседающего противника. Впереди двигалась бричка, в которой полулежал командир. Так и вошли в лес. Бричку бросало по пням и валежнику. Иногда чуть не опрокидывало...

— Ребята, снимите меня. Совсем растрясло. Печенка отлетает, — обратился к партизанам Медведев. — Петр Петрович, ради Бога, остановись.

— Т-п-р-рр! — зарокотал ездовой, натянув вожжи.

Партизаны помогли командиру сойти с повозки.

— Спасибо, ребята! А ты езжай, Петр Петрович.

Опираясь на плечи партизан, Медведев тяжело шел по лесной дорожке, которая привела его в старый глухой лес. Сюда же скакали связные, сообщая, что полностью израсходованы боеприпасы в стрелковых подразделениях. А бой не утихал. Немцы из танков и самоходных орудий беспощадно били по лесу, и снаряды, ударяясь о стволы деревьев, рвались над партизанами, другие с визгом проносились дальше...

Наконец очередной связной доложил:

— Отрядом и конниками кавкорпуса подбито три танка и одна самоходка. Последняя атака немцев отбита. Враг отступает. Сжигает свой автотранспорт.

— Передайте командирам, пусть отходят сюда, — распорядился Медведев и грустно добавил: — Преследовать-то нечем...

Отряд подтянулся на марше и, обогнув лесной массив, вскоре приблизился к тем же магистралям, но уже поближе к городу Луцку, пересек их. Партизаны вошли в огромные массивы волинского леса, в котором, казалось всем, уже пахло весной. Да, это наступала весна 1944 года, суровая, метельная весна. Но она была радостной. Она несла освобождение украинской земле, трудную победу советскому народу над гитлеровской Германией. Уже ничто не могло остановить победоносное шествие советских войск, никакие силы не могли спасти фашистских варваров от полного разгрома. Но до окончания войны еще было не так близко. Впереди — тяжелые битвы и потери.

Партизанский отряд получил приказ двигаться на Цумань, там получить вооружение и готовиться к действиям в тылу врага, теперь уже на территории Польши.

* * *

Встреча с Кузнецовым не состоялась.

Кузнецов, Каминский и Белов, бросив машину, успели скрыться от преследования карателей в ганачивском лесу.

Наступили сумерки, когда они заметили приближающуюся подводку. Мужчина, сидевший на ней, с виду крестьянин, настороженно всматривался в чашу леса. Он остолбенел, когда внезапно посередине дороги появился немецкий офицер. И не сразу смог ответить на его требовательный вопрос:

— Во ист партизанен? Ферштеен?*

— Понимаю, — так же неожиданно для офицера и появившихся из-за деревьев двух путников ответил крестьянин. Он засуетился, освобождая место на телеге, и между тем доверительно рассказывал:

— Я староста здешнего села. Служу у вас. В лес ездил по заданию, выследить большевиков. Хотя и не удалось их сегодня разыскать, но примерно я могу указать, где они скрываются. Большевики бывают здесь! — пояснял он, указывая рукой на густой лесной массив, тянувшийся влево от дороги. — Но главным образом обитают в соседних свиржских лесах.

Каминский подмигнул Белову, ловко зажав рукой рот предателя, опрокинул его на телегу. Спустя минуту никем не управляемая лошадь тащила воз безлюдной извилистой дорогой.

Предатель имел точные сведения. Едва разведчики углубились в заросли густого леса, как их остановили голоса:

— Руки вверх! Ни с места!

— Свои! — крикнул Кузнецов на русском языке.

— Свои! — радовались партизаны. — А мы думали, немцы.

— Кто у вас командир? — на ходу расспрашивал Николай Иванович.

— Василий Дроздов. Болен он сейчас...

Разведчики услышали краткий рассказ о судьбе партизанской группы, посланной на связь, о ее полном разгроме, о том, что Дроздову удалось здесь, на галицкой земле, создать новый отряд мстителей. А вскоре встретились с самими Василием и Федором, единственными оставшимися в живых из всей группы. Они лежали в землянке, изможденные болезнью.

* Где партизаны? Понимаешь? (нем.).

Вначале в бреду они не узнали пришедших. Кузнецов подождал, когда им станет легче, чтобы поговорить. Первым пришел в себя Дроздов.

— Тяжело, Вася? — участливо спросил Кузнецов. — Что у тебя?

— Николай Иванович! Я ждал тебя. С Федором ждем. Только и всего нас осталось. — Дроздов перевел дух. — Но я ничего. Скоро встану на ноги. Мы еще повоюем!

— Как там во Львове?

— Все в порядке. Ушли. Немцы суетятся. Собирают манатки.

— Останетесь? Пойдете дальше?

— Пойдем. Нельзя оставаться. Попытаюсь разыскать отряд. Если не удастся — пойдем через линию фронта.

— Случится быть в Боратине — загляни к нашим, — попросил Василий.

— Хорошо, Вася. Но ты сам скоро увидишь их... До свидания.

Разведчики в сопровождении Шпильки и Эрлиха пробирались сквозь лес. Всю ночь шли без помех и препятствий. К утру неожиданно столкнулись с вооруженной бандой националистов. Схватка была короткой. Противник отошел. Партизаны потеряли обоих проводников, Эрлиха и Шпильку. Дальше шли уже вдвоем.

...Глубокой ночью разведчики оказались на возвышенности, у которой раскинулся Боратин. Луна освещала снежный путь меж развесистых буков, горизонт озарялся непрерывными вспышками, громыхали оружейные раскаты. Там пролегалла линия фронта. Там были свои, советские люди. Они вели жестокий бой за освобождение родной земли...

Кузнецов, Каминский и Белов, затаив дыхание, вслушивались в гул канонады, будто в чарующую музыку.

— Нам надо продержаться несколько дней, товарищи! — с волнением прошептал Кузнецов.

Свет луны лился на низкие хаты села, и они манили к себе своей тишиной, теплым уютом.

— Зайдем, обогреемся, — предложил Иван Белов. — Обстановку разведем. Может, что-нибудь об отряде узнаем...

Морозная ночь давала себя знать. Кузнецов и Каминский, поколебавшись, согласились с предложением Белова. К тому же надо было исподволь выяснить, здесь ли Максим Гаврилишин.

Разведчики осторожно прошли канавой, поросшей кустарником и деревьями, очутились у белой мазанки, окруженной садом. Прислушались. Послышалось, как скрипнула дверь. Не спят хозяева.

Белов постучал. Кто-то подошел к двери и остановился, настороженно выжидая.

— Хозяин, открой. Свои, — тихо на украинском языке сказал Каминский.

Дверь приоткрылась. На пороге в нателном белье показался человек, внимательно глядевший на ночных пришельцев. Не ожидая приглашения, Кузнецов и Каминский вошли в дом. Белов остался на карауле. Кузнецов сразу определил: хозяин чем-то встревожен, прячет глаза.

— Как ваша фамилия? — строго по-немецки обратился он.

— Степан Голубович, — ответил хозяин, бросив тревожный взгляд на приоткрытую в кухню дверь.

— Вир волен эссен*, — потребовал разведчик.

Хозяин вышел на кухню. Вскоре на столе появились молоко, кружки, хлеб. Кузнецов незаметно вынул из кармана гранату, положил рядом на скамейку, накрыл тряпкой. Он сделал это из привычной предосторожности, потому что повода для тревоги как будто не было. За подступами к дому наблюдает Белов. В случае чего, он даст знать.

...На столе тускло мерцала лампа, слабо освещая скромную обстановку небольшой комнаты. Каминский торопливо допивал молоко, собираясь подменить Белова. Кузнецов тем временем новыми рейхсмарками расплачивался с хозяйкой. Вдруг послышалось, будто в стену дома ударили чем-то тяжелым, донесся приглушенный стон. В люльке заплакал ребенок, встревоженная хозяйка бросилась к нему. И в эту минуту случилось неожиданное: вооруженные люди выскочили из кухни. В короткой схватке им удалось обезоружить партизан.

«Что о нас известно бандитам? — прикинул Кузнецов. — Буду действовать “под немца”. Ведь эти предатели в дружбе с гитлеровцами».

— Кто вы такие? — на немецком языке спросил он. — Бандиты?

— Мы украинская повстанческая армия! — с гордецей заявил старший.

— Это незаконная армия! — строго сказал Кузнецов. — Она пока что официально не признана нами.

— Неважно. Задачи наши едины, — твердо ответил все тот же бандит.

— Так почему же вы нападаете на германских офицеров? Отнимаете оружие?

— С немцами мирно живем.

* Мы хотим есть (нем.).

— Тогда что же вы меня держите как врага? — запротестовал Николай Иванович. — Под ружьем.

— Прошу, садитесь! — сдался старший.

Кузнецов присел поближе к тому месту, где лежала граната, чудом не свалившаяся в момент свалки.

— И до каких пор вы намерены нас держать под ружьем? — обретя хладнокровие, с усмешкой произнес Кузнецов.

— Придет сотник. Проверит документы — тогда вы свободны! — сказал бандит.

«Документы у нас надежные, — подумал Кузнецов. — Вдруг пронесет».

Ждать долго не пришлось. В комнату вошел коренастый человек в полицейском черном мундире, в высокой бараньей папахе. Прищурился, оглядел пленников и, не скрывая ликования, крикнул:

— Это он. Точно — он! Хлопцы, сюда!

— Оружие наизготовку и не спускать глаз! — грозно распорядился сотник, когда его хлопцы окружили разведчиков.

«Теперь все! — решил Кузнецов. — Остается последнее в моей жизни. Честно умереть. Глупо, конечно, так погибать, но иного выхода нет...»

Гремела фронтовая канонада, гулким радостным эхом врывается в тесную хату, а перед Кузнецовым мелькали дорогие сердцу картины.

Как все это было давно и как четко все отложилось в памяти. Весна. Солнечно. По улицам села Зырянка носится босоногий мальчишка. Как приятно и ласково трава щекочет голые ноги... Талицкий техникум. Выпускной вечер. На столах много цветов. Счастливые лица сокурсников и педагогов. Улыбки, цветы и улыбки... Мать. Доброе лицо, натруженные руки. Они прикасаются к золотистым волосам, губы шепчут: «Расти, сын, сильным, красивым и счастливым».

Было очень трудно. Отец рано умер, оставив четверых детей... Брат Виктор, недовольное лицо: «Что ты все немецкое читаешь, Коля, будто русских книг нет? Даже разговариваешь по-немецки!» Из-за этого немецкого часто получались ссоры. Дружеские, но острые. «Надо читать, Витя, немцев. Это помогает лучше понять русское, наше родное, чем я горжусь, живу и чему буду предан до последнего вздоха...»

На дворе послышались топот и чей-то сиплый голос:

— Здесь они, друже Темный!

«Идут главари бандитов, — очнувшись от сладкого забытья, подумал Кузнецов. — Хорошо. Чем больше, тем лучше».

Кузнецов взглянул на Каминского, перевел глаза на тряпку, прикрывавшую последнее оружие. Для того, чтобы взять гранату, необходимо погасить свет. Иначе не получится. Бандиты пристрелят, стоит пошевелиться.

— Хлопцы, дайте закурить, — спокойно обратился Кузнецов к оуновцам. — Может, у кого найдется?..

Один из охранявших молча насыпал на стол щепотку самосада, оторвав клочок газеты.

Свернув сигарку, Кузнецов с разрешения старшего привстал и нагнулся к лампе. Бандиты настороженно следили, как он пыхтел, стараясь прижечь самокрутку от чадившей лампы.

Когда в комнату входили главари, лампа потухла, и четкий голос, заглушая шипение гранаты, произнес:

— Во имя Родины!

Ударили выстрелы. Вспышки на какую-то долю секунды озарили Кузнецова, стоявшего во весь рост с гранатой у груди. За ним у кровати припал к полу Ян Каминский. У двери, давя друг друга, в ужасе столпились бандиты. Раздался взрыв. Взметнулось желтое пламя. Истошно завопили раненые. За стенами хаты среди бандитов поднялась суматоха. Беспорядочные выстрелы огласили тишину мартовской ночи. Со двора стреляли по стенам, в потухшие окна.

Спустя некоторое время около десятка бандитов осторожно вползли в хату. По стенам скользнули холодные лучи электрического фонаря. Кузнецов лежал посередине комнаты. Залитое кровью лицо конвульсивно вздрагивало. Вокруг, разбросанные взрывом, рычали раненые бандиты. Сырый был ранен в живот. Скиба в спину. У Черногоры струйка черной крови стекала по жестким волосам. Он дико стонал, сплевывая сгустки крови.

На дворе у завалины неподвижно лежал Иван Белов, внезапно убитый кинжалом. Ян Каминский, выпрыгнув в окно, которое распахнулось от взрывной волны, уходил к лесу и уже достиг его, но был скошен пулей и прикончен штыком подбежавшего бандита.

...Это случилось ночью с восьмого на девятое марта 1944 года. Село, разбуженное стрельбой, затаилось. Никто не выходил на улицу.

Лишь когда совсем рассвело, сосед Голубовича Спиридон Громых вышел во двор, начал доставать из колодца воду. На выгоне лежал снег, и было морозно. Не успел он зачерпнуть воды, как к нему подбежали два вооруженных бандита.

— Эй ты, старик, лошадь имеешь?

— Нет лошадей у меня! — ответил Громяк.

В это время второй бандит подошел вплотную и, пристально глядя в глаза, с угрозой прошипел:

— А ну-ка живо запрягай, Спиридоне, своего слепца и быстрее за нами. Понял? Подъезжай к хате Голубовича. Живее!

Бандиты побежали в конец выгона, где сустились, присвечивая фонариками, другие бандиты. Они что-то шарили в снегу.

— Вот он. Есть! — прокричал басистый голос, подняв над головой большой портфель, который пытался унести тяжелораненый Ян Каминский.

В этом портфеле был отчет Н. И. Кузнецова о проделанной работе.

Бандиты сустились все утро. Один из них вбежал во двор к Анне Дудысь.

— Ганно! Неси быстрее две подушки! — потребовал он.

— Зачем тебе? У меня их всего две.

— Быстрее неси. Не рассуждай. Наших ранили в хате Голубовича! Слышишь, как Скиба кричит. Доходит.

И тут же бандит свернул в другой двор.

— Эгей, где вы тут? Живые? — заметив хозяйку, потребовал: — Давайте быстрее две подушки и перину. Вот эту, — ткнул он рукой на кровать. Не ожидая, пока хозяйка исполнит приказание, схватил две подушки, перину и потащил все это к подводе. Другой бандит тащил подушки от Анны Дудысь.

— Грабят среди бела дня, ироды! — кричали хозяйки.

— Замолкните! Вам все вернут сегодня же. Мы только в Черницу доставим раненых. Перины жалко, а там люди Богу душу отдадут.

— Молчите, люди, а то пулю схлопочете, — урезонил другой бандит.

Вскорости подводы с ранеными тронулись от хаты Голубовича, направляясь в село Черницу...

Спиридон Громяк безнадежно огляделся: помощи ждать неоткуда, а с бандитами разговор короткий. Он запряг своего слепого на оба глаза коня, подъехал ко двору Голубовича. Здесь еще находились вооруженные люди. Во дворе у забора лежало мертвое тело неизвестного человека. Окровавленная и обгоревшая одежда говорила о принадлежности его к немецким военным служащим. Лобовая часть была раздроблена, оторвана кисть руки, разорвана грудь. Увидев это, Спиридон Громяк остановился на середине двора как вкопанный.

— Иди сюда, сучий сын! Бери его и клади на фуру! — рявкнул бандит.

Крик заставил Спиридона двинуться с места. Он пытался приподнять мертвое тело, но сил не хватало, руки тряслись. В этот момент на дороге появился человек. Громяк узнал односельчанина Василия Олейника.

— Иди сюда, живее! — приказали бандиты. — Бери. Кладите на воду и айда отсюда. За селом закопаете!..

Солнце грело по-весеннему. Теплый пар струился с соломенных крыш хат, едва видимой сизинкой подымался ввысь. Теплом дышали еще снежные безлюдные поля, буковая роща. Далекое небо играло лазурью. И белые, будто лебеди, курчавые облака медленно плыли в неведомую даль.

Улицей Боратина слепая лошадь тянула простые деревенские сани, покрытые рогожей. Спиридон Громяк и его односельчанин Василий Олейник с лопатой на плече шли возле саней, боязливо озираясь, переговаривались вполголоса:

— Ты погляди, Спиридоне. Какая погода! Солнечно, тепло! Даже не верится, что невдалеке идет война. Люди гибнут. Такой прекрасный день. Дух радуется, и умирать не хочется. А мы хороним неизвестного нам человека. За него, возможно, спросят когда-то?

— Верно, — соглашался Громяк. Он был уже в годах, спокойный, рассудительный крестьянин. — Жизнь, какая бы она ни была, все равно хороша. И человек этот тоже хотел жить, а пришлось ему, бедняге, погибнуть мученической смертью.

— Ты не смотри, Василий, что на нем мундир немецкий, — продолжал Громяк. — Слух прошел, советских партизан погубили в хате Голубовича. Немцев эти хлопцы не трогают, в дружбе живут.

— То-то и оно. Что хочешь говори, но, помяни мое слово, хоронить мы возьмем не немецкого офицера!..

Так, разговаривая между собой, они приблизились к урочищу Кутыки Рябого. Остановились. Закурили. Глубокая канава, огибавшая подковой урочище, была засыпана снегом, сметенным ветрами с прилегающих к лесу полей.

Олейник отошел в сторону, разгреб снег, примериваясь копать могилу. Но мороз сковал землю так, что она казалась железной.

— Нужен лом, — произнес он. — Но где его взять? Возвращаться в село далековато. Как же быть?

Громяк посоветовал:

— Никуда не пойдем. Обойдемся без кирки и лома.

— А как же? Земля как камень, — недоумевающе произнес Олейник.

— Пока вот здесь, — указал он рукой на дно канавы. — Захороним в снегу. А когда земля подтает, мы с тобой придем и закопаем его в землю. Ведь об этом будем знать только мы с тобой.

— А оно и верно, — одобрил Олейник. — Другого выхода не вижу.

Раскопав снег в канаве, они положили туда труп, засыпали снегом и забросали сверху хворостом.

— Пусть отдыхает вечным сном, царство душе его! — набожно произнес Василий, перекрестившись.

— Мы свое сделали... — сказал Громяк.

...А где-то далеко за селом раздавались орудийные раскаты, от которых вздрагивали вершины деревьев. Фронт приближался.

Спустя неделю в Боратине появились гитлеровские регулярные части. Солдаты ломали крестьянские хаты, стаскивали бревна на окраину села. Они сооружали двухэшелонную оборону. Командный пункт второго эшелона сооружался в урочище Кутыки Рябого, куда немцы согнали население из окружающих сел и хуторов для рытья траншей, окопов и блиндажей.

К этому времени солнце и ветер сняли с полей потемневший снег. В канаве, куда врезался выступ траншей, образовалась впадина, из которой торчала рука человека. Об этом было доложено командиру.

Пожилой высокий гауптман в пенсне в сопровождении двух офицеров прибыл на место. Он распорядился очистить труп от снега и извлечь на поверхность. Разглядев изорванную одежду, нательное белье и носки, гауптман с негодованием воскликнул:

— Это же германский офицер! Он убит, видимо, местными бандитами! — обернувшись к лейтенанту, стоявшему рядом, распорядился: — Подымите взвод Ганса. Рассчитайтесь с этими скотами за смерть нашего офицера.

Гауптман указал на хутор Залуг:

— Спалить! Дотла.

— Слушаюсь, господин гауптман! — отрапортовал лейтенант.

— А погибшего офицера, — добавил гауптман, — похороните вот здесь. На возвышенности! — гитлеровец ткнул стеком в землю, чуть впереди носков своих начищенных сапог.

— Слушаюсь!

Фельдфебель начертил палкой прямоугольник на том месте, где стоял капитан, позвал рабочих, и те начали рыть могилу.

Пожилой мужик, копавший траншею, поняв надвигавшуюся опасность, решительно кинулся к офицеру:

— Господин офицер, вы невинно караете людей. Прошу вас, разберитесь. Эти хуторяне вовсе не повинны.

— А кто же повинен? — поинтересовался тот.

— Те, которые убили офицера, находятся в соседнем селе.

— Кто они и где их там искать?

— Четыре человека из этой банды тяжело ранены и лечатся в хате Григория Росоловского. Вы их там застанете!

— Как их звать, откуда они?

— Сотник из куреня Шугая Черногора и его сподручные — Сирый, Скиба, а третьего не помню. Там они все! Но откуда родом, я не знаю.

Взвод Ганса был готов и на автомашинах во главе с гауптманом отправился в Черницу. Проводник безошибочно указал хату, и солдаты, рассыпавшись цепью, двинулись к цели.

Антося Выхрест и Оля Решетило, обе крестьянские девушки, были насильно мобилизованы сотником и определены санитарками к этим главарям. Накормив своих подопечных сытным обедом, девушки вышли в сад. Тут и заметили приближающихся к дому немцев. Они бросились к хате. У сарая встретили Черногору, прогуливающегося с помощью врача, прокричали: «Немцы! Убегайте, немцы!»

Врач на себе затащил Черногору в сарай.

Мазепа к этому времени оправился от ран и в этот день уехал куда-то вместе с Росоловским. Один лишь Сирый лежал прикованным к постели. Осколки гранаты глубоко впились в печень, и он отчаянно боролся со смертью. Но и он сегодня оклемался, садился на кровати, даже улыбался девушкам. В это время с ним в комнате находилась подменная санитарка. Она пришла, чтобы прибраться. Почуввав опасность, Стефания Колодинская кинулась наутек, но тут же услышала крик раненого бандита: «Куда же ты, Стефания?! Нельзя меня одного оставлять! Постой...» И она в полном отчаянии возвратилась в комнату, а следом за ней ворвались немцы. Сирого они искололи штыками, а вместе с ним убили и невинную девушку.

Родители Колодинской похоронили свою дочь Стефанию и бандита Сирого на кладбище в селе Черницы... Мать Стефании оплакивала невинную дочь, проклинала бандитов. Вскоре ее нашли повешенной на окраине села.

Штандартенфюрер Витиска в этот день также был озабочен и угрюм. Он откладывал на край стола папки и отдельные документы, не поднимая головы, кратко бросал:

— Сжечь! Сохранить!

Краузе и Паппе брали полицейские досье и бесшумно уносили их из кабинета. Витиска задержал в руках толстое досье:

— Вот оно, дело Зиберта. Сколько над ним пришлось поработать, а, в общем, все безрезультатно. Не больше как запоздалое торжество, господа. Зиберт погиб, и погиб геройски, успев многое сделать для большевистского государства... И вот русские уже в тридцати километрах от Львова. Мы оставляем этот прекрасный город.

Витиска, о чем-то думая, положил досье на стол.

— Дело Зиберта пусть пока останется в моем кабинете. Я хочу его сохранить. Уверен, что дуракам националистам просто повезло взять труп разведчика. Дело выглядело, вероятно, не совсем так, как сообщалось в их пространных рапортах. Да, Паппе! Этому, как его... уплатили 25 тысяч злотых?

— Так точно, экселенц! Черногоре деньги вручены. Правда, теперь они ничего не стоят. Кстати, его чуть наши не ухлопали в Чернице.

— Как же это? — равнодушно спросил Витиска.

— В середине марта к селу, где взорвал себя Зиберт, приблизилась линия фронта. Солдаты вермахта, занимавшие там оборону, каким-то образом узнали, что здесь недавно погиб немецкий офицер. Кто-то подсказал, что в соседней деревне лежат несколько раненых бандитов, убивших офицера. Солдаты пошли в Черницу и ликвидировали одного по кличке Сирый и еще двоих, а сам Черногора бежал... Такой инцидент, господин штандартенфюрер, имел место. Черногора, принимая 25 тысяч, высказал нам протест по данному случаю.

Витиска сухо улыбнулся, молча подошел к окну и открыл его. В кабинет ворвался мощный гул, доносившийся с восточной стороны.

— Собирайтесь в дорогу, — обронил штандартенфюрер.

Часть 3

ГЕРОЙ ВСТАЕТ НА ПЬЕДЕСТАЛ

Итак, расследование подошло к концу. Осталось вскрыть пока что безымянную могилу, над которой уже отцвело четырнадцать мирных весен.

16 сентября 1959 года мы прибыли в урочище Кутыки Рябого, чтобы выполнить эту задачу. В комиссию по эксгумации предполагаемых останков героя вошли сотрудники КГБ Львовской области М. Рубцов, И. Дзюба, я, представитель прокуратуры, помощник прокурора Львовской области И. Колясников, судебный эксперт Б. Зеленгуров, а также двое понятых — жители села Боратин В. О. и Н. В. Громяк.

С волнением мы ступили на этот буйно заросший клочок земли, расцвеченный осенними красками. Падая лист. Задумчиво шелестели пожухлые травы. Молчали птицы. Стояла какая-то таинственная тишина. Может быть, нам так казалось, потому что нервы наши были напряжены: мы прикасались к святому для нас месту.

— Начнем, Николай, — тихо сказал Иван Дзюба, протягивая мне лопату.

Лопаты шли трудно. Верхний слой земли был начинен металлом. Ржавые осколки снарядов, прогнившие гильзы, словно хищные клыки, до сих пор терзали землю.

Война здесь закончилась не в сорок четвертом, когда Украина была освобождена от гитлеровцев. Многие годы спустя здесь еще слышались выстрелы и обрывались жизни. Пособники фашистов, скрываясь в лесах, творили свое гнусное дело. Бродили в живых и те из бандитов, кто участвовали в гитлеровской акции против Кузнецова. Их главарь Орих был взят чекистами в начале пятидесятых годов, Темный перерезал себе горло, когда был окружен. Но следы Скибы затерялись. В ходе расследования нас мучили два вопроса: первый — куда исчез этот бандит, второй — как погиб Василий Дроздов. Было известно, что Скиба был ранен в хате Голубовича, что ему удалось избежать расправы взвода Ганса, но его не было и в числе погибших или взятых советскими органами преступников. О Дроздове было известно, что он появлялся в Боратине после освобождения села, работал некоторое время в Бродах и пропал без

вести. В конце концов нам удалось получить ответы на оба эти вопроса. Стала ясной и причина гибели Дроздова, который, видимо, первым из нас пытался установить истину о гибели Кузнецова, возможно, и место его захоронения.

И теперь на могиле мне снова вспомнился этот бесстрашный, горячий по характеру человек, который последним среди нас видел Кузнецова, четко представились последние дни его жизни и мученический ее конец...

Изучая архивы, мы нашли собственноручные показания бывшего начальника гестапо Галиции гауптштурмфюрера СС Краузе, который 9 мая 1945 года был пленен советскими войсками и под вымышленной фамилией Германа Рудаки содержался несколько лет в лагере для военнопленных. Он был разоблачен в 1948 году и доставлен в город Львов, где совершал преступления в период оккупации. Краузе, спасая свою жизнь, собственноручно изложил свои показания. Вот что он писал.

В конце июля 1941 года меня определили в команду доктора Зикса, находившуюся в городе Смоленске. Эта команда имела задачу после оккупации Москвы немецкими войсками сохранить в безопасности важнейшие партийные, хозяйственные, правительственные и другие здания. Перед отъездом в Смоленск я был вызван на инструктаж в Берлин к СС-группенфюреру Мюллеру Гайнриху, который был начальником 4-го отдела в имперском штабе. От него получил дополнительное указание: следить за ходом выполнения задания командой Зикса.

По прибытии в Смоленск я получил план Москвы и географическое описание этих объектов. Я совместно с Зиксом объехал весь город и его окрестности в поисках партийных архивов и других нужных материалов. В составе команды из 18 человек, прикрепленной к танковой группе IV (генерал Тепнер), я должен был принять участие во вступлении в Москву.

Но вступление в Москву не состоялось, и Краузе был назначен начальником гестапо Галиции.

Показания Краузе помогли нам установить бандитов, причастных к гибели Николая Кузнецова. Все они к этому времени были обезврежены, оставался один Скиба. Где он?

Мы снова обратились к архивам уголовных материалов и наткнулись на знакомое имя — Скиба. В деле сообщалось, что некий Куманец Петр Васильевич был осужден судом военного трибунала за участие в 1944 году в составе вооруженной банды под кличкой Скиба. Были выявлены и другие бандиты, орудовавшие под такой же кличкой, но мы, имея некоторые факты, остановились на Куманце. В результате

дополнительных поисков было установлено, что Куманец отбывает наказание в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Пришлось запросить соответствующие органы, чтобы преступника доставили во Львов. Тем временем нам удалось выяснить «биографию» Куманца-Скибы, то есть историю его исчезновения...

После войны в кабинет заведующего отделом кадров Львовского облздравотдела вошел шуплый, невысокого роста человек. Он назвался Иваном Зозулей и попросил о трудоустройстве. Зозуля изложил краткую биографию и кое-что даже подтвердил документами.

Родился в городе Тернополе. Вместе с родителями проживал в упомянутом городе по улице Красноармейской, 78. Отсюда ушел в польскую армию, из нее демобилизовался офицером и в 1938 году окончил в городе Праге фельдшерско-акушерскую школу. Зозуля положил на стол воинский билет, паспорт и ряд справок, подтверждающих его участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны, ранение, орденские книжки, другие документы. Но когда встал вопрос о подтверждении медицинского образования, Зозуля заметно замаялся:

— Видите ли, прошли годы... Война. Диплом об окончании пражской школы потерялся. Кстати, разве думалось о каких-то документах в годы войны. Такое тяжелое время...

— Но я не могу принять вас без документа! — возразил кадровик.

— Так что же? Мне, фронтовику, не верите!

— Дело не в том, верю я вам или нет, — обосновывал свою точку зрения кадровик. — Порядок у нас такой. Подлинник, дубликат или копия документа должны быть у вас на руках. Скажите адрес, мы сделаем запрос...

— Адрес, куда запрашивать? На фронт. Конечно, на фронт! Я освобождал города Берлин, Прагу и многие другие. Туда и запросите! — нагло посоветовал Зозуля.

Кадровик сдался. На другой день в руках Зозули было направление следующего содержания:

Выдано Зозуле Ивану Васильевичу, окончившему Пражскую фельдшерско-акушерскую школу в 1936 году, который направляется в распоряжение заведующего Новомилятинским РЗО на должность фельдшера (сроком на шесть месяцев, до представления диплома).

Этого было достаточно, чтобы скрыть свое прошлое. С того времени Зозуля работал в районах Львовской области в должности заведующего

фельдшерско-акушерским пунктом, кочуя из района в район. Он сумел войти в доверие начальства, получал отличные характеристики, в которых по его настоянию постоянно отмечалось, что И. В. Зозуля окончил Пражскую фельдшерско-акушерскую школу, свои медицинские знания систематически повышает.

Дела Зозули шли отлично, если бы не одна случайность. В 1957 году в газете появилась статья. В ней упоминалось о героическом подвиге в годы Великой Отечественной войны советского воина — Зозули Ивана Васильевича, впоследствии погибшего без вести. Некоторые приняли фиктивного Зозулю за отважного воина-комсомольца, поспешили поздравить его и окружить вниманием.

Родственница погибшего героя-комсомольца, узнав о «воскресшем» брате, направила в село Чаныж на имя заведующего медицинским пунктом И. В. Зозули несколько писем, но ответа на них не получила и обратилась в органы КГБ. Вскоре Зозуля-Куманец был разоблачен, осужден за участие в банде и проживание по фиктивным документам.

Так Куманец-Скиба угодил под трибунал, сумев все-таки скрыть свои основные преступления. Но теперь, будучи доставленным во Львов, он вынужден был рассказать многое, если не все.

В 1941 году Ворошиловградским военкоматом Куманец был призван в Красную армию. Летом 1942 года добровольно сдался немцам под Харьковом. Очутившись в Волчанском лагере военнопленных, предложил свои услуги гитлеровцам. Был определен в охрану лагеря, где избивал военнопленных. Прибыв в родное село Бандуровку, женился на Марии Шкурко, которую вскоре бросил, и поступил на службу в немировскую полицию. Отсюда был направлен в город Житомир, потом в город Петриково (Белоруссия).

Между Петриковым и Мозырем находился лагерь немецких карателей, в составе которых он, Куманец, с оружием в руках охранял немецкие обозы, дороги, мосты, участвовал в облавах на советских партизан. Летом 1943 года Куманец якобы отступал с немцами через Ровно, Дубно, Броды и неподалеку от железнодорожной станции Радзивилово бежал в лес. Так очутился в сотне Черногоры.

Куманец рассказал, как вместе с другими бандитами они окружили хату, в которой разоружили двоих неизвестных, одетых в форму гитлеровских военнослужащих, о взрыве гранаты и своем ранении.

— И сейчас в моих печенках сидят осколки той гранаты, — пожаловался Куманец.

— А как же дальше? — поинтересовался следователь.

— После взрыва гранаты я потерял сознание... Помню, меня уложили на перину и доставили в повозке к какой-то женщине на хутор под Золочев и там оставили.

— При каких обстоятельствах вы из Куманца стали Зозулей? — задал вопрос чекист.

— Вскоре в село пришли советские солдаты и, зайдя в хату, поинтересовались, кто я, где и кем ранен. Хозяйка назвала меня своим мужем — Иваном Васильевичем Зозулей, который, убегая от немцев, был ранен и вот страдает без лечения. Меня доставили в житомирский военный госпиталь, затем перевели в актюбинский госпиталь. Оттуда был направлен в запасной полк города Чкалова, затем на фронт.

— Ну и как вы там сражались?

— В одном из танковых сражений получил ранение в голову, но поле боя не оставил и был награжден орденом Красной Звезды. Еще три медали получил. За освобождение Праги, Берлина и за победу над Германией.

Хотя Куманец и не был до конца откровенен, но нам удалось выявить главарей бандитов — Мазепу и Росоловского, которые после изгнания немецких оккупантов, укрываясь в схронах и лесных трущобах, продолжали борьбу против Советской власти. Выползали темными ночами из своих берлог-краивок, пробирались в села, отдельные хутора, выслеживали советских людей, подвергали их зверским пыткам и убивали. Так погиб и Василий Дроздов.

Василий Дроздов возвратился из райвоенкомата недовольным: ему дали отсрочку на целый год. Требовалось подлечить осложнившийся радикулит и легкие. Но в госпиталь лечь он наотрез отказался, поэтому получил назначение в Ожидовский леспромхоз.

Тимофей Михайлович Котляров, директор леспромхоза, зачислил его на должность начальника отдела снабжения, предоставил небольшую комнатку в общежитии.

Ранней весной 1945 года Василий вместе со своим заместителем Владимиром Курилко отправился в город Броды. Решив служебные дела, Василий предложил Курилко съездить в Боратин.

— Знаю, опасно это, и тяжело мне заходить в дом тестя. Но дочку, Любу, повидать надо...

— Ну что же, пошли на КП, поймаем машину, — принял предложение Курилко после некоторых колебаний.

Вскоре «студебеккер» мчался по открытой асфальтированной дороге. Из кузова машины Василий рассматривал видневшуюся вдали Лысую гору, за которой среди бугров и оврагов стояло село Боратин.

В селе Сухододы водитель остановил машину и, приоткрыв дверцу, крикнул:

— Дальше не едем!

Василий с Владимиром поблагодарили шофера и свернули с асфальта на извилистую полевую дорогу.

— Вот он, наш Боратинский лес, — задумчиво произнес Василий, когда они остановились на небольшой опушке. — Кому-то он так верно служит, как когда-то служил нам?

— Люди поговаривают, что не совсем спокойно в этих местах, — тихо отозвался Курилко. — Особенно в боратинских.

— Боратин — рассадник бандитов. Но в белый день, притом в самом центре села они побоятся нас тронуть, — рассуждал Василий. — А к вечеру мы уйдем...

— Конечно, ночевать здесь нельзя! — согласился Курилко.

Дальше они шли молча. Василий смотрел по сторонам, волновался. Дорогие, почти родные места!

С правой стороны дороги еще тянулся лес. А с левой уже начиналось село. Белые хаты, сады, огороды. За ними — глубокий овраг (по-местному — дебра). Через овраг — старинный мост. Рядом с мостом — каменный дом с решетками. В нем, как помнилось Василию, был кооператив. А напротив дома, на дне оврага, колодец с чистой, словно слеза, ключевой водой.

Дебра разделяет село на две части, как бы на два лагеря. С первого взгляда можно заметить различие между ними. На той стороне оврага, где был кооператив, хаты стоят гуще, дружнее, а напротив — держатся особняком, окруженные заборами и усадьбами. Но Василий бывал и на той, и на другой стороне, и его принимали как доброго гостя. А как встретят теперь? Да многие ли остались в живых?

Когда Василий и Курилко проходили мимо хат, то заметили, что из окон за ними наблюдают. Смотрят тайно, конечно же, узнают, но прячутся, явно не желая встречи.

«Что же все это означает?» — тревожно думал Дроздов.

— Люди здесь раньше ко мне так хорошо относились. А теперь прячутся, — обронил он.

— Делайте выводы, Василий Петрович, — посоветовал Курилко. — Не задерживайтесь. Иначе может плохо окончиться наш визит.

— Посмотрим, — рассеянно ответил Василий, направляясь к усадьбе тестя. Но знакомой хаты не было. Вместо нее стояла землянка.

Мать и отец Евгении, а также дочь Дроздова оказались дома. Встреча получилась грустной. Дроздов не выдержал, смахнул рукавом набежавшие слезы. Плакала мать Евгении, хозяин, Максим Гаврилишин, держался сухо и настороженно.

Поставили на стол угощение. Налили по рюмке самогонки, помянули Евгению.

— Что нового в селе? Как живете? — спросил Василий, чтобы сменить разговор.

Гаврилишин переглянулся с женой, пожал плечами. Ответа не последовало.

Курилко, поднявшись из-за стола, поблагодарил хозяев и, посмотрев на Дроздова, предложил:

— Ну что ж, Василий Петрович, нам надо идти.

— Чего же так быстро? — возразил хозяин. — Не успели войти.

— Обождите немного, Владимир Васильевич. Надо мне поговорить со стариками. Побывать с дочерью.

— Нет. Вы как хотите, а я уйду. — Курилко, простившись, поспешил из землянки.

Дроздов выбежал из землянки следом:

— Еще бы с полчаса. Вместе и пошли бы.

— Не могу оставаться больше ни минуты. Душа чует недоброе. Советую не задерживаться.

— Я приеду скоро. Побуду с дочкой, — пообещал Дроздов и вернулся в землянку.

...Но в тот вечер Дроздов не возвратился в Броды. Курилко, прождав его всю ночь в гостинице, утренним поездом прибыл в Ожидов. Но и здесь Дроздов не появился. Курилко обо всем доложил директору леспромхоза.

— Да, что-то неладно. Дроздов дисциплину уважает, — задумался Котляров. — Но опять же можно понять его. Сколько лет не был дома. Дочка. Обождем.

На четвертый день Котляров вызвал Курилко и строго сказал:

— Вот что, дорогой. Идите туда, где вы оставили Дроздова. Разыщите его. Как же получилось — отправились вместе, а пришел один?! Выходит, бросил товарища.

Курилко снова отправился в Боратин. Шел со страхом в душе. Зловещие слухи ползли из Боратинских и Пеняцких лесов. Там нашли убитого мужчину с выколотыми глазами, тут повешена женщина в лесу у дороги. Курилко почти был уверен, что Дроздов попал в руки бандитов, и опасался за свою судьбу. Вырвется ли он живым из этого бандитского гнезда?..

Максим Гаврилишин оказался во дворе. Курилко подошел, поздоровался. Максим молча окинул его взглядом.

— Где же Василий Петрович? — спросил Курилко.

— Дроздов? — уточнил Гаврилишин.

— Да, Дроздов.

— Где же ему быть? В Ожидове, на работе, — настороженно ответил хозяин.

— Там его нет. Меня послал начальник разыскать его.

— Он тогда же и ушел. Примерно через час.

— Куда же он мог деться?

— Не знаю. Но раньше, до войны, Василий часто уезжал к своей матери, — пробормотал Гаврилишин.

Хозяин так и не пригласил гостя в землянку, а когда тот хотел войти, стал на его пути.

Тайну исчезновения Василия Дроздова раскрыло следствие.

После ухода Курилко в землянке собрались соседи: Теодозий Глухенький, Михаил Полянчук, Иван Леус, по-уличному — Божок, и другие. Распили поллитровую бутылку самогона и разошлись. Божок раньше других вышел из землянки под предлогом «нарезать сечки коням» и не воротился.

Разговоры за столом велись на разные темы. Но Дроздов, как видно, напав на след Кузнецова, все пытался выяснить подробности о схватке в хате Голубовича. Собеседники упрямо отмалчивались.

— Что же, и мне пора в дорогу, — сказал Василий, вставая.

Он взял на руки Любу.

— Любушка, сиротка ты наша, — целуя дочку, говорил Василий, чувствуя на себе недобрые взгляды мужиков. — Когда теперь снова увижу тебя?..

В этот момент распахнулась дверь, в землянку ворвались вооруженные люди. Они были в форме советских солдат и офицеров.

— Руки вверх! — скомандовал один из них, когда штыки уперлись в грудь Василия.

— Что вы? Спятели? Это недоразумение! — попытался объяснить Василий, приняв переодетых бандитов за советских воинов.

— Молчать! Руки вверх!

Бандиты скрутили ему руки и увели.

Над Боратином уже опускались весенние сумерки, когда бандиты привели Дроздова в хату Ивана Маловского. Начались зверские истязания. Садизм оуновских бандитов не имел ничего равного. И это было еще раз доказано здесь.

Бросив Дроздова на стол верх лицом, бандиты отрезали ему уши, выкололи глаза, выломали руки, кузнечными клещами вырвали зубы. А когда он был уже мертв, два бандита подняли двухпудовый камень-жернов и с силой опустили ему на грудь. Кровь обрызгала стены и потолок, залила глиняный пол...

— А теперь увези его и зарой! — приказали бандиты хозяину.

Маловский и его сосед Возный бросили в телегу труп, увезли на урочище Кутыки Рябого в Хливыще и, бросив там в бывший немецкий окоп, присыпали землей.

Уходя из хаты Маловского, бандиты предупредили:

— Смотрите — никому ни слова! Если что, погибели не миновать!

И слово бандиты сдержали. Иван Маловский и его сын Петро проговорились об этом зверском убийстве. Несмотря на то, что оба они являлись активными пособниками оуновцев, главарь распорядился привести их на Лысую гору. Здесь обоих их задушили, а трупы бросили в двадцатиметровый колодец. Так расправились предатели с теми, кто приютили их, кормили и поддерживали творимые ими злодеяния против своего же народа.

Так погиб Василий Дроздов, под конец войны, на мирной, казалось бы, земле. Погиб в том же селе, что и Николай Кузнецов, почти в соседней хате, от тех же кровавых рук. И зарыт он был почти рядом. Безусловно, ему первому удалось узнать правду о боратинской трагедии, к которой мы пришли длинным и сложным путем. Остался последний шаг.

Чем больше углублялись лопаты, тем напряженнее становилась тишина. Мы молчали, только дыхание выдавало наше волнение. Я буквально не находил себе места. А что, если наши оперативно-следственные

данные не найдут своего подтверждения? Что, если мы ошиблись хотя бы на метр?! Вдруг лопата Ивана Дзюбы прикоснулась к чему-то.

— Осторожнее копайте. Осторожнее, — прерывающимся шепотом произнес он.

Вскоре мы отложили лопаты и вооружились заостренными палочками. На глубине чуть больше метра покоился скелет человека...

Наконец, когда над буковым лесом опустились осенние сумерки, мы извлекли останки. Наступила скорбная тишина. Мы долго стояли, обнажив головы.

Мои мысли складывались в четкие скорбные слова: «Дорогой, незабвенный Николай Иванович. Ты погиб далеко от родного Урала. Тебя в последний путь не провожали боевые товарищи, друзья. Над твоей могилой не прозвучало салюта, не склонились партизанские знамена. Лишь ветер на подневольной тогда галицкой земле провожал тебя в последний путь.

Мы, как и ты, были тогда в походах и боях. Продолжали твою борьбу и довели ее до конца. И лишь сегодня мы можем сказать: мы выполнили наш долг перед тобой. Об остальном позаботится Родина, которую ты любил беззаветно, для которой многое сделал в тяжелое для нее время и за которую отдал жизнь...»

Поиск закончился, но предстояла еще немалая работа. Необходимо было юридически подтвердить, что эксгумированные останки — прах героя. Мы долго думали, как это сделать.

Наконец в наши руки попал труд советского ученого Михаила Михайловича Герасимова «Восстановление лица по черепу». Это было как раз то, что нужно. Герасимов и только Герасимов, единственный человек не только в нашей стране, но и во всем мире, может научно доказать подлинность останков Николая Кузнецова.

Вскоре Владимир Зеленгуров был командирован в Москву, к М. М. Герасимову. Провожая его во львовском аэропорту, я еще раз попросил позвонить мне немедленно после встречи с ученым. Эти несколько дней были для меня крайне беспокойными. Когда жена сказала два слова: «Москва на проводе!», я почувствовал, как трясутся мои руки.

Голос Зеленгурова звучал взволнованно:

— Коля! Ты слышишь меня?

— Слушаю, слушаю, говори!

— Герасимов сказал: «Передайте товарищам, что все, что передано на экспертизу, — фотографии, документы и череп — на девяносто девять и девять десятых процента принадлежит одному и тому же человеку».

— Спасибо, Володя! Спасибо, что позвонил. Еще раз спасибо! — не помня себя, кричал я в трубку...

Вскоре группой расследования был подготовлен такой документ:

Постановление
о назначении в состав экспертной комиссии
дополнительных экспертов

21 декабря 1959 г., г. Львов.

Старший следователь управления Н. Рубцов, рассмотрев материалы дела, нашел: 9 марта 1944 года в оккупированном немецкими войсками селе Боратин Подкаменского района Львовской области, в доме Голубовича Степана Васильевича участниками банды оуновцев Черногоры были захвачены двое неизвестных в форме военнослужащих немецкой армии, один из которых взорвал в руках гранату и погиб.

Из показаний свидетелей видно, что неизвестными являлись советские партизаны, переодетые в форму немецких военнослужащих, и, как устанавливается материалами следствия, ими могли быть: Герой Советского Союза Кузнецов Николай Иванович и Каминский Ян Станиславович.

17 сентября 1959 года труп предполагаемого Кузнецова Николая Ивановича был эксгумирован, однако установить его личность по останкам данными следствия не представилось возможным.

Вместе с тем судебно-медицинской экспертизой установлено наличие ряда признаков, как-то: рост, строение черепа, нижней челюсти, расположение и дефекты зубов, отсутствие кисти правой руки, которые убедительно указывают на сходство со словесным портретом Кузнецова Н. И., установленным материалами следствия.

26 октября 1959 года в целях восстановления лица Кузнецова Н. И. по эксгумированному черепу была назначена специальная экспертиза, производство которой поручено заведующему лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР доктору исторических наук Герасимову М. М.

Учитывая сложность экспертизы и требования тов. Герасимова М. М., руководствуясь ст. 64 УПК УССР, постановил: включить дополнительно в состав комиссии экспертов: преподавателя Львовского государственного медицинского института Зеленгурова Владимира Михайловича, со стажем эксперта 13 лет, и лично знавшего Кузнецова Николая Ивановича — Струтинского Николая Владимировича, командировав их для этой цели в Москву в Институт этнографии Академии наук СССР.

На основании данного документа мы с Зеленгуровым отправились в Москву, в лабораторию Герасимова, где нами было сделано следующее заключение:

В распоряжение лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР 24 октября 1959 года судебно-медицинским экспертом В. М. Зеленгуровым были переданы 18 фотографий Н. И. Кузнецова и эксгумированный череп. Перед экспертом был поставлен вопрос — является ли череп, представленный на экспертизу, черепом Н. И. Кузнецова?

Все представленные фотографии принадлежат одному лицу, сфотографированному в течение 1942–43 годов.

Представленный череп фрагментарен. Вся лицевая часть и свод раздроблены на 15 кусков.

Состояние черепа требовало очень сложной и тщательной реставрации. Эта ответственная работа выполнена научным сотрудником лаборатории Т. С. Сурниной.

Из всех полученных фотографий была выбрана фотография наиболее четкая, снятая с Н. И. Кузнецова в 1943 году. На ней Н. И. Кузнецов зафиксирован почти в фас с едва ощутимым поворотом влево, поза строгая, но не напряженная (см. фото № 1). Эта фотография была переснята. На полученном негативе карандашом были сделаны отметки: линия волос, нижняя часть крыльев носа, углы рта, углы нижней челюсти. Через наружные углы глаз была проведена прямая. Из этих точек были опущены две прямые, соединяющиеся в наиболее выступающей точке подбородка. Таким образом был построен треугольник, основание которого проходило под радужками глаз, а вершина была обращена вниз к подбородку (см. фото № 2). На подлинном черепе были приклеены полоски бумаги, фиксирующие линии разреза глаз. К точкам, соответствующим наружным углам глаз, были приклеены полоски бумаги, которые соединялись в наиболее выступающей точке подбородка. Кроме того, были сделаны отметки линии волос, нижней части крыльев носа и углов нижней челюсти (см. фото № 3), фотографирование черепа производилось через негатив лица. Совмещение треугольников на черепе и на лице свидетельствовали о совпадениях ракурса лица и черепа. Негативы лица и черепа были совмещены. Полученные отпечатки прилагаются (см. фото № 4).

Заключение

1. Рассмотрев представленные фотографии, прихожу к заключению, что все они представляют собой фотографии одного и того же лица. По данным постановления, они принадлежат Н. И. Кузнецову.

2. Представленный на экспертизу череп был раздроблен, что подтверждает гибель в результате осколочного ранения при близком разрыве гранаты или мины.

3. Выполнение реставрации черепа (работа Т. С. Сурниной) правильно.

4. Проведенное совмещение фотографии лица и черепа дает отчетливое представление о полном совпадении всех морфологических деталей лица и черепа, что свидетельствует о принадлежности фотографии и черепа одному и тому же человеку.

5. По условиям экспертизы, представленные фотографии принадлежат Н. И. Кузнецову. Эксгумированный и переданный на экспертизу череп также принадлежит Н. И. Кузнецову.

Зав. лабораторией пластической реконструкции Института этнографии АН СССР М. М. Герасимов.

Москва. 24 декабря 1959 года.

Похороны Н. И. Кузнецова были намечены на 27 июля 1960 года в городе Львове на воинском кладбище — Холме Славы.

Накануне этого дня В. С. Мазур попросил меня зайти к нему в горком партии. Поздоровавшись со мной, секретарь сказал:

— Вы выполнили свой долг. Я поддерживал вас, как мог.

Да, бывший воин, коммунист сделал многое, чтобы найти останки героя, увековечить его память.

— Спасибо! Большое братское спасибо, Владимир Степанович... — только и мог ответить я от чистого сердца.

— А сейчас, Николай, давай поедем, подберем место нашему дорожному Коле.

Вдвоем мы обошли Холм Славы. Возвратились обратно и остановились неподалеку от входа. Мазур торжественно произнес:

— Вот здесь и похороним! Знаешь, почему здесь? Потому что каждый, кто придет сюда, обязательно навестит его могилу. Она же будет у входа...

На заседании комиссии по организации похорон под председательством В. С. Мазура было принято решение:

1. Хоронить останки Н. И. Кузнецова на воинском кладбище — Холме Славы.

2. Гроб с останками установить в здании Окружного дома офицеров.

3. Хоронить на артиллерийском лафете.

На похоронах присутствовали близкие родственники героя: брат Виктор Иванович Кузнецов, сестры Агафья Петрова и Лидия Брюханова, прибывшие из Свердловска, Тюмени, Уфы. На похороны прибыло 120 партизан-медведевцев, в том числе из Куйбышева, Свердловска, Москвы, Риги, Ровно и других городов Родины.

Грандиозное похоронное шествие заполнило улицы Львова. Горожане провожали в последний путь того, кто первым вошел в этот город с обнаженным мечом, сражался в нем и победителем сложил свою голову.

У его ног были вице-губернатор всей Галичины генерал Отто Бауэр и доктор Шнайдер, подполковник Ганс Петерс, фельдполицай майор Кантор и охранник Зайдель. Перед ним, советским патриотом, дрожали в Ровно и Львове фашистские главари. За это он получил высочайшую награду — признание своего народа. И сегодня мы склоняем свои седые головы перед его именем. Мы гордимся тем, что в тяжелое для нашей Родины время мы были вместе с ним, дорогим нашим Николаем Ивановичем. Мы остались в живых и рассказываем нашей молодежи о славных делах его, подвигах, повторяя его слова: «Да, действительно, нет выше и достойнее награды, чем память народа, за свободу и независимость которого борешься и сознательно отдаешь свою жизнь!»

Николай Кузнецов заслужил эту память. Вот стихи, написанные не поэтом, а чекистом Анатолием Колесниченко:

Николаю Кузнецову

Дышит город шумом бесконечно,
Сквер безмолвен, строг и чист,
Здесь стоит историей навечно
Поднятый на пьедестал чекист.

За его могучими плечами,
Кажется, еще дымится бой.
Он стоит в торжественной печали
Обо всех, кто не пришел домой.

А над ним сияет голубое
Небо в невесомых облаках.
Ну а он как будто неспокоен —
Бронзовые мускулы напряг.

...Может, видит новых претендентов,
Воевать лелеющих мечты...
На холодном глянце постамента
Ярким пламенем горят цветы.

Верные друзья, что были рядом в жизни,
До сих пор работают в ЧК,
А ему стоять при коммунизме,
И встречать, и провожать века.

Человечный, мужественный, строгий,
Будто что-то видящий вдали,
Чтобы люди помнили дороги,
По которым в будущее шли.

О подвигах советского разведчика уже сказано много: написано несколько книг, создано два кинофильма, воздвигнуто семь памятников герою. Ну, а в моей памяти, в моем сердце навсегда остался образ скромного, с задумчивым лицом человека. Я слышу его спокойный твердый голос: «Во имя Родины!» Я горжусь тем, что жил и боролся рядом с ним, что мне довелось узнать его последний путь.

30 ноября 1971 года

**На берегах
Горыни и Случи**

Памяти незабвенной,
любимой матери
Марфы Ильиничны
и моей боевой подруги
в годы военного лихолетья
Тамары Янчук.

Автор

ОРУЖИЕ И ЕЩЕ РАЗ ОРУЖИЕ*

Несколько дней подряд бушевала метель. Большие сугробы снега, как сопки, возвышались на полях и дорогах. И так же неожиданно, как началась, метель прекратилась. В Межиричах давно утихла пулеметная стрельба, не слышно было артиллерийской канонады и лязга танковых гусениц.

Фронт продвинулся далеко на восток, за седой Днепр... Лишь по железнодорожным и шоссейным магистралям днем и ночью непрерывным потоком двигались вражеские транспорты. Фашисты гнали на восток эшелоны с людскими резервами, техникой, вооружением, боеприпасами, продовольствием.

А здесь, в глухом селе Буда-Грушевская, появление фашистов с эмблемами на высоких тулях вызывало у местных жителей страх. Гитлеровские оккупанты грабили крестьян, отбирали у них скот, сельскохозяйственные продукты.

Однако не все примирились с постигшим их несчастьем. В доме Янчука, стоявшем у самого Липенского леса, вечерами собирались односельчане с непокорными сердцами. Они с волнением обсуждали фронтовые вести, задумывались над судьбой Красной армии. Возвратится ли она в эти не так давно освобожденные ею края? Чаше других задавал этот вопрос хозяин дома – Никифор Яковлевич, высокий пятидесятилетний мужчина с продолговатым лицом и заметной лысиной. Говорил он медленно, с расстановкой. Казалось, взвешивает каждое слово перед тем, как его произнести.

Янчук вынул из кармана пиджака аккуратно сложенную газету, развернул ее и присел на табурет у стола.

— Давайте прочитаем, о чем пишут фашистские подпевалы.

* Повесть печатается по изданию: *Струтинский Н.* На берегах Горыни и Случи. Львов, 1966; издание снабжено примечанием: «Повесть написана в содружестве с львовским журналистом Семеном Драновым».

Газета «Волынь» — орган украинских фашистов, издававшаяся в Ровно, пестрела крупными хвастливыми заголовками. На первой странице воскресного номера за 22 февраля 1942 года жирным шрифтом сообщалось об успехах гитлеровской армии.

Янчук достал вторую газету — за 1 марта — и прочитал вслух: «Берлин. 24 февраля в полдень на посла фон Папена и его супругу во время их следования к зданию посольства совершено покушение...»

— Это хорошо! — восторженно прокомментировал сообщение Янчук. — Варваров нужно бить! Без промаха! Наверняка! Да так, чтобы никогда больше не помышляли о чужих землях.

На суровом лице Янчука играли желваки. Весь он был во власти гнева. В глубокой тишине еще раз призвал:

— Этих рогатых надо бить! Только силой мы вышвырнем их из нашего дома!

— Бороться?.. — робко спросила его дочь Тамара. — А если не победим? Погибнем! Враг жестокий и сильный!..

Никифор Янчук ласково посмотрел на свою единственную и любимую дочь. И сегодня, вот сейчас, он увидел ее другой. Тамара повзрослела, возмужала и стала еще более очаровательной. Светлый волос, иссиня-голубые глаза, мраморный цвет лица. Подумал: Боже, как пролетели годы!.. Не спеша ответил дочери:

— Это ясно, что жизнь человеку дается один раз. Но прожить ее надо достойно! Если потребуется, мы достойно и умрем. Ведь за что жизнь отдадим? За тебя, Тамара, за миллионы таких, как ты, чтобы горя не знали. Поэтому и будем бороться с фашистами, они горе и смерть сеют на нашей земле.

С того вечера клич, брошенный Янчуком, звенел в моих ушах: «...И нам их нужно бить! Без промаха! Наверняка!..»

Но для борьбы с коварным врагом необходимо оружие. А где его взять? У кого?

Братья — Ростислав, Жорж и я, а также наши верные друзья — Казимир Янковский, Зигмунд Гальчук и Тамара Янчук — собрались на совет. Эта встреча, по сути, положила начало подпольной группе. Мы сознавали, что никто не даст нам инструкции, как начинать борьбу, но прекрасно понимали: в первую очередь надо раздобыть оружие. Оружие и еще раз оружие! Каждый из нас предлагал планы один фантастичнее другого. Но все сошлись на том, что винтовки лучше всего изъять у лесников.

— У меня есть предложение, — сказал Янковский. — Возле Кудрянских хуторов, в лесу, находится поместье Кашенцева. На прошлой

неделе я был там и от людей узнал, что фашисты выдали Кашенцеву винтовку. Вот с него и начнем...

Предложение показалось реальным. Но как его осуществить? Мы знали, что у Кашенцева был слуга, и при нашем появлении в поместье он мог открыть стрельбу.

Была высказана мысль — найти человека, приближенного к помещику, и через него все разведать. Такой человек нашелся — мой дружок Ян Жигадло.

— Если Жигадло вхож в дом помещика, то считайте — разведка обеспечена, — заверил я друзей.

В этот момент открылась дверь, и на пороге появился мой отец. Мы посвятили его в свои планы. Отец одобрил их.

В полночь шестерка друзей сошлась в лесу неподалеку от дома Яна Жигадло. Все были вооружены... палками, лишь двое имели самодельные кинжалы. Ян Жигадло повел нас болотистой тропинкой, и вскоре мы очутились в помещичьей усадьбе. Цепные собаки сердито лаяли. Но мы не обращали на это внимания. Каждая секунда была на учете. Ростислав и Янковский подошли к дому с северной стороны, они тяжело топали ногами, чтобы создать впечатление, будто дом окружают. Жорж и Гальчук приблизились с южной стороны. А я вместе с Яном Жигадло подкрался к домику слуги Кашенцева. Постучали в дверь. Отозвался грубый мужской голос:

— Кто?

— Свои!

Жигадло отошел в сторону.

Дверь открылась, на порог вышел человек в нательном белье и наброшенном на плечи полушубке. Протирая глаза, он хотел о чем-то спросить, но я моментально схватил его за руку и вытащил во двор. Слуга хотел закричать, но так перепугался, что онемел. Я предложил ему пойти к Кашенцеву и сказать, что дом окружили вооруженные люди и требуют сдать оружие и боеприпасы. Срок для ответа — десять минут.

Слуга постучал к хозяину, тот сразу впустил его. Не прошло и пяти минут, как слуга передал мне винтовку и патроны к ней.

Это была наша первая удача.

Ободренные успехом, мы возвращались домой Липенским лесом. В километре от нашего дома разрыли муравейник и запрятали в нем добытую винтовку.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Выглянув в окно, Ростислав крикнул:

— Немцы!

В комнату вошли два офицера.

— Кто есть шофер? — гаркнул один из них. Мы переглянулись.

— Кто есть шофер? — повторил немец. Я выступил вперед.

Офицер приказал мне и Ростиславу следовать за ним. На дороге стоял большой грузовик.

— Ремонтир, хльопцы, машина, — потребовали гитлеровцы и, забрав из кузова свои вещи, вернулись в дом.

Когда совсем стемнело, мы, наконец, устранили неисправность и завели мотор. Перед отъездом офицер потребовал водки.

— У нас нет! — развел руками Ростислав.

— Кто же имеет шнапс? — побагровел гитлеровец.

— Отсюда два километра! — показал я на пальцах.

— Карашо! — воскликнули фашисты. — Поедешь с нами!

Пришлось сопровождать офицеров в Гуту-Грушевскую.

Въехали в село. По обеим сторонам дороги белели хаты. Посередине села выделялась усадьба, обнесенная плотным дощатым забором. Калитка оказалась запертой. Немец постучал сапогом. Залаял пес. Потом раздался мужской бас:

— Кто там?

— Бауэр. Ком шнель!* — позвал фашист.

— А! Господа офицеры, милости прошу! — раскланялся мужчина с длинными казацкими усами. Это был зажиточный крестьянин по прозвищу Чикотун, известный своей жадностью.

В большой комнате тускло мерцала керосиновая лампа. Хозяин усадил гостей у стола, под иконами. Он подозрительно поглядывал на нас. А когда мы сказали ему, зачем пришли, кулак подобрел, зажег еще одну керосиновую лампу, что делал только в большие праздники. Затем накрыл стол.

Своеобразный банкет в честь «освободителей» затянулся далеко за полночь. Кулак и фашисты объяснялись на украинском и немецком языках, при этом энергично жестикулировали. Охмелевших офицеров Чикотун уложил в белоснежную постель. Они отоспались и в полдень отправились своей дорогой.

* Подойди быстро! (нем.).

— Рановато подвернулся такой случай, — сокрушался Жорж, когда мы вернулись домой. — Появились бы немного позднее, когда листва зазеленеет...

— Да-а! — сочувственно протянул отец.

— А возможно, мы еще пожалеем? — вставил я. — Сразу бы два автомата, пистолеты, документы и гестаповскую форму. А?

На следующий день, ранним утром, мы поодиночке отправились в Пустомытовское лесничество, находившееся в двух километрах от поместья Кашенцева. Встретились в условленном пункте. На сей раз нам не повезло. Лесника на месте не было, он обходил участок.

С пустыми руками возвращаться не хотелось, и мы замаскировались в кустарнике. Долго ожидать лесника не пришлось. Он был в полувоенной одежде, с винтовкой, на рукаве белела повязка с надписью «Лесник».

Ростислав шепнул мне:

— Разрешу, я его разоружу.

— Не спеши, — удержал я брата.

Лесник осмотрелся и вошел в дом. Вот тогда я приказал:

— Всем оставаться на местах, в случае необходимости прикрывать меня!

Когда я зашел к леснику, он сидел в кухне за столом и завтракал. Винтовка стояла в углу.

Хозяин удивился, увидя в своем доме незнакомого человека, и сразу потянулся к винтовке. Но я опередил его движение.

— Разве так встречают гостей? — лесной страж покосился на меня.

— А зачем тебе понадобилась винтовка? Значит, пришел не с чистым сердцем!

— Зла никакого не причиним, если по добру отдашь оружие, — успокоил я хозяина. — Сколько лет в этих местах маешься?

— Три десятка будет.

— Ходил без оружия?

— Без оружия.

— А теперь немецкую винтовку дали для чего? Чтобы земляков предавал!

Лесник молчал.

— А мы этой винтовкой будем бить фашистов! Понял?

— Понял...

Взяв винтовку, я предложил ему сдать боеприпасы. Он вытащил сверток с патронами и передал мне.

— Все отдаю, подчистую...

Захватив винтовку и несколько сот патронов, я приказал, чтобы лесник кратчайшим путем проводил нас к соседу на другой участок. Услышав это, жена лесника расплакалась, просила отпустить мужа. Пришлось заверить женщину, что, если она не донесет на нас, ее муж через час будет дома.

Ростислав и Володя остались тут же, в засаде: а вдруг перепуганная женщина вздумает бежать за помощью? Кроме того, в случае появления полицейских братья должны были отойти и произвести два винтовочных выстрела. Для нас это послужит сигналом.

Продолав двухкилометровый путь, я с Жоржем в сопровождении лесника пришел к его соседу.

— Ты стой здесь, а я зайду, — сказал я Жоржу.

И до чего же я был удивлен, когда увидел в доме уже знакомую мне картину: за столом сидел мужчина средних лет, а под стеной стояла винтовка. Этот лесник оказался более сноровистым. Почуввав в моем приходе что-то недоброе, он как рысь кинулся к оружию. Но я успел сбить его с ног и вырвать десятизарядку. Вот только теперь он по-настоящему растерялся и взмолился:

— Если она вам нужна, — показал рукой на винтовку, — берите. Только, прошу вас, не убивайте меня. Я же ничего плохого людям не делаю.

— А зачем тебе винтовка? Может, для обороны от немцев?

Лесник потупил глаза. Потом выпалил:

— Клянусь своими детьми, больше угождать немцам не буду.

— Смотри! А то пожалеешь!

Когда мы собрались уходить, лесник попросил дать ему расписку.

— Какую расписку?

— В том, что оружие отобрали.

Мы рассмеялись. А он объяснил:

— Иначе несдобровать мне.

— Ну, раз такое дело, получай.

На листке бумаги я написал, что по воле народа у лесника изъята винтовка и патроны к ней. Обрадованный этим, лесник аккуратно сложил бумажку и сунул в карман.

Поздно ночью мы зарыли в лесу оружие и пошли домой. Отец с нетерпением ожидал нас.

— Все благополучно? — спросил, как только мы появились во дворе.

— Да, отец.

— Молодцы! — похвалил он нас. — Значит, мы имеем уже две винтовки, винтовочный обреза, две тысячи патронов и восемь гранат. Отлично! Теперь можно уйти в лес и начать вооруженную борьбу с фашистами!

Наш арсенал неожиданно пополнился. Мой знакомый Михаил Цупрук сообщил: вблизи Бабинского сахарного завода брошены разбитые танки. На каждом из них остались пулеметы.

— Надо бы туда добраться как можно скорее. Дело стоящее! — воскликнул Жорж.

За трофеями отправились Михаил Цупрук, Жорж и меньший брат Володя. Возвратились они через неделю.

— Сняли всего один пулемет, — рассказывал Жорж. — Не было зубила, молотка, ключей. Работали только ночью, чтобы никто не увидел. Если пойдем с инструментом, то снимем еще три-четыре пулемета.

— А где тот, что принесли?

— Зарыли!

Через несколько дней мы вчетвером отправились к месту недавних боев. С инструментом дело пошло веселей. Весь день рубили болты, откручивали гайки.

Танки находились на небольшой возвышенности. Это позволяло нам одновременно вести наблюдение за местностью. Мы видели, как по ленте асфальта мчались со стороны Ровно в Киев открытые легковые автомобили. Видимо, офицеры гитлеровской армии перебрасывались на фронт. Они были в форме и даже в белых перчатках.

— Словно на прогулку едут! — возмутился Жорж. — Неужели им так все сойдет?

— Нет, братишка, борьба только начинается!

К вечеру успели снять два пулемета.

Итак, мы стали обладателями трех пулеметов. С наступлением сумерек откопали ранее спрятанный Жоржем пулемет и двинулись в обратный путь через Рясники. Большое село притихло, будто вымерло.

— Давайте здесь отдохнем, — предложил Жорж. Все согласилось.

Подошли к знакомому дому. Постучали в окно. Чье-то лицо прильнуло к стеклу, присмотрелось. Затем щелкнул засов, и в приоткрытой двери появилась женщина. Это была тетя Тоня. Я объяснил, что привело нас к ней в такую пору, попросил разрешения переночевать на чердаке.

— Пожалуйста, там есть сено и солома. Отдыхайте, родненькие.

Мы расположились на ночлег. Но уснуть не могли. Все казалось, что нас заметили и сообщили в полицию. Я уже представлял себе, как оцепят дом и завяжется бой...

И тут я действительно услышал шепот брата:

— Коля! На чердак кто-то забрался!

Я вскочил на ноги. Перед глазами маячил силуэт мужчины. Кто он? Что ему здесь нужно? Я готов был обороняться, но мужчина и не думал на меня нападать. Он присел на корточки и тихо сказал:

— Не бойтесь, ребята, я военнопленный, живу у вашей тетки. Моя фамилия Горбань.

На чердак поднялась и тетя Тоня.

— Это хороший человек, — уверяла она. — Он вам кое в чем поможет. Вы тут поговорите, а я пойду приготовлю завтрак.

Так и не довелось уснуть. Оставшиеся до рассвета часы мы проспорили. Горбань отговаривал нас от партизанщины. «Нелегкое это дело, — пытался убедить он, — зазря отдадите свои жизни. Силища у немца несметная!..»

Горбань собрался уходить, но тут увидел торчавший из соломы ствол пулемета.

— Что это?

— Ничего особенного, собираем железо на металлолом, — Жорж переглянулся с братьями.

Горбань хмыкнул.

— Интересный металлолом вы собираете!

— Сняли негодный пулемет с обгоревшего танка.

— Довольно, хлопцы, шутить! Я инженер, меня не проведешь. Должен сказать по совести, нехорошим делом вы занялись...

И снова стал убеждать:

— Одумайтесь, пока не поздно, иначе погибнете! Немец захватил уже всю Украину и Прибалтику!

— А вы на что надеетесь? — спросил я у Горбаня. — Разве не погибнете от бездействия? Погибнете. У нас есть хоть надежда на лучшее, за него и деремса. А вот вы вначале пойдете к фашисту в услужение, а потом он вас и сожрет.

— Да, но вы рискуете больше. А польза какая? Все равно земной шарик не перевернете.

Нам надоели рассказы этого «хорошего человека», и я резким тоном спросил у него:

— С этим вы к нам и пришли?

— Поймите меня правильно, мне вас жаль — и только!

Я убедился, что перед нами окончательно деморализованный тип. И все-таки в моей груди закипела злость. Он знает, наверное, не меньше нашего, как глумится враг над народом. И что же предлагает? Смирение!

И когда Горбань ушел, мы все почувствовали облегчение.

Вечером мы все повидали родную сестру — Марию. Она узнала о нашем приходе от тети Тони и сразу прибежала.

— Дорогие мои братики, чего вас сюда занесло? — со слезами на глазах сестра целовала каждого из нас. — Я картошки сварила с салом, кушайте, родненькие. И огурчиков принесла. Кушайте!

Тетя Тоня молчала. Видно, она переживала за Горбаня.

— Не обижайтесь на него, — наконец промолвила, — он не хотел вас обидеть, извинения передает.

— Его извинения нам не нужны. Человек он взрослый и знает, что к чему.

Прощаясь с Марией, я шепнул ей: «Передай мужу, Александру, ждем его возле кузни».

— Хорошо! Передам! — и обратилась к хозяйке: — Спасибо, тетя Тоня, за ваше доброе сердце, за приют моим братьям. До свидания!

В сумерках мы пересекли пастбище и вышли к месту встречи с Александром Демьяновичем Болещуком.

— Вы здесь! А я уже волновался. Думал, не дождались меня, — с такими словами вместо приветствия подошел к нам Александр. — Идемте в овраг, а то, чего доброго, нас заметят.

По дороге Александр крепко пожал нам руки. Мы всегда ценили его добросердечие и преданность. Узнав о нашем решении бороться с фашистами организованно, он согласился помогать, пообещал раздобыть оружие. Но тут же упрекнул:

— Ребята, маловато вас... Что же это — раз-два — и обчелся!

— Ничего, дайте только срок: будет вам и белка, будет и свисток!

— Вот-вот. Надежда на время. Мне тоже думается, будет у вас и белка, и свисток...

Добродушное отношение Александра, его напутственные слова вселили бодрость. Мы были благодарны Александру именно за это.

На лодке переплыли на противоположный берег и взяли курс на восток, к Пустомытовскому лесу.

ВСТРЕЧА С ПИХУРОМ

...На хуторе появился неизвестный. Выглядел он молодо, хотя давно не брился и ходил в рваной одежде. Хуторяне отнеслись к нему недоверчиво. Поговаривали, будто он подослан немцами. Трудно было поверить в эту версию. И по совету отца мы пригласили незнакомца в наш дом.

— Садитесь поближе к печке! — пододвинули табурет высокому, худому человеку.

Гость чувствовал на себе пристальные взгляды людей и немного смутился. Он снял с плеча брезентовую сумку, положил ее у ног и, не дождавшись вопроса, представился:

— Зовут меня Иваном, фамилия — Пихур. Был солдатом Красной армии, а теперь...

— Небось, голоден, сынок, — прервала его рассказ мать. — Сейчас накормлю!

Пихур ел с жадностью, а потом опрокинул миску и вылил в ложку последние капли щей.

— Теперь устроим баньку, приведешь себя в порядок. И одежонку какую-то найдем, — хлопотала мать.

— Спасибо! Большое спасибо!.. — поблагодарил Пихур. После всех процедур он появился в новой одежде, тщательно выбритым. Лицо его сияло.

— Тебя словно подменили. Даже румянец на щеках выступил! — встретил Пихура отец.

На стол поставили чугунок с картошкой в «мундирах», квашеную капусту и огурцы. Затянули на окне занавеску, зажгли лампу. Отец принес пол-литра самогонки.

— Это для знакомства, — торжественно объявил он.

Ужин прошел в дружной семейной обстановке. Мне почему-то казалось, будто Иван Пихур является предвестником возвращения на наши земли Советской власти.

Пихур рассказывал о себе подробно, и чувствовалось, он переживает обиду за все свершившееся...

Пихур окончил летное училище накануне Отечественной войны, летал на самолете «У-2» гражданского воздушного флота. В первые дни войны его сбили под городом Дубно. Охваченный пламенем, самолет камнем падал на землю...

Очнулся в Ровенском военном госпитале. От раненых узнал, что наши войска покидают город...

Когда мало-мальски начал передвигаться, санитарка по секрету сообщила ему, что через день-два немцы увезут пленных офицеров в Германию. Это вывело его из состояния равновесия. Всю ночь он не спал. Пихур уже знал, что означает версия о вывозе пленных офицеров в Германию. Не что иное, как замаскированное уничтожение армейских кадров.

Санитарка Вера не осталась безразличной к судьбе советского человека. Когда Пихур попросил ее о помощи, Вера, не задумываясь, согласилась. Бескорыстная девушка раздобыла поношенный костюм, рубашку, ботинки и кепку. Написала записку к своему родственнику и сказала:

— Госпиталь пока не охраняется. Бегите! Доберетесь до села, там вам помогут.

В прачечной, куда его привела Вера, Пихур побрился, переоделся и скрылся.

Родственник санитарки по-братски отнесся к беглецу, пристроил его на работу к зажиточному крестьянину.

Пихур немного окреп, и тогда он решил бежать к партизанам, слухи о которых ходили по селу. Ему долго пришлось скитаться по хуторам и глухим селам, скрываться от фашистов и их приспешников — полицейских.

— И вот я встретил вас, — закончил Иван рассказ.

Пихур прожил у нас десять дней. Мы уже привыкли к нему. Даже предлагали остаться у нас. Но Пихур не поверил в наши возможности. Что может сделать горсточка людей без оружия?

— Вот найти бы большой партизанский отряд, — мечтал он. Пихур собрался на поиски «больших» партизан.

— Если не встретишь их — возвращайся, примем как родного. — Посмотрели друг другу в глаза. — Не застанешь дома — ищи нас в лесу!

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ИССЛЕДУЮТ... ОБУВЬ

Утром к нам забежал Иван Гальчук. Он был взволнован и еле отдышался.

— Слыхали? В Невирковском лесничестве появился разбойник.

— Какой такой разбойник? — недоумевал отец.

— Сегодня ночью лесничий Тарнавский, поставленный на эту должность гитлеровцами, убил крестьянина из села Грушевки.

— За что же он его убил?

— Ни за что. Бедняга хотел припасти немного дров. Вот поехал в лес, а тот изверг приметил его, ну и отнял жизнь у трудового человека. Четверо детей осталось без отца...

Мы с возмущением узнали об этом зверском акте. Так вот он какой, Тарнавский! Фашистский пес! Свою злобу против Советской власти вымещает на простых, ни в чем не повинных людях!

Никифор Янчук подтвердил печальный факт. Он видел окровавленный снег...

— А кто был вместе с Тарнавским? — спросили Янчука.

— Говорят, все лесники Невирковского участка.

— Фашисты дали Тарнавскому большие права, — не мог успокоиться Гальчук. — Он носит револьвер, всем угрожает расправой. Выйдет на дорогу, что ведет из Буды в Медведовку или Гуту, задержит фурманки*, общит. Отнятое у крестьян добро лесники делят между собой, выменивают на самогон и компанией пьянствуют. А теперь, видите, до чего дошло? Человека убили! И управы на них нет!

— Ничего, каждому фрукту свое время! — воскликнул я.

Янчук рассказал о своей первой встрече с Тарнавским.

— Иду я как-то из Людвиполя и вижу: лесники гонят группу людей. Присмотрелся — военнопленные. Старшим среди конвоя был рослый, с револьвером в руке. Тогда я не знал, кто он такой, спросил у другого: «Куда вы их? Отпустили бы по домам, ведь они кровные нам братья».

Рослый метнул на меня злобный взгляд, а потом вразвалку подошел, повертел револьвером перед моим лицом: «Катись, миленький, своей дорогой, а то сейчас отправим в рай!» А думаете, его подручные лучше к народу относятся? Попробуй-ка скажи что-либо против...

— Все это временное, — уверял отец. — Сегодня ты стерпел, а завтра не сможешь стерпеть. А представляете себе, что получится, когда сообща за них возьмемся? Не разгуляются, выродки! Все будет зависеть от народа. Народ — неодолимая сила!

Слушая земляков, я сделал вывод, что прежде всего надо умерить пыл неvirковских палачей.

— Мы их выследим, когда они будут возвращаться после попойки, — поддержал меня Жорж.

И вот, захватив с собой оружие, Жорж, Зигмунд Гальчук и я обогнули село и вышли на просеку, ведущую к Невирковскому хозяйству. Вокруг

* Фурманка — небольшая фура, фургон // Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.classes.ru

стоял в своем неповторимом очаровании лес, покрытый серебристым инеем.

В секрете были недолго. Послышались веселые голоса. Мы притаились за маленькими елями. Каждый удар сердца отдавался в ушах. Голоса постепенно удалились. Мы бесшумно выбрались из кустов на просеку.

— Они, наверное, уехали Медведовским трактом, — предположил Зигмунд.

— Скорее всего, остались на ночевку у Малигранды, — возразил Жорж.

— Айда! Проверим!

...Дремала глухая мартовская ночь. В селе давно погасли огоньки. По небу плыли пушистые облака, в просветах мерцали звезды.

Бесшумно распахнулась калитка. На мгновение у окон застыли две тени. И... раздался звон стекла. Грянули два оглушительных выстрела. Ночную тишину разрезал крик обезумевших лесников. И снова тишина.

Две тени кинулись к калитке и исчезли в полумраке. Единственным свидетелем дерзкого поступка была далекая молчаливая луна...

— Как думаешь, Жорж, — спросил дома Ростислав, — в межиричском гестапо есть ищейки? Они пойдут по следу?

— До рассвета «храбрецы» не выйдут из дома, а пока свяжутся с карателями — следы исчезнут. И обувь у нас будет другая.

— А я беспокоюсь — утром Тарнавский наверняка сюда припрется. Он хитрый, собака!..

У лесничевки толпились полицейские. Среди них были Ортяков и Малигранда. Они приглядывались к каждому прохожему. В черном длинном полушубке, в бараньей папахе и, как обычно, с револьвером, торчавшим за широким офицерским ремнем, Тарнавский метал угрозы по адресу неведомых преступников.

— Под землей разыщу негодяев! Сведу с ними счеты!

— Выйдем на улицу, отведем подозрения, — позвал я Жоржа. — Я пойду за водой, а ты стой у калитки.

Когда я проходил мимо полицейских, меня грубо окликнули:

— Эй, парень, иди сюда!

— Чем могу быть полезен, пан лесничий?

— Где шлялся ночью?

— Спал. Приболел малость, гриппую.

— А ну покажи свои черевички! Подошву, подошву показывай! — пристал Тарнавский.

— Чего вы, пан лесничий, — заступились Ортяков и Малигранда. — На такое злое дело наши соседи не способны.

Тарнавский покосился на меня.

— Вон отсюда!

А через день в сопровождении Тарнавского к нам явился полицейский.

— Соберите сюда всю вашу обувь! — потребовал он.

— Что случилось, паны добрые? — спросила мама, не подозревая, что ее дети причастны к ночному событию. — Опять кого-то убили в лесу? — и распорядилась: — Дети, соберите обувь, какая есть в доме!

К ногам полицейского были брошены рваные сапоги, старые ботинки, трепы на деревянной подошве.

— Это все?

— Не верите — ищите сами, — обиделась мать. — Ладно, пойдем!

Молчавший до этого отец поддел Тарнавского:

— Пан лесничий, — показал рукой на револьвер, — так можете потерять!

Тарнавский сквозь зубы процедил:

— Тому, кто его подымет, не сносить головы!

Полицейские собрали отрывочные сведения о вооруженном нападении на лесников и уехали в район.

Урок, преподанный предателям, не прошел бесследно. Ортяков и Малигранда целую неделю не показывались на своих участках. А когда появлялись там, то без оружия. Каждому встречному говорили, мол, земляков больше обижать не будут.

— Испугались держиморды! — торжествовали люди.

Только Тарнавский не льстил никому, открыто продолжал свирепствовать.

— Я найду этих бандитов и расправлюсь с ними. Помянете мое слово! — хвалился он перед своими друзьями.

Отец сразу догадался, кто виновник происшествия, и однажды спросил:

— С лесничими — дело ваших рук? В селе настойчиво об этом шепчутся.

Мы не стали скрывать и обо всем рассказали ему. Отец улыбнулся:

— Разве разумно действовать по соседству?

ПОД КОНВОЕМ ШУЦМАНОВ

Будлянские поля, согретые весенним солнцем, покрылись янтарной зеленью. По утрам их окутывали сизые туманы. Родная земля!

Все оживало вокруг, радовалось чудесной поре. Только люди ходили молчаливыми, угрюмыми. Они мучительно переживали каждый час гитлеровской оккупации: в любую минуту кто угодно безвинно мог стать жертвой «нового порядка».

Закрылись мельницы. Крестьяне вынуждены были тайком пользоваться самодельными жерновами. Кто-то сложил об этом горько-насмешливую песню:

Небо сине, земля чорна!
Та гей!
Українці крутять жорна!
Та гей!
Наказ — струнко! Жорна здать!
Та гей!
Ходить Гітлер над рікою,
Та гей!
Носить жорна під рукою,
Та гей!
Наказ — струнко! Жорна здать!
Та гей!

А нас манили чащи, густые заросли ельника, ровные, как стрелы, просеки Невирковского леса. Мы готовились к открытой схватке с врагом.

— Мы уйдем из дому и неизвестно когда вернемся, — говорил Ростислав. — Поэтому надо маме смолоть муки, ей тяжело будет одной, отец с заработков не скоро вернется.

Ростислав и я извлекли запрятанные в сарае жернова, стали вращать тяжелые камни. За этой работой нас застали полицейские.

— Руки вверх! — направили на нас винтовки.

«Как глупо получилось! Неужели все?» — молнией пронеслось в голове.

— Овец у тебя не воровали и рук не подыдем! — спокойно ответил я. Полицейский свистнул.

— Чего свистишь? Мы безоружные, а ты с винтовкой, и боишься! — прекнул Ростислав.

— Ведите их в дом! — приказал старший.

В комнате сидели два гестаповских офицера. Полицейские рылись в вещах.

— Кто есть? — спросил офицер, когда меня и Ростислава ввели.

— Старшие сыновья Струтинского.

— Карашо, сейчас будем смотреть. — Офицер вынул из бокового кармана мундира записную книжку и ткнул в меня пальцем:

— Кто?

— Николай! А это мой брат — Ростислав.

Офицер, приподняв очки, внимательно рассматривал нас.

— О-очен карашо! Аллес гут! Где фатер, мать и еще брат?

— На заработках. Через несколько дней придут. — А сам подумал: «Хоть бы не появился отец».

— Шнель нах Межирич!* — приказал гитлеровец.

Я с братом оказался в одной из комнат конторы лесопильного завода. Нас повернули лицом к стенке, приставили охрану.

«Кто навел хищников на наш след?» — донимали догадки. Перебирая в памяти всех недругов, я слегка повернул голову вправо и глянул в окно, выходившее во двор лесопильного завода. Между высокими ярусами аккуратно сложенных досок увидел гестаповских офицеров и Петра Косолапого.

Односельчане неодобрительно отзывались о нем. Это по его доносу был расстрелян крестьянин Зинько за нелестный отзыв о фашистах. Украдкой посматривая на этого человека с кривыми ногами и плешивой головой, я подумал: что он знает о нас? И тут вспомнил, как поздней осенью 1941 года я расспрашивал его о ящиках с боеприпасами, оставленными на грузовике красноармейцами, у которых кончился бензин на Жерновском тракте. Беседовал и о том, что, мол, неплохо бы вооружиться.

— Для чего? — хитро прищурил тогда глаза Косолапый.

— Как для чего? Мало ли нечисти шатается на нашей земле... От нее отбиваться надо...

— Ага, понял! — произнес предатель, не уловив истинного смысла моих слов.

Волнение и злоба сдавливали мне горло. «Если уцелею, — мысленно поклялся я, — расправлюсь с ним». В комнату вбежал полицейский.

— Выходи! — крикнул он.

* Быстро в Межиричи! (нем.).

Нас вывели во двор, где стояло несколько гестаповцев. Косолапый был в стороне. Не оставалось сомнения, что этот зажиточный бездетный человек по кличке Слюнтявый является агентом гестапо.

Нас посадили на подводу и повезли. Сопровождал подводу своеобразный эскорт — два гестаповских мотоциклиста.

Караван въехал в село Невирков. Когда приближались к церкви, я ужаснулся: по обочине дороги навстречу шла мама.

Неужели подойдет? Сердце мое стучало: не подходи к нам, мама! Не подходи! Не подходи!..

Но вот она совсем близко... Прядь седых волос выбилась из-под платка, их нежно колыхал ветерок. Опасность уже нельзя было предотвратить. Мама подняла голову и посмотрела на нас. Я заскрежетал зубами, потряс головой, делая знак: «Не подходи!» На мгновение мама остановилась, точно вкопанная, и вдруг с криком бросилась к нам.

— Стой! — кричали ей полицейские, вскинув винтовки. Ездовой придержал лошадей.

— О милостивый Господь Бог! — всплеснула мама руками. — Дети мои!.. Мои родные... Куда это вас?..

Мама задыхалась, плакала. Подскочила к нам и поцеловала...

— Отпустите, они ни в чем не виноваты! — обратилась к конвоирам. По ее бледным морщинистым щекам текли слезы...

— Прочь отсюда! Прочь! — старший шуцман изо всей силы оттолкнул седую женщину. От резкого толчка мама упала на землю.

— Мерзавцы! За что старуху обижаете? — не удержался я от гнева. Лошади, подгоняемые возницей, рванулись вперед.

— Мама! Родная!.. — утешали мы. — Не плачь! Мы не виноваты! За обиду они ответят!..

Мама медленно поднялась и долго смотрела вслед удалявшейся подводе, в которой сидели со связанными руками ее сыновья... И словно подгоняемая ветром, поспешила домой. У ворот лесопильного завода встретила соседа Зигмунда Багинского.

— Ну что, доигрались твои молодчики? — с усмешкой бросил он матери. — На кого руку подняли? А? Против такой армии! Разум потеряли!..

— Не тешься чужим горем, от своей беды не уйдешь!..

Дома мать подробно расспросила Катю о случившемся.

— А где Жора, Володя, папа?

— Не знаю, мамочка, они еще не приходили.

Когда дети уснули, мама накинула на плечи шаль и вышла во двор. Темная ночь повисла над селом. Уставшие глаза с трудом различали

тропинку, убежавшую к темнеющей полосе лиственниц. Вдруг послышались чьи-то шаги. На мгновение мама остановилась. Следят?

Шаги приближались, вот уже мелькнула тень человека. Мама узнала Слюнтявого. Он миновал кусты, за которыми притаилась она, и удалился.

Мать пошла к Никифору Янчуку, чтобы узнать, где муж и остальные дети.

— Никифор Яковлевич, не сердитесь. За советом и помощью к вам.

Янчук рассказал:

— Сегодня после обеда полицаи и немцы оцепили наш хутор. Обшарили все уголки и убрались к чертям. Не успели два последних полицейских скрыться за поворотом дороги, как во дворе появился ваш Владимир. Я жестом предупредил его о приходе карателей, и он скрылся. А когда стемнело, отправил Жоржа и Володю в Свирки, к отцу. Там они и ночуют. Тамара понесла им ужин.

— Никифор Яковлевич! — попросила мать. — Поведите меня к ним!

— Пойдем!

Мать подробно рассказала отцу о трагической встрече с сыновьями и о слежке Слюнтявого. Услышав кличку Слюнтявого, Янчук вскипел:

— Этот еще при панской Польше предавал людей! Однажды я решил разделаться с доносчиком. Мы встретились один на один. Косолапый сапоги целовал, клялся, что никогда пакости не сделает. А теперь...

Наступило минутное молчание. Мать нарушила его первой.

— Забыла, Коля несколько раз говорил о каких-то муравьях. Поняла так, будто что-то важное там спрятано.

Отец знал о нашем муравейнике.

— Нет, оружия пока брать не будем. Сначала пойду в Леоновку, Горыныград, Рясники, встречусь там с надежными людьми, узнаю настроение. Жорж останется на хуторе, а ты, Марфа, с Володи будешь дома. Тебя не тронут.

Брезжил рассвет...

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОБЫСК

Ездовой остановил уставших лошадей. У крыльца особняка межиричского гестапо стояли офицеры. «Как заслуженных людей встречают», — посмеялся я в душе.

Мы слезли с подводы, осмотрелись.

— Марш! Без оглядки! — шумел шуцман, выслуживаясь перед гестаповцами.

Нас подвели к дежурному. Его лицо показалось мне знакомым. Как будто где-то встречал. Но где именно? Ага!.. В Липенском лесу, правда, тогда он был в штатском. Да, вспомнил! Это кулак Кирилл из Совпы.

— Ваши фамилии, хлопцы? — пробасил Кирилл.

— Струтинские, Николай и Ростислав. Братья.

У полицейского нервно задержались веки, он потянулся к винтовке.

— А!.. — злорадствовал фашистский лакей. — Знаю, знаю вас! Давно за вами охотимся!

Его наглая откровенность огорчила нас. Но именно сейчас требовалась выдержка. Как никогда раньше она помогала стерпеть обиды.

Нас провели по деревянной лестнице в полуподвал, втокнули в камеру, дверь закрыли на засов. Вот когда мы с грустью осознали безысходность своего положения. Я как затравленный зверь метался из угла в угол. Ведь у нас столько энергии! А тут сиди и жди, когда с тобой расправятся...

Брат пытался успокоить:

— Коля, не отчаивайся!

Я шепнул Ростиславу:

— При нас документы, куда их деть?

Каратели, по-видимому, так обрадовались поимке, что даже забыли обыскать нас. И мы немедленно воспользовались этим. Извлекли из карманов записи, план лесного участка и некоторые другие бумажки. Попади они в руки врага, нам бы не поздоровилось. Но где их спрятать? Ростислав обнаружил в полу между досками щель. Приподняв одну доску, сунули туда документы. Лишь после этого облегченно вздохнули.

Теперь спокойно осмотрели камеру. Стены сложены из кирпича, пол — из широких, прогнивших по краям досок. Оконная коробка укреплена решеткой из толстых прутьев с зазубринами.

Побег исключался.

Подавленные случившимся, молча улеглись на полу. Но тут же раздался топот по лестнице. В камеру ворвались гестаповский офицер с револьвером в руке и двое шуцманов.

— Обыскать! — приказал гестаповец.

Шуцманы ощупали нас с ног до головы, а затем приказали раздеться. Они усердно прощупывали в одежде каждый шов. Но ничего не нашли. Опоздали!..

Фашист выругался, гаркнул на шуцманов и скрылся за дверью. За ним поспешили каратели. Неприятно заскрежетал засов.

— Ну, кажется, на сегодня все, теперь отдохнем.

Однако заснуть мы не могли. Нахлынули воспоминания о далеком детстве. Что привело нас сюда?..

НА УРОКЕ ЗАКОНА БОЖЬЕГО

...Наспех сложив в сумку тетради и книжки, Мария собралась уходить. Заметив меня, уже одетого и притаившегося за дверью, она предупредила:

— Не возьму тебя с собой. В школу принимают с семи лет, а тебе только шесть. Понял?

Я не послушался и выбежал на улицу. Тогда Мария крикнула маме:

— Заберите Колю! Ведь смеяться будут!

— Мария, возьми... Я тебе не помешаю, буду сидеть тихо... Возьми!..

Сестра остановилась. Строго посмотрела на меня:

— Ладно, идем!..

С того дня я стал школьником.

...После уроков мы с двумя мальчиками играли возле школы в «шпака». К нам подбежал одноклассник Коля Проташук.

— Вас зовет учительница!

Все трое предстали перед Екатериной Константиновной.

— Идите к батюшке и передайте ему мое приглашение придти на урок закона Божьего.

Захватив с собой дубинки, специально приготовленные для обороны от злых собак священника, мы гурьбой побежали к церкви.

— И я с вами! — догнал нас Коля Проташук.

— Давай!

Едва открыли калитку, как на нас набросились два здоровенных пса, спущенных с привязи. Кто-то крикнул: «Айда, вперед!» — и мы ринулись в «наступление», пустив в ход дубинки. Собаки с визгом удрали из двора.

— Вы что, как бандиты, с дубинками?! — заорал Селецкий, выскочив на порог.

— Здравствуйте, батюшка! — заискивающе поклонились мы и поочередно коснулись губами его холеной руки. Так нас учили в школе.

— Батюшка, вся школа просит вас придти на закон Божий!

...В класс вошел священник. Все встали и хором приветствовали его: «Здравствуйте, батюшка!»

Несмотря на то, что я и Коля Проташук сидели за задней партой, глаза Селецкого, сверкая, остановились вначале на Коле, а затем на мне. Коля наклонился в мою сторону и тихо прошептал:

— Сегодня поп стонит злость за своих псов. Видишь, какую линейку принес.

Селецкий размеренным шагом подошел к нам, присел рядом и спросил заданный урок о каком-то апостоле, то ли об Иване, то ли о Петре, не помню. Коля, хотя и заикался, отвечал уверенно. Однако Селецкий назвал его мерзавцем, схватил левую руку Коли и сильно ударил по ладони линейкой. Потом еще и еще...

Я видел, как дрожали от боли и обиды губы товарища, его серые глаза налились злостью.

— Садись, болван! — затрясся поп. С его головы свалилась высокая синего цвета бархатная шапка с крестом на макушке. Это еще больше разозлило священника. Он сам поднял шапку и, закинув назад растрепанные волосы, надел ее.

«Ну, теперь мой черед», — подумал я. И не ошибся. Селецкий переадресовал Колю за другую парту и придвинулся ко мне.

— Надеюсь, белобрысый, ты лучше выучил Божий закон? Его надо знать твердо! Ведь это основа нашей жизни, — бубнил Селецкий над моей головой.

Я отвечал путано. Тогда поп дал мне такого подзатыльника, что из глаз посыпались искры. А он издевался: приказал вытянуть левую руку и с силой начал бить линейкой по ладони. Я не выдержал и отвел руку в сторону. Поп рассвирепел и ударил меня по голове.

Это был последний урок закона Божьего, на котором я присутствовал.

Дома я рассказал о произволе «святого». Отец возмутился, набросил на плечи пиджак и хотел идти к истязателю.

— Успокойся, Владимир, — умоляла мать. — Сам знаешь, к чему приведет твоя вспыльчивость. Ты и так на учете. Тебя как сторонника большевиков арестуют, а дети останутся без куска хлеба.

Отец вял просьбам матери и остался дома.

— Бедное дитя, как же он тебя, Коленька? — мать прощупывала мою голову, надеясь обнаружить ссадину. — Руки б у него поотсыхали, у негодяя! В церковь больше ни за что не пойду! — немного успокоилась. — Знаю, сыночек, за что он тебя побил. За отца! Он же в церковь не ходит. Не раз Селецкий упрекал: «Почему, Марфа, муж не исповедуется? Безбожник он. Прихожане на утреннюю идут, колокола звонят, а он на видном месте дрова колет. Грешно!»

Отец снова вскипел:

— Видал басурмана! Захотел моей исповеди! Грехи вздумал отпустить! Сам-то он каков? Конокрад! Вор последний! А помнишь, Марфа, кто заступился за него, когда пришли советские войска? Отец Коли, Протащук безрукий. Помнишь? Недавно он и жена его умерли. Трое детей живут впроголодь, ходят в лохмотьях, а батюшка вместо помощи избил Колю! Вот какая совесть!

Отец рассказал, как все происходило.

Конница Буденного двигалась на Варшаву. Бойцы, утомленные дальними переходами, остановились на отдых в нашем селе. К круче, что неподалеку от церкви, сбегался народ. Оказывается, там богатырь-кавалерист отчитывал человека в черной мантии: «Я проучу тебя, как издеваться над народом!»

Когда кавалерист замахнулся саблей, из толпы выбежал высокий бедно одетый мужчина без одной руки.

— Я такой же воин, как и ты, — заступился он. — Видишь, на фронте руку потерял. Прошу, оставь батюшку в покое. Он человек неплохой. Здесь какое-то недоразумение...

— Говоришь, он хороший?! — кавалерист вложил саблю в ножны. — Оставить? Ну и черт с ним, пусть живет! А мне жаловались, что он людей грабит. — Повернулся к попу: — Убирайся вон!

Подобрав длинные полы мантии, Селецкий убежал прочь. Кавалерист весело хлопнул Протащука по плечу:

— Кабы не ты... Пусть благодарит тебя и детей твоих!

— А за что кавалерист хотел казнить попа? — поинтересовался я.

Отец продолжил свой рассказ.

— В 1914 году вспыхнула война. Вскоре село Горыньград наводнилось беженцами, эвакуированными из района военных действий. Начался голод. Царское правительство пожертвовало из своих запасов небольшое количество зерна и крупы. Несколько повозок продуктов выпало и на долю беженцев, остановившихся в Горыньграде. Кто же разделит продукты лучше, чем святой отец?

Люди доверились попу, а он две повозки круп утаил от них. Беженцы умирали с голоду — Селецкий же краденой крупой откармливал своих свиней.

После рассказа отца я еще больше возненавидел Селецкого. Но мне не раз поручали ходить к нему и приглашать на урок закона Божьего. Я эти уроки пропускал. Однажды со мной убежал и Фаня Чаплинский.

Мы побродили в поле, спустились в овраг. Стояла теплая, солнечная погода, вокруг щебетали птицы, воздух был напоен ароматом цветов.

Словно громадный сказочный краб, овраг своими разветвлениями расходился в разные стороны. То тут, то там стояли островки с откосными стенами. Мы взобрались на один из них.

— Нехорошо поступили мы, Коля, — сказал вдруг Фаня. — Провинились сразу перед батюшкой, родителями и школой.

Внизу слышались чьи-то голоса.

— Попались! Нас ищут. Теперь влетит, — припав к траве, шептал Фаня. — И зачем я тебя послушался, глупый!

Из глубины оврага донеслась польская речь. Мы увидели троих полицейских. Они вели человека в штатском, который тащил на плечах какую-то ношу.

— Михаила Пониманского поймали! — возбужденно вскрикнул Фанька, забыв о том, что мы прячемся.

В глубине отрога, у глиняной стены, полицейские остановились, Михаил осторожно опустил ношу на землю.

— Наверное, поймали с водкой! — не унимался Фаня. Пониманский и полицейские о чем-то спорили.

— Не меньше тысячи złotych!

— Нет, панове, не могу. Пятьсот дам. У меня больше нет.

Один из полицейских приблизился к Михаилу, снял его шапку, перевернул колпаком вниз и положил ему на голову. Приказал:

— Сиди, не двигайся, а то вместо шапки тебе в голову влеплю.

Все отошли от Михаила метров на десять, и полицейский два раза выстрелил по шапке.

— Если его убьют, то только мы будем свидетелями, — твердил Фаня.

Какая сумма денег спасла Пониманского, мы не расслышали. Но после «упражнений» в стрельбе полицейские спрятали в кусты ношу и вместе с Михаилом удалились. Тогда мы бесшумно спустились по тропинке и вытянули из кустов ящик с бутылками, разрыли неподалеку лисью нору, втокнули туда ящик и прикрыли ветками. Быстро возвратились на прежнее место и залегли.

Через час появились полицейские, уже без Михаила. Разделив между собой злотые, они подошли к месту, где оставили самогонку. После бесплодных поисков, обозленные, так ни с чем и ушли.

Вечером я и Фаня встретили Пониманского, проводили к лисьей норе и, к его большому удивлению, вытащили оттуда ящик.

Пониманский поблагодарил нас и дал каждому по одному злотому.

ПОХОРОНЫ... В ДОЛГ

С каждым годом жизнь нашей семьи становилась все тяжелее и тяжелее. Не выдержала испытаний сестра матери Наталья. Она умерла с голоду. Отец занял несколько злотых, купил досок и заказал гроб. Но где достать денег, чтобы уплатить священнику?

— Ты, Володя, попроси его, пусть отслужит молебен в долг, — советовала мама.

— Разве его упросишь? С меня он втридорога сдерет!

Отец взял у соседей лошадей, гроб с покойницей положили на сани и привезли на кладбище. Словно из-под земли вынырнул дычок.

— Когда умерла? — пропищал.

— Позавчера.

— Добро. Везите в церковь! — и засеменил по дороге. Распахнулась массивная церковная дверь. Гроб установили посередине церкви.

Отец отправился за священником. Тот принял его не сразу. Пришлось терпеливо ждать. Но вот, наконец, Божий слуга появился в кухне, где в углу на табурете сидел отец. Узнав, зачем он пришел к нему, потребовал большую сумму.

Отец пожаловался, мол, дома сидят голодные дети, а за душой — ни гроша, и просил смириться, похоронить покойницу в долг. Но Селецкий и слушать не хотел — он требовал наличными.

Опечаленный отец возвратился в церковь. Он долго смотрел на усопшую, перевел взгляд на иконы, как бы ища сочувствия у апостолов, и со скорбью произнес:

— Да, кто без денег — тот и не человек!..

Мать с горя разрыдалась. Отец ее успокаивал:

— Не плачь, Марфа, все равно священник похоронит, гроб не заберу, оставлю в церкви...

И действительно, на следующий день, не дождавшись отца с деньгами, Селецкий прислал за ним пономаря. Сестра матери была похоронена в долг.

Весной отец рассчитался со священником.

СТОЙКА НА ВЕРШИНЕ ДЕРЕВА

...На самых плодородных землях Волыни правительство Пилсудского селило бывших офицеров польской армии, воевавших против молодой Советской России. Эти земли отдавались им бесплатно в

вечное пользование. Для укрепления хозяйств безвозмездно выделяли денежные ссуды.

Избалованная правительством, а также попустительством главного осадника Юзефа Пилсудского, каста осадников с презрением относилась к украинскому населению, проживавшему в Горыньграде и окружающих селах. Они всячески старались унижить человеческое достоинство украинцев, называли их холопами, быдлом.

В начальных школах, где занимались дети украинцев, преподавание велось на польском языке, и лишь один урок в день проводился на украинском языке.

Помещики, кулаки, ксендзы-иезуиты, осадники беззастенчиво эксплуатировали бедняков. А осенью, по окончании полевых работ, любой богач мог выгнать батрака, как собаку. Обездоленные люди бродили по родной земле в поиске куска хлеба...

Уходил на заработки и мой отец, Владимир Степанович. Он работал каменщиком-штукатуром у Даниила Майстрова.

Майстров был малограмотный мужик из села Мышина, но он постоянно интересовался политическими событиями в мире. Он имел примитивный радиоприемник, которым пользовался каждый вечер.

Отец ходил к Майстрову слушать радиопередачи и иногда, с разрешения хозяина, брал с собой и меня. В радиопередачах я разбирался мало, но в память врезался бой кремлевских курантов и звуки «Интернационала». Особенно запомнились слова:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов!

Я выучил «Интернационал» наизусть и пел его дома, а часто и среди юных друзей.

У Майстрова я впервые услышал о Советском государстве.

С двенадцати лет я помогал отцу и матери содержать большую семью. Много работал у купца Пини. Этот Пиня закупал яблоки, груши, сливы, словом, урожай фруктов в селах нескольких районов. А я лазил по деревьям, срывал плоды с недосягаемых, казалось, веток.

Однажды, помню, Пиня разбудил меня на рассвете, и мы на одноконке помчались в село Вильгоры. Здесь, неподалеку от реки Горыни, предстояло снять урожай груш в саду священника.

Я ловко орудовал на верхушке дерева, и священник похвалил меня за ловкость и отвагу.

— Батюшка, — поправил на жилете золотую цепочку Пиня, — а вы знаете, что Коля может делать стойку на лестнице?

— Да сохрани Бог, что вы! — испугался богослужитель. — Ведь он, чего доброго, сорвется!

Но Пиня вошел в азарт и решил удивить «святого» моими трюками.

— Коля, покажи! — подзадорил он меня.

Повесив корзину на ветку, я оперся руками о предпоследнюю перекладину лестницы и выбросил вверх ноги.

— Хватит, мальчик, разобьешься! — испугался священник.

Я, как ни в чем не бывало, снова стал рвать груши. Мой трюк понравился старику. Раздобрев, он принес поллитровую банку пчелиного меда.

— Покушай медку, у тебя силенок прибавится!

Оборвав груши, мы с Пиней поздно вечером покинули село.

— Получай за работу, — дал мне Пиня один злотый и маленькую корзину с грушами.

Деньги, груши, мед я принес матери и, довольный, рассказал, как это все заработал. Мама выслушала внимательно и разволновалась:

— Ты же мог остаться калекой на всю жизнь!..

НА ГРАНИЦЕ

В один из осенних дождливых дней полиция окружила наш дом. Среди полицейских был пан Плескот. Непрошенные гости, не предъявив отцу никаких документов, начали обыск. Мы, дети, испуганно следили за каждым шагом полицейских и по-своему возмущались их грубостью.

Бесцеремонность полицейских вывела отца из равновесия. В ответ на оскорбления он назвал их патентованными грабителями. Это взбесило Плескота, он ударил отца в грудь прикладом.

У отца вырвался легкий стон. Он бросил им в лицо:

— Подлые души, я ненавижу вас! Придет возмездие! Вы не вечные!

Отца вытолкали за дверь.

— Мы запрем тебя, быдло! — брюзжал Плескот.

— Владимир, успокойся, — удерживала мать отца. — Мы не преступники. Пусть переворошат все лохмотья, сами убедятся, что, кроме нищеты, у нас ничего нет.

Полицейские тщательно обыскали каждый уголок, но ничего не нашли. Обозленные, даже не составили протокола, забрали отца и увезли.

— Мы тебя в тюрьме сгноим! Ты бунтарь! Коммунистический агитатор! — кричал на отца комендант полиции.

— Это ничем не доказано, — отвечал отец. — А кто будет содержать семерых детей? Кто? Вы?

Не располагая прямыми уликами против отца, комендант вынужден был отпустить его.

Я вспомнил, как за несколько дней до обыска глубокой ночью к нам в дом вошли двое неизвестных. Они были сравнительно молоды. Когда я проснулся, то увидел, как отец снял с кровати одеяло и занавесил окно в кухне. Мама накормила незнакомцев. Отец потушил лампу и в темноте до рассвета беседовал с гостями. Пробыли они в доме весь день, а когда смеркалось, отец перевез их лодкой через Горынь на противоположный берег. С тех пор я никогда больше их не видел.

Спустя много лет я узнал от отца, что те двое были из Луцка. За борьбу против польских панов им угрожала тюрьма, и они вынуждены были скрываться.

Безработица, полицейский надзор и гонения изматывали отца. Его уволили с Бабинского сахарного завода, где он работал каменщиком. Своей открытой агитацией против эксплуататоров отец разгневал предпринимателя. Тот ему со злобой заявил:

— Такие как вы, Струтинский, нам не нужны...

Опечаленный отец возвратился домой.

— Вот тебе, Марфа, мой последний заработок, — положил он на стол несколько злотых. — С работы выгнали, да еще и без права поступления...

— Зачем же с ними ссоришься? — упрекала мать. — Революции ты не совершишь, а детей погубишь.

Отец задумался. А потом подошел к матери и предложил:

— Уйдем отсюда в Советскую Россию!

— Кто тебя туда пустит? И как мы уйдем?

— Нелегально, через границу!

Такое намерение напугало мать. Как можно уходить с насиженного места, всей семьей, да еще тайно?... И все же она согласилась.

На государственной границе служил сержантом наш родственник Фабиян. Отец обратился к нему за помощью.

— На тебя, Фабиян, вся надежда. Только на тебя!

Фабиян от удивления широко открыл глаза.

— Ты что, Владимир, с ума сошел?! Я служу в пограничной страже и стану переводить тебя через границу? А моя присяга? У меня трое детей,

я их люблю не меньше, чем ты своих. Нет, я не могу выполнить твою просьбу и, прошу тебя, никому ни звука о твоих хлопотах. И я никому не скажу. Обещаю!

Смирившись с судьбой, отец отправился на заработки. Он закладывал фундаменты будущих домов, сооружал из кирпича сарай, ставил печки, штукатурил.

Несмотря на тяжелую жизнь, отец урывал время для чтения книг. Материальные условия позволили ему закончить только четыре класса. Но еще в детстве полюбил он сказки, стихи, рассказы, которые тайком доставал у панских слуг.

За книгами, газетами я ходил в соседнее село Рясники к Лукьяну Ткачуку.

Лукьян Ткачук по прозвищу Король возглавлял левое крыло «сельробовцев». Грамотный, умный и честный человек, он пользовался большим уважением односельчан.

Король неведомо откуда получал нелегальную литературу и давал ее читать моему отцу. Бывало, отец сам ходил к нему, чтобы отвести душу, но чаще всего посылал за запрещенными книжками меня. Я охотно выполнял это поручение. Обычно отправлялся утром, шел вдоль любимой Горыни, сворачивал в парк Майстрова, взбирался на Маслюкову гору и оттуда подолгу любовался живописным пейзажем.

Ткачук и его жена относились ко мне, как к сыну. Не помню случая, чтобы они забыли угостить меня чем-нибудь: варениками с вишней, пирогом с фасолью, кружкой молока или яблоком. После угощения Лукьян клал мне за пазуху книжки и газеты и при этом поучал:

— Только будь осмотрительным, не попадайся на глаза постерунковым!..*

Нужда угнетала нашу семью. Выход оставался один: продать усадьбу — небольшую глиняную хату и клочок огорода, прилегавшего к Горыни.

Летом 1933 года родители подписали документы о купле-продаже, и золотые царской чеканки появились на столе. Помню, отец клал монету на ноготь большого пальца левой руки и второй монетой стучал по кончику, прислушиваясь к «золотому» звуку. Затем брал вторую монету, третью, четвертую... В один из дней отец ушел в Ровно, прихватив большую часть денег.

* Постерунковы — часовые (укр.).

— Дал задаток, Марфа! — сказал он, когда вернулся из города. — Знаешь, где будет новый участок? Возле Липенского леса, где в 1922 году я работал у купца бракёром. Земли там неважные. Необходимо выкорчевать пни и кусты.

— Хорошо, Владимир, я согласна, хуже, чем здесь, нам нигде не будет.

Мама со слезами на глазах прощалась с соседями:

— Не поминайте лихом, люди добрые...

Она уселась с малышами на подводу, груженную скудными пожитками, и мы выехали из двора. Отец, Ростислав, Жорж и я следовали за подводой пешком.

На противоположном берегу Горыни остановились. Оглянулись. Рядом с курганом виднелась чисто выбеленная родная хата. Мы покинули ее навсегда... Стало грустно. Я посмотрел на остальных. У всех в глазах блестели слезы. Немного погрустили — и снова в путь...

К вечеру прибыли на новое место.

— Наконец-то! — произнес отец. — Вот наш участок земли, за него придется выплачивать пять лет. Если нарушим срок, помещик с помощью суда нас выселит, а землю продаст другому.

Мама слезла с телеги, огляделась вокруг, трижды перекрестилась:

— Молю о вашем счастье, дети, на новом месте. Да сохранит вас Бог от всяких несчастий и бед!

Отец купил в соседнем селе ветхий сарай, разобрал его, перевез и построил хату. К осени покрыли ее камышом.

Раскорчевка участка изнуряла. На руках лопались мозоли, налитые кровью. Но мы сравнительно быстро очистили полгектара земли и посеяли просо.

В тот год всю весну шли дожди. В низинной местности посев пропал. Все деньги были израсходованы, семья снова осталась без хлеба.

И мы начали батрачить...

КЛЯТВА ПОСПЕЛОВСКОГО

Старинное украинское село Рясники, его крепостные и крестьяне, все поля и угодья принадлежали некогда известному русскому князю Трубецкому. Впоследствии он передал свое имение старшему сыну Андрею, а последний — продал царской казне. Государственный советник

Константин Ушинский в конце XVIII века выкупил у казны часть угодий, в том числе парк с красивыми каменными дворцами.

В парке князь Трубецкой воздвиг маслюк. Это высокая круглая насыпь, поросшая декоративными деревьями. На самой ее вершине красовались беседки для княжеских пиршеств.

В рясницких дворцах жила родственница Ушинских баронесса Лидия Александровна Врангель. Она и руководила всем имением. На лето сюда съезжались многочисленные князья, близкие друзья Константина Ушинского из Петербурга, Москвы и других городов России. А глубокой осенью, когда начинались дожди, жизнь в имении замирала. Лидия Александровна забирала детей Ушинского, прислугу и личного повара в свой фургон, запряженный тремя парами коней, и уезжала в Петербург.

Лишь ветер гулял зимой по красивым аллеям парка. Когда устанавливалась теплая весенняя погода, фургон с именитыми пассажирами вновь возвращался.

Десятки женщин и мужчин, постоянные слуги княжеского двора, чистили аллеи, посыпали песком дорожки, высаживали цветы на клумбах. Парк приводился в образцовый порядок.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России сыновья и дочь Ушинского появились в Рясниках. Вместе с ними прибыл его доверенный в делах. Рясницкое имение распродалось.

Фруктовый сад, расположенный на юго-западной окраине села, и прилегающий к нему сенокос купил прибывший сюда врач белогвардейских казачьих частей, разгромленных Красной армией, Владимир Пospelовский. Это был среднего роста, крепко сложенный, со смуглым лицом и небольшими карими глазами брюнет. Весной Пospelовский приступил к строительству двухэтажного особняка и благоустройству усадьбы. Он носился по саду из конца в конец. Его зычный голос слышался везде: и там, где обсаживали усадьбу живой изгородью, и там, где устанавливали ульи, и там, где сооружали беседки. Все делалось под его строжайшим надзором. Находил время Пospelовский и для посещения больных. Однако за каждый визит брал большие деньги, не считался с возможностями бедных людей.

Жена Пospelовского Марьяна Константиновна, в отличие от мужа, была человечной, добродушной и пользовалась уважением крестьян. Это выводило мужа из равновесия. Он желчно изрекал:

— Ненавижу бедных! Россию разорили! Какое богатство уничтожили! А ты бы все им отдала. Не спеши, придет время — они и сами все отнимут!

Семейная жизнь у Пospelовских не ладилась. Но Марьяна Константиновна терпела все обиды: она была матерью троих детей...

Моя старшая сестра Мария в те годы служила нянькой у Пospelовских. К дочери часто приходила мать — Марфа Ильинична. После каждого такого посещения она вздыхала, вытирая слезы украдкой: «Вот жизнь, не успела девушка подрасти — и уже батрачка...»

Отец, преследуемый полицией, не мог найти постоянную работу и обеспечить семью. И когда барыня предложила матери работу, она охотно согласилась. Мать стирала и гладила господское белье, натирала полы, мыла посуду. За это барыня платила ей деньгами, отдавала поношенные детские вещи.

Игорь, старший сын Владимира Пospelовского, был женат и проживал в Ровно. Из-за частых семейных неурядиц он запил. Его выгнали из дому. Игорь шатался по барам в Ровно и Здолбунове, проводил дни и ночи за игрой в карты. Чтобы скрыться от уплаты долгов, он сбежал в Рясники. Но Владимир Пospelовский отказался от спившегося сына. Игорь временно остановился в нашем доме. Отец предупредил:

— Веди себя достойно, не компрометируй меня перед людьми.

В одной из крестьянских хат Игорь открыл нелегальную школу, стал учителем. Желавшие учиться — а таких кроме меня набралось десятка полтора — платили ему по одному золотому в неделю. С большим интересом изучали мы географию, русский язык и другие предметы.

Тяжело было сыну барина жить на подачки. Он отощал, черные глаза запали.

Игорь обедал вместе с моими родителями. Когда его угощали самогонкой, он осушал стакан одним духом.

— Вам бы, Игорь Владимирович, жениться на дочери помещика, — как-то намекнул отец. — Пусть даже некрасивой, зато заживете по-человечески.

Игорь признался, что сам возлагает надежду на такой случай.

— Скоро этим займусь. И если, даст Бог, мне улыбнется счастье, клянусь, Владимир Степанович, поставлю на ноги вашего Колю. Выведу его в люди!

ПИСЬМО ВРУЧЕНО

— Знаете, мама, Игорю Пospelовскому повезло, — сообщила моя сестра Мария, гостившая в нашем «корчунке». — Он женился на Наталье, дочери новомысльского помещика Тищенко.

— А помнишь, Владимир, он клялся, что поможет нашему Коле, — напомнила мать. — Что, если отправить к нему нашего мальчика? Здоровье его сдает, измотался на раскорчевке. Ночью даже вздрагивает, бедняжка. Искалечим его — будет упрекать нас, родителей, всю жизнь...

— Да-а, — протянул отец. — Но я не верю тем обещаниям. Тогда он сам находился в безвыходном положении, вот и льстил нам. Возможно, и примет Колю, но в люди не выведет, я в этом уверен...

— Что ты, Володя? Разве можно так человеку не верить! — не соглашалась мать и настаивала: — Надо послать Колю к Пospelовскому. Наш сын мечтает стать шофером, разве мы сможем ему помочь в этом? А вот Игорь сможет!

— Я не против, — согласился в конце концов отец.

— Значит, надо готовить его в дорогу! — обрадовалась мать.

Морозным декабрьским утром я отправился в село Рясники. У меня было рекомендательное письмо отца к Игорю Пospelовскому.

Миновав села Глиники и Тайкуры, я поднялся на возвышенность, покрытую молодым лесом. В пяти-семи километрах виднелось село Ивачково, по которому, подобно узенькому извилистому ручейку, пролегла железная дорога. Она огибала большое село Здолбица и исчезала в черте уездного центра Здолбунова. Над селами возвышались белые купола церквей.

На дороге появился поезд. До сих пор я видел поезда только на картинках. Паровоз, показавшийся мне громадным чудовищем, извергал из короткой трубы клубы сизого дыма, пыхтел, увлекая за собой шесть «домиков» на колесах.

В изумлении я провожал поезд, пока он не скрылся за возвышенностью. Спустился вниз по узкой дороге, пересекавшей овраг, и пошел дальше. На хуторе близ села Ивачково встретился со старшим братом Александром. Он здесь батрачил.

На второй день Саша проводил меня до Здолбицы.

— Отсюда, Коля, пойдешь по дамбе, через мост. Вон парк, в нем благоденствует помещик Тищенко. Там и найдешь Игоря.

Когда мы прощались с Сашей, он наставлял:

— Все, что охватывает твой взор, принадлежит Тищенко: Закревские леса, села Тайкуры, Новосилки, Степановка, Старомыльск. Говорят, что помещик — деспот. Будь осторожен, братишка...

В Новомыльске возле небольших домиков с соломенными крышами, в которых жили батраки, рабочие и служащие, я встретил ребят. От них узнал о местонахождении Игоря Поспеловского.

— Ты кто такой будешь? — допытывались ребята.

— Я с письмом к нему.

— Издалека?

— Из Ровно, знаете, где?

— Да, слышали.

— Ну вот.

— А кем, мальчик, ты доводишься молодому барину? — спросила дама, услышавшая наш разговор.

— С письмом к нему от родителей.

— Давай я передам его!

— Нет, мне велели вручить ему лично.

— Ну, тогда подожди здесь.

Женщина вскоре вернулась.

— Пойдем!

Через кухню мы прошли в комнату, где на диване развалился Игорь. На нем были красивый серый костюм, сиреневая рубашка, добротные полуботинки. Все это придавало солидность вчерашнему пройдохе.

— Здравствуйте, барин, — я подал Игорю запечатанный конверт. — Вам большой привет от моих родителей, сестры Марии и Болещуков, — сказал я дрожащим голосом.

— Да, да! Припоминаю!.. Спасибо! — охмелевшими глазами посмотрел на меня Игорь.

— Мария — это твоя сестра? А тебя зовут Николаем?

— Николаем.

— А письмо кто писал?

— Мой отец, Струтинский Владимир Степанович.

— Ага!

Он вскрыл конверт и прочитал вслух:

Здравствуйте, глубокоуважаемый Игорь Владимирович! Искренне радуюсь вашему благополучию. Прошу принять моего сына Николая и пристроить его на работу. Пусть поработает у вас два года. За это вы пошлете

его на учебу в механические мастерские в Ровно или Здолбунов. Мечтаю, чтобы Николай получил специальность! Заранее благодарен.

Ваш В. Струтинский.

Село Буда-Грушевская, декабрь 1934 года.

— Ну что ж, помню такой разговор. И я свое обещание выполню. Будешь у меня маленьким адъютантом! Согласен?

Я не знал смысла этого слова, но ответил:

— Спасибо, согласен.

— Юля! — позвал барин хромую женщину. — Пригласи мать! — Когда в комнате появилась средних лет женщина, Игорь распорядился:

— С сегодняшнего дня этот мальчик — мой адъютант. Прошу любить его и жаловать и никому в обиду не давать. Столоваться будет вместе с вашим Петром.

— Хорошо, Игорь Владимирович, — покорно согласилась женщина. С ней я вышел на кухню.

Итак, я стал адъютантом молодого барина. Он занимал половину особняка. Я помещался в небольшой прихожей. Во второй половине дома жил помощник управляющего имением Павло Кухарчук.

Я приступил к своим обязанностям.

— Вот тебе деньги, Коля, — дал первое поручение барин, — сбегай в село и принеси пол-литра «белой головки» и четыре бутылки пива. Понял?

— Понял, господин!

Я собрался идти, но барин задержал меня:

— Обожди! Иди сюда!

— Я тебе не господин, а барин! Ясно?

— Ясно!

Сконфуженный, я быстро скрылся за дверью.

Мне ежедневно приходилось доставлять алкогольные напитки для Игоря. Недосыпая ночей, я дежурил у дома, словно дворовый пес, в ожидании, авось что-либо понадобится барину.

Однажды поздней ночью он вышел на крыльцо и позвал меня.

— Сейчас же оседлай Ляльку и Грильку.

— Лошади готовы, барин, — доложил я.

— Хорошо. Поехали!

Я проводил барина к лошадям, привязанным к частоколу. Поспеловский ловко вскочил в скрипучее седло. Лошадь, почуввав лихого наездника, загарцевала под ним.

— Пошел! — лихо крикнул Игорь, и красавица каштанка поскакала рысью.

На вороной длинноногой кобыле я помчался вслед. Догнал Игоря лишь на Здолбуновском шоссе. На взмыленных конях мы ворвались в спящий Здолбунов. У польского клуба спешили. Игорь пошел в клуб играть в карты, а я сторожил лошадей...

Наконец, барин появился, словно очумевший, и мы помчались обратно по тому же шоссе. У конюшни Игорь соскочил, небрежно бросил на шею лошади поводья и исчез за дверью... Юлии — дочери управляющего.

Жена Игоря была красивая женщина. Ласково ее называли Туля. Она любила Игоря, и когда тот запивал и сутками не появлялся, плакала, но никому не жаловалась на свою судьбу.

В пьяном виде Игорь не появлялся у родителей Тули. Он посылал меня с запиской к ней, и она приходила к нему в особняк. Здесь они долго спорили, после чего Туля со слезами убегала домой.

Помню такой случай: как-то Игорь возвратился домой пьяным. Закрывшись в своей комнате, начал стрелять из пистолета в дверь, за которой находился я. Пули впились в стенку чуть выше моей койки. Потом все стихло. Я вошел в комнату и застал барина лежащим на кровати, у которой валялся пистолет. Я поднял его, спрятал и лег спать.

Когда рассвело, Игорь меня разбудил.

— Где мой пистолет? Я никого не убил и не ранил?

— Пистолет я спрятал, никто не убит и не ранен, только меня напугали.

— Ах, черт побери! Как это все случилось? — раскаивался Игорь. — Пора кончать дебоши!

И тут же, забыв о своем обещании, попросил:

— Поищи в моих брюках деньги на пол-литра!

В карманах не оказалось ни копееки.

— Тогда вот что, — не успокоился Игорь, — сбегай и возьми в долг пол-литра и чего-нибудь закусить. Я буду там, за стенкой, — Игорь указал пальцем на вторую половину дома.

И так снова начинался «трудо­вой» день барина. Пил он и с Юлькой, и с ее отцом, и с другими собутыльниками.

Когда Игорь переставал пить, он на зорьке брал ружье, будил прудового Павла Рыжука, и они уплывали на лодке в камыши стрелять чирков и крякв. К завтраку барин возвращался. Я встречал его и принимал добычу. Как всегда, она была богатой. Битую птицу я отдавал повару. Потом приносил барину в кувшинчике крепкого чая с лимоном. Он жадно выпивал

его и сразу покидал особняк. В такие дни можно было видеть, как молодая пара мирно гуляла по аллеям парка, ездил верхом на лошадях или играла в преферанс.

Со временем круг моих обязанностей расширился. Приходилось мыть, чистить, заправлять автомашины, набивать охотничьи патроны, чистить ружья и пистолеты, убирать в квартире, чистить одежду и обувь Игоря и Тули.

Зимой я оставался на хозяйстве сам. Господа уезжали на два-три месяца в Варшаву. В свободные минуты — а таких было очень мало — я читал газеты, книги, занимался самообразованием. Особенно запомнилась мне прочитанная тогда повесть «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя.

В селе Новомыльске клуба не было. Молодежь собиралась и проводила время на улицах или на пустыре. Парни и девушки пели украинские и русские песни, иногда и запрещенные полицией.

Среди парней я был самым молодым, но считался первым запевалой и был с ними на равной ноге. Их доверием я дорожил и никогда ни в чем не подводил. Когда же затевалась драка, не стоял в стороне.

Однажды молотобоец сельской кузни Доижач избил моего друга. Доижач был старше меня на несколько лет и выше ростом. Но я решил проучить забияку. Встретил его на речке.

— Ты зачем избил Петьку? Он же не виноват!

— Уйди, сморчок! — скривил губы Доижач. — А то я тебе спущу немного крови. Понял?

Я изо всех сил ударил Доижача. Он свалился на траву, а потом неистово заорал:

— Лежачих не бьют!

— А ты запомни: слабых не обижай!

Доижач молча поднялся и был таков. Хотя потом он грозился меня резать, однако на глаза не показывался. С тех пор друзья еще больше меня уважали.

ПОБЕГ ИЗ НОЧИ

Дома дела не улучшались. Отец и старшие сыновья уходили на заработки, мать оставалась с малышами — Славой, Катей, Васей и Володей.

Жорж батрачил у польского осадника пана Новицкого, вблизи села Воронова.

По просьбе матери Ростислав навестил Жоржа. От него он узнал об издевательствах пана. Новицкий кормил батраков похлебкой, картофельной шелухой, обратом. Тех, кто выражал недовольство, избивал. Люди не выдерживали, убегали. Пану доставались их жалкие заработки.

Выслушав брата, Ростислав спросил:

— А если обратиться в суд, с него же взыщут эти деньги?

— Кое-кто судился. Но судьи угождают Новицкому. Мало того, после суда он плеткой избивает жалобщика.

— Тогда, Жора, пойдем домой. Мама так сказала: если плохо Жоре, заведи его. Но как получить деньги, заработанные тобой?

— Что ты, Ростик, никаких денег он не отдаст. Даже не заикайся об этом!

— Ничего, я попробую хитростью.

Когда братья предстали перед Новицким, Ростислав обратился к нему:

— Вельможный пан, дома мы остались без куска хлеба. Родители очень просили вас передать им заработанные Жорой деньги. Меня и прислали за этим. А Жоржу наказывали еще лучше служить вам.

Новицкий покосился на Ростислава, перевел взгляд на Жоржа и неожиданно согласился:

— Хорошо.

Он вытащил из кармана кошелек и достал пятнадцать злотых.

— На! — сунул монеты Ростиславу в руки.

— Спасибо! — поблагодарил Ростислав. Глянул на Жоржа: — А ты старайся работать хорошо.

— Конечно! — заверил Жорж.

После этого Жорж побежал к домработнице:

— Степанида, дай мне мое белье.

— Зачем оно тебе? Покидаешь пана?

— Нет, я брату передам, — замялся Жорж.

Но Степанида разгадала замысел Жоржа и, ничего не сказав, вышла из помещения.

— Значит, донесет, — предположил Жорж. — Но мы успеем скрыться. Побежали! — потянул он Ростислава.

Братья залегли во ржи, они побаивались погони. Опасения оказались не напрасными.

Новицкий вскочил на коня и помчался по пыльной дороге в сторону Пустомыт. Впереди неслись два его пса.

Когда стало смеркаться, во двор наших родителей въехал на коне Новицкий. Навстречу ему вышла мать.

— Что привело вас сюда? — недоумевающе спросила она.

— Ты Струтинская?

— Да, я! Что случилось?

— Твои сыновья меня обокрали! — накинулся на нее Новицкий. — Где они? Я проучу их! Воры!

— Не может быть! Мои дети себе этого не позволят!

— Все вы такие! Быдло холопское! Я... Я... покажу вам, мерзавцы! — размахивал Новицкий плеткой над головой матери.

Домой Новицкий ехал полем. Почувяв беглецов, собаки вдруг подбежали к ним. Они оцетинились, но узнали Жоржа и начали ласкаться.

Новицкий свистнул. Псы побежали к нему. Опасность миновала. Когда стемнело, Ростислав и Жорж знакомыми тропинками пробрались домой.

Мама очень волновалась. Вернулся с работы отец. Мы рассказали ему о побеге.

— Его счастье, что не застал меня дома! — гневом сверкали глаза у отца.

...Сын помощника управляющего Петр Кухарчук, которого мальчишки дразнили Бондарем, относился ко мне недружелюбно. Он кичился положением отца, вмешивался не в свои дела. Я давал ему достойный отпор. Это злило его, и он старался выжить меня.

Мне надоела такая жизнь, и мы с сыном лесника Алексеем решили убежать в Советский Союз. Но мой друг смалодушничал.

Через несколько дней после нашего разговора меня вызвал Игорь.

— Так куда вы собирались бежать?

— Никуда, барин! — пролепетал я.

Тут же мелькнула мысль: Алексей предал! Надо было выкручиваться, да так, чтобы пан поверил.

— Алексей пошутил, а я над ним посмеялся. Говорил, мол, кто из нас храбрее — пусть переберется через границу туда и обратно.

— Значит, никуда не собирались? — Игорь сдвинул темные брови.

— Нет, барин, никуда! — решительно повторил я.

— Ну, ну... Хорошо, если это так, — растягивая слова, промолвил Игорь.

Молодой барин продолжал вести разгульный образ жизни. А Бондарь хитро плел интриги, клеветал на меня. Он вошел к Пospelовскому в доверие, перехватывал мои обязанности: чистил ему сапоги, бегал в лавку

за спиртным и закуской. Конечно, все это меня не огорчало: кончался двухлетний срок моей службы, и я с нетерпением ожидал того дня, когда Игорь определит меня в механическую мастерскую, и я уйду от него.

Развязка наступила раньше срока. Игорь набросился на меня со свирепой бранью:

— Подлец! Мерзавец! Где шлялся сегодня ночью? Почему не смазал машину?

Я попытался вразумительно ему ответить, но он и слушать не хотел:

— Вон! Знать тебя не хочу! Уходи сейчас же, иначе пристрелю!..

Под злым и колючим взглядом Бондаря я вмиг собрал свои пожитки в узелок и оставил двор барина. Попрощался с теми, кто иногда давал мне тарелку борща или кусок мяса. Все рабочие мне сочувствовали, переживали за меня. Ведь судьба каждого из них также зависела от прихотей пана-подлеца.

— Коля, выйди в сад, я буду там тебя ожидать, — шепнула мне уборщица, молодая девушка, симпатизировавшая мне с первых дней нашего знакомства.

На отдаленной парковой аллее я встретился с Верой. Она вела дамский велосипед, который принадлежал жене Игоря.

— Коля, ты теперь знаешь: кто с деньгами, тот и силен. А кто силен, тот и прав. Вокруг одна несправедливость, — Вера посмотрела на меня своими добрыми глазами. — Возьми велосипед. Продашь его, это тебе — за твой труд.

Я поцеловал нагруженную руку Веры и уехал. На второй день под вечер был уже в родном доме.

Никогда я ничего не скрывал от своих родителей. И на этот раз все рассказал честно маме.

Выслушав меня, она взяла мою руку:

— И все же, сынок, я не оправдываю твоего поступка. И отец подержит меня. Как хочешь, а велосипед надо возвратить.

Мне стало ясно, что и отец не погладит меня по головке. Родители всегда учили нас скромности и честности. И вдруг я явился домой на ворованном велосипеде...

Когда отец узнал о моих похождениях, он сразу преобразился:

— Вот что, воров в своем доме не потерплю!

— Я ведь честно работал два года, а он выгнал меня без денег! — оправдывался я перед рассердившимся отцом.

Но отец не хотел слушать моих доводов. В село Новомыльск я приехал ночью. Разбудил переполошившуюся Веру, отдал ей велосипед.

— А теперь куда, Коля? — спросила она.

— Сам не знаю, куда глаза глядят...

Мне очень хотелось оправдаться перед родителями. Домой я не пошел, надо было подумать о заработке. И вот я отправился в Костополь. Почему именно туда, до сих пор не могу объяснить. В кармане тогда у меня было всего двадцать грошей...

В центре города, у самого рынка, увидел толпу людей. Я пробрался в середину и увидел здорового дядьку, который стоял у столика, накрытого клетчатой клеенкой. Один парень дважды ловко бросил на стол монету и попал в цель. За это он получил двойную сумму.

«Рискну! — не устоял я перед искушением. — Если выиграю, куплю билет в Янову Долину».

Бросил одну монету на стол. Проиграл. Стало очень обидно.

На улицах города зажглись тусклые электрические лампочки. Слоняясь по Костополю, я добрался до железнодорожной станции. Тут незаметно проник в товарный вагон формировавшегося в тупике эшелона, устроился в уголке и уснул.

Когда проснулся, порожняк был уже на каком-то полустанке. Я выпрыгнул из вагона и пошел к реке. На берегу паслась лошадь. Увидя ее, я вспомнил, что в моей кепке есть рыболовные крючки. Из хвоста лошади вырвал с десятков длинных волосков. Смастерил удочку, накопал червяков и начал рыбачить. Наловил целую низку окуней и плотиц.

Однажды мне довелось видеть, как цыгане готовили свежую рыбу: они разводили костер и укладывали ее на уголья. Я тоже так сделал. Рыба получилась очень вкусной. Поел с удовольствием, и сразу стало веселее.

В Яновой Долине сооружались двухэтажные дома. Они предназначались для служащих каменных карьеров. Туда я и отправился.

У одного из костров меня встретил предприниматель. Я попросился к нему на работу. На это строительство вызвал и отца.

РАССВЕТ

Старшего брата Александра призвали на действительную службу в польскую армию. Ростислав находился в Леоновке у тети — Марии Степановны Мамонец. Жорж батрачил под Луцком, а я устроился каменщиком на Бабинском сахарном заводе.

Это был период напряженной обстановки в Европе. Гитлеровские войска, проглотив многие страны, первого сентября 1939 года вторглись в Польшу. Польское буржуазно-реакционное правительство с первого дня войны бросило на произвол судьбы страну. Бек, Рыдз-Смиглы и другие позорно бежали за границу*.

Семнадцатого сентября 1939 года Красная армия перешла советско-польскую границу и взяла под защиту трудящихся западно-украинских земель. Граница, через которую отец совсем недавно хотел перебраться нелегально, даже рискуя жизнью, исчезла навеки! Мы радостно встречали наших братьев-освободителей.

В селе Буда-Грушевская я организовал культурно-просветительный кружок молодежи. В бывшем панском доме открылся клуб. Здесь читались лекции, хор разучивал революционные песни, проводились занятия по ликвидации неграмотности.

В 1940 году Жорж по вербовке уехал на один год работать в Крым, а Ростислав и я поступили в Ровенскую трехмесячную школу шоферов. Нас обучали за государственный счет. Раньше об этом могли только мечтать.

Мы почувствовали себя полноценными людьми. Повсюду зазвучало гордое слово «товарищ». Оно разило богачей, словно гром. С каждым днем наша родная Советская власть становилась нам все ближе и дороже...

В начале 1940 года отца вызвали в Людвиполь и предложили должность помощника лесничего в селе Левачи. Он охотно согласился. Ему предоставили хорошую квартиру, и отец забрал к себе семью.

В апреле 1941 года отца направили во Львов на курсы усовершенствования. Там его и застала война...

СНОВА ТУЧИ

Стаи бомбардировщиков с крестами на крыльях в сопровождении истребителей устремились на восток. Их гул отдавался болью в наших сердцах...

* Юзеф Бек (1894–1944) — министр иностранных дел Польши (1932–1939). Проводил политику содружества Польши с нацистской Германией. В сентябре 1939 г. бежал в Румынию. Эдвард Рыдз-Смиглы (1886–1941) — Верховный главнокомандующий польской армии в войне 1939 г. В сентябре 1939 г. бежал в Румынию, а затем в Венгрию // См. об этом подробнее: URL: www.wikipedia.org.

Моя мать с четырьмя младшими детьми оставалась в Левачах. Где находились муж и старшие дети, мама не знала. Целыми днями она дежурила у дороги, выглядывала нас. Она видела, как отступали части Красной армии. Больным и раненым воинам выносила молоко и горячую пищу, бинтовала раны.

«Что делать? — беспокоилась мать. — Отойти вместе с советскими частями? Но куда податься с детьми? Нет, нельзя срывать с места...»

И вот случилось то, чего она больше всего боялась. У дома остановились мотоциклисты. Холеный автоматчик в светло-зеленой форме крикнул:

— Матка, рус есть?

— Нет, — спокойно ответила мать. А сердце стучало, как хмельное, ведь на сеновале лежал раненый красноармеец: боевые товарищи оставили его на попечение матери.

— А твоя сарай рус нет? — спросил второй автоматчик.

— Что вы, уверяю вас, нет! Пожалуйста, посмотрите!..

Уверенное поведение матери не давало повода для сомнений, и мотоциклисты уехали.

В тот же день, взяв только самые необходимые вещи, мать с детьми ушла из Левачей в Буду-Грушевскую. За раненым согласилась присматривать соседка.

У самой Буду-Грушевской встретила знакомая — Мария Александровна Янчук.

— Куда вас Бог несет в такую пору? Да еще с детьми! — удивилась она.

— От войны и недобрых людей, — ответила мать, — а вот куда, и сама не знаю.

— Если так, то пошли к нам. Переночуете, отдохнете, а потом что-то придумаем. Утро вечера мудренее! Пойдемте, Марфа Ильинична!

— А муж согласится принять?

— Мой Никифор — хороший человек. Мы не раз вспоминали вашу семью. Идемте, смелее!

Никифор Янчук встретил приветливо:

— Прошу, заходите в дом, рассказывайте, где остальные?

— Ничего не знаю, — развела руками мать. — А у вас муж или сыновья не появлялись?

— Нет, никого не видел.

— О Господи!..

— Не отчаивайтесь, — посочувствовал Никифор Яковлевич, — в обиду не дадим. Располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

...После окончания школы шоферов я прошел стажировку и получил удостоверение шофера третьего класса. Работал в Людвипольском райпотребсоюзе. В первый день войны мне предложили отвезти в Ровно капитана Красной армии. Моя полуторка нуждалась в срочном ремонте, и я сказал:

— Ехать, товарищ командир, не могу: машина неисправна.

— Я вам приказываю! — рассердился военный.

Пришлось повиноваться. Мы отправились в путь. Я предчувствовал, что вот-вот мотор заглохнет. Каждый подозрительный стук в машине меня беспокоил. В пути не раз приходилось останавливаться, устранять неисправности. С горем пополам добрались до Ровно. Капитан хлопнул дверцей и побежал в часть.

В городе уже доносились глухие взрывы артиллерийских снарядов. Государственные учреждения спешно эвакуировались. Мирное население суетливо покидало город.

Набрав полный кузов раненых красноармейцев, я влился в колонну военных автомашин, уходивших на восток.

Неподалеку от Горбаковского моста дробно постучали по кабине:

— Воздух! Воздух!..

Я остановил полуторку. Солдат как ветром сдуло с машины. Мы залегли в кювете. С юго-востока показались фашистские истребители. Они развернулись над мостом и с бреющего полета ударили короткими очередями по скопившимся автомашинам.

Когда самолеты скрылись из виду, раненые кто как мог взобрались на машину, и мы продолжили путь. Возле Межирич солдаты высадились, тут их принял эвакуогоспиталь, а я поехал в город, где встретил своего хорошего товарища, шофера Межиричского райотдела НКВД Николая Бондарчука. Мне хотелось поговорить с ним, но он очень спешил. Только и сказал:

— Бегу!

Вдруг какая-то женщина истерическим голосом крикнула:

— Парашютисты!

Все посмотрели в ту сторону, куда она показывала рукой: на землю плавно спускались три парашютиста. Они приземлились в двух-трех километрах от села Андрусиев, там, где высокой стеной стояла рожь.

— Вот наглецы! — возмутился я. — Среди белого дня!

Подбежали сотрудники райотдела НКВД и милиции.

— Поехали! — скомандовали мне.

Не прошло и двадцати минут, как мы прибыли к месту приземления десантников. Начался тщательный поиск. Мы заходили на хутора, просматривали сады, но никого не обнаружили. Парашютисты как в воду канули. Кто-то высказал предположение, что их спрятали кулаки.

Я возвратился в Межиричи, а оттуда помчался в Людвиполь. С машиной мне явно не везло. На окраине села Совпа отказали передачи скоростей. Включалась только задняя скорость. Не задумываясь, я развернул полуторку и поехал в сторону Людвиполя задним ходом. Крестьяне с удивлением наблюдали за странной машиной.

У опушки заглох мотор. Чаша моего терпения была переполнена. Я очень устал, вышел из кабины и прилег в тени громадного дуба. В небе — ни тучки. Только группы вражеских бомбардировщиков проносились на восток. Я подумал: сколько горя несут они под своими крыльями мирным советским людям...

Самому мне не удалось отремонтировать машину — помогли отзывчивые шоферы. С их помощью я поставил полуторку «на ноги» и прикатил на территорию райбазы.

— Где пропадал, Струтинский? — отчитывал начальник районного отдела НКВД. — Злые языки болтают, будто ты разбился!

Я рассказал о всех злоключениях.

— Без моего разрешения не уезжай! — приказал начальник. — Затевать капитальный ремонт сейчас не время, машина может понадобиться в любую минуту.

— Понял, товарищ начальник!

Над местечком появились вражеские самолеты. В воздух поднялись наши истребители. Завязался бой. Он перенесся в район переправы через реку Случь.

Кто-то надрывно закричал:

— Горит!

Мы увидели, как пламя охватило советский истребитель. Летчик выбросился на парашюте и медленно снижался над полем. Как коршун вился над ним фашистский самолет. Гитлеровец обстрелял парашютиста из пулемета.

— Вот гадина! — негодовали люди.

Мы подъехали к приземлившемуся летчику. Он лежал без сознания. Его лицо было окровавлено... Оказали пострадавшему первую медицинскую помощь, уложили его в кузов на сено, прикрытое шелком парашюта.

Я отвез раненого капитана в полевой госпиталь. Поздно вечером возвратился в Людвиполь.

ТРЕВОЖНЫЙ ПОИСК

Ночью меня разбудил командир Лапченко.

— В нашем районе фашисты сбросили десант. Поднимайся, Николай!

Машина мчалась из Людвиполя в западном направлении по грунтовой дороге, освещенной звездами. В пути находились около часа, затем свернули в сторону, немного проехали по бездорожью и остановились у опушки.

— Жди нас здесь, Николай! — Лапченко с другими чекистами нырнул в темноту.

«Черт возьми! — обозлился я. — Сидеть без оружия, в темноте, одному в незнакомой местности!»

Я отошел в сторону и прилег в ложине. Притаившись, наблюдал за мерцавшими в синей бездне звездами.

Часа через два чекисты возвратились.

— Бери курс на лесничевку! — сел в кабину Лапченко.

С потушенными фарами мы двигались полевыми дорогами. Не обнаружив в лесничевке десантников, развернулись и, сопровождаемые звонким пением петухов, прибыли в Людвиполь. С юга и севера в город доносился грохот пушек, слышны были взрывы снарядов и бомб. Фронт приближался. Ударные группы врага продвигались с Ровенского и Здолбуновского направлений по железнодорожной магистрали на Сарны — Олевск и по шоссе на Корец — Новоград-Волынский.

Людвиполь оказался в своеобразных клещах гитлеровской армии.

Через Людвиполь на Городницу и затем на Коростень отступали части Красной армии. В дорогу собрался и я. Лапченко распорядился запастись горючим. Он предупредил, что уедем на всю ночь. По выражению лица командира и по тому, что предстояла дорога в неизвестность, я понял: наши оставляют Людвиполь...

Над родным городом опускались сумерки. Группа чекистов разместилась в кузове. К моему большому удивлению, мне приказали вести машину не на восток, а на юго-запад. Глухой ночью с потушенными фарами мы въехали в Межиричи. Остановились в центре, на площади.

— Николай, надо разведать обстановку, — обратился ко мне Лапченко. — Нет ли у тебя здесь знакомых?

— Есть.

— Надежные люди?

— Вполне.

— Давай к ним!

Остановились у одноэтажного домика, в котором жил Бузя. Я тихонько постучал в окно. Щелкнул засов, к нам вышел Бузя.

— Какими судьбами? — удивился он. — В такую пору? — Узнав причину, скороговоркой сообщил: — Красноармейцы оставили Межиричи вчера. В городе безвластие.

— А как ведут себя националисты?

— Вчера под вечер, — шептал Бузя, — во дворце бывшего помещика собралось не меньше сотни вооруженных самостийников. Среди них были сброшенные на парашютах гитлеровские разведчики.

— Спасибо, Бузя! Мы торопимся, будь здоров!

Лапченко поднес к глазам светящийся циферблат.

— Да, мешкать нельзя. — И тут же, собрав всех вооруженных, приказал: — Сопровождать машины до восточной окраины. Если у парка нас обстреляют, дадим бой!

— Ясно, товарищ капитан!

— Тогда «по коням»!

Гитлеровцы обошли город с двух сторон. Отступать можно было только по одной дороге — через Городницу. Когда стемнело, чекисты берегом Случи добрались до Маренинского леса. Здесь тишину неожиданно взорвали выстрелы. Все насторожились: неужели и этот путь уже отрезан? Собрались на полянке.

— Товарищи! — взволнованно сказал военком. — Мы временно оставляем Людвипольский район. Но мы сюда еще вернемся! А теперь, чтобы не попасть в засаду, мы пойдем к Городнице окольными путями.

Полуторка, которую я вел, ехала первой. Нередко останавливались, глушили моторы, прислушивались к стрельбе. Затем снова двигались вперед.

Утром колонна въехала в местечко Городницу, расположенное у бывшей советско-польской границы. Я с большим интересом приглядывался ко всему окружающему: к людям, к домам, к магазинам.

Несколько сотрудников органов госбезопасности, среди которых был и Лапченко, попрощавшись с товарищами, возвратились на моей полуторке в Людвиполь: им предстояло выполнить важное задание командования.

— Быстричи и Совпу уже заняли немцы, — сообщили нам в городе. Лапченко приказал никуда не отлучаться от машины. Только он отошел, как возле меня присел бывший сержант польской армии Омельчук.

— Ты, парень, вижу, задумал отступить с большевиками, — упрекнул он. — Одумайся, пока не поздно! Немцы весь мир пройдут, и никто их не остановит, понял? Убегай, куда глаза глядят. Переждешь, а через часок-полтора немцы освободят нас.

— Освободят, говорите? — возмутился я. — Какой же вы двуличный человек! Недоброе советуете. Вы удрали, я удеру, и другие так поступят, а кто же будет защищать родную землю?

— Так не все же это могут делать.

— Тот, кто о шкуре своей печется, конечно, не станет рисковать.

— М-да...

— Так вот, я пойду вместе с Советской властью, а вы идите своей дорогой! Но потом пожалеете!

Омельчук опомнился и схитрил:

— Я так, в шутку, ты извини меня, Николай, — и, заметив подходивших чекистов, удалился.

В тот же день мы благополучно добрались до Городницы, а оттуда уехали дальше. Но в районе Козельца гитлеровские войска сомкнули кольцо. Ожесточенные бои шли на обоих берегах Славутича. Мы оказались на окруженной врагом территории. И в конце сентября 1941 года я возвратился домой в Буду-Грушевскую.

БРАТ НЕ ОСТАВЛЯЕТ БРАТА

...Да, о многом я вспомнил в ту ночь, многое передумал...

Целые сутки в камеру никто не являлся. Казалось, о нашем существовании совершенно забыли. Палачи думали, что чем дольше их жертва пробудет в состоянии страха, тем скорее у нее развяжется язык.

Ростислав постучал в дверь, попросил вывести его.

— Не стучи, не открою! — прикрикнул полицейский.

— Открой, ты же украинец! — бил на чувства Ростислав.

— Украинец, да не такой, как ты! — еще злее огрызнулся шуцман.

— Завтра и я стану шуцманом и буду так же старательно служить немцу. Ведь мы безвинно тут сидим, вот увидишь, скоро нас выпустят.

— Но пока ты стучишься и просишься, а не я... Сегодня я у власти, а что будет завтра — меня не касается, — издевался шуцман. — И не стучи! По-хорошему тебе говорю.

— Что поделаешь, раз ты такой несговорчивый. Пусть будет по-твоему, пока ты у власти!

— Не пока, а у власти! — в сердцах гаркнул фашистский верноподданный.

Когда пришла смена, Ростислава вывели, и ему удалось украдкой осмотреться. Потом он рассказал:

— Дверь из коридора во двор запирается на засов.

На вторые сутки утром нас перевели в другую камеру. Чем был вызван этот перевод, мы не знали. Здесь застали двух незнакомых парней.

Шуцман-переводчик пренебрежительно бросил:

— Теперь вам будет веселей.

Как только он ушел, незнакомцы начали ругать себя, зачем их черт надоумил красть баранов у соседей. Не успели даже порезать их, как шуцманы нагрянули... Грозятся, бесы проклятые, в расход пустить.

— Как думаете, что с нами сделают?

— Кто его знает, — уклончиво ответил я.

— А вы за что попались? — поинтересовались незнакомцы. — За кражу или за политику?

— Мы и сами не знаем, за что! Надеемся, что немцы убедятся в нашей лояльности и выпустят.

Любопытство парней насторожило. Мы сообразили: подосланные, хотят выведать правду у нас. Собеседники расспрашивали о нашей семье, о друзьях. Вечером незнакомцев увели «на допрос», и больше они не возвращались.

— Осеклись! — улыбнулся Ростислав.

Как только мы остались в камере вдвоем, я спросил у брата:

— Рискнем?

В его глазах прочел согласие.

— Тогда за дело!

Я сорвал с нар доску, вставил конец ее между прутьями решетки. К счастью, они не были сварены и легко поддались. В окне образовалось отверстие.

— Ага! — вырвался у меня вздох облегчения.

Ростислав стал спиной к двери, чтобы часовой не смог посмотреть в «волчок». В этот момент раздался резкий звон: били о рельс. Тревога?

По какому поводу? На Дивенских хуторах клубился густой черный дым, мы увидели языки пламени...

В коридоре поднялась беготня. Потом снова наступила тишина. Все полицейские, в том числе и стражники, отправились тушить пожар.

Мы недоумевали: неужели призвали на помощь и часового? Я подошел к двери, постучал. Молчание...

Вот самое время действовать!

Изо всей силы я начал раздвигать доской прутья оконной решетки. Они пружинили, скрежетали. Но я работал с удесятеренной энергией. Наступил момент, когда, несмотря на все старания, прутья больше не поддавались. Я полез первым, рассчитывая расширить отверстие. Но оно оказалось слишком узким для меня.

Мы задумались...

А пожар бушевал. Над городом уже сгущались вечерние сумерки.

Вдруг откуда-то сверху в камеру полилась музыка. Мы оторопели. Кто бы это мог в такую минуту? Оказалось, наверху остался дежурный. От скуки он завел патефон. Теперь ситуация осложнилась. Есть стража... И все-таки мы действовали. Вряд ли представится еще подобная возможность!

— Лезь! — сказал я брату.

Ростислав просунул голову, затем плечо и... застрял. Путья сдавили ему грудь, дальше не пропускали.

— Коля, тяни назад! Я не пролезу! — простонал он.

— Нет! Потерпи! Возврата нет, или пролезть, или... — Я с силой сжал его бедра.

— Крепись, Ростик, — подбадривал брата. — Ну!..

О, счастье! Ростислав наконец пролез через окно. Теперь надо спешить. Дорога каждая секунда. Я подал брату одежду и поторопил его.

— Скорей одевайся и беги вправо, вдоль стены здания, от гаража уходи напрямик через поле. Оружие зарыто в муравейнике, с правой стороны Медведовского тракта. Ростик, прислонись к решетке! — я поцеловал брата. — Беги! Оружие передашь отцу, отомстите фашистам за меня!

Но Ростислав не уходил от окна. Чистые, как росинки, слезы катились по его щекам. Он шевелил дрожащими губами:

— Никуда от тебя не уйду! Умирать будем вместе!

Слова брата так разволновали меня, что я даже не знал, как поступать дальше. Повторил:

— Беги! Не глупи! Сейчас возвратятся с пожара полицейские — и тогда все пропало! Беги, умоляю!

Но Ростислав упорно стоял на своем:

— Я не оставлю тебя!..

И тут я вспомнил о двери, которая выходит во двор. В сердце зажглась искорка надежды. Брат уловил мою мысль. Он бросился туда, рукавом выдавил стекло над дверью и отвернул тонкую решетку. Ростислав сунул руку вовнутрь, отвел железную скобу и очутился в коридоре, затем открыл дверь в камеру.

Такую радость невозможно описать. Мы крепко обнялись. Ростислав шептал:

— Вот видишь! Даже не верится!

Сейчас тревожила одна мысль: только бы добраться до муравейника...

В звуках патефонной музыки тонули осторожные шаги беглецов. Пригибаясь, мы, словно тени, прошмыгнули мимо здания гестапо и гаража. Перелезли через забор и побежали огородами. Возле луга, залитого талой водой, остановились. Куда теперь? Если огигать разлив справа — выйдем на шоссе. Но по этому шоссе за нами могли послать погоню. Влево от луга — незнакомые места.

Мы кинулись в холодную воду. Идти было трудно, попадались ямы, в которые мы проваливались по пояс, а то и по шею. Наконец выбрались на сухое место. Выжали одежду. Прислушались — вокруг тишина.

— Какое сегодня число? — спросил я у Ростислава.

— Тринадцатое мая!

— Хотя и чертово число, но, считай, нам повезло!

— Дай Бог, чтобы до утра за нами не кинулись! — запричитал Ростислав.

— Ну, бегом!

Когда мы приблизились к Дивенским хуторам, раздался чей-то окрик:

— Стой!

Не раздумывая, мы побежали еще быстрее. Грянул выстрел. Второй... Третий... Пули просвистели над головой. Потом все стихло. Далеко от злополучного места остановились, передохнули. Кажется, опасность миновала. Пошли умеренным шагом. Очутились на шоссе. Перед нами, сразу же за мостом, раскинулось село Невирков. Три дня назад мы простились там с мамой, пообещав ей скоро вернуться...

Миновали кладбище, луг. Выбившись из сил, мы еле волочили ноги.

Наконец, вошли в лес. Задумчивый, гордый, полный таинственности и очарования, он встретил нас неумолчным щебетом и гомоном птиц. А какое небо! Лазурно-прозрачное, емкое, безбрежное...

Никто не видел, как ночью шуцман посетил дом Петра Косолапого. Прощаясь с хозяином, гость предупредил: «Смотри в оба!»

Как только забрезжил рассвет, Косолапый, опасливо озираясь по стонам, через Жерновские хутора направился в Межиричи. Явившись в гестапо, он низко поклонился дежурному.

— О, Петер, хайль! — небрежно бросил гитлеровец и, приказав шуцману привести на допрос задержанных братьев, прошел в свой кабинет.

Шуцман скрылся за дверью, но вскоре вбежал, переменившись в лице.

— Господин офицер! Все камеры обошел. Они куда-то исчезли!..

— Смеешься, шуцман! — поднялся из-за стола фашист. Его редкие брови сдвинулись. — Кто выпустил бандитов? Отвечай!

— Господин офицер, — отступив к двери, бормотал шуцман. — Я сам их разыщу! Или прикончу, или живыми доставлю сюда. Поверьте, клянусь Пресвятой Богородицей, я не виновен!

Гестаповцы с бранью сбежали по скрипучей лестнице в подвал. Когда они убедились в побеге узников, от злости у них перекошились лица. В соучастии заподозрили полицейских.

— Бандиты убежали, наверное, во время вчерашнего пожара, — предположил старший гестаповский офицер, — не исключено, что поджог был совершен специально.

Один из гестаповцев предложил компромиссное решение — предоставить возможность шуцману Кравчуку искупить свою вину. Выделить ему в помощь группу и послать в село.

Облеченный доверием гестаповцев, Косолапый вышел из кабинета своего шефа в хорошем настроении.

С тревожным сердцем мы отыскивали громадную пирамиду муравейника. Она стояла нетронутой. Жаль было разрушать сооружение крохотных тружеников, но что поделаешь? Здесь, в этой пирамиде, — наша защита, наше будущее...

Ростислав разгреб руками муравейник и извлек две винтовки, цинковый ящик с патронами, четыре гранаты. Муравьи впивались в огленные руки Ростислава, беспомощно суетились на развалинах своей крепости.

Мы быстро почистили оружие, зарядили винтовки и в приливе бурных чувств крепко обнялись. После заточения мы снова стали боеспособными! Здесь, вблизи кишашего муравейника, дали клятву: пока бьются наши сердца, не выпустим из рук оружие!..

По темно-синему небу проплывали тучи. Они все сгущались и сгущались. Хлынул дождь. Мы прислонились к сосне с пышной кроной. Вокруг совсем потемнело. Настороженно вслушивались в монотонный шум.

— С чего начнем, Николай? — прервал затянувшееся молчание Ростислав.

— Прежде всего свяжемся с домом, сообщим о себе.

— Нет, домой сейчас нельзя! — возразил брат. — Там наверняка устроена засада...

Довод убедительный. Наивно было полагать, что гестаповцы и их подопечные примирятся с нашим побегом. От намерения увидеть родных пришлось отказаться. Сквозь дубняк и густые заросли ольшаника только нам известными тропами мы вышли к хутору Никифора Янчука.

Дверь открыла Тамара.

— Коля!.. Ты жив? — бросилась она в объятия.

— Как видишь. Жив...

— Бежал или отпустили?

— Бежал. И Ростислав тоже.

— О Боже, как хорошо! Где же он? — обрадовалась Тамара. — А что теперь?

— Добрые люди не дадут погибнуть.

— Конечно!

— Выйди на угол посадки, там Ростислав.

— Хорошо, сейчас.

Тамара, затаив дыхание, слушала наш рассказ о побеге.

— Ты стал каким-то другим, Коля, — неожиданно промолвила она.

— Каким же?

— Строгим...

Такое впечатление у девушки сложилось, видимо, оттого, что в руках я держал винтовку. И я ответил:

— Ты не обращай внимания на оружие. Это для фашистов я строгий. А для тебя — такой, как и прежде.

А вокруг угрюмый, темный лес. Казалось, за каждым деревом, за каждым кустом притаился враг...

— Вечером вернулась из села, — рассказывала Тамара, — там ходят слухи, будто вас расстреляли... Но я не поверила! Не могла, не хотела... И видишь, предчувствие не обмануло меня. — Тамара тяжело вздохнула. — Какое время настало!

— О нас потом, Тамара, сейчас, прошу тебя, сходи к маме, передай ей, что мы будем ожидать ее у Свирок. По дороге подготовь ее к встрече с нами.

— Вот обрадую вашу маму! — ликовала подруга.

Тамара прильнула к окну. При тусклом свете керосиновой лампы за столом сидела Марфа Ильинична. Она штопала детскую одежду.

Девушка тихонько постучала. Мать вздрогнула. Подошла к окну и сразу узнала Тamarу. Едва девушка переступила порог, забросала ее вопросами:

— Что случилось? С какими вестями?

Тамара приветливо улыбнулась:

— Доброе утро, Марфа Ильинична!

— Кто прислал тебя в такую рань, Тamarочка?

— Просили вас до рассвета быть у Свирок! — скороговоркой выпалила гостья.

— Кто просил? — недоумевала мать.

— Своих увидите, тетя Марфа.

Мать сердцем почуяла: Тамара что-то скрывает.

— Не мучай, доченька, говори все, что знаешь, — подняла уставшие глаза, — прошу тебя!

— Не задерживайтесь, там узнаете.

Лицо матери зарделось румянцем. Она еле вымолвила:

— Спасибо, голубка...

Тамара возвратилась домой.

— Все передала! — обрадовала нас смелая девушка. Каким счастьем светились ее глаза!..

— А теперь — к Свиркам!

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

На маленькой полянке, окруженной ельником, отец мирно беседовал с Жоржем. И вдруг он поднес палец к губам:

— Тс-с... Слышишь?

Ветви ельника шелестели. Кто-то пробирался. Отец и сын крепче сжали трехлинейки. Но испуг был напрасным.

— Мама! — радостно воскликнул Жорж.

— О Господи! Живы?.. А я столько передумала...

— Зачем так рискуешь, Марфа? — с укором спросил отец. — Пойми, помимо своей воли всех нас погубишь! Полицаи могут пойти по твоим следам.

Мать искренне удивилась:

— Разве не вы посылали за мной Тамару? Она приходила ночью! Не почудилось же мне все это?..

Отец с Жоржем недоумевающе переглянулись.

— Нет! Я ее не видел. А ты, Жорж?

— И я не видел!

— Ничего не пойму, какая-то здесь загадка...

Все задумались. В это время снова зашуршал ельник. Жорж приподнялся.

Сквозь ветви проглянуло знакомое лицо Тамары.

— Ну, вот она нам и... — мать остановилась на полуслове. За Тамарой следовали я и Ростислав. Мать бросилась нам навстречу. От бега ее седые волосы растрепались, по щекам бежали слезы. Это были слезы радости...

— Сыночки! Родные мои!..

Когда улеглись впечатления от неожиданной встречи, отец попросил Тамару передать Казимиру и Зигмунду, чтобы вечером они пришли сюда. Тамара согласилась выполнить просьбу, но не торопилась уходить. Ей хотелось подольше побыть здесь, с нами. Я понимал ее: мы любили друг друга.

Интуитивно угадав желание девушки, отец сказал мне, чтобы я немного проводил ее. Когда я прощался с Тамарой, она доверчиво заглянула мне в глаза.

— Хоть бы скорее кончилась эта проклятая война!.. Береги себя, Коля. Помни, я тебя жду...

Собралась уходить и мать. Я поцеловал ее в лоб. Мама!.. Как много выпало на твои плечи. Выстоишь ли?..

Перед уходом мать рассказала сон, который видела прошлой ночью.

— Открылась калитка, и несколько красноармейцев вошло во двор, — проникновенно говорила она. — Уселись на бревна вокруг колодца, пили воду. А вода чистая, чистая. В петлице командира — три кубика. Уставшим голосом он произнес:

— Отступаем мы, родимая! Враг пока сильнее нас. Но мы вернемся сюда! Непременно вернемся!

Едва красноармейцы ушли, над селом, откуда ни возьмись, закружились самолеты. На крыльях — черные кресты. А вскоре с востока появился краснозвездный самолет. И завязался между ними бой. Самолеты с черными крестами сгорели в воздухе, а краснозвездный самолет приземлился у нашего дома. В летчике я узнала того командира, который недавно отдыхал с солдатами в нашем дворе. «Узнала, мать?» — спросил летчик. «Узнала, соколик...» «Так вот, мы снова здесь...»

— Сон-то хороший, а вот наяву получается иначе, — огорчился отец. Помолчал... — Драться нужно за Советскую власть!..

— А почему народ не выступает? Неужели люди смирились с бедой? — пожала плечами мать.

— Подымается народ. Дошел слух, будто уже целые отряды бьются с врагом. Крепись, Марфа, это только начало. Сами избрали такой путь. Смерть или свобода!

Мать тяжело вздохнула и понимающе кивнула головой.

— Ну, дорогие, оставайтесь счастливы! Малыши дома одни. Да бережет вас Бог!..

Мы все крепко обнялись.

— Счастливого пути, мамочка!

...Как только стемнело, словно из-под земли выросли щупленький Казимир Янковский и коренастый Зигмунд Гальчук. Крепкие рукопожатия безмолвно свидетельствовали, что встретились настоящие друзья.

— Весь день по селу шныряли полицаи, выпытывали новости. Но о вас ничего не спрашивали, — наперебой выкладывали ребята.

— Хитрые, бестии! Надеются на болтунов, а потом и прижмут — откуда, мол, тебе известно?

Перевалило за полночь, а мы все еще совещались. Казимиру поручили разведать, имеют ли озирецкие лесники оружие. Надо было также узнать, когда они собираются — утром, днем или вечером, изучить подходы к лесничевке, расположение комнат. Зигмунд должен был провести такую же разведку в Пустомытовском лесничестве. Мы сознавали, что самое трудное — впереди, и готовились к схваткам.

— Мама! Где вы были так долго? — бросился навстречу Володя.

— Хлеб кончился, а в запасе — ни зернышка. Вот и ходила к людям советоваться, где хлеба взять.

В нашей семье никогда не говорили неправды — ни родители детям, ни дети родителям. И мать не выдержала испытания совести перед сыном и открылась ему.

— А ты никому не расскажешь?

— Что вы, мама!

Проникновенность и серьезный тон сына тронули материнское сердце. Она погладила его по головке:

— Володя, сынок, радуйся. Твои братья — Коля и Ростик — бежали из тюрьмы. Отец и Жора с ними в лесу. Они вооружены винтовками и гранатами. Но об этом — никому! Иначе все погибнем.

Володя схватил шершавую руку матери и поцеловал ее.

— Отпустите меня к ним! Я тоже хочу воевать с полициями!

— Нет, Володя, — возразила мать. — Как я обойдусь без тебя? Отец велел тебе дома быть. Ты теперь мой помощник.

— Хорошо! — согласился Володя.

Со дня нашего побега в селе часто появлялись незнакомцы. Многие из них выдавали себя за советских военнопленных.

— Бежали из лагеря, — просили подаяния. — Посмотрите, до чего фашисты нас довели...

И в самом деле, вид у них был ужасный: худые, бледные, обросшие, они ходили в грязном обмундировании, рваных кирзовых сапогах.

За такими пришельцами незаметно для окружающих следили наши люди — Казимир, Зигмунд, мать, Янчук. Нам удалось установить, что «бежавшие из плена» посещали дом Косолапого. Бывало, пришельцы просились на ночлег в наш дом, но мать не впускала их. Поведение неизвестных выдавало их с головой, и люди вскоре поняли, что это агенты, подсланные гитлеровцами.

В один из тех дней в наш двор зашел высокий, слегка сутулый мужчина. Мать силилась вспомнить, где встречала его раньше? Незнакомец поздоровался.

— Видите, не забыл дорогу к вашему дому, Марфа Ильинична, всегда с благодарностью вспоминаю вас.

— Ваня! — обрадовалась мать, с опаской оглядываясь по сторонам. — Здесь сейчас опасно. Немного уляжется — обязательно приходи. Будем ждать.

— Спасибо, Марфа Ильинична!

Это был Ваня Пихур.

МИНУТЫ ВЕЛИ СВОЙ СЧЕТ

Зачастили дожди. Промокшая насквозь одежда приставала к телу. Ночью коченели ноги, руки...

Скрываясь в кустарниках, мы через каждые два часа меняли дежурных. На одном месте долго не задерживались, чтобы предатели не обнаружили нас.

Погода не улучшалась, и это всех огорчало.

Усевшись на чудом уцелевшую небольшую копну сена, мы совещались, как быть дальше, что следует предпринять в связи с наступлением холодов.

— Без привычки в такую слякоть долго не протянем, — поеживался отец. — Остаться здесь нет смысла.

Не успели обменяться мыслями, как Жорж вскрикнул:

— Облава!

Все повернулись в сторону леса. Между деревьями мелькали фигуры. Они направлялись к копне. Убегать было бессмысленно. И тут, как никогда, проявились выдержка и предприимчивость отца. Он безошибочно определил, что каратели прочесывают местность, но нас еще не заметили.

— Все на деревья! — скомандовал отец. — За мной!

Пригибаясь к земле, мы побежали к деревьям, вскарабкались на них и замерли, словно слились воедино со стволами. Теперь враги могли обнаружить нас лишь в том случае, если бы близко подошли к этим деревьям. Тревожила мысль: только бы не сорваться. Иначе...

Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, волнение охватывает меня. Легко сказать — подбежали, вскарабкались, замерли... А может ли читатель представить, какие чувства испытывали мы тогда? Руки окоченели, казалось, они стали чужими, росла неуверенность в прочности веток, за которые мы держались. А тревога за отца... Вдруг он сорвется? Нет, нет, об этом было страшно даже подумать. Мы, сыновья, готовы были погибнуть в неравной схватке, но уберечь его.

Минуты вели свой счет. Поиск продолжался. Вот уже слышно шуршание кустов... Проходит один жандарм... второй... шестой... десятый... Часа через полтора все стихло. Но мы не шелохнулись: авось кто-то из карателей отстал? Вдруг послышались шаги.

— Их здесь нет! Нас обманули, а возможно, они успели скрыться, черт побери!

Голос человека, который чертыхался в наш адрес, показался мне знакомым. Кто он?

Охотник за людскими душами продолжал:

— Вот этот участок прочешем, и на сегодня хватит!

Теперь я вспомнил: Тарнавский!

Гортанная немецкая речь наполнила лес. Цепь карателей развернулась, они направились в сторону смолярни. Опасность миновала. Обессиленные, мы спустились на землю. В глазах у каждого светилась благодарность отцу. Да, это он спас нас от верной гибели.

С сумерками отец появился на хуторе Флора Матвеевича Лящецкого. На цепи бесновался лохматый пес. Из дома вышел хозяин и прикрикнул на неугомонного пса. Увидя непрошеного гостя, уставился на него.

— Не узнаете, Флор Матвеевич? — отозвался отец на его немой взгляд.

— Постой, постой! Не Владимир ли? Вспоминаю, в школу вместе ходили. Прошу в хату, — пригласил Лящецкий.

— Нет, спасибо, друг, лучше за огородом потолкуем.

Флор согласился.

Они сели на бревно в ольховой поросли. Флор внимательно слушал собеседника и сочувственно поддакивал.

— Что требуется от меня? — спросил он. Тут же спохватился: — Дело делом, а накормить тебя надо! Я сейчас! — поднялся он с бревна и ушел. Возвратился с большим кувшином молока и буханкой хлеба.

— Наливайте! — извлек из кармана граненый стакан. — Чем богат, тем и рад, прошу!

После короткой паузы отец спросил:

— Флор Матвеевич, как родному говорю, оружия у нас мало.

Искренним голосом Лящецкий ответил:

— Одну «драгунку» имею, храню ее как зеницу ока, но вам для борьбы с фашистами отдам!

— Спасибо, друг!

— Кто же с тобой в лесу? — поинтересовался Флор.

— Мои сыновья!

— Твои сыновья? — недоверчиво переспросил земляк.

— Да. Со мной три сына!

По сигналу отца мы подошли. Познакомились. Лящецкий окинул всех внимательным взглядом.

— Старшего узнаю. Кажись, с моим Володей дружил.

— А где же твой сын, Флор Матвеевич?

— В Красной армии. Призвали на действительную в сорок первом. Да вот никаких вестей от него нет... — Помолчал. — А для кого еще вы просите оружие? Я вижу, у всех есть!

— «Драгунка» будет четвертому сыну, Владимиру.

— Обещание свое сдержу! — с этими словами Флор Матвеевич удалился.

Мы молча ожидали возвращения добродушного человека. Прошло немного времени, и он появился с «драгункой» в руках. Уверил — бьет без промаха! Дал он и двадцать патронов.

— У меня еще есть. Целый ящик! — признался. — Но они зарыты, в другой раз заберете.

В порыве благодарности отец обнял Флора Матвеевича и поцеловал в щеку.

— А как у вас с куревом? — не отпускал нас Лящецкий.

— Есть малость самосада. Вот бумага — на исходе!

Лящецкий достал из кармана свежий номер «Волыни».

— Почитайте, и на курево сгодится.

На другой день отец просмотрел газету и возмутился:

— Смотрите, какой подлый епископ! Призывает юношей и девушек уезжать на работу в Германию. Утверждает, что это необходимо для уничтожения большевиков. Вместо того, чтобы призывать к оружию, бить фашистов, духовный отец толкает их на каторгу! Где его совесть?!

Ночью мы переместились ближе к хуторам. На одном из них проживали братья Брусило, Станислав и Виктор, а на другом — братья Войцеховские, Роман и Александр. Те и другие хорошо знали нас, были дальними родственниками. И тогда, когда Тарнавский с лесниками и шуцманами бродил по отдаленным участкам в поиске нашей группы, мы жили, что называется, у него под носом. Братья Брусило и Войцеховские снабжали нас продуктами, информировали о положении. Они доставали также боеприпасы, а однажды принесли бельгийский браунинг.

— Пригодится, — сказали друзья.

Почти каждую ночь к нам приходили связные Зигмунд, Казимир и Тамара. Были определены пункты и для бесконтактной связи: на границе Невирковского и Казенного леса, у двухствольной сосны, и на опушке Невирковского леса, у дуба-гиганта.

Все как будто наладилось, но внезапно заболел отец. Мы развели костер, просушили его одежду и портянки. Нарубили березовых веток и расставили их вокруг костра для маскировки. Затем насобирали сухих

листьев и выстелили постель. У наших друзей достали бутылку крепкого самогона, настоящего на перце. Лечили отца народным способом.

На третий день он был уже на ногах.

НА ЛЕСНЫХ ТРОПАХ

Земля уже покрылась снежным пушистым ковром.

Мы с Жоржем пробирались из Буды в Гуту. Вглядывались в каждое дерево. Враг хитер и коварен, и мы могли столкнуться с ним в любом месте.

В нашем деле осторожность — сестра отваги! Поэтому шли боевым порядком: я — впереди, с наганом наготове, Жорж с винтовкой под плащом — позади. В шутку брат называл себя «всевидающим арьергардом».

Тропинка, на которую мы свернули с дороги, убегала в густые заросли. Внезапно из-за поворота на ней показался мужчина в шапке-ушанке, теплой куртке с меховым воротником и хромовых, начищенных до блеска сапогах.

Незнакомец, видимо, не думал встретить здесь посторонних и старался нас обойти. Он свернул в кусты и принялся срезать перочинным ножом ветки.

За поворотом мы встретились с другим мужчиной. Правую руку он держал в кармане, пиджака, так же, как и я. «Напарник первого, — подумал я, — прикрывает его. Возможно, это переодетые каратели? Западня? — сверлила мысль. — Пройти мимо или, приблизившись, выстрелить в упор?» Я взвесил все. «Силы равные. Стрелять нельзя, а вдруг это партизаны?» Поравнявшись со мной, рослый незнакомец поздоровался.

— Добрый день, — ответил я.

Мы разошлись. Я оглянулся: не вздумал ли он выстрелить мне в спину? Оглянулся и незнакомец.

— Подозрительные типы околачиваются тут, — встревожился Жорж, — давай перейдем на другую сторону Медведовского тракта.

— Согласен.

— Чего они бродят в наших краях? — не успокаивался брат. — Кто они?

— На полицейских вроде не похожи.

В тот раз до Гуты мы не дошли, свернули к Янчукам. Здесь застали Зигмунда Гальчука и Казимира Галинского. Они уже знали о появлении в этих местах неизвестных лиц.

Спустя два дня мы с Жоржем снова пошли к Янчуку. Бушевала снежная метель.

— Постой у дома, Жорж, я долго не задержусь!

Когда я вошел в дом, Мария Александровна Янчук возилась с керосиновой лампой. В полутьме я увидел два мужских силуэта. Присмотрелся и узнал незнакомцев, которых видел на лесной тропе. Они сидели на скамейке под стеной. Мой приход смутил их. Разговор у нас не клеился, и я решил уйти, сказав хозяйке, будто заглянул только для того, чтобы осведомиться о ее здоровье.

— Спасибо, все здоровы, посиди с нами, — удерживала Мария Александровна.

— Спешу домой, зайду в другой раз.

Жорж удивился моему быстрому возвращению:

— Что-то недоброе случилось?

Я рассказал о неожиданной встрече с неизвестными.

— Идем отсюда, — взял меня за руку брат.

В лесной глуши мы присели на ствол сваленной березы. Вокруг стояла мрачная тишина.

— Много таких, как мы, скрывается от фашистов и бродит по лесам и болотам, — рассуждал Жорж.

— Обидно только, что все мы действуем врозь. А представляешь, что получится, если патриоты соединятся?..

— Кто же их соединит?

— Коммунисты!

— Они же все на фронте!

— Не все, Жора. Кое-кто, хотя и молчит, что он коммунист, а дело делает так, как подсказывает партийная совесть.

— Совесть!.. А фронт эта совесть не удержала...

— Да...

— Неужели фашисты всю Россию так пройдут?

— Помнишь, мы читали в газете «Волянь», что фронт продвинулся до Харькова.

— И ты думаешь, это правда? Нет! Этому не бывать!

— К сожалению, правда. Связные советское радио слушали.

В тот день в наши руки попала газета «Волянь». В глаза бросился жирный заголовок: «Послание высокопреосвященнейшего

администратора святой православной церкви на Украине и в рейхскомиссариате». В этом послании, адресованном главному фашистскому палачу на Украине Эриху Коху, говорилось:

Господин рейхскомиссар!

...Понимая историческое значение событий, происходящих ныне в Восточной Европе, как и во всем мире, сознавая, что лучшее будущее моего народа неотделимо от победы великого немецкого народа, выражаю вам, господин рейхскомиссар, готовность лояльно сотрудничать в великом деле. Поэтому случаю прошу вас, господин рейхскомиссар, принять пожелания духовного и физического здоровья великому вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру. Да пошлет Бог окончательную победу над врагами на востоке и западе. За эту победу буду... молиться...

Нашу беседу прервал своим приходом Никифор Янчук. Он был в приподнятом настроении.

— Интересно, угадаете, кто посетил меня? — обнажил он в широкой улыбке ровный ряд белых зубов.

— Полицейские?

— Нет!

— Советские военнопленные?

— Нет!

— Парашютисты!

— Не угадали! Ладно, скажу. Сам «атаман» Тарас Бульба.

— Ого! Важный гусь!

— Он сколачивает войска из украинских националистов, — рассказывал Янчук, — а прикидывается сторонником Советской власти.

— Так поступают многие предатели, — вставил отец.

— Бульба интересовался вашей семьей. Просил меня свести его с вами. Передайте, говорит, пусть зря не беспокоятся, есть деловой разговор.

— И что вы советуете, Никифор Яковлевич?

Янчук задумался. Действительно, что посоветуешь в таком случае? Знал он лишь одно: Бульба — хитрый и коварный человек. Заманивает к себе прятником, а потом розгами порет.

— Если он готов сражаться с фашистами, надо с ним поговорить. Только бы не обманул!

— Нет, о встрече с атаманом пока не может быть и речи, — возразил отец и обратился не то ко мне, не то ко всем присутствовавшим:

— А что, если он в самом деле намерен бить оккупантов?

— Я же сказал — обещает! — повторил Янчук.

— Раз серьезно обещает, то, конечно, неплохо бить фашистов одним крепким кулаком, но связываться с ним рановато, тем более, что мы еще не уверены в искренности его намерений. Подобные атаманы предадут народ, когда им за это хорошо платят. Отличается ли от них Бульба? Выясним...

С доводами отца все согласились. Решили немного повременить со встречей.

В районах Ровенщины появились и другие вооруженные группы, называвшие себя партизанскими. Эти группы, занимавшиеся грабежом, были созданы гестапо с целью скомпрометировать советских партизан. Наш связной Казимир Янковский рассказал о таком случае. Как-то ночью на отдаленном хуторе к одному из крестьян зашли трое вооруженных людей. Они назвались советскими партизанами, и хозяин открыл им дверь. Неизвестные ограбили его дочиста, избили, после чего скрылись. Крестьянин пожаловался в полицию. Но старший полицейский накричал на пострадавшего:

— Ты сам впустил большевиков в дом, вот и пеняй на себя.

Механик Будлянского лесопильного завода Гортат огорчил нас еще больше. Он предупредил, что под маркой советских партизан орудуют гестаповские агенты, переодетые полицаи. Однажды, возвращаясь из Хмелевки, он в густом ельнике наткнулся на вооруженных людей, которые делили между собой награбленное добро. Они расспросили Гортата, кто он такой, проверили документы ипустили. Среди бандитов Гортат узнал одного полицейского из Межиричей.

— Здорово же наши люди досаждают фашистам, если они прибегают к таким провокациям, — заметил отец.

Зигмунд информировал нас и о других преступлениях полицейских.

— В Межиричском лесу я увидел почти донага раздетых мужчин. Ну, думаю, сумасшедшие. Когда разговорился, оказалось, то были евреи, бежавшие из лагеря. Беглецов схватили вооруженные бандиты. Под общее гиканье раздели несчастных, забрали обувь, одежду. Главарь бахвалился: «Мы строим такую власть, какая была в Польше, но с той разницей, что тогда хозяйничали поляки, а теперь хозяйничать будем мы, украинцы».

Один из беглецов осмелился возразить, что те, кто стремится к власти, грабежами не занимаются. «Ах ты, проклятая тварь!» — заорал бандит и ударил его в переносицу так, что бедняга упал и залился кровью. Вот такой «почерк» у бульбашей!

...Тамаре Янчук удалось установить явку атамана. Он дважды заходил на хутор к Сергею.

При встрече с Сергеем я спросил у него:

— Когда ждешь атамана в гости?

Сергей не ожидал такого вопроса и смутился.

— С такими не вожусь...

Я понял, что Сергей связан с бульбашами. Этот неграмотный человек поддался обману атамана, был им запуган и боялся сказать правду.

Установилась теплая погода. На полянке мы сушили одежду, обсуждали дальнейший план действий.

— Необходимо создать сильный отряд, — предложил отец. — Иначе погибнем. Гестаповцы прибегают к провокациям. Медлить нельзя. Я пойду в разведку в Рясники и Горыньград, узнаю обстановку, — безапелляционно объявил он, — а вы добывайте оружие и боеприпасы.

Солнце клонилось к закату. Мы проводили отца за предел пустомытовской зоны и, простившись, долго смотрели ему вслед.

ТАЙНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Тайное подземелье строили в Свирках. Так назывался небольшой молодой ельник. Свирки избрали потому, что в ближайших хуторах жили наши связные — Янчук, Галинский, Гальчуки. Строительные материалы и необходимый инструмент — топоры, лопаты, молотки, гвозди — хранили в дубовой роще.

Работали по двое. Двое других с оружием в руках выдвигались к самой опушке Свирок на фланги и вели наблюдение за просекой.

Пришлось выкапывать с корнями молодые деревья для будущей маскировки. Мы работали так старательно, что ночью у нас ныли руки и ноги. И вот встала задача: куда девать выбрасываемый из ямы грунт? Относить его подальше было рискованно: нас могли заметить. Выручила смекалка Ростислава. По его совету в ближайшей впадине сняли дерн, засыпали ее грунтом, утрамбовали и сверху уложили дерн. Замаскировали опавшими листьями и шишками.

Вскоре яма глубиной в три метра была готова. Ночью принесли сюда строительный материал. Начался самый ответственный период стройки. Балки и доски надо было подогнать по размерам, а вокруг, как на зло, стояла звенящая тишина, и каждый удар топора отдавался эхом.

Во время работы с поста донесся условный сигнал. Мы с Володей взяли оружие и побежали к Жоржу, который следил за местностью, укрывшись на опушке ельника. Просекой двигалась вооруженная группа.

Затаив дыхание, мы припали к земле. К нам подполз Ростислав.

— Сколько их, Жорж?

— Чертова дюжина наберется.

«Возможно, нас заметили и донесли карателям?» — ушаченно билось сердце.

Треск веток все усиливался. И вот в четырех-пяти метрах от нас прошмыгнули двое полицейских. Еще... Еще... Считаю их молча. Пятнадцать... А нас четверо.

В минуту опасности мы невольно обратились мысленно к отцу. С ним бы чувствовали себя увереннее, смелее.

Полицейские, подобно ищейкам, рыскали по лесу. Но судьба была снисходительна к нам.

Во второй половине дня Жорж пошел к тайнику. В дупле дуба он нашел записку, в которой Казимир сообщал, что утром в Буду прибыли полицейские, вооруженные винтовками и пулеметом. Они встретились с Косолапым, затем вместе с ним прошли мимо дома Янчука в направлении Жерновки. Только прочитали записку, как возле Буды разразилась перестрелка. Захлебывались пулеметы, рвались гранаты.

Для нас все это было загадкой. Что там происходило, никто не мог предположить.

Когда стемнело, явился Казимир. От него мы узнали истину: гарнизон немцев и полиции преследовали группу советских парашютистов. Возле Буды между ними произошла схватка. Парашютистам удалось скрыться.

Радостную весть принесла Тамара Янчук: советские парашютисты накануне вечером преследовали южной окраиной Медведовки к реке Случь.

Узнав о появлении посланцев Родины в этих местах, мы воспряли духом. Значит, пламя борьбы против оккупантов только разгорается! Под впечатлением услышанного я пустился в пляс. Если бы мне тогда сказали, что я должен один драться с карателями, я, не задумываясь, ринулся бы в неравный бой.

...Строительство подземелья близилось к концу. На потолок из плотно уложенных балок и досок насыпали метровый слой земли. Утрамбовали ее и посадили на свои места ранее вырытые ели, замаскировали дерном.

Выход из подземелья закрывался деревянным кружком, который для маскировки покрыли дерном и прогнившими листьями. Густые ветви елей, склоняясь над потайным сооружением, надежно укрывали его от постороннего глаза.

Наконец мы перестали скитаться в поиске убежища. Все усилия отныне сосредоточивались на главном — лучшей организации разведки и проведении боевых операций. У неблагонадежных людей изымали оружие, военное имущество.

От бедняков мы узнали, что в Погорилровке молодой крестьянин по имени Степан часто угрожает своим землякам наганом. Дали ориентир: во дворе Степана растут три сосны.

Интересовавший нас парень, как выяснилось, был связан с Бульбой.

Удивительная случайность! Мы обнаружили две явочные квартиры атамана. Значит, бульбаши расширяют свою сеть, все больше и больше дурачат людей. Что можно было противопоставить коварному обману? Пока ничего. Оставалось одно — склонить бульбашей к немедленному выступлению против фашистов. Но для того, чтобы добиться этого, рассуждали мы, необходимо быть сильнее. И мы наращивали силу.

Жорж отправился в Погорилровку, к Степану. К вечеру он возвратился с наганом.

— Как же ты с ним сладил?

— Уговорил, — улыбнулся Жорж. — Еще и самогонкой чествовать хотел меня.

— Ну, рассказывай по порядку, — разгорелось у нас любопытство.

— Убедившись, что имею дело с нужным мне парнем, — передавал подробности Жорж, — я вошел в дом, поздоровался и сказал, мол, есть секретное поручение.

— Какое? От кого? — встрепенулся Степан.

— От батька Бульбы.

— Парень стушевался, а я, словно не замечая этого, продолжал:

— Атаман Бульба поручил взять у тебя наган, сейчас он нужен для других целей.

— Атаман должен был дать записку, — усомнился Степан. — Мы с ним так условились.

Такой поворот меня обескуражил.

— Видишь, Степан, — выкручивался я, — сегодня село кишело немцами, и записку атаман не рискнул писать. К тому же, он обещал быть у тебя в конце недели.

Наспех придуманная версия убедила Степана.

— Ладно! — повеселел он и, побежав к сараю, вытащил из-под соломённой крыши наган и мешочек с патронами.

— Вот и все! — закончил Жорж.

— Эх, знал бы атаман, как мы его провели, свирепый предъявил бы ультиматум! — шутили братья.

— Обманули его тонко, пусть свирепеет, это его дело, а наган в наших руках! — торжествовал Жорж.

Из разведки вернулся отец. Он рассказал много новостей. Больше всего нас возмутило предательство кулаков и буржуазных националистов.

Страшнее зверя был Петр Присяжнюк из села Дмитровка. Он прошел обучение в специальной разведывательной школе в Германии, хорошо владел немецким языком. С самого начала оккупации служил офицером гестапо в городе Ровно. Начал свою «деятельность» с того, что вместе с другими предателями ворвался в дом Лукьяна Ткачука, связал ему руки и бросил в подвал. Потом жестоко пытал. Лукьян держался мужественно. Стойкость патриота бесила истязателей. Они отвезли его на хутор и, согнав крестьян, требовали, чтобы Ткачук публично клеветал на Советскую власть.

— Это вы грабите людей! — гневно бросил Ткачук палачам. — Это вы убиваете наших детей и насилуете женщин!

— Говори правду! — ударом рукоятки револьвера Присяжнюк рассек Ткачуку губы.

— Врете, мерзавцы, побоями не очерните мою душу, — не двинулся с места Ткачук. — Вам отомстят!

Крестьяне пугливо жались друг к другу. Из толпы вырвался женский стон: «За что мужика люто избивают?»

А фашистский выкормыш со своими напарниками все круче заламывал своей жертве руки, бил его по голове. Когда обессиленный Ткачук упал на землю, бандиты топтали его сапогами. В проблеске сознания наш друг выкрикнул:

— Проклятые! Жизнь мою погубите, а правду не убьете...

Предатели поволокли Ткачука и бросили в глубокий колодец.

Фашистские агенты вылавливали преданных Советской власти людей и жестоко расправлялись с ними.

— Ты, Николай, знал Шелемеху? — спросил отец. — Он батрачил в Рясниках.

— Конечно, помню. Мы даже дружили.

— Плохим оказался человеком... — отец сделал ударение на первом слове. — Служит ныне в полиции, людей губит без разбора. Видел я, как

вел он по селу двух пленных красноармейцев. Руки у них были связаны. У берега Горыни Шелемеха командовал:

— Спускайся к реке!

Пленники остановились.

— Зачем же к реке?

— Сворачивай, приказываю! Там узнаешь, зачем!

Военнопленные спустились по крутому склону мелового косогора. Вскоре прогремели выстрелы... Как ни в чем не бывало, полицай сунул пистолет в кобуру и начал шарить по карманам убитых. Стянул с них сапоги, брюки, гимнастерки... Связал ремнем окровавленную одежду, бросил убитых в воду и, закинув за плечи узел, ушел.

С жестоких расправ над людьми начал свою карьеру и кулак Николай Матвейчук. Гитлеровцы назначили этого предателя комендантом горыньградской полиции. Матвейчук знал: рано или поздно придет возмездие, и для маскировки облачился в ризу псаломщика. Он шел по стопам своего родителя Леонтия Матвейчука. И у этого была не менее «красочная» биография.

«Святой» полицейский преуспевал. С установлением Советской власти на западно-украинских землях Матвейчука-отца раскулачили и лишили церковного прихода. Но, к его счастью, умер горыньградский священник Селецкий. Леонтий занял его место и переехал с семьей в Горыньград. Матвейчук-отец влиял на прихожан словом Божиим, а сын — и словом, и плеткой.

Матвейчуки нажились на чужом добре. В их доме появились дорогая мебель, ковры, хрустальная посуда. Комендант-псаломщик вместе со своими сподручными грабил еврейское население и свозил домой ценности. А потом распорядился вывести горыньградских евреев с лопатами к берегу реки.

Под Лысой горой их расстреляли. В этой расправе участвовал сам псаломщик. Только случайно двум счастливицам удалось убежать. Они и рассказали правду о тех, кто Божиим словом «воодушевлял» убийц.

В день расправы слуга Господний, как обычно, отправлял в церкви богослужение...

Из уст отца мы узнали и о хороших, честных людях, которые смело шли наперекор злой воле бандитов, помогали тем, кто боролся против захватчиков. Это семьи Демьяна Болещука, Андрея Козака, Колюбенко и многие другие. Именно они стали нашими боевыми помощниками. Не один раз патриоты предупреждали о грозившей нам опасности.

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Я извлек из тайника записку. В ней сообщалось: «В субботу и воскресенье двое неизвестных рыскали на велосипедах по селу и хуторам, искали связи с вами. Им сказали, что два брата Струтинские расстреляны немцами, остальные скрылись. Говорят, что неизвестные встречались с Косолапым».

Мы вызвали Казимира Янковского. Он описал внешность велосипедистов. Они были в добротной одежде. Настойчиво расспрашивали о нашей сестре Марии, интересовались, когда она появится.

Отец воскликнул:

— Наверное, это был Шелемеха!

— Один назвался Андреем, а второй — Герасимом, — вспомнил Казимир.

— Так и есть! Полицай Андрей Шелемеха!

Перед уходом Янковский вынул из кармана газету.

— Смотрите, гитлеровцы грозятся всем, кто будет помогать военнопленным и антифашистам.

Отец прочитал вслух:

Объявление

Смертная казнь ждет каждого, кто прямо или косвенно будет поддерживать саботажников, преступников или бежавших из плена; каждого, кто предоставит им убежище, накормит их или окажет другую помощь. Все имущество виновных будет конфисковано.

Тот, кто уведомит германские власти о саботажниках, преступниках или бежавших из плена и тем самым поможет поймать или обезвредить их, получит 1000 рублей... или участок земли.

Ровно, 9 июля, 1942 года

Военный командарм на Украине
Рейхскомиссар Украины

Казимир доверчиво посмотрел отцу в глаза:

— Народ пробуждается и готов вам помочь. А эти «объявления» для нас ничего не значат. Я никогда не изменю нашему делу, и если погибну, то знаю, за что — за свой народ, за свободу.

Вот почему бесновались фашистские изверги! Они не могли сломить боевой дух народа. Хорошо сказал Янковский: объявления оккупантов никого не запугают!

На другой день после нашей встречи Казимир проходил вдоль лесной опушки. Его чуткое ухо уловило шум, доносившийся из глубины леса. Казимир укрылся в кустах и прислушивался к каждому шороху. Показались двое мужчин. Недалеко от места, где притаился Янковский, остановились. Одного из них Казимир узнал: это был Косолапый. Агент «наводил на цель» своего спутника, очевидно, карателя.

— Вон дом Янчука. Левее, у дороги, живет его дружок Янковский; на бугре — дом Зигмунда Гальчука.

Когда они ушли, Казимир решил предупредить о готовящейся засаде. Извлек из муравейника винтовку, зарядил ее и поспешил к Медведовке. На полпути его окликнули:

— Стой! Кто идет?

Защелкали затворы.

— Свой! Иду с работы домой! — Янковский выстрелил и бросился бежать.

Когда мы встретились, он рассказал о ловушке и предупредил:

— Косолапый — опасный змей... От него надо поскорее избавиться.

На рассвете Янковский возвращался на свой хутор. Убедившись, что его никто не преследует, прилег у большого пня, чтобы немножко отдохнуть. Усталость одолела связного, и он уснул.

Его разбудил треск сухого валежника: каратели прочесывали лес. Янковский бросился в сторону, но вражеская пуля сразила его наповал.

Печальная весть о гибели боевого товарища нас потрясла. Это была наша первая непоправимая потеря. Мы не могли отдать последний долг Казимиру Янковскому — проститься с его прахом. Каратели бродили неподалеку от хутора.

Лишь на второй день наша группа вышла из леса и у самого хутора салютовала тремя залпами. Минутой молчания мы почтили память погибшего друга.

СКВОЗЬ БЛОКАДУ

Промокшие до нитки, мы с Ростиславом зашли к Янчукам просушить одежду. Больше всех хлопотала Тамара. Она согрела воды, дала чистое белье, накормила нас, а потом с грустным видом сказала:

— Ну и ну, несладко вам живется...

— Живем — не горюем, — пошутил я.

— Не горюете!.. А надолго ли хватит вашего терпения?

Девушка широко раскрыла глаза. В них я увидел невыразимую тоску, сочувствие, тревогу за нашу судьбу.

Я не ответил на вопрос Тамары. Она знала и без того, что мы выдержим любые испытания и не успокоимся, пока родную землю топчет фашистский сапог.

Янчуки собрались на сенокос.

— Пойдешь с нами, Тамара? — обратился отец к дочери.

— Пойду, — неохотно согласилась она.

Перед уходом мать наставляла младшего сына Сашу:

— Захочешь поиграть — закрой дверь на замок. Если кто спросит о нас, отвечай: «На работе у пана, дома никого нет». Мы возвратимся вечером. Понял?

— Понял, мама, — ответил мальчик.

Саша вышел во двор, заперев дверь на замок. Он играл в песке у самого колодца, находившегося посередине двора.

Ростислав забрался на чердак.

Оставшись в доме один, я распахнул окно. Усевшись на подоконнике, любовался восходом солнца, наслаждался щебетанием птиц в густой сосновой посадке, начинавшейся возле дома.

Саша копался в песке и с детским любопытством поглядывал на дорогу. «Смышленный малыш!» — подумал я.

Вдруг на дороге показался мужчина в форме красноармейца. Он шагнул, озираясь по сторонам. Я закрыл окно и из другой комнаты продолжал наблюдать сквозь марлевую занавеску. Солдат вошел во двор. Я хотел броситься ему навстречу, но какой-то инстинкт самосохранения удержал меня. Солдат приблизился к Саше.

— Ты здесь живешь, мальчик?

— Да.

— Кто дома?

— Нет никого. Я один.

— А где же твои родители?

— Работают у пана.

— Принеси мне кружку воды, пить охота, — попросил солдат.

— Вон в колодце ведро висит, пейте.

— Из ведра неудобно.

— Дверь заперта на замок, — хитрил мальчик.

— Подумаешь, замок! Я могу его открыть без ключа.

— Нет, не надо, мне от мамы попадет.

Я слышал этот разговор. Заподозрил: полицейский! Значит, он тут не один. Что же предпринять? Стрелять? Нет, горячиться не следует.

Солдат с недовольным видом вытянул из колодца ведро и, отпив несколько глотков воды, удалился.

По приставной лестнице я взобрался на чердак к Ростиславу, разбудил его и рассказал о происшедшем.

— Ну и что? — недоумевал брат.

— Пойми, это же не красноармеец, а подосланный. По всему видно. Уж очень ему хотелось проверить, кто скрывается в доме.

— Как же быть? Надо уходить, пока не поздно, — предложил Ростислав.

— На всякий случай подготовимся к обороне.

Я спустился вниз и, посмотрев в окно, увидел во дворе Зигмунда, плюгавенького шуцмана из Невиркова. Ростислав, Жорж и я в 1940 году работали с ним на строительстве железобетонного моста через реку Горынь возле села Горбаково. Мы тогда жили в общежитии, наши койки стояли рядом. Он ремонтировал пианино, рояли, костельные органы. Знал немецкий язык. Где обитал и чем занимался этот человек в последнее время и с какой целью появился в этой глуши, я не знал.

Зигмунд напился воды и, ничего не добившись от Саши, исчез.

Я поднялся к Ростиславу. Он был взволнован.

— Коля, я говорил тебе, что нужно уходить, а теперь поздно, мы погибли...

— Что случилось?

— Посмотри в щель...

В сосновой посадке копошились полицейские, среди них был и «красноармеец», который заходил во двор. Каратели окружали дом.

— Хотят взять нас живьем! — сорвалось с уст Ростислава.

— Стрелять без промаха! — скомандовал я. — Если меня ранят — пристрели...

Брат недоумевающе уставился на меня. Его лицо со впалыми щеками побледнело. Я понял: он не оставит меня ни живым, ни мертвым.

Полицейские проникли во двор, потребовали у Саши ключ от замка. Мальчик плакал, но не признавался, где спрятан ключ.

Сильный удар потряс дом. Каратели выбили дверь и ворвались в комнату.

— Где же они спрятались? — со злостью крикнул шуцман. — Сам видел его в окне, о, крест Божий, видел! Видел!

— Если видел — под землей сыщем!

Спустились в подвал.

— И здесь нет! — растерялись:

— Давай на чердак!

— Подожди, на чердак я сам! — вызвался старший группы Кравчук.

Наступил роковой момент. Я стоял возле чердачного отверстия, сжимая в руках трехлинейку. Напряжение нервов — предельное!

Из люка показалась фуражка, потом голова подымавшегося Кравчука. Наши взгляды встретились. От неожиданности предатель вздрогнул, поставил на меня пистолет.

— Опоздал, получай!

Я спустил курок. Тело Кравчука с грохотом полетело вниз.

Ростислав сквозь щель стрелял по метавшимся во дворе полицейским.

Затрещали оконные рамы, зазвенели стекла. Увидев труп главаря, каратели бросились кто куда.

Молниеносно перезарядив винтовку, я выстрелил в полицейского, пробежавшего коридорчиком.

— За мной, Ростислав! — увлек я брата.

Прыгнув вниз, я схватил наган Кравчука и открыл из него огонь. Полицейские залегли.

Я выпрыгнул в окно и тут же припал к земле. Вслед за мной прыгнул брат. Каратели наседали. Отстреливаясь от них, мы отползали к поросли. Вражеские пули свистели над головой.

— Кончаются патроны! — испугался Ростислав.

— Стреляй с расчетом! До кустов уже недалеко! — подбодрил я брата.

Разгадав наш замысел, полицейские стали отсекал нас от кустов. И кто знает, чем бы кончилась эта схватка, если бы Жорж не подоспел с пулеметом. Отец и Владимир били по врагу из винтовок!

По моей щеке сбежала слеза, и я не стыдился ее, потому что испытывал священное чувство братства, убедился в великой силе преданности и самопожертвования наших спасителей.

Итак, мы снова вместе!

Каратели отступили и скрылись за кустарниками, оставив убитых.

— Ну что, дети, попались в ловушку? — посмеивался отец после боя. — А я ведь предупреждал: разведайте местность получше.

— Мы все предусмотрели, но они нас перехитрили, — наперебой оправдывались мы. — Вот наши трофеи — винтовка и пистолет.

— Молодцы! — похвалил отец. — Может, добьем подлецов? Устроим засаду на Жерновской дороге?

— Правильно! — согласились все.

— Тогда бегом! — отец первым устремился к кустам.

На опушке залегли цепью. День угасал, а полицейские не показывались. Но вот по дороге протарахтела пароконная телега, покрытая одеялом. За ней следовали староста села и дочь кулака из Гачана, видимо, любовница убитого полицейского.

— Этих не трогать! — предостерег отец. — Вслед за ними пойдут шуцманы, вот и ударим.

Но полицейские не появлялись. Позднее мы узнали: после того, как пулемет Жоржа рассеял их, они в панике разбежались и ночью поодиночке пробирались в Межиричи. Вот почему мы не дождались их.

Среди населения быстро распространился слух о стычке партизан с карателями. Называли большое количество убитых полицейских, говорили о «крупном партизанском отряде», даже не подозревая, что он состоял всего лишь из четырех человек. Один уверял, будто он сам видел партизанские пушки и бронемашину.

— Ох, и силища! — качал головой. Крестьяне ликовали:

— По заслугам получили лакеи, шкуры продажные!..

После боя семья Никифора Янчука покинула родной хутор и переселилась к нам в землянку.

ДОПРОС

Однажды, присев у костра поближе к отцу, Никифор Яковлевич спросил:

— Как нам быть дальше, Владимир Степанович? У Саши здоровье сдает, болит нога, ходит он с трудом, да и женщинам нелегко. Мы только вас сковываем.

— Куда же вы денетесь? — не сразу уловил отец смысл вопроса.

— Перейдем к родственникам. Вам развяжем руки и ребенка спасем.

Решение Янчука в той обстановке было разумным. Но меня огорчало то, что должна уйти Тамара. И я просил ее остаться с нами.

Девушка посмотрела на отца и мать, увидела на их лицах растерянность и своим ответом успокоила родителей:

— Каково им будет без меня?.. Пойду. Вот когда устроимся на новом месте, может, вернусь.

Больше я не настаивал. Весь вечер мы провели с Тamarой наедине, мечтая о будущем... Кончится война, пойдем учиться, будем работать... Какая заманчивая перспектива вставала перед нами!..

Глубокой ночью сердечно прощались две семьи.

— Оружие можно взять с собой? — спросил Никифор Яковлевич.

— Сам об этом подумал, — отозвался отец. — Обе винтовки ваши, а вот еще револьвер и патроны.

Жорж и я проводили Янчуков до хутора Каменка и там простились.

— Коля! — позвала меня Тамара.

Я подошел. Мы стояли друг против друга.

— Мне тяжело будет без тебя, — сквозь слезы вымолвила Тамара. — Кругом враги, а мы одинокие... Но я верю, Коля, разлучаемся ненадолго... Будь счастлив! Уже светает...

Девушка догнала родителей и, оглянувшись, помахала косынкой. Когда ее стройная фигурка скрылась за поворотом, я вернулся к ожидавшему меня брату. Шли молча. Жорж без слов понимал мое состояние...

Гортат, с которым мы через день связались, сообщил о сосредоточении войск в Межиричах.

На велосипеде я поехал к возвышенности, с которой можно было рассмотреть местность.

По двум дорогам — на Невирково и Людвиполь — двигались автомашины, пушки, мотоциклисты. Рассказав об этом отцу, я предположил:

— Наверное, готовятся к облаве.

— Ничего, успеем уйти, — успокоил отец.

На рассвете нам стало известно, что в нескольких километрах от леса гитлеровцы устанавливают артиллерию, налаживают полевую связь. Они окружали Межиричский, Казенный, Невирковский и Липенский лесные массивы.

Сквозь заросли к нам пробрался младший брат Василий. Он сказал, что в Буде обосновался штаб фашистского гарнизона. Гитлеровцы окружили дом и схватили маму, Володю и Катю.

— Их повели в штаб, — дрожащим голосом говорил Вася, — а я убежал.

Поблудневший отец заметался по полянке. Настроение у всех испортилось. Как же теперь? Мучили догадки: что сделают с мамой, с детьми? Неужели их — даже страшно подумать! — расстреляют?

— Рано панику подымать, — упрекнул нас отец, — о жизни думать надо. Вон, видите среди поля островок? — указал он рукой на молодой кустарник среди вспаханного поля. — Там небольшая впадина, если доберемся туда незамеченными, считайте — мы вне опасности, и тогда освободим наших.

И вот мы на зеленом островке.

— Видите, — радовался отец, — жить нам суждено!

До поздней ночи каратели прочесывали лесные массивы. До нас доносились выстрелы, разрывы гранат. И все это делалось впустую, для острастки.

Не обнаружив нашу группу, обозленные гитлеровцы учинили допрос матери.

— Где твой муж? — кричал полковник.

— Ушел на заработки.

— Когда?

— Месяц назад.

— Когда вернется домой?

— Скоро, сама жду — не дожусь...

— Ты в этом уверена, что скоро вернется?

— Надеюсь!..

Фашист нервничал, у него заиграли желваки. Но он старался владеть собой: что, если женщина говорит правду?

— А где старшие сыновья?

— Один ушел вместе с мужем, — тихо ответила мать, — а двое схвачены вашими властями и...

— И что?

— Расстреляны... — всхлипнула мать.

— Сказки плетешь, старуха!

— Клянусь, их нет в живых!

— Не хитри! Советую тебе передать сыновьям и мужу — пусть немедленно возвращаются домой, их никто не тронет. Слышишь? Если же сами найдем, тогда пусть не ждут пощады!

— Спасибо, господин офицер, за добрые слова.

Полковник поднялся со стула, закурил сигарету.

— Если поступишь, как я советую, всю жизнь будешь благодарна мне. Ясно?

— Как же, ясно...

— Иди домой!

Расчет фашиста был прост: временно отпустить женщину, а когда к ней явятся муж и старшие сыновья, схватить их.

— Благодарю вас, добрый офицер! — притворялась мать. — Вы угадали: муж боится и, как я теперь вижу, напрасно. Не сегодня-завтра приду к вам вместе с ним, он ни в чем не виновен, сами в этом убедитесь.

— Вот так бы давно!

Марфу Ильиничну и Катю отпустили.

В сарае гестаповцы допрашивали Володю. Ему приказали раздеться, били плетками, но он не проронил ни слова. Только изредка его тело вздрагивало от боли.

— Одевайся, мерзавец! — приказал фашист. — Сейчас мы с тобой покончим!

Володю поставили в угол сарая лицом к стенке.

— В последний раз спрашиваю: где отец и братья? Говори!

Володя молчал. Раздался выстрел. Пуля впиалась в стенку над головой мальчика. Володя оцепенел от страха... Снова выстрел. Опять мимо.

— Говори, гаденыш! — шипел гитлеровец. — Где они?

Мальчика повернули лицом к истязателям.

В этот момент в сарай заглянул полковник.

— Иди сюда! — позвал он Володю. Володя подошел к гитлеровцу.

— Марш домой. Ну! Раз-два! Шнель!

Ночью пришел Зигмунд Гальчук. Он сказал Марфе Ильиничне, что Вася прячется у него. Все остальные тоже в безопасности.

— Зигмунд, — попросила мать, — возьми с собой Володю. Он рослый мальчик, немцы могут его схватить. Я боюсь за него.

— Хорошо, — согласился Гальчук.

Зигмунда и Володю встретили Ростислав и Жорж. Не сразу пожаловался Володя на истязателей. Он подражал нам, старшим.

— Ну, орленок, досталось на орехи? — подтрунивали мы над братишкой.

— Подрасту — дам сдачи, — насупился Володя.

— А сейчас не хочешь?

— Хочу, да нечем. И мама очень волнуется.

— Что же они от тебя хотели?

— Все равно, как они хотели, не вышло. Не выдал вас.

— Били?

— Даже стреляли.

— В тебя?

— Конечно. Только не попали, два раза смазали.

Володя храбрился, но в его глазах стоял испуг. А наши сердца kloкотали гневом. На малыше хотели отыгаться, негодяи!

Отец погладил Володю по русой головке.

— Терпи, сыночек, им за все воздастся! А ты стрелять в фашистов не боишься?

— Не боюсь.

— Ну, тогда дам тебе оружие.

И Володе вручили винтовку. Он стал партизаном.

Зигмунд успел предупредить Марфу Ильиничну, чтобы она немедленно укрылась у его знакомых в селе Городище. Едва рассвело, мать отправила туда Катю и Славика, а затем и сама незаметно покинула село. А в полдень гитлеровцы ворвались в наш опустевший дом.

Взбешенные неудачей, каратели схватили пятерых первых попавшихся жителей села. От них добивались, где скрываются Струтинские. Братья Юхим и Нестор Кирушки, Тадзик Багинский и двое стариков и в самом деле ничего не знали о внезапном исчезновении матери с детьми. Фашисты издевались над своими жертвами и, ничего не добившись, расстреляли их.

От Гортата мы узнали, что в наших краях орудовали головорезы генерала Шене. Фашистский предводитель бросил против партизан целый полк! Но и это не помогло. Наша группа крепла, расширяла зону своих действий.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Мать и троих младших детей необходимо было укрыть в надежном месте. Мы понимали: если их схватят, то не пощадят, и решили — ее и Катю отправить к родственникам в Луцк, а Васю и Славика временно пристроить у Марии Степановны Мамонец, проживавшей в Леоновке. В Леоновку я пошел с Ростиславом. Узнав о цели нашего прихода, Мария Степановна задумалась. Все сидели молча в ожидании, что она скажет. Честно говоря, если бы я получил отрицательный ответ, то не удивился бы: за укрытие ребенка партизан гитлеровцы расстреливали всю семью «виновного». Но, зная отзывчивый характер этой женщины, я не сомневался, что она подаст руку помощи, не считаясь с собственной судьбой.

Мария Степановна вздохнула:

— Брату отказать не могу. Я согласна! А вы, дети, что скажете? — посмотрела на сына и дочку.

— Мы, мама, знали, что ты не откажешь, — отвечали наперебой Николай и Ядзя.

— Сделаем все и сохраним малышей. Привезти их надо так, чтобы никто не видел, — подчеркнула Мария Степановна. — К вечеру Виктор приедет за ними. Передайте отцу — буду беречь их как родных!

Вскоре после того, как мать покинула село, в опустевший дом явился Ваня Пихур. С ним были еще трое. Связойн Зигмунд Гальчук, заранее предупрежденный о возможном появлении Пихура, помог ему найти нас.

Пихур пришел без оружия.

— Зато я не один, — как бы оправдывался он. — Людей привел хороших.

— Где же они?

— Недалеко отсюда, в ельнике. Без вашего согласия не посмел их сюда привести.

— Правильно, Ваня! — одобрили партизаны предосторожность Пихура. — А кто они?

— Из военнопленных. Сами пытались связаться с партизанами, но не удалось. Ребята боевые, серьезные.

— Ну что ж, верим тебе, Ваня. Приведи, потолкуем с ними.

Пихур направился к ельнику. Но отец окликнул его.

— Подожди. Ты выполняешь боевое поручение, а раз так, то должен быть наготове, — отец обвел нас глазами. — Как, дети, доверим винтовку товарищу Пихуру?

— Доверим! — дружно раздалось в ответ.

— Тогда, Ваня, получай винтовку с боеприпасами, будь достойным защитником Родины!

Пихур по-военному вытянулся и, принимая оружие, взволнованным голосом произнес:

— Друзья мои, товарищи... Я клянусь, буду с вами смело сражаться против врага. Если потребуется — отдам жизнь, но оружие из рук не выпущу. Спасибо за доверие!

Пихур поцеловал винтовку пересохшими губами, закинул ее за плечо и вместе со мной пошел к новичкам. Пробираясь сквозь заросли, он восторгался возросшей огневой мощью нашей группы.

— Когда я был у вас первый раз, не видел и намека на что-то огнестрельное. Скрывали от меня?

— Не обижайся, друг, конспирация — прежде всего. Тебя тогда мало знали и не рискнули довериться.

— А новичков чем вооружим?

— Найдется.

Мой спутник улыбнулся и спросил:

— Действуете сами по себе?

— Нам народ помогает.

— Я имею в виду другое: удалось ли вам связаться с Большой Землей?

— Пока не удалось.

— Вот если бы достать рацию...

У ельника Ваня остановил меня и показал рукой в сторону: там паслись две дикие козочки. Я вскинул десятизарядку и выстрелил. Одна козочка упала на передние ноги и забилась о землю, а вторая стремглав понеслась в чащу. Оказалось, пуля прошила передние лопатки животному.

— Вот и свежее мясо добыли! — обрадовался Пихур.

— Сперва пойдем к товарищам, а козочка никуда не денется.

Трое мужчин встретили нас у ельника.

— Командир партизанской группы Николай Струтинский, — представился я.

Первым протянул мне руку Николай Киселев, коренастый парень с правильными чертами лица и приветливыми серыми глазами. Я невольно подумал: «Такой не подведет».

— Служил в Дунайской флотилии, затем в Днепровской, старшина второй статьи, — доложил он. — Получил ранение под Киевом, там и пленили...

Владимир Леонтьев ростом был выше Киселева, отличался богатырским телосложением. В Красной армии служил старшим сержантом артиллерии.

— Бежал из ровенского лагеря военнопленных, хочу снова стать в боевые ряды, — отчеканил Леонтьев.

Третьим оказался парень из Приднепровья Василий Самокиш. Перед войной был призван на действительную, дрался с фашистами под Киевом, там и прихватила, как он выразился, проклятая орда. Когда гнали в лагерь, удрал.

— Вот и познакомились, — заключил Пихур.

На обратном пути свернули к месту, где лежала убитая козочка. Василий Самокиш извлек из кармана складной нож и как заправский мастер разделал тушу. Поочередно мы несли добычу к месту стоянки

группы. Здесь прибывшим товарищам после беседы с ними вручили винтовки.

Принимая из рук партизан священное оружие, Киселев, Леонтьев и Самокиш поклялись сражаться за Родину до последней капли крови.

В группе стало одиннадцать бойцов.

— Нам нужны еще хорошие люди? — спросил как-то Самокиш.

— Конечно!

Киселев опередил товарища:

— Ты имеешь в виду шофера?

— Именно! Надежный человек.

— Да, парень верный, — поддержал Леонтьев. — Он здешний. Сейчас батрачит у одного хуторянина.

— Как он выглядит?

— Среднего роста, лет двадцати пяти, худощавый, блондин, с вьющимися волосами, — объяснил Самокиш.

— Так это же Николай Бондарчук! — воскликнул я.

— Перед нашим уходом, — продолжал Самокиш, — он просил: если свяжемся с советскими партизанами, просигналить ему.

В тот же вечер Ваню Пихура и Володю Леонтьева послали за Бондарчуком. Преодолев за ночь тридцатикилометровый путь, Пихур и Леонтьев привели в группу «кудрявого парня» Николая Бондарчука.

С Николаем я познакомился еще до войны. Родился он в селе Дывень, неподалеку от Межиричей, на Ровенщине, в бедной крестьянской семье. После освобождения Красной армией западно-украинских земель работал шофером в Межиричском райотделе НКВД. Когда к местечку подходили гитлеровские войска, он вместе с сотрудниками органов госбезопасности отступил на восток. Попал в окружение, но сумел выбраться из него, тайком пробрался в родные края.

И вот теперь мы снова встретились как старые друзья.

Бондарчук вступил в нашу группу.

ЗАСАДА В ИМЕНИИ ПОМЕЩИКА

Каратели не прекратили поисков партизанской группы, наводившей ужас на местных правителей. А мы, маневрируя, внезапно появлялись там, где нас меньше всего ожидали. В зону нашего влияния входили

села и хутора Людвипольского, Межиричского и Тучинского районов Ровенской области.

Как-то мне довелось побывать в Людвиполе, где я вел переговоры о закупке оружия. За золотые монеты можно было приобрести сотню винтовок, но, к сожалению, у нас не было денег.

Во второй половине ночи я возвращался к своим. Рассвет застал меня в пути. Извилистая тропинка привела к западной опушке Медведовского леса — и тут от неожиданности я замер. Метрах в двадцати спиной ко мне стоял притаившийся полицейский. Недалеко от него замаскировалось еще несколько предателей. Несомненно, это была засада. Появись я на открытом поле — гибель неминуема... Полицейские не заметили меня, и я бесшумно попятился к зарослям. Фортуна и на сей раз не изменила, и мне удалось благополучно добраться до нашей стоянки.

С сумерками группа зашла в село Городище. На молокопункте партизаны вылили молоко, предназначенное для отправки фашистам, разбили центрифуги. В другом помещении хранились сливочное масло, яйца и фрукты. Часть этих продуктов мы погрузили на подводу, и Василий Самокиш с Ростиславом увезли их. Остальные продукты испортили.

Во время разведки Пихур обнаружил тропы диких кабанов.

— Следы свеженькие! — нагнулся он. — Поохотимся, Николай?

— С удовольствием! — не устоял я перед искушением. Бродили по зарослям почти весь день, но дикие кабаны будто сквозь землю провалились.

Не солоно хлебавши возвратились в лагерь.

— Другое дело фашисты — их вы бьете без промаха. А кабаны — удел настоящих охотников! — подшучивали товарищи.

Ростислав встретил нас с новостью: задержаны трое неизвестных.

— Документы у них есть?

— Нет.

Ростислав проводил меня, Киселева и Жоржа к задержанным. Рослые парни примерно моих лет поочередно представились: Алексей Кармолин и Федор Воробьев — лейтенанты, Алексей Глинко — рядовой. Участвовали в обороне Киева и при различных обстоятельствах попали в плен. Бежали из ровенского лагеря.

Вспоминая о побеге, Глинко с благодарностью отозвался о женщине, спасшей его. Он назвал ее Марией Титовной Левицкой.

— Сколько нашего брата обязано ей жизнью! — восторгался Глинко патриоткой.

— Где Левицкая живет?

— В Ровно. Улица Крутая, дом номер один. У нее есть муж, сынишка.

К собеседникам подошел отец, только что прибывший из Гуты. По его просьбе задержанные подробно повторили рассказ.

— Что же вы намерены делать дальше? — поинтересовался отец.

— Вы первая вооруженная группа, которую мы встретили, — ответил Глинко. — Будем вместе с вами бить оккупантов.

— Если примете нас в боевую семью, — уточнил Кармолин.

Воробьев же не соглашался с товарищами.

— Мы солдаты, — твердил он, — и должны сражаться с фашистами на фронте. Нас не простят за пассивность.

— Дело хозяйское, никого не уговариваем. Товарищи пусть останутся, а вы идите, куда вам вздумается.

Воробьев энергично доказывал свое:

— Не имею права здесь отсиживаться. Мое место — на передовой!

— Это правильно, — заметил отец, — но не стройте иллюзий! До фронта тысяча километров, и пройти их без документов — дело нешуточное.

Не спеша отец скрутил «козью ножку», затянулся дымом.

— Я скажу так: лучше синица в руках, чем журавль в облаках.

— Обо всем подумал, — не сдавался Воробьев.

Отец терпеливо разяснял:

— Допустим, удастся перейти линию фронта. Но там спросят: куда дел оружие? Почему сдался в плен?.. Эх, Федор, Федор, горячая голова! Или думаешь, что здесь, за тысячу километров от передовой, дела не найдется? Не кажется ли тебе, что мы здесь толчемся понапрасну и не приносим пользы Родине?..

Федор задумался. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя борьба.

Кармолин уговаривал товарища:

— Оставайся с нами, Федор! Так лучше будет.

Воробьев молчал.

Наступила тишина. Казалось, все обдумывают: идти Воробьеву или остаться. Но Воробьев уже сделал выбор.

— Ну что ж, — смущенно объявил он, — вы правы, прошу и меня принять в ваши ряды.

— Так бы давно! — повеселел Глинко.

В хорошем настроении мы расселись у костра, у которого хлопотал Василий Самокиш, дежурный повар. Он взял ведро с вареным картофелем, слил воду и приготовил пюре. Расставил котелки и раздал обед.

— Если кто желает масла, яичек, не стесняйтесь! — заботливо предлагал Самокиш.

— Нажимайте, ребята, — поддержал я повара, — вечером уходим на другую базу, все продукты с собой не унесем.

После сытного обеда новобранцы дали присягу, им вручили по винтовке, по сто патронов и по две гранаты.

Подпольщики сообщили нам о предполагаемом приезде в Кудрянку сына помещика Кашенцева, офицера ровенского гестапо, за которым партизаны давно охотились.

По карте мы изучили дороги и подступы к поместью. Выработали план: перекрыть все пути, ведущие к хутору, и захватить Кашенцева живым. Но кто выполнит боевую операцию?

— Я! — вызвался Воробьев.

— И я! — присоединился Кармолин.

— Тогда давайте так, — предложил я, — пусть с новичками пойдут Ростислав и Пихур. Ростислав хорошо знает там каждую тропинку.

— Есть! — отозвались боевые друзья.

— Собирайтесь в путь, время не ждет!

Партизаны залегли у дороги, ведущей к поместью. Но учитывая то, что гестаповец мог попасть в село через любой районный центр — Межиричи, Тучин, Костополь и даже через Людвиполь, остальные бойцы группы сосредоточились в самом поместье.

В усадьбе готовились к встрече именитого гостя. Пахло свежеспеченным хлебом, жареной птицей.

В самую пору праздничной суеты я переступил порог гостиной Кашенцева. Мне навстречу поспешил помещик. Посередине комнаты старик остановился, будто окаменел. Его нижняя губа судорожно затряслась, он кисло улыбнулся.

— Прошу, молодой человек, прошу. Забыл, правда, как вас величать. Но рад видеть в своем доме, — лицемерил помещик.

— Я не один, со мной люди. Загоните собак в будки. Мы зашли к вам попутно. Подкрепимся — и дальше в дорогу. Немедленно распорядитесь насчет собак!.. — настойчиво повторил я.

Уловив в моем голосе нотку раздражения, старик расшаркался.

— Сейчас все сделаю! — и приказал домработнице: — Таня! Немедленно закрой собак в сарай. Без моего разрешения их не выпускать.

— А теперь ознакомьте с расположением ваших комнат, — диктовал я помещику.

— Гм... — удивился Кашенцев. — Хорошо... пожалуйста!

Мы обошли все комнаты. Я облюбовал заросший диким виноградом балкон, куда выходила дверь из большой комнаты на втором этаже. Прикинул: здесь расположится главный пункт наблюдения.

— Соберите всех людей, которые находятся в поместье, и членов вашей семьи, — распоряжался я.

— Зачем они понадобятся вам? — испугался хозяин.

— Хочу познакомиться с ними, — съязвил я.

— Прошу, я... не возражаю, просто... спросил из любопытства... сейчас приглашу.

Когда все собрались, я предупредил, что двое суток никому из поместья не разрешается выходить. В противном случае партизаны за жизнь виновных не отвечают.

Я потребовал у помещика ключи от комнаты с балконом. После этих слов старик разгадал мой замысел.

— Умоляю вас, — упал он на колени, — не губите его... Обещаю вам большое вознаграждение...

— Кого не губить? — с удивленным видом спросил я.

— Сын должен сегодня или завтра приехать, значит, вы знаете об этом! Молю вас, пощадите его!..

— Пока выполняйте указания, потом разберемся.

Мы с Киселевым выбрали место для засады во дворе, а сами устроились на балконе, откуда следили за подступами к поместью.

Солнце клонилось к закату, а ожидаемые гости не появлялись. Как быть? Придут ли они ночью? А может, завтра?

Неожиданно со стороны села Матиевка донеслись винтовочные выстрелы. Наш авангард — Пихур с товарищами — находился немного ближе, значит, стреляли не они. Спустя час мы заметили: из Пустомытовского леса по тропе мчались четыре велосипедиста. В бинокль я отчетливо увидел полицейскую форму на них.

— Давайте вниз, едут! — и уже на лестнице предупредил Киселева и Жоржа: — Без моего сигнала не стрелять!

— Ясно!

— Надо взять живьем!

Полицейские подъехали к поместью. Передний поднял над головой винтовку с прикрепленным к стволу белым флагом. Присмотрелись

внимательнее и — о чудо! — в полицейских узнали Пихура, Воробьева, Кармолина и Ростислава.

Произошло вот что. Бойцы Пихура из засады увидели бежавшую девушку. Остановили ее. Она рассказала, что в Матиевку прибыли полицейские во главе с гитлеровцем.

— Варвары угоняют молодежь на работу в Германию. Я убежала, по мне открыли стрельбу...

— А куда теперь? — посочувствовали девушке.

— На хутор, к тете.

— Тогда беги, не бойся, мы их тут задержим.

Девушка помчалась дальше.

Партизаны решили выручить беззащитную молодежь. Ворвались в село, разоружили оторопевших полицейских. Гитлеровец ожесточенно отстреливался из автомата и скрылся. Полицейских доставили в партизанский лагерь и передали под охрану Владимира Степановича, а сами надели их форму и на велосипедах, отобранных у предателей, приехали к нам.

— Молодцы! — поблагодарили мы Пихура и его боевых друзей.

— Но о главном я забыл сказать, — ухмыльнулся Пихур. — Преследуя немецкого унтера, мы увидели на Пустомытовской дороге мотоциклиста. Заметив нас, он быстро развернулся и скрылся.

Никого это не огорчило. Вместо одного предателя захватили четырех, да еще взяли трофеи: винтовки, велосипеды, полицейскую форму и документы.

Пужинав у помещика, партизаны покинули хутор.

Отец и Алексей Глинко сидели у костра, готовили ужин. Пленных полицейских охранял Ростислав.

— Плачут, окаянные, как малые дети, — сердился отец. — Клянутся, мол, давно поняли свою ошибку, но бросить полицейскую службу боялись, иначе пострадали бы их семьи. А теперь представилась возможность искупить вину. Так что, отпустим? Думаю, можно.

— Ты что, отец? — удивился я. — Надо их уничтожить!

— Не горячись, Николай, — возразил отец. — Не время сводить счеты с такими. Не забывай, партизаны представляют на оккупированной территории Советскую власть. И если этих отпустим, уверен: не только по району, а и по области пройдет слух, что советские партизаны — люди гуманные. Вот тебе и политика получится.

— Может, и оружие им вернуть? — с иронией спросил я.

— Нет, конечно, — улыбнулся отец. — Отпустим их, как мать родила, пусть народ посмеется.

На другой день мы отвели раздетых шущманов в Матиевку и там отпустили.

ДИРЕКТОР ОТКРЫВАЕТ СЕЙФ

Перекочивав на новую базу, мы налаживали связь с доверенными людьми, усилили разведку. В первую очередь интересовались сведениями о намечаемых акциях межиричского и сосновского гестапо.

Я и Николай Бондарчук облачились в форму полицейских и на велосипедах поехали в район Хмелевского лесопильного завода. Спустились по склону, спрятали в кустарнике велосипеды и направились к проходной. От охранника узнали, что завод временно остановлен на ремонт.

— Осмотрим территорию, — позвал я Бондарчука.

На заводском дворе громоздились аккуратно сложенные штабеля лесоматериалов, предназначенных для военных целей вермахта — строительства мостов, железных дорог, складов, бараков и прочих объектов.

— Эй, господа! — вдруг окликнули нас.

Обернувшись, мы увидели высокого мужчину. Он рассматривал неизвестных, видимо, пытался определить, кто мы и откуда. Мы удовлетворили его любопытство и назвали себя представителями областной шупполиции... Потом спросили, кто он.

Это был завхоз предприятия. Он охотно отвечал на все вопросы. Рассказал о заводе, дирекции, районных полицейских и их поведении и даже о межиричских лесниках, которые нас интересовали.

— А где сейчас директор? — задали мы вопрос.

— У него сегодня банкет.

«Почему бы не побывать там? — осенила мысль. — У пьяной компании наверняка развяжутся языки».

Посоветовались. Бондарчук остался у входной двери, а я проник в комнату, откуда неслись хмельные голоса. За обильно накрытым столом сидело человек пятнадцать мужчин и женщин. Первым заметил меня хозяин дома. Он сорвался с места, распахнул дверь и пригласил к столу. Пришлось принять столь вежливое приглашение. Я сел возле хозяина. Сразу почувствовал на себе сверлящий взгляд: это впился глазами сельский богатей. Он почему-то настолько разволновался, что из его дрожащих рук выпала вилка.

Я выпил «штрафную» и закусил. Кулак вновь наполнил стопку самогонном.

— Две подряд? Это много. Я ведь на службе! — вежливо отказался.

— Пей, раз попал в нашу компанию! — настаивал мой «ухажёр».

Он похвастал, что его брат тоже служит в полиции, и заискивающе промолвил:

— Хорошие вы хлопцы, только служба ваша горькая... Ну, выпьем за вашу удачу!

В его поведении, назойливом лобызании сквозило что-то недоброе. «Наверное, хочет меня разоружить и разоблачить», — подумал я и решил отделаться от неприятного типа. Левой рукой покрепче сжал винтовку, а правой вlepил ему оплеуху. Он замотал головой и рухнул на пол. Вся компания возмутилась моей дерзостью.

Секунда промедления могла обернуться против меня. Я скомандовал:

— Ни с места!

Николай Бондарчук, услышав возглас, вбежал в комнату и еще внушительнее повторил:

— Ни с места!

Пострадавший молча поднялся и сел на свое место. Его глаз с каждой минутой все больше опухал, под ним засветился синяк, с нижней губы сочилась кровь.

Оставив Бондарчука на вахте, я предложил директору пройти в соседнюю комнату и приказал открыть сейф.

— Как вы смеете? — воспротивился он. — Я пожалуюсь в гестапо! Это грабеж среди белого дня! Кем? Полицией! Где это видано? Ни одной марки не дам!..

— Пожалеешь! Становись к стенке!

— Ну и стану! Думаешь, испугался? Нет! Посмотрим, как ты заговоришь в гестапо.

— Ключ от сейфа! — потребовал я.

— Ничего не дам! — огрызнулся хозяин.

Директор упорствовал, зная, что полицейский не рискнет с ним расправиться: ведь тогда его призовет к ответу гестапо. Кому-кому, а полицейским хорошо известно, на что оно способно...

Не сломил упорство директора и предупредительный выстрел вверх. А что, если сказать упрямцу правду, кто мы? Я так и сделал:

— Слушай, немецкий холуй, мы советские партизаны и пришли сюда не для того, чтобы играть с тобой в прятки!

Глаза директора вышли из орбит. Он застыл на месте.

— Если правда, что вы советские партизаны, сейчас до копейки отдам... Но ключ у жены. Пригласите ее сюда...

Приоткрыв дверь, я позвал жену директора. Она вошла. Руки ее заметно дрожали. Директор сказал:

— Найди ключи от сейфа.

Женщина принесла ключи, с опаской посмотрела на меня и вышла. Директор открыл сейф и отдал мне все наличные деньги — около десяти тысяч немецких марок.

— Ну а как же я оправдаюсь? — трясся он.

— Так и скажите: партизаны забрали!

— О Боже, мне не поверят!

— Поверят: люди видели. Деньги народу нужнее, чем вам. Не вы же их заработали!

— Ну да... Мои рабочие...

— Ваши рабочие? Кто вам их дарил? А почему вы присвоили то, что должно принадлежать им?

Хозяин молчал. Да и что он мог ответить?..

Покидая пьяную компанию, мы «утешили» ее:

— Не скучайте о нас, мы еще к вам наведаемся...

Часть изъятых денег раздали беднякам, остальными расплачивались при заготовке продуктов питания.

Партизаны мечтали об одном — связаться с Большой Землей, получить совет, а может, и подкрепление... Но нас разделяли многие сотни километров... Трудно выразить словами радость, которую мы испытывали, когда мой пятнадцатилетний братишка Володя нашел советскую листовку. Каждое слово в ней звучало набатом. Листовка звала на смертный бой с врагом. Она заканчивалась словами: «Не давайте оккупантам покоя ни днем, ни ночью!»

Воодушевленные призывом Коммунистической партии, мы смелее шли на боевые операции.

Горсточка народных мстителей готовилась к налету на Хмелевский лесопильный завод. Надо было уничтожить заготовленный там для фашистов лесоматериал, вывести из строя локомотивы. По существу, это была наша первая крупная диверсия.

Задание осложнялось тем, что всего в четырех километрах от предприятия находился гарнизон карателей. Но это нас не остановило.

...Занималось утро. На завод стекались рабочие. Вид у всех был унылый, мрачный, потому что их согнали в Хмелевку по приказу людовпольского комиссара жандармерии, оторвав от хлебопашества.

К охраннику завода, гитлеровцу с одутловатой физиономией, подошел неказистый мужичок. Он никак не мог объяснить, чего, собственно, хочет. Стражник смеялся над незадачливым человеком. И вдруг его лицо исказилось. «Мужичок» наставил пистолет и приказал сдать винтовку.

Охрана была обезоружена.

Партизаны осуществляли диверсию по намеченному плану: поджигали пиломатериалы, резали на куски кожаные и холщовые приводные ремни. Один крестьянин увидел это и стал упрекать:

— Зачем вы уничтожаете народное добро?

— А ты хочешь, чтобы все досталось фашистам? — возмутился Владимир Леонтьев.

— Почему фашистам? — возразил крестьянин. — Если вы продержитесь тут до ночи, люди все до щепки вывезут. В хозяйстве пригодится.

— Шутишь, батя? — недоверчиво посмотрел на крестьянина Леонтьев. — Разве успеют все растащить за день?

— Ручаюсь!

— Подожди, потолкую со старшим.

Совет крестьянина был дельный. Действительно, пусть лучше народу достанется добро — и я скомандовал:

— Поджог прекратить!

Не прошло и получаса, как заводской двор превратился в растревоженный улей. Бесконечным потоком сюда потянулись подводы. Из двора они уезжали нагруженные брусьями, шпалами и досками.

Вдруг кто-то надрывно крикнул:

— Полиция!

Крестьяне заметались в панике и начали разбегаться. К заводу подходил людвипольский гарнизон.

— За мной! — скомандовал я.

Партизаны бросились навстречу карателям. Вперед выдвинулся заслон — Николай Киселев и Владимир Леонтьев.

Раздался выстрел. Он и послужил началом атаки фашистов.

Ребята дружно открыли ответный огонь. Неумолимо клокотал пулемет Жоржа, поливая врагов свинцом. Полицейские, умевшие лишь расправляться с мирным населением, впервые попали в такой переплет и бросились бежать. Каратели отступили в Сосновку.

Оставив заслон, партизаны собрались в конторе. Сюда вбежал мой брат Володя. Лицо его зарумянилось, глаза блестели. Скороговоркой он сообщил, что задержан межиричский лесник.

— Что с ним делать? — допытывался Володя.

— Погоди, решим, — охладил я юношу.

Во дворе стоял пожилой человек. Я подошел к нему. От пронизательного взгляда лесник поежился.

— Почему не сдал оружие? Мы тебя предупреждали! Перед гитлевцами выслуживаешься, свой народ предаешь?

— О нет! Нет! — залепетал лесник. — Оружие хоть сейчас возьмите, и вместо одной винтовки — две, а вдобавок и пистолет дам. — Лесник переминался с ноги на ногу. — Против своих людей не иду, убедитесь сами.

— Где оружие прячешь?

— Дома, в Максимилиановке.

Откровенность лесника подкупала и в то же время настораживала. Дорога в деревню пролежала через лес. Можно ли довериться такому человеку?

— Не подведешь? — сурово спросил я. — Иначе — пеняй на себя!

— Вы мне не верите? — упрекнул лесник. — Поедем!

Я взял стоявший у заводской конторы велосипед и, оставив Пихура старшим, поехал вслед за лесником. Он мчался, словно преследуемый. Я старался не отставать, нажимал на педали изо всех сил.

На хуторе, расположенном вблизи проселочной дороги, лесник свернул в один из дворов. Я — за ним. Вошли в дом. Лесник неторопливо открыл шкаф, взял оттуда винтовку и передал ее мне.

— А где вторая?

— Сейчас, сейчас...

Лесник пошел в кладовую. Я неотступно следовал за ним. Еще одна винтовка попала в мои руки. Вынув затворы и положив их в карманы, я потребовал обещанный пистолет.

— Его у меня нет! — развел руками лесник.

— У кого же?

— Спрятал так, что и сам не найду.

— Со мной шутки плохи!

— Раз так настаиваете, — на лице лесника появился испуг, — тогда пойдемте к соседу.

И, пренебрегая опасностью, я поспешил вслед за хозяином к соседнему хутору.

На пороге ветхой хатенки, обмазанной светлой глиной, стоял парень. На его щеке выделялось красное родимое пятно. Парень сухо ответил на приветствие и пробуравил меня взглядом. Неужели ловушка?

— Чужих на хуторе нет? — с напускной серьезностью обратился я к нему.

— А мы чужих не жалуем! — грубовато ответил парень.

— Я представитель власти и предупреждаю... Если найду оружие...

Искрометный взгляд, сжатые губы и вся поза этого человека говорили о неприязни к полицейским. Поразмыслив несколько секунд, я открылся:

— На мне чужая форма. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Пришел в ней сюда ради безопасности.

Парень преобразился:

— А кто же вы?

Лесник ответил за меня:

— Партизан!

Я подтвердил это и признался, что явился за оружием. Лицо парня посветлело.

— Если правда, то я сдам вам оружие.

— Как вас зовут?

— Леонид Ильчук.

— Отойдем в сторону.

Лесник остался на прежнем месте.

— Если вы партизан, заберите меня с собой, — взмолился Ильчук. — Мне житья здесь нет, за мной охотятся черносотенные, единственное спасение — пистолет. Дома бываю редко, случайно застали: к матери наведалься.

— А ты представляешь условия партизанской жизни? Взвесь все хорошенько, не торопись. Надумаешь — скройся из села незаметно, иначе прослышат, что в партизаны подался, — замучают старушку.

— Ко всему готов, — обрадовался Леонид. — Только возьмите с собой! Я уже бродил однажды по лесам, но никого так и не встретил.

Я смотрел на Ильчука и радовался.

— Ладно, собирайся...

Леонид пригласил меня в дом. Мать Ильчука увидела на мне полицейскую форму и переполошилась:

— Не слушался меня, — запричитала. — Он еще молодой, разума не набрался... Единственный он у меня, моя надежда, никому вреда не причинил, не трогайте его...

Леня обнял мать, успокоил:

— Чего вы, мама, расстроились? Это хороший человек.

В широко раскрытых глазах старушки застыли слезы.

Она не сразу поняла, почему я «хороший человек». Но так сказал ее сын, и она поверила. Наступила тягостная пауза.

— Как вас зовут, мамаша? — спросил я.

— Надежда, дочь Трофима, — как-то странно ответила женщина. Она стояла как вкопанная и с недоверием поглядывала в мою сторону. Все же на мне полицейский мундир! Преодолев робость, спросила шепотом:

— Кто же вы такие?

— Мы советские партизаны, Надежда Трофимовна. Вот и ваш сын просится к нам. Вы не против, чтобы он стал партизаном?

Надежда Трофимовна ответила не сразу:

— А где же вас искать в случае необходимости?

— Все леса вокруг — наши. Будем живы — Леня навестит вас.

— Дай Бог, дай Бог! — перекрестилась старушка.

Я посмотрел на часы, затем на Леонида. Он понял мой взгляд. Снял фуражку, поцеловал мать в щеку, взял ее руки в свои и прижался к ним губами.

— Прощай, родная...

...Я зарядил винтовку и вручил ее Ильчуку.

— Получай, Леня, теперь она твоя до конца войны. Вместе будем бить клятых варваров.

Вторую винтовку я тоже отдал Лене. Лесник подарил ему свой велосипед. Он, конечно, догадался, куда уходит Ильчук, но спросил с хитрецей:

— Далеко собрался?

— Провожу человека. А там — работу поищу.

— Это ты мне, старику, не доверяешь? — обиделся лесник. — Напрасно, сынок. Иди и не беспокойся: о матери я позабочусь...

Лесник расправил жиденькую бородку, кашлянул.

— Ну, с Богом! — перекрестил Ильчука.

С хутора, напрямик по открытому полю, мы с Леонидом проскочили к лесу. По просеке мчались лошади, запряженные в фурманку. На ней стояли, держась друг за друга, несколько человек. Я поднес к глазам бинокль и узнал братьев — Жоржа и Ростислава, а также Николая Киселева. «Ишут меня», — предположил.

— А ну, дружок, пальни вверх, чтобы услышали, — сказал Лене.

Ильчук вскинул винтовку и выстрелил. Выстрел услышали. Фурманка подъехала к нам.

— Где так долго пропадал? — забросали меня вопросами. — Уходил со стариком, а вернулся с молодцом!

— Угадали, — улыбнулся я. — Знакомьтесь: пополнение, Леонид Ильчук.

Парень пришелся всем по душе.

— А где вторую винтовку взял? — похлопал его по плечу Жорж. — Милая подарила?

— Милая не догадалась, — отшучивался Ильчук. — А вот ваш милый — повел в мою сторону глазами — догадался.

В хорошем настроении мы вернулись на лесопилку. Сгущались сумерки. Подхлестывая вспотевших лошадей, крестьяне вывозили на телегах лесоматериал. Просто не верилось: там, где еще в полдень громоздились большие ярусы, был пустырь. Ильчук с удивлением наблюдал за происходившим. На этом заводе ему был знаком каждый уголок. Три года вместе с отцом работал он здесь в поте лица за жалкие гроши. Работал по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Но пришла Советская власть, и мальчик поступил в школу. А потом война... Отца призвали в армию, комсомолец Ильчук остался с матерью. Ему было только шестнадцать лет.

И вот он снова на том же заводе. Возмужалый. Вооруженный.

Едва последняя телега выехала из двора, у конторы раздались три выстрела. Сигнал! Через несколько минут все участники боевой операции собрались в условленном месте.

Растянувшись цепочкой, друг за другом, мы покинули территорию завода. Вместе с нами уходил в лагерь новый боец — Леня Ильчук. Его не смущали ни густой осенний дождь, ни предстоящая жизнь партизана, полная неожиданностей и риска.

ПЕРЕГОВОРЫ С БУЛЬБОЙ

На первых порах националисты маскировались, называли себя повстанцами, борющимися против фашистов. Это сбивало многих с толку. Тогда никто не подозревал, что бандитские группы создавались по указке гитлеровцев. По их замыслу действия банд должны были стать своего рода противовесом мужественной и справедливой борьбе народных мстителей. В некоторых селах секирники* сумели втереться в доверие к патриотически настроенным крестьянам и через них влияли на остальных.

* Секирники — в народе — члены вооруженных банд, объединявшихся в УПА.

Обманутым оказался и крестьянин Сергей. Располагая данными о его связи с предводителем банды Тарасом Боровцом, присвоившим себе славное имя Тараса Бульбы, мы установили постоянное наблюдение за хутором Сергея. Однажды на рассвете наш дозорный Владимир увидел: во двор к Сергею зашли несколько человек. Пугливо озираясь по сторонам, хозяин проводил гостей в сарай, затем не спеша обошел хутор, вглядываясь в подступы.

Сомнений не оставалось — Сергей предоставил убежище бандитским верховодам. Появилась возможность встретиться с атаманом, узнать, чем он дышит, выяснить, действительно ли секирники воюют против фашистов.

— Ну, кто, братцы, к его светлости пойдет? — спросил я у друзей. — Кто из вас с дипломатией дружит?

Партизаны рассмеялись. Не приходилось им раньше быть парламентарями...

— Может, всей группой пожалуем? — шутили товарищи.

— Не примет!

— А мы попросимся...

— Тогда беседа не получится!

— Зря!..

Шутки шутками, а к атаману идти надо. Командировали на «высокую» встречу меня как командира группы и Ваню Пихура, человека, смышленного в политике.

Слушая нас, отец тоже смеялся от души, а потом серьезно сказал:

— Что ж, поговорить с атаманом не мешает. Может, он и вправду намерен бить оккупантов? Ведите себя там достойно. В случае чего, поддержим.

Сопровождаемые добрыми напутствиями товарищей, «парламентары» отправились выполнять малоприятную миссию.

С северной и западной стороны хутор Сергея был окружен кустарниками. Партизаны подобрались сюда и залегли.

Пихур и я вошли во двор. Сердито залаяла собака. Ваня бросил ей кость, и она успокоилась. В ту же минуту точно из-под земли во дворе появился хозяин, который ощупывал нас своими кошачьими глазами. Поздоровавшись, я спросил, где сейчас атаман Бульба. Сергей сделал умиленное лицо и как-то судорожно пожал плечами.

— Я вас не понимаю, какой атаман?

К нам подошла Анна, жена Сергея, молодая и красивая женщина. Она пыталась отвлечь внимание от сарая и заискивающе пригласила на завтрак.

— Еще успеем, — поблагодарил я Анну, — весь день будем у вас отдыхать.

Анна многообещающе моргнула и удалилась.

— Где же спрятал атамана, Сергей? — продолжал я прерванный разговор.

Сергей опять притворился:

— Клянусь Богом, нет здесь никакого атамана!

— Ну, раз ты не знаешь, кто прячется у тебя, то мы сами найдем, — я сделал шаг в сторону сарая.

Разгадав мое намерение, Сергей встал в дверях и широко расставил руки.

— Здесь я хозяин и прошу не открывать!

Пришлось оттолкнуть упрянца. Я приставил к сеновалу лестницу и по ней взобрался наверх. На сене спали пятеро мужчин. Я потормошил крайнего. Он вскочил, протер глаза и, увидев перед собой незнакомого вооруженного человека, испуганно спросил:

— Кто ты такой?

— На свидание с атаманом прибыл.

— Подожди внизу, сейчас разбужу.

Я спустился по лестнице. Через несколько минут ко мне спустились и бульбаши.

Тогда я впервые увидел атамана. Высокий ростом, он чуть горбился, на вид ему было не более тридцати. Лицо было изъедено оспой, белесые брови и ресницы придавали ему отталкивающий вид.

Размашистым шагом Бульба подошел к нам и, крепко пожимая руки, отрекомендовался:

— Атаман Тарас Бульба.

Поочередно представились его сподручные. Первый назвался Адамом. Он был правой рукой атамана. Квадратный подбородок и лихой чуб, свисавший над узким лбом, говорили о его жестокости и тупости.

От других мы слышали «оригинальные» клички: сотник Пидмоченный, поручик Зубатый...

Видимо, бандитам не понравился наш визит, к тому же они усомнились в искренности Сергея, не сумевшего вовремя их предупредить.

А Сергей под тяжелыми взглядами бульбашей виновато опустил голову, косился на оружие, торчавшее у бандитов за кожаными поясами.

Оправившись, он побежал за сарай и принес ведро воды. С плеча свисало полотенце с вышитыми петухами.

— Прошу умыться, — угодничал он.

Наспех умывшись и причесав волосы, бульбаши приводили себя в порядок. Атаман набросил на плечи шинель из серого офицерского сукна. На узеньких погонах с синими кантами блестели трезубцы из белого металла.

Атаман небрежным жестом извлек из кармана пачку купюр и, плюнув на пальцы, ловко отделил одну пятисотку и дал ее Сергею.

— Выпивку и все остальное!

Сергей понимающе кивнул головой и, подпрыгнув от удовольствия, бросился в дом. Через минуту вернулся с бутылью сизого первака.

Мы условились с атаманом, что переговоры проведем в сарае. На глиняный пол положили несколько бревен, на бревна — доски. «Стол» накрыли самотканой скатертью. Хозяйка принесла миску квашеной капусты, огурцов, нарезанного ломтиками сала, лука и хлеба.

— А где трофей? — упрекнул Бульба хозяина.

Сергей немедленно прикатил бочонок со сливочным маслом. Анна внесла граненые стаканы, расставила их и вышла. Вслед за женой оставил гостей и Сергей. Он предупредил:

— Не беспокойтесь, буду на часах...

Бульба смерил меня изучающим взглядом:

— Так за что выпьем, красный командир?

— А за что предлагаете?

— За то, чтобы Гитлер — туда! — и пальцем указал на землю.

Мы чокнулись, выпили. За трапезой завязалась беседа. Атаману не терпелось узнать, связана ли наша группа с подпольщиками, где мы дислоцируемся, какие у нас планы. Такое любопытство не располагало к откровению, и я отвечал уклончиво.

После повторного тоста атаман вновь затронул начатую тему, но проявлял при этом сдержанность. «Тонкий дипломат, — подумал я. — Не зря учился в разведывательной школе в Берлине». А Бульба обходным путем пытался выяснить, сколько в моей группе людей под ружьем. Говорил он размеренно, будто прожевывал каждое слово. Осторожно намекнул, что нам незачем уединяться, лучше объединить силы. Немного охмелев, Бульба начал хвастаться перспективой развития националистического движения и без всяких оговорок неожиданно предложил:

— Переходи к нам всем отрядом. Обижен не будешь, получишь любой портфель!

— Нет! — возразил я. — У нас свои планы, и дел впереди немало. Вот немцев бить совместно с вами готов хоть сейчас!

— Не время еще, мы недостаточно крепки, — сказал атаман. — Пока что против них выступать не следует. Вот укрепим, тогда ударим...

Я пытался убедить атамана и его сторонников, что выжидать нельзя.

— Гитлеровцы жгут села и города, людей губят, грабят Украину, а вы отсиживаетесь в кустах. Предлагаю немедленно выступить сообща против злого врага. Бездействовать сейчас — позор! Как же будете глядеть в глаза землякам?

Но Бульба и его сподручные и слушать не хотели о немедленных действиях. Они категорически отклонили все предложения, ссылаясь на свою малочисленность и слабое вооружение. Атаман и его заместитель Адам Воловодик склоняли нас к тому, чтобы мы прекратили борьбу, иначе вся группа погибнет.

— Отчего же погибнет?

Воловодик зло покосился:

— Слон всегда моську давит и даже не чувствует этого.

— Народ — не моська, — отпарировал я.

— Так за вами же народ не идет.

— Мы и есть народ!

— Ха-ха! Сказал!

— Как есть!

Атаман выпил еще стакан водки, причмокнул от удовольствия и, растягивая слова, повторил:

— Вот укрепим, тогда и всыпем немцам. А пока подождем...

— Время не ждет! — ответил я Бульбе.

Но спорить, убеждать было бесполезно. Мы стояли на разных позициях. Бульбаши прикрывались фальшивыми фразами и только выдавали себя за борцов против оккупантов, а о борьбе и не помышляли. Наши пути расходились.

Итак, не договорившись с атаманом, я и Пихур оставили охмелевших бандитов. Вдогонку Бульба примирительно бросил:

— Напрасно, хлопцы, горячитесь, я вам добра желаю, а вы...

ЕЩЕ ПЯТЬ СТВОЛОВ

Наши верные друзья-подпольщики Флор Ляшецкий, Зигмунд Гальчук, братья Броницкие, Ремигюш Курята, Петр Трофимчук сообщили о намерении Тарнавского навести гитлеровцев на след партизанской группы.

— Недолго уже Струтинским по земле ходить, — хвастался он перед односельчанами. — Скоро их так накроем, что и головы не успеют поднять.

Бахвальство Тарнавского подхлестнуло нас, послужило своеобразным сигналом к более активным действиям.

Гитлеровцы создали «зеленую» полицию в надежде на то, что ее руками им удастся подавить в зародыше партизанское движение. «Зеленые бандиты», как именовали люди лесников, представляли такую же опасность в лесу, как шуцполиция в местечках и селах. Не случайно мы начинали борьбу именно с разоружения лесников. Тогда они поклялись, что никогда ничего не предпримут против народных мстителей. Некоторые лесники, действительно, умерили свой верноподданнический пыл, однако ненадолго. Уверовав в мнимые успехи гитлеровцев, они подняли голову и старались наверстать упущенное. Особенно усердствовали не-вирковские лесники во главе со ставленником гестапо Бруно Тарнавским.

Наученные горьким опытом, они вели себя настороженно и в одиночку по лесным участкам не ходили.

Конечно, легче всего было не связываться с ними, а перебазироваться в другое место. Но партизаны отвергли такую полумеру. Рано или поздно, рассуждали мы, «зеленые» обнаружат группу. Поэтому все настаивали: дать бой лесникам и за их счет пополнить свое вооружение.

Под покровом ночи группа продвинулась к лесничевке. Жорж с пулеметом залег у погреба, Николай Киселев притаился у входной двери. Когда рассвело, я с пистолетом в руке проник в контору. Мое появление было для лесников неприятным сюрпризом. Все уставились на меня. Я приказал немедленно сложить оружие.

Лесники переглядывались между собой, но с места никто не двинулся.

— Соппротивление бессмысленно! — предупредил я их. — Вы окружены партизанами. Приказываю сдать оружие и боеприпасы! — и, воспользовавшись замешательством, шагнул к крайнему леснику, взял из его рук винтовку. Второй сам отдал мне свою двустволку.

Один из лесников с маленькими черными и злыми глазами рванулся к оружию. Я направил на него пистолет:

— Руки вверх!

Черноглазый сел на место. В эту минуту подоспел Николай Киселев, быстрым прыжком он подскочил к ретивому и обыскал его. То же самое проделал с остальными. Изъятые винтовки Киселев передал вошедшему Николаю Бондарчуку, а сам последовал за мной в соседнюю комнату, куда я завел старшего лесника Руденко.

— Что, по-хорошему не отдаст винтовку? — нервничал Киселев.

— Говорит, у него нет.

— Пусть тогда пеняет на себя!

— А мы вот проверим! — я распорядился выделить трех партизан и произвести обыск в хозяйстве Руденко. Услышав это, он сверкнул глазами:

— Ну зачем семью тревожить, я сам принесу.

— Надо было раньше, а сейчас мы сами позаботимся.

Лесника, который с женой и двумя малолетними детьми проживал рядом с конторой и первым сдал оружие, мы спросили:

— Знаешь, где дом Руденко?

— Конечно, знаю!

— А с женой его знаком?

— По службе, только по службе, — смутился он.

— Распорядитесь, чтобы он принес винтовку! — предложил я старшему леснику.

Тот промямлил:

— Пусть идет...

— Распорядитесь! — рассердился Киселев.

Руденко понял, что шутки плохи, и выпалил:

— Скажи жене, что я требую винтовку. О том, что здесь происходит, — молчок!

— Ясно, пан Руденко, — поклонился лесник.

Партизаны предупредили его:

— Если сболтнешь — не сдобровать! Помни, твоя жена и дети здесь.

— Ну что вы, какой смысл...

Минут через двадцать он возвратился с винтовкой.

Обезоруженных лесников собрали в комнате. Разговор был коротким. Их предостерегли от каких-либо ответных мер, предупредили, чтобы они не вздумали предавать людей, которых встретят в лесу.

«Зеленые» убедились, что им ничего плохого не сделают, успокоились. Руденко попросил расписку для отчета перед немцами.

— Если скажете, что мы отобрали винтовки, разве вам не поверят?

— В покое не оставят, другое дело — бумажка, с ней легче оправдаться...

— Ну что ж, раз мирно расстаеться — не откажем, — ответил Киселев.

Он составил текст:

Расписка

Подтверждаем, что сего числа у лесничего Руденко и его подопечных в интересах народа отобрали пять винтовок и сотню патронов.

Командир партизанской группы Николай.
21 августа 1942 года. Лесничество Озирцы.

— На, получай!

Повеселевший Руденко пробежал глазами по листку, исписанному размашистым почерком.

— Теперь обойдемся...

Когда группа в безопасном месте расположилась на отдых, Алексей Глинко подытожил:

— Итак, еще пять стволов!

— Да, операция удалась! — разделил Пихур восторг товарища.

Отец ухмыльнулся:

— Отныне в этой местности все лесники только с... палками.

Все рассмеялись.

После отдыха группа провела новую боевую операцию. Окружили лесничевку Краля. Он без сопротивления отдал оружие и патроны.

Грабежом и бесконечными поборами завоеватели обрекали людей на голодную смерть. Вот почему в планах группы важное место занимал срыв вражеских экономических мероприятий. Подпольщики заблаговременно ставили партизан в известность об отправке продовольственных транспортов. И мы не упускали благоприятного случая для нападения на эти транспорты. Особенно успешно действовали во «владениях» людвипольского комиссара жандармерии, престиж которого в глазах ровенских властей после событий на Хмелевском заводе сильно пошатнулся.

Фашисты превратили Людвиполь в перевалочный пункт. Изъятые у населения продукты и скот отправляли отсюда в Костополь, а затем в Ровно.

Продовольствие, которое нам удавалось отбить у противника, мы раздавали крестьянам или уничтожали, предварительно пополнив собственные запасы. Помню, как горячо благодарили нас люди, когда мы

возвращали им угнанный захватчиками скот. С не меньшей радостью принимали от нас хлебобобы масло, овощи и другие продукты, которые мы возили с немецких заготовительных пунктов.

КОНЕЦ «ЛЕСНОГО КОРШУНА»

Боевые операции партизан на Хмелевском лесопильном заводе и в Озирецком лесничестве обеспокоили оккупантов. На специальном совещании гитлеровский полковник неистовствовал. Он осыпал грубой бранью своих подчиненных за то, что они проглядели большевистских агентов, которые разграбили лесоматериал, предназначенный для стратегических целей немецких войск! И когда? Днем!

— Красные бандиты бесчинствуют безнаказанно! — надрывался полковник. — Армия фюрера у стен Москвы и Сталинграда! А вы тут не можете справиться с десятком подлецов! Позор!..

Полковник сделал несколько шагов по просторному кабинету и остановился у висевшей на стене карты.

— Взгляните, господа, сюда, — он ткнул стеком в синий кружочек. — Это и есть та злосчастная Буда, из которой вышла бунтарская семейка Струтинских. Все дерзкие проделки — дело их рук! Не сомневаюсь! И я требую: Струтинских немедленно ликвидировать! Уясните, господа: если вы не уничтожите их, вас отправят на Восточный фронт! Вакансий там, поверьте, предостаточно!..

— Герр оберст!* — робко поднялся с места районный шеф гестапо. — К поискам банды надо подключить Бруно Тарнавского, тогда разделаемся с партизанами наверняка.

— Чего же вы тянете? Вызовите его сюда, если вы в нем уверены.

— Разрешите это сделать... завтра?

— Опять откладываете!..

Если гестаповцы делали ставку на предателей, то мы рассчитывали на преданность простых людей, патриотов. Благодаря самоотверженности, смелости и риску Гальчука, подслушавшего этот разговор, партизаны уже через два часа после совещания узнали о готовящейся против них акции.

* Господин полковник! (нем.).

На совете группы мы вынесли смертный приговор «лесному коршуну» — Тарнавскому.

26 августа 1942 года партизаны перекочевали на Невирковский участок. В одном из уголков густого ельника развели небольшой костер, выставили пост. Я с Киселевым отправился в разведку. Местность была хорошо знакома. Вспомнилось, как всего несколько лет назад вместе с отцом, старшим братом Александром, братьями Гальчуками, Брновицкими, Курятой рубили здесь могучие лиственницы, пилили их, зарабатывая на скудное пропитание. Тогда все земли вокруг принадлежали помещику. Не о людях заботился он... Жестокостью отличался и управляющий лесными угодьями пан Торка. Без «квита»^{*} никто не смел набрать в лесу ягод или собирать грибов. Зато на просеках заботливо расставлялись кормушки с сеном, чтобы животные в зимнее время не голодали.

В самой красивой части Невирковского леса раскинулась большая поляна. В северо-восточном ее углу, неподалеку от дороги, стоял дом, увитый диким виноградом. Южную половину этого дома занимал Бруно Тарнавский, вторую часть — объездчик Орятков. В одноэтажном флигеле жил лесник Трофим.

Осторожно, чтобы не всполошить собак, мы с Киселевым проникли во двор лесничевки. Нам удалось выявить скрытые подходы к домам со стороны леса. Несмотря на раннюю пору, во дворе уже хозяйничала жена Трофима. Совсем недавно я встречался с ней на вечеринках в Жерновке и Буде. А теперь, наверное, Евгения... Я окликнул ее. От неожиданности Евгения вздрогнула. Когда узнала меня, заволновалась:

— Коля? Как ты сюда попал? Тебя разыскивают каратели! Уходи немедленно! Уходи! Поймают — пропадешь!

— Кто за мной следит? — схитрил я. — Кому я нужен?

— Разве ты не знаешь? — шептала Евгения. — Сам пан Тарнавский каждую ночь подстерегает.

— Он дома?

— Нет. Уехал еще с вечера. С ним еще пятеро. Скоро появятся. Только прошу, Коля, никому ни слова. Иначе меня прикончат...

— Что ты, Женья!.. Скажи, Орятков с ними?

— Нет. После того, как у Малигранды его напугали, стал шелковым.

— А где он сейчас?

^{*} Квит — нареч., а иногда сущ. м. р. Конец счетов, взаимная уплата, разделка // Толковый словарь В. Даля on-line. Современное написание слов. Републикация выполнена на основе II издания (1880–1882 гг.). URL: www.lib.deport.ru

— Обещай, что не тронешь его, скажу.

— Слово чести! Разве ты мне перестала верить?

— Верю. На чердаке он спит. С ним сын Олег. Оба с оружием. Не трогай их, Коля, они могут тебя убить.

— Не беспокойся. К ним я с добрыми намерениями.

Киселев привел группу. Я взобрался по лестнице на чердак.

— Оряков!

Молчание. Позвал громче. Из угла донесся шорох, знакомый голос испуганно спросил:

— Кто?

— Струтинский. К вам по-доброму. Вылезайте.

Оряковы зашептались, но из укрытия не выходили. Я предупредил:

— Все вокруг оцеплено партизанами! Выходите, иначе за вашу жизнь не ручаюсь. Скорее!

Два силуэта приблизились ко мне.

— Здравствуйте, — протянул я руку старику, а потом Олегу.

— А дальше что, товарищ Струтинский? — спросил лесник.

— Сойдем вниз. Если пригласите, зайду в гости.

Спустились с чердака. Я взял у них простую и десятизарядную винтовки и передал Ивану Пихуру.

— Без них будете спокойнее спать, — пошутил отец, здороваясь с Оряковым.

— Я тоже так думаю! — согласился тот.

Раздался легкий свист. Алексей Ильчук предупреждал: на подходе — телега, очевидно, едет Тарнавский. Сигнал передали по всем постам. Везде чувствовалась напряженность, все сознавали — имеют дело с опасным бандитом.

Во двор шумно ворвались разгоряченные кони.

— Тпр-рр-прр-р!

Бруно первым соскочил с телеги.

— Стой! Руки вверх! — отец и Глинко наставили на «коршуна» винтовки.

Тарнавский на какой-то миг застыл. В его глазах блеснули тысячи недобрых огоньков. Судорожно выхватив из кобуры пистолет, он выстрелил, но не попал.

— Бросай оружие, стервятник! — вышел из себя Глинко.

Тарнавский пытался перезарядить пистолет. Но его упредили. Грянуло одновременно два выстрела. Схватившись руками за грудь, предатель свалился наземь.

Воспользовавшись моментом, остальные «пассажиры» нырнули в кусты. Партизаны выловили их и тут же, у безжизненного тела палача, построили.

— Что с ними сделать? — обратился я к партизанам.

— Пусть себе сами кару выберут! — отозвался отец.

— Расстрелять собак! — настаивал Николай Киселев. Трофим за-
трясся как в лихорадке.

— Буду делать все, что прикажете! Только не расстреливайте...

Жорж смягчился:

— Хорошо, проверим. Но знай: будешь и дальше подлецом — не уй-
дешь от народной кары!

Вслед за Трофимом просили прощения остальные. Они поклялись,
что больше их никто не заставит служить фашистам. И мы отпустили
«заблудившихся».

Мы расправились с «лесным коршуном» в день продажи дров и ле-
соматериалов Невирковским лесничеством. Из окрестных сел и хуторов
сюда съехались крестьяне. Владимир Леонтьев и Василий Самокиш раз-
решили им взять из скирды сена для лошадей. Людей предупредили, что-
бы они немного задержались.

— Кто они и чего хотят от нас? — недоумевали крестьяне.

Кто-то ответил:

— Подождем — узнаем, какому Богу служат. Нас не должны трогать.

— Не должны? — вмешался другой. — А немцы разве должны? Да
так нашего брата хватают — ой, ой!..

— Так то ж немцы!..

К полудню, когда собралась добрая сотня человек, Киселев, отец и
я подошли к ним. Мы отвечали на вопросы крестьян, рассказывали им о
своей борьбе с гитлеровскими оккупантами и их пособниками.

— За что вы казнили его? — указал рукой на труп Тарнавского мо-
лодой крестьянин.

— За собачью преданность врагам Родины. За избиение и грабеж
земляков, за убийство простых людей, за службу в гестапо, — горячо
разъяснил отец.

— Раз такой, туда ему и дорога!

— А с нами что будете делать? — задали вопрос из толпы.

— Слушайте, люди добрые, — обратился я к крестьянам. —
Гитлеровцы вторглись в нашу страну и грабят ее, женщин насилуют, де-
тей и стариков убивают... Тюрьмы и концлагеря переполнены. Вот мы и
сражаемся с захватчиками и теми, кто помогает им вершить черные дела.

— Правильно! — одобрительно загудела толпа. Потом сказал отец:

— Многие из вас смертельно ненавидят фашистов, но боятся выступить против них. Знайте, Красная армия ведет жестокие бои, она победит неизбежно! Каждый из вас должен найти свое место в этой борьбе, чтобы потом совесть не мучила и детям в глаза открыто смотреть.

Отец говорил душевно, страстно, и крестьяне слушали, затаив дыхание.

— А что касается вашей сегодняшней заботы, — заключил он, — то мы разрешаем: дрова, находящиеся в складометрах, и спиленные деревья забирайте подчистую, бесплатно!

Обрадованные крестьяне бросились к телегам.

— Спасибо, товарищи партизаны! — благодарили они. Все имущество Бруно Тарнавского было конфисковано и роздано беднякам.

Во второй половине дня наша группа покинула лесничество.

А по всему Межиричскому району распространилась молва о добрых делах советских партизан и о том, что их в Невирковском и Липенском лесах — несметное количество.

ПЛЕННИКИ ОСВОБОЖДЕНЫ

Петр Трофимчук возвратился из Людвиполя и сообщил: гестапо намерено переправить из Костополя в Людвиполь группу политзаключенных.

— Кто конвоирует?

— Очевидно, жандармы и шуцманы.

— Известно время выезда машины?

— Узнали только, что завтра.

Товарищи встретили сообщение Трофимчука с воодушевлением.

— Наш арсенал пополнится! — восхищался Воробьев. — К тому же, обмундирование, документы добудем...

— Не это главное, Федор, — поправил его Леонтьев.

— Что же, по-твоему, главное?

— Освободим узников!

...Моросил дождь. Но несмотря на темень и непогоду, к рассвету партизаны были у Людвипольского тракта. Основная часть группы расположилась у самой дороги. Леонтьев и я укрылись в Озирецком лесничестве. По замыслу мы должны были преградить отход конвоиров.

В тот день был какой-то религиозный праздник, из Погориловки доносился колокольный звон. Мимо нашей засады к церкви потянулась вереница верующих из села Озирцы. Некоторые из них, проявив излишнее любопытство, заметили нас, и их пришлось задержать до определенного времени.

К зданию костопольского гестапо подкатила грузовая автомашина. Двое шуцманов вывели четырех узников со связанными назад руками и втолкнули в открытый кузов. Распухшие лица с кровоподтеками свидетельствовали о характере той «обработки», какой подвергали узников в застенках фашистской тайной полиции.

Спустя несколько минут из здания гестапо вышел офицер, а вслед за ним шуцман-лакей нес черный чемодан с личными вещами обер-лейтенанта.

У офицера — самодовольное холеное лицо с маленькими рыскающими глазами. От шуцманов не ускользнуло приподнятое настроение обер-лейтенанта Иоганна Шюце — заместителя начальника жандармерии. Сегодня он снизошел до того, что поделился с ними своей радостью: его представили к награде и повышению в звании. В знак благодарности Шюце отлично проведет порученную ему акцию.

Шюце осведомился, соблюдены ли все предписанные им меры предосторожности.

— Все, господин офицер, — подобострастно ответил старший шуцман. — В Людвиполе предупреждены. Все идет по графику.

— Очень хорошо!

Офицер сел в кабину рядом с водителем. Грузовик поехал по узким улочкам провинциального городка. Выбравшись на широкую центральную улицу, помчался на юго-восток. Гестаповец погрузился в размышления. Он сделал вывод, что эти края не так уж плохи! Конечно, Горынь не Майн, но все же именно здесь он, Шюце, делает головокружительную карьеру!

Машина оказалась в зоне засады. На дорогу выскочил Глинко. Взмахом руки он приказал шоферу остановиться. В ответ гитлеровец приоткрыл дверцу и выстрелил. Алексей успел отскочить. Из кузова машины открыли стрельбу полицейские. Тогда укрывшиеся вдоль дороги Воробьев, Бондарчук и другие бойцы дали дружный залп по машине.

На помощь нашим поспешили Леонтьев и я. Наткнувшись на заслон, шофер резко затормозил. В тот же миг обер-лейтенант неуклюже выпрыгнул из кабины и пустился наутек. Партизанская пуля настигла его, и он, упав в придорожный кювет, уткнулся носом в песок.

Один из полицейских прыгнул с машины и, бросив винтовку, поднял вверх руки. Другие шуцманы бешено отстреливались. Тогда Жорж ударил по ним из пулемета.

— Кто вы? — спросил я у людей, лежавших в кузове.

— Арестованные.

Узники не понимали, что произошло.

— А вы кто будете?

— Советские партизаны.

Мы знали, какая судьба ждала арестованных. Гестаповцы намеревались публично казнить их в Людвиполе для устрашения местных жителей, сочувствовавших партизанам. И мы сердечно радовались за товарищей, спасенных от верной гибели. Отец предложил им влиться в наши ряды.

— Хотите остаться с нами — пожалуйста! Если же имеете другие планы — мы вам не препятствуем. Но мешкать нельзя. Вон, слышите, каратели спешат на выручку своим, — показал он рукой в сторону села Погориловка, откуда доносился рев моторов.

Освобожденные оказались организаторами подпольных групп на Ровенщине. Преисполненные благодарности, они все же предпочли возвратиться в подполье.

— Ну что ж, бейте двуногих зверей там, а мы — здесь!

...Машину с трупами полицаев мы подожгли.

— А с этим что делать? — спросил Леня Ильчук, показав на шуцмана, съездившегося в кювете.

— То же, что и с его хозяином! — раздались гневные голоса.

— Он совсем юнец. Помилуем его! — возразил я. — Говорит, что его насильно заставили надеть воронью шкуру и взять в руки оружие!

Отец поддержал меня:

— Правильно, Николай! Мы не только караем, но и воспитываем!

— Значит, отпустим? — недовольно скривил губы Василий Самокиш.

— Да! Пусть улепetyвает, пока не поздно!

Молодой шуцман благодарным взглядом окинул партизан.

— Спасибо!.. Больше не буду служить немцам, даже если они меня за это накажут!.. — парень поклонился, и его словно ветром сдуло.

На большаке застрочил пулемет. Партизаны бросились в заросли.

В глухую ночь на привале у костра подсчитали трофеи: четыре винтовки, пистолет с обоймами, полицейская форма, две офицерские формы, полевая сумка с документами.

— Давайте проверим ее содержимое! — не терпелось отцу.

Из сумки вытряхнули бумаги. В одном документе прочли фамилию: Струтинский. С трудом перевели весь текст. Из Ровно начальнику людвипольского карательного органа предписывалось принять срочные меры по ликвидации группы Струтинского и других антифашистских групп, действовавших в этих местах.

Обнаружили письмо, которое обер-лейтенант Шюце не успел отправить своей жене. Читали по слогам, но смысл хорошо поняли.

На листке, исписанном мелким почерком, привлекли внимание несколько подчеркнутых строчек:

... Не буду скрывать от тебя, дорогая Хельга, у нас есть средства заставить человека сказать все, что нам нужно. Это проверено на людях многих стран Европы. Но вот перед русскими, признаюсь только тебе, мы чаще всего оказываемся бессильными...

— Не повезло бедняге! — «сожалел» Леонтьев. — Даже до места назначения не добрался.

— Да, не повезло, — продолжил отец, — не пришлось ему наслаждаться в Людвиполе муками ровенских подпольщиков. — Секунду помолчал: — И все же нам следует уйти из этих мест. Хотя бы на время! На поиск нашей группы бросят карателей.

Довод резонный. Но куда податься? Здесь знакомы каждая тропинка, каждый куст, знаем, кто из населения за нас и кто против. А в чужих краях без разведки будет туго. И все-таки уходить надо.

— Меняем адрес, товарищи! — решительно сказал я. — Переместимся дальше на север.

Но Пихур меня не поддержал и высказался за продвижение к линии фронта.

— Кто со мной, прошу! — наигранно пригласил Иван Пихур.

К нему примкнули Воробьев, Кармолин, Леонтьев, Глинко и Самокиш.

Буду перед тобой, читатель, правдивым и искренним. Приукрашивать события — значит обеднять их, лишать достоверности. Я же задался целью, пусть даже в ущерб занимательности, изобразить их так, как это было на самом деле. Признаюсь, я и раньше замечал, что Пихур проявлял высокомерие. Теперь же я окончательно прозрел: Пихур не мог примириться с тем, что им, бывшим командиром, и его друзьями, в недавнем прошлом кадровиками Красной армии, командует человек без специального военного образования. Обыкновенный деревенский парень норовит обскакать летчика, артиллериста и других армейских специалистов.

Пихур не учитывал, что костяк партизанской группы состоял из большой семьи, проверившей свои силы в боях с врагом, что мы, местные жители, лучше разбирались в здешних условиях, что благодаря знанию обычаев, украинского и польского языков перед нами широко открывались двери любого дома, что мы, наконец, хорошо знали местность.

Я не считал Пихура недругом. Однако его поступок, за которым скрывалось ущемленное самолюбие, нельзя было оправдать.

Мне стало известно, что Пихур и Воробьев пытались привлечь на свою сторону всех бывших военнопленных, взять лучшее оружие и уйти. Николай Киселев и Леонид Ильчук, позже других пришедшие в группу, Николай Бондарчук, Ростислав и Жорж, узнав об этом намерении, обооружили зачинщиков раскола.

— Вам взбрело в голову отколоться, — не без боли в голосе укорял я Пихура. — Пожалуйста, не задерживаем! Обойдемся без вас.

Однако обида обжигала сердце. Боевые товарищи, которым по настоянию отца мы возвратили оружие, покидали нас.

У меня даже зародилось сомнение: а может, они правы? Не лучше ли всем вместе отправиться к линии фронта? Но внутренне я был убежден, что и здесь, в тылу, мы приносим пользу Родине, наносим ощутимые удары по врагу, сеем панику в его рядах, подрываем моральный дух оккупантов, сшибаем их кичливость.

Последовала немая сцена. Видимо, каждый по-своему переживал случившееся. Всех нас объединяла общая цель, и она стала выше личных обид. Прощались с Пихуром и его сторонниками сердечно, тепло. Со мной оставались Ильчук, Киселев, Бондарчук, отец, братья — Ростислав, Жорж и Владимир.

Когда прощались, Пихур расчувствовался:

— Спасибо, дорогие друзья! Спасибо вам лично, Владимир Степанович, за помощь, за советы, за поддержку в тяжелые для нас дни. Мы всегда будем вас помнить как самых близких и дорогих людей...

— Если останетесь живы... — отец разволновался и не закончил фразу.

— Будем живы, отец! Надо жить для того, чтобы бороться! — посмотрел Пихур в повлажневшие глаза отца. — Если погибнем, не поминайте лихом...

— Встретите людей с Большой Земли, — попросил я, — расскажите им о нашей группе. Если же не перейдете линию фронта, возвращайтесь, примем вас, друзья. Тогда, может, вместе поищем большой партизанский отряд.

Алексей Глинко шагнул к отцу и поцеловал его.

— Спасибо, отец, за все!

После крепких объятий шестеро воинов, вооруженных гранатами и винтовками, отправились в путь. А мы стояли не шелохнувшись, пока они не скрылись за поворотом дороги...

Это было двенадцатого сентября 1942 года.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА СВАДЬБУ

Наша одежда насквозь промокла. Донимал голод. Терзала мысль: как поступать дальше? Ведь бойцов осталось почти вдвое меньше...

— Будем бороться! — задорно призвал Киселев.

И сразу люди повеселели, будто только и ждали этого призыва.

— Ну, чего скисли? — подбадривал отец. — Временно перейдем на правый берег Случи. Там, в Левачах, у меня есть друзья, надеюсь, помогут, поддержат...

Глубокой ночью нас нашел связной Флор Лящевский. Он рассказал о переодетых шпиках, наводнивших район. Крестьяне запуганы, всего боятся...

В ту же ночь мы встретились и с командиром местной подпольной группы Зигмундом Гальчуком. Передали ему четыре винтовки, гранаты, боеприпасы.

— Ваше дело — глубокая разведка, — инструктировал я Зигмунда. — Будьте осторожны. Присматривайтесь ко всему вокруг. На связь люди придут с паролем «От младшего брата Славы». Никому другому не доверяйтесь...

Узнав о предстоящем переходе на другой берег, к нам пришли попрощаться Никифор Янчук и Петр Трофимчук.

Бледная луна висела над сонной березовой рощей. Тревожно бились сердца друзей.

Меня пугала неизвестность. Я сел на пень, обхватил руками голову, задумался. Кто я такой? Кем уполномочен на то, чтобы вести за собой людей? Никем! Самозванец! А что, если, пока не поздно, забросить оружие ради спасения их жизней? Но из глубины сердца неслось: «Нет! Нет! Ты так не поступишь!» Да, такой поступок равносильен измене! И лучше смерть, чем подлое предательство! Пусть я погибну, но не стану на колени.

В памяти всплыли пламенные слова из книги Николая Островского «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Как много они тогда значили для меня!..

— Что ж, товарищи, — оторвался я от гнетущих мыслей, — у нашего народа есть обычай — на прощанье выпить по рюмочке.

— Вот это идея! — одобрил Трофимчук.

— Был бы хорошим другом — прихватил бы бутылочку, — пошутил отец.

— А я и прихватил первачка, — признался Янчук.

— Отзывчивая душа!

— Ну-ка, ребята, выворачивайте сумки, что у кого есть!

Все выкладывали свои скудные запасы: кто сухари, кто хлеб, кто кусочки сала. Закуску разложили на разостланной плащ-палатке. Трофимчук наполнил рюмку мутноватой жидкостью и поднес ее Янчуку.

— Тебе первая, за заботу.

Янчук обвел присутствовавших повеселевшими глазами:

— За ваш счастливый путь, дорогие друзья, и до скорой встречи на освобожденной земле! — пригубил рюмку.

После своеобразного пикника я передал Янчуку две винтовки.

— Вы просили — получайте! Пригодятся на всякий случай...

— Спасибо! В долгу перед народом не останемся! Товарищи в оружии нуждаются.

— Да, чуть не забыл, — спохватился Трофимчук. — Тебе, Николай, письмо от атамана.

Я разорвал самодельный конверт, извлек записку. Прочитал вслух. После формального обращения следовала прямая угроза:

...Предлагаю всей вашей группе с оружием перейти в мое распоряжение. В противном случае ликвидирую!

Атаман Тарас Бульба. 12 сентября 1942 года.

— Вчера передали его секирники. Просили вручить тебе лично. Что сказать им?

— Пусть передадут атаману — нам с ним не по пути! А насчет ликвидации — еще посмотрим, кто кого ликвидирует! Верно, товарищи?

— Верно!

Ультиматум атамана возбудил во мне еще большее желание укрепить группу и дать бой бульбашам. Охваченный таким порывом, я объявил:

— Пора в дорогу!

Крепкие рукопожатия, напутствия — и группа тронулась в путь. Оглянувшись, я увидел скорбные лица боевых товарищей Петра Трофимчука и Никифора Янчука, оставшихся на своих постах партизанского подполья. Увидимся ли еще? Где?..

...За Хмелевским лесом показался луг, пересеченный речкой Ставой.

— Задерживаться нельзя, — торопил я товарищей, — скоро начнет светать. Погоня не исключена.

Жорж возвратился из разведки. Он сообщил, что недалеко есть брод.

— Что ж, пойдем бродом.

Группу повел Жорж, шагал он быстро. Мы то спускались к речке, то подымались на крутой берег. У брода сняли обувь и одежду и, разгоряченные, вошли в студеную воду; она немилосердно обжигала тело. Но время торопило. В километре от переправы раскинулся Людвиполь, где были расквартированы каратели.

Переправились благополучно. На хуторе Глубочанка весь день сушили одежду, а с сумерками — опять в поход! Целые сутки блуждали по зарослям, натыкались на вооруженных лесников и браконьеров-охотников. Наконец вышли к Случи — в том месте, где лес прижался к реке. К счастью, Ростислав нашел лодку. По двое переправились на другой берег; завернули в первый попавшийся хутор. Хозяева — пожилые крестьяне — встретили гостеприимно.

— Мы ничего от вас не хотим, — предупредил я их, — но смотрите: о нашем пребывании здесь — никому ни слова. Надеюсь, расстанемся друзьями?

— Что вы! В обиде не будете. Располагайтесь как дома. Картошки сготовим и по рюмочке найдется, согреетесь... Небось, с дальней дороги, устали?

День прошел спокойно. По большаку Людвиполь — Городница проносились автомашины с гитлеровцами, но на хутор никто не заезжал.

— Спасибо вам, люди добрые, — поблагодарил отец хуторян. — Вот вам за продукты, — подал он немецкие марки.

Покинув хутор, продолжили путь к селу Левачи, где отец перед войной работал помощником лесничего.

В воскресенье вечером остановились в лесничевке. Хозяйка приготовила ужин. Не успели уставшие люди подкрепиться, как послышался

оклик часового. Оказалось, в соседнем хуторе — свадьба, молодожены приглашают погулять у них.

— Значит, им кто-то сказал о нас?

— Разве от людей скроешь? — оправдывался посыльный. — Своих защитников мы за десять верст узнаем. Мы всегда рады хорошим людям, а плохих бьем!

— Если приглашают от чистого сердца, — сказал отец, — не стоит огорчать молодых.

Киселев и я в сопровождении Жоржа отправились на свадьбу. Метрах в десяти от дома новобрачных брат замаскировался.

Гости лихо плясали, пели веселые песни, и от этого повеяло мирными днями. По нашей просьбе хозяйка накрыла столик в саду. Жених и невеста подошли с подносом, на котором стояли бутылка водки и рюмки. Мы сердечно поздравили молодых, чокнулись. Но выпить не довелось: в кустарнике раздались ружейные выстрелы. Оглушительными очередями Жорж обрушился на кусты, откуда вели обстрел. Скоро подоспели и остальные партизаны. Прочесали местность, но никого не обнаружили.

Впоследствии выяснилось, что, действуя заодно с шуцманами, бульбаши хотели нас разоружить. Они рассчитывали, что мы на свадьбе начнем пьянствовать, и это облегчит расправу.

Нападение секирников огорчило хозяина.

— Ребята, у меня есть несколько гранат, если вам нужно!..

— Конечно!

— Тогда идemте со мной. Чем пропадать им в земле, лучше для пользы отдам.

С хозяином пошли Бондарчук и Ильчук. Они принесли десять гранат и запас капсюлей к ним, а также несколько сот винтовочных патронов.

— Фронт проходил близко, я подобрал тогда их и закопал, — объяснил крестьянин.

Разделив между собой трофеи и поблагодарив гостеприимных людей, мы попрощались.

...Низко над поляной пролетал транспортный самолет с черными крестами. Молниеносно родилась дерзкая мысль, и я крикнул:

— Огонь!

Дружными залпами ударили по самолету, но он, невредимый, взмыл вверх.

— Эх, сбить бы стервятника! — досадовал Киселев.

— Ничего, и так доложат пираты, что на захваченной территории летать опасно.

На дороге показалась лесничевка.

— Заглянем?

— Только сначала окружим ее, — дал я согласие.

В доме застали троих мужчин. Они назвались лесниками. На наше требование сдать оружие ответили:

— У нас его нет.

— Тогда общем.

Мы вытаскивали из столов разные документы, штампы и бросали в печь. Лесники молча наблюдали за нами.

— Марки тоже в огонь? — Ильчук держал в руках купюры Ровенского эмиссийного банка.

— Нет, Леня, они пригодятся.

Лесники, наконец, спросили:

— Кто вы такие? Немцы ведь нам не поверят, что днем такое случилось.

— Передадите им, что здесь были советские партизаны. А вы, пока не поздно, опомнитесь! Народ спросит за все!

Во дворе мы увидели истощенного с небритым лицом парня. Укладывая дрова в штабеля, он украдкой поглядывал на партизан.

— Батрак?

— Военнопленный... Говорит, родом из Казахстана. А кто он в действительности, один Бог знает.

— Голодом его морите! Да вас!.. — пригрозил Ильчук лесникам.

Парень услышал разговор и нерешительно спросил:

— Вы советские партизаны?

— Да.

— Прошу, примите меня в свой отряд. Я Декамбай Касимов, был в Красной армии, попал в окружение, а потом бежал...

— В каких лагерях был?

— О, нет, нет, я не был в лагере, — торопливо говорил парень. — Долго скитался, голодал, чуть не замерз. Подобрали добрые люди, отходили, но лесники поймали и привели сюда. Здесь работаю за кусок черного хлеба. Прошу вас, не оставляйте меня...

Настойчивые просьбы, умоляющий взгляд запавших глаз, на которых появились слезы, тронули ребят.

— Стрелять умеешь?

— В армии стрелял хорошо... — с надеждой ответил Касимов.

Ему дали винтовку.

— Проверим!

Касимов вложил в обойму патроны. Владимир прикрепил к дереву листок из блокнота, отсчитал тридцать шагов и отошел в сторону:

— Стреляй!

Касимов трижды выстрелил.

Володя подбежал к дереву, снял бумажку, посмотрел и поднял ее над головой:

— Все три — в цель!

— Молодец, товарищ Касимов! — похвалили товарищи.

Я пожал руку новому другу:

— Принимаем тебя в отряд, надеемся — не подведешь! Вместе будем драться с врагами Родины. Поначалу, пока запомним твое имя, будем звать тебя Федей. Согласен?

— Согласен! — как ребенок, радовался Декамбай. — Только, прошу вас, подождите, я знаю, где лесники кое-что спрятали...

Касимов побежал в сарай и вскоре принес две винтовки. Он стал по стойке «смирно» и как солдат торжественно произнес воинскую клятву. Его глаза, повидавшие много горя, сияли счастьем.

Несмотря на восточный акцент, клятва глубоко взволновала нас.

В группе все полюбили Касимова как родного брата...

«Обмундирование» у бойцов было пестрое. Одни были в овечьих дубленых полушубках, вывернутых овчиной наружу, и сапогах, другие — в худых шинелях и ботинках. Люди, увидев партизан в таком виде, шарахались в сторону. Лишь после знакомства проявляли сочувствие, делились последним куском хлеба.

— Чем беднее человек, тем прекраснее он душой, — откровенничал Киселев, — а чем богаче, зажиточнее, тем черствее у него сердце. Почему так, Владимир Степанович?

— Верно подметил! Здешний народ редко был хлебом сыт. Все горе мыкал, потому и других понимает.

Узкая дорога уводила нас на север. Шагавший рядом со мной Киселев, поддавшись настроению, затынул:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны!

Его дружно поддержали, и мелодия разудалой русской песни поплыла над полями.

Появление партизанской группы в Левачах подняло дух у крестьян. С их помощью мы вывели из строя коммутатор на почте, лишив шуцманов оперативной связи с райцентром, разбили сепаратор на молокопункте, уничтожили документацию полицейского участка.

На одной из улиц вокруг партизан собралась толпа. Встреча с земляками переросла в митинг. Со страстными словами к крестьянам обратились Киселев, Ильчук, отец. Они рассказывали о борьбе советских партизан с ненавистными гитлеровцами, призывали хлеборобов оказывать всестороннюю помощь народным мстителям.

Крестьяне горько жаловались:

— Грабят гитлеровцы безбожно! Забирают хлеб до последнего зернышка, угоняют скот, даже кур вылавливают...

— А вы не отдавайте, прячьте все!

— Теперь, только узнаем о приближении к селу швабов, угоним скот в лес и возвратимся после того, как ироды уберутся восвояси.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Ночевать расположились на окраине села. Выставили секретный пост. Отец позвал меня:

— Идем со мной, Николай, я должен встретиться с верными людьми. Разузнаем обстановку.

У крайнего дома нас ожидали двое пожилых крестьян. Они передали нам более тысячи винтовочных патронов, капсюлей к гранатам, продукты питания. Сообщили, что жители сел Вороновка и Сивки недавно видели, как над лесом ночью кружились самолеты, которые потом сбросили «зонтики» с людьми...

— Идет молва, будто это красные воины, да, говорят, еще со стороны Белоруссии подходит советское войско. Не зря те, кто пакостил Советской власти, разбегаются, как мыши.

Давно я не радовался так, как в тот вечер. На душе стало легко, приятно! Наконец то, о чем мечтали, на что надеялись, сбывается!..

На второй день группа взяла курс на Сивки и Вороновку, надеясь встретить там посланцев Большой Земли. Переночевали на хуторе. Утром хозяйка приготовила завтрак.

— Кроме картошки и огурцов, ничего нет, — извинилась она.

— Не беспокойтесь, и за это спасибо.

Ели с аппетитом. Во время завтрака Жорж увидел, как из леса вышел человек, оглянулся по сторонам и направился к хутору.

Я выскочил во двор. Из-за кустов сирени внимательно разглядывал незнакомца. Он был выше среднего роста, с загоревшим лицом, в военной форме и пилотке с... красной звездой.

Поймет ли читатель охватившее меня волнение?..

— Свой! — в приливе чувств воскликнул я. Незнакомец, услышав мое восклицание, кинулся в сторону леса.

— Стой! — кричал я еще громче. — Стой!

Ко мне подбежали боевые друзья. Касимов с колена прицелился из винтовки по убежавшему. Я вздрогнул:

— Не стреляй! Отставить! Свой!

— Свой? А зачем убегает? — недоумевал Касимов.

— А ты бы не убегал? Видишь, на мне гестаповская форма! Плохо только — не поговорили...

Ростислав успокоил:

— Мы еще обязательно встретимся с ним! Наверное, он не один в полесской глуши.

Предположения брата подтвердились. Примерно через час на опушке появились трое военных с автоматами. Разглядывая незнакомцев в бинокль, я передавал:

— Одеты в летные комбинезоны цвета хаки, в шлемах. Из-под расстегнутых комбинезонов видны знаки различия на петлицах: у одного — треугольники, у двоих — кубики.

Передав Касимову бинокль, я сказал товарищам:

— Пойду им навстречу без оружия.

Меня заметили. Двое остановились, а третий отошел в сторону и направил на меня автомат. Я приблизился.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здорово! — ответили. — Кто ты такой?

От моего взгляда не ускользнула любопытная деталь: незнакомцы держали в руках советские автоматы. «Где они взяли их?» — мелькнуло у меня в голове.

И я сказал правду в надежде, что передо мной советские воины:

— Командир местной партизанской группы Николай Струтинский! Моя группа в укрытии!

— Кто вас сюда забросил? Чье задание выполняете? — спросил красивый черноглазый лейтенант, то ли грузин, то ли армянин. Его внешность вызывала симпатию.

— Выполняем задание Родины, а забросила нас сюда собственная совесть, — пылливо смотрел я на незнакомцев.

Тот, который стоял в стороне, подошел ко мне и прикоснулся пальцами к моей одежде:

— Где отхватил такую? Подарил кто-то?

— Да. Ober-лейтенант гестапо перед уходом... на тот свет!

Шутка понравилась незнакомцам, они рассмеялись. Я обратился к ним с просьбой проводить меня к их командиру.

— А остальные? — поинтересовался лейтенант.

— Они останутся здесь!

— Хорошо.

Я побежал к хутору.

— Свои? — переспрашивали товарищи.

— Свои! Кажись, те самые парашютисты, о которых нам говорили подпольщики. Иду на переговоры к командиру. Будьте настороже. Если все будет благополучно — скоро вернусь. Если же попадусь в руки провокаторов, действуйте самостоятельно!

Вместе с военными я обогнул село. В сосновом бору лейтенант спросил:

— Оружие при тебе есть?

— Есть! — хладнокровно вынул я из кармана пистолет.

— Хорошо! Спрячь его!

Долго блуждали по незнакомым мне местам.

— Надо бы перекусить, проголодался я! — сознался блондин с открытым русским лицом.

Никто ему не возразил, и он первым повалился на коричневый ковер вереса. Раскрыл походную сумку, выложил на плащ-палатку пачку галет, плитки шоколада, московскую колбасу и буханку черного круглого хлеба.

Подкрепившись, продолжили путь. К моему удивлению, снова оказались на хуторе.

Я не удержался от смеха.

— Товарищи! Вы, наверное, заблудились. Позвольте — я помогу найти дорогу. Можете мне довериться. Ведь я честно все рассказал о себе. А вот кто вы — не знаю.

Военные отрекомендовались:

— Лейтенант Саргсян!

— Сергей Рошин!

Представился и третий:

— Владимир!

В честь памятной встречи я преподнес лейтенанту скромный подарок — стальной тесак, отобранный у гестаповского офицера. Лейтенант поблагодарил меня.

Затем я развернул карту местности.

— Вот хутор, где мы встретились. Теперь говорите, куда нам идти?

Саргсян указал пальцем на гряды.

— Дальше дорогу знаем.

Определили по компасу азимут и собрались идти. Но я спохватился: почему бы сразу не позвать всех друзей? Ведь потом придется специально за ними возвращаться. Зачем терять время?

Военные согласились со мной. И вот идем всей группой: впереди — лейтенант Саргсян, за ним я с товарищами, позади — Сергей Рощин со вторым автоматчиком.

С небольшой возвышенности спустились к зеленой поляне. Вблизи дорожки из-за кустов вынырнули часовые. «Секретные посты!» — догадался я.

Саргсян сказал:

— Доложу командиру, — с нами оставил своих попутчиков, а сам скрылся.

Из лесной чащи доносился приглушенный топот коней.

— Значит, не маленькая группа, а целый отряд располагается здесь, — шепнул я Киселеву. — Да и лейтенант Саргсян сказал: «Доложу командиру!»

В ожидании встречи с командиром мы тревожились, правильно ли поступили, придя сюда без предварительной разведки? А вдруг немцы сыграли с нами злую шутку? Я призвал товарищей до полного выяснения обстановки быть наготове.

К нам подошел высокий стройный мужчина с автоматом наперевес. В петлицах у него красовались четырехугольники.

— Кто здесь командир и его заместитель? — строго, по-военному обратился он. — Прошу за мной. Остальным оставаться на месте!

Я и Киселев последовали за лейтенантом. Любуясь его военной выправкой, я думал: «Вот русский богатырь! Неужели здесь все такие?»

Мы свернули на малопротоптанную тропинку и через поросль проникли в старый лес. Здесь пылал костер, вокруг него на бревнах сидели люди в форме советских военнослужащих.

«Свои!» — уверился я.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил хор голосов.

От сидевших у костра военных отделился высокий брюнет. На его петлицах алели три шпалы.

— Будем знакомы: Медведев! — отрекомендовался он. — Кто же из вас Струтинский?

— Я, товарищ командир! — меня удивило, откуда он знает мою фамилию?

— Слыхал о вашем семейном отряде! — улыбнулся Медведев.

— Мой заместитель Николай Киселев! — представил я своего боевого друга.

— Очень приятно. Скажите, — продолжал ровным голосом Медведев, — это ваши ребята недавно уничтожили гестаповца и сожгли автомашину на большаке Людвиполь — Костополь?

— Так точно, товарищ командир! — подтвердил я с особым удовольствием.

— Значит, наши сведения точны!

Медведев окинул нас внимательным взглядом.

— Сколько в вашей группе людей?

— Девять человек.

— Маловато. Большие операции вам не по плечу.

— Конечно!

— Так вот, товарищи, ваша группа может остаться в нашем отряде.

Я ответил без промедления:

— Мы согласны, товарищ командир!

— А что скажут остальные?

— Хотя и не советовались, но, надеюсь, все согласятся, — поддержал Киселев.

Полковник Медведев распорядился, чтобы комендант партизанского лагеря Александр Бурлатенко принял пополнение.

Бурлатенко расстелил парашюты, и мы улеглись на отдых. Я долго всматривался в чистое небо и никак не мог уснуть. Именно сейчас почувствовал, что с моих плеч снята ответственность за судьбу и жизнь боевых товарищей, и прежде всего отца и братьев.

Утром я спросил у Бурлатенко:

— Кто привел нас к командиру?

— Инструктор-подрывник Константин Маликов.

Памятного 17 сентября 1942 года мы наконец влились в большой отряд. Постепенно привыкали к воинской дисциплине, беспрекословно выполняли приказы и распоряжения. Моим непосредственным командиром

стал Наполеон Ашотович Саргсян, побратим из Армении, которого я полюбил с первого дня.

Мы вместе с ним ходили в разведку, за продуктами и выполняли другие боевые задания. Наполеон Ашотович охотно делился воспоминаниями о памятных рейдах по тылам противника, о жизни в Советской Армении. В свою очередь я рассказывал ему о тяжелой судьбе трудового народа Западной Украины, о пережитых в 1939 году светлых днях освобождения и о том, как наша семья начала борьбу против гитлеровцев.

Однажды Медведев спросил у отца:

— Ваша жена и дети далеко отсюда?

— Не очень, их приютили добрые люди.

— Предатели могут их обнаружить?

— Всего можно ожидать.

— Надо уберечь родных от беды. Заберем их в отряд. Здесь им будет безопаснее, хотя и нелегко. Сами знаете, какая жизнь партизанская.

— Спасибо, Дмитрий Николаевич, за ваше великодушие, — благодарил отец.

— Завтра же пошлем за ними бойцов, — пообещал Медведев.

В РАЗВЕДКЕ

— Седлай коней, Коля, — распорядился Наполеон Ашотович. — Я автомат захвачу, — бросил он уже на ходу и скрылся в своем «особняке».

Заброшенный на самолете из Москвы в глубокий вражеский тыл, Саргсян командовал подразделением штабной разведки. В отряде он полюбил смелую девушку-радистку Шуру Морозову, женился на ней. Молодожены жили в отдельной палатке, которую товарищи называли в шутку «особняком».

Лихо вскочив в седло, Наполеон Ашотович махнул рукой — следовать за ним. Кони поскакали извилистой дорогой.

При первой же возможности я спросил у Саргсяна:

— Что случилось, товарищ лейтенант?

— Получены данные о появлении больших сил карателей в этих местах. Приказано провести разведку. Будь начеку! — Саргсян подстегнул коня.

Впереди показалось небольшое село. Сзади и по сторонам темнел могучий лес. Не слезая с коня, Наполеон Ашотович раскрыл планшет с картой, и мы определили свое местонахождение: село Карпиловка.

— Гонец сообщил, что видел гитлеровцев южнее, в десяти-пятнадцати километрах отсюда, — разъяснял Саргсян. — Может, в Карпиловке узнаем кое-что конкретное.

— В селе есть доверенные люди? — спросил я у лейтенанта.

— Нет.

— К кому же зайдем?

— К попу. Он, во-первых, должен знать, где сейчас находятся немцы, а, во-вторых, в случае какого конфликта прихожане не выдадут попа фашистам.

Кони помчались галопом, огибая поляну. Мы въехали в село с другой стороны.

— Вот церковь, а вот здесь живет поп, — безошибочно предположил Саргсян.

Во дворе спешили. Наполеон зашел в дом священника.

Присев возле коней, я беседовал с деревенскими мальчишками, которые сбежали из соседних дворов. Вдруг кто-то пронзительно крикнул:

— Немцы!

По околице села двигалась колонна вооруженных фашистов в зеленых шинелях и касках.

— Немцы! — застучал я кулаком в оконную раму.

Наполеон выбежал из дома. Вскочив на коней, мы помчались по песчаной улице к одинокому ветвистому дубу, мимо которого недавно промаршировали гитлеровцы. Слезли с коней. Наполеон запрокинул голову, затем вопросительно посмотрел на меня. Я понял его намерение и быстро вскарабкался на дерево.

— Ну, что там видно? — не терпелось Саргсяну.

— Фрицы, как на ладони, около сотни. Вооружены винтовками, автоматами, вижу четыре пулемета!

Наполеон жадно ловил каждое слово, а потом, кряхтя, и сам взобрался на дерево.

— Вот теперь вижу плюгавых!

Осеннее солнце клонилось к закату. По небу проплывали сизые тучки, в степи разгулялся ветер, поднимая облака пыли.

Колонна гитлеровцев, миновав село, скрылась в лесу.

После горячей скачки по знакомой дороге мы прибыли в отряд. Наполеон доложил командиру отряда результаты разведки.

— Струтинский! К командиру!

— Есть!

Полковник Медведев приветливо встретил меня.

— Как малыши, освоились с лесом? — спросил Дмитрий Николаевич.

— Кажется, освоились. Да и нам спокойнее. Вот бы еще сюда мать и Катю.

— Скоро вся семья будет в сборе! — Медведев усадил меня на скамейку рядом с собой. — Есть деловой разговор... — поднял на меня свои уставшие глаза. — Как ты смотришь на то, чтобы отправиться со специальным заданием в Ровно?

Откровенно говоря, я не ожидал такого предложения и даже растерялся. Но, собравшись с мыслями, ответил:

— Я готов!

— Хорошо. Тогда иди в хозяйственный взвод, подбери костюм, у комманданта возьми браунинг. Потом еще зайдешь ко мне...

— Вот этот тебе подойдет, Николай, — Александр Соколов подал мне костюм из черного бостона.

В обновке я явился к Медведеву. Командир остался доволен моим внешним видом:

— Выглядишь бравым молодцом! Значит, все в порядке! А пистолет взял?

— Взял, товарищ командир!

— Теперь слушай внимательно: дорога предстоит нелегкая. Кстати, ты ее знаешь не хуже других. До Ровно, наверное, километров сто...

— Не меньше, — подтвердил я.

— В городе разведай обстановку, разузнай, кто прислуживает гитлеровцам.

...Простившись с отцом, братьями, а также близкими друзьями и товарищами, с легкой душой пошел я по лесной дорожке. Возле деревянного колодца совершенно неожиданно увидел полковника Медведева, его заместителей Стехова, Лукина, Кочеткова и заместителя секретаря партийной организации отряда Сашу Лаврова. Поравнявшись с ними, по-военному приветствовал их.

— Как настроение, Николай? — взял меня за руку Дмитрий Николаевич.

— Отличное!

— Другого ответа не ожидал, — похвалил Медведев. — Нам очень важно знать настроение населения, надо бы подыскать в Ровно две-три

квартиры для конспиративных встреч. В общем, присматривайся к людям внимательно. Помни, ты один из первых наших разведчиков в тех краях.

Медведев задумался.

— Когда возвратишься и не застанешь нас, то здесь, — носком сапога он коснулся корневища сосны, — будет спрятан коробок из-под спичек. В нем найдешь записку и узнаешь, где мы находимся.

— Запомнил, товарищ командир!

Медведев обнял меня, как сына. Так же сердечно попрощались остальные.

Я почувствовал прилив сил, появилась уверенность в себе.

...У первого домика незнакомого мне села в темноте замаячил силуэт. Раздался оклик:

— Руки вверх!

Хотя это не было для меня неожиданностью, все же я вздрогнул. Но сразу нашелся:

— Ты что, Петр, не узнал? — с этими словами я подошел к человеку и хотел выстрелить в упор.

К моему удивлению, передо мной стоял безоружный паренек. Я направил на него пистолет:

— Руки вверх!..

Проверил карманы, но ничего не обнаружил.

— Опустите руки! Ты полицейский?

— Нет, что вы, дядя! — от испуга голос у парня дрожал. — Я вон там живу, — указал рукой на ближайший дом.

— А зачем угрожал?

— Я принял вас за своего товарища и хотел подшутить.

— Хороши шутки! А ты знаешь, что я чуть не убил тебя...

— Виноват, — оправдывался парень.

— Ладно, покушать найдется?

— Поищу.

Паренек шмыгнул во двор. Вскоре вернулся и вытащил из-за пазухи краюху хлеба и кусок сала. Он повел меня к стогу сена. По лестнице мы взобрались наверх и удобно расположились. Долго разговаривали. Парень шепотом рассказывал о селе, о зверствах, чинимых гитлеровцами и полицейскими.

Утром, поблагодарив парня за ночлег, я отправился в путь. У развилки дорог остановился. Вспомнил русскую народную сказку: вправо поедешь — коня потеряешь; влево — сам погибнешь. Был озадачен и я: вправо пойти — там лес, за ним село Быстричи, контролируемое

бульбашами, влево пойти — там Людвиполь, в нем крупный гарнизон гитлеровцев и шуцполиции. Впереди протекала река Случь.

«Что делать?» — огляделся вокруг. Ни души! Стоит задумчивый сосновый бор, шевеля верхушками деревьев, как бы нешептывая: «Решай сам свою судьбу!»

Стало грустно, тяжело...

Не могу объяснить, почему, но свернул вправо. В лесу увидел группу вооруженных людей. Кто они? Пока я рассуждал, группа исчезла за поворотом дороги. Но стоило мне подойти к молодой хвойной посадке, как неизвестные направили на меня стволы винтовок. Я успел спрятаться за сосной и крикнул:

— Кто вы, хлопцы? Выходи один на переговоры!

Молчание.

— Ну, чего притаились? Выходи один!

Один из них, в вышитой рубашке, поднялся, оружие он держал наготове.

— Возьми винтовку за ствол! — потребовал я.

Тот повиновался. Мы встретились.

— Что скажешь? — едва он спросил, как из кустов окликнули:

— Струтинский! Давай сюда!

Позвал бульбаш Ментачка. Мы были знакомы с довоенного времени.

Выбора не оставалось.

— Что делаешь в наших краях? — Ментачка смерил меня с головы до ног.

— Здорово, хлопцы! — вместо ответа я подал всем поочередно руку.

— Наверное, забрел сюда по приказу Медведева? — не унимался Ментачка.

— Не спеши — все расскажу, — и на сей раз уклонился я от прямого ответа. А сам лихорадочно соображал. И придумал:

— Подался с ребятами за Случь, ох, и хлебнули там горя! Один Бог знает! Накрыли нас в лесу городничьи полицаи и немцы. Сам черт не знает, как спаслись. Правда, половина людей ранена, страдают, бедняги, раны загноились, а лечить нечем. Вот и послали меня за медикаментами в родные края. Может, у вас немного разживусь? Прошу, ребята, выручайте друзей!

— Ты что? — захохотал Ментачка. — Зачем нам медикаменты? С немцами и полициями не воюем, а все болезни лечим самогоном.

— Ну что ж, на нет и суда нет! Ничего не поделаешь. Пойду!

— Не спеши, поговорим, — успокаивал Ментачка. — Ты же знаешь, с твоим отцом Владимиром я в согласии жил. Поэтому зла тебе не причиню. Но правду скажи — с Медведевым сейчас в контакте? Не хитри, знаю, ты стреляный воробей.

— С каким Медведевым? Толком скажи, кто он? — прикинулся я.

— Ну ладно, не будем об этом. А у нас с Медведевым сейчас мир.

Я полностью вошел в роль и продолжал в том же духе:

— С каким Медведевым? О каком мире ты говоришь?

— Да я так, между прочим, — отмахнулся Ментачка. — Наверное, проголодался?

— Если угостите куском хлеба — не откажусь!

Около десятка бульбашей достали из плечаков* самогонку, хлеб, сало, огурцы, чеснок.

— С тебя начнем, — Ментачка поднес мне бутылку.

— За ваше здоровье, хлопцы! — отпил я несколько глотков.

Обед длился недолго.

— Спасибо за угощение, — поднялся я. — Будем живы — встретимся!

С дороги оглянулся, помахал рукой. Бульбаши стояли на прежнем месте.

Только удалившись на приличное расстояние, облегченно вздохнул.

По дороге встретил телегу, на которой сидел крестьянин. Он то и дело подхлестывал кнутом быков.

— Подвезешь?

— Садись!

Бродом переправились на противоположный берег Случи. Въехали в село Быстричи. У главного тракта крестьянин буркнул:

— Сворачиваю вправо.

— А мне прямо. Спасибо! — на ходу соскочил с телеги. Полевой дорогой пошел к видневшемуся вдали лесу, где родилась наша боевая группа. Сколько воспоминаний навевал знакомый пейзаж! Сколько было проведено в этих местах напряженных дней и ночей, как часто наша семья и боевые товарищи подвергались опасностям!

На дороге показалась подвода с шуцманами. «Как избежать встречи с ними?» Неподалеку какой-то крестьянин сгребал сухую картофельную ботву. Я свернул к нему.

— Огонька дадите?

— Конечно. А махорки мне на сигаретку найдется?

* Плечак — рюкзак (укр.).

— Найдется!

Пока мы крутили сигарки, телега с шуцманами проехала. Крестьянин ухмыльнулся:

— Боялся шуцманам на глаза попасть?

— Да, не совсем приятно с ними встречаться, особенно в поле...

— Ты прав, — согласился крестьянин. — А далеко путь держишь?

— Туда, где солнце садится!..

И вот, наконец, хутор Ремигюша Куряты. Но в нем нет никаких признаков жизни. Обошел вокруг дома. Никого!..

Удрученный, побрел в соседний хутор Броницких. Здесь — то же самое. Добрался до дома Гальчуков. Увидел: все опустошено и разгромлено...

Охваченный тяжелыми мыслями, я опустился на лежавший ствол дерева — и глаза застлал туман...

Зашуршали кусты. Я приподнял голову. Ко мне подбежал лохматый пес.

— Мурза! Мурза! — ласкал я его.

А Мурза уперся передними лапами в мою грудь и визжал, виляя пушистым хвостом.

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

В самой гуще Липенского леса, у развесистого дуба, собралась группа молодых энтузиастов. Сходились они сюда по одному, настороженно озираясь по сторонам — нет ли слежки.

Среди прибывших выделялся девятнадцатилетний белокурый парень с серыми пронизательными глазами — Зигмунд Гальчук. Собравшиеся знали молодого человека. Всего три зимы ходил он в детстве в школу. Летом помогал родителям по хозяйству, пас чужих коров. Так и рос в нужде... Несмотря на молодость и малограмотность, честный, правдивый Зигмунд пользовался среди друзей авторитетом.

На нелегальной встрече Зигмунд проявлял присущую ему настойчивость. Он не мог дальше мириться с пассивностью некоторых единомышленников.

— Друзья! Почему мы сложили руки? — в его голосе звучало не только недовольство — Зигмунд глубоко переживал. — Не для того нам

вручили оружие, добытое с таким риском! Или передадим его в другие руки?

Товарищи переглянулись: Зигмунд прав.

— Оружие передавать не будем, надо действовать! — решительно заявил Станислав Броновицкий.

Станислава поддержали его братья Ян и Грациян, Ремигюш Курята.

— Что же предлагаете?

— Разгромить Вовкошевский спиртзавод!

— Дельное предложение! — одобрил Зигмунд. — На спирт выменяем в селах винтовки, боеприпасы. Но поджигать завод не стоит. Это мы всегда успеем.

На следующий день к спиртзаводу подкатила пароконная подвода. Ехавшие на ней вооруженные люди обстреляли полицейских, ворвались на территорию завода. Зигмунд и Ремигюш преследовали отстреливавшихся предателей, а братья Броновицкие подкатили двухсотлитровую бочку со спиртом и погрузили ее на подводу. Перестрелка утихла, но Зигмунд и Ремигюш все не появлялись.

— Ян, езжай, — сказал Станислав брату.

— Подождем Зигмунда и Ремигюша, — возразил Ян.

В сарайчике, возле которого братья разговаривали, притаился полицейский. Он хорошо запомнил имена: Ян, Зигмунд, Ремигюш...

К рассвету бочку спрятали в кустах.

К месту происшествия прибыли каратели из Межиричей. Гестаповцы и полицейские кинулись по следу, освещая карманными фонариками тянувшиеся по пыльной дороге две ленточки — следы колес. Они привели фашистов к лесопильному заводу. Каратели предположили: налет совершила «банда» Струтинских.

— Нет, господин комендант, — выслуживался полицейский, — на сей раз грабили Ян, Ремигюш и Зигмунд.

— Откуда тебе известно?

— Сам слышал, господин комендант.

— И поляк с партизанами?

— Да. Ремигюш — польское имя.

— Весьма интересно! Но такого не помню. В списках бандитов он не значится.

В Ровно готовилась карательная экспедиция, которая должна была покончить с партизанскими наскоками, беспокоившими хозяев «нового порядка» в этой местности.

Молодой гестаповский офицер вошел в кабинет шефа.

— Хайль Гитлер! — выбросил он вперед правую руку.

— Прошу, штурмфюрер Кашенцев, проходите сюда! — с наигранной вежливостью пригласил шеф, указав на кресло возле приставного столика.

— Вы знаете, Кашенцев, — сказал шеф после короткой паузы, — в районе, где проживает ваш отец, орудует банда большевистских преступников.

— Как же, знаю! — Кашенцев скорчил гримасу сожаления. — Я вам докладывал об этом.

— Помню, помню! — подтвердил гитлеровец. — Они ужасно обнаглели и сами, конечно, не успокоятся. Я поручаю вам ликвидацию банды. Оправдаете доверие?

— О, господин шеф, — подскочил Кашенцев, — всегда готов выполнить ваше задание. Это, прежде всего, в наших интересах. Я сделаю все от меня зависящее, можете в этом не сомневаться!

— В таком случае не будем терять дорогого времени. Готовьтесь в дорогу! В помощь выделим группы из Межиричей, Людвиполя, Тучина. О ходе операции докладывайте лично мне.

Не подозревая о подлом предательстве, патриоты в селе Озирцы выменивали на спирт винтовки и патроны. Прятали их в лесу.

Ночью в имение Кашенцева прибыл большой отряд карателей во главе с сыном помещика. Сюда стекались также гестаповцы из соседних районов. Главарь местной бандитской боевки, ранее служивший в полиции, Григорий Юсенко вместе со своим братом Николаем, ровенским шущполицейским, занялся слежкой за «подозрительными». Предатели располагались вблизи тропинок, ведущих к лесу, и наблюдали за каждым прохожим. Таким образом они узнали место хранения бочки со спиртом и оружия.

В донесении на имя шефа Кашенцев сообщал:

Благодаря упорной работе мы выявили группу, ограбившую спиртзавод. Членами ее являются братья Ян, Станислав и Грациан Броницкие, Курята Ремигуш и Зигмунд Гальчук. Последний возглавляет преступников. Все они проживают легально. Мы обнаружили место хранения оружия и бочки похищенного спирта. Все члены группы дружили со Струтинскими. Наши сведения точны. Жду с нетерпением дальнейших указаний.

...Зигмунд тайком добрался до места, где спрятал винтовку, и тут его внезапно окружили.

— Ни с места!

Зигмунд оторопел. Со всех сторон на него глядели дула автоматов. Фашистские холоуи в ненавистных черных шинелях плотно сомкнули кольцо и связали руки патриоту.

Предатели ликовали. Юсенко и Косолапый хвастались «редкой удачей».

— Мне удалось узнать, — лебезил Юсенко перед Кашенцевым, — что друг Струтинских Никифор Янчук скрывается с семьей в соседнем селе Гута, в доме или сарае Петра Трофимчука. Их надо захватить, тогда наверняка узнаем, где находятся Струтинские.

— Идея! — оживился Кашенцев.

— Даже очень интересная, — пресмыкался Юсенко. — Медлить нельзя, иначе они уйдут в лес, а потом ищи ветра в поле.

— Хорошо, я прикажу полицейским собраться.

Над степью повисла темная ночь, и под ее покровом шуцманы подкрались к селу Гута. Окружив его, они схватили Ольгу и Ульяну Трофимчук, Филюна и его жену Ольгу с малолетним сыном Игорем, Федора Мельничука, его жену Харитину, жену Сергея Анну и четверых ее детей... Всех погрузили в машину и под усиленным конвоем отправили в Ровно.

Через несколько дней схваченных в Буде и в Гуте вывели на улицу Белую. Здесь их поставили у свежевырытой ямы. Два рослых гестаповца извлекли из кобур парабеллумы.

Избитый, еле державшийся на ногах Зигмунд шагнул навстречу палачам.

— За что детей убиваете, сволочи?..

Выстрел заглушил слова патриота.

Безжизненное тело Зигмунда рухнуло наземь. Палачи подходили к голосившим женщинам и малышам и, словно считая их, целились жертвам в голову, равнодушно нажимали спусковой крючок...

... Мать Ольги Конончук разыскивала дочь, зятя и детей целую неделю. Наконец она обратилась в гестапо. Упала на колени перед фашистом:

— Дети мои ни в чем не виновны, отпусти их. Всю жизнь молиться Всевышнему за твое благополучие буду. Спаси моих дорогих...

— Опоздала, вчера их расстреляли, — улыбнулся убийца. — С каждым так будет, кто восстанет против великой Германии. Слышишь?!

Женщина всплеснула руками, и ее бесчувственное тело глухо ударилось о пол...

Когда очнулась, простонала:

— Будьте вы прокляты Богом и людьми! Звери!.. Будьте прокляты!..

Семья Янчуков ютилась в шалаше, сложенном из сосновых веток. Отец Никифор Яковлевич, сын Коля и дочь Тамара поочередно несли боевую вахту под дождем.

Тамара сообщила:

— Папа, со стороны Костополя доносился шум моторов. Они заглохли в селе Озирцы. Наверное, готовится облава.

— А ты, дочка, не ослышалась?

— Нет.

— Плохо... Надо менять место.

— В такую погоду?

— Другого выхода не вижу. Давайте, пока не рассвело, перейдем в порубь*, а оттуда — в Пустомытовский лес.

Где-то близко прогремели одиночные выстрелы.

Собравшись наспех, Янчуки пробирались к большаку. Наперерез им двигались автомашины с карателями. Притаившись в зарослях, отец с детьми переждали тревожные минуты.

— Мешкать нельзя. Пошли! — трое быстро зашагали открытым полем к кустарнику.

Тамара шла сзади, прикрывая отход. В стороне замелькали силуэты карателей. Они неумолимо приближались. Тамара решила отвлечь на себя фашистов и с отчаянием стала стрелять из винтовки по вражеской цепи. Мужественная патриотка сковала действия преследователей, что дало возможность отцу и брату пересечь поле и скрыться в поруби. Тамара также убежала от карателей.

Когда Кашенцев узнал о случившемся, он в бешенстве набросился на шуцманов:

— Разини! Дармоеды! Головой отвечать будете!

* Порубь (устар.) — то же, что порубка.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Щуплый юноша пристально смотрел на меня голубыми глазами, словно не верил, что я и есть тот Николай Струтинский, который дружил с его старшим братом. Тадзик Галинский заменил Казимира и без колебаний стал разведчиком.

Во время встречи он многое рассказал о произошедшем в этих краях за время моего отсутствия. От юного разведчика я узнал, что в порубь стекались люди, бежавшие из фашистских лагерей. Они разыскивали нашу партизанскую группу. Однако, не зная, кто они, свои или чужие, крестьяне отвечали, что партизаны внезапно исчезли.

— Помните высокого брюнета с крупной бородавкой на правой щеке, его звали Никитой?

— Помню. Так что с ним?

— Как-то он возвратился из разведки и привел еще шестерых. Хорошие хлопцы были. Позднее к ним пристали какие-то неизвестные, и все они действовали в здешних местах.

— Ну, а потом?

— Неизвестные оказались переодетыми полицейскими из Межиричей. Они намеревались выведать все о партизанах. Но когда узнали, что вас здесь нет, разоружили группу и всех доставили в район.

Только Никита не дался предателям в руки. Отчаянно сопротивлялся, и его убили. Тело командира несколько дней лежало у сожженного дома Янчуков... Впоследствии верные люди захоронили патриота. Из Межиричей так никто и не вернулся...

Рассказ юного друга опечалил меня.

— Вот что, — обратился я к Тадзику, — постарайся узнать фамилии предателей, где сейчас они проживают. Отомстим за наших товарищей!..

По дороге в Пустомытовский лес я неожиданно встретился с матерью и сестрой Катей. Долго не выпускал я их из своих объятий. Только деревья были немymi свидетелями нашего ликования.

Мы расположились в кустарнике. Я рассказал матери, что моя группа слилась с партизанским отрядом Дмитрия Николаевича Медведева.

— Много в этом отряде людей? — спросила мать.

— Много. У каждого есть оружие.

— Как же мои деточки там? Как отец? Что делает? — все интересовало мать, и я подробно отвечал.

— А вы куда собрались? Почему без друзей?

— О нас ли им теперь заботиться, сами в постоянных хлопотах. Посоветовали уйти из тех мест, вот и ищем вас...

В иных условиях я бы, не задумываясь, проводил родных до отряда. Но сейчас... Боевое задание — превыше всего. И все же я не мог оставить их на произвол судьбы. Вместе с ними возвратился к Тадзику и попросил его проводить мать и сестру до безопасной зоны, откуда они сами доберутся до отряда Медведева.

Тадзик охотно согласился выполнить нелегкое поручение.

— Курс держите на села Ленчин, Вороновка, Карпиловка. Там обязательно встретите партизан-медведевцев. Узнать их можно по автоматам — диски круглые. Ну, прощайте, дорогие! Мне пора в дорогу...

— Береги себя, сыночек! — напутствовала мать. — А когда же ты вернешься, Коля? — спросила она.

— Скоро вернусь, мама.

Ночевал на хуторе Марии Степановны Мамонец. Еще до петухов Николай разбудил меня. С рассветом я уже спускался по косогору к реке Горынь, западнее местечка Тучин. В камышах взял старую лодку и оттолкнулся от берега. Подплывая к противоположному берегу, оглянулся. На косогор, по которому недавно я шел, охранная полиция и гестаповцы вывели на расстрел группу мужчин и женщин с детьми. Я отчетливо слышал детский плач... Несчастные!

В тот же день добрался до окраины Ровно — села Басов Кут, где разыскал дом старушки, у которой мы с Ростиславом жили, когда учились на курсах шоферов. Женщина узнала меня. В ее выцветших глазах стоял немой вопрос: откуда я взялся?

— Иду к добрым людям, решил у вас передохнуть, бабушка. Не возражаете?

— Что ты, милый мой! Чувствуй себя как дома.

Старушка приготовила ужин.

— Не взыщи, сынок, туго нынче с продуктами. — Задержала на мне свой взгляд: — До каких пор еще такое горе терпеть будем? Поговаривают, будто побили идолов, оттого они и свирепствуют, злость на людях сгоняют.

— Недолго уже им на нашей земле хозяйничать, — утешал я женщину.

Утром пошел в город. И сразу наткнулся на шуцманов, проверявших у парней и девушек документы. Не имея при себе никаких справок, я незаметно свернул на другую улицу. Прислушивался к разговорам настороженных людей, по отрывочным фразам определял их настроения.

Запоминал месторасположение немецких учреждений, полицейских участков.

Через два дня я покинул Ровно. В дороге стали донимать водяные мозоли на пятках, они лопались, каждый шаг стоил невыносимых усилий. И тут осенила мысль: что, если раздобыть лошадь? Продвигаясь вдоль леса, я заметил дым от костра, у которого сидели несколько подростков-пастухов. Они вытаскивали из углей печеную картошку.

— Здравствуйте, ребята! — приветствовал их. — Угостите меня?

— Присаживайтесь! — пригласили пастухи.

Я подсел к костру, ребята пододвинули ко мне несколько картофелин. Почистил одну, съел. Очень вкусно. Похвалив ребят, спросил:

— Кто из вас знает на хуторе богатого крестьянина, сын его служит вместе со мной в полиции, в Ровно?

— Знаю, Степан Галанюк! — бойко ответил кудрявый подросток. — Четырех коней имеет. Вон, на клевере они пасутся.

— А хутор его далеко?

— За бугром, крыша чуть видна. Но Степана дома нет, он все время в разъездах.

Обстоятельства складывались как нельзя лучше. Но под каким предлогом взять коня?

Когда я появился во дворе, толстая женщина выбежала на порог.

— Что тебе, хлопче?

— Я от Степана, мы вместе служим в ровенской полиции...

Услышав эти слова, хозяйка подобрела, позвала в дом. Начались расспросы. Я выдумывал всевозможные небылицы.

В комнату вошел хозяин. Он недоуменно смотрел на меня. Жена пояснила:

— От Степана, из Ровно...

Хозяин протянул руку. Перебросились несколькими фразами. Узнав, что я еще не обедал, он распорядился накрыть стол. После обеда я сказал кулаку:

— Выполняю задание начальника полиции. Ваш Степан просил, чтобы вы дали одного коня на десяток дней, на обратном пути верну.

Отлично понимая кулацкую натуру и зная, что ему легче расстаться с жизнью, чем со своим конем, я предупредил:

— Запомни, отец, коня пожалеешь — сына можешь потерять. Дело очень важное и срочное.

Хозяин взял одеяло, уздечку, и мы вместе пошли на пастбище.

— Вот тот гнедой шибко бежит, — указал рукой крестьянин.

— Хорошо.

Накинув уздечку и смастерив из одеяла «седло», я вскочил на коня.

— Надеюсь, не подведешь? — вздохнул хозяин.

— Ну что вы! — с деланой обидой ответил я. — Через десять дней, а возможно, и раньше буду у вас.

— Тогда с Богом!

Вечерело.

Впереди лежало село. В нем жила моя сестра Мария. Как хотелось повидаться с ней, услышать ее голос! Но я не мог навестить родного человека. Если бы чей-то недобрый глаз заметил меня, это бы навлекло беду на сестру, на ее детей. Сердце сжалось от обиды...

Впереди увидел крестьянина, который вел на привязи корову.

— Николай?! — воскликнул он. Это был мой земляк Петр.

— Значит, партизанишь? — с завистью смотрел он на меня. — Слышал, слышал! Вначале говорили, будто ты погиб. Затем сообщили по секрету — бежал в партизаны. Я и друзья радовались за тебя.

— Спасибо, Петр, за теплые слова. И я рад, что вижу тебя бодрым и здоровым. О многом хотел бы переговорить, да времени у меня в обрез.

— Далеко скачешь?

— Не очень. Скажу тебе правду, что не возрадуюсь, если еще кто-то меня встретит.

— Понимаю. И я промолчу. Езжай, увидимся в другой раз, расскажешь.

— Добро!

Под четкий стук копыт я вспоминал знакомые места: в переулке, на возвышенности, виднелся дом сестры Марии. В ее окне мерцал огонек, значит, еще не спит. Знала бы, что проехал мимо — кровно обиделась бы. А вот дом сельского кулака. Во дворе глубокий колодец, в нем — на диво холодная вода.

На пароме переправился на другой берег Горыни. Глухой ночью въехал в районный центр Тучино.

В одном из крайних домов, стоявшем у самой дороги, светились все окна. Я привязал у калитки коня, вошел в сени и ахнул: из комнаты неслась пьяная брань полицейских. Попросил у безразличной к моему появлению хозяйки воды, отпил несколько глотков — и был таков.

Подпругами из веревок натер до крови ноги. Приходилось часто соскакивать с коня и идти пешком. Чтобы сократить путь, поехал полем. Смотрю — наперерез мне бежит крестьянин, что-то кричит, размахивая палкой. Я спросил, за что он меня поносит? Тот ответил, что засеял поле,

а я не ценю его труда. Крестьянин был прав, и я извинился. Тут же пожаловался ему на свое седло.

— Эх, парень, да у меня на чердаке два седла есть! Когда Красная армия отступала, солдаты оставили. Если подойдет — бери!

Седло мне понравилось. Еще бы! Оно было с настоящими стремянами и кожаными подпругами.

Хозяин оседлал коня и, как бы извиняясь за свою брань, сказал:

— Видишь, нет худа без добра.

Проезжая лесом, увидел оборванных людей. Я догадался, что они бежали из концентрационных лагерей. Мужчины и женщины подозрительно следили за мной.

— Не бойтесь, товарищи, я свой! — успокоил их. — Кто у вас старший?

Увидев, что я ничего плохого не замышляю, ко мне подошла детвора. Худые, невымытые мальчики и девочки вызывали чувство горечи и сожаления. Невольно подумал о своих младших братьях — Васе, Славике, о сестре Кате — живы ли они? Какое тяжелое время настало даже для самых маленьких!..

Из кустов выскочил парень.

— Николай! — безудержно радовался он. — Неужели ты? Почему один? Помоги спасти детей!

Взрослые обступили нас и наперебой спрашивали, кто я такой.

Парень знал меня и моего отца по Людвиполю. Встречался с нами в лесу и теперь об этом, энергично жестикулируя, рассказывал друзьям по несчастью.

Меня проводили к старшему. Началась беседа.

— Откуда вы? — спросил я у него.

— Из разных мест, — ответил он. — Здесь и людвипольские, и межиричские, и тучинские...

Женщины, старики, дети с такой доверчивостью смотрели на меня, будто я немедленно мог облегчить их судьбу. Больше других жаловались на тяжелую участь — голод, холод, болезни — женщины-матери. Долго рассказывал о своих скитаниях мужчина с задумчивым лицом — Давид Драхман.

— Летом 1939 года, — говорил он, — меня призвали в польскую армию. В последних числах августа солдаты нашего батальона задержали гитлеровских лазутчиков. Шпионы вели себя нагло, угрожали: «Скоро будете перед нами на коленях ползать». И вот первого сентября на мирные села и города Польши посыпались бомбы...

Уже на третий день войны неожиданно исчез командир батальона. Солдаты возмущались: трусил! изменник! Затем исчезли младшие командиры. Батальон, брошенный на произвол судьбы, ежечасно «таял». Драхман с небольшой группой воинов, жителей Варшавы, пошел к столице. Вражеские войска стремительно приближались. Мосты через Вислу были уже взорваны. Солдаты метались по берегу и, наткнувшись на баркас, бросились в него. Оттолкнувшись от берега, гребли прикладами винтовок. С трудом переправились на противоположный берег.

Из рабочих в столице формировались вооруженные батальоны. К ним примкнули отступившие воины.

Крупные части находились в варшавской цитадели. Они рвались защищать столицу, но предатели польского народа готовили сдачу цитадели врагу вместе с войсками, складами оружия, боеприпасами и продовольствием. На главных воротах крепости стояли патрули — офицеры, никого не впускавшие в город.

А 24 сентября 1939 года Варшава выбросила белый флаг...

Гитлеровцы согнали евреев в гетто. Переодевшись в штатскую одежду, Драхман более трех месяцев скрывался в городе, а потом решил бежать в Советский Союз.

Приобрел билет. Забился в темный угол вагона и прикрылся воротником пальто. С опаской наблюдал за появлявшимися фашистскими молодчиками, их карманные фонарики медленно скользили по лицам утомленных пассажиров.

Наконец, станция Малкино. Отсюда до советской границы — шесть километров. Люди высыпали из вагонов. Но перрон оцепили эсесовцы, часть их ворвалась в толпу и начала всех избивать дубинками. Крик, вопли, стоны повисли в воздухе. Женщины с растрепанными волосами, обезумевшими глазами падали на цементный пол перрона. Драхман бросился бежать.

— Хальт! Хальт!* — погнался за ним эсесовец.

— Jude?**— вцепился гестаповец в пальто Драхмана.

— Цо пан муви? Я не разумею!*** — возмущался задержанный.

— Jude?! — еще злее повторил фашист.

— Не разумею, цо пан хце! — вырывался Драхман. — Естем поляк!****

* Стой! Стой! (нем.).

** Еврей? (нем.).

*** Что пан говорит? Я не понимаю! (польск.).

**** Не понимаю, что пан хочет! Я поляк! (польск.).

В этот момент подскочила какая-то женщина, схватила Драхмана за руку и истерически завопила:

— То ест муй монж! Он поляк! Не рушайце его!* — растолкав оторопевших гестаповцев, женщина вместе с Драхманом скрылась в темноте.

— А тераз спасайце се сами**.

Кто она, спасительница? Осталось загадкой.

Драхман добрался до железнодорожной насыпи у границы. С рассветом он был уже на нейтральной полосе. Здесь ютились тысячи беженцев, они молча лежали на земле под открытым небом, согревая своим теплом малых детей.

С советской стороны появился полковник пограничных войск с адъютантом и пропустил толпу через границу. Так Драхман очутился на советской земле. Приехал во Львов. Вместе с частями Красной армии отступал на восток. Попал в окружение и снова оказался на временно оккупированной гитлеровцами территории.

...Драхман сел на обочине полевой дороги, достал бумажник, раскрыл его — и перед взором несчастного предстала пятилетняя дочурка Лиля. Драхман бережно прикоснулся губами к фотокарточке. Слезы потекли по заросшим щетиной впалым щекам...

А Горынь, безразличная к большому людскому горю, спокойно струила свои воды. На другом ее берегу, в районном центре Гоща, звенели колокола: священнослужители приветствовали фашистов.

Драхман рискнул пойти в Гощу. Там познакомился с таким же, как сам, беглецом — Рихтером. Вместе они отправились на поиск советских партизан. На одном из хуторов встретили мужчину, который приветствовал их на польском языке.

Как позднее узнал Драхман, это был хутор Вацлава Жигадло. Хозяин накормил беглецов и пообещал им достать винтовки и патроны. Свое слово он сдержал.

Судьба свела Драхмана с несчастными и беззащитными людьми.

С тоской смотрел я на обреченных. Задумался: как накормить их?

— Захватите с собой мешки, сумки и идемте со мной! — предложил им.

Полсотни людей двинулось за мной...

* Это мой муж! Не трогайте его! (*польск.*).

** А теперь спасайтесь сами! (*польск.*).

Бывший вахмистр царской армии Кашенцев встретил нас с кислой миной.

— Чем могу быть полезен?

— Люди голодают, надо помочь им! — указал я рукой на толпившихся.

— Все, что в моих силах!..

Помещик, понимая, с кем имеет дело, распорядился выдать пришедшим продукты: овощи, мясо, хлеб, немного соли... На прощанье я сказал:

— Пробирайтесь на правый берег Случи. Между райцентрами Березино и Людвиполем, в лесу, встретимся!

РАСПЛАТА

Опять я повидал Тадзика. Он сообщил, что установил фамилию полицейского, убившего командира Никиту, и разыскал группу Ивана Пихура.

— Можем связаться с ним в любое время.

Мы пошли знакомыми тропами Невирковского леса и встретили здесь боевых друзей. Решение было единодушным — наказать провокатора.

Ночью оцепили Максимилиановку. Сельского старосту дома не застали. «Уехал в Межиричи», — призналась жена.

Разыскали дом провокатора. Постучали в окно. Вдруг с чердака кто-то спрыгнул и кинулся в темноту.

— Стой! Стой!

Раздался выстрел. Но тень исчезла.

— Ушел, подлец! — огорчился Вася.

— Поджигайте хозяйство, пусть знает, предатель, что на этой земле нет ему места! — распорядился я.

В этот момент подкатила пароконная подвода. Оказалось — задержан староста.

— Теперь от ответа не уйдешь! — пригрозили ошеломленному старосте. — Где мать Ильчука Надежда Трофимовна?

— Виноват... Господом Богом заклинаю, виноват, — взмолился кулак. — Она в гестапо. Не губите мою душу, помогу ей освободиться.

— Как, товарищи, поверим ему? — обратился я к партизанам.

— Если освободит мать Ильчука, оставим в живых, но пусть только попробует обмануть! Тогда пощады не будет! — Глинко поводил пальцем перед носом дрожавшего старосты.

— Спасибо, смилосердствовались, — прошептал несколько раз староста.

К нему шагнул Владимир Леонтьев:

— Запомни, если не освободишь мать Ильчука, мы тебя и под землей разыщем!

Близился рассвет. Переправившись на лодке на противоположный берег Случи, мы углубились в лес.

— А кто те двое? — спросил я у Вани Пихура, отозвав его в сторону.

— Всего два дня, как попросились в нашу группу, — объяснил Пихур. — Тот, что повыше, представился капитаном Красной армии, второй — рядовым.

— Как-то ведут они себя странно. Надо к ним присмотреться.

...Прикинувшись простачком, я охотно отвечал на вопросы «капитана» и «рядового». «Капитан» пытался выяснить, сколько людей в нашем отряде, откуда прибыли, кто руководитель, имеется ли радиосвязь и, главное, место стоянки.

— Сегодня ночью, по всей вероятности, они попытаются бежать. Всем быть начеку! — предупредил я товарищей.

На берегу небольшой речушки еще задолго до темноты мы остановились на ночлег. Во время сбора сухих веток и листьев для костра и постели «капитан», по-видимому, пытался незаметно улизнуть, но «прикрепленный» к нему Леонтьев помешал этому, и «капитан» возвратился.

Разложили костер, испекли картошку, поужинали. «Капитан» и «рядовой» нервничали, выдавая себя с головой. Мы разоружили подосланных и доставили их в урочище Три Колодца, где недавно дислоцировался отряд. Но партизан здесь уже не застали.

Я разыскал «почту» в условленном месте — под корневищем сосны. В коробке лежала записка: «Вечером придет разведка».

Когда стемнело, мы услышали: вблизи кто-то трижды свистнул.

— Свои! — успокоил я друзей. — Но все же будьте начеку!

Свистнул в ответ. Из зарослей вышли Володя Попков, Сергей Роцин и Дарпек Абрагим.

— Сам или еще кто-то есть?

— Есть, целая группа!

И вот наконец я в чуме Д. Н. Медведева. Рассказал о всех приключениях. Командир внимательно слушал, уточнял кое-какие детали. А потом обрадовал:

— Сразу после твоего ухода к нам пришли Марфа Ильинична и Катя, — в глазах Дмитрия Николаевича заиграли огоньки. — Теперь все вместе!

— А я привел хороших ребят, — похвалился я в знак благодарности командиру. — Преданных Родине, смелых...

Лазутчиков в отряде разоблачили: они оказались агентами гестапо.

РОКОВАЯ ОШИБКА

В чуме хозяйственного взвода я увидел Ильчука. Вид у него был грустный.

— Что с тобой, Ленья?

— Волнуюсь за родителей. Предчувствую что-то недоброе...

Я проникся сочувствием к этому скромному, честному парню, партизану-комсомольцу.

— Ленья, я расскажу о твоих переживаниях командиру отряда.

...Полковник Медведев снарядил боевую группу и отправил ее в разведку на хутор, где жили родители Лени. Старшим назначил коммуниста Франца Игнатовича Нарковича, белоруса. В состав группы вошли Володя Куляга, Ваня Пихур, Николай Киселев, Ленья Ильчук, Коля Бондарчук, я и еще несколько человек. Задача была поставлена конкретная — разыскать родителей Ильчука и забрать в отряд. В случае их гибели — установить виновников и отомстить.

У села Маренина мы перешли по льду реку Случь; миновали село Глыбочек. Идти было трудно: снега намело по колени. Вперед выдвинулись Владимир Куляга и Иван Пихур. На Максимилянских хуторах Куляга и Пихур свернули к дому, в окне которого мерцал огонек. Я с автоматом наизготовку следовал за товарищами. Стоило залаять псу, как по комнате заметалось несколько силуэтов.

Во дворе стоял мужчина, освещенный бледной луной. Правую руку он держал в кармане. Куляга подошел к нему и молча схватил его за руку. В ней оказался револьвер. Пихур был рядом.

В этот момент из открытой двери одновременно грянули два выстрела. Куляга и Пихур, сраженные, повалились в снег. Вся трагедия свершилась в считанные секунды. Я нажал на спусковой крючок автомата, но последовал лишь один выстрел — автомат отказал. Нервно дергаю

затвор — опять осечка. Тем временем из дома выскочили двое мужчин, схватили автоматы убитых и скрылись.

Косматые облака закрыли луну, стало темно и жутко...

Когда подошла группа и оцепила дом, то в нем, кроме хозяина и его семьи, никого не оказалось. Хозяин рассказал, что неизвестные люди, вооруженные винтовками, потребовали накормить их. Хозяйка сварила картошку, те поели и уже собирались уходить. «Но тут появились у дома вы».

Мы раздобыли несколько пар коней, сани, положили тела товарищей и помчались в обратный путь. В лесу около Рудни-Бобровской похоронили боевых друзей со всеми партизанскими почестями.

Вскоре руководство отряда направило на Максимилиановские хутора вторую группу. В нее включили Колю Бондарчука и Леню Ильчука. Печальную весть принесли они. Мать Лени Надежду Трофимовну после пыток гитлеровцы расстреляли. Отца, который скрылся от преследователей, Ленья не разыскал.

Однажды разведчики доложили командованию отряда, что им стало известно о действиях какой-то партизанской группы, с которой, однако, не удалось установить связь. Местные жители рассказывали о засаде на мосту, около села Топча, на которую нарвались полицейские. В бою было ранено несколько предателей, партизаны забрали их оружие.

В декабре 1942 года группа численностью в пятнадцать человек прошла по Невиркову. На территории немецких складов с зерном и другим продовольствием партизаны без шума сняли охрану во главе с ее начальником, изъяли девять стволов оружия, боеприпасы, гранаты. Затем народные мстители появились в Клецком лесничестве Межиричского района. Лесничий оказался агентом гестапо. Накрыв на стол, он послал гонца в район. Под вечер отряд карателей окружил лесничество. Положение партизан казалось безвыходным. Однако они смело вступили в неравный бой и вышли победителями. Около десятка фашистов были убиты и ранены.

...У дороги Балашовка — Козярник, на лесной опушке, разведчики сделали привал, накормили лошадей и подкрепились сами. От крестьянина, приехавшего в лес за дровами, узнали, что прошлой ночью на Антолинском хуторе отдыхали неизвестные вооруженные люди.

— Сколько их? Знаешь?

— Четырнадцать.

В этой разведке с нами был любимец отряда, незабываемый Николай Иванович Кузнецов. Несмотря на то, что Кузнецову было запрещено проводить побочные операции, он все же выделил несколько человек и

послал их в обход, а сам вместе с Михаилом Шевчуком и мной направился к хутору. На подступах к нему нас окликнули:

— Стой! Кто идет?

У сарая стоял человек. Он трижды свистнул. Из дома выбежали вооруженные люди и залегли. Неожиданная встреча могла кончиться трагически. Но Кузнецов проявил железную выдержку.

— Вы нас не бойтесь. Скажите, кто вы? — спросил он.

— А вы кто такие? — ответил вопросом тот, который стоял у сарая.

— Мы партизаны! — признался Кузнецов.

После минутного замешательства парень, занявший оборону впереди других, выпалил:

— И мы партизаны! Значит, свои?

— Вроде, свои!

Оказалось, что бывшие воины Красной армии бежали из фашистского плена и организовались в боевую группу под руководством Василия Георгиевича Быкова. Они провели ряд операций против гитлеровцев.

Тут же Василий Быков рассказал, что недавно на Максимилянковке их захватили врасплох неизвестные. Приняв их за карателей, быковцы убили двоих, захватили их автоматы и скрылись.

Вот когда открылась тайна трагической гибели Куляги и Пихура...

В ЛУЦКЕ

Вокруг зеленела трава, на деревьях набухали почки. Легкий утренний туман синеющими прозрачными клочьями таял над лесом.

В чум к Марфе Ильиничне зашел ординарец командира отряда.

— Вас, Марфа Ильинична, просит к себе Дмитрий Николаевич.

— Что могло случиться? — встревожилась женщина. Сыновья Ростислав и Владимир позавчера ушли на задание... Учащенно забило материнское сердце. Накинув на плечи платок, она направилась к Медведеву.

Дмитрий Николаевич, заметив на лице Марфы Ильиничны печать настороженности, сказал:

— Мне передавали, что вы нездоровы. Простудились?

— Уже прошло, — улыбнулась Марфа Ильинична.

— Как работается вам? Успеваете стряпать?

— Справляюсь.

Дмитрий Николаевич подошел ближе. В глазах женщины он прочел нескрываемое любопытство и поспешил успокоить.

— Сыновья ваши вернутся завтра. Все благополучно, не беспокойтесь за них.

— Спасибо за добрые слова.

— Ну, а вас я пригласил вот по какому вопросу, — продолжал командир. — Наш отряд должен перебазироваться на новое место, ближе к Луцку. Нам необходимо разведать обстановку в этом городе, узнать, какими силами располагают там фашисты. Например, большой ли у них гарнизон, много ли там обосновалось немецких учреждений? А кто лучше разведает? Конечно, люди, хорошо знающие этот город.

— Так, так, — понимающе кивала головой мать.

— Кажется, у вас там родственники проживают?

— Да, имеются.

Задумалась на секунду и скороговоркой:

— К ним пойти должна только я. С кем хотите увижусь! Бывала в Луцке, там у меня сестра. Чего же, мне в самый раз!..

Дмитрию Николаевичу показалось, что в ее словах даже прозвучала требовательность. Медведев пытался найти ответ на вопрос: что заставляет мать семерых детей подвергать себя риску, не задумываясь о последствиях? Да, на такой подвиг способны лишь мужественные люди, пламенно жаждущие свободы.

— А на кого оставите малышей, Марфа Ильинична?

— За ними присмотрят! Бог же уберег их от худшего! А меня, старуху, кто заподозрит, что я от партизан? Смешно! А пользы я принесу не меньше, чем молодые. В ходьбе не устаю, что к чему, разбираюсь и на память пока не жалуюсь, если плохо с письмом сложится, так я по памяти все и расскажу.

Медведев задумался.

— Не очень лежит сердце к такому решению, Марфа Ильинична. Тяжелая нагрузка для ваших лет. Правда? И здесь без вас останется семья...

— Порешили, товарищ командир, пойду я. Останетесь довольны!

— Хорошо, допустим, пошлем вас. Но, в таком случае, не одну. С вами пойдет еще кто-нибудь. Не возражаете? Так легче будет.

— Полно, Дмитрий Николаевич, зачем так опекать! Не будете на меня в обиде. Но коль считаете, что так лучше, — ваша воля.

— Мы еще вернемся к нашему разговору, Марфа Ильинична. Посовещуйтесь с мужем.

В чум Марфа Ильинична возвратилась возбужденная. Шутка ли! Ей поручили такое дело! Мужу сказала:

— Володя, пойду в Луцк. Отряд просит, сведения нужны. Понимаешь?

Владимир Степанович не сразу все понял. «В Луцк, отряд просит». Да разве мыслимо сейчас, когда на ее руках вся семья! Что, разве помоложе не найдут?

— Как же ты, Марфа! — робко возразил он. — А дети? Сможешь ли ты в такую даль одна?

Марфа Ильинична посмотрела на мужа и сказала почти шепотом:

— Володя, сыновья наши ведь каждый день рискуют! А задание, которое мне доверяют, совсем не опасное. Бог даст, все обойдется.

— Нет, Марфа, ты не оставишь малышей! Я попрошу командира, пусть меня пошлет.

— Пойми же, Володя, я женщина. Меньше подозрений! Кроме того, у меня, а не у тебя там родня, — возразила она с подкупающей ноткой в голосе.

Вспыхнувшее вдохновение, которое теплилось в душе Марфы Ильиничны, как пламя осветило ее лицо. Владимир Степанович давно не замечал у нее такого блеска глаз. Он чувствовал, что именно сейчас не находит в себе ни хитрости, ни настойчивости, чтобы расстроить ее намерения. Еще раз посмотрел в близкие, излучающие тепло глаза и, не скрывая тревоги, спросил:

— Так ты все же решилась?

— Иначе нельзя!

В чуме собрались дети. Мать крепко их обнимала, прижимала к своей груди, ласкала огрубевшими руками.

— Не скучайте, милые, отца слушайтесь.

— А вы надолго, мамочка?

— Нет, милые, скоро вернусь...

В сопровождении Ростислава и группы партизан Марфа Ильинична с партизанкой Ядзей Урбанович вышли к ближнему селу Рудня-Бобровская. От места стоянки отряда Медведева до Луцка было почти двести километров. Путь нелегкий, он лежал через леса, непроходимые болота, густые кустарники. Шли ночью, отдыхали днем. После того, как переправились через реки Случь и Горынь, отдохнули в Киверецком лесу.

— Ну, теперь и расстанемся, — сказал Ростислав. — Отсюда до города доберетесь сами.

Ростислав заглянул в беспокойные глаза матери.

— Будьте осторожны, мама. Мы ждем вас...

Рассвет застал партизанок в дороге на Киверцы. А вскоре они уже были в Луцке. Вот и улица Кичкаровская. Здесь, в доме номер 2, живет старшая сестра Марфы Ильиничны Теофилия. С ней — дочь Мария и ее муж Григорий Обновленный. В этом доме и решила остановиться партизанка. Ядзя отправилась к Прасковье Баранчук.

Марфа Ильинична постучала. Дверь открыла племянница. Увидев знакомое лицо, воскликнула:

— Тетя Марфа? Проходите. Каким ветром вас сюда занесло?

— Попутным!

В первый день никто в беседах не касался «нового порядка». Марфа Ильинична поинтересовалась обстоятельствами, заставившими Григория служить в полиции. При этом приговаривала:

— Оно и рискованно, и неприятно, да и не красит Григория...

— Разве по своей воле? — объяснила Мария. — Устроиться на работу нелегко, мы голодали, а тут подвернулось место... Как было не пойти? А нынче ему выдали полицейскую форму. Скажу вам от чистого сердца, тетя Марфа, в душе не терпит Гриша ни фашистов, ни украинских националистов, да уйти от них сейчас не может. Того и гляди шкуру спустят. Спросят, почему не нравится их власть? Противное дело, да вот так и служит. Ну и жить, конечно, надо. Воздухом сыт не будешь.

Такие доводы не убедили Марфу Ильиничну. Она рассуждала иначе. Многих ведь застигла беда! Натерпелись люди, да и сейчас страдают, а в полицию служить не пошли и поклонов фашистам не бьют. А тут тебе: «Воздухом сыт не будешь... подвернулось место...» Да знают ли они, какво было ей, матери семерых детей, когда ее преследовали жандармы и полицейские после ухода сыновей и мужа в партизаны? С хутора на хутор скиталась с малышами на руках. «Нет, видимо, Григорий не зря стал полицейским», — пришла к заключению разведчица.

Как же теперь открыться? Хозяева квартиры могут ее не понять, откажутся помочь. Придется переждать. Марфа Ильинична решила действовать осторожно, прежде осмотреться, а там будет видно.

— Жаль, а я сердце свое доверить вам собралась. Да как уж тут, коли полицей в доме...

— Вы не злословьте, Марфа Ильинична, Гриша неплохой человек, — обиделась Мария. — А здесь что собираетесь делать? — спросила она тетку.

— Дело есть.

В комнату вошел мужчина в черной полицейской форме. Женщины умолкли.

— Вот и Гриша, — обрадовалась Мария и обратилась к мужу: — Устал? Посиди немного с нами. Чай попьем с гостьей.

Обновленный приветливо поздоровался.

— Издалека? — спросил Марфу Ильиничну.

— Не очень.

— В наших краях давно?

— Первый день!..

Марфа Ильинична вспомнила свою встречу с Обновленным в июне 1942 года. Узнав о том, что старшие сыновья Марфы Ильиничны и муж стали партизанами, Обновленный тогда призадумался. В его представлении Красная армия была почти разбита, гитлеровские войска вторглись далеко в нашу страну. Чтс же могла сделать горсточка партизан, если регулярная армия — и та не выдержала натиска фашистов?

— Пожалуй, никто уже не поможет, — твердил Григорий.

«Что скажет он теперь? Как поведет себя?» — терзали догадки Марфу Ильиничну.

Григорий подсел к столу.

— Значит, в гостях первый день, — и, не ожидая ответа: — Слышал, слышал о том, как летят под откос поезда... Смело действуют партизаны.

От признания полицейского у Марфы Ильиничны потеплело на сердце. Значит, известно, чьими руками все это делается!

— И часто такое случается? — прикинулась она.

— Счет не веду, но досаждают. — Григорий сдвинул брови и понизил голос: — Их постепенно вылавливают, куда же им деваться?..

— Но и жить безмолвно тоже негоже... — голос у партизанки обрвался. «Надо бы умнехенько спрашивать, стороной да обиняками больше, а я прямо», — упрекала она себя.

Григорий уставился в окно. «Права старуха, безмолвно покоряться врагу нельзя». И он бы за дело взялся, да кому об этом скажешь!..

— Ну, я бы таких смельчаков щадил, — неожиданно признался Обновленный. — Да не все через мои руки проходят.

Марфа Ильинична встала.

— А ты, Гриша, мог бы помочь нашим людям?

Эти слова словно электрический ток ударили Обновленного. Потом он собрался с мыслями, успокоился...

— Конечно, мог бы...

Между Марфой Ильиничной и Григорием был проложен мостик доверия.

— Спасибо, Григорий. Дай Бог тебе здоровья, — запричитала рас-
троганная Марфа Ильинична.

Прошло несколько дней, пока Обновленный собрал нужные сведения. Он тщательно записал их и передал Марфе Ильиничне, которая распорол воротник своего пальто и зашила туда листок. И все же сомнения не покидали ее. Правдивые ли эти сведения? На словах Григорий вроде совестливый, а как на деле? Но прикинула в уме: зачем бы он стал ее обманывать? Ведь добровольно согласился помочь.

Ценные сведения удалось раздобыть и Ядзе. Она разузнала, где расположились гестапо и военная жандармерия, достала немного перевязочного материала, йодистой настойки.

Оставаться в городе больше не было нужды. Задание командования было выполнено. Довольные этим, женщины собрались в обратный путь.

СХВАТКА

Хозяйка дома сообщила партизанам: ее муж на рассвете поехал в Луцк за Марфой Ильиничной и Ядзей. Они скоро должны быть здесь.

С дороги донесся грохот повозки. Стоявший часовым у дома Ростислав увидел приближавшихся на подводе мать и Ядзю. Хозяин правил лошадьми. Когда подвода поравнялась с Ростиславом, он, счастливый, бросился в объятия матери.

Хозяин распряг вспотевших лошадей, бросил им охапку сена и вошел в дом. Все вместе сели за стол, подкрепились.

Вечером партизаны попрощались с хлебосольными хозяевами. Хутора и села обходили непроторенными дорожками, кустарниками и заросшими болотами. Над землей уже вставало мартовское утро.

Облюбовав обнесенный забором домик, Павел Банацкий решил расположить в нем разведчиц на отдых.

— Как, место подходящее? — осведомился он у Семена Еленца.

— Неплохое.

Тонкое лицо Петра Аврамовича Загоруйко выражало скорбное недоумение, смешанное с глубокой тревогой. Он хорошо усвоил истину — не доглядишь оком, заплатишь боком. Поэтому несколько мгновений

оставался неподвижным. Исподлобья смотрел на Банацкого и Еленца. Наконец пригласил хриплым голосом:

— Заходите!

Павел Банацкий признался, что с ними партизаны и что им нужно здесь передневать.

— Советским отказа нет, — подобрел Загоруйко и тут же вспомнил, что до войны жена как многодетная мать получала помощь от Советской власти, а нынче этого нет...

Еленец остался с хозяином, а Банацкий пошел в лес за остальными. Кругом было безлюдно, дремлющий покой нарушался только шагами Павла. Неожиданно он заметил человека, притаившегося за деревом.

— Руки вверх! — скомандовал Павел незнакомцу.

Задержанный оказался жителем хутора Островки. В разговоре Иван Грищенко то и дело подчеркивал свою неприязнь к фашистам. Как только отодвинулся фронт, хвастал он, собрал в этих местах бросовое оружие. Об этом узнала жандармерия, и его арестовали. Из тюрьмы удалось бежать, и сейчас он вынужден скрываться. Чтобы убедиться в правдивости этого рассказа, партизаны привели Грищенко в дом Загоруйко.

— Земляком вашим назвался, — показал Банацкий рукой на Грищенко. — Знаете?

— Знаем, — двусмысленно ответил Загоруйко. — Из наших краев. Так оно...

А про себя подумал: «Разве скажешь правду? Убьют. А дети как же останутся?..»

— Значит, не обманывает?

Загоруйко нерешительно мотнул головой.

Вначале партизаны намеревались оставить задержанного под охраной до вечера, но передумали и позволили ему принести упрятанное оружие.

На пороге показалась девушка с тугой косой. Она куда-то убежала. Вскоре вернулась с охапкой соломы и приветливо звала партизан.

В дом зашла вся группа. Позавтракали, расстелили на полу солому и улеглись на отдых. Первым нес вахту у двери Банацкий. Он через щель вглядывался в лес, прислушивался к каждому шороху. И вдруг отчетливо услышал шепот хозяев: «Как хочешь, Петро, а я Грищенко не верю. Ты же знаешь, волк каждый год линяет, а все сер бывает... Плут он, окаянный». — «На слезах людских не станет плясать, поскользнется... И у него есть малые дети! Должен о них подумать!»

В ушах Банацкого отдавалось: «Плут он, окаянный...» Банацкий начал каяться за опрометчивую доверчивость. Но тут же сам себя подбодрил: «Чего панику сеять?»

Однако Грищенко не появлялся. Тревога Банацкого усилилась. Он не захотел волновать остальных. Ничего не сказал о зародившемся подозрении и Ростиславу, когда тот сменил его на вахте.

Уставший и терзаемый грустными мыслями, Павел тяжело повалился на солому...

Резкий визг неожиданно нарушил тишину. Распахнулась калитка, и, словно из-под земли, в ней появилась девушка с тугой косой. Она побежала к двери:

— Немцы! Спасайтесь!

По тревоге поднялись все. Мужчины с оружием в руках выскочили во двор. Девушка, предупредившая об опасности, исчезла. Партизаны видели: дом окружают каратели.

Семен Еленец и Зигмунд Котиевский залегли и открыли по фашистам огонь. С другой стороны отбивались от наседавших жандармов Павел Банацкий и Ростислав.

— Мама! Ядзя! — крикнул Ростислав показавшимся на пороге женщинам. — Бегите в лес, быстрее...

Марфа Ильинична и Ядзя проворно пролезли через пролом в заборе и, пригибаясь, побежали к скирде соломы, стоявшей у леса. Частыми автоматными очередями партизаны прикрывали их отход. «Еще минута — и они будут спасены», — надеялись боевые друзья. Отстреливаясь, партизаны нетерпеливо поглядывали на бежавших к скирде женщин. В этот момент случилось непредвиденное... Несколько фашистов подползли к Еленцу и Котиевскому и убили их. Оставшись вдвоем, Павел и Ростислав стали отходить за дом. Тогда часть гитлеровцев перенесла огонь на убежавших партизанок.

Марфа Ильинична изнемогла, силы покидали ее. Ядзя подбодряла.

— Крепитесь, родная, крепитесь... Скоро... Скоро... Вот...

Задышавшись от волнения и стремительного бега, Ядзя схватила за руку оступившуюся Марфу Ильиничну и потянула ее вперед. Еще несколько усилий — и большая скирда соломы укроет их.

В нескольких шагах от заветной скирды Марфа Ильинична сняла на бегу пальто и кинула его Ядзе.

— Легче мне так, а главное, ты знаешь, воротник...

Ядзя быстро перебросила пальто в другую руку. В лицо пахнул со встречным ветром пряный запах соломы. Вот и скирда... Но что это?

Разгоряченная ладонь Марфы Ильиничны судорожно вырвалась из Ядзиной руки. На какой-то миг женщина застыла с раскинутыми руками и упала навзничь.

— Марфа Ильинична! — испугалась Ядзя. А когда все поняла, заголосила:

— Изверги! Убили... убили... убили!..

Но тотчас же мужество вернулось к девушке. Мертвой Марфе Ильиничне уже не поможет. Пуля пробила голову, с седых волос стекла кровь. Ядзя бросила прощальный взгляд на безмолвно лежавшую седую женщину и устремилась дальше в лес, где можно было укрыться, спасти доверенные ей сведения.

Отстреливаясь от преследователей, Ростислав и Банацкий успели укрыться в лесу. Вокруг все стихло... Не подозревая о постигшем его горе, Ростислав шепнул товарищу:

— Павел, надо разыскать мать и Ядзю и поскорее уйти из этих мест: фашисты устроят облаву.

Банацкий любил Ростислава за его безудержную смелость. Сейчас он с грустью посмотрел на возбужденного юношу. Отступая к лесу, Банацкий видел, как бедная старушка не успела добежать до скирды и рухнула наземь. В ту минуту Ростислав стрелял по фашистам, пытавшимся подкрасться со стороны.

— Мать не ищи, Ростислав, — сказал Банацкий упавшим голосом. — Мы можем разыскать только Ядзю...

Ростислав испуганно посмотрел на товарища.

— Что ты, Павел! Я же видел, как мать за Ядзей подбежала к скирде. Я же видел...

Не договорив, Ростислав положил у ног неразлучный автомат, руками обхватил голову...

НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Большая часть отряда Медведева форсировала реки Случь и Горынь и обосновалась в Цуманских лесах. Новая стоянка находилась в сорока километрах от Ровно и в шестидесяти километрах от Луцка.

Спустя две недели в Цуманские леса перекочевало несколько подразделений партизан во главе с комиссаром отряда Стеховым. На правом берегу Случи, неподалеку от сожженного карателями села

Рудня-Бобровская, осталось лишь незначительное количество бойцов во главе с Виктором Васильевичем Кочетковым и Наполеоном Саргсяном. Им предстояло проводить раненых и детей до партизанского аэродрома и эвакуировать в глубь страны.

Прощаясь с этими бойцами, Медведев сказал:

— Я твердо верю, что вы, славные советские воины, с честью выполните поставленную задачу.

Слова командира были обращены к ста пятидесяти партизанам. Одежда и обувь у бойцов истрепались, они испытывали острый недостаток в продуктах питания и боеприпасах. Но это были люди сильные духом, готовые на любой подвиг во имя спасения доверенных им патриотов.

И вот с сумерками обоз из десяти телег, сопровождаемый двумя взводами партизан, тронулся в путь. Легкораненые шли сами, а тяжело раненые лежали на подстилке из листьев и сосновых веток.

Наполеон Ашотович Саргсян носился на горячем вороном скакуне, следил за колонной, за подступами к ней. Впереди постоянно находился дозор, и Саргсян поддерживал с ним непрерывную связь так же, как и с тыловым охранением. Когда разведчики махали шапками над головой, колонна останавливалась, партизаны занимали оборону.

Вблизи от железнодорожной магистрали Сарны — Олевск сделали привал.

Возвратились разведчики.

— Переезд охраняется, — донесли они, — но снять часовых можно, подходы удобные. Разрешите, товарищ старший лейтенант?

Саргсян испытующе посмотрел в загоревшиеся глаза партизан. «Настоящие герои! С такими не страшен любой враг!» Но, поразмыслив, ответил:

— Нет, рисковать нельзя. Не забывайте, что мы в ответе за жизнь раненых и детей.

Развернул планшет, нашел на карте второй переезд и сказал:

— Двинемся в обход!

Пересекли железную дорогу в другом, безопасном месте.

На незнакомом хуторе разведчиков обстреляли беглым ружейным огнем. Десятка два бандитов, вооруженных немецкими карабинами, пытались отрезать дозор от леса и захватить его. Но подоспевшие на выручку товарищи рассеяли банду дружными залпами.

На ночлег остановились в сосновом бору. Изучили местность, рассредоточили подводы. Вокруг лагеря выставили посты. С севера и

востока лежали топкие болота, с запада раскинулся густой труднопроходимый кустарник. С южной стороны пролегал просека.

— Вот откуда можно ожидать нападения противника, — предостерегал Саргсян.

В этом направлении выдвинулись ударные группы.

Лейтенант медицинской службы Мария Шаталова бинтовала кровоточащие раны лежавших на телегах партизан. Бойцы расположились, кто как сумел: одни дремали, сидя под деревьями, другие улеглись на ветвях и листьях, собранных тут же. В наступившей тишине слышно было, как лошади жевали сено, позвякивая сбруей. Часовые настороженно прислушивались к каждому шороху.

Наполеон Ашотович прилег вместе с остальными, но глаз не сомкнул. Сквозь крону остро пахнущей молодой сосны он смотрел на таявшие звезды. Точно так же, как и здесь, над многострадальной, политой кровью народа украинской землей, — раздумывал командир, — они мерцают над его родной Арменией.

Вспомнил город Ленинакан, улицу Пушкина, где жил до войны. Грустно вздохнул: далеко его забросила судьба. Доведется ли еще увидеть родные, сказочно красивые края?

Когда все уснули крепким сном, Саргсян осторожно, чтобы никого не потревожить, поднялся и обошел посты. Часовой на левом фланге доложил, что он слышал ржание лошадей, доносившееся из лесной чащи.

Саргсян опустился на колени и осветил карманным фонариком карту. При помощи компаса определил точку нахождения отряда, установил, что примерно в двух километрах от просеки проходит лесная дорога. Кто в такое позднее время может там бродить? Партизаны или каратели?

Посоветовавшись с товарищами, Саргсян снарядил и направил к просеке дополнительный секрет с ручным пулеметом.

Занималась заря. В лесу внезапно завязался бой.

Враги окружали лагерь с трех сторон. Грохотали взрывы гранат, стрекотали пулеметы. Эхо предрассветного боя прокатывалось над лесом...

Лес гудел. Трудно было понять, откуда и кто стреляет. Дети в испуге жались к раненым. Все, кто мог, припали к прикладам.

— Умрем, но не сдадимся! — воскликнул Василий Ковалевский. Раненый в грудь, он до этого лежал неподвижно. Теперь же, напрягая все силы, приподнялся, зарядил винтовку...

Кони становились на дыбы, рвали сбрую.

Саргсян перебежал на левый фланг, туда, где усилился натиск противника. Командир сообразил: враг хочет загнать их в болото! Не выйдет! Приказал:

— Расставляйте минометы!

Минута — и минометчики доложили:

— Готово!

— По тылу бандитов — огонь!

Мины не щадили никого — ни всадников, ни лошадей. Застонали раненые. Кто-то из бандитов истерически закричал:

— Нас окружают большевики! Хлопцы, спасайтесь!

Наступил решительный момент. Наполеон повел партизан в атаку. Громовое «Ура!» наполнило лес. Бандиты отступили.

Когда забрезжил рассвет, разгоряченные ночным боем партизаны собрались в лагере. Саргсян выстроил их, сделал переключку. Не отозвался один пулеметчик.

Молча вырыли могилу. Завернули в простыню тело погибшего. Свежий утренний ветерок шевелил волосы на обнаженных головах партизан...

— Дорогие друзья! — взволнованно сказал Саргсян. — Мы навсегда прощаемся с нашим боевым товарищем, который своим подвигом спас раненых и детей. Мы не забудем его!..

Каждый бросил в могилу горсть земли... Прогревели залпы прощального салюта.

Обоз потянулся песчаной дорогой. На пути попадались оседланные кони без всадников.

Партизаны поймали бандита, заблудившегося в лесу. Он и рассказал о провалившемся замысле карателей.

Точно зная место стоянки партизан, банда украинских националистов решила напасть на отдыхавших одновременно с трех сторон. Бандиты хотели захватить обоз, а уцелевших прижать к болоту и на расвете расправиться с ними.

— Но вы разгадали наши планы, — признался пленный, — выдвинули к просеке пулемет, на который мы и напоролись в темноте, прежде чем успели развернуть свои силы. Исход боя решили ваши минометчики. Когда начали рваться мины, нам показалось, будто партизаны зашли в тыл и бросают гранаты.

— Развяжите пленному руки и отпустите его, — приказал Саргсян. — Пусть знает — мы не караем заблудившихся людей, хотя он и заслуживает казни.

Пленник повеселел. Он пообещал навсегда порвать связь с предателями.

Тревожные дни, бессонные ночи остались позади. Обоз благополучно добрался до аэродрома, расположенного на лесной поляне. И сколько было радости, когда звездной ночью послышался рокот самолета! Сделав круг, он приземлился между сигнальными кострами. Трогательная встреча длилась недолго. Немедленно погрузили раненых. Еле поместились. А как же быть с детьми?

— До Москвы далеко, и рисковать не следует! — заявил командир корабля. — И так взяли больше нормы! Ждите следующего самолета.

— Жаль детей оставлять, — обратился к командиру пилот. — Говорят, их мать погибла при выполнении боевого задания, а отец и братья — партизаны. Давай захватим малышей. На счастье!

Командир согласился:

— Ладно, попробуем. Потеснимся!

Пилот торопился: до рассвета надо было пересечь линию фронта.

Взревели моторы. Самолет, пробежав по расчищенной дорожке, оторвался от земли. В воздухе качнул крыльями, развернулся над потушенными кострами и набрал высоту.

Еще до рассвета пересекли линию фронта.

На одном из подмосковных аэродромов к приземлившемуся самолету подъехал санитарный автобус. Раненые партизаны были отправлены в госпиталь.

Катя поступила на работу на Люблинский завод, вблизи Москвы, а Васю и Славика определили в Колычевский детский дом. Затем Вася поступил учеником на Егорьевский меланжевый комбинат, через полгода его назначили помощником мастера по ремонту станков.

Хуже сложилась судьба Славика. Он сильно простудился. Болезнь быстро прогрессировала. Он стал задумчивым, молчаливым. И только при встрече с Васей настойчиво допытывался, когда приедут мама, отец, братья, и, не дожидаясь ответа, вытирал рукавом набегавшие слезы. Мальчик тосковал по родным.

В октябре 1944 года болезнь свалила его окончательно, и вскоре он умер...

МЫ ИДЕМ НА ЗАПАД...

Даже близкие люди потеряли след Янчуков. Между собой шептались: «Янчуки словно сквозь землю провалились!» Кое-кто утверждал, что их замучили фашистские изверги.

Но семья Никифора Яковлевича жила. Преследуемая гитлеровцами и предателями, она скрывалась. И никогда не теряла надежды на возвращение Советской власти. А пока приходилось прятаться.

— Найдется подлец — и донесет на нас карателям, — говорил Никифор Яковлевич, — да еще получит вознаграждение.

Когда в окрестностях появлялись палачи, Янчуки прятались в глухие заросли, забирались на чердак или укрывались в погребе у добрых людей.

— Ничего, — утешал жену и детей Никифор Яковлевич. — Скоро придут наши — за все ответят бандиты...

Близился к концу 1943 год. Красная армия очищала родную землю от фашистской нечисти. Весь наш народ жил мечтой о полной победе над гитлеровскими захватчиками.

С нетерпением ждала освобождения и семья Янчуков. Как-то Мария Александровна спросила:

— Скажи, Никифор, долго мы будем так страдать? Дети изнемогли, да и ты на себя не похож.

Никифор Яковлевич уныло опустил голову.

— Чего же ты молчишь? — не успокаивалась жена. — Надо возвращаться домой...

— И у меня, Мария, болит душа... Но спешить нельзя. Все надо взвесить...

Однако жена настояла на своем.

Однажды вечером Николай воскликнул:

— Наши наступают!

— Что ты сказал? — удивился Никифор Яковлевич.

— Идемте во двор, сами убедитесь! — с этими словами Николай убежал во двор.

Все кинулись за ним, даже больная Тамара выглянула в окно.

С востока доносились глухие взрывы, словно подземные толчки.

— О, Господи! Скорее бы! — заплакала девушка.

В это время мимо дома проходил Иван Рудый. Он злобно покосился на Янчуков.

Тамара увидела Рудого, и у нее сразу испортилось настроение. Односельчане говорили о нем как о разведчике банды... Напрягая память, Тамара силилась вспомнить, от кого она это слышала?..

Гул артиллерийской канонады то утихал, то вновь нарастал. В последнюю ночь 1943 года войска Первого Украинского фронта, слолив сопротивление противника, форсировали реку Случь и на рассвете первого дня нового года освободили Новоград-Волынский. Вот отчего гудела земля, вот к чему прислушивалась с глубоким волнением семья Янчуков...

А центральный «провод» организации украинских буржуазных националистов во главе с платным агентом гестапо Степаном Бандерой издавал «наказы» о физическом уничтожении советских патриотов. Оуновцы волчьими стаями бродили в прифронтовой полосе, устраивали «варфоломеевские ночи».

...Мокрый снег с дождем хлестал по стенам и окнам крестьянской хаты.

Тамара проснулась от скрежета железа. Это ветер играл оторванным куском кровли. Поеживаясь от какого-то внутреннего холода, девушка вспоминала своих подруг и товарищей, которых унесла война. Только сомкнула веки, как во дворе послышались приглушенные голоса. Тамара сорвалась с постели:

— Мама! Папа! Во дворе чужие люди! — беспокойно тормошила она родителей.

Никифор Яковлевич и Мария Александровна проснулись.

— Что с тобой, доченька? — испугалась мать.

— Люди чужие во дворе!

— Где? Какие люди? Тебе почудилось, доченька, ложись!

И как бы в ответ на вопрос матери раздался настойчивый стук в дверь. Янчук кинулся к двери. Тамара удерживала его.

— Не открывай, папа! Это же бандиты, душегубы, они пришли за нами!

Янчук остановился посередине комнаты. Как быть? Лихорадочно соображал: не будут же пришедшие глумиться над всей семьей. Могут убить его одного, а если сопротивляться — всех погубят.

В дверь били чем-то тяжелым, от ударов содрогался ветхий домик. Тамара упорно твердила:

— Не открывай, папа!

— Не бойся, доченька, — успокаивал Янчук. — Зайдут и уйдут. Они ведь люди, не фашисты!

Направился к двери.

— Кто там?

— Свои! Это я, Гриць Юсенко, ваш сосед, — ответил знакомый голос.

В распахнувшуюся дверь ввалились вооруженные люди. Мария Александровна зажгла керосиновую лампу. Бледный свет скользнул по лицам вошедших. Среди них был Юсенко. Женщина почуяла: нависла беда! Попыталась задобрить его, подвинула к нему скамейку.

— Садись, Грицю. Ведь мы когда-то жили в дружбе, не ссорились, как другие. Садись, прошу...

— Не затем пришел, чтобы расслаиваться! — огрызнулся Гриць. — Одевайтесь, на допрос отведем! — распорядился он.

— Я готов! — спокойно сказал Никифор Яковлевич.

— А чего девка улеглась?! Надеется, оставим? — хихикнул глестообразный гайдук.

— Дочь занемогла, бедняжка, — заступилась мать. — Вы же крестные, не станете глумиться над больным человеком, в Бога же веруете! Мы и так пострадали, дальше нет мочи...

— А где же ее ухажёр, вожак партизанский? — кольнул Гриць.

Тамара поднялась с постели. Бросила в лицо:

— Он против немцев борется... Не то, что вы!

— Когда в последний раз с ним виделась?

— Что это, допрос?

— Да, это допрос, — буркнул бандит.

— Вы бы фашистов допрашивали, а не тех, кто сражается с ними! — упрекнула Тамара.

Гриць злобно сверкнул черными глазами и ударил больную девушку в лицо. Тамара упала на земляной пол. Душераздирающий вопль матери огласил ветхую хатенку.

— Что вы делаете, продажные шкуры, проклятые Богом?! — завопила мать. — За что детей убиваете?

Янчук потянулся к винтовке, стоявшей за печкой. Но верзила сбил его с ног.

«Все кончилось!» — пронеслось в голове Янчука. С трудом поднялся на ноги.

— А еще украинцами себя называете!.. Сволочи!..

— Давай, давай, собирайтесь все! Живо! — хрипел Юсенко. — Наверное, большевиков поджидаете?! Не увидите их, как собственных ушей!

— Если я провинился чем-нибудь, — молил Янчук, — то берите меня одного! Убивайте, а при чем тут они?

Юсенко не унимался:

— Не разговаривай! — повернулся к подчиненным: — Всех берите!

Янчукам связали руки и увели. Угрюмый Никифор Яковлевич. Сгорбленная, плачущая Мария Александровна. За отцом и матерью — больная Тамара. За ней — братья Николай и Саша, прихрамывавший на искалеченную ногу, тот самый Саша, который оберегал нас в запертом доме...

Среди бандитов был оуновец с топором на плече. Дружки называли его Гадюкой.

Янчук в отчаянии крикнул:

— За что же отнимаете жизни у детей?! Убивайте меня, а их — не смейте! У тебя же, Гриць, тоже есть сын. Неужели ты хуже зверя?..

— Становись на колени, не агитируй! — прошипел Юсенко.

И здесь случилось неожиданное: худенький юноша со спокойным лицом шагнул к палачу первым:

— Бей меня вместо отца!

Даже палачи вздрогнули от этих слов.

— Ну, чего стоишь, Гадюка? Руби его! — иступленно крикнул Гриць.

— Клятые детоубийцы! Вам никогда не смыть нашу кровь! — неслись проклятия, раздирая тишину украинской ночи...

А когда рассвело, жители близлежащего хутора похоронили патриотов. На опушке вечнозеленого соснового бора вырос одинокий холмик...

Мы нашли его, когда советские войска стремительным маршем шли на запад. Молча стояли у могилы, обнажив головы. Сколько гнева кололо в наших сердцах!.. А я страдал больше всех... Разве мог я передать словами то, что чувствовал в эти тягостные минуты?..

...Мы шли на запад.

Мокрый снег бил в суровые лица. Еще долгим был путь к победе. Но мы уверенно вышли на ее светлую дорогу, помня о тех, кто, не щадя своей жизни, боролся с фашистской скверной.

Мы шли на запад...

**Сын
политкаторжанина**

УРОКИ ДЕТСТВА*

Свирепо бушевала январская метель на западной границе российско-го владения. Наступил тревожный 1904 год. По заваленным снежными сугробами дорогам из Брестской крепости в далекую дорогу выступал военный гарнизон. В кавалерийской шеренге на горячем скакуне гарцевал невысокий, коренастый, крепкого телосложения молодой всадник с красивым загоревшим, словно бронзовым лицом и пышными пшеничными усами. Своими ясно-серыми глазами, поблескивавшими из-под нависших пшеничных бровей, он беспокойно окидывал провожавшую их толпу.

— Максим! Максим! — слышался тревожный женский голос из толпы.

Остафов приподнялся на стременах и ловко обернулся в седле.

— Сейчас, Меланья! — отозвался он, заметив свою жену, пробивавшуюся из толпы чуть ли не под копыта двигавшейся конницы. Свернув чуть в сторону, Максим Иванович соскочил с седла, ведя за узды вороного скакуна, и подошел к Мелании.

— Надолго ли, Максим, покидаешь нас с малышкой? — взволнованно спросила женщина, оказавшаяся в объятиях молодца. Ее статная фигура вздрагивала от волнения, а розовый румянец на нежных щеках придавал ей особенную нежность и красоту.

— Не знаю... Не буду пророчить. Но, поверь, если жив останусь, при первой же возможности прилечу к тебе, ласточка родная. Береги дочку, жаль — не сына оставляю, был бы тебе защитой, — торопливо говорил он сдавленным прощальным голосом. — Береги себя, Мелания. Жди, вернусь, будь уверена! К тебе на крыльях прилечу с Дальнего Востока!

— Чья это такая красотка? — обратился один вахмистр к другому, когда они проезжали рядом на вороных скакунах.

* Повесть публикуется с небольшими сокращениями (Прим. ред.).

— Ефрейтора нашего, Максима Остафова! — задорно ответил приятель.

— Смотри, не наглядится! С удовольствием остался бы я здесь, в крепости, развлекал бы ее, клянусь Богом! — продолжал первый.

— Умен ты, Федор, и вкус у тебя неплохой, ей-богу! А ведь только что так горячо рвался японца бить. Что, раздумал, небось? — острил приятель.

— Да разве удержишься перед этакой... Любого пленит, не то что меня!

Кавалерийская колонна неудержимо двигалась сплошным потоком вперед, и вместе с ней скрылся из ясно-голубых глаз стоявшей недвижимо Мелании ее самый близкий и дорогой человек — Максим Остафов.

А вскоре здесь стало известно: в ночь на 27 января японский соединенный флот без объявления войны внезапно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре и нанес ей серьезные потери. После этого поражения у Чемульпо в неравном бою с крупным отрядом японских кораблей, чтобы не попали в руки врага, были потоплены вместе с экипажами крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец».

Эта тревожная весть молнией облетела Российскую империю.

Сообщение с Дальнего Востока крайне обеспокоило Меланию. «Судьба моего верного друга в Божьих руках, — утешала себя женщина. — Он любит меня и вырвется из пекла на берегу Западного Буга, если, конечно, жив останется».

...Стальные колеса монотонно стучали о стыки рельсов, унося на Дальний Восток солдат, коней, орудия, боеприпасы. Среди веселых русских смельчаков грустил лишь Максим Остафов. Иногда из распахнутой двери вагона вырывалась на простор мелодия русской песни. Среди голосов выделялся сильный грудной тенор Максима. В своем сердце он увозил на Дальний Восток и любимую Меланию. Нередко сидел одиноко на полу солдатского вагона, охватив колени руками и опустив в раздумьях русую голову. Максим вспоминал недавние события своей жизни — то, как его призывали в армию, как после армии познакомился с девушкой, затем свою свадьбу с ней, появление первого сына Саши, его смерть в семимесячном возрасте от крупозного воспаления легких. Переживания... Затем рождение дочери. По настоянию молодой матери ее окрестили Олей. А теперь он с тысячами защитников родины направляется в далекий Порт-Артур, где, возможно, сложит свою голову за народ российский и батюшку-царя в бою с японскими самураями.

20 декабря была сдана крепость Порт-Артур, что окончательно решило главный вопрос войны — о господстве на Японском море.

После захвата Порт-Артура японские войска перешли в наступление. Максим Остафов в рядах русских войск активно участвовал в крупных операциях: Ляоянском сражении в августе 1904 года; в сентябрьском безрезультатном сражении на реке Шахэ; наконец, в грандиозном Мукденском сражении в феврале 1906 года. За проявленное мужество и отвагу в этом бою Остафов командованием царской армии был награжден саблей с серебряной рукояткой и новым самопалом с позолоченной насечкой рукоятки. Потерпев в этом бою крупное поражение — около 90 тысяч убитыми и пленными, русские войска отошли на Сыпинские позиции, где оставались до конца войны. Боеспособность армии к тому времени заметно снизилась. В ней росли революционные настроения.

В августе 1905 года был заключен Портсмутский мирный договор, по которому к Японии отошли Квантунский полуостров с Порт-Артуром и южная часть Сахалина.

После заключения Портсмутского мирного договора царское правительство приступило к переброске войск в Россию для подавления революционного движения.

Максим Остафов, будучи революционно настроенным, отказался участвовать в подавлении восставшего народа, был демобилизован из армии и возвратился к семье в город Брест.

— Давай уедем в Макеевку, к отцу, — как-то предложил Максим жене. — Он уже стар, я у него единственный сын, все-таки будет ему какая-то помощь, да и Макеевка для меня — родной город!

Не задумываясь, Мелания ответила:

— Ну что ж, Максим, если так решаешь, я согласна! Правда, буду скучать по родным белорусским краям, по своему народу.

— А что дал он тебе, этот убогий край? К тому же, никаких перспектив у нас здесь нет. По кому скучать-то будешь? — с ноткой ласкового укора говорил Максим.

— Ты правду говоришь, Максим. Хоть и не видела я здесь хорошей жизни, но тужить по родным местам все равно буду...

Мелания любила свой бедный край.

Итак, в начале 1906 года Максим Остафов вместе с семьей возвратился в Макеевку.

Отец Максима, Иван Иванович Остафов, работавший мельником у известного украинского сахарозаводчика Терещенко, радушно принял сына с молодой невесткой и голубоглазой внучкой Олей. Отвел им

комнатку в помещичьем домике, стоявшем неподалеку от мельницы. Дни и ночи работала мельница, побрякивая ковшом. В обязанности старика-мельника входило также сторожить помещичье добро.

За свою работу Иван Иванович получал тридцать рублей царской чеканкой. По тогдашним меркам он считался довольно грамотным человеком: он закончил трехлетнее церковно-приходское училище.

С неделю Максим жил у родителей как дорогой гость, а когда освоился, стал скучать по службе.

— Как думаешь, отец, не пора ли мне за дело браться? — спросил Максим.

— Думал я уже над этим, — отвечал отец. — Да пустые думы мои. Куда тут в селе пристроиться? Видимо, здесь ничего не получится.

— А что, если в волость обратиться? Вдруг найдется добрый человек, откликнется...

— Верно, стоит. Сходи, Максим, попытай счастья!

В дождливую осень 1906 года стройный отставной ефрейтор Максим Остафов направился в Узинскую волость и появился в кабинете волостного писаря. Тот, чуть приподняв голову, осведомился:

— А грамота у вас какая?

— Четырехлетнее церковно-приходское училище, господин писарь.

— Жаль! Немного опоздали. Недели две тому назад была вакансия помощника писаря волости. Но увы! — он широко развел руками. Повторил: — Жаль, жаль, опоздали.

— Ну что ж, раз нет, значит, нет! Спасибо за доброе слово! — поблагодарив добродушно, Остафов направился к двери.

Неожиданно писарь окликнул его:

— Молодой человек!

— Слушаю, господин писарь, — повернулся к нему Остафов уже около двери.

— Вспомнил! — воскликнул писарь. — Есть вам должность.

— Какая, господин писарь?

— Вратником волостным пойдете?

— Никак нет! — решительно, с ноткой возмущения в голосе отпарировал Максим.

— Почему же вдруг так? — обидчиво осведомился писарь.

— Я из армии демобилизовался, чтобы против своего народа не идти, поэтому и здесь не намерен...

— А, вот оно что! Ясно! — настороженно протянул писарь, нахмурив косматые седые брови.

Максим ни с чем возвратился домой. Он обо всем доложил отцу.

— Молодец, Максим! Одобряю твои действия. А теперь послушай меня. Я уже стар, и сил у меня на такой должности, как сейчас, трудиться нет, я договорюсь с паном Ржепецким, вместе будем работать на мельнице. Как думаешь?

— Я согласен, отец, куда же теперь деваться.

...Терещенко передал здешние три экономии* своему зятю Иващенко. Главной из них являлась экономия в селе Макеевка.

За селом сразу же начинался квадратный пруд площадью в пять десятин, над его зеркальной поверхностью, местами покрытой камышом, нависали плакучие ивы и вербы, а на южном берегу красовался буйный дубовый лес. Примерно в километре за селом, там, где кончалось серебристое зеркало пруда, шумела водяная мельница. Немного поодаль виднелись первые хаты хутора Василивщина.

Посередине пруда виднелся сказочный по своей красоте остров. Он образовался там при сооружении водоема. По его берегам трепетали на вольном ветру березы, душистые липы, косматые плакучие ивы, привезенные из-за границы декоративные растения, и здесь же, утопая в буйной зелени, стояла сказочная беседка. На возвышенности, почти у самого пруда, красовался трехэтажный помещичий дворец. От него не островок пролегал деревянный мостик. И почти рядом с дворцом в двухэтажных офисах размещалась господская обслуга: ключница, лакеи, горничные, кучеры и конюхи, отвечающие за выездных лошадей.

Детям крестьян и батраков категорически запрещалось купаться в пруду, посещать помещичий сад и островок. Здесь за порядком строго следил стражник пана Ржепецкого, арендовавшего у Терещенко землю. И если попадался ему нарушитель — пощады не было.

Иващенко со своей свитой в дождливые осенние дни уезжал за границу, там зимовали, а вместе с аистами весной снова возвращались сюда, в эти сказочно красивые места.

У Ивана Ивановича Остафова были золотые руки. Он слыл непревзойденным плотником, вытачивал изумительные прялки, гнул ободья для колес, мастерил возы и при этом был хорошим мельником.

На мельницу съезжались батраки из второй экономии помещика Иващенко — Софиевки, а также из третьей — Василивщины; они привозили молоть зерно. Помещичьи угоды от батрачьих отделялись неглубоким оврагом.

* Экономия — здесь — в значении «хозяйство, землевладение» (*диал.*).

Стражник, которого звали Иваном Ивановичем, круглые сутки стерег помещичьи угодья от посягательств крестьян. Он даже в ненастную погоду на верховой лошади объезжал поместье.

Пан Ржепецкий арендовал у помещика около пяти тысяч десятин. Он постоянно держал наемную рабочую силу: конюхов, воловиков, ездовых — всего более пятидесяти человек. Они обеспечивали уход за тягловой силой хозяйства. Остальные работы выполнялись поденными рабочими. А платил он им столько, сколько самому угодно было, ибо, кроме как к нему, на заработки крестьянам некуда было больше податься.

Вскоре семья Максима Остафова пополнилась. Девятого мая 1907 года (по старому стилю) у Оли появился брат. Новорожденного, родившегося накануне престольного праздника «Перенесение мощей святого Николая Чудотворца», называли Николаем.

Оля пасла гусей, а с ней рядом, играя, бегал, а иногда помогал сестре пасти сварливых и неугомонных пернатых белокурый малыш. Максим не мог нарадоваться своим сыном. Да это и понятно. Отец беспокоился за продолжение фамильного рода. Коля постоянно ощущал теплое отношение отца, он тоже по-детски был привязан к нему. Часто бывал с ним на мельнице, гулял по берегу пруда. Малыш рос смышленным, любознательным, был развит не по годам.

Нередко, играя вместе с детьми батраков, Коля сквозь щели в заборе с любопытством и детской завистью наблюдал за игрой в саду детей помещика и прислуги; остальным детям вход туда был строго воспрещен. Малыш также наблюдал, как Ржепецкий и его стражник не раз полосовали плетью батраков и их детей. Тогда Коля бежал к отцу и задавал ему самые невероятные вопросы:

— Отец, что нужно сделать, чтобы все люди жили так, как пан Ржепецкий? Почему все дети не играют в том саду, где дети Ржепецкого? Ведь места там очень много, хватит всем нам! Почему только им разрешается там играть?

Максим, как мог, старался все объяснить сыну. Он отвечал:

— Подрастешь, сынок, поймешь! И может так случиться, что все дети будут играть в том саду!..

Кроме Максима, у Ивана Ивановича Остафова детей не было. Старик понемногу копил деньги, чтобы после своей смерти не оставить сына в помещичьей зависимости. Наконец ему удалось купить небольшой участок земли, поставить хату.

Максим по своему характеру был веселым, общительным человеком. Он любил пошутить, пооткровенничать. В церковные престольные праздники, когда Максим со своими единомышленниками и родственниками собирались за рюмкой хмельного, лились грустные, а иногда и веселые мелодии русских и украинских песен. Среди могучих грудных голосов выделялся голос Максима — богатый мужской тенор.

Ой, наступала та чорная хмара,
Став дощ накрапати,
Ой, зібралася наша босота
До корчми гулять...

Но самыми любимыми песнями Максима были «Бродяга» и «Ермак». И если сельские парни их пели, то далеко над тонущей в садах Макеевкой был слышен могучий голос Максима:

— Гей, баргузин, пошевеливай вал,
Пуля стрелка миновала...

...Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили.
Сибирь Руси покорена,
Но мы не праздну в мире жили!..

К Максиму Остафому батраки села обращались не только как к грамотному по тем временам земляку, но и как к чуткому, отзывчивому человеку. Он разделял народное горе и, в свою очередь, участливо откликался на просьбы своих земляков — односельчан, угнетаемых слугами помещика. По соседству с хижинами, в которых ютились семьи батраков, размещался помещичий свинарник, двери которого были обращены к дверям и окнам батрацких хижин. В летние жаркие дни удручающий запах нечистот распространялся в дома батраков, и они просили помещика, чтобы двери перенесли на противоположную сторону свинарника. Ржепецкий с негодованием отвечал:

— И свинарник, и чвораки принадлежат мне, а вы — мои батраки! Живете так, как мне угодно! Мало ли, что вы вздумаете переделывать!..

И когда переговоры с Ржепцем не привели ни к чему, батраки пожаловались Максиму. Остафов знал, как тяжело живется людям в чвораках, стояли жаркие дни, у многих были больные дети. В окнах и дверях роились большие мухи, залетавшие в жилые помещения прямо из

свинарников. Из-за этих нечистот трудно было уберечь детей, да и взрослое население от заразных заболеваний.

Максим несколько дней обхаживал пана, рассказывая ему о плохих условиях, в которых живут батраки. Он настойчиво просил перенести дверные проемы на противоположную сторону сарая. Наконец Ржепецкий согласился. После этого случая не только взрослое население барачков, но и дети с благодарностью отзывались о добром мельнике.

Хотя и малым был тогда Николай, но он часто бывал с отцом, видел его отношение к людям, его добрые дела, справедливость, чуткий характер, отзывчивое сердце. Коля учился у отца любить людей, простых тружеников, и ненавидеть эксплуататоров, богачей-помещиков. Были случаи, когда мальчик обращался к Максиму с серьезными вопросами:

— Папа, а что нужно для того, чтобы все люди жили так, как живет стражникам и панам?

Максим добрыми серыми глазами удивленно приглядывался к сыну, гладил его по голове рабочей мозолистой рукой и безнадежно отвечал:

— Тяжело, сынок, это сделать...

Но мальчику уже было недостаточно таких ответов. Он уточнял, задавал новые и новые вопросы. Максим порой затруднялся дать внятный ответ на прямые вопросы сына...

А однажды случилось так: сосед Остафова Демид Бойко погнал лошадей на пастбище в овраг. По ложбине оврага пролегла граница, разделявшая угодья помещика и крестьян.

Демид Бойко спутал лошадям передние ноги, подогнал к пастбищу и оставил их одних, а сам немного отошел, уставший, прилег на траву и уснул. Лошади же постепенно перешли на пастбище помещика. В это время стражник объезжал угодья. Он соскочил с коня и, подойдя к спавшему Демиду, изо всей силы начал стегать его плеткой.

Коля, игравший неподалеку, увидел это и поспешил к своему дому. Он разыскал отца и сообщил:

— Отец! Там стражник избивает дядю Демиду!

— Где? — воскликнул возмущенный Максим.

— Вон там, в овраге! — указал рукой Коля.

Максим бросился на вырубку крестьянину.

— Ты что, подлец, истязашь человека! А ну отойди немедленно! — потребовал Максим.

— А твое дело какое? Добродетель нашелся! — с угрозой кинулся стражник на Максима.

— Ах, вон как! На, получай! — рявкнул с ненавистью Остафов. Он, словно кувалдой, ударил кулаком в голову стражника. Тот покачнулся, потерял равновесие и упал, жадно хватая ртом влажный воздух.

— Вставай, скотина! Лежачих не бью! — закричал разъяренный Максим.

Стражник, почуяв силу и опасность остафовского кулака, продолжал лежать — видимо, решил переждать. Тогда Остафов своими сильными руками схватил стражника за плечи, поставил его на ноги и снова врезал кулаком в скулу. Стражник вновь упал, а Остафов, не оглядываясь, пошел к своему дому. За ним следом бежал возбужденный увиденным Коля.

Стражник же запомнил все происшедшее и подыскивал удобный случай, чтобы отомстить Максиму. Наконец такой случай подыскался. Дочь Максима, Оля, пасла гусей, рядом с ней играл брат Коля. Вдруг гуси забеспокоились, замахали крыльями, начали галдеж, затем стремительно поднялись в воздух и, пролетев некоторое расстояние над речкой, плавно опустились на помещичьи угодья. Оля со слезами бежала вслед улетевшим гусям, а Коля что было сил помчался к отцу и сообщил о случившемся.

Максим побежал на поиски дочери. Вдруг он заметил, как стражник гонит впереди своей лошади стайку его гусей, а вслед за ним бежит плачущая Оля.

На его глазах стражник раздавил двоих гусей копытами лошади. Гуси шумели, галдеж стоял невероятный. Максим, не раздумывая, схватил палку и начал бить ею стражника, отнял гусей, и Оля погнала их домой.

Стражник скрыл оба факта от помещика то ли по причине стыда, то ли от страха перед Остафовым. Но жажда отомстить затаилась в его душе.

Одним из близких друзей Максима являлся Тарас Рубен. Расстались они, когда Максима призвали в армию. В период крестьянских волнений Тарас принимал самое активное участие в разгроме и поджогах помещичьих имений на Киевщине, за что в 1906 году был осужден уездным судом Василькова и сослан в Сибирь на поселение. Лишь через шесть лет Тарасу удалось вернуться в родное село Макиевку. И друзья вновь встретились...

Шли годы, Николай рос крепышом. Максим часто брал сына с собой, посещая своего друга Тараса, а также и других близких друзей. Коля становился свидетелем и внимательным слушателем душевных бесед друзей отца — его односельчан. В этих беседах звучали обида и ненависть в

адрес порабощенных, и эти откровенные высказывания глубоко западали в его юную душу. Уже в то время Николай научился хранить доверенные ему тайны.

Наряду с остроумием и умением хранить тайну, Николай Остафов с самых юных лет обладал и волевыми качествами характера: бывало, упадет, больно ударится, но не заплачет, не пожалуется никому, даже самому близкому человеку — матери.

Старшая сестра Николая, Ольга Максимовна, вспоминает такой случай. Николаю было всего четыре годика. Вместе с ней он побежал в клуню, и они стали баловаться у веялки. Когда Оля прокручивала ручку, Коля с другой стороны случайно сунул руку к переводным шестерням, и ему раздавило большой палец правой руки — весь кончик первого сустава. Малыш, зажав изувеченный палец левой рукой, стоял с побледневшим от боли лицом, но не плакал. В этот момент появился отец с кнутом в руке. Оля с перепугу убежала, и Максим лишь по ее лицу определил, что случилось что-то недоброе. Он подошел к мальчику и понял, что произошла беда. Отец схватил сына на руки и побежал в Василовщину к фельдшеру. Тот осмотрел изувеченный пальчик и, обратившись к мальчику, сказал:

— Ты не волнуйся, Коля! Я сейчас сниму кожуру, и все зарастет.

Коля сидел неподвижно, доверительно поглядывая прямо в глаза своего спасителя. Фельдшер ампутировал первый сустав пальчика, забинтовал его. Коля даже не заплакал.

...Прошли годы, Николай Остафов состоял в рядах Ленинского комсомола, затем в партии, и когда приходилось при голосовании поднимать руку, он всегда подымал левую. На правой было заметно отсутствие сустава большого пальца.

— Иногда неудобно, — откровенничал Николай.

МОТРИНА СУДЬБА

Арендатор Ржепецкий по своему характеру был деспотичным и подлым человеком.

Он лично, его эконо́м — высокий жилистый поляк с черной пружинистой чуприной на продолговатой голове и длинными усами, а также надзиратели и стражник издевательски относились к батрачкам-крестьянкам. Они не считались с их человеческим достоинством, обзывали их холопками. А те, бедняги, не имея никаких средств к существованию,

вынуждены были трудиться на помещичьей земле от зари до зари за мизерную плату и терпеть эти унижения.

Законы царского самодержавия были на стороне поработителей, и на их произвол бедный труженик ни у кого не мог найти управу.

Молодые девушки — красавицы Макиевки — не раз являлись жертвами пана эконома. Бывало, девушки работают на прополке свеклы, убирают хлеб за косилками, а эконом подзывает к себе прислужника и, указав на понравившуюся ему жертву, приказывает: вон ту подмени и направь ко мне в контору за деньгами, понял?..

— Понял, пан эконом, — отвечает прислужник. После такого распоряжения перед «избранницей» лежало два пути: в контору эконома или навсегда с работы. Так появлялись незаконнорожденные дети, так нарастала ненависть и росли проклятия в адрес поработителей и царского самодержавия.

А разве сами помещики вели себя благороднее? Конечно, нет.

Сын помещика Иващенко, паныч, облюбовал в селе одну из самых красивых девушек — Мотрю Реку. Но так как встречаться с ней, бедной крестьянской девушкой, в селе для него было позорно, он сделал так, чтобы она была принята на работу горничной в помещичью усадьбу. Здесь подлый паныч воспользовался ее беззащитным положением. А родители «почтенного паныча», заметив, в каком положении находится Мотя, изгнали ее со двора, и она пошла с родившейся у нее дочерью нищенствовать.

Мотя долго не могла выйти замуж, а нерезумные люди ее презирали, многие посмеивались над ней, не понимая того, что эта честная сельская красавица из-за помещичьего произвола стала жертвой мерзкого пана. И лишь в 1921 году, будучи немолодой уже женщиной, Мотя вышла замуж за вдовца с тремя детьми в соседнее село Краевое. Вдовец же, оказавшись непорядочным человеком, всегда упрекал Мотю панычем, терзал и издевался над ней.

Простые крестьяне бросались во все стороны, искали правды, проклиная произвол, но... правды нигде не находили. И лишь когда появились люди, которые пришли от самого Ленина, они в селе разучивали песню:

Вставай, проклятьем заклеименный
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов...

Мы свой, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...

Коля жадно вслушивался в слова этой песни и снова озадачивал Максима вопросами:

— Отец! А как понимать: «кто был ничем, тот станет всем?» Или: какой мы мир построим? А куда же этот мир денется? — с детской наивностью удивлялся Коля.

И теперь Максим уже с большей уверенностью объяснял:

— Такой мир, сынок, построим, что все дети бедняков будут играть и купаться в нашем саду, в нашем пруду! Вот так! Понял?!

* * *

Сельские ребята, парубки, не всегда насмешливо относились к Моте, к ее несчастливой судьбе. Понимая ее бессилие и подлейший поступок пана, по совету Максима они решились на дерзкий по тем временам поступок.

В заговоре, кроме Максима, участвовало всего двое смельчаков. Когда над селом опускались сумерки, они зорко наблюдали за выходом из помещичьего парка к пруду. Так прошла вся неделя. И вдруг в субботу, как только солнце опустилось за горизонт, смельчаки заметили, как из распахнувшейся калитки вышел паныч и преспокойно направился к пруду. Он долго прогуливался, когда же совсем стемнело, паныч по дамбе стал приближаться к дому. Возле калитки в сад его внезапно окружили какие-то люди. На голову панычу тут же набросили мешок, который завязали на животе крепкой веревкой. В его глазах потемнело, с перепугу у него перехватило дыхание. Повалив его на землю, парубки стали угощать паныча пинками, приговаривая:

— Вот так, чтобы хорошо запомнил, как над сельскими девушками измываться!

— Достаточно, ребята, а то Богу душу отдаст! — спохватился наконец один из нападавших.

Все бросились наутек, оставив на дороге безжизненно лежащего, связанного в мешок паныча. К его счастью, вскоре этой дорогой проходил стражник. Он споткнулся о лежащее тело и упал на дорогу, со злобой выругался:

— А, пся крев!* Холера!

Он осмотрелся и начал ощупывать руками, кто же лежит на дороге, и вдруг понял, что перед ним лежит человек без сознания. Он испуганно подскочил и помчался к Ржепецкому. А Ржепецкий уже места себе не

* А, пёсья кровь! (*польск.*). Буквально — в значении «сукин сын».

находил — паныча не было к ужину! «Что с ним? Где он?» — волновались все в доме.

Бросились к пруду, впереди всех, перепуганный насмерть, бежал стражник.

— Он! Паныч! — завопил кто-то из прислуги. — Чуть дышит!

— Докторе, мосце пане. Преидко! — истерически кричал эконо́м.

Чуть живого паныча извлекли из мешка, притащили во дворец, где его еле удалось привести в чувство.

Крестьяне в селе понимали, чьих это рук дело, за что пришла пану расплата, они шептались между собой, но никто не выдавал тайны.

«БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК!»

...Широкой пыльной улицей села двигалась ватага пьяных мужиков. Сердитый днепровский ветер тербил со всех сторон взлохмаченные буйные чуприны. По селу раздавалась дикая нецензурная брань. Бедно одетые мальчишки с любопытством провожали их, следуя на безопасном расстоянии.

Из-за поворота улицы навстречу пьяной ватаге шли двое: старший по годам — рослый богатырь, одетый в рабочий костюм, изрядно покрытый мучной пылью, и второй, такой же крепкий на вид человек, чуть пониже ростом и помоложе первого.

— Максим, давай свернем с дороги от пьяного купечества. Они обязательно полезут в драку. Сам знаешь — ненавидят нас и ищут любого повода, — предложил мужчина помоложе.

— Кому уступать собрался? Паукам подлым?! — возмутился Остафов. — Мы идем своей дорогой.

— Послушай, Максим. Их ведь много. Нам несдобровать, — настаивал первый. — Давай свернем с дороги, обойдем их.

— Чего ты боишься? Если страшно, уходи! — продолжая путь, Остафов добавил: — Мы ведь их не трогаем. Улица широкая. Что ж это такое, и по родной земле ходить с опаской?

— А, мельник! Максим, голодранец! — завопил зычный голос приближавшейся толпы, кинувшейся наперерез идущим. — Сейчас потолкуем, какие мы тебе пауки... — хрипели все в один голос.

— С пьяными мне нечего толковать! — выпалил Максим, пытаясь пройти мимо, не останавливаясь.

— Погоди, погоди! От нас не так-то легко уйти. Раз мы встретились, давай потолкуем! — настаивал самый бойкий в селе сын кулака.

— Мне не о чем с вами толковать. Идите, идите своей дорогой, пока ноги вас несут!

— Ишь, каков! Голодранец! Командует нами! — шипели пьяные кулаки, плотным кольцом окружив Максима. Максим попытался пробиться из кольца.

— Уйдите, говорю, с дороги. Ведь не трогаю!

Так завязалась перепалка. Взметнулись в воздух колы, выхваченные из поредевшего частокола. Послышались удары, вопли, крики. Максим также вооружился колом и разогнал нападавших на него. Все кинулись врассыпную с бранью и угрозами. Максим оглянулся, сплюнул через плечо и молча зашагал к своему дому.

Но на этом дело не закончилось. Кулаки затаили звериную злобу и вскоре после драки напали на Максима Остафова...

Была темная осенняя ночь, Максим возвращался уставшим с работы, и чья-то неведомая рука бросила ему в голову ржавый нож.

Потеряв сознание, истекая кровью, Максим провалялся на этом месте всю ночь. Мелания Ивановна всю ночь глаз не сомкнула, а когда рассветло, она обнаружила Максима без сознания лежавшим на земле неподалеку от дома. С помощью детей его перенесли в избу. Он не подавал никаких признаков жизни. Все страшно плакали, думая, что он уже умер. Она даже уже подумала позвать попа, но вдруг заметила, что у мужа дрогнули ресницы, и тут же он открыл глаза. Мелания Ивановна обрадовалась: «Слава Богу, он вернул ему жизнь!»

Все кинулись к Максиму, Мелания Ивановна сменила ему одежду, промыла рану, перевязала чистой тряпкой. Дала попить теплого молока, и Максим вновь закрыл глаза — подыматься ему было тяжело, кружилась голова, сильно болела рана.

Много провела Мелания Ивановна ночей у постели израненного мужа, пока удалось поставить его на ноги. Он стал понемногу набираться сил, а когда стал крепче стоять на ногах, стал выходить из дома. «Ничего, дай, окрепну, живьем богатеев в землю загоню», — чуть слышно шептал Максим.

А нападавшие, перепуганные до смерти его угрозами, которые доходили до них от односельчан, стали понемногу уходить из села в неизвестном направлении.

...Шло время. В доме Остафова стали появляться городские рабочие. Максим Иванович, в свою очередь, также стал чаще навещать в город, заводил знакомства с рабочими Белой Церкви и Киева.

Революция 1905–1907 годов разбудила народные массы России. Остафов принял горячее участие в революционном движении. Он наблюдал, как рабочий класс перешел в наступление на капиталистов и царскую монархию. Крестьяне уничтожали помещичьи имения и кулацкие хутора, забирали хлеб, скот, инвентарь.

В царской армии также начались волнения. В июле 1912 года произошло вооруженное восстание саперов в Туркестане, в январе 1913 года заволновались солдаты в Киеве. Назревали восстания на Балтийском и Черноморском флотах. Волны рабочего движения поднимались все выше и выше. Уже в первой половине 1914 года бастовало около полутора миллионов рабочих России. Стачки возникали непрерывно.

Рабочие бастовали против действий царских властей, против надвигавшейся войны. В начале июля 1914 года забастовали рабочие Москвы, появились баррикады в Петербурге, Баку, Лодзи. Вслед за этим начались массовые аресты большевиков. А первого августа 1914 года вспыхнула Первая мировая война.

Царское самодержавие предполагало, что война отвлечет народные массы от революционной борьбы. Оно также рассчитывало перебить в ходе военных действий и путем репрессий значительную часть передовых революционных рабочих и тем самым подавить или, по крайней мере, ослабить революционный натиск народных масс.

— Знай, Мелания, будет и на нашей улице праздник, — утешал Максим Иванович. — Увидишь, возьмут большевики власть в свои руки, и мы тогда по-иному заживем.

* * *

Грянула Первая мировая война. В селе началась мобилизация. Максима в числе других призвали в армию. Первоначально его часть стояла в уездном городе Василькове, а затем пешим строем передислоцировалась в город Киев.

Спустя две-три недели кто-то темной ночью осторожно постучался в окошко. Мелания встрепенулась от неожиданности, подошла к двери.

— Кто там? — тихо спросила.

— Это я, Максим. Открой, Меланья!

— О, Господи! Что случилось? — воскликнула женщина. В ее душе наравне с радостью живо трепетала какая-то тревога: «Дезертировал? Бежал?»

Максим вошел в сени.

— Максим! — еле слышно вырвалось у нее из груди.

— Это я, дорогая! Молчи. Тише! — шептал Максим, крепко обнимая любимую.

— Как ты здесь оказался, Максим? Ведь кругом беспокойно, они же могут расправиться с тобой! — взволнованно расспрашивала женщина.

— Знаю. Подумал. Самодержевию пришел конец! — решительно пояснил Максим.

— О, Господи милостивый, — прошептала Мелания. — Сохрани его! Сохрани отца моим детям!

Максим спохватился, прошептал:

— На, возьми рюкзак, неси в дом, замерзла вся. Я сейчас приду, почищу сапоги от грязи.

...Вокруг стояла глухая ночь. Мелкий холодный дождь тихо орошал землю, от которой пахло сыростью и веяло холодом. Казалось, никто не заметил Максима, дезертировавшего из армии. Пробираясь глухой улицей села, он никого не видел и думал, что его тоже не заметили. Но он глубоко ошибался. Стражник, у которого были свои счета с Максимом, следил за всем, что происходило в селе, не говоря уже об экономии своего пана.

Он же, случайно оказавшись на этой улице, заметил незнакомого человека и в темноте следил за ним. Стражник притаился за плетнем и своими змеиными глазами старался узнать незнакомца, который спокойно шел по дороге. «Наверное, дезертир», — мелькнула у него мысль. И он еще больше удостоверился в этом, когда увидел, что незнакомец свернул во двор усадьбы Остафова. «Ну хорошо, вот теперь-то я с тобой и расквитаюсь сполна», — торжествовал стражник. На рассвете он поспешил к уездному вратнику.

...В тот же день по селу прошел слух о появлении Остафова. Крестьяне перешептывались об этом между собой.

Максим сказал жене:

— Раз люди знают, что я вернулся, скрывать нечего! Схожу на мельницу...

Не успел он перешагнуть порог мельницы, как его окружили крестьяне, приехавшие молотить зерно. Люди расспрашивали его о новостях, о том, почему он возвратился домой.

— А нечего мне воевать за произвол, царящий в стране, — во всеулышанье объяснил Остафов односельчанам.

И тут же послышалось:

— Жандармы! Жандармы! Идут сюда! Скорее скрывайся, Максим! — поторопил вбежавший на мельницу сторож Антон.

— Нечего мне скрываться, — спокойно возразил Максим. — Пусть идут, поговорим. Теперь они здесь ненадолго.

К мельнице приближались два жандарма, вслед за ними шли эконоом со своим стражником Иваном.

— А, Остафов, почему здесь, а не на фронте? — обратился к Максиму с вопросом старший жандарм.

— А мне не нужна эта война! Нам, крестьянам-беднякам, не за что воевать, — с достоинством отвечал Максим. — Пусть воюют богатеи-помещики да купцы, война в их интересах! Я тогда пойду воевать, когда штыки и сабли повернутся против них.

Дети, Оля и Николай, прибежавшие вслед за отцом на мельницу, почуввав тревогу, прижались к нему и начали его упрашивать:

— Отец, идем в хату! Идем скорее домой!

— Нет, он с нами пойдет! — возразил старший. — Довольно ему ходить вольным казаком, болтать против власти!

Стражники вдвоем набросились на Максима, связали сзади его мускулистые руки. Оля и Николай горько плакали, отчаянно звали отца. Они еще не догадывались, что жандармы вот сейчас навсегда увели дорогого им человека, родного отца, их кормильца и защитника.

...Весь день Мелания терзалась мыслями: «Что же будет, что же будет? Время военное — расстреляют, и делу конец! Дети ведь останутся сиротами. А у меня здоровье стало совсем плохое». Она упала на колени перед иконами и молила, молила Бога о спасении кормильца детей, их родного отца! Так прошла вся бессонная ночь, мысли, одна ужаснее другой, плелись в ее горячей голове. И мучилась она не напрасно. С возвращением Максима она поняла, что он пошел по революционному пути. В последние месяцы перед мобилизацией к нему особенно часто навевались незнакомые люди из города. Максим уединялся с ними в комнате, где велись долгие разговоры, а после ухода гостей он открыто высказывал свое возмущение существующим произволом помещиков и царским самодержавием, слал им проклятия, призывал бедняков к открытым выступлениям против поработителей.

— Будь осторожен, Максим, — не раз уговаривала его Мелания, — тебя в кандалы закуют, сошлют в Сибирь. Дети ведь сиротами останутся!

— Всех не закуют и всех в Сибирь не сошлют! — успокаивал он жену. — Беднота всей России просыпается. Партия большевиков во главе с Лениным нас ведет. Меня закуют, сошлют, уничтожат — на мое место встанут тысячи других новых борцов. Порядки самодержавия рухнут, наши дети заживут по-новому. Новое поколение России будет нас вспоминать. Ведь один раз дана жизнь человеку, я должен прожить ее честно, в борьбе за справедливость, за свой народ, — проникновенно говорил Максим.

«На кого же теперь обижаться, — спрашивала сама себя Мелания, разводя худыми мозолистыми руками. — Он ведь сам заведомо понимал, он чувствовал свою правоту, он был на стороне угнетенного народа своей Родины. И он прав... Но что мне делать с малыми детьми? Как спасти мужа?»

Мелания понимала и оправдывала действия мужа, его стремление что-то изменить в этой жизни к лучшему, и в то же время взывала к Всевышнему, просила, чтобы он спас ее детям родного отца и кормильца. Оля и Коля успокаивали мать, умоляли ее не плакать и тут же сами всхлипывали, крестились и падали на колени перед иконами. Мелания надеялась только на Бога. Затем, собравшись с силами, твердо заключила:

— Слезы — это мое бессилие... Пойду искать Максима...

Собравшись наспех, завязала в небольшой платок передачу Максиму, дочери сказала:

— Оля! Оставайся дома старшей, гляди за Колей! Я завтра вернусь! — она быстро вышла из хаты и пошла по дороге, ведущей на Василищину.

Дети, выбежав вслед за матерью, долго еще стояли на дороге и смотрели, смотрели ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

Семилетний Коля, крайне любивший своего отца и ничего не понимавший в происходящем, все расспрашивал сестру Олю, когда же отец возвратится домой? Так в разговорах и надежде на скорое возвращение отца дети уснули...

По дороге на Василищину Мелания встретила своего односельчанина Романа.

— Здравствуй, Мелания!

— Здравствуй, Роман.

— Мелания, дорогая, беги скорее! Страшное дело происходит, если бы ты видела, как они над Максимом измываются. Проклятые жандармы сильно его избили, повыбивали зубы. Душа моя чувствует — что-то случится недоброе. Беги скорее, может, и поможешь еще ему!

— Где же он? — прошептала Мелания. — Говори, говори скорее!

— Там, в Василившине, около волости...

— О, Господи милостивый! — воскликнула она, быстро удаляясь от Романа...

...В глухую ночь Мелания возвратилась домой. Дверь была открыта настежь, дети спали. Обессиленная, она присела на скамейку около стола, голова опустилась на руки. Она тихо прошептала: «Навсегда, навсегда потеряла я его — отца, мужа, кормильца семьи!»

Не успел серый рассвет пробиться в окошко, Мелания была уже на ногах. А вскоре проснулись дети. Коля спрашивал, где отец, видела ли она его, когда он придет домой? Вместо ответа Мелания залилась горькими слезами, прижала к себе и, немного успокоившись, ответила:

— Не допустили меня к отцу, сыночек! А от людей пришлось узнать, что ему тем очень плохо. Говорят, его ожидает расстрел.

С детской непосредственностью Оля смотрела то на мать, то на брата, и вдруг горькие слезы жалости полились у нее по щекам, падая на босые ноги и глиняный пол бедняцкой хаты...

— Ой, детки мои, что же мы будем делать без отца? Вы же у меня такие маленькие! — восклицала Меления в глубоком отчаянии.

...Послышался скрип двери, и в хату вошел односельчанин, Роман, тот самый, который встретился вчера на пути Мелании, когда она шла в Василившину к Максиму. Поздоровавшись, Роман отвел Мелению к окну, в сторону от детей, и решительно сказал:

— Убиваться и плакать не следует! Рассуждать и надеяться не на кого! Максима нужно спасать, иначе его убьют, подлецы, без суда и следствия уничтожат! — в отчаянии воскликнул Роман.

— Но что же делать, какой совет ты дашь?! — словно проснувшись, с какой-то внутренней надеждой проговорила Мелания. А про себя подумала: «Неужели еще не все потеряно? Может быть, я его еще спасу?»

И словно разгадав мысли убитой горем женщины, Роман ответил:

— Нет, не все погибло, его можно спасти!

Немного подумав, он, глядя Мелании прямо в глаза, доверчиво сказал:

— Нужна царская чеканка, золото. Сумеешь ли ты достать что-нибудь из этого, подумай! Если сумеешь — можешь быть уверенной, что жизнь твоего Максима спасена!

Мелания ничего на это не ответила, но Роман, внимательно наблюдавший за ней, убедился, что в глазах Мелании заискрилась надежда. Он сказал, что эти деньги следует поредать стражнику.

В тот же день Мелания обратилась к своим близким знакомым, собрала сорок рублей золотом и немедленно направилась в Гребники, куда уже был отправлен Максим. Но у крайних домиков села она заметила въезжавших в него стражников. «Наверное, это мои непрошенные гости», — подумала Мелания и поспешила домой. Она угадала, ибо стражники уже были в ее доме, вслед за ними и она вошла в хату.

— Оружие, боеприпасы и бумаги твоего бунтаря выкладывай на стол! — строго распорядился один из стражников, который, по-видимому, был старшим в звании. — Иначе и тебе несдобровать!

— Что вы, господа? — удивленно возмутилась Мелания. — Ничего такого в нашей хате никогда не было.

— Врешь, мы точно знаем! Сама не отдашь — найдем без тебя! Тогда сама пеняй на себя!

— Если к оружию относится и шашка, тогда ее я вам и без угроз отдам...

— Где она? Неси скорее!..

Мелания бросилась к сундуку, окрашенному в синий цвет и обитому железными обручами. Подняла верхнюю крышку и извлекла оттуда любимую вещь своего мужа — шашку, подала ее в руки старшего.

— Возьмите ее, но это награда Максиму за его военную доблесть и верное служение родине. На войне против японцев был удостоен! — тихо, но с заметной гордостью произнесла женщина.

— Красавица какая! — воскликнул стражник, извлекая шашку из ножен. — Значит, за военную доблесть в войне против самураев наградили его? — протянул ехидно стражник. — Ну что ж, за это спасибо, а вот за бунтарство, за дезертирство будет расстрелян!

— Что вы, люди добрые! — заплакала женщина. — Пощадите! Ведь не вор же он, не грабитель. Защитник Российского государства! А дети на кого же останутся? — наступала она. — Возможно, что и свернул он с верного пути, но не казнить же сразу, может, помочь ему надо встать на верный путь. Он ведь никого не убивал, будьте же милосердны, умоляю вас Господом Богом! У вас же тоже есть дети! Умоляю вас...

Стражники перерыли все в хате, на чердаке, но кроме пустой винтовочной обоймы не нашли ничего. Мелания же все это время присматривалась к стражникам — все гадала, кому из них дать взятку. Она остановилась на старшем стражнике. Но как это сделать? Наконец подвернулся случай: младший стражник вышел во двор, а старший, усевшись за стол, стал неторопливо расспрашивать о поведении Максима, о его отношении к семье.

Отвечая на вопросы стражника, Мелания рассказала о дорогом ей человеке все самое доброе и хорошее, так, как и было на самом деле. И, наконец, приблизившись к стражнику, положила перед ним на стол кошелек, в котором было золото — царская чеканка. При этом Меления тихо проговорила:

— Возьмите это, умоляю вас, господин, и сделайте все, что в ваших силах. Ради детей сохраните жизнь Максиму, умоляю вас, ведь вы тоже крещены...

Стражник вздрогнул от неожиданности, но тут же метнул взгляд не дверь, на женщину и проговорил:

— Многого не обещаю, но жизнь постараюсь сохранить...

— О, Господи Всевышний! — воскликла Мелания. — Всю жизнь буду Бога молить за ваше благополучие, господин...

Золото, находившееся в кошельке, и решило судьбу Максима Ивановича Остафова.

Когда снова вошел в хату второй стражник, старший поднялся из-за стола и, поглаживая саблю Максима, обращаясь к вошедшему, сказал:

— Значит, никаких бумаг, являющихся доказательством намерений или действий Остафова против существующего строя, оружия, боеприпасов и прочего нами не найдено. Не так ли, господин?

— Доказательств у нас больше, чем достаточно: дезертир и бунтарь, за что и отсекут ему голову, — цинично ответил второй стражник.

— Н-да! Это мне ведомо. Но он и воин нашей армии, отличившийся в боях с японцами, и меру наказания ему должен определять суд, а не мы с вами... Не так ли?

— Вам виднее! — обиженно ответил второй стражник.

— Тогда, отправляемся с Богом!..

...Спустя неделю Мелания получила весточку: «Завтра меня отправят пешим этапом в Васильково в уездную тюрьму, если можешь, дорога, встречай на пути. Твой Максим».

От этого известия и от предстоящей встречи с самым дорогим для Мелании человеком вострепнулось ее сердце, и она, сохраняя в своем сердце тайное послание, доставленное ей неизвестным человеком, готовилась к этой, возможно, последней встрече: гладила белье, портянки, собирала платочки, приобрела у соседей махорку, заняла также кусок сала и три буханки хлеба. Связала все это в один узел, положила на стол, а сама, крайне измученная, опустилась на лавку.

— О, Боже, чтобы еще прихватить? — удрученно проговорила женщина, скрестив на груди руки. — Нет, кажется, все. — Обратилась к детям: — Детки мои милые, ложитесь спать, уже пора.

— А ты, мама? — спросила Оля.

— Я так прилягу вместе с вами, не бойтесь... — а сама мысленно была уже на той дороге, по которой поведут в дальний путь Максима.

— А зачем узел так спешно готовила, мама? Куда ты с ним пойдешь? — допытывалась Оля.

— Это я завтра в волость пойду, купить кое-что нужно, и отца, возможно, даст, Бог, увижу, — успокаивала она детей.

— А ты, Оля, останешься на хозяйстве. Коля — твой помощник во всем. Если Бог поможет повидать отца, я расскажу ему о вас все самое хорошее. И это для него будет большое счастье... Знайте, мои дорогие, хорошее поведение детей — это счастье родителей.

— Мама, возьми меня с собой! — попросился Коля. В его чистых детских глазах светились неутолимое горе и желание встречи с отцом, которого он так любил и к которому так был привязан.

— Нет, сыночек, нельзя... — отвечала нерешительно мать. — Дорога далекая, ты устанешь, да и дома Оле одной будет скучно.

— Ничего, мама, я не устану, вот увидишь. Я очень хочу увидеть отца. Возьми меня с собой, мама, — умолял сын.

— Нет, Коля, нельзя. Мой маленький, ложись спать, уже позднее время, — решительно сказала Мелания, и все начали укладываться спать.

...Село еще не проснулось, окутанное глубоким сном, когда Мелания, шлепая по грязи в больших черевиках, пробиралась в темноте сквозь плетни по его широким улочкам. Оказавшись уже в степи, она почувствовала морозный ветерок, который освежал ее лицо, пробирая до костей. Вскоре ветер разогнал предутренние облака, и над степью бросило свои первые лучи холодное утреннее солнце. Женщина с узлом в руках, словно часовой, смотрела на широкий битый шлях, тянувшийся на Васильков... Через некоторое время Мелания увидела группу людей, показавшуюся из-за поворота дороги.

Пристально всматриваясь в приближавшихся ей навстречу путников, она, к большой радости, узнала среди них своего Максима. Вооруженные жандармы со злобно мерцавшими гранеными штыками на винтовках конвоировали политзаключенных. Мелания, поравнявшись с ними, не выдержала и бросилась к Максиму.

— Мелания, дорогая! — отозвался подавленный голос Максима из толпы.

Но штыки преградили путь женщине...

Она узнала родное и близкое лицо мужа, но в то же время это был совсем другой человек — бледный, истощенный. На его широком лбу пролегли глубокие морщины, а серые глаза глубоко запали. Максим сильно изменился, постарел. На руках его звенели кандалы...

— О, Господи, что с тобой сделали! — заплакала в голос Мелания и, собрав последние силы, вновь бросилась к толпе: — Максим, дорогой!

— Марш в сторону! — кинулся к ней жандарм.

— Остановитесь! — распорядился шедший в стороне жандармский офицер. Мелания узнала в ней того, которому передала сорок золотых рублей.

— Господин офицер, смилуйтесь, он ведь не разбойник, разрешите нам поговорить, проститься по-человечески!

— Ну что ж, пожалуй, можно, — с тупым безразличием бросил жандарм. — Предупреждаю, недолго! — Обратившись к конвоирам, строго приказал: — Отпустите Остафова на обочину дороги, пусть проститься с женой. Всем остальным сесть...

— Господь Бог наш телохранитель, господин офицер! Спасибо!..

— Иди, иди! Да поскорее там, пока не раздумал! — уже строже крикнул он и, положив руку на эфес сабли, стал прохаживаться рядом с присевшими на обочину дороги заключенными... Конвоир проводил на обочину Остафова, взял из рук женщины узел, развернул его, проверил все содержимое, затем возвратил его и сказал:

— Не задерживайтесь с прощанием, сейчас подымет...

Мелания плакала, спазм сдавил ей горло, и от охвативших ее чувств она не могла проговорить ни слова. А как много ей хотелось сказать любимому на прощание!

И вдруг:

— Остафов, поднимайся! — скомандовал офицер. — Пора!

Максим вздрогнул. Он понимал, что это последние его шаги по родной, политой слезами и потом земле, что он больше не увидит свою любимую Меланию, друга и мать его детей. Собравшись с силами, он встал на ноги и, стараясь не расплакаться, тихо сказал:

— Дорогая моя, любимая Мелания, постарайся воспитать наших детей такими, какими я хотел бы их видеть. Если судьба улыбнется, я прилечу к вам на крыльях, а если суждено умереть, не вспоминай плохим словом. Прощай, моя дорогая! Будь счастлива! Поцелуй за меня дорогих моих деток!..

Мелания стояла перед Максимом растерянная, взволнованная, плача навзрыд, она слушала его и не понимала, но перебить его, что-то сказать ему она не могла. Мелания смотрела в чистые глаза мужа, наполненные слезами, запоминая каждую черточку дорогого ей человека навсегда... Таким она видела его в первый и последний раз. Но он, мужественно сдерживая себя, давал ей напутствия о том, как воспитать и поставить на ноги своих детей, чтобы они всегда помнили своего отца...

...Колонна медленно двинулась по середине того же большака, шлепая по холодной грязи, ветер носил первые снежинки, и они, словно мухи, роились в воздухе и, уставшие, припадали к земле. Вытирая горькие слезы, Мелания плелась вслед за толпой, затем понемногу стала отставать и стояла до той поры, пока последний конвой не скрылся в пасмурной дали...

24 декабря 1914 года уездный суд в городе Васильково осудил Максима Ивановича Остафова на вечное поселение в Сибирь.

Из Василькова каторжников доставили поездом до Тамбова, а затем более трехсот километров пешим этапом — до города Томска и поселили в Норильском крае, в минусинском уездном глухом сибирском селе.

В этом же злополучном 1914 году дочь Максима Остафова, Оля, поступила в первый класс Макиевской церковно-приходской школы. Училась она, как и следовало ожидать, на «хорошо» и «отлично». А ее младший брат Коля тоже стал заглядывать в букварь, который изучала его старшая сестренка.

— Учитесь, дети, — призывала их мать, — а то некому будет и на письма отца ответить. Я вовсе неграмотная, могу лишь немного по слогам читать. Не пришлось мне учиться в молодости, — с горестью рассказывала она детям.

— А почему не пришлось, трудно было, мама? — допытывались дети. — А ты, мама, учи со мной, вместе будет веселее, — уговаривала Оля Меланию.

— Хорошо, доченька, буду вместе с тобой учиться, вместе будем и на письма отца отвечать.

С того времени Мелания горячо взялась за книги и скоро вместе с Олей научилась письму, а читать стала совсем свободно. А Коля, чтобы не отстать от сестры и матери и вместе с ними отвечать на письма отца, ожидаемые из далекой сибирской ссылки, тоже стал усердно заниматься. Вскоре он изучил весь алфавит, затем стал читать по слогам, а вскоре научился и писать.

Мальчик очень тосковал по отцу, никаких вестей о нем семья не имела. И когда, бывало, видел в селе почтальона, бежал к нему с вопросом:

— Дяденька, а от моего папы нет письма?

— А чей же ты, хлопчику? — вначале интересовался тот.

— Остафова. Вон наша хата! — указывал рукой Коля в сторону мельницы.

— Нет, сыночек, пока нет. Как только будет, я сразу же принесу к вам письмо! — участливо отвечал почтальон опечаленному малышу.

После такого знакомства почтальон, завидев приближавшегося Колю, не ожидая еще вопроса, сам говорил ему: «Нет, мальчик, пока нет письма, как только будет, я сразу же принесу вам».

Тоскливым взглядом провожал Коля почтальона, когда тот уезжал из села.

Наступила грозная зима. Семья политкаторжанина ютилась в нетопленной хате и терпела нужду во всем — в хлебе, одежде. У Остафовых накопилось много долгов знакомым и соседям. Но самым главным было моральное потрясение. Мелания тяжело болела. Оля одна хлопотала по хозяйству, кормила и ухаживала за больной матерью, братом и маленькой курносой сестренкой Настенькой.

Но вот суровая зима стала отступать, на соломенные крыши домов бедных крестьян уже стало проглядывать весеннее солнышко, потекли весенние воды. Весна была ранняя, снег быстро сошел, природа пробуждалась, все оживало от зимней спячки. На лугах зазеленела трава, плакучие ивы и вербы засверкали ясной зеленью молодой листвы. Она стояли вперемешку с темневшими еще без листьев тополями, дубами. А долгожданной весточки от Остафова так и не было.

— Погубили отца нашего жандармы, дорогие деточки, — однажды на выдержала Мелания. — Если бы он был жив, он дал бы знать о себе. Уже более полугода прошло с того времени. Нет его, наверное, погиб, бедный, — заключила она.

Больно застучало детское сердце Коли, вновь появились тревога за отца и чувство безмерной жалости к нему. Он очень тосковал по отцу, часто был печальным.

И вдруг в остафовском доме появился почтальон.

— Боже мой, неужели письмо от него?! — встретила дорогого гостя Мелания. — Скорее, доченька, почитай! Что там он сообщает? — позвала она появившуюся в дверях Олю.

Сердце Мелании трепетало от радости и волнения. Где же Максим? Что с ним? Здоров ли?..

Остафов писал:

Здравствуйте, дорогие мои Мелания и детки. Сегодня получил разрешение написать вам первое письмо. Пока я жив и здоров, чего и вам желаю. Проживаю я в селе, занимаюсь плотничеством. Здесь я поселен навсегда. Если никаких изменений на произойдет в моей жизни, то готовьтесь в дорогу, в следующем году я вас заберу к себе в Сибирь, если вы, конечно, пожелаете переехать ко мне. Очень скучаю обо всех вас! Пишите, как живете, как ваше здоровье? Очень буду рад получить от вас, с родной Украины, весточку. Крепко, крепко всех целую. Ваш Максим.

Мелания с Олей сразу же написали ответное письмо. Затем второе, третье. Но ответов на них не последовало. Уже и Коля научился писать, отправил отцу два письма и с тревогой и надеждой ожидал ответа. А его ответа все не было... Прошло жаркое лето, с полей убрали хлеб, осень. В конце сентября 1916 года снова тот же почтальон доставил второе письмо. В этот раз после его прочтения мать и дети склонили головы над столом, словно в трауре. Известие было тяжелое. Остафов без всяких вступлений сообщал:

Тяжело болею. Голова разбита. Если выживу, сразу же напишу вам. Целую, ваш Максим.

И снова воцарилось долгое молчание, на их письма ответов не поступало. Отчаявшись, Мелания обратилась по месту ссылки мужа через волостное управление. Туда с большой гербовой маркой было отправлено ее прошение сообщить о состоянии здоровья мужа и отца.

В конце 1916 года вместо ответа поступила посылка. Раскрыв ее, Мелания извлекла сверток, в котором были старые носильные вещи, зашитые в рубашку, истрепанные сапоги, пара нательного белья, пачка недокуренной махорки и окровавленный носовой платок. Все это принадлежало ему, дорогому Максиму, которого, как поняла Мелания, уже не было на белом свете.

Долго оплакивали горькими слезами Мелания и дети человека, который был для них мужем, отцом и которого они уже никогда не увидят...

В это время уже открыто и широко со всех сторон звучал возмущенный голос страдавшего народа. Приближалась волнующая пора. Словно бурливший в подземелье океан, назревали революционные события в России...

Весть о гибели дорогого человека крайне потрясла Меланию и вскоре накрепко приковала ее к постели. Семья, очутившись без всяких

источников дохода, оказалась обреченной на голодную смерть. И вдруг вдобавок ко всем бедам мать и дети внезапно заболели тифом.

А 13 ноября 1919 года (по старому исчислению) наступил роковой день: Мелания умерла. Трое детей остались на произвол судьбы круглыми сиротами. Старшей из них, Оле, тогда пошел четырнадцатый год.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Девятилетним мальчиком Коля стал пасти кулацкий скот, зарабатывая кусок хлеба для всей семьи.

После революции, когда царское самодержавие было свергнуто, молодая Советская власть выделила детям Максима как семье политического каторжанина небольшой участок земли. Но малые дети не могли засеивать и обрабатывать его. Однако на второй год землю все же засеяли — детей пожалел и помог им один крестьянин, и они с большим трудом обработали землю.

Смерть матери полностью изменила жизнь семьи и внесла свои коррективы в судьбы детей. Летом Коля пас кулацкий скот, зимой старался посещать школу. Но теперь он вынужден был вовсе оставить школу и батрачить круглый год.

В соседнем селе Юзефовке (теперь Иосифовка) Коля нанялся батрачить к кулаку Александру Гордиенко. У него было большое хозяйство, собственная мельница, все это требовало наемной рабочей силы.

Весной 1920 года мальчик появился в кулацком хозяйстве Гордиенко с условием, что тот в виде оплаты за год батрачества заплатит ему пять пудов ржи, а также даст костюм, сапоги, шапку и две пары белья. В обязанность мальчика входило ухаживать за двумя парами лошадей, двумя коровами, таскать из глубокого колодца воду не только скоту, но и хозяйке, приносить из подвала картофель, овощи, зимой убирать снег со всего двора, нянчить детей, кормить телят, свиней, а ночью в летнее время водить лошадей на пастбище и к рассвету возвращать их домой с тем, чтобы поденные рабочие могли сразу же отправиться в поле.

Работая у хозяина, Коля узнал, что его предшественники-батраки выдерживали всего-навсего по несколько месяцев, а то и недель и убежали, отказавшись даже от заработанного. Коля же выдержал на этой работе целый год.

— Ну что, хлопче, — однажды отозвался хозяин. — Год твой кончается, оставайся у нас еще на один. — И, подумав над чем-то, с неуверенной ноткой пробормотал: — Останешься — я тебе дополнительно кожух сделаю.

— Куда мне, бедному сироте, деваться, где найдешь лучшего хозяина? — задумался Николай и согласился еще на один год.

Наступила весна 1922 года. Коля пробатрачил у Гордиенко уже более двух лет. Мальчик раздумывал, как рассчитается с ним хозяин, куда его занесет теперь судьба и кто будет его новым хозяином.

Но непредвиденный инцидент, происшедший между ним и хозяином, решил его судьбу. Отработав целый день по хозяйству, в один из вечеров, как и всегда, Коля погнал на пастбище лошадей на всю ночь. Прибыв на место, он спутал каждого коня в отдельности, чтобы они далеко не ускакали, а сам, расстелив старый ватник, прилег на меже, наблюдая, как кони дружно взялись пастись, перескакивая передними ногами все на новые и на новые места.

В это утро Гордиенко проснулся сразу после третьих петухов. На дворе совсем рассвело.

— А, черт возьми, проспали мы с тобой сегодня, — бросил он жене. — Быстрее одевайся.

Во дворе собрались уже подсобные работники. Гордиенко вышел на улицу, выглядывая пастуха, выкрикивал ругательства в его адрес, но мальчик не появлялся. Тогда хозяин попросил у соседа коня и верхом поскакал в поле.

— Спит, наверное, подлец! — ругался Гордиенко, заметив в стороне от лошадей свернувшегося клубком пастушка. — Ну, хорошо, я тебя сейчас проучу! — он осторожно подъехал к спящему и прямо с лошади стегнул его из всей силы кнутом. Тот, словно ужаленный, вскочил на ноги и, увидев лучи всходящего солнца, истерически закричал:

— Пожар! Пожар!

Его перепуганное сердце трепетало от ужаса. Не понимая, что произошло, он побежал полем...

— Я тебе дам пожар! Подлец! — надрывался зычным голосом кулак. — Не видишь, солнце всходит, а ты спишь, высыпaeшьcя, а люди-то ждут! Кожух, небось, будешь у меня спрашивать!

Коля остановился. Оглянулся и только теперь понял смысл всего происшедшего. Он осознал свою вину и, безмолвно стоя посередине поля, взглядывал в своего поработителя. Он почувствовал боль, юное сердце сироты сжалось от обиды, и он горько расплакался. Слезы ручьем

покатились на траву и слились на ней с утренней росой, которая, словно изумруд, блестела от лучей утреннего солнца.

И тут его охватила злорада. Юное сердце громко стучало. Он сцепил зубы и, не проронив ни слова, подошел к лошадям, мирно пасшимся в стороне, распутал их передние ноги и хотел было отправиться на хутор. Но Гордиенко пересел на свою лошадь, бросил Коле соседскую, захватил сам своих лошадей и усакал вперед.

Мальчик стоял в растерянности и не мог решить, что ему делать. Он понимал всю трагичность своего положения и смотрел на свои мозолистые руки, которыми так трудно приходилось добывать кусок хлеба для себя и сестер. Немного овладев волнением, он сел на соседскую лошадь и уже не спеша поехал в хозяйство кулака.

После произошедшего Коля твердо решил уйти от Гордиенко. Но тот вместо пяти пудов заработанной ржи выдал ему только три, и на нем осталась поношенная одежда.

Уже пятнадцатилетним юношей возвратился Николай Остафов в родное село Макиевку к своим сестрам Оле и Настеньке.

Шел 1922 год. Советская власть на Киевщине, взмахнув могучими крыльями, приступила к восстановлению народного хозяйства, которое было разрушено Империалистической и Гражданской войнами.

Будучи в Василькове, Николай Остафов, проходя по улице, заметил вывеску: «Волостной комитет Ленинского комсомола». Он остановился, дважды прочитал вслух это название, не понимая еще того, что с этой организацией он крепко свяжет всю свою кипучую молодость. Вдруг кто-то толкнул его сзади в плечо и проговорил женским голосом:

— А вы, молодой человек, еще не состоите в рядах Ленинского комсомола?

— Нет, не состою! — ответил растерянный внезапностью встречи Николай девушке, глядевшей на него с улыбкой.

— А сам здешний? — вновь осведомилась она.

— Нет, — ответил Остафов, — из Макиевки.

— Знаю, знаю ваше село, правда, там еще нет комсомольской организации, — осведомленно проговорила она. И вдруг предложила: — Зайдемте со мной в волком*, поговорим.

Коля пошел вслед за незнакомой девушкой в помещение. И уже беседуя, он охотно отвечал на все ее вопросы, видя, что разговор с ним

* Волостной комитет.

приятен девушке и что она довольна исчерпывающими и ясными ответами собеседника.

— Вот что, — заключила она решительно, — раз вы являетесь сыном политкаторжанина Максима Остафова, то у меня будет предложение — кому, как не вам, создать и возглавить в селе комсомольскую ячейку?

Николай согласился. Прощаясь, девушка заметила:

— Завтра же буду в Макиевке!

Итак, Николай Максимович Остафов стал первым в Макиевке членом славного Ленинского комсомола, а в сентябре 1922 года из трех человек в этом селе была создана инициативная комсомольская группа. В нее вошли Николай Остафов, Иван Геведзе и Василий Рева. Старшим группы был избран Николай Остафов. На следующий месяц уже на базе этой группы в Макиевке была создана комсомольская организация, секретарем которой единогласно выбрали Николая Максимовича Остафова.

В состав бюро комсомольской организации вошли братья Геведзе — Григорий и Иван, Василий Рева, Дмитрий Белоконь и сестра Николая Остафова Ольга, которая вела работу среди женщин. В комсомольскую организацию села также вступили Ольга Величко, Анна Ковтюх и многие другие. А к концу 1922 года она насчитывала сорок семь человек.

В Макиевке в это время существовала и партийная организация из двенадцати коммунистов, которую возглавлял коммунист Лука Опанасович Гура.

После Гражданской войны обстановка в стране была тяжелая. Народ отстраивал разрушенное войной народное хозяйство, которое было и без того отсталым в техническом отношении. Необходимо было направить все усилия на подъем промышленности. А рабочим и служащим промышленных центров страны нужны были хлеб, продукты, сырье, которые кулаки прятали на своих подворьях.

Николай Остафов, выполняя указания партийных органов, лично занимался заготовкой продовольствия.

Николай Остафов не раз размышлял над теми изменениями, которые принесла социалистическая революция, создав подлинно народное социалистическое государство. Он хорошо понимал, что свергнутый господствовавший класс добровольно не сдаст свои позиции, будет сопротивляться этим изменениям. Впереди еще будет жестокая классовая борьба между старым, отмирающим и новым, укрепляющим свои позиции — молодой Советской властью. Но Остафов не боялся трудностей.

Самыми близкими друзьями Николая Максимовича тогда являлись его односельчане — Данило, Иван и Григорий Геведзе, Василий Рева, его

сын Самуил, Дмитрий Белоконь. С ними он советовался, делился своими мыслями, обменивался мнениями.

Еще будучи секретарем комсомольской организации в Макиевке, возвращаясь однажды домой с расширенного партийного собрания, глубокой ночью он заметил, как из трубы дома крестьянина Коробки вьется чуть заметный дымок.

— Смотрите, друзья, — остановил Иван Геведзе остальных. — Коробка самогон варит.

— А ну, зайдем к нему. Как он смеет! Ведь строгий же запрет дали! — возмутился Василий Рева.

Втроем свернули во двор и с противоположной стороны вошли в открытую дверь дома. Здесь, в каморке, у бушующего котла с заваркой хозяйка подбрасывала в огонь сухие, мелко нарубленные дрова. Из «холодильника» в лейку мелкой струйкой, словно тягучая нить, текла прозрачная жидкость.

Увидев посторонних людей в своем доме, Коробка бросился через запасной выход в сад. Несмотря на крик хозяйки не трогать закваску самогона, активисты вытащили котел во двор, вылили закваску на землю, а сами разошлись по домам.

Рассвирепевший Коробка за решительные действия группы активистов по борьбе с самогоноварением всю вину взвалил на Остафова и стал ночами, особенно в ненастную погоду, выслеживать его, чтобы отомстить.

Близкие к Остафovu люди тайком сообщили ему о коварных замыслах Коробки. Николай Максимович был не из робкого десятка, но все же стал осторожнее. А Коробка решил успокоить бдительность комсомольского активиста, а затем убить его.

А Остафов думал: наверное, успокоился Коробка, сколько же будет носить при себе злость, и по-прежнему стал задерживаться допоздна по всяким служебным делам.

Коробка заметил это и вновь стал за Николаем следить. И вот однажды, распределив продовольственный налог по хозяйствам, Остафов поздним вечером возвращался из сельского совета домой. Вдруг он почувствовал невдалеке торопливые шаги. Не теряя ни минуты, Николай перемахнул через забор и прилег за кучей хвороста. Мимо него пронеслись двое. Впереди, как заметил Остафов, с обрезом в руках бежал Коробка. Второго опознать не удалось. Преследователи проскочили двор и ворвались в приоткрытую дверь клуни, где лихорадочно начали обыскивать все углы. Остафов прополз вдоль плетня, перелез вновь через

забор и тропинкой, обходным путем, поспешил домой. Дома, не говоря никому ни слова, взял винтовку и отправился на поединок, но Коробки в ту ночь он нигде не нашел.

Как выяснилось позже, Коробка понял, что Остафов где-то укрылся и наблюдал за ними, поэтому и ушел из села. А коммунисты, в свою очередь, побеспокоились о безопасности своего активнейшего комсомольца — Николая Остафова.

Председателем сельского совета тогда являлся коммунист Петр Артемович Геведзе (впоследствии погиб на фронтах Отечественной войны), который в 1923 году был выдвинут на должность второго секретаря Узинского волостного комитета партии. В 1925 году в волостной комитет партии на должность заведующего экономическим отделом он взял Николая Остафова.

На указанной должности Остафов зарекомендовал себя как исключительно честный, активный работник, завоевавший авторитет и уважение комсомольской организации, и ему оказали большое доверие. Во второй половине года Николай Остафов был принят кандидатом в члены Коммунистической партии, а в 1926 году — в члены ВКП(б), и в том же 1926 году его избрали первым секретарем Гребенковского райкома комсомола.

Окунувшись в круговорот политической деятельности, Николай Максимович полностью отдался любимой работе. Понемногу стали забываться тяжелые сиротские годы.

В один из дней, когда шло заседание бюро волостного комитета комсомола, технический секретарь сказал ему:

— Николай Максимович, какой-то старый знакомый просится к вам...

— Кто же такой? — осведомился Николай Максимович.

— Не знаю, фамилии не называет...

— Пусть немного обождет, — попросил Остафов, — мы скоро заканчиваем.

Заседание бюро закончилось, и в распахнувшуюся дверь кабинета вошел высокий, чуть сутуловатый человек, в облике которого Остафов сразу узнал своего бывшего хозяина Гордиенко. В его памяти всплыли прошлые картины тяжелого существования, и яркий румянец от неожиданной встречи выступил на щеках Николая Максимовича. Но, не подавая вида, он ровным голосом пригласил:

— Заходите, дядьку Александр!

Гордиенко нерешительно приблизился к большому письменному столу, покрытому красной материей, за которым стоял Остафов. Он неловким дрожащим голосом проговорил:

— Доброго здоровья, товарищ Остафов!

— Здравствуйте, дядьку Александр! — возбужденно ответил Николай.

Наступило неловкое молчание. Каждый понимал свое положение, а оно было совсем другое, чем раньше: Гордиенко — бывший властелин, представитель кулачества, теперь стал никем, а его бывший батрак так высоко поднялся, стал всеми уважаемым человеком, секретарем политической молодежной организации всей волости. Всего несколько лет, разделявшие два периода времени, не могли стереть в памяти пережитого Остафовым, Гордиенко это хорошо понимал. В сознании кулака он так и оставался просто батраком, но теперешнее его положение диктовало новые, до того неведомые отношения: с этим надо было считаться и мириться.

Остафов и Гордиенко стояли друг против друга молча, немного растерянные. Жалкий вид бывшего кулака тронул доброе сердце Остафова, и он первым нарушил молчание, проговорив:

— Садитесь, прошу!

— Спасибо! — проговорил тот. — Я так, постою. Я не задержу вас!..

— Садитесь, садитесь, в ногах правды нет! — настойчиво пригласил Остафов, и сам первый сел за стол. — Ну, а теперь рассказывайте, что привело вас ко мне?

Гордиенко начал сразу обо всем:

— Мы с тобой, Николай, почти три года ели кашу из одной миски, думаю, ты теперь не позволишь своим большевикам посадить меня за решетку. Помогите в моей беде, дорогой. Ведь кто-кто, а ты знаешь мою мельницу, ветряк. Что я с него имел? Какую пользу? Или же, разве это кони у меня были? Котята, а не кони, а теперь меня считают кулаком каким-то, обложили большим налогом — хоть живым в землю лезь. Или же в тюрьму садись. Вот и вспомнил я тебя, знаю твое доброе сердце, не оставишь в беде человека, помоги!

Остафов сосредоточенно думал. Его большие серые глаза уже глядели строго, а в голове Николая мелькали все новые и новые деяния собеседника: как безбожно Гордиенко собирал мирчук за помол от бедных крестьян, как избивал безвинных батраков, в том числе и его самого, как не отдавал заработанные потом и кровью деньги батракам, держал их на полуголодном существовании. В эти минуты Остафов думал и о

величественных преобразованиях народа, ставшего хозяином страны. А в ушах его звенела роковая песня, которую тогда пела вся страна:

Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодых в рабов...

Перед глазами его вставали гурьба бесчинствовавших богатеев — пауков родного села, окровавленная голова отца, ненавидевшего богатеев и впоследствии погибшего от их рук в далекой сибирской ссылке, и снова звучали в его голове слова разящего «Интернационала»:

...Мы свой, мы новый мир построим.
Кто был никем, тот станет всем!

На самом деле, насколько правдивы эти боевые, родные и близкие слова каждому бедняку — крестьянину и рабочему.

«Ведь кто я был? — размышлял Остафов. — Сын батрака! Безо всякой перспективы на лучшую жизнь... А теперь Советская власть открыла широкую дорогу в жизни, светлую и прекрасную, передо мной, да и миллионами подобных мне сынов батраков».

Это борьба. Тяжелая борьба с такими вот, как стоящий перед ним кулак, укрывший хлеб в тайных закромах от голодающего рабочего класса новой Советской России, взявшего власть в стране в свои руки. И от этой мысли лицо Остафова стало суровым:

— Разве можно так поступать? — сдерживая гнев, проговорил Остафов. — Пролетариат от голода пухнет, а ты хлеб в землю прячешь, да еще с жалобой ко мне? Был бы человеком, не поступил бы так!..

— Мой хлеб! Своими руками собрал его. Что хочу, то и делаю с ним. А что кругом происходит, кто голодает, с голоду пухнет — это меня не касается. Не хотят работать, так и с голоду пухнут. А я у них ничего не отнимал, и пусть моего не трогают. Лентяи, работать не хотят, поэтому и голодают!.. — яростно наступал кулак.

Остафов спокойно выслушал его, а когда он выдохся, Николай поднялся из-за стола, подошел к Гордиенко и, глядя на него в упор, проговорил:

— Ладно, старик, не разоряйся здесь! Кому, кому, а мне действительно известно, как ты трудился. Я работал у тебя, да другие такие же батраки, ты нас голодом морил, а себе богатство наживал, не так ли? Но хватит тебе жить пауком, и ты будешь теперь трудиться сам на себя.

— Мало ли, кто работал у меня. Земля-то моя, собственная. А за работу я вам платил, сколько положено, — никак не мог унять кулак, доказывая свое. — Сам виноват, злость разбудил.

— Послушай мой совет и твердо запомни, — наставлял Остафов. — Что касается хлеба, то правильно его изъяли. Ты бы его сгноил, а мы дали рабочему классу, чтобы люди с голоду не умирали. Живи мирно с Советской властью, иначе тебе несдобровать!

— Если мое добро будете забирать, то я... — не закончив фразы, Гордиенко нахлобучил на голову шапку и, озлобленный, покинул кабинет секретаря.

...В феврале 1928 года Белоцерковский окружной комитет комсомола перевел Николая Остафова в Володарский райком комсомола, где его избрали первым секретарем, а с марта 1923 года он работал заведующим экономическим отделом Белоцерковского окружного комитета комсомола.

Летом 1929 года Николая Остафова пригласили в ЦК КП(б) Украины, где предложили отправиться на учебу в Киев. Ответственному работнику ЦК Николай Остафов ответил:

— Нет, спасибо, но я не могу так поступить. Комсомол — это мое призвание! Мне совестно будет перед товарищами, если я уеду от них. Да и пользы я больше принесу там, где сейчас работаю. Работы очень много, у нас ворох планов, надо подымать молодежь на большие дела, обучать эту молодежь и грамоте, и политике. Дел неупрото, а кадров обученных мало.

— Ну, раз так, тогда знайте, что есть решение Центрального комитета партии подбирать молодых людей из числа лучших, преданных нашей Родине и направлять их в средние и высшие учебные заведения, ибо перед нашей, первой в мире страной Советов стоят грандиозные задачи во всех отраслях науки и техники. Вы сами понимаете, что эти кадры стране очень нужны, а их надо готовить, учить быстрыми темпами с тем, чтобы укрепить страну и догнать передовые капиталистические страны, а затем обогнать их и двинуться вперед!.. И одним из таких кандидатов на учебу являетесь вы, Остафов. Мы вас хорошо знаем и верим, что не подведете. Бояться трудностей не стоит, вы упорны и все правильно поймете, на учебу вас посылает партия.

— Ну, если партии это необходимо, я готов выполнить ее наказ!

— Вот это совсем другой разговор! — удовлетворенно одобрил решение Остафова представитель ЦК. — Я знал, что вы поступите правильно.

Так осенью 1929 года Николай Остафов поступил учиться на рабфак Киевского физико-химико-математического института.

В 1932 году врачи определили у Остафова активную форму туберкулеза легких. Он в то время жил в одной комнате безо всяких коммунальных удобств на пятом этаже. Материальное положение Остафова было крайне тяжелым. Но упорный, настойчивый характер Николая Максимовича удерживал его на ногах. Он не бросал учебу в институте, наоборот, когда этот институт в 1932 году преобразовался в Киевский госуниверситет, Остафов стал его студентом. Он хорошо знал, что помощи ему ждать неоткуда. Но органы Советской власти не оставили сына политкаторжанина без внимания. Неоднократно Николай Максимович отправлялся по бесплатным путевкам в туберкулезный санаторий в Сосновку на лечение.

В 1934 году Остафов женился на студентке-первокурснице, и администрацией университета им была предоставлена небольшая квартирка при Киевской обсерватории. Квартира была расположена на первом этаже, состояла из одной комнаты и кухни, разделенных коридором.

О Николае Максимовиче по-матерински заботилась также старшая сестра, Ольга Максимовна. В то время она являлась студенткой Харьковского библиотечного института. Узнав об ухудшении состояния здоровья брата, Ольга Максимовна, не считаясь ни с чем, бралась за любую работу и все заработанные деньги высылала ему, настойчиво требовала, чтобы Николай хорошо питался, придерживался режима, следил за своим здоровьем. Она отправляла ему посылки с крупой, сухарями из черного хлеба, сахаром. Однажды прислала красивую рубашку. Николай Максимович просил сестру на отрывать от себя последнее и не делать таких подарков, зная, что ей нелегко даются средства для существования. Но Ольга Максимовна говорила, что ей будет легче, если она поделится с ним своим заработком, если поможет ему хоть чем-нибудь, что, мол, здоровье у нее лучше, а он нуждается в поддержке.

Будучи больным, Остафов был молчалив, на вид всегда серьезен. Но это не мешало ему быть исключительно чутким и добрым в своем отношении к товарищам по университету. Являясь секретарем комсомольской организации курса, затем парторгом факультета, он всегда находил минуту-другую и уделял их незаслуженно обиженным.

Вот что говорит Мария Михайловна Лещинская, бывшая студентка Киевского университета, знавшая Николая Остафова довольно близко:

— Я знала Николая Максимовича Остафова с 1934 по 1940 год. Он пользовался огромным авторитетом не только среди комсомольцев киевского университета, а решительно у всех студентов и преподавателей.

Появление его невысокой, стройной фигуры студенты встречали сердечными, приветливыми улыбками. Он вызывал у людей большое доверие и симпатию. Николай держался ровно, всегда уравновешенно, иногда несколько насмешливо.

Являясь секретарем комсомольской организации университета, он бывал на всех факультетах, но чаще всего посещал наш, исторический. Нередко я наблюдала беседы Коли с моим однокурсником Петром Розовиком, считавшимся «опальным». Те, кто в 1937 году писали клеветнические заявления на честных людей, не могли понять, что находит Николай в обществе «подозрительного» Петра Розовика. Но Розовик являлся истинным патриотом нашей родины. В доказательство этого можно привести такой пример: в дни оккупации Киева он состоял в советском подполье и героически погиб, за что ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще ближе я узнала Николая после эпизода, произошедшего в 1934 году. Будучи студенткой первого курса исторического факультета, только что вернувшись из политотдела Баришевской МТС, где отработала один год по мобилизации комсомола в должности инструктора-пропагандиста, выступая в хоровой капелле, студенческом театре, я всюду встречала секретаря университетской комсомолки.

И вот в один из дней на комсомольское собрание прибыл представитель райкома КСМ, по предложению которого мы должны были избрать нового секретаря, так как Николай Остафов допустил «политическую ошибку». Но, почувствовав большое возмущение в зале, представитель райкома комсомола разрешил оставить Остафова членом КСМ комитета. А «политическая ошибка» Остафова заключалась в том, что, по мнению представителя райкома, на одном из собраний комсомольской организации университета Николай неправильно прореагировал на выступление студента, обвинявшего своего товарища в том, что тот зачитывается Пушкиным, Достоевским и проявляет интерес к Зиновьеву и Каменеву.

Подытоживая выступление, Остафов подчеркнул, что не стоит смешивать все в одну кучу, что и самому выступающему не мешало бы зачитываться русским поэтом Пушкиным, а что касается Зиновьева и Каменева, то они являются членами ЦК (это случилось перед убийством Сергея Мироновича Кирова). Зал возмущался переизбранием Остафова, но выступать никто не собирался. И я решила. Раньше мне не приходилось выступать перед такой аудиторией — студентов был полный зал. Сердце ушаченно забилося, но какая-то неведомая сила толкала меня:

«Иди, чего трусила, надо отстаивать правду. Иди!..» Получив слово, я поднялась с места, взобралась на трибуну и срывающимся от волнения голосом заговорила: «Считаю предложение представителя райкома комсомола необъективным и несправедливым. Мы знаем товарища Остафова как отличного комсомольского секретаря, заслуженно его уважаем как вдумчивого и сердечного человека, и я заявляю не только от своего имени, но и от имени многих комсомольцев, что мы будем голосовать против такого решения».

Зал одобрительно заколыхался. Я видела повеселевшие лица своих товарищей по факультету. Вслед за мной выступили комсомольцы с физмата — Амханицкий и Копийко. Они говорили более мягко, но не против Остафова. И несмотря на то, что я, а также многие другие голосовали против предложения райкома, Николай Остафов все же был переизбран, но вошел в состав бюро КСМ университета, а вскоре был избран секретарем партийной организации.

На второй день «за гнилой либерализм» меня исключили из комсомола. Остафов сильно возмущался моим исключением. На бюро он заявил: «Если виновен я, то и спрашивайте с меня, а зачем привязались к девушке-первокурснице? В чем она виновата? Не понимаю!»

В тот же день вечером, когда я была в слезах, ко мне пришел Остафов. — Ругать пришел, — заявил он.

Мы все были поражены вниманием Николая. Наверное, только его сердце понимало, как было мне тогда тяжело.

— Зачем ты полезла на рожон, Маша? — мягко спросил он меня. — А еще морячкой зовешься! Носишь блузку с морским воротничком и косы вместо лент бескозырки. Да разве так можно горячиться? — шутил он.

Николай Остафов был принципиальным человеком. Он не успокоился, пока не добился пересмотра моего дела. Вначале меня восстановили с выговором за то, что голосовала против решения райкома. Но так как Николай продолжал настаивать на полной реабилитации, то вскоре и выговор был снят как неправильно вынесенный.

В 1940 году я по мобилизации комсомола в составе бригады коммунистов и комсомольцев прибыла во Львов для организации музеев и с того времени ничего не знала о дорогом Николае Максимовиче. И лишь в послевоенные годы узнала из книги Д. Н. Медведева «Сильные духом» о трагической гибели Остафова. Сердце обливалось кровью. Он всегда в моей памяти останется таким, каким я знала его — вожаком комсомола, идущим впереди, всегда чутким, справедливым и принципиальным.

* * *

Николая Максимовича увлекала область астрономии, и он стал расширять свои знания в этой области под руководством советского ученого И. И. Путилина. В августе 1936 года после окончания Киевского государственного университета Николай Остафов был зачислен в аспирантуру при астрономической обсерватории этого университета. Окончив ее в 1939 году, он стал научным сотрудником обсерватории. В то же время Николай Максимович трудился над написанием кандидатской диссертации.

Закончив кандидатскую диссертацию в 1940 году, после организации Киевского отделения ВАГО* Николай Максимович в качестве молодого ученого принимал активное участие в его работе.

Международная обстановка тем временем осложнилась... Фашисты, оккупировав государства Западной Европы, направили свои щупальца против единой в то время страны Советов. Эти события и отвлекли Николая Максимовича от мечты стать ученым в области астрономии.

Среди сокурсников Остафова мне удалось разыскать Александру Петровну Святоху.

— Когда я была редактором стенной газеты и старостой курса, — вспоминает Святоха, — мне неоднократно приходилось решать многие вопросы и спорить с Остафовым, но споры эти носили деловой и принципиальный характер.

Мы с ним были одногодками. Я называла его на «ты», но никогда не смела при нем допустить шутки, ибо он всегда был серьезен, и при решении любого вопроса чувствовалось, что он своими знаниями, жизненным опытом, годами был намного старше меня.

Иногда Николай был грустным. Отпечаток чего-то тяжелого лежал на его душе. С анекдотами, со всякого рода смешными рассказами к нему стеснялись подходить даже его однокурсники. Никто из нас не слышал, чтобы Николай громко смеялся. На его лице наблюдался отпечаток болезненности. Говорили, что он болеет туберкулезом, что также вместе с его серьезностью, уважением к нему давало нам права при нем смеяться и шутить. Право, было бы неловко.

Несмотря на большую загруженность по руководству комсомолом, а также на партийные нагрузки, Николай Максимович упорно занимался, очень много работал над собой, ибо учеба давалась ему нелегко. Сказывалось отсутствие в прошлом систематической подготовки по

* ВАГО — Всесоюзное астрономо-геодезическое общество.

математическим дисциплинам. Однако благодаря упорному труду он не только успевал по всем дисциплинам, но и оказывал посильную помощь сокурсникам. Многие из нас восхищались его упорством и настойчивостью в работе над собой, в учебе и старались брать с него пример.

Являясь секретарем комсомольской организации курса, а затем и парторганизации, Николай по моей просьбе систематически выступал со статьями в факультетской и университетской стенной прессе.

После окончания университета, в 1936 году, как лучшего студента Николая Остафова оставили в аспирантуре при Киевском университете. Вместе с ним аспирантом был зачислен и Алексей Константинович Король, с которым Остафов оставался в самых близких отношениях. Остафов и Король стали первыми аспирантами в обсерватории Киевского университета.

Александра Святоха (в то время жена А. К. Короля), окончив университет, работала преподавателем математики на рабфаке Одесского института инженеров водного транспорта и поэтому несколько лет не виделась с Остафовым. Но вот в августе 1939 года судьба снова свела их в совместной работе. Александра Петровна перешла в Киевскую обсерваторию сначала на должность вычислителя, а затем заведующей отделом «службы времени». В это же время и Николай Остафов работал здесь по общественной линии — являлся профоргом обсерватории.

В шестиугольном зале обсерватории стояло пять столов. За одним из них трудился Остафов. Сидевшая напротив Святоха участливо наблюдала, как уставший, с болезненным видом, не подымался из-за стола Николай.

— Мы с сочувствием относились к нему, зная, как тяжело он болен, — говорит Святоха, — и считали это причиной его замкнутости. Огромный объем работы необходимо было выполнить аспирантам. Казалось, вовсе не под силу было завершить ее тяжело больному человеку, живущему в тесной полутемной комнатке без удобств на пятом этаже.

Испытывая недостаток в питании, часто прикованный к постели, Остафов упорно продолжал учебу. Над книгами и конспектами он проводил бессонные ночи. Наконец, в 1939 году Николай Остафов и Алексей Король закончили аспирантуру. Король был направлен в Полтавский институт преподавать астрономию, а затем его призвали в Красную армию. С того времени Николай Остафов и Алексей Король расстались навсегда.

Вот что рассказал в конце 1969 года Алексей Константинович Король:

— Среди моих бумаг нашлось лишь два документа, имеющих отношение к Николаю Максимовичу, — это план научно-учебной работы аспирантов и один любительский снимок. Первый интересен тем, что показывает, какой большой объем работы стоял перед аспирантами, какое напряжение сил и воли требовалось для его выполнения. Дело в том, что в университете во время нашей с Николаем учебы астрономия, по существу, не изучалась. Тех часов, что были отведены в университете для этого предмета, хватало лишь для сообщения студентам самых необходимых общих сведений. В результате, это давало знаний меньше, чем, например, предлагает программа современной средней школы. При университете имелась астрономическая обсерватория, кадры которой были немногочисленными и долгое время не обновлялись. Чтобы поправить это положение, в университете решили создать аспирантуру при обсерватории, куда рекомендовали меня и Николая. Вступительные экзамены мы выдержали успешно и были зачислены в аспирантуру.

За обычный трехлетний аспирантский срок нам предстояло, наряду с обычной аспирантской нагрузкой, восполнить тот пробел, который существовал в программе университета, и самостоятельно изучить общий и некоторые специальные курсы астрономии. На их изучение ушел почти весь первый год аспирантуры.

...Из жизни Николая Остафова мне помнится: он был тяжело болен, но никогда не хлопотал о какой-либо помощи или же лечении. Во многом ему помогали товарищи по работе.

В общении с людьми и на официальных собраниях Николай никогда не избегал «трудных» вопросов. Проводя политзанятия со студентами, он однажды задал вопрос, касающийся внутреннего положения, от которого я похолодел, ибо официальный газетный ответ на этот вопрос прямо противоречил тому, что мы видели в реальной жизни, а я знал, что Николай не мог кривить душой.

Студент красноречиво молчал. Молчали также его соседи по парте. И тогда Николай, полный внутреннего гнева в адрес обывательской позиции студентов, просто, ясно и убедительно разъяснил положение.

Николай любил юмор. Хорошо у него получалось рассказывать анекдоты. Он прекрасно декламировал стихи.

Во второй половине 1940 года Николай Остафов по решению Киевского городского комитета партии был направлен на работу в Сталинский райком партии на должность третьего секретаря. Понимая сложность международной обстановки и положения своей Родины, Николай Максимович оставил научную деятельность и стал партийным

работником. А спустя несколько месяцев он был избран на должность второго секретаря этого же района.

В здании с балконами, скрытыми со стороны улицы буйными каштанами, своими кронами достававшими до самых верхних этажей, размещался Сталинский районный комитет партии города Киева.

Николай Максимович, как правило, был полностью поглощен служебными, партийными делами, но при этом никогда не забывал своих сестер. Он очень часто встречался со своей младшей сестрой Антониной, интересовался ее жизнью, мечтами, расспрашивал о старшей сестре Ольге, о ее здоровье.

Однажды, когда столица Украины оказалась на военном положении и к ее окраинам пробивался враг, Антонина снова подошла к райкому партии, где работал ее брат. У здания стоял часовой.

— Вам что угодно, гражданка? — строго спросил часовой, преградив путь Антонине.

— К брату мне надо пройти, проведать хотела... — объяснила она.

— Куда, к какому брату? — переспросил часовой. — Как его фамилия?

— Да вы что, не знаете Николая Остафова? К нему мне и надо!

— Тоня! Здравствуй! — послышался знакомый голос.

Приподняв голову, Антонина и часовой увидели улыбавшегося секретаря райкома Николая Остафова.

— Здравствуй, Коля! — воскликнула обрадованная гостя.

— Пропустите, пожалуйста, — обратился он к часовому. — Это моя сестра!

И Антонина кинулась в объятия к поспешившему ей навстречу брату.

— Сердце тревожится за тебя, Коля, за город родной. Не дождавшись тебя, сама пришла...

В разных кварталах города вспыхивали разрывы артиллерийских снарядов. При каждом таком взрыве Антонина резко вздрагивала и боязливо ежилась. Она понимала, какая опасность нависла над Родиной. Враг находился на подступах к родному городу и уже обстреливал его кварталы из тяжелой артиллерии.

— Вот так, дорогая сестричка, — заговорил Остафов. — Враг — вот он! Совсем рядом... Видимо, скоро выйдет к Днепру... А там — как прикажут. Пока что строим оборонительные рубежи. Создаем ополчение, но душа чувствует — оставим скоро Киев. Немец уже в двух местах, на юге и севере, форсировал Днепр и крупными соединениями танковых войск

устремился в восточном направлении, а там, наверное, намечает окружение, и тогда... Но из Киева буду уходить последним...

— А как же тогда, Коля? Скажи мне, что делать! — прошептала Антонина, настороженно озираясь по сторонам.

— Если буду уходить из Киева, зайду попрощаться, — тихо объяснил Остафов.

— Хорошо, Коля, я буду ждать! — голос Антонины сорвался, она тихо заплакала.

...Немного позже Антонина вновь посетила райком, но Остафова там не застала.

На подступах к городу Киеву, на Голосиевском направлении, кипел горячий бой. На просьбу Антонины пригласить Остафова часовой ответил, что он на рубеже, и показал рукой в направлении взрывов. Так ни с чем Антонина возвратилась домой. По дороге успокаивала себя, что Коля жив, слава Богу, из Киева пока не ушел. Теперь она будет ждать его в своей квартире, никуда не отлучаясь. Надо что-то предпринять, чтобы он не остался в окружении, ведь он секретарь райкома, коммунист!.. Что будет с ним?..

Утро 18 августа, как никогда, казалось тревожным. Над горизонтом, окаймленное сизо-оранжевой дымкой, поднялось солнце. В воздухе проносились со свистом артиллерийские снаряды и рвались где-то по ту сторону Днепра. В южной и западной частях столицы то утихали, то снова разгорались жаркие бои. Враг неистовал, налегал на отступающие части Красной армии...

В этот роковой день ровно в 17 часов у дома номер 34 по улице Мельника остановилась темно-синяя «эмка». Из машины вышел стройный, подтянутый человек. Это был Николай Остафов. Поправив на себе длинную офицерскую шинель и приблизившись к лестнице, быстро стал подниматься на второй этаж. Подойдя к двери с цифрой «четыре», осторожно постучал в нее.

Вздвигнув, Антонина быстро открыла дверь. Перед ней стоял брат — уставший, с грустными глазами, давно не бритый.

— Коля, дорогой братик! — тихо воскликнула Антонина. — Жив? Я так жду, волнуясь, мой родной. Хотела за Днепр бежать, но ты обещал зайти, и я жду.

— Дорогая моя сестричка, за Днепр уже поздно. Я повинен в том, что ты задержалась, прости меня. Немного не рассчитал, не ожидал, что так скоро немцы подойдут к Киеву. Теперь поздно, фашисты насаждают. Ну, мне пора, дорогая Тоня!

— Ты хотя бы перекуси немного, голодный, наверное, — хлопотала Антонина. Она тут же собрала на стол, Коля присел около стола, взял вилку. Не прикасаясь к пище, Остафов заговорил:

— Обидно, жаль оставлять врагу прекрасную нашу столицу, родную землю, но такой наш удел. — Его лицо, покрытое золотистой щетиной, обветренное летним солнцем, было сосредоточенным, спокойные глаза смотрели прямо на Тоню ласково, участливо и с жалостью. Тоня заметила на его петлицах по три шпалы.

В глазах сестры блеснули слезы, она от неловкости прикрыла лицо руками.

— Рано меня оплакивать, — ласково оказал Остафов. — Будь мужественной. Мы с тобой еще послужим Родине. Впереди у нас тяжелая борьба. Отступаем мы временно, и помни: сюда обязательно вернется Советская власть, а вместе с ней и я... — Голос брата звучал как-то уверенно, пророчески, и она, словно чародея, слушала его.

— Коля, я с тобой пойду! Возьми меня...

— Нет. Не будем напрасно времени терять, оно, как никогда, мне сейчас дорого, — решительно заявил Остафов. — Вот ключи от моей квартиры, сегодня же перейди туда, не откладывая ни минуты. Жди вестей от меня, вот деньги, тысяча рублей, они пригодятся тебе. Запомни хорошенько пароль, с которым, возможно, к тебе обратится человек. Он скажет: «Привет от Иосифа». Знай, что этот человек будет от меня. Он передаст все, что я скажу. Нужно будет ответить отзвон: «Спасибо, но я ждала от Петра».

— Не забудешь?

— Нет, Коля, что ты!

— Тогда до свидания, сестричка! — они расцеловались.

Николай стремительно вышел из комнаты, сошел вниз к автомашине. Шофер возился с мотором. Увидев приближавшегося Остафова, он опустил капот, вскочил за руль, машина тронулась с места и, прикрываясь чуть сизой дымкой выхлопных газов, скрылась в переулке.

Впереди лежал мост через Днепр.

Взволнованная, осталась Антонина в квартире. Она не могла сдвинуться с места, где рассталась с братом. Но вскоре, очнувшись от потрясавших воздух взрывов, прильнула к окну. Вдруг сильный взрыв потряс весь город — это рухнул мост через Днепр, через который шли последние части уставших бойцов и транспорты с техникой родной Красной армии. Николай Максимович Остафов одним из последних успел проскочить мост на «эмке».

Антонина про себя повторяла: «Будь счастлив, дорогой братик! Пусть хранит тебя Господь Бог!» Она тяжело опустилась в кресло... О чем же говорил с ней Коля? Ага, вспомнила: еще вчера немцы прорвались к главным рубежам левого сектора укрепительного района города. Но атака фашистов тогда была отбита. Ведь это же Коля был начальником одного из секторов Киевского укрепрайона. А прощаясь, говорил, что если придут немцы и будут спрашивать о нем, нужно от него отказаться. Сказать — мол, была с ним в ссоре и ничего о нем не знает. Ага, еще говорил: «Ожидай от меня человека»... Значит, в городе остались его верные друзья. Теперь только она начала осознавать сказанное братом: «Борьба продолжается».

Как жаль, вспоминала далее Антонина, что Коля так и не перекусил ничего, посидел и ушел. Где же он сейчас?.. Она вспоминала его одежду, сапоги, в которые был обут, расстегнутую шинель, небритое лицо, уставшие глаза. В руках у брата была фуражка, он все время держал ее в руках...

В этот же день вечером Антонина уже наблюдала, как по улице Мельника маршировали фашистские автоматчики.

На второй день, выполняя приказ брата, Антонина поселилась в полупустой квартире в Обсерваторном переулке, в доме номер 3, и стала в ней жить, с тревогой ожидая человека от Николая. Но никто ее не беспокоил, никто не приходил с паролем. Лишь спустя некоторое время Антонину вызвал к себе директор обсерватории и с хитрецей в глазах спросил:

— Кем был ваш брат, проживавший в этой квартире? Чем он занимался и где находится в настоящее время?

— Ничего о нем не знаю. Была с ним в ссоре все время, по характеру он тяжелый человек. Тогда он меня не интересовал, а теперь — тем более...

Она говорила эти слова, а сердце сжималось от боли, от обиды за Николая. Ее мучила совесть: «Как же это я отказываюсь от своего брата?»

— Говорят, он коммунистом был?

«Не только был, он им и остался», — подумала она, а вслух сказала:

— Об этом ничего не знаю, возможно, и был...

— Ну что ж, раз не знаете, идите, — загадочно улыбнулся директор. Спустя месяц директор обсерватории вновь пригласил к себе Антонину и возобновил прежний разговор. Но и в этот раз, выслушав аналогичные ответы, решил ей идти к себе домой.

В это же время сторожем в обсерваторию оформился мужчина средних лет, с виду — весьма интеллигентный. Даже со стороны было видно, что физическим трудом он не занимался, но причиной того, почему он пошел работать сторожем, Антонина не интересовалась, понимая одно: наверное, не от хорошей жизни. А вслед за его появлением в обсерватории к Антонине с фронта вернулся муж. Через несколько дней ее вновь вызвал заместитель директора обсерватории и строго спросил:

— Мне стало известно, что в помещении, принадлежащем обсерватории, вы скрываете двух евреев. Правда это?!

— Это чистая клевета! — ответила Антонина возмущенно.

— А что за мужчина у вас скрывается?

— Это мой законный муж. Он не скрывается, а живет, как и многие другие!

— Откуда он появился и почему не выходит на улицу?

— Он возвратился с фронта, больным, все время находится в постели. Он не скрывается — зачем ему скрываться, если он находится дома, — прямо ответила Антонина.

— А второй, тот, который заходит к вам. Кто он такой? — уставившись на Антонину пытливыми глазами, допрашивал замдиректора.

— А... этот. Это же сторож вашей обсерватории. По-моему, он хороший человек. Впрочем, не мое это дело. Ведь вы же его принимали на работу, вы и должны знать, — решительно и без запинки отвечала Антонина.

— А этот, больной, точно является вашим мужем?

— Вы что, не верите? Тогда спросите, пожалуйста, киевлян. Его многие знали в довоенные годы.

— Хорошо... Можете идти.

Выходя из кабинета, Антонина недоумевала: «Кто же он, этот замдиректора, свой или чужой? Ведь ему необязательно было говорить со мной на эту тему, а можно было просто сообщить в гестапо. Однако он этого не сделал. Кто же он?..»

На этом все закончилось. С того времени больше никто не вызывал Антонину, не расспрашивал ее ни о чем. Не появлялся также и ожидаемый от брата человек. «Наверное, где-то погиб, бедняга», — думала Антонина.

Но как-то в один из дней в квартиру зашел старик. Поздоровавшись с хозяевами и вызвав в коридор Антонину, он сказал: «Я хорошо знал вашего брата, ждал весточки от него, но, к сожалению...» — он развел руками, не окончив мысли.

— Что, он погиб? — тревожно осведомилась Антонина.

— Нет. Не знаю ничего. Он хороший человек. Возможно, он жив и действует. Но к вам я пришел не за этим. Я хочу вас предупредить. Спасайтесь, — тихо шептал он. — Без шума, осторожно, незаметно, ибо завтра же за вами придет гестапо. Не сомневайтесь во мне. Я верный друг вашего брата Николая Максимовича, — и старик собрался уходить.

— Ну что вы, за что такая напасть на нас? — недоумевающе пыталась разузнать женщина.

— Не советую терять времени на расспросы, — предупредительно сказал старик на прощанье. — Будет поздно!

Спустя два часа Антонина Максимовна с мужем тайно покинули квартиру. И когда гестаповцы, взломав замок, ворвались в квартиру, хозяев не было. Гестаповцы переворачивали оставшиеся вещи, пытались найти хоть какие-нибудь улики. Антонина с мужем тайно пробрались на белорусскую землю, туда, где, по дошедшим до них слухам, уже действовали народные мстители. В селе Рожава Мозырского района они влились в партизанский отряд Ивана Федоровича, которого впоследствии заменил Маликов, и действовали в нем до самого дня освобождения родной земли от гитлеровских захватчиков.

* * *

...Отечественная война застала Филимона Петровича Остапенко на посту второго секретаря Киевского горкома партии. По службе Николай Остафов поддерживал тесный контакт с Филимоном Петровичем, а когда гитлеровские войска приближалась к столице Украины, Остапенко являлся комиссаром штаба обороны левого сектора Киевского укрепрайона на подступах к столице. От Днепра до Жулян (участок Голосиевский лес — аэродром) все входило в левый сектор Киевского укрепрайона.

Николай Остафов являлся начальником штаба обороны, входившего в состав левого сектора, и занимал оборонительный участок Киевского укрепрайона: Жуляны, Тарасовка, Гатное, вплоть до Виты-Почтовой. Здесь воздвигали оборонительные рубежи, копали окопы, противотанковые рвы, траншеи. Создавались роты и батальоны, даже полки народного ополчения.

18 сентября ставкой Верховного командования Красной армии был издан приказ о сдаче войсками города Киева. В этот же день на левый берег Днепра был отправлен партийно-советский актив города для дальнейшего отступления на восток. Но с эвакуацией запоздали. Кольцо вражеских

войск на второй день сомкнулось, создав так называемый «кременчугский и черниговский клин»: Козелец — Нежин — Дубны. В Прилуках остался отрезанным от своих штаб фронта, и связаться с ним было невозможно. Крупная группировка Красной армии, в состав которой входили различные рода войск, двинулась на прорыв вражеского кольца.

Сначала двадцатитысячная армия с боями пробивалась на Донбасс — Лисичанск, Красный Луч. Но с каждым днем силы и боеприпасы таяли. Враг нагло наседал, терзая артиллерийским огнем, авиацией, пытаясь расчленить отступающие с боями войска на части с тем, чтобы эти лучшие кадры партии и армии ликвидировать полностью.

Совместно с пограничными войсками и войсками Комиссариата внутренних дел прорывались ополченцы обороны города Киева, партийный и советский актив. Прорыв этот продолжался шестьдесят трое суток. За весь период прорыва Филимон Петрович нигде не встречал Остафова и о его судьбе ничего не знал. Оказавшись по ту сторону прорыва, он был назначен начальником политотдела 44-й армии. В этой должности он находился до марта 1944 года, а затем Центральным комитетом партии Украины был отозван из армии и направлен на работу в Сталинский райком партии города Киева на должность первого секретаря. Именно в тот самый райком, в котором накануне и в первые месяцы войны работал Николай Максимович. Но и здесь о судьбе Остафова в то время ничего известно не было.

В конце августа 1964 года Филимон Петрович, рассказывая о деятельности Николая Максимовича в период его работы секретарем райкома и, особенно, в тяжелые дни обороны столицы, дал ему высокую оценку как настоящему человеку — коммунисту, руководителю, патриоту. Он сказал: «Остафов по своему характеру был исключительно скромным, дисциплинированным человеком. Он был толковым руководителем, умным, развитым, грамотным. Николай Остафов — это человек ленинской закалки. Это замечательный патриот нашей Родины и прекрасный партийный работник. О его судьбе, — закончил Остапенко, — мне стало известно лишь в послевоенные годы из книги Дмитрия Николаевича Медведева».

* * *

— Это Переяславский район, — спокойным голосом про себя сказал Остафов. Двигались полевой дорогой. Позади «эмки» взвивались клубы серой пыли. Проскочив балку, поднялись на холмик, остановились в тени.

Оба вышли из машины. Остафов поднял к глазам бинокль, висевший на груди, повел по горизонту.

— Вот она, родная Украина, — с душевной болью говорил Остафов. — Снова приползли сюда змеи ядовитые в зеленых шинелях. — Он молча рассматривал в бинокль полыхавшие пожарища. Было видно, как по главным дорогам сновали немецкие грузовики, мотоциклы с солдатами. Гнали советских военнопленных.

Снова сели в машину, и «эмка» помчалась в село, раскинувшееся в долине.

— Здесь наш путь окончен, — резюмировал Николай Максимович, — немцы вокруг нас. Необходимо укрыть машину и самим укрыться где-нибудь.

— Конечно, машина нам может еще пригодиться, — согласился водитель.

— Куда же девать деньги? — вспомнил Остафов.

— Сколько их имеется, Николай Максимович, и какими купюрами? — спросил шофер.

— Девять тысяч. Все по сто рублей.

— Есть выход. Спрячем их в голенища сапог, снимайте их, а я быстро сбегаю...

— Куда? — осведомился Остафов.

— К хозяйке, вон в ту хату, — и не дожидаясь разрешения, скрылся.

А возвратившись, он увидел в руках Остафова пистолет. Шофер подумал: «Ясно, одного-двух ухлопает, а затем сам себя. А правильно ли он поступит?» И понял, что Остафов сам размышляет над этим вопросом. В эту минуту он, видимо, решил... Пистолет сунул в кобуру и, обратившись к водителю, спросил:

— Принес?

— Сейчас все сделаем, — сказал шофер и моментально распорол верхний шов сапога Остафова. Разделил пачку купюр, стал засовывать их в голенища.

— В этот сапог достаточно! — остановил шофера Остафов. — Скорее зашивай...

— А куда же остальные? Здесь пять тысяч...

— Зашивай в свои сапоги. Пригодятся, если, конечно, живы останемся, — спокойно отвечал Остафов.

— Ну что вы, Николай Максимович, такую сумму. Куда мне? — с удивлением произнес шофер, уставившись на Остафова.

— Давай, быстро зашивай деньги! Я здесь старший и прошу подчиняться! — чуть строго, но ровным тоном проговорил Остафов.

Когда все было сделано, шофер с подозрением посмотрел на офицерские кирзовые сапоги своего начальника.

— О чем вы думаете, почему приглядываетесь к моим сапогам? Мы не перепутали их? — осведомился Остафов у шофера.

— Сапоги у вас уж больно привлекательные. И я вот думаю: в какую обстановку мы еще попадем — неизвестно, кто-нибудь может позариться на них. А деньги, действительно, нам могут пригодиться...

— Что же вы предлагаете?

— Сапоги надо немного попортить!

— Правильно, мысль хорошая!

Водитель сбежал к машине, принес напильник и начал им тереть по голенищам сапог Остафова. На самых видных местах прорезал дырки. Оставшись довольным своей работой, сказал:

— Теперь на них никто не посмотрит, даже самый захудалый гитлеровец.

Шум моторов приближался. По пыльной улице села двигались фашистские танки, мотоциклисты, автоматчики. Остафов перебрался в другую часть сарая, спрятал в соломенную крышу личное оружие, партийный билет и документы, подтверждающие его личность. И только успел вернуться к своему водителю, как на пороге появились немецкие солдаты. Их тут же обоих обыскали. Отвели к танкам. Вскоре фашисты наводнили село и стояли в нем двое суток. Остафов и его шофер содержались с другими пленными, оказавшимися в таком же положении, под охраной. Их допрашивали немцы.

— Я из Киевского университета, работал там научным сотрудником, — отвечал Остафов.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся офицер. — Какая у тебя наука была, у большевика?

— Не верите, — возразил Остафов, — можете проверить, в университете у меня имеются научные труды. Я должен был защищать диссертацию в Ленинграде, если бы не война... — Тяжело вздохнув, добавил: — Война, проклятая, помешала.

— Ничего, не беспокойся, — с тупым зазнайством ответил гитлеровец, — скоро и Москва, и Ленинград будут в наших руках. Если ты поймешь величие нового порядка, немцы дадут возможность продолжать твою науку. А если нет — сам понимаешь, чем все может кончиться... Понимать меня? Немцы — народ хороший и пришли сюда, чтобы

освободить вас от большевиков, дать лучшую жизнь Украине и другим народам. Значит, твоя фамилия Король?

— Да, моя фамилия Король, звать Алексеем, — уверенно ответил Остафов.

Шофер, согласно предварительной договоренности, упорно доказывал немцу аналогичное и не выдал Остафова. На вторые сутки их разъединили. Остафова отправили в колонне пленников — к Днепру... Шофера — с другой группой.

Николай Максимович шел вместе с соотечественниками по только что захваченной врагами советской земле. Родные просторы Приднепровья стояли в дыму пожарищ. Вдали гремели оружейные раскаты, стонала поруганная украинская земля. Ему казалось, что все вокруг изменилось: и лес, и Днепр седой, и берега его крутые стояли угрюмо, безмолвно... Теперь он, Остафов, коммунист, сын политкаторжанина, преданный Родине до последнего своего сознания, шагал в качестве военнопленного на запад. И хотя он не знал, что сулит ему впереди судьба, он твердо верил в силу своего народа, в гениальный ум родной партии, плотью и кровью которой являлся он, Остафов. В душе он поклялся служить им верой и правдой, куда бы ни забросила его судьба. Именно для этого и только для этого старался он сохранить свою жизнь.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

«Скоро наступит Варфоломеевская ночь», — шептались между собой горожане. На самом деле, даже вовсе постороннему человеку бросалось в глаза, как по городу оживленно сновали шуцманы. Они сгоняли толпами еврейское население города в гетто.

Шуцманы попарно, а иногда целыми группами врываются в еврейские квартиры, грабят их, а хозяев выгоняли на улицу с вещами, которые они успевали прихватить, и конвоировали в гетто. Грабежи продолжались и в пути, и в самом гетто. У беззащитных людей отнимали их последние пожитки. Это были произвол и насилие среди бела дня, на глазах у всего города. Среди шуцманов выделялись некоторые, в том числе один, ровенчанин Григорий Коломиец, который со своими сподручными менял награбленные вещи на спиртное и здесь же, напившись, бродил по закоулкам города, выискивая все новые и новые жертвы.

В первые дни оккупации в Ровно немцами был создан политический карательный орган, именуемый «СД Волыни и Подолии». Он разместился в двух зданиях под номерами 24 и 26 по улице Немецкой. Шефом его стал деспот и жестокий фашист, штурмбанфюрер СС, доктор юридических наук 34-летний Карл Пютц. Его заместителем был 54-летний фашист, оберштурмфюрер СС, он же начальник четвертого оперативно-следственного отдела СД Зеен. Политический отдел главного СД возглавлял Иоргенс.

Гауптшарфюрер СС, в прошлом дрезденский босяк Кунце являлся заместителем начальника четвертого отдела СД и руководил всеми массовыми расстрелами. Шарфюреры СС Майнгольд и Густав Крече «трудились» следователями четвертого отдела главного СД Волыни и Подолии.

Начальником Ровенского отделения СД был Рудольф Визе. В столичном городе Ровно размещались управления фельджандармерии, крупный отдел гестапо, отделы «Абвера», охранная окружная и областная полиция — шуцполиция, основу которой составили бывшие политические преступники, убийцы, уголовники, пьяницы и остальные морально разложившиеся типы, бежавшие в сентябре 1939 года из этих областей на Запад. Теперь же, в июле 1941 года они возвратились сюда в обозе гитлеровских убийц. Было создано два карательных отряда — Криминальная полиция (КРИПО) и Украинская государственная служба безопасности (УДСБ*).

— Следует быть дипломатами, — отвечал Карл Пютц вышестоящим офицерам, когда те допытывались у него, зачем ему понадобились КРИПО и УДСБ. — Надо действовать так, чтобы руками самих украинцев выловить и обезвредить всех до единого активистов, на которых опиралась большевистская власть. В это русло направлена вся деятельность главарей украинских националистов — местной ОУН во главе с братьями Буселами — Александром и Яковом, Владимиром Робитницким, Ростиславом Волошиным и другими. По моему распоряжению, — продолжал Пютц, — они обязали своих подопечных — окружных и районных референтов ОУН — направлять в полицию членов ОУН, которые способны справиться с нашей задачей.

— А вы, господин Пютц, уверены, что эти типы будут и впредь честно служить великой Германии? — осведомлялись берлинские хозяева.

* УДСБ — Українська державна служба безпеки (укр.).

— Нет! Что вы! — расхохотался шеф. — Я вовсе далек от такой мысли. Наши действия должны разбиваться на определенные этапы. Я это хорошо понимаю. На данном этапе мы крайне нуждаемся в их помощи. Ведь кто, как не они, хорошо знают людей, их язык, обычаи и, наконец, местность. Вот мы и стремимся с их активным участием выявить и выловить всех тех, кто оставлен в городе и окрестностях большевиками. Я предоставил права начальнику Ровенского СД Рудольфу Визе, комендантам УДСБ, КРИПО и местной полиции Францу Круппе устанавливать бывших большевистских активистов, коммунистов, членов КПЗУ* и заставлять их работать на нас, а тех, которые будут увильгивать от работы с нами, заставить развязать свой язык, а затем — на Белую улицу... Так называемому краевому «проводу» ОУН я разрешил формально создать свой суд. Выгодно это нам, немцам? Конечно, выгодно... Вот, например, мне недавно докладывали главари оуновского краевого «провода» братья Буселы, что они правами этого так называемого суда уже приговорили за измену нации несколько сот украинцев к смерти. Все они казнены!

— За измену какой нации? — осведомился берлинский гость.

— Ну, этой... украинской!

— Тоже мне нация! Скоты, а не нация! — возмущался тот. — Нельзя ли придумать другую форму обвинения, — разошелся он, — хотя бы, скажем, за связь с коммунистами, НКВД?!

— Да нет, господин фюрер, — возразил доктор Пютц, — разве нам с вами не все равно, по какой формулировке они будут расправляться с местными активистами? Опять-таки поймите меня: власть эта им временно предоставлена. До тех пор, пока передают активистов. Пусть потешатся!

— Ну и как эти «аисты», оправдывают наше доверие? — поинтересовался фюрер четвертого берлинского СД.

— Да, да, господин шеф, я хотел бы вам об этом и рассказать... В полной мере оправдали себя эти Буселы. Вот, например, через свой суд они, так сказать, «помиловали» по нашему указанию некоторых бывших большевистских активистов. И те, спасая свою подлую шкуру, выполняют наши секретные задания. Ведь они служили Советам, а теперь обязаны выискивать зарождающиеся здесь подпольные большевистские группы, под предлогом активистов проникать в эти группы, брать руководство ими в свои руки, выявлять всех участников, вести деятельность этих групп так, чтобы не допустить террор и диверсии против нас. Ну, а

* Коммунистическая партия Западной Украины.

когда мы будем руководить этими группами через них, то, сами понимаете, они нам не будут страшны. Неусидчивых и особо активных будем постепенно обезглавливать. Эту работу будем проводить и своими руками, и руками братьев Буселов. Мастера они на эти зверства!..

— Тогда я одобряю ваши разумные действия, доктор, — одобритально заявил берлинский шеф. — Советую активнее заниматься этим, чтобы в ближайшее время мы раскрыли всех агентов, оставленных НКВД и большевиками. Ведь Ровно, как ни один город на Украине, мы обязаны обезопасить, так как здесь расположен наш рейхскомиссариат.

— Мне как-то докладывал Рудольф Визе, — говорил далее Пютц, — что комендант ровенской полиции Франц Круппе хорошо сработал в этом деле. В его подследственной тюрьме сидят бывшие коммунистические активисты, комсомольцы — они не признаются, кем и с каким заданием оставлены. Кто еще и где прячется из их числа, каковы их дальнейшие планы против нас? Ведь нам небезразлично располагать такими сведениями, а они молчат. Их зверски пытаются, но те переносят побои и пытки, словно немые. Ведь мы их можем прямо уничтожить, и всё, но секреты они унесут с собой в могилу. Не так ли? И что вы думаете, Франц Круппе решил этот вопрос. Он нашел нескольких бывших активистов, примыкавших ранее к КПЗУ и подпольному комсомолу, обработал их и подсадил в камеры к этим...

— Ну и каков результат? — поспешил тот.

— Что вы! Блестящая операция. Они в разных камерах признали их за своих, тоже попавших в застенки, и выболтали все свои замыслы. Нами изъяты оружие, боеприпасы и арестованы новые активисты.

— И что дальше?

— Ничего. Все уничтожены!

— А где же тот, их главный, чем он промышляет?

— О!.. Он самодоволен. Торжествует. Недавно свадьбу сыграл. Женился на молоденькой, такой смазливой девчонке, правда, из семьи фольксдойче. Мы его отблагодарили. Создали хорошие условия, устроили его на руководящую работу. Надеемся, он нам еще пригодится...

— А возьмите другого типа — «Тараса Бульбу». Сколько его руками перебито этих активистов! Все по нашему указанию, и один Бог об этом знает! Причем этот человек выступал под разными прикрытиями. Когда-то он скрывался от большевиков. А с нашим приходом сюда «Бульба» возглавил так называемую главную команду Полесской Сечи. Мы ему первоначально разрешили издавать свой орган Полесской Сечи — газету «Гайдамаки». Являясь нашим агентом, он выступал под лозунгом «Хай

живе український народ і його державність!»*. Затем мы его «подняли» выше, подчинили ему некоторые районные и сельские команды полиции. И здесь мы допустили определенную глупость: от него отшатнулись люди. Пришлось исправлять ошибку...

— Как?

— По моему секретному распоряжению наши войска окружили главную команду Полесской Сечи, разоружили ее казаков, выпороли нагайками, а сам атаман заблаговременно сбежал, перешел на так называемое нелегальное положение и уже под новой личиной как восставший против немцев атаман, с которыми не поладил, стал спешно сколачивать националистическое подполье. Это диктовалось тем, что в северо-восточных районах Ровенщины начали появляться вооруженные большевистские банды, и Бульба нами готовился в качестве противодействия им. И теперь он со своим подпольем ведет по нашему заданию не только большую разведывательную работу, но и вскрывает группы большевиков и часто входит с ними в вооруженные столкновения.

— Да, трудная работа здесь у вас, господин Пютц, — проговорил берлинский шеф. — Почти так, как на фронте...

— Безусловно, тяжело. Но я вам только кое-что рассказал, — выскомерно хвастался доктор-убийца. — Но долго так не будет, уверяю вас. Я при помощи этих бульбашей, буселов и их лазутчиков выловлю все большевистское отродье, расправлюсь с ним, и вы сможете доложить нашему дорогому фюреру о полном спокойствии здесь, в этом богатом полесском крае — Волини.

— В этом мы уверены, Карл, — произнес берлинский шеф. — Карательная власть Гитлера здесь в надежных руках!..

Ураган войны давно перенесся далеко на восток за седой Днепр, а здесь, уже в глубоком тылу врага, по железной дороге, по шоссе и воздушным трассам дни и ночи фашисты непрерывно гнали технику и живую силу на Восточный фронт.

Словно огненный смерч войны пронесся над многострадальной украинской землей. Казалось, пожар погашен, лишь кое-где дымятся чуть заметные очаги. Родители, дети, жены бывших активистов, комсомольцев и коммунистов поправляли размытые весенними и осенними дождями холмики где-то за селом, у оврагов расстрелянных и замученных оуновцами и гитлеровцами своих близких. Оплакивали их. А кое-где по полям ходили зажиточные мужики, восстанавливали былые границы

* Пусть живет украинский народ и его государственность! (укр.).

своих наделов, вошедших в довоенные годы в общественное пользование колхозов. Здесь, в западной части оккупированной фашистами Украины, каким явился и город Ровно, господствовали надменные гитлеровские «маленькие» и «большие» фюреры. Они-то руками предателей и врагов Советской власти различных мастей устанавливали так называемый «новый порядок» в Европе...

Солнце еле проглядывало из-за темно-серых туч, словно из-за косматых, злых бровей сказочного чудовища. Оно на мгновение освещало Вселенную и снова лениво пряталось за этими бровями. Солнце уже не грело, оно лишь холодно созерцало. С полей давно убрали последние кусты картофеля, и там, где совсем недавно буйно зеленела листва сахарной свеклы, уже чернели вспаханные поля. Обрушились холодные дожди, поливая кое-где засеянные нивы. Глубокая осень 1941 года вступила в свои права.

— Пленных, пленных ведут! — возбужденно закричала женщина. — Идемте скорее, может быть, и наши бедняги там, — звала она появившуюся соседку. Озабоченные и радостно взволнованные женщины побежали на окраину города. Здесь, у самой мельницы, на южной окраине города Ровно собралась большая толпа людей. Среди этой толпы большинство составляли женщины. Уже можно было точно определить по выделявшимся пилоткам, фуражкам с разноцветными околышами, забинтованным головам — идут пленные после тяжелого боя, неравного боя с фашистской нечистью. Колонна двигалась вниз по Колоденскому тракту к мельнице, у которой их поджидала толпа любопытных.

В серых шинелях, гимнастерках, френчах, грязные, покрытые серой дорожной пылью, молча двигались изможденные люди. На их серых морщинистых лицах, покрытых густой щетиной, отражалось все случившееся: обида за поруганную Родину, за своих родных и близких, страдание и горе из-за потери своего человеческого достоинства.

Серый сплошной поток людей, словно дождевая мутная лавина с гор, врзался в город. Впереди колонны вышагивали юные гитлеровцы с красными повязками на рукавах, с автоматами на груди, в пилотках. С обеих сторон вдоль колонны и замыкающими бегали разношерстные предатели попеременно с немецкими солдатами, вооруженными простыми винтовками. Эта лавина безмолвно двигалась уже вдоль высокой ограды из протянутой в два ряда колючей проволоки лагеря для военнопленных. По углам над лагерем виднелись вышки вахпостов, на которых, точно мумии, неподвижно стояли солдаты в светло-зеленых шинелях и в касках. Рядом с ними торчали пулеметные стволы.

Лагерь смерти и позора широко распахнул свои ворота и, подобно гигантскому кровожадному чудовищу, проглотил весь поток людей в серых шинелях. Вслед за ними ворота со скрипом сомкнулись, а измученные люди, оказавшись за изгородью, повалились как попало на сырую, холодную, политую потом и кровью соотечественников осеннюю землю.

Вместе с толпой в лагерь с поникшими головами, совсем не выделяясь среди остальных, вошли Остафов, Родионов, Галуза... Я тоже стоял в толпе — пораженный, одинокий, никого не зная вокруг. То ли от лютой ненависти к фашистам, то ли от жалости за судьбу бывших воинов своей Родины, оказавшихся в таком положении, мои глаза повлажнели от горя и холодные слезы потекли по горячим щекам. Сцепив зубы, я вытер рукавом глаза и обвел взглядом незнакомые лица, прошептал: «Варвары! Убийцы! Сволочи!»

И теперь, именно в эти дождливые осенние дни того страшного 1941 года некоторые, потеряв веру в силу своего народа, считали, что вместе с Советской властью на Украине погибло все прогрессивное, живое. Что оно похоронено и поросло бурьяном.

В этом лагере смерти с человека слетали показная бутафория, лживый патриотизм и все наносное. Проявлялись его подлинное состояние духа и отношение к советскому строю. Наглядно проявлялась слабинка тех, кто не выдержал испытаний, смалодушничал и, освободившись из лагеря смерти, стал верно служить врагу, мотивируя это тем, что, мол, Советской власти пришел конец, а жить как-то надо.

Приспособились. И лишь сильные духом люди упорно продолжали держать жестокий экзамен на мужество. Эта категория людей в самые тяжелые дни сумела сохранить в себе могучую силу воли. Умирая, они верили в победу своего народа над врагом, а те, которые оставались в живых, даже в условиях фашистского лагеря смерти не только глубоко верили в победу, но и там завоевывали ее.

Находясь в ровенском лагере, Николай Остафов упорно изучал отдельные военнопленных и остановился пока что на двух: Василии Галузе и Сергее Родионове. Он чувствовал, что это надежные люди. И начал действовать.

Как выяснилось позже, Остафов не ошибся. Оказалось, Сергей Родионов — кадровый офицер Красной армии. Этот высокий, худой, с бритой головой человек являлся комиссаром 31-го отдельного мотострелкового батальона, который накануне войны из Шкотова и Владивостока был переброшен на Украину и в составе четвертой бригады отдельного корпуса железнодорожных войск участвовал в боях против фашистов на

подступах к столице Украины — городу Киеву. Будучи контуженным, он очутился в фашистских лагерях...

Гром артиллерийской канонады постепенно угасал. Жителям древнего Киева теперь были слышны лишь орудийные раскаты на юго-западных подступах к городу. Тяжелые снаряды врага с воем проносились над златоглавым Софийским собором, Киево-Печерской лаврой в восточном направлении и рвались там, по ту сторону могучего седого Днепра, где десятки тысяч воинов Красной армии, уставшие в боях, отступали по пыльным дорогам на восток. Теперь уже пожар войны, словно неугасимое пламя, гонимое сухим сильным ветром, перекидывался по соломенным крышам сел, переметнулся на левобережную Украину. Отборные гитлеровские армии с юга и с севера обошли столицу Украины, форсировали днепровский рубеж. Красная армия отступала в жестоких боях. Грохот орудий, пулеметные очереди, непрерывные взрывы снарядов, бомб и мин — все слилось в единый неугомонный гул. Черный дым пожарищ стелился по Заднепровью. Несмотря на большие потери, гитлеровским войскам все же удалось на многих участках продвинуться вперед. Седой Днепр стал свидетелем того, как пересекали его рубеж мощные тягачи, бронетранспортеры, гигантские дизели и лошади, словно непрерывная лавина тянула на восток смертоносное оружие. Казалось, что нет всему этому ни конца, ни края. И что нет такой силы, которая смогла бы теперь остановить эту «чингисхановскую» лавину гитлеровского вермахта, раввавшегося овладеть плодородным краем, согнать лучших людей в лагерь смерти, остальных сделать рабами.

...На нескошенном лугу у дороги лежали убитые красноармейцы. Но вот один из них немного зашевелился, приподнял голову и вновь ее опустил. Со стороны Днепра повеяло прохладой, и солдат снова очнулся. Немного приподнявшись, он полностью пришел в сознание, но подняться так и не смог. Вдруг к нему склонилась женщина:

— Как звать тебя, сыночек? — спросила она.

— Василием! — высохшими губами прошептал солдат...

Так вновь пришел к жизни советский воин — Василий Галуза.

До описанного сражения за Днепр его жизненный путь был такой: жил в далекой сибирской деревне Успенке Красноярского края, в русской крестьянской семье. В 1933 году умер отец, мать перешла на иждивение к старшему сыну Федору. У Василия было еще две сестры, Анна и Анастасия — обе они теперь живут своими семьями, работают в зверосовхозе на острове Путятин Приморского края. В 1936 году Василий Галуза

закончил Канский сельскохозяйственный техникум. Там же в 1935 году был принят в Ленинский комсомол. После окончания техникума Василий продолжал трудиться в должности агронома в Красноярском крае.

В сентябре 1938 года Ачинским райвоенкоматом он был призван на действительную службу и сразу же зачислен в школу младшего командного состава, а в декабре 1939 года получил должность политрука. А в марте 1940 года Василий Галуза стал курсантом Киевского военного училища связи имени М. И. Калинина. В январе 1940 года ему присвоили звание младшего сержанта, в мае 1941 года после успешного окончания училища он получил звание лейтенанта и был назначен на должность командира взвода 558-го отдельного батальона связи 193-й стрелковой дивизии.

...И тут, в ровенском лагере смертников, Сергей Родионов и Василий Галуза, почувствовав в лице Остафова партийного руководителя, доверились ему. Изредка они конспиративно встречались, обменивались мнениями по отдельным кандидатам — надежен человек или нет, выявляли в лагере предателей и провокаторов, переметнувшихся на сторону врага.

Однажды Родионов размышлял:

— Вот если бы денег раздобыть, черт побери! Я здесь пронюхал одного. Обещает на работу в городе определить! Но...

Николай Максимович с ноткой предосторожности сказал:

— А он надежный человек? Не подведет? А то может и деньги взять, и на тот свет загнать...

— Да парень-то как будто неплохой. А там кто ему в душу заглянет, — неуверенно отвечал Родионов. — Говорит, что деньги не ему, а старшему там кому-то нужны...

— А кто он? Кем работает и где?

— Да ежедневно в городе бывает. Пленных на работу конвоирует. Клянется, что пробрался туда с целью оказывать помощь, кому следует.

— Кто он ни есть, раскрываться перед ним не следует, — строго-настрого предупредил Остафов. — А что касается предложения, то оно заманчиво. Постарайся еще раз с ним поговорить только о деньгах.

— Но ведь это же напрасно будет, денег-то нет! — с безнадежностью в голосе сказал Родионов.

— Будем искать, если не запросит много, — уверенно ответил Остафов. — Пусть назначит конкретную сумму!

...Смерть и только смерть господствовала над лагерем обреченных. Об этом свидетельствовали не только приказы и распоряжения лагерной администрации, но и различные плакаты, лозунги фашистских палачей, расклеенные с немецкой педантичностью в районе проходной гауптвахты, на караульном бараке, на стенах внутрилагерных помещений, на внутренних заборах. И не только лозунги угрожали смертью, а также и гортанная речь: «Рус! Капут! Алле-е, рус капут!» — несло повсюду. Эти угрозы выкрикивали появлявшиеся здесь гестаповцы, лагерные охранники, полицейские. Даже предатели Родины позволяли себе такое.

Внимательно следил обессиливший Остафов, как ежедневно и последовательно вызывались отдельные пленные поодиночке и целыми группами на допросы, а затем они исчезали бесследно.

— Смотри, Василий, смотри, Сергей, — предупреждал он осторожно Галузу и Родионова, указывая незаметно на тех, кого вызывали в лагерное гестапо. — Работа агентуры, провокаторов. Они среди нас. Будьте осторожными. Никому не доверяйтесь, иначе и нам туда укажут дорогу...

А как только над лагерем опускались сумерки, и лишь по периметру колючей проволоки-изгороди ползали лучи прожекторов, со всех уголков лагеря — из ям, развалин, разбитых помещений — вытаскивали мертвых. В отдельных из них еще теплилась жизнь, еще продолжало трепетать истощенное сердце, но это никого не интересовало. Никто не обращал внимания, не прощупывал пульс. Их так же, как и остальных, уже давно закованных, бросали навалом, затем гробокопатели хватали за руки, ноги и грузили в телеги, машины и увозили за пределы лагеря. И так ежедневно. Это была «мирная смерть», с нею уже свыклись, никто этому не удивлялся. Но в лагере еще и казнили...

Среди многотысячной толпы обреченных, изможденных людей стоял и он, ничем не выделявшийся среди остальных, — Николай Остафов.

— Что же они затеяли, сволочи? — прошептал Остафову на ухо Родионов, стоявший рядом.

— Наверное, кого-то казнить задумали... — ответил Николай Максимович.

Усталым и беспомощным взглядом Остафов окинул взволнованную толпу. Суровые лица... Гробовое молчание... На эти же колючие глаза обреченных наталкивались фашистские садисты. Люди беспомощно глядели друг на друга, понимая, что близится роковая минута казни. На чью долю выпала сегодняшняя экзекуция, никто сказать не мог...

Наконец, началась подготовка к казни. На лагерной площади гробопопатели вырыли три узенькие ямы, затем приволокли бревна, вставили в ямы, плотно утрамбовали их землей.

— Что же они задумали, кого казнить будут? — раздавались вокруг настороженные тихие голоса.

— Полицаи вчера поймали троих пленных, бежавших из арбайтс-команды*, — шепотом объяснил один пленный, стоявший во втором ряду. — Их передали в лагерное гестапо, поместили в команду смертников и решили для устрашения остальных сегодня казнить здесь, прямо на наших глазах.

— А ты откуда обо всем знаешь? — недоверчиво спросил пленный, стоявший рядом.

— Как откуда? — замялся тот. — Знаю, и все! Тебе разве не все равно, откуда?

Остафов невольно обернулся. Этого лысого выхоленного человека он встречал здесь впервые. «Подозрительный тип и не внушает доверия», — подумал Николай Максимович.

— Он провокатор, сволочь... — прошептал пленный, стоявший рядом с Остафовым. — Будьте с ним осторожны, я его знаю...

В этот момент со стороны камеры смертников появилась группа лагерных полицаев, которые вели на площадь трех молодых, крепких парней в пыльной красноармейской одежде со скрученными назад руками.

— Вяжите их к столбам! — распорядился старший полицай из фольксдойче своим подопечным, ползавшим у ног фашистов, словно овчарки. — А ты, — кивнул он другому, — бегом принеси прутья! Живее! Живее!

Солдаты, гестаповцы, лагерные полицейские, столпившись, хватали принесенные сырые прутья и наотмашь били изо всех сил обреченных, привязанных к столбам. Десятитысячная толпа военнопленных наблюдала, как гитлеровские садисты с присущей им педантичностью и хладнокровием истязали советских людей. Первоначально их тела вздрагивали от ударов, дергались руки, ноги. Из рассеченных голов по лицам струилась кровь.

Опустив глаза, нахмутив брови, Остафов с затаенной злобой старался не смотреть на дикую картину расправы над людьми. Но ему невозможно жаль было несчастных, он еле сдерживал себя от крика. «Вот он,

* Арбайтскоманда — рабочая команда (нем.).

“новый порядок”, это “новый порядок”, принесенный цивилизованными гитлеровцами», — мучительно проносилось в голове...

У одного из несчастных жизнь уже оборвалась. Он не вздрагивал от ударов, русая голова красноармейца опустилась на грудь, и ко всему происходящему он уже был безразличен. Палачи продолжали истязать двух остальных. Когда жертвы перестали подавать признаки жизни, в распахнувшейся калитке ворот появились двое. Кое-кто из военнопленных их узнал не сразу. Первым шагал долговязый Шмидт, вслед за ним в сопровождении двух здоровенных овчарок шел надменный гауптштурмфюрер СС Паульзен — непосредственный представитель Абвера Украины. Сюда, в лагерь, вместе с ними на экскурсию пришли еще три офицера СС. Толпа военнопленных заволновалась, но люди стояли как-то покорно и со страхом перешептывались между собой. Чувствовалось, что это еще не конец экзекуции. Так и случилось.

— Взять! — приказал Паульзен собакам, указав тростью на жертвы у столбов. Ощетинившись, овчарки с ревом бросились на людей. Вместе с зеленой солдатской хлопчатобумажной одеждой из пастей собак летели куски еще живого человеческого мяса, а кровь заливала им морды. Фашисты не унимались. Они натравливали псов еще и еще, а те усердно со всех сторон рвали зубами истерзанные и без того тела несчастных людей.

Наконец Паульзен поднял правую руку, одетую в серую замшевую перчатку, и остановил собак. А стоявший с ним рядом Шмидт выступил перед толпой с напутствием.

— Так будет со всеми, кто надумает бежать из лагеря и не будет повиноваться порядкам великого фюрера. Лагеря не для того созданы, чтобы бежать из них... Неужели вы, свиньи, не понимаете этого? Фюрер сам знает, кого помиловать. Придет время, и мы многих освободим. Ждите покорно этого дня!

В ту страшную ночь почти никто из пленных не спал. Среди них был и Николай Максимович. Его мысли невольно возвращались в то недалекое прошлое, когда он, сын политкаторжанина, воспитанный родной партией, получил высшее образование, стал научным сотрудником, затем секретарем райкома, и когда к Киеву приблизились фашисты, организовал оборону города. Не выдержав натиска гитлеровцев, пришлось отступать, и вот — фашистский застенок. Его мучил позор за свой униженный народ, за судьбу своей борющейся Родины, за то, что он оказался в таком положении. «Нет, во что бы то ни стало я должен отсюда вырваться, вырваться для того, чтобы найти верных людей, организовать их и

вместе продолжить борьбу с врагом здесь, в его глубоком тылу, — думал Остафов. — Если не удастся за деньги вырваться из лагеря, то нужно для начала хотя бы попасть в арбайтскоманду, которая под конвоем выводится за пределы лагеря в город для разборки разрушенных зданий, очистки завалов на улицах, ремонта дорог, погрузки вагонов. А там хорошо разведать обстановку и действовать до полного освобождения из лагеря любым путем».

Спустя несколько дней Родионов при встрече с Остафовым доложил, что за пятьсот рублей лагерный охранник обещает взять одного-двух из лагеря, только не насовсем, а лишь зачислить в арбайтскоманду, а там пусть каждый сам себе дорогу пробивает. Просил дать людей надежных, небогатых, которые не выдадут его.

Остафов согласился на это предложение и сказал:

— Вы и Галуза пойдете первыми!

— Что вы, Николай Максимович... Денег-то ни копейки, — горестно проговорил Родионов.

— О деньгах не беспокойтесь, я постараюсь их достать, — уверенно проговорил Остафов. — А теперь слушайте: свяжитесь с Василием и договоритесь с охранником. Скажете, что Василий вам родственник по жене, поэтому и беспокоитесь о нем. О политике — ни слова! Когда окажетесь в городе, осторожно разведайте, как можно легализоваться. Найдите патриота, мужчину или женщину, которые смогут приютить на первый случай. Деньги я приготовлю и передам с Василием. Пусть завтра свяжется со мной!

А немного позже Родионов докладывал: если деньги будут вручены охраннику, на следующий же день названные люди будут включены в арбайтскоманду.

— Хорошо, — отозвался Николай Максимович. — Доброго вам начала! — пожимая руку товарища, сказал он. — Там, на воле, вспомните и обо мне. Если же мне не удастся выйти отсюда, то действуйте самостоятельно...

Прошло две недели с того времени, как Галуза и Родионов в составе арбайтскоманды начали работать на очистке города. Но охранник, обещавший включить и Остафова в эту же команду, куда-то исчез, и дальнейшие планы рухнули.

— По-видимому, мне не суждено быть на свободе, — с огорчением признался Остафов при встрече с Родионовым.

— Почему? Что случилось? — с тревогой осведомился тот.

— Здоровье подводит... Уже несколько дней крайне плохо себя чувствую, — пояснил Остафов. — Ну, а если слягу, известно — дорога одна — за город, в ямы...

Родионов беспомощно развел руками. Уговаривать здесь было бесполезно, ибо он понимал, что Остафова не переубедишь, уж слишком ясна была обстановка в лагере. Простились тепло и сердечно.

С того времени Галуза и Родионов в лагере не появлялись, им удалось стать рабочими коммунального отдела Ровенского городского магистрата. Остафов же слег. Но при помощи денег, извлеченных из тех же сапог, через военнопленного советского врача ему удалось определиться в инфекционный лазарет. Родионов и Галуза потеряли с ним связь, предполагая, что он погиб.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Свирепствовала холодная зима. Колючий морозный ветер леденил кровь в жилах, сковывал дыхание, пробирался сквозь одежду, обжигая холодом все тело. От стужи багровели лица, коченели руки и ноги.

Не только люди с трудом переносили небывалый холод, но и вся природа будто изнемогала от всевластной своей стихии: земля, казалось, готова была потрескаться, в лесах со звуками, напоминавшими винтовочные выстрелы, под тяжестью снега и мороза ломались ветки деревьев. Даже птичьи голоса в лесу раздавались редко и тоскливо.

В такую февральскую стужу 1942 года в сумерках по одной из улиц оккупированного города шел мужчина средних лет. Худой, с обросшим, давно не бритым лицом, он с трудом переставлял ноги, обутые в рваные юхтовые сапоги. На нем была истрепанная, чуть ниже колен серая солдатская шинель, застегнутая на верхний крючок. Полы ее развевал морозный ветер, и скиталец придерживал их озябшими руками. На его высоком лбу с тремя глубокими бороздами продольных морщин выступили капельки пота. Болезненный румянец проступил на впалых щеках. Светло-голубые большие глаза незнакомца туманились и временами словно теряли осмысленное выражение, но он, пересиливая себя, шел все дальше.

С трудом добравшись до поворота улицы, он прислонился к стене небольшого одноэтажного дома, тяжело и прерывисто дыша. Постояв несколько минут, неизвестный, запахнув полы шинели и засунув в карманы посиневшие руки, намеревался продолжить свой путь, но едва сделал

первый шаг, как почувствовал, что его кто-то осторожно взял сзади за локоть правой руки. Одновременно послышался участливый женский голос:

— Николай Максимович! Куда же вы в такой лютый холод?

— И сам не знаю, — еле слышно ответил тот, обернувшись к стоявшей сбоку скромно одетой еще молодой женщине с плетеной кошелкой в руках. — Право, не знаю... Нет у меня ни угла, ни крыши. Чужой в этом городе...

— Идемте ко мне. Поживете, окрепнете после тифа, — ласково продолжила она. — Мой дом недалеко, потихоньку доберемся. Как вас, бедного, от слабости шатает. Давайте, я помогу... — И, не спрашивая на то разрешения, Антонина Георгиевна взяла под руку обессиленного человека и медленно повела его безлюдными улицами города, быстро начинавшего терять свои очертания в наступающих сумерках. На улице Белинского они скрылись в калитке дома номер 17.

— Вот мы и дома, — сказала женщина, когда с гостем переступила порог своей квартиры. — В кухне живу я с детьми. А во второй комнате поселитесь вы. Лишняя койка у нас найдется... Присаживайтесь пока, отдыхайте... Я сейчас затоплю печь.

Бородатый гость грузно опустился на стул у покрытого старенькой клеенкой стола и, облокотившись, уронил на него свою голову.

— Вам плохо, Николай Максимович! — бросилась к нему хлопотавшая у печки хозяйка. Обхватив его руками за плечи, она пыталась приподнять мужчину со стула и не смогла. Ее дети внимательно присматривались к незнакомцу. В их глазах отражались и испуг, и ожидание, и преобладавшее над всеми чувствами любопытство. Старший мальчик лет десяти тихо спросил:

— Мама, кто этот дядя чужой, что спит у стола?

— Этот дядя, сынок, очень хороший... Ты его узнаешь и полюбишь, — поглаживая волосы ребенка, ответила она. — Чтобы не мешать дяде спать, идите в комнату. Я вам расскажу о нем. Хотите?

— Конечно, расскажи мама, пожалуйста! — с непосредственной детской серьезностью воскликнули дети. — Идем, мама!..

Антонина Георгиевна, присев к детям на кровать, погрузилась в размышления, забыв о своих маленьких сыновьях, которые с нетерпением ждали рассказа о незнакомом дяде. Да и как она могла передать доступно детскому пониманию то, что видела каждый день собственными глазами такое, от чего волосы встают дыбом на голове, разрывается от горя сердце и отказывается служить рассудок... Нет, рано еще ее детям знать о зверствах фашистских палачей, их нечеловеческой жестокости, изощренных

пытках, о мучениях советских военнопленных в ровенских лагерях смерти, где ежедневно гибнут десятками несчастные люди, где с голых нар обреченно смотрят умоляющие о помощи глаза людей, шепчущих бескровными губами: «Сестричка, помоги, родная... Хлеба, сухарик, кусочек...»

— Что же ты молчишь? — спросил у матери старший, увидев на ее побледневших щеках катившиеся слезы. — Говорила, расскажешь, а сама плачешь...

— Сейчас, сейчас, мои милые, — невольно улынулась мать, невольно отвечая на вопрос сына. Она никак не могла отогнать от себя страшные по своему трагизму картины, терзавшие ее измученную страданиями душу. Кошмарные видения преследовали ее и во сне. Почти каждую ночь ей грезилось одно и то же: мрачный госпиталь, тюрьма, палаты-камеры, кое-как сколоченные из досок нары и лежащие на них высохшие, словно подвижные скелеты, тела советских военнопленных... Их страдальческие глаза, блестевшие от голода, пожелтевшие лица и неестественно длинные от худобы руки и ноги. Густой смрад гниющих ран господствовал промеж нар. Трупы скончавшихся людей зимой не убирались по дватри дня, оставаясь здесь же среди живых, метавшихся в тифозной горячке и корчившихся в судорогах смертельной агонии. Это был настоящий ад для тех, кто видел его воочию.

Она снова вспомнила совсем юного красноармейца, терпение которого иссякло. Весь опухший от голода, он просил, словно вымаливая долгожданную милость:

— Сестра, дай мне яду. Умоляю тебя, отравы дай! Неужели ты без сердца, без души? Слышишь, сестрица?..

И столько муки было в его карих глазах, в уголках почти детских губ юношеского рта и во всей его еще не сформировавшейся фигуре, что она, не выдержав, закрыв лицо руками и неудержимо разрыдавшись, убежала из камеры-палаты. Вскоре началась предсмертная агония, и он скончался.

Антонина Георгиевна подумала: «А ведь у Николая Максимовича, наверное, тоже есть мать, родные сестры и братья... Как много гибнет невинных людей... А спасти невозможно, единицы... Вот и гость мой чудом спасся. Бедняга, забился в болезненном сне. Да, болезненном... И хрипит натужно, какое-то внутреннее грудное трудное дыхание. Сколько он пережил, бедный. Голод, холод, лагерь. И все это мужественный человек преодолел благодаря своей внутренней несокрушимой силе воли, какой-то одному ему понятной энергии. Да, правильно говорили его товарищи по тюрьме-лазарету, что Остафов — железный человек... Откуда у него

такая выдержка, непоколебимое хладнокровие и презрение к смерти? Что же давало и дает силу больному — ужасы фашистской каторги?»

Не разрешив этого трудного для нее вопроса, Антонина Георгиевна, вспомнив о детях, сказала:

— Завтра я вам расскажу о дяде. Пойдемте, разбудим его. Я постелю ему здесь, пусть отдыхает. Да и вам пора, время позднее. Наверное, часов одиннадцать уже ночи. Ну, мои хорошие, пойдемте спать...

* * *

Новый жилец пришелся ребятам по душе. Он был общительный и веселый, а главное — умел чудесно рассказывать захватывающие истории о далеком звездном мире, о небесных светилах, о возникновении и таинственной жизни разных планет во вселенной. Дети все свои дни проводили сидя у ног больного Остафова, слушая его увлекательные повествования.

— Еще, дядя Коля! — просили дети Николая Максимовича, когда тот, уставший, умолкал, делая передышку. — Рассказывайте дальше! Почему та звезда ночью красная, а не белая, как все? А люди живут на них?

— Марс оттого кажется нам, земным людям, красным, — снова начинал Остафов, — что на нем... — И снова любознательные ребята, затаив дыхание, слушали о чудесах вечного, находящегося в постоянном движении материального мира, о беспрерывно происходящих в нем изменениях.

Но скоро дядя Коля стал реже рассказывать им увлекательные истории... Заразившись тифом, свирепствовавшим в госпитале для советских военнопленных, где она работала медсестрой, Антонина Георгиевна слегла в постель. И их постоялец, уже перенесший эту болезнь, стал усердно ухаживать за больной. Сам еще слабый, он топил печку, варил пищу, убирал в комнате, стирал белье.

Ночью, сидя у изголовья бредившей хозяйки, Николай Максимович прикладывал к ее пылающему лбу мокрое полотенце. Когда больной стало легче и она пришла в себя, Остафов повеселел.

— Вот, теперь совсем другое дело, — говорил повеселевший Николай Максимович. — Думал, не выживете...

— Я ничего уже... Поправляюсь. Беспокоюсь за вас. Прописать надо вас, а то немцы снова могут забрать в лагерь, а там... погибнете...

— Пока что надеюсь на госпитальную бумажку. Конечно же, надо прописаться, поступить на работу, — рассуждал Николай Максимович. — В общем, что-нибудь сделаю обязательно.

— Вот подымусь с постели и первым делом займусь вашей пропиской, — беспокоилась Антонина Георгиевна. — Жизнью рисковать нельзя...

— Согласен. Жизнь моя нужна для других целей, — поддакивал Остафов. — Ее нужно прожить так, чтобы в последнюю минуту можно было сказать: послужил людям для их добра. Не правда ли?

— Справедливо заметили. Но жизни, о которой говорите, нет, — грустно встала больная. — Прошла, как сполох в летнюю ночь. Везде хозяйничают ненавистные фашисты. Фронт — где-то под Москвой или за Москвой... Здесь расстрелы, виселицы. Дети растут неучами. А в чем они-то виноваты?

— Отчаиваться нельзя. Гитлеровцы исчезнут с нашей земли, как удачно вы выразились, словно сполох в небе в летнюю ночь. Оккупация — явление временное, и военные успехи немцев также временные. Правда, они захватили много нашей земли. Но Москву и Ленинград не взяли, хотя и скрывают свой разгром под советской столицей... Будет и на нашей улице праздник, — уверенно и твердо говорил Николай Максимович. — Наш народ никто не победит!

Его непоколебимая уверенность в конечной победе над оголтелым врагом вселяла светлую веру в женщину, поддерживала ее, помогала переносить все ужасы фашистской оккупации. Остафов в ее сознании был живым примером жизнестойкости советского народа-богатыря, поднявшегося на смертный бой против гитлеровских захватчиков. И ей от всего сердца хотелось помочь этому человеку с прекрасной душой.

Немного окрепнув, Антонина Георгиевна отправилась в город хлопотать о прописке. Вскоре ей удалось это сделать при помощи взятки через работника магистрата. Проживая у Степановой, Николай Максимович регулярно следил за «Вольной», которую ему доставляли из города дети хозяйки. И сегодня, развернув газету, просмотрел ее серыми спокойными глазами, прочитал жирные заголовки: «Успешное наступление немецких войск под Севастополем».

«Еще жива, родная. Борется! — прошептал он. — А сколько ее сынов здесь, за колючей проволокой томятся?»

Развернул следующий номер за 18 июля, снова прочитал: «19 июля 1942 года рейсхкомиссару Украины гауляйтеру Эриху Коху исполнится

46 лет». Строгие впалые глазки палача глядели промеж жирного газетного шрифта. Здесь был помещен портрет Коха.

— Думаю, — произнес с затаенным упорством Остафов, — и некролога по тебе добьемся!

В самом низу на последней странице газеты «Волынь» врезалось миниатюрное объявление об открытии трехмесячных курсов бухгалтеров, на которые будут принимать лиц с образованием «не ниже четырех классов гимназии» старого типа или окончивших народную школу-семилетку.

— Вот это мне подойдет, — подумал Остафов. — Попробую легализоваться посредством этих курсов.

Вскоре Николай Максимович поступил на курсы бухгалтеров, открытые немецкими властями в Ровно. Днем он посещал занятия, изучал премудрости дебита и кредита, с брезгливостью просиживая положенные часы. Вечерами же, закинув руки под голову и лежа в своей кровати, надолго погружался в думы, часами оставаясь с ними наедине.

— О чем все думаете, Николай Максимович? — спрашивала его в таких случаях хозяйка. — Ночами не спите...

— Разное вспоминается... — коротко отвечал Николай Максимович, — Такое, что и словами не скажешь...

И снова умолкал. Иногда он, накинув на плечи шинель, выходил во двор и подолгу стоял здесь, глядя на усыпанное звездами небо, предаваясь каким-то думам.

* * *

Получив справку с места учебы, Остафов мог теперь ходить по городу, не вызывая своим появлением на улицах особых подозрений у кишевших здесь полицейских и жандармов, тайных и явных агентов гестапо. Они лишь презрительным взглядом провожали оборванного — «унтерменша»*, ухмыляясь странностям бородача, гордо державшего голову и, как им казалось, с вызовом смотревшего на них.

Уверенность в том, что это оборванец с большими, но безвредными странностями, укрепилась у властей «нового порядка», когда в июльские теплые дни 1942 года в центре города оккупанты и многие жители Ровно увидели Остафова босого, заросшего, в черных дырявых и в заплатках брюках, в порванной ситцевой рубаше навывпуск и с огромной кошелкой в руках, шагавшего по городу. Создатели «нового порядка» в Европе при встрече с человеком в своеобразном одеянии нагло улыбались, прохожие

* От нем. Untermensch — недочеловек.

сокрушенно и многозначительно покачивали головой, соседки же говорили Антонине Георгиевне:

— Видели сегодня вашего постояльца. Бедняга! До чего же довели его немцы... Что с ним сделали, окаянные. А когда-то был, видимо, умный человек.

И только глубоко спрятанный под нависшими пшеничными бровями взгляд выдавал, что Николай Максимович — человек большого ума. Позже люди привыкли к его «странным», перестали им интересоваться, и когда его видели в своем одеянии, про себя думали: «Повредился, видимо, умом...» Многие знали, что он помешан на книгах, и не удивлялись тому, что он носился с ними по городу. А однажды полицейский, увидя Николая Максимовича с ношей, даже подшутил над ним.

— Что, учиться собрался? — и, не получив ответа, предатель расхохотался и добавил при этом: — Ха-ха-ха, дурак!

Несколько озадачена была и Антонина Георгиевна, когда Николай Максимович пришел на квартиру и здесь, сбросив маску «чудака», возбужденно заговорил:

— Удалось раздобыть ценнейшие книги! — восторгался он. — Необходимо и остальные собрать, пока их полностью не уничтожили немцы...

— Где же вы взяли столько? — не скрывая своего удивления, спросила хозяйка.

— Хозяева «нового порядка» выбрасывают всю политическую литературу из библиотек, сжигают в печках, бросают под скаты буксующих машин. Вот я и собирал книги везде по городу.

— Николай Максимович, вас же могли арестовать!..

— Да, могли. Но я не могу мириться, когда над сокровищами человеческого ума издеваются изуверы... Сердце обливается кровью, — раскладывая на столе книги, возмущался он. — Взгляните, какие гениальные труды Владимира Ильича, «Диалектика природы» Энгельса, — восхищался Остафов, бегло перечитывая названия книг. — А вот и мой любимый Некрасов...

Николай Максимович наугад раскрыл старенький, прошедший через сотни рук однотомник поэзии классика русской литературы и начал читать, все больше воодушевляясь.

— Плохо, бедняге — не ест и не пьет...

Червь ему сердце больное сосет... —

с чувством читал он стихотворение Некрасова, а дети восторженно слушали волнующие слова, невольно любясь преобразившимся дядей Колей, стоявшим во весь рост у стола с вдохновенно блестящими глазами и добрым лицом. Его слова, словно семена, упавшие в подготовленную почву, вызывали в их открытых детских сердцах еще не совсем понятное, но нравившееся им волнение. Мальчикам хотелось быть такими, как дядя Коля, — умными и учеными.

Остафов, закончив читать, обратился к ребятам взволнованно:

— Любите книгу, ребята. Читайте, много читайте... И всегда помните слова великого Алексея Максимовича Горького: хорошая книга — как хороший плодоносный сад, где каждый найдет много полезного и приятного для себя. Кстати, вам учиться надо. Война войной, а знания человеку необходимы, как воздух. Без них и свет маленьким кажется... Завтра выучите вот это, — отметил он мальчикам в учебниках.

Николай Максимович оказался вдумчивым и требовательным учителем — поблажек не давал. Долгими вечерами объяснял ребятам непонятные моменты, пока они не усваивали заданного урока. Часто, увлекшись, забывал, что перед ним совсем юные слушатели и что им пора спать. Спохватившись, говорил:

— Вам пора спать, а я и забыл. Живо, орлята, в постель!

Но не каждую ночь в оккупированном фашистами Ровно можно было без тревог отдыхать. Гитлеровцы регулярно проводили ночные проверки документов у жителей города и облавы. Тогда ночную тьму прорезали короткие вспышки электрических фонариков и гортанная речь фашистов нарушала тишину. Кое-где слышались выстрелы.

А когда стучались в дверь, Николай Максимович потеплее укрывался одеялом и немигающими глазами уставлялся в коптилку, стоявшую на столе с еле-еле горевшим бледным пламенем. Антонина Георгиевна спешила к двери. В комнату врывались жандармы, полицейские. Глаза профессионалов скользили по комнате, в углы, под кровать, одновременно повелевали:

— Документы!..

Хозяйка подавала свой паспорт, мельд-карту и справку постояльца из госпиталя и будто между прочим указывала кивком головы на «больного»: «Слабый он, после тифа!»

— Тифус? Я? — настороженно допытывались они, выжидательно глядя на женщину.

— Да, да, после тифа, — словно недопонимая их, твердила хозяйка.

— О!.. Тифус!.. — повторяли немцы, опасливо бросали документы на стол и, опережая один другого, устремлялись к выходу.

— Ну вот и прошла чума! — хитро прищутив глаза, хохотал Николай Максимович. — Пока мой тиф сильно действует на «высшую расу»...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Работая на задворках Ровенского городского магистрата, Сергей Родионов и Василий Галуза частенько вспоминали о достойном человеке — Остафове.

— Погиб, бедняга! — говорили они о Николае Максимовиче. — А как мечтал он пожить и посвятить себя борьбе против заклятых палачей!

— Не удалось ему, бедняге, — с чувством душевного переживания говорил Родионов. — Следует признать, рано он ушел от нас. А как необходимо нам теперь, Василий, его присутствие!

— Не говори! — сказал собеседник, безнадежно махнув рукой. — Надежный человек нам попался, да недосмотрели мы с тобой, Сергей...

Попытки Остафова разыскать Василия и Сергея пока что не увенчались успехом...

— Гляди, Василий! — сказал возбужденно Родионов, толкнув его локтем. — Точно Остафов прошел. Давай догоним!

— Да ты что, спятил, Сергей? — возразил Галуза. — Нам же точно рассказали очевидцы, что наш Остафов умер. — В этот момент Николай Максимович остановился, переложил связку с книгами в другую руку и стал переходить главную улицу города. Приглядевшись внимательнее, они решили: как будто похож — и поспешили за ним.

Николай Максимович узнал Галузу и Родионова:

— Дорогие мои Василий и Сергей, а я так переживал за вас! Где же вы пропадали все это время?

— Николай Максимович, дорогой, а мы с Василием вас уже похоронили, — сказал Родионов. — Как же вы нам нужны! Надо браться за дело. Время наступило, есть хорошие, надежные люди...

— Ну что ж, друзья, если нас судьба сохранила и вновь свела вместе, то теперь надо начинать борьбу. Обстановка теперь другая, у меня есть люди, кое-какие планы. И не будем разлучаться! — Николай Максимович договорился о координатах, времени и месте встречи. Они разошлись.

...Со временем они встретились снова. У каждого из них было желание бороться с фашизмом, надо было найти такие пути и возможности, чтобы они вновь стали полезными Родине, чтобы здесь, в глубоком тылу, подняться против оккупантов, организовать людей и начать борьбу. Они неоднократно встречались на окраине города возле села Басов Кут, возле речки и в других местах. Не раз возникала необходимость заходить и в квартиру к Остафому, но так поступать без разрешения на то хозяйки, женщины, спасшей ему жизнь, было крайне опасно.

Как-то ужиная, Остафов внимательно посмотрел на Антонину Георгиевну. Она сидела неподалеку от стола на кушетке, штопала белье ребятам и, уловив испытующий взгляд Николая Максимовича, подумала, что он что-то хочет ей сказать, но никак не решается. Наконец он заговорил:

— Антонина Георгиевна! Вы не будете возражать, если меня изредка будут навещать мои знакомые? Вы понимаете, мне иногда хочется, как и с вами, обменяться мыслями со своими друзьями по лагерю. Надеюсь, вы разрешите...

На вопрос Остафова Антонина Георгиевна ответила не сразу. Изучив характер своего квартиранта, зная направленность его мыслей, целеустремленность, она догадывалась, что речь идет о большем, чем невинные встречи друзей в ее квартире. По-видимому, у Николая Максимовича настало время для того, чтобы скрестить шпаги с врагом. И в случае, если она откажет, в теперешнем его положении это огорчит его. Она продолжала думать, взвешивая многое: и то, что у нее дети, а она их мать, что может случиться непоправимое горе. Но, разве у тех, кто томится за колючей проволокой в фашистских лагерях, в застенках гестапо в ожидании казни, судьба легче? Разве нет у них матерей, жен, детей? Или у тех, которые сотнями отдают свои молодые жизни на фронте, нет матерей?

Остафов выжидательно смотрел прямо в лицо Антонины Георгиевны, понимая происходившую в ее сердце борьбу.

— Что же, мой долг — поддержать и помочь, — убежденно сказала Антонина Георгиевна. — Но что будет с детьми, если фашисты... — Она старалась отогнать кошмарные мысли. — Конечно, располагайте моей квартирой и всем, что есть в ней, как находите нужным. Рассчитывайте и на мою помощь, — твердо сказала Антонина Георгиевна.

Повеселевший Николай Максимович, убедившись еще и еще раз в том, что эта простая советская женщина всецело на его стороне и развивая далее свою мысль, сказал:

— Сейчас каждому честному человеку нельзя сидеть сложа руки, ждать у моря погоды. Вы догадываетесь, Антонина Георгиевна, что я хочу сказать?

С того времени квартира Антонины Георгиевны Степановой стала маленьким штабом коммунистического подполья в городе Ровно, руководителем которого являлся не кто иной, как Николай Максимович. Поначалу здесь стали частыми гостями два человека, которых Степановна знала в лицо, — это бывшие военнопленные из ровенского лагеря, Сергей и Василий.

Обычно они появлялись днем в разное время и в комнате Николая Максимовича о чем-то совещались. Иногда она невольно улавливала отдельные фразы из разговоров:

— Николай Максимович! Лисейкин — надежный человек, — в тишине звучал голос кого-то из посетителей. — Я в этом уверен!..

— Все же проверка не помещает... — поучал Остафов. — В нашем деле многое зависит от каждого человека, ставшего в наши ряды... Помните это!

— Все ясно!

И снова тишина, изредка прерываемая чуть слышным восклицанием, радостно вырвавшимся у кого-нибудь из посетителей, когда сдержанный Николай Максимович объяснял им действительное положение на фронтах, пользуясь висевшей у него на стене в комнате школьной политической картой СССР.

— Немцы скрывают правду о разгроме своих армий под Москвой. Все свои неудачи объясняют тяжелыми климатическими условиями в России. Но факты — упрямая вещь. Хочет этого или не хочет враг, а признать их он вынужден. Уже бесспорно — гитлеровский «блицкриг» провалился. И их сегодняшние отдельные победы судьбы не решают. Сейчас фашисты трубят на весь мир, что они пьют воду из Кубани и дельты Дона, что гуляют в санаториях кавказской здравницы — Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах, в Ставрополе... Да, им удалось достичь этих мест, но какими жертвами досталось им это продвижение по нашей территории — большими потерями в живой силе и технике! Оттуда и начнется их бегство, — словно читая лекцию перед студентами, приглушенным голосом говорил Остафов. — Красная армия нанесет им сокрушительный удар! Уже сейчас гитлеровцам приходится туго. До сих пор героически стоит Севастополь, твердыня нашей Родины — Ленинград, а Москва никогда не будет сдана врагу. Под Москвой фашисты уже потеряли лучшие свои армии. Мы же сами являемся свидетелями того, как бесконечные

железнодорожные составы перевозят раненых гитлеровцев с Восточного фронта. Они биты! Но это только цветочки, ягодки будут впереди!

Поговорив с Николаем Максимовичем, таинственные гости уходили от него с посветлевшими лицами, заметно возбужденные. Они верили этому «железному человеку» во всем, зная кратко о его довоенной жизни, а главное, убедившись в его несокрушимой силе воли, проявленной в гитлеровских застенках. Здесь Остафому было так же тяжело, как и всем остальным пленным. Но никто не слышал от него ни единой жалобы, ни нареканий на свою судьбу. Наоборот, своими беседами и добрым словом он поднимал дух оказавшихся в лапах гитлеровцев советских военнопленных, вселял в них уверенность в победе Красной армии над врагом. Для каждого у него находилось душевное слово. И люди, ощущая теплоту его правдивого сердца, тянулись к Остафому, делились с ним самым сокровенным, своими тайными помыслами, советовались с ним, верили ему, в душе признавали своим вожаком, поддавшись его личному обаянию, светлому уму и поразительной стойкости. Именно в те качества, которые проявились у бывшего батрака, сына политкаторжанина, твердо верили все товарищи, которые сталкивались в откровенном разговоре с ним, достойным сыном отчизны...

... Однажды Николай Максимович, возвратившись из города, объявил хозяйке дома неожиданную весть, опечалившую ее.

— Покидаю вас, Антонина Георгиевна. Ухожу...

— Как же так? Мы все привыкли к вам, как к родному, и вдруг вы нас оставляете, — огорчилась взволнованная хозяйка. — Разве чем не угодили?..

— Да что вы, Антонина Георгиевна. Мне трудно выразить словами искреннюю благодарность за все то, что сделано вами для меня. Век буду помнить ваше доброе сердце. Но обстоятельства требуют... Кстати, не совсем неожиданно я ухожу... — успокаивал ее Николай Максимович. — Помните, об этом мы говорили с вами неоднократно. Меня посылают бухгалтером на маслозавод.

— И вы пойдете?

— Нет, что вы! Не по душе мне такая работа!

— А куда же?

— Оформляюсь к немцам на почту. Там же, в подвале, и буду жить. Обязанности мои будут несложными — выгружать прибывающую корреспонденцию и чистить начальству сапоги. Дальше у вас оставаться мне нельзя. Я не могу допустить, чтобы ваша семья из-за меня подвергалась риску. Да и необходимости такой нет. Курсы закончил, с вашей помощью

легализовался, окреп, а теперь и к делу пора потихоньку приступать. Ведь для вас не секрет, что я был и остался верным солдатом своего народа.

— За меня, Николай Максимович, не беспокойтесь, — с надеждой сказала Антонина Георгиевна. — Я же вам говорила еще вначале — чем смогу, помогу. Да и ребята мои привыкли к вам. Будут скучать.

— Все это я понимаю. Спасибо вам за все, дорогая Антонина Георгиевна, но еще раз повторяю — подвергать смертельной опасности тех, кто спас мне жизнь, я не смею. Поймите меня правильно, и прошу не обижаться на меня....

Вскоре после состоявшегося разговора Николай Максимович Остафов с объемистым вещевым мешком перешел на новое место жительства — в подвал на улицу Схидну, 17. С той поры Антонина Георгиевна видела его изредка. Но он свое слово сдержал — посещал ее скромную квартиру и приносил всегда что-нибудь для ребят.

На вопросы Степановой о новой жизни Николай Максимович отвечал:

— Внешне живу по-прежнему, но, мне кажется, внутренне — полнокровно. На душе светлее и веселее стало, — прищуривал серые глаза с хитрецей. — Время наступило для меня хорошее...

— Я рада за вас, Николай Максимович, — говорила с пониманием женщина. — Вы посвящаете себя тому, что необходимо сейчас для Родины. Верно?

— Конечно, верно. Ради этой цели я и жизни своей не пожалею, хотя с трудом и при вашей помощи я ее сохранил...

Оставшись одна, женщина задумалась. Ей припомнилось каждое слово, сказанное им. Она взвешивала все, оценивала, памятуя о царившем «новом порядке» в Европе. А он был известен: аресты, расстрелы, угон в Германию. Но и у нее в жизни были события, заставлявшие радостно трепетать сердца патриотов, укреплявшие веру и твердость духа, звавшие на борьбу против гитлеровских захватчиков, под ногами которых начинала гореть земля от народной мести: все чаще из уст в уста среди жителей Ровно передавались слухи о появлении советских партизан в лесах на территории области. Люди говорили о том, что среди белого дня взлетают и идут под откос от рук народных мстителей железнодорожные составы, мосты. На станциях далеко от Ровно взрываются гитлеровские паровозы. На стенах домов, на заборах в самом городе появляются антифашистские листовки, рассказывающие правду о делах на советско-германском фронте и призывающие людей подыматься на борьбу с гитлеровскими захватчиками. Слухи эти не всегда были достоверными. Часто

преувеличенными и даже фантастическими. Но как бы они ни были преувеличенными, а все же факты имели место. Пробудившийся народ подымался на смертельную борьбу против фашистов в глубоком тылу немцев.

«Кто же были эти смельчаки, действовавшие на глазах у жестокого врага? — думала Антонина Георгиевна. — Возможно, они из тех, которые приходили к Николаю Максимовичу, когда он жил у меня? Ох, чует мое сердце, что без участия нашего Остафова здесь не обошлось. Не такой он человек, чтобы стоять в стороне, недаром же он старался в разговоре так обстоятельно мне все объяснять...»

Мысли ее, правда, не отражали того, чем в действительности занимался ее бывший жилец, но были в одном верны — Николай Максимович стал на путь самоотверженной борьбы против жестокого, коварного врага — гитлеровского фашизма.

* * *

Электрик вагонного депо станции «Харьков-пассажирский» Михаил Иванович Твердохлебов в 1939 году был принят в члены Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Коренной харьковчанин, сын рабочего-железнодорожника, он с достоинством получил партийный билет. А когда грянула война, он, как и положено коммунисту, подал заявление о добровольном уходе на фронт.

— Не спешите, товарищ Твердохлебов, — успокоили его. — О вас не забудем.

И действительно не забыли. В июле 1941 года по добровольному набору Твердохлебов по решению Харьковского обкома партии был зачислен в формируемый там партизанский отряд. А затем в составе последнего был отправлен в район города Киева и тут, очутившись на передовой в районе Пущи-Водицы, расположившись в лесном массиве на правом берегу реки Ирпень, начал осваивать партизанские навыки. Шли упорные бои, фашистские войска бешено атаковали. На второй день после отхода регулярных частей Красной армии к Киеву Твердохлебов по распоряжению командира отряда отправился на розыск второго взвода, который он должен был провести к штабу отряда.

— Товарищ командир отряда, — докладывал возвратившийся ни с чем Твердохлебов, — взвода нигде не обнаружено.

Не дослушав до конца рапорт, командир приказал всему отряду сниматься и направляться в Киев.

Сквозь дачные места, напрямик через леса и перелески добрался, наконец, отряд на западную окраину Киева. В центре и в южной стороне столицы уже находились немцы.

— Сложить оружие в щели и засыпать землей! — приказал командир отряда. — Личному составу штаба отряда и второму взводу разойтись в разных направлениях и укрыться от немцев, каждому по своему усмотрению. Это не значит, что мы сложили оружие и прекратили сопротивление фашистам. Мы переходим на нелегальное положение вынужденно, борьба продолжается. Встречи для связи с командованием отряда назначаю на Крещатике в районе крытого рынка ежедневно с 12 до 13 часов.

И тут же все разошлись кто куда...

На второй день Твердохлебов вышел в условленное место. Прогуливаясь, он издали наблюдал за базаром, но здесь никого из членов отряда не обнаружил и ушел. И так три дня подряд. Наконец, шагая по окраине Киева, он случайно увидел командира второго взвода Александра Романовича Селезнева.

— Назначение ежедневного сбора личного состава в одно и то же время похоже на предательство, — горестно делился он с Михаилом. — Есть данные, что на этом месте немцам удалось кое-кого схватить. Мое мнение такое: надо пробираться на Харьковщину и там среди знакомых людей и местности начинать действовать.

— Другого выхода я тоже не вижу, — согласился Твердохлебов.

— Тогда пошли! — решительно предложил Селезнев. И, не мешкая, они отправились в путь.

Добрались до Барышевки, и тут их дороги разошлись. Решили пробираться поодиночке, ибо двоих немцы могли заподозрить и арестовать.

Двигаясь полевой дорогой, Твердохлебов размышлял, какой избрать маршрут и что его ожидает в самом Харькове. И вдруг:

— Хальт! Хальт! — остановил его немецкий солдат, догнавший его на велосипеде: — Хенде хох!* — скомандовал он, приближаясь к Михаилу.

— Зольдат? Коммунист? Я? — ломая русскую речь, спросил он.

— Нет, что ты! Я гражданин! — четко ответил Твердохлебов, ткнув себя в грудь пальцем.

— Найн! О, сольдат! Не обманывайт! — грозился немец автоматом. — Сбрасывайт свой костюм! — приказал фашист, отойдя с дороги чуть в сторону.

* Руки вверх! (нем.).

Раздев Михаила донага, немец обнаружил на белье военные штампы. Как жалел Михаил о том, что раньше не придумал сбросить белье! Оно и подвело его. Немец приказал следовать вперед и привел Михаила в лагерь, раскинувшийся в степи за колючей проволокой неподалеку от Барышевки. Отсюда и начались его скитания.

Вскоре немцы отобрали более трехсот человек и этапом погнали в бориспольский лагерь неподалеку от аэродрома. Спустя три дня вновь погнали этапом в дарницкий, а затем — в киевский лагерь. До этого пункта пленных этапировали солдаты вермахта, а уже до Василькова и далее на запад их приняли под «опеку» так называемые гитлер юнген — юные гитлеровцы.

— Ох, это были кроважадные юноши-садисты, — вспоминает Твердохлебов эти черные дни. — Примерно в пятнадцати километрах от Киева на запад наш этап остановили передохнуть. Вокруг была равнина — степь. По обочинам дороги, в небольших канавках собралась дождевая вода. Жажда томила всех беспредельно. Обнаружив воду, некоторые военнопленные потянулись к ней. Без предупреждения ударил пулемет. Люди, истощенные голодом, без воды распластавшись на земле, умирали. Один тяжелораненый, корчившийся в предсмертной агонии, то приходил в сознание, то терял его. Гитлеровец приблизился к умиравшему и на глазах у всех прицелился прямо в сердце. Толпа ахнула, заволновалась:

— Зачем же так? Оставьте! — раздался чей-то голос из толпы.

Но гитлеровец не пошевелинулся, он серыми кошачьими глазами окинул презрительно толпу и, переведя глаза на пленного, выстрелил в него. Тот застыл навечно.

— Подыматься! Шнель! Шнель!* — раздалась команда.

И этап снова серой лавиной двигался по родным просторам родной Украины, оккупированной фашистами, обильно политой кровью дедов, отцов, сыновей и дочерей. Позади этапа шествовали гитлер юнген с овчарками на поводках.

Часто случалось так: истощенные люди, напрягая последние силы, тянули, чтобы добраться до промежуточного лагеря. У каждого теплилась мизерная надежда на жизнь. Но, обессиленные, они валились прямо на дорогу. Их травили овчарками, которые без разбора рвали одежду, человеческое тело. Если военнопленный не подымался, не становился в строй, его тут же достреливали. Этап снова двигался все дальше на запад.

* Быстро! Быстро! (нем.).

Наконец, город Славута. В этом лагере посередине огромного двора, куда согнали пленных, раскинулась впадина, наполненная мутной дождевой водой. Фашисты с расчетом согнали сюда большую массу людей. Они овчарками со всех сторон травили людей, сжимая их в плотное кольцо и сгоняя в лужу. Обросшие, измученные до предела, люди топтались по колену в студеной воде. А вскоре сюда прибыли власовцы-вербовщики.

— Эй, земляки, однополчане! Кому здесь плохо живется? А кому здесь тесно? — насмешливо выкрикивали они.

Бывшие воины, оказавшись в страшном положении в роли военнопленных, с презрением глядели на предателей. А те не унимались:

— Хотите жить и видеть Россию свободной и без большевиков — не задумывайтесь, братцы, соглашайтесь и идите служить в русскую освободительную армию. Вас оденут, обуют, накормят. Станете людьми!.. Ну, чего мешкаете? Сгнить в земле всегда успеете!..

Пленные молча стояли в воде, исподлобья угрюмо поглядывая на предателей.

— Чего же вы молчите, сволочи! Решили передохнуть здесь, в болоте? За кого? Что, коммуна не надоела? Не согласитесь с нами — поможем вам подохнуть! — усердствовал старший.

Вдруг раздался негромкий с дрожью голосок:

— Я! Я согласен!

— Вот молодец! Давай, выползай к нам! — воскликнул вербовщик.

— Отпустите, зачем вы меня держите? — заныл все тот же из самой гущи пленных, стоявших по колено в воде.

— Отпустите, сволочи! А то сейчас гранатой всех подорву! — свирепел власовец.

— Да он зацепился, падаль ничтожная, вещмешком, и меня за собой тащит, — возразил чей-то довольно решительный голос.

— Отцепите его, братцы, пусть катится на все четыре стороны, — поддержал другой голос.

Толпа всколыхнулась. Никому не хотелось умирать здесь, в этом гнилом болоте, далеко от родного очага. Каждый из пленных, обреченных на нечеловеческие страдания, рвался на свободу, но не таким путем, как этот заморыш. Это был единственный, кто отозвался на зов власовцев!

Твердохлебов, находясь на краю болота, понял, что основная масса военнопленных сильна волей, выдержкой, они смелы и решительны. Он понимал, что находится среди верных сынов Отчизны. Он считал, что с такими людьми и умереть не страшно, но только в открытом бою с врагом! Здесь же надо проявить силу воли, выдержку, терпение...

Когда человек, силясь, карабкался из впадины, пленные немного раступились, сжались друг к другу, болотистая лощина немного опустела.

— Кто следующий? Выходи, пока не поздно! — настойчиво приглашал все тот же предатель. Но никто больше не вышел, люди упорно молчали, не двигаясь.

Вместе с сотнями военнопленных, таких же, как и он — изможденных, уставших, больных, Твердохлебов прошел тяжелый путь лагерей Житомира, Шепетовки, Славуты, Острога... Наконец колонна военнопленных по Колоденской дороге приблизилась к ровенскому лагерю.

В этапе, и особенно в ровенском лагере, Михаил Иванович Твердохлебов внимательно наблюдал за пленными, разделял их на «своих» и «чужих» — изучал людей, на которых можно будет положиться, когда они окажутся на свободе. Были, по предположению Твердохлебова, и такие, которых следовало остерегаться.

В лагере Твердохлебов встретился с Геруменко — членом партии, сибиряком, рядовым Красной армии. Геруменко рассказал Твердохлебову, что работает в лагерной арбайтскоманде. Команда эта выходила на работу в город.

— Со мной там еще один верный товарищ трудится — Дмитрий Баланюк, — сказал Геруменко Твердохлебову.

— А что ты о нем знаешь? — интересовался Твердохлебов.

— Он бывший офицер танковых войск Красной армии. Парень хороший, готов на все! Я с ним еще на этапе сблизился, теперь же работаем в одной комнате, — рассказывал Геруменко.

— Эх, скорее бы на волю вырваться. Клянусь, без дела ни минуты не сидел бы. За все расквитаюсь с палачами. Что они, подлецы, сделали из нашего брата? В кого превратили?

— Не горячись, парень, — предупредил тихо Твердохлебов. — Надо вырваться из лагеря, а там держись вместе с этим Баланюком. У меня тоже, кажется, появилась надежда на освобождение. Вырвусь я — встретимся, понял? Давай, действуй...

— Есть действовать! — ответил повеселевший Геруменко.

...Ровенскому бургомистру для строительства требовались дармовые рабочие руки. Необходимо было разбирать развалины зданий, разрушенных бомбежкой, которые успели уже зарастить бурьяном. Надо было расчищать улицы, кварталы, чистить площади, дворы при немецких учреждениях.

Но это совсем не означало, что городской бургомистр доктор Савюк являлся добродетелем, желал добра людям. Нет, он был совершенно далек от такой мысли. Именно для расчистки города он неоднократно выпрашивал у немецкой администрации советских военнопленных, в основном украинцев. Но вскоре он категорически запретил своим подчиненным обращаться с просьбой о наборе из лагеря рабочей силы.

— Пусть подыхает эта красная сволочь там, в лагере! — категорически и злобно отвечал он инженеру штатдбаумата* Вербе, и так было неоднократно.

— Нет и нет! — слышалось в ответ.

Но строительному отделу нужны были рабочие, их требовалось все больше и больше. Обстоятельства заставляли Вербу обращаться к бургомистру.

Так было и на этот раз, когда Верба появился в кабинете Савюка со списком из тридцати человек. Бургомистр рассверипел.

— Не залили тебе, видать, большевики сала за шкуру, как мне! Ты не понимаешь политики. Я бы на твоём месте из лагеря не взял ни одного! — разорвался националист. — Тем более, что немцы, наши освободители, этого хотят... Пусть там, за колючей проволокой строят свой коммунизм. Здесь, в городе, он мне не нужен. Мне легче на эти развалины смотреть, чем на них! Понял? Болван!

— Ведь не большевики мне нужны, господин бургомистр, не советские военнопленные, — настоятельно убеждал Савюка Верба, — мне нужны рабочие руки. На меня немцы нажимают, а я один, без рабочих, что могу сделать? И как вы этого не можете понять? Да если уж на то пошло, там, за колючей проволокой, есть и наши, украинцы, которые тоже против ненавистных нам коммунистов. Вот и включил я их в этот список.

Услышав это, Савюк немного успокоился. Он снял очки правой рукой и строго глядел прямо в лицо Вербе. «Может быть, и прав Верба?» — подумал бургомистр, и, взмахнув безнадежно рукой, сказал:

— Ну, черт с ними, давай, подпишу, если у тебя нет другого выхода!

Верба, разделявший взгляды своего хозяина, заискивающе прищурил глаза, взял со стола подписанный документ и зашагал к двери.

— Гляди в оба, Верба, — напутствовал Савюк, — отбери только тех, которые ненавидят Советы так, как мы с тобой...

* Штатдбаумат — строительный отдел (нем.).

— Ясно, пане бургомистр, — заверил Верба. — Об этом прошу не беспокоиться. Чутье мое никогда не подводит.

В тот же день под вечер в распоряжение штадтбаумата из лагеря было доставлено тридцать человек, среди которых находились Михаил Твердохлебов, Дмитрий Баланюк, Михаил и Виктор Бунько и другие.

«МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЭТОГО АДА!»

Приближавшийся к станции Шепетовка состав едва был виден сквозь густую пелену мелкого ноябрьского дождя, лившегося уже третий день подряд не переставая из черных туч, низко повисших над степью. Паровоз, вырвавшийся из тумана, появился на мокрых путях невдалеке от одноэтажного здания вокзала, контуры его стали отчетливо вырисовываться. Колеса, сделав последние обороты, остановились, лениво поблескивая отполированной поверхностью.

И тотчас по вагонам состава точно судорога пробежала. Они немного дернулись, затем послышались лязганье буферов, шипение сработавшихся пневматических тормозов, и эшелон остановился, как вкопанный. На станции раздавались негромкое чиханье паровоза, стоявшего под парами, и злые выкрики гитлеровцев, которые с грохотом открывали двери потрепанного товарняка.

— Рус! Рус! Век!* — приказывали фашисты, чтобы те выбрасывали из вагонов тела своих умерших товарищей. — Шнель! Шнель! Рус! — торопили они.

Трупов было много, военнопленные умирали от ран, от голода и холода. Помощи ждать было неоткуда.

Фашистские молодчики пинками кованых сапог подгоняли военнопленных, уносивших за насыпь закопеченные трупы своих товарищей.

— Аллее, гут-гут! Капут рус!**

Не отвечая ничего палачам, пленные угрюмо смотрели на закопеченные трупы бывших бойцов, омываемые дождем. Это были те, с кем они шли в бой, затем делили все муки гитлеровского плена. Сухие глаза пленников, казалось, на выражали ничего, кроме каменного безразличия к происходившему вокруг и к собственной их судьбе. Но это было только внешне. В сердцах людей klokотал неуголимый гнев к оккупантам, нагло

* От нем. Weg — прочь.

** Все, хорошо-хорошо! Русским конец! (нем.).

попиравшим их человеческое достоинство. Веки нервно вздрагивали, сжатые кулаки пряталась в карманы оборванных и грязных шинелей. В жгучей ненависти к чужеземным захватчикам пленные мечтали о свободе, о жизни, о борьбе. Их безжизненные глаза скользили по верх вагонов на видневшиеся печальные, поливаемые осенним дождем пустынные поля, чернеющие невспаханной пашней. И мысли их, одна другой неспокойней, мучительней, не давали покоя. Только бы вырваться из этого ада!... Взять в руки оружие!.. А там — лучше смерть, чем снова фашистская неволя...

Это было главным, о чем дни и ночи беспрерывно мечтали они, надеясь, терпеливо переносили варварские истязания и издевательства, оторванные от родных семейных очагов, своих боевых товарищей, от человеческой жизни...

— Хоть бы добраться до места, Пантелей Карпович, — тихо говорил молодой высокий тридцатилетний боец, раненный в коленную чашечку правой ноги. Его спутник поддерживал его за плечо, молча передвигая больные ноги.

— Нет, нет, я уйду... И рана не удержит... Не могу больше терпеть! Лучше умереть, но задавить хотя бы одного фашистского разбойника!

— Помолчи, Дмитрий, — тихо сказал Пантелей Карпович. Он пригнул голову парня к себе и зашептал на ухо: — Ведь среди нас могут быть и предатели... Донесут! Понял? — Вслух же произнес:

— Устал я очень... Не до разговоров...

У него в самом деле деревенели ноги, опухшие от голода. Все тело, казалось, обрело свинцовую тяжесть. Кружилась голова, туманилось в глазах, и он временами погружался в какое-то тяжелое забытие. Собрав всю силу воли, Пантелей Терещенко старался не поддаваться губительной слабости. Он знал, что если потеряет сознание, его ждет та же участь, которая постигла многих пленных, — быть выброшенным из товарняка возле какой-нибудь затерявшейся станции, там, где остановится состав... А для того, чтобы убедиться в его кончине, гитлеровские конвоиры уже на земле полоснут его тело автоматной очередью.

...Вагон резко качнуло. В нем послышались одиночные голоса людей, вяло делившихся своими предположениями:

— Наверное, опять станция...

— Похоже на то. Долго едем...

Загрели засовы отодвигаемых дверей, и капли косо хлеставшего дождя, заносимые ветром, попали в вагон, дыхнувший смрадом,

испарениями человеческих тел и тошнотворным запахом гниющих ран. Люди поеживались от колючего морозного ветра, выходили из вагона, подгоняемые грубыми окриками гитлеровцев, стоявших на расстоянии друг от друга.

— Шнель! Шнель, русише швайне!*

Самодовольные конвоиры надменно улыбались, а их наглые глаза шарили по тощим фигурам беззащитных жертв, становившихся в строй возле товарняка. Дождь безжалостно поливал их непокрытые головы, пробираясь за воротники гимнастерок, вызывая дрожь уставшего тела.

Озябшие, промокшие до нитки люди с трудом вытаскивали ноги из вязкой грязи, базучастно брели в неровном строю, конвоируемые гитлеровцами. Тяжело шагая в общей массе, Пантелей Карпович поддерживал хромавшего Дмитрия.

— Острог! — прочитал Пантелей Карпович на фасаде станционного помещения.

— Острог, — прошептал он. — Кажется, здесь начинается территория западных областей Украины... Куда же нас погонят дальше?

За поворотом толпу пленных остановили у большого полуразвалившегося сарая. В него, как скот, и загнали их на ночлег, выставив вокруг часовых.

Измученные люди тут же обессиленно опускались на землю. Они сразу и не заметили, что холодный дождь проникал в сарай через дырявую крышу. Порывистый ветер заносил его также сквозь щели, обдавая тоненькими струйками воды, сбегавшей вниз по обвисшим соломинкам. Вначале никто даже не обращал на это внимания. Каждый был рад предоставившейся возможности расправить отекавшие ноги, прилечь на гнилой соломе, пахнущей прелым навозом... Уставшее тело наконец могло расслабиться и отдохнуть. И какое это блаженство — лежать и полной грудью вдыхать навозный воздух, от которого так кружится голова и хочется есть... Хотя бы попалась сырая свекла, картофельная шелуха или листья капусты! Как они хорошо хрустят на зубах...

А хлеб?... Он, ароматно пахнущий, свежий и с румяной корочкой, был достигаемым только в мечтах. Люди, двое суток не имевшие маковой росинки во рту, немного отдохнув, стали сбиваться в группы, чтобы было хоть немного теплее, и начинали переговариваться:

— Горячей водички испить бы, — произнес кто-то неуверенно в темноте. — Хоть глоток... Весь продрог...

* Быстрее! Быстрее, русские свиньи! (нем.).

— Эх, сейчас бы миску борща! — вставил другой, проглатывая набежавшую в рот слюну. Справившись с непроизвольным рефлексом, безнадёжно добавил:

— Гады, а воды второй день не дают!

— Помню, у нас, в деревне, мать рано поставит на стол, прямо с печи горячие блины, политые густой, густой сметаной или коровьим маслом, и ешь! Сколько твоей душе угодно! — слышится молодой, почти детский дрожащий голос.

— Замолчи ты! Не надо тревожить людей... Всем тяжело и так... — обрывает его другой раздраженный голос.

На некоторое время снова воцаряется угнетающая тишина, и ясно доносятся завывание ветра на дворе, шум дождя и тяжелые шаги немецких часовых у сарая. Постепенно пленные засыпают. Слышно, как некоторые храпят, другие от боли тихо и протяжно стонут, третьи всхлипывают во сне.

...Как только чуть забрезжил рассвет, в сарай вошли гитлеровцы.

— Абштейн, абштейн!* — вопили конвоиры.

Озябшие, невыспавшиеся люди торопливо вскакивали на ноги, спешили во двор. Здесь их ожидали подводы. По приказанию немцев старосты согнали подводы из близлежащих деревень.

Продолжал моросить густой дождь. Каждый, как мог, карабкался на воз. Пантелей Карпович успел пристроиться на последней телеге. «Где же Дмитрий? — Терещенко посмотрел на подводы, нигде его не было. — Неужели остался в сарае?» Сердце его учащенно забилося. Похолодело в груди. С немым ужасом смотрел он, как к ветхому сараю направились двое немцев, на ходу снимая короткоствольные автоматы. «Убьют, Дмитрий! — лихорадила мысль Пантелея Карповича. — Господи, где же он замешкался?» И в эту минуту, припадая на левую ногу, из сарая показался Дмитрий.

— Дима! Сюда! — замахал рукой Терещенко. — Быстрее, быстрее! Сюда!..

Дмитрий, увязая в липкой грязи, поспешил к Пантелею Карповичу. Но у самой телеги, на которой сидел Терещенко, рухнул у задних колес, судорожно глотая воздух открытым ртом. «Поднять его, поднять немедленно! — словно пойманная птица, билась мысль у Терещенко. — Немедленно! Иначе конец!»

* Встать! Встать! (нем.).

Но тут раздалась резкая команда, и передние подводы тяжело двинулись с места под аккомпанемент раздавшихся очередей. Перепуганный старик-возница бестолково задергал вожжами, пытаясь поспешно удалиться со двора. Лошади, встревоженные стрельбой, будто разгадав мысли хозяина, рванулись вперед, пытаясь вытащить глубоко осевшую в грязь телегу, за колесо которой схватился высохшей, посиневшей до черноты рукой Дмитрий.

— Не оставляйте меня, умоляю!.. Возьмите... — Пантелей Карпович, дрожа от нервного напряжения, вырвал у возницы вожжи и начал просить его остановиться: — Отец, родной! Останови! Возьми... Всеми святыми тебя прошу...

Он униженно склонился перед стариком и, обнимая его, твердил одно и то же:

— Отец, родной! Останови!

Крестьянин, справившись с одолевшим его страхом, остановил лошадей, проворно соскочил с подводы, поднял с земли Дмитрия и бережно передал его Пантелею.

— Клади его к себе на колени, — проговорил крестьянин.

В это время короткие автоматные очереди неслись из ветхого сарая. Немцы добивали тех, кто не в силах были подняться и добраться до телег. Кони рванулись вперед, и, проезжая мимо сарая, в раскрытые двери люди из повозок видели, как в предсмертных судорогах умирали их товарищи, боевые друзья, которым они ничем не могли помочь...

Их оставалось 47 человек. Поздно вечером того же дня они очутились в ровенском лагере для советских военнопленных.

На временно оккупированных фашистами землях этот лагерь олицетворял «новый порядок». Через каждые сто метров вокруг лагеря стояли патрульные вышки. На них круглосуточно дежурили часовые и под постоянным прицелом направленных пулеметов охраняли огороженную зону, в которой в нескольких бараках и прямо на земле под открытым небом, под дождем и солнцем томились советские военнопленные.

— Попали мы с тобой, Дима, в пекло! — говорил после прибытия в лагерь Пантелей Карпович своему другу. — Мы здесь только третий день, но я уже чувствую, что долго не протянем. Видишь сам, каждый день сотнями вывозят нашего брата на свалку... Здесь добрых десять тысяч человек! Из них половина тифозных... Это, можно сказать, уже не жильцы на белом свете... В бараках ни нар, ни соломы, и холод — хоть собак гони! О питании я уже не говорю — 200 граммов на день печеной просяной шелухи, смешанной с опилками! Разве это еда! Эх! А та бурда,

сваренная из жома*, которую нам дают два раза, вечером и утром, — это не еда, а прямой путь к смерти!.. Ты смотри, бурды много не ешь! Немцы, говорят, специально ее дают в отдельные дни вдоволь, чтобы люди, заболев кровавой дизентерией, побольше умирали... Вот так-то, Дмитрий! Чувствую, что и мы скоро свалимся с ног. Тогда гибель неминуема! Я вот думал, думал, Дима, — надо нам бежать отсюда любыми путями и побыстрее. Время терять не стоит...

Разволнованный Дмитрий Лисейкин сказал:

— Но как? Пантелей Карпович, надо что-то придумать! Бежать можно и через проволоку, и тогда, когда поведут на работу...

Друзья приумолкли. Они прохаживались, с тоской посматривая через колючую проволоку на пролежавшую рядом с территорией лагеря улицу Громова, по которой проходили редкие прохожие.

— Мне кажется, я придумал, — снова начал разговор Терещенко. — Нам надо попасть в госпиталь для советских военнопленных при здешней тюрьме. Оттуда, слышал я, можно выбраться. Одним словом, нам необходимо «заболеть», что не представляет большого труда в нашем положении. Понимаешь меня, Дмитрий? Давай попробуем? Согласен?

— Конечно, согласен! — Дмитрий как-то тревожно оглянулся...

С этого дня они приступили к осуществлению своего плана. Терещенко и Лисейкин уже неделю валялись на полу холодного барака, симулируя острые боли в области живота. От голодного существования щеки их ввалились, кожа на лице приняла сине-желтый оттенок. Руки и ноги высохли, словно спички. Они скорее были похожи на трупы, чем на людей. Еще бы немного времени, и их бы постигла смерть. Прошла еще пара дней, и их тела начали опухать, что обычно происходит с людьми накануне мучительной гибели от голода...

— Наверное, так и умрем безрезультатно, Пантелей Карпович, — с отчаянием прошептал Дмитрий. — Немцы на нас, видно, рукой махнули. Что их, дескать, гнать на работу, они и так здесь подохнут, как собаки. Все идет к тому... Ну день, два, и нам крышка. Я уже голову не могу поднимать, свет кружится, ноги не держат... Распухают... Рана покоя не дает, и ноги такие тяжелые, будто глиняные стали. Временами теряю сознание. А есть уже как будто и не хочется... А раньше думал, что тело буду свое грызть... — с грустной безнадежностью шептал Дмитрий...

* Жом — измельченные корнеплоды сахарной свеклы после экстрагирования из них сахара. <...> Используют в основном для откорма сельскохозяйственных животных // Большой энциклопедический словарь. URL: www.mosslov.ru

Терещенко его успокаивал:

— Терпи, дорогой, нам еще немножко осталось. Посмотри на меня, у меня то же ужасное состояние, к тому же экзема проклятая раскинулась по рукам и всему телу, мучает, но я креплюсь, Дима, я надеюсь на лучшие времена. Мы должны выбраться из этого ада, должны!..

И действительно, его пророческие слова сбылись.

На третий день после их последнего разговора в лагерь вкатила большая крытая брезентом машина-фургон. В числе других раненых и больных пленных в нее на носилках были положены Пантелей Карпович и Дмитрий — почти без признаков жизни. Они были отправлены в тюремный госпиталь.

...Потолок полутемной камеры бы неустойчив, куда-то «плыл» и, казалось, готов был каждую секунду опрокинуться на лежащего Дмитрия и раздавить его своей тяжестью... Парень закрывал глаза, и тогда ему представлялось, что он находится на гигантском душном корабле и проваливается вместе с ним в морскую пучину. Одновременно слышалось какое-то жужжание, похожее не то на гул людских голосов, не то на шум воды. Такое ощущение вызывало тошноту в желудке Лисейкина, тянуло на рвоту, а в голове стоял неумолчный грохот, как у работающего поблизости трактора. Тело Дмитрия горело, будто на раскаленных углях, и холодный пот выступал на нем. Стиснув зубы, Дмитрий изредка стонал. Иногда он будто защищался руками от чего-то страшного, преследовавшего его, шевелил бескровными сухими губами.

Терещенко, лежавший с ним рядом на цементном полу, старался облегчить страдания товарища. Сам дрожа от декабрьской стужи, он укрывал его своей шинелью, силой разжимал ему зубы и старался влить ему в рот коричневое пойло, называемое супом, которым кормили пленных в «госпитале».

«Не выживет, бедняга, — тревожился Терещенко за судьбу Лисейкина. — Второй день не приходит в себя... Если бы лекарства были, питание...» Пантелей Карпович сам выглядел страшно изможденным. Кожа на лице сморщилась, обвисла, под глазами были черные мешки. Опухоль с него опала. Плечи заострились, грязная гимнастерка держалась на них, словно на затесанных копьях. Один взгляд оставался таким же непреклонным и решительным. Едва ему стало легче, он познакомился с находившимися в палате пленными, такими же бедолагами, как и он с Лисейкиным.

— Ну что, земляки, хорошо отдыхаем на курорте? Это вам не фронт! Там что, сидишь в окопе и ожидаешь, когда тебя подстрелят. Верно?

В ответ на его слова кто-то нехотя засмеялся, кто-то слабо улыбнулся. Потом раздались негромкие голоса:

— Век бы не видать такого курорта!

— Подстрелят... А здесь — мед?..

— На фронте что всем, то и тебе...

— Ишь, куда загнул! На фронте — там свои кругом...

— Хитер, видать, подлец!

Один черный как жук молодой солдат сидел, скрестив по восточному обычаю ноги на нарах и держась одной рукой за простреленную грудь. Тяжело дыша, он злобно заговорил, обращаясь ко всем, но в основном — к Терещенко.

— Так ты, борода, значит, рад курорту, говоришь? Тепло, светло и мухи не кусают... А то, что из тебя сделали раба, измываются над твоим человеческим достоинством, морят голодом, тебе безразлично? Врешь! Но у тебя нет смелости правде в глаза посмотреть, испугался смерти! Струсил ты...

«Хорошо говорит, молодец! — подумал Пантелей Карпович. — Вот такого плен не сломил... Отпусти его на волю — он сведет счеты с фашистами!»

— Да, да... Именно струсил, — продолжал солдат. — И теперь рад вонючей баланде и вшивой тюрьме! Можешь спросить, как я сюда попал! Меня на поле боя немцы забрали без сознания. Я был не лучше тогда, чем твой дружок сейчас. Живым бы я им не сдался, в этом ты можешь быть уверен...

— Извини меня, земляк. Не хотел я тебя обидеть... — успокоил солдата Терещенко. — Каждый ведь говорит то, что думает, что у него на душе. Так и я... На сердчай!..

— О чем думаешь — молчи! — озлобленно бросил раненый. — Курортник!

Находившиеся в палате-камере пленные с интересом слушали разговаривавших между собой Пантелея Карповича и его собеседника, все они явно были на стороне своего товарища. Видно было, что мнение у них сложилось не в пользу «курортника». Другие смотрели в сторону Пантелея Карповича с ненавистью, а некоторые делали вид, что вовсе его не замечают.

Пантелей Карпович, не выдавая своих настоящих чувств и на обращая внимания на косые взгляды больных, удовлетворенно рассуждал сам с собой: «Видимо, здесь, в основном, хорошие люди — патриоты, преданные Родине... Веру в людей, конечно, терять нельзя. Тут единицы

таких, которые добровольно сдались в плен. Мне следует разобраться в людях, войти к ним в доверие и наладить контакт...» Ход его мыслей нарушил тихий стон Дмитрия, метавшегося в бреду. Терещенко поднял сползшую на пол шинель, накрыл его и спросил:

— Митя! Слышишь меня, Митя?

Ответа не последовало. Терещенко снова погрузился в размышления: «Необходимо установить связь с волей любой ценой... Может, попытаться это сделать через медицинский персонал? Познакомиться с врачами, сестрами. Узнать, как они настроены. Не может этого быть, чтобы все они искренне служили фашистам. По едва уловимым признакам можно определить, каков человек — добрый или злой, смелый или трус, свой или чужой. Надо только быть осторожным и внимательным, не выдавать своего интереса... С товарищами по палате дело проще. Пройдет некоторое время, и я смогу определить моральное состояние каждого и то, на что он способен. Главное — мне следует быть терпеливым и осторожным. Здесь находится около трехсот человек, думается, можно будет подобрать надежных людей, сплотить их в одну крепкую организацию. Затем можно попытаться совершить побег. А если не удастся побег — самим придется добывать оружие и начинать действовать в неволе».

Пантелей Карпович не заметил, как уснул. В полночь его разбудил чуть слышный голос пришедшего в себя Дмитрия:

— Пить, братцы, пить!

Терещенко не сразу узнал голос Дмитрия. Он быстро соскочил с нар и на ощупь взял кружку с водой, поднес ее к высохшим губам больного. Тот, не поднимая головы,пил целительную влагу. Пантелей Карпович старался повернуть Дмитрия набок, подsunул под голову пилотку:

— Очнулся, дорогой. Вот теперь станешь на ноги. Мы еще поживем с тобой. Ты только крепись!

— Где мы? — шепотом спросил Лисейкин. — В тюрьме?

— Да нет, это госпиталь такой... Ты не говори много... тебе это вредно. Постарайся уснуть, завтра поговорим, хорошо?

Дмитрий закричал, а вскоре уснул. Дыхание его становилось ровнее, спокойнее. Справившийся о болезнью, организм набирался сил, требовал покоя, тишины. Было видно с каждым днем — Митя идет на поправку.

Пантелей Карпович думал: «Вот молодец парень! Сколько же он перестрадал, как измучился, но выдержал-таки...»

* * *

...Врач Григорий Андреевич Клешкань, работавший в госпитале, стал замечать, что поступивший больной Пантелей Карпович Терещенко в последнее время как будто изучает его. Чем же вызван интерес пленного к его личности?

«Хорошо, если это простое любопытство, — думал Григорий Андреевич, — а если он что-либо разузнал о его связях с Остафовым, а сам связан с гестапо и доносит на него?» Чтобы не оставаться далее в неизвестности, Григорий Андреевич под предлогом медицинского освидетельствования пригласил в свой кабинет Терещенко и начал его «прошупывать».

— Как вы себя чувствуете, больной? Легкие, сердце, почки в порядке? — задавал обычные профессиональные вопросы доктор.

— Не скажу, что в порядке, но жить пока можно, — осторожно подбирая слова, отвечал пациент. — Здоровье, какое есть, вряд ли останется. Условия... — Терещенко умолк.

— Здоровье у вас может улучшиться, если, скажем, вам находиться на свежем воздухе, — отвечал безразличным тоном Клешкань, словно не придавая никакого значения своим словам. — Вы, конечно, большой оптимист. Но я бы вам советовал, Терещенко, хорошо отдохнуть, желательно в сосновом лесу... Ведь у вас легкие поражены туберкулезом...

— Поражены? — будто удивился Пантелей Карпович. — Я и не подозревал о своем смертельном недуге...

— К сожалению, это так. Вам необходимы строгий лечебный режим, диета, усиленное питание, — настаивал на своем Григорий Андреевич. — Нужен чистый воздух. Вы меня понимаете? Соответствующие справки вам дадим — и с Богом!

— Хорошо, я вас понял, Григорий Андреевич, — крепко пожимая руку Клешканя, проговорил Терещенко. — Вы оказались настоящим человеком! А я то думал...

Не ожидавший этого, врач пытливо взглянул на Пантелея Карповича и как-то холодно произнес:

— При чем здесь «настоящий»? Я доктор и только исполняю свой служебный долг по отношению к больным...

— Нет, Григорий Андреевич, я убедился: от вас все хорошие люди получают справки о нетрудоспособности и оставляют лазарет-тюрьму. — Терещенко продолжал: — Я вас знаю еще с довоенных лет, с 1939 года, когда вы работали в нашей области.

— В какой? — взволнованно спросил врач.

— В Сталинской!

— Хорошо. Не будем играть в прятки, поговорим спокойно, откровенно...

— Согласен!

...Митя Лисейкин начал беспокоиться, почему до сих пор нет Пантелея Карповича... «Конечно, врач некоторых больных почему-то долго выслушивал, — рассуждал он, — такая у него привычка... Хотя с виду Клешкань строгий и вообще похож на гитлеровского холоуя, но к пленным относится хорошо. И не поймешь, какой он...» Не утруждая свою голову подобными мыслями о странном поведении врача, Митя терпеливо ждал Пантелея Карповича. И когда наконец тот появился, Лисейкин сочувственно спросил:

— Долго мучил эскулап? Говорил: дышите глубже, не дышите, щупал пульс...

— Все было, Митя. И пульс щупал.

— Он такой придиричивый!

— Кто придиричивый?

— Врач... Кто же еще?

— Вот и хорошо, что придиричивый.

Пантелей Карпович, улыбнувшись, положил руку на плечо своего друга.

— Идем во двор, подышим свежим воздухом. Ведь сейчас, друг, весна, 1942 год... Смекаешь, Дмитрий! Ну и дошлый, запомнил же такое слово — эскулап. Мудреный ты парень!

С этого дня Терещенко как-то переменялся. Он стал чаще посещать пленных в других палатах, где обычно что-нибудь рассказывал, подсаживаясь на нары к знакомым. А проходило дня два-три — и он снова залеживался на нарах, жалуясь на боли в животе.

— Язва, окаянная, мучит, — отвечал Терещенко тем, кто спрашивал его о причинах недомогания. — В сталлаге прихватил, мучительницу. Опять придется идти к врачу... Может, хоть какой-то порошок напишет...

Все в госпитале-тюрьме знали Пантелея Карповича как покладистого, доброго человека, любившего поговорить, спокойного и рассудительного. Во всех отношениях хороший человек, да жаль, что болезненный. И никого не удивляло, что приветливый Терещенко, когда боли у него становились нестерпимыми, шел к врачу и долго жаловался на свою

болезнь, умоляя тщательно исследовать желудок и дать хоть какую-то мазь от экземы. Войдя к Клешканю в кабинет, больной ложился на деревянный топчан и, громко охая, жаловался доктору, ощупывавшему его живот:

— Печет внутри уже третий день — спасу нет. Все ваши советы выполняю, а не помогает...

В перерывах между стонами и жалобами Пантелей Карпович, понижая голос, шептал на ухо врачу:

— Дятлова, Евстафьева, Козенко можно списать. Оформляйте документы и отсылайте.

В знак понимания врач молча кивал головой и так же шепотом отвечал:

— Сделаем, надо побольше отсылать... Под Ровно, в лесах, действуют партизаны. Ходят такие слухи. В городе появляются листовки. Подполье есть... Кому надо — разыщут!

Терещенко выходил из кабинета врача с порошками от желудочной боли в руке. А спустя неделю или чуть больше из тюремного госпиталя отправлялись «инвалиды» — группы по несколько человек, снабженных справками об их полной нетрудоспособности. Госпиталь постепенно пустел.

Этому содействовала и немецкая администрация лагеря, рассчитывавшая на геббельсовскую пропаганду «развала колосса на глиняных ногах» через национальные переговоры. Было несколько случаев, когда в камеры заходил кто-нибудь из администрации лагеря со списком в руке. Переводчик, получив его из рук начальства, зачитывал:

— Карпюк, Прокопенко, Данисюк, Василенко! Собирайтесь! Сегодня вас германская армия — друг украинского народа — отпускает домой к своим семьям, женам, детям, родителям. Отныне вы свободны! Идите и благодарите мудрого Адольфа Гитлера и великую Германию за оказанную милость...

Действительно, названные по фамилиям пленные освобождались из госпиталя. На прощанье гитлеровцы выдавали им по буханке хлеба, консервы, колбасу, и на виду у остававшихся в лагере заключенных проводжали их до выхода из зоны с подчеркнутым вниманием и любезностью. Изменники Родины и провокаторы, продавшиеся немцам, бродили по баракам и зоне, говорили:

— Видите, как германские власти обращаются с нами. Отпускают домой. Продуктами снабжают на дорогу. Обещают всех, кроме русских, отпустить. За великое участие к нам надо благодарить освободителей,

ценить милость немцев... Каждый, кто хочет увидеть свою семью, пусть сообщит администрации о коммунистах, комсомольцах и комиссарах, находящихся среди нас. За верноподданнические чувства достойные будут освобождаться, а вдобавок им обещают по буханке хлеба и жирный приварок с мясом!

— Какой подлец! — шептались между собой пленные, когда такой провокатор удалялся. — Как только земля терпит такую вошь тифозную?!

— Убить змею! Чтобы не отравлял воздух, сволочь!

— Правильно, надо покончить с ним! — одобрительно возмущались все хором.

Но гитлеровцы своевременно и сами убирали провокаторов, засылая их в другие лагеря, чтобы и там подрывать моральный дух советских военнопленных, используя продавшихся для провокаций и фашистской агитации.

Находящиеся в госпитале люди, разгадав коварные замыслы подлого врага, скрытно вели свою агитацию — правдивую и чистую.

— Пойми меня, Дмитрий, — говорил Лисейкину Пантелей Карпович. — Фашисты стремятся посеять между нами национальную вражду. Для этого они и отпускают некоторых пленных — украинцев из разных областей Украины. Почему из разных областей? Да для того, чтобы люди, расходясь по домам, говорили: немцы — наши друзья. Этим и подрывается интернациональная дружба советских народов. Такую же провокацию, в этом я уверен, немцы сеют и в тылу нашего государства через своих шпионов. Но мы должны использовать их агитацию в своих целях, но так, чтобы об этом не подозревали фашисты. Начнем действовать с тебя, Дмитрий!

— С меня? — удивился Лисейкин. — Что же я, какой-то власовец или самостийник? Что я должен делать?

— Говори, что родители твои украинцы, например, из Запорожья или Днепропетровска, из рода запорожских казаков, и фамилия твоя — Гончаренко. Я те края знаю... Выучишь названия сел какого-нибудь района, «свое» село. Пока что учись ежедневно разговаривать по-украински. Я помогу тебе. Дело нехитрое. Я ведь, хохол, Митя!

...Гитлеровцы, убедившись в том, что пленные стоят друг за друга и не выдают коммунистов, призвали для агитации религию. Незадолго до церковного праздника Пасхи в тюрьму-лазарет прибыл греко-католический священник с причетом.

Дверь камеры, загремев засовом, отворилась, и на пороге предстал пожилой человек в одеянии католического священника. В левой руке он

держал молитвенник в черном добротном переплете, в правой — серебряный крест с фальшивыми самоцветами, тускло поблескивающими в темноте.

— Братья во Христе! Кайтесь в своих тяжких грехах, которые вы совершили в войске безбожников — большевиков-коммунистов! Аминь! — елейным голосом начал служитель культа, осеняя озадаченных своих появлением и удивленно смотревших на него пленных. — Помолимся Богу, христолюбивые братья!

— Ты смотри, поп! Нестоящий поп! — раздалась возгласы в камере.

— Но такого вижу в первый раз! Честное слово!

— Жирный, черт, какой! Морда чуть не треснет...

— Вот так штука!

— Что же он дальше запоеет?

Пленные, сгрудившись возле двери, особенно молодые ребята, большинство из которых церковника видели первый раз в жизни, выжидательно смотрели ему в рот, словно намереваясь увидеть там что-то необыкновенное.

— Славные немецкие рыцари освободили нас и вас от проклятых большевиков. Так помолимся же, братья, за победоносную германскую армию и ее вождя Адольфа Гитлера! Аминь! — изрыгала пасть матерого попа. — Молитесь Богу — он вас простит, а земля святая примет ваши грешные тела, души вознесутся на небеса-а-а-а! Аминь!

Пастырь Божий со вздохом приподнял голову кверху, а его глаза хитро забегали по потолку и бледным небритым лицам военнопленных. И вдруг поп почуял что-то недоброе. Он опасливо огляделся, решая, что предпринять. Но было поздно. Глаза людей горели гневом. Ведь поп заживо предавал их земле.

— Тебя бы, дракона пузатого, спровадить в землю, чтобы не вонял здесь! — не выдержав этого зрелища, а также гнусного издевательства, крикнул молодой боец Юра Леонов.

Щуплый, небольшого роста, весь дрожа от гнева, он вплотную подошел к растерявшемуся священнику и, покрутив пальцем возле его крупного носа, с ненавистью добавил:

— Иуда! Предатель! Вот кто ты, дракон!

Церковник от неожиданности, словно пораженный внезапным столбняком, так и застыл с поднятым вверх крестом. Опомнившись от первого шока, священник попятился задом к двери и по-крысьи исчез за ней. Тотчас в камеру вошли гитлеровцы. Их было четверо. Они скрутили руки Леонову, вывели его из камеры.

— Прощайте, товарищи! Передайте матери... Горьковская область, деревня... — голос его прервался.

Из-за двери донесся шум борьбы. Раздался хрип, затем глухое падение на цементный пол — и все стихло.

В камере сидели пораженные всем увиденным пленные. Они вдруг заговорили между собой:

— Вот она, религия святая, — донесся голос из угла камеры.

Гибель всегда тихого и неприметного Леонова угнетающе действовала на остальных его товарищей по камере.

— Погиб Юра. Совсем молодой, — спустя некоторое время послышался голос тяжелораненого пленного. — Вот и меня то же ожидает...

— Он умер героически, — вставил кто-то. — Наверное, комсомолом воспитан...

— Да, он делился со мной. Был секретарем комсомольской организации в колхозе, — ответил Дмитрий.

Голос его дрожал...

ДОМ «СОВЕТОВ»

Потребность в рабочей силе, в специалистах для коммунального хозяйства города заставила бургомистра Ровно Савюка ходатайствовать перед администрацией лагеря военнопленных о дополнительном их освобождении и направлении в распоряжение городской управы. Вскоре около двухсот человек с соответствующими документами об освобождении из лагеря трудились на воостановлении города. На жительство их определили в кирпичный дом вблизи базарной площади.

Дом «советов» — так называли ровенчане это здание. В нем жили почти одни советские военнопленные — «советы», как их имененовали местные жители.

Лагерь выпускал из своих «объятий» не людей, а, скорее, ходячие скелеты. Очутившись одной ногой на воле, все эти люди стали ходить по домам и квартирам жителей, выпрашивая на пропитание. Всякий честный человек, встретившись с такими людьми, старался поделиться с ними последним. Бывшие военнопленные с жадностью набрасывались на пищу. Некоторые тут же заболевали, поскольку были крайне истощены, и их желудки были не в состоянии переваривать пищу. Однако постепенно они приходили в себя и выходили на работу.

Твердохлебов и Бунько устроились электриками при городской управе, Баланюк — шофером на ассенизационную автомашину, Геруменко — рабочим по очистке развалин города, разборке полуразрушенных домов.

Среди пополнения появился и советский лейтенант — летчик Петр Ершов. В первые годы Отечественной войны Ершов летал на скоростных бомбардировщиках на Днестре в районе Кременчуга, где был сбит фашистами. После отбытия Виктора Бунько в Днепропетровск Ершов был определен на его должность — электриком, работал вместе с Твердохлебовым и жил с ним в одной комнате. И Твердохлебов, и Ершов догадывались о связях друг друга с партизанами, но заводить об этом разговоры оба не решались.

Во дворе магистрата Твердохлебов впервые повстречался с Сергеем Родионовым. Затем они познакомились поближе. Родионов долго присматривался к Твердохлебову, изучая его поведение, взгляды, затем свел его с Василием Галузой.

Родионов интересовался у Галузы:

— Кажется, мы не ошиблись, Твердохлебов остался верным нашей Родине! Как думаешь, Василий?

— У меня такое же впечатление о нем, — отвечал Галуза. — Человек он не болтливый, рассудительный и настоящий патриот! Думаю, мы на верном пути, он нас не подведет.

— Тогда будем знакомить его с Остафовым и рекомендовать в состав руководящего ядра. Не возражаешь?

— Я согласен, — одобрительно отозвался Василий. — Пора кончать с ними игру в прятки. Они наши люди...

— Тогда надо подыскать место встречи. Мне кажется, что это можно сделать на квартире Антонины Георгиевны, — говорил Родионов. — Если, конечно, разрешит Николай Максимович.

— Думаю, он согласится, — продолжал Родионов. — В три часа приходи с ним туда. К этому времени мы будем уже там.

Коммунисты встретились там, словно родные. После короткого отвлеченного разговора Твердохлебов рассказал свою автобиографию. Родионов и Галуза слушали рассказ, внимательно следили за реакцией своего руководителя: кажется, верит ему, одобряет наш выбор.

Остафов посмотрел на свои карманные часы и вновь поместил их в потайной карманик брюк.

— Что, Николай Максимович, время поджимает? — спросил Галуза.

— Нет. В моем распоряжении еще более часа, — ответил Остафов. И уже деловым тоном заговорил: — У меня, товарищи, сложилось

твердое впечатление, что Твердохлебов правдиво рассказал все о себе. Как ваше мнение?

— Мы с Василием советовались раньше, — докладывал Родионов. — Твердохлебов остался честным патриотом своей Родины! И если у вас такое же мнение, то я предлагаю ввести товарища Твердохлебова в состав руководящего ядра коммунистического подполья.

Все переглянулись.

— Раз нет другого мнения, то не будем откладывать. Ставлю на голосование: кто за то, чтобы ввести коммуниста Твердохлебова Михаила Ивановича в состав руководящего ядра ровенского подполья, прошу голосовать.

Три коммуниста — Остафов, Родионов и Галуза — подняли руки.

— Против и воздержавшихся нет, — констатировал Остафов. Он первым пожал руку Михаилу Ивановичу: — Сердечно поздравляю с возвращением в строй как коммуниста, как воина, как верного сына своей Отчизны!

Родионов и Галуза последовали примеру Остафова.

Твердохлебов поднялся, чуть дрожащим голосом заговорил:

— Братья мои, коммунисты! Безгранично благодарю вас за это высочайшее доверие, которое вы оказали мне здесь, в глубоком тылу врага. Это мое второе рождение в рядах родной партии. Клянусь перед вами и своей Родиной, что буду честно бороться против гитлеровских варваров, и в этой борьбе, если потребуется, сложу свою голову! Спасибо вам!

— Если придется — все умрем достойно! — поддержал слова Твердохлебова Остапенко. Голос его прозвучал уверенно и решительно:

— Мы все перенесем: и голод, и холод, и истязания. Нас не запугают ни лагеря, ни смерть. Недаром когда-то еще Михаил Кутузов, зная душу русского солдата, говорил: «Я счастлив, предводительствуя русскими, и всегда должен гордиться именем “русский”, ибо сие имя есть и будет знаменем победы!»

В доме «советов» появились Пантелей Терещенко и Дмитрий Лисейкин. Терещенко прослыл хорошим мастером-сапожником. Пристроившись в полуподвальной разрушенной будке, он ремонтировал на железной «лапке» обувь.

Сапожник Терещенко был весьма приветливым человеком. Редких посетителей принимал любезно. За свои услуги брал то, что полагалось. Правда, основными заказчиками являлись обитатели дома «советов», а также рабочие мелких предприятий и изредка — крестьяне. Обращались к нему за несложным ремонтом обуви: подбить набойки,

подметки, наложить заплату или же заклепать на «лапке» гвоздь, беспокоивший ногу. Но на шитьё новой обуви мастер заказов не принимал.

Однажды в середине дня мастерскую посетил скромно одетый средних лет лысоватый мужчина.

— Подошва совсем оторвалась, подбить бы, мастер, — обратился он, не здороваясь.

— Сейчас, подождите немного. Если ремонт в наших возможностях, сделаем, безусловно! — приветливо ответил Терещенко, заканчивая обрезать набойку каблука.

Мастер осмотрел сапог, надел его на лапку и, бросая пытливые взгляды на клиента, приступил к работе. Клиент, в свою очередь, рассматривал неказистое помещение и находившийся в нем инструмент — три пары старых колодок, ящик, где хранилось несколько молотков и шил, сапожный нож, очевидно, сделанный своими руками, и жестяной коробок с небольшими железными и деревянными самодельными гвоздями. У окна на гвозде висело несколько смоленых дратв. На столике, захламленном обрезками кожи, гнутыми гвоздями, лежал пучок упругой щетины.

— Бедно живешь, Пантелей Карпович. Никак не похожа твоя дыра на respectable ателье. И в учениках, видимо, ты не нуждаешься. И все же это лучше, чем книгами торговать, — заговорил клиент, оглядывая скудные орудия труда.

— Надо же чем-то существовать. Не побираться же? — стараясь сохранить спокойствие, ответил мастер. В душу Пантелея Карповича закрадывалось чувство тревоги и незримой опасности. «Откуда этот лысый меня знает? — мелькали тревожные мысли. — Узнал, что мы с Дмитрием книгами торговали, чтобы как-то перебиться немного первое время после выхода из госпиталя. Но откуда ему известно о нашей горькой жизни?»

— Вы меня не помните? А мы с вами встречались в госпитале военнопленных. Там я вас и приметил, — гость сам ответил на мучившие Терещенко вопросы. — В городе вас видел с товарищем, молодым парнем, что он за человек?

Настороженный Терещенко, обдумывая каждое слово, лаконично произнес:

— Возможно, в лагере и виделись. Всего ведь не запомнишь. Знамого можно встретить там, где и не предполагаешь вовсе...

— Вижу, сапог мой отремонтирован, — подымаясь, произнес посетитель. — Возьмите, пожалуйста, деньги за работу... Я к вам еще зайду, поговорим... До свидания!

Загадочный клиент вышел из мастерской, оставив в ней взволнованного сапожника в задумчивости. «Кто же он такой? — почесывая затылок, думал Терещенко. — Может, гестаповец? Партизан? Или предатель? Вот узнай, сложная штука человек... Во всяком случае, “лысому” кое-что известно о нем. Ну что ж, поживем — увидим, что дальше будет...»

С того времени Пантелей Карпович нетерпеливо ожидал появления «лысого» у себя в мастерской. И дождался. Спустя неделю, когда над городом опускались сумерки, скрипнула дверь, и на пороге появился загадочный клиент.

— Ну, здравствуйте, Пантелей Карпович, — протягивая руку, произнес человек. — Давайте пройдемся...

— Куда? — спокойно спросил Терещенко и начал одеваться.

— На месте узнаете, — уклончиво ответил тот.

Вместе они прибыли на улицу Схидную, к дому номер 17, и со двора по ступенькам лестницы спустились в полутемный сырой подвал, слабо освещенный керосиновой лампой... В подвале Пантелей Карпович увидел стоявшего возле стола блондина среднего роста. На фоне серых стен отчетливо выделялась его фигура с овальным красивым лицом и спокойным взглядом светло-голубых глаз. Чистое белое лицо украшали пшеничного цвета полукруглая по краям борода и аккуратно подстриженные небольшие усы, гармонирующие с его подтянутой и стройной фигурой. Одет был хозяин подвала в выдававшие виды военного образца гимнастерку и такие же защитного цвета брюки. Обут в латанные, старые, но хорошо почищенные черным кремом ботинки. Икры его ног были умело обмотаны обмотками.

Несмотря на то, что одежда мужчины была изрядно поношенной и отслужила свое, она ласкала глаз своей чистотой и опрятностью и выдавала в своем хозяине человека, не допускавшего вольности и неряшливости в своей внешности. Произведенное им на сапожника благоприятное впечатление еще более усилилось, когда последний услышал голос незнакомца, в меру громкий и приятный.

— Входи смелее, Пантелей Карпович. Будь как дома. Бери табурет, садись, поговорим.

Простота обращения, не переходившая, однако, в панибратство, вызвала симпатию Пантелея Карповича, присевшего у стола и подобравшего под него свои ноги в запыленных кирзовых сапогах.

— Затем и пришел, чтобы поговорить, — поддержал начало беседы Терещенко. — Живое да хорошее слово дорого стоит...

— Вы коммунист? — спросил бородач, переходя сразу к деловому разговору. — С какого года в партии?

Опешивший гость соображал, не зная, что ответить. Заметив его колебание и нерешительность, тот, улыбнувшись, успокоил:

— Понятно... Не будем дальше играть в прятки, Пантелей Карпович! Мне все известно от Клешканя, которому один «желудочник» помогал спасать советских военнопленных. Я бы сказал, что в ваших прогнозах, в основном, ошибок не было. Почти все люди, освободившиеся из лазарета, оказались настоящими советскими патриотами и делают для Родины и народа полезное дело.

— Раз знаете обо мне почти все, я вам полностью доверяюсь, — решился наконец пришедший. — Да, я коммунист с 1932 года. Фамилия моя Терещенко.

— А я Остафов Николай Максимович, — отрекомендовался проницательный собеседник. — Коммунист с 1925 года. Теперь, Пантелей Карпович, рассказывай все о себе, не таясь.

— Моя сознательная жизнь как коммуниста, — излагал свою биографию Терещенко, — началась с того периода, когда я связал свою судьбу с родной партией. До Великой Отечественной войны, в 1938–1941 годах, был директором песчаного карьера в городе Сталино. Родился в Донбассе в 1907 году, в семье шахтера. С молодости работал в забое, как и мой отец...

В первый день войны был призван в Красную армию, в 61-й запасной полк в звании старшины. В составе частей Киевского укрепрайона был на обороне столицы советской Украины. В сентябре 1941 года был ранен и пленен гитлеровцами. Дальше... Скитания по фашистским лагерям, вплоть до апреля, когда я при помощи Клешканя, давшего справку о моей нетрудоспособности и неизлечимом туберкулезе легких, был выписан из госпиталя вместе с Митей Лисейкиным. В настоящее время сапожничаю в так называемой мастерской вблизи дома «советов».

Остафов расхохотался.

— У нас в городе есть дом «советов»? Это замечательно. Значит, нам с вами следует подобрать кадры и восстановить Советскую власть.

Хорошо, Пантелей Карпович, теперь поговорим о серьезном деле как коммунист с коммунистом. Слушай внимательно. У нас в Ровно есть свое, еще, правда, небольшое коммунистическое подполье. Вступить в его члены предлагаем и тебе. Согласен?

— С радостью, Николай Максимович, — не колеблясь, ответил Терещенко. — Что прикажете? Готов все выполнить с честью!

Итак, весной 1942 года Пантелей Карпович Терещенко был единогласно введен в ядро ровенского большевистского подполья, руководимого бывшим секретарем Сталинского районного комитета партии города Киева, коммунистом Николаем Максимовичем Остафовым.

— Мы должны вырастить сильную подпольную организацию, товарищи! — говорил Николай Максимович. — Владимир Ильич Ленин говорил в своем труде «Что делать?»: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию». Но мы с вами ставим перед собой мизерные задачи — не Россию, а город Ровно захватить в свои руки, и то только на время. Мы должны твердо верить в победу своего народа над врагом. Иначе незачем огород городить и тянуться к делу.

Чтобы придать присутствующим бодрость духа, Николай Максимович процитировал:

— Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия воспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Более ста лет тому, в 1818 году, эти слова написал Пушкин, обращаясь к своему другу Петру Яковлевичу Чаадаеву. Не сила это, а? Какие краткость, четкость и красноречие русского гения?!

Остафов с минуту призадумался. Видимо, собираясь с мыслями, снова продолжил:

— Да, мы с вами, друзья, сплотим воедино советских патриотов, подымем их на борьбу против фашистских оккупантов, и если кто-то из нас не доживет до победы, на обломках разрушенных городов и сел оставшиеся в живых товарищи напишут наши имена. Да, если придется, мы умрем так же достойно, как умирали декабристы, как умирали революционеры, лучшие сыновья нашего отечества.

Итак, за дело, друзья, осторожно, последовательно, смело.

ДВА ТАНКИСТА

Иван Калинин и Илья Ивко проходили кадровую службу в одном разведывательном батальоне 136-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в то время вблизи западной границы. В первый же день войны в

составе механизированного разведывательного батальона они спешили на помощь отважным советским пограничникам в район боевых действий, начавшихся на рубеже Западного Буга.

Город Луцк, через который двигался батальон, стоял в дыму пожаров. Проносились по городу пожарные машины, беспокойно сновали люди, спасая свои жилища, разрушенные и подожженные авиацией противника. Когда колонна очутилась за городом, ее тут же начали атаковать с воздуха гитлеровские стервятники.

Господствуя в воздухе на этом участке, фашисты неоднократно пытались остановить продвижение советских войск, помешать им своевременно прибыть к месту непосредственных сражений. Здесь же появлялись наши истребители. Советские патриоты своими смелыми маневрами атаковали противника и заставляли его поворачивать в западном направлении. Они срывали замысел врага, сковывали его активные действия против наземных войск Красной армии. Нередко солдаты разведбатальона, наблюдая за боем, гордились смелостью и высоким мастерством отважных советских соколов. Но бывало, что они, сцепив зубы, со скорбью в сердце наблюдали, как опускались на парашютах наши летчики, выбрасывавшиеся из охваченных клубами черного дыма самолетов.

Несмотря на обстрел с воздуха, батальон продвигался вперед. Советская авиация охраняла наши наземные войска. Колонна продвинулась в город Торчин, затем продолжала путь на Владимиро-Волынский до самой линии фронта. Впереди шли ожесточенные оборонительные бои.

Начальник отдела снабжения горюче-смазочными материалами Иван Павлович Калинин подоспел к батальону в Торчин, заправил танки и бронемашин-амфибии и снова поспешил в тыл за горючим.

Коренастый танкист — лейтенант Илья Павлович Ивко в шлеме, с планшетом через плечо стоял навытяжку перед командиром батальона.

— Ваша задача, товарищ лейтенант, — четко, с расстановкой говорил капитан, — с девятью танками выйти в юго-западном направлении, произвести разведку передовых позиций противника и связаться с командиром пехотного полка, который ведет оборонительные бои на подступах к Торчину.

Девять танков выстроились в ряд. Дружно рывкнули моторы, и машины, окутанные черным дымом, двинулись по заданному маршруту, грозно лязгая гусеницами. В каждой машине находилось по два танкиста, а снаружи вокруг башен лежали солдаты пехоты.

Танки пробирались сквозь колосистую рожь, пшеницу, между фруктовыми садами, рясно* усыпанными созревающими плодами тихой Волыни. Через несколько километров пути они попали в места только что прошедших сражений: кое-где валялись трупы фашистских солдат, немецкие чемоданы, брошенное оружие...

Лейтенант Ивко продолжал вести танки вперед. Вдруг над ними появился фашистский самолет-разведчик. Сделав круг, он повернул обратно. Было ясно, что, обнаружив колонну советских танков, двигавшихся к месту сражений, он немедленно доложит о направлении их к месту назначения, и гитлеровцами будут приняты контрмеры.

Передовых пограничных войск танкистам видно еще не было. Вокруг стелились пелена пыли, дым. Из дозорного танка дали сигнал: «Танки, бронемашины противника». Ивко посмотрел туда, куда указывал сигнальщик флажком дозорного танка. С левого фланга из-за леса, словно из-под земли, выползли громадины — танки врага. Их количество все увеличивалось. Лейтенант передал своему командованию: «Танки, бронемашины противника».

Командование приказывало:

— Измените курс движения! Уведите противника влево. Повторить приказание!

— Есть изменить курс движения и отводить противника влево! — отрапортовал лейтенант.

Теперь по его приказу все девять танков увлекли за собой танки противника и тем самым дали возможность оставшимся в засаде танкам разведывательного батальона нанести поражение противнику с боков и с фланга. Все девять танков, изменивших курс, не прекращали огня. Они приближались к шоссе Владимир-Волинский — Торчин. В момент, когда вздыбившийся танк лейтенанта подымался на насыпь, он был подбит. Вокруг гремели артиллерийские залпы, рвались снаряды, звенело в ушах, но раненый экипаж продолжал сражаться. Танковый бой разгорался.

Вдруг вторым прямым попаданием снаряд ударил по танку лейтенанта Ивко. Взрыв! Товарищи видели, как черный дым окутал броню, и танк остановился на месте.

— Экипаж погиб! — горестно решили воины, продолжая вести бой.

* Рясно — от *рясный* — густой, падающий густыми гроздьями // *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: dic.academic.ru

Никто не заметил, как в дыму и пламени водитель танка и лейтенант открыли люк. Напрягая последние силы, они выбрались наружу, окровавленные, скатились в колосившуюся рожь, старались загасить на себе огонь. Илья Гаврилович понял, что дальше вести бой нет возможности, и, подумав о комсомольском билете, вытащил его и тут же зарыл в землю. Он еще старался продвигаться по полю ползком, но потерял сознание, и тут его обнаружили фашисты...

Разведывательному батальону, понесшему большие потери, пришлось отступать. Все девять танков были разбиты. Понесли большие потери и остальные роты батальона. Вместе со своим батальоном отступал и старшина Иван Калинин. Он знал о том, что его верный друг и боевой товарищ лейтенант Ивко, охваченный пламенем, погиб в танке.

Холмский лагерь для советских военнопленных, в котором очутился Илья Гаврилович после того, как фашисты обнаружили его в бессознательном состоянии, по своим зверствам не уступал ровенскому. Здесь также у всех на виду фашистские палачи расстреливали советских воинов, морили их голодом, избивали, здесь также их косила болезнь, и палачи губили их десятками тысяч.

За оградой из колючей проволоки Илья Гаврилович увидел некоторых своих однополчан-танкистов, а те при первой встрече с ним шарахались в сторону.

— Илья?! Ты жив?

— Как видишь! — отвечал лейтенант, догадываясь о причине их удивления. — Вырвался из горящего танка и вместо того, чтобы лежать в сырой земле у шоссе, я здесь, на Холмщине, ковыляю на самодельных костылях.

— А мы тебя, ты извини, пожалуйста, похоронили давно. Ведь ты же горел в танке на наших глазах.

— Ну что ж! — вздыхал Илья. — Раз так, то долго буду жить. А они, видите, что творят. Цель у них одна — чем больше погубят нашего брата, тем лучше им будет.

— Да, да, диву даешься... Как уцелел человек? — отвечали бывшие его однополчане.

В Холмском концентрационном лагере Ивко пробыл до поздней осени 1941 года. Успели немного зажить фронтовые раны, начал ходить без костылей. На его костях осталась одна кожа, и та была серо-синей от крайнего истощения.

«Неужели все кончено? — терзала его мысль... — Неужели я больше никогда не возьму в руки оружия? Нет! Нет, не может этого быть. Надо только вырваться отсюда!..»

Ежедневно от голода в лагере умирали по пятьдесят человек и более, а к осени смерть начала косить заключенных целыми сотнями. Истощенные люди были глубоко подавлены этой бедой, молча переносили свои страдания. Трудно было предположить, как бы окончилась жизненная дорога Ильи, если бы не подвернулся случай: раненых пленных однажды гнали большой толпой через весь город в другой лагерь. В пути Илья приглядывался к переулкам, изучая город, рассматривал дома и подъезды. Он решил, что если их обратно будут вести этим же путем, он сбежит. Раненых было много, охрана слабая. Шли мимо базарной площади. Илья, собравшись с силами, юркнул в толпу горожан, а те, сомкнувшись между собой, заслонили его и укрыли от глаз конвоиров.

Он вырвался за город. «Хорошо, хорошо, что убежал...» — твердил себе Илья. Начал пробираться на Ковель. Он был настолько истощен и обессилен, что его шатало из стороны в сторону. Идти старался по глухим, непроторенным полевым и лесным стежкам и дорогам, как правило, в ночное время.

На пути встречались отдельные убогие хутора, куда бежавший заходил, запасался куском хлеба, сухарем и так продвигался к намеченной цели. Где-то ждут его жена, дочурка, если не успели эвакуироваться, — думал Илья. Наконец он пришел в Ровно и приступил к розыску своей семьи. В первую очередь он пришел на улицу Белинского, дом 19, где когда-то жил. Здесь его не узнали — так сильно он изменился. Долго ему пришлось доказывать, что он и есть тот самый Илья Ивко, даже звание свое пришлось назвать. От соседей Илья узнал, что по этой же улице в доме номер 25 осталась жить жена командира роты, у которого Илья был взводным, Екатерина, а также жена его друга Вашлаева — Паша.

В тот же вечер Илья навестил обеих женщин, между ними состоялся откровенный разговор. Говорили, что и здесь, в глубоком тылу, надо продолжать борьбу за освобождение своей Родины.

Екатерина рассказала Илье, что когда начались бомбежки, она долго и напряженно ждала обещанной машины и упустила возможность быстро эвакуироваться. Затем с узелком ходила по городу, чтобы найти хоть какой-нибудь транспорт и выехать из города на восток. А на второй день в город ворвались немцы. Все, казалось, рухнуло. Беспокоилась за судьбу мужа, и то, что немцы захватили город, на нее очень действовало, казалось — всему конец.

Далее она продолжала:

— Но постепенно начала приходить в себя... Надо было искать работу, чем-то жить. Пошла на работу к чехам — на уборку урожая, они отнеслись ко мне по-человечески, хотя и называли нас «советками». За работу рассчитывались зерном. Вот так на зиму и запаслась немного, жить-то надо.

Более недели находился у нее Илья, а когда немного окреп, собрался уходить. Ему необходимо было разыскать свою семью.

— Спасибо тебе, Катюша, за хлеб, за соль, пойду, может, что-нибудь выясню о своих.

Катя начала его уговаривать, чтобы он не уходил, а немного побыл еще у них, отдохнул, поправился. Но Илья сказал:

— Чувствую сердцем, что и они не успели эвакуироваться. Пойду, поищу...

Он направился в село Новомалин, туда, где оставил жену и дочь.

Хозяин квартиры, где проживал до войны Ивко, сообщил, что в первый же день войны семьям офицеров были подброшены листовки: «Смерть жидам и коммунистам!», а затем все они были отправлены на восток, в том числе, по словам хозяина, уехала и жена Ильи.

У Ивко немного отлегло от сердца. Он начал успокаиваться и снова направился пешком обратно в Ровно. Позади уже осталось село Квасилов Чешский. Вслед ему мчался товарный поезд. Ивко не обращал на него внимания, он спешил в город. Но как-то невольно оглянулся и увидел, как из одного вагона выпрыгнул человек и покатился под откос. Он переждал, пока товарняк промчится мимо, и побежал к человеку, который все еще лежал неподвижно...

Оказавшись возле лежащего, Илья вдруг узнал его и закричал:

— Ваня, дружище! Откуда ты? Почему выпрыгнул из вагона? Что это за поезд?

Ничего не соображавший, Иван Калинин открыл глаза и узнал Илью.

— Илья? Ты что, с того света появился? Боже мой!

Друзья обнялись и долго не могли прийти в себя от такой неожиданной встречи и радости. Не верилось, что судьба их вновь свела вместе в это страшное время. Так встретились два танкиста, два друга после тяжелых испытаний на фронтовых дорогах.

Иван Павлович Калинин родился в семье колхозника в Калининской области, окончил семь классов сельской школы, после чего уехал к своему дяде в город Ленинград. Там поступил работать на судостроительный завод имени Орджоникидзе. В 1939 году был призван в ряды Красной

армии. Служил в Кременчуге, затем был направлен в Полтавскую танковую школу, а после ее окончания — в разведбатальон 135-й дивизии на западной границе. В составе этого батальона в первый день войны принял боевое крещение в районе Торчина, откуда ему пришлось отступить со своим подразделением на восток. От очевидцев он узнал, что его друг Илья Ивко погиб в разбитом и обгоревшем танке. И вот — на тебе! — такая невероятная встреча...

Друзья заключили:

— Будем держаться вместе до конца, до победы, раз судьба подарила нам эту встречу...

Иван Калинин затем рассказал:

— Моя боевая дорога сложилась вот как: от западной границы мы отступали с боями, дошли почти что до Михаил-Коцюбинского района. Находились там в охране пятой армии, и там же, уже будучи раненым, я оказался в плену у немцев. Погнали нас в Умань, затем в Кировоград, поместили в тюрьму. Под конвоем стали водить на разбор развалин, откуда я сумел бежать. Со мной бежали еще два человека. При встрече с лесником последний помог нам состряпать аусвайсы* и устроил нас работать на спиртзавод. Оттуда я решил рвануть в Ровно. Там думаю подыскать постоянное пристанище, пока на фронте не прояснится обстановка.

Вот так два друга появились вновь в городе Ровно, а затем и на квартире Екатерины.

Вскоре Калинин заявил:

— Спасибо этому дому, пойдем к другому, — и засобирался в дорогу. — Думаю, что здесь нам находиться небезопасно. Мы не работаем, проживаем вдвоем, и нас могут забрать в лагерь.

Илья осведомился:

— Куда же надумал пробираться?

— В Шпанов... — ответил Калинин, но его ответ прозвучал как-то неуверенно.

— Тогда прошу: не забывай адреса Екатерины и Прасковьи, поделишься — заходи. Мы еще о многом должны с тобой поговорить, ведь борьба еще не окончена...

Друзья крепко обнялись и распрощались.

— На улицу тебя провожать нельзя, пусть нас видят поменьше. Это к лучшему...

* Аусвайс — удостоверение личности (нем.).

Имея поддельный аусвайс об освобождении из лагеря, Калинин смог устроиться рабочим на Шпановский сахарный завод.

Илья осторожно стал подыскивать себе работу в городе. Он был готов на любую работу, чтобы получить документы. Но куда он ни обращался, без аусвайса его не принимали. И вот как-то одна знакомая сказала ему:

— Обратись в гараж, там работает дядя Володя, если он и не примет к себе, то обязательно что-то посоветует, поможет устроиться.

И вот Илья зашел в гараж. Ему показали высокого, худощавого, в пропитанном смазочными материалами комбинезоне «дядю Володю».

— Я к вам с просьбой, дядя Володя...

— Что вы хотели? — поинтересовался тот, пытливо осматривая незнакомца.

— Ищу работу. Как бы пристроиться к вам? Трудно сейчас... — неловко объяснял Илья.

— А кем можешь работать?

— Кем угодно! Шофером, слесарем, электрослесарем, автомехаником и так далее... — без задержки перечислял Илья.

Владимир Броневицкий приподнял на лоб очки, недоумевающим взглядом окинул посетителя. И тут же рассмеялся:

— А может быть, ты еще и музыкант?

— Играю на флейте, вы угадали!

— Ну, что ж, — покрутил головой электромеханик. — Если говоришь правду — без дела не оставлю!

— Честное слово, говорю настоящую правду! — подтвердил Илья. Повеселевшими глазами он посмотрел в доброе лицо собеседника, а про себя подумал: «Правду женщина сказала. Он настоящий человек».

— Хорошо. Становись на зарядку аккумуляторов. Немного поработаешь, а там видно будет, на что ты способен, — уже по-серьезному распорядился Броневицкий.

— Я согласен, дядя Володя! — радостно проговорил Илья. На второй день Броневицкий сводил Илью к Каторжинскому — директору автотранспортной конторы, и тот дал согласие на оформление.

— Вот так музыкант! — задорно сказал Владимир. — Будешь у меня правой рукой. Если честный парень, в обиду никому не дам. Если, конечно, меня самого не обидят. Время ведь такое. Ну, а если прохвост — меня не проведешь, пеняй тогда на себя!

Так Илья-танкист приступил к работе в гараже, устроился жить рядом, а через некоторое время устроил сюда же и своего друга Ивана

Калинина — шофером. Между собой они договорились, что им необходимо приобрести доверие, чтобы получить документы. Директор долго с недоверием относился к бывшим танкистам, затем постепенно привык к ним, так как они вели себя хорошо, работали старательно.

Калинин и Ивко работали на грузовых автомобилях. Машины были новые, мощные. И если что-либо необдуманно испортить — могло вмешаться гестапо, и виновных как саботажников сразу же отправили бы на улицу Белую.

Но как-то Иван Калинин решил. Однажды, остановившись в пути следования, слил масло из поддона картера и на пустых оборотах запустил мотор до перегрева. Затем снова залил масло и погнал машину. Уже на подъезде к городу мотор застучал. Калинин сообщил об этом Илье, и тот перегнал его машину на буксире в гараж. На этот раз все сошло благополучно. Во второй раз Иван Павлович разбил блок мотора шатуном, и снова они на буксире втащили на территорию гаража его машину.

— Ты, саботажник, большевик! — разорвался директор. — Вот напишу шефу, и тебя как корова языком слижет!

Но и в этот раз дядя Володя и немец Густав взяли Калинина под свою защиту. Они доказывали, что шофер невиновен. Всякое, мол, может случиться, а двигатель можно поставить новый, есть же в запасе. Каторжинский смягчился. Доводы специалистов возымели свое, и он ограничился строгим предупреждением.

Ивко и Калинин за это время успели связаться со многими патриотами Ровно, стали оказывать им помощь, а бежавших из лагерей снабжали своими прежними документами. Но подпольной организации, как таковой еще не было.

Однажды Илья узнал от жены политрука батальона, что ее муж, Потапов, находится в ровенском лагере и что состояние его здоровья очень тяжелое.

— Надо его выручить во что бы то ни стало! — сказал Илья.

Калинин и Ивко знали одну сестру-хозяйку по имени Евдокия, которая служила домработницей у генерала, ведавшего всеми лагерями. Они уговорили Дусю похлопотать за Потапова как за своего родственника. Вскоре Потапов вышел на волю. Это был пятый человек, освобожденный из лагеря по ходатайству Евдокии.

Как-то после работы, это было в воскресный день, Калинин решил немного пройтись по окраине города. По Млыновскому шоссе он вышел на мост, остановился, облокотившись на перила моста. И вдруг, словно из-под земли, на мосту появилась очаровательная девушка: русая коса

плавно лежала на ее щупленьких плечах, стройную фигурку охватывал жакет. У нее было продолговатое лицо с чуть румяными щеками, выразительные голубые глаза.

От неожиданности Калинин вздрогнул, он даже растерялся на мгновение. Но сразу собрался и спросил:

— Скажите, пожалуйста, а куда впадает эта речка?

— В Горынь, здесь недалеко, — ответила девушка.

— А вы купались там, в этой Горыни?

— Нет, плавать не умею, — отпаривала незнакомка.

— Хотите, я вас научу плавать. Хоть сейчас...

— Что вы, нет, нет! — смущенно проговорила девушка, удаляясь.

С того момента Иван Калинин стал все чаще появляться на этом мосту, старался встретить понравившуюся ему девушку, которую, как он выяснил, звали Галей. Впоследствии он узнал, что Галя со своими родителями живет на северной окраине города, куда Иван частенько стал заходить в свободное от работы время.

Они полюбили друг друга, но жениться пока на решались. Девушка сказала, что сейчас не время замуж выходить — кругом война, одно горе. Они приняли обоюдное решение отложить свадьбу до лучших времен.

А вскоре Галя ему сказала:

— Хочешь, я с партизанами тебя свяжу?

Иван воспринял это как шутку, но Галя повторила всерьез:

— Ты ведь ищешь связь с партизанами?

— Если ты правду говоришь, век не забуду твоей услуги, Галочка, помоги...

СОЛДАТКА ПЕРВОЙ КОННОЙ

В очередной воскресный день Иван и Галя, одетые по-праздничному, отправились в гости в село Тютъкевичи. Они зашли в дом, расположенный на самом отшибе села под кручей.

Гостеприимная хозяйка хуторка Татьяна Марковна Матвиюк одна из первых на этой окраине связалась через советских военнопленных, освобожденных из лагеря при ее же активном участии, с неизвестным отрядом советских партизан, а затем с одним из батальонов Александра Николаевича Сабурова. Хутор Татьяны Марковны являлся явочной квартирой партизан-вербовщиков. Сюда поодиночке собирались советские патриоты, бежавшие из немецких лагерей, а когда над селом опускались

сумерки, они с проводниками проскальзывали к речке, а затем вдоль нее отправлялись по лесу в безопасные места, где вливались в отряды народных мстителей. А проводники вновь и вновь возвращались сюда и снова сопровождали освобожденных людей в партизанские отряды, в тот же лес за рекой Горынью.

В домике Татьяны Марковны появлялись также остафовцы — Василий Бурим, Пантелей Терещенко, Дмитрий Лисейкин, Николай Фищенко и другие. Здесь неоднократно бывал и сам руководитель ровенского подполья Николай Максимович Остафов. Несколько групп подготовленных им советских военнопленных были направлены в отряд проводниками.

Собравшись для решения организационных вопросов, каждый из подпольщиков приносил с собой что-нибудь поесть. Хозяйка накрывала стол, ставила вареный картофель, огурцы, квашеную капусту.

При встречах обсуждались вопросы расширения подполья, приобретения оружия и боеприпасов, топографических карт. К домику часто подходили любопытные, хотели заглянуть вовнутрь. Тогда хозяйка наливала в рюмки, поставленные заранее на стол, самогонку, и гости провозглашали безобидные тосты за именинников, за «новый порядок» в Европе... Когда же хозяйка выпроваживала непрошеного гостя, за столом вновь возобновлялись прежние разговоры о борьбе с фашистами.

Сегодня, когда день близился к закату, внимание гостей полностью было уделено хозяйке дома.

— Расскажите нам, Татьяна Марковна, как вы служили в Первой Конной! — попросил Николай Максимович хозяйку. — Как меня информировали товарищи, вы воевали в составе Первой Конной, значит, и в России побывали в те далекие годы. Правда ли это?

Терещенко, подбадривая смутившуюся хозяйку, добавил:

— Татьяне Марковне есть что рассказать...

Татьяна Марковна, справившись со смущением, неторопливо начала свой рассказ:

— Родилась я в бедной крестьянской семье на тихой и цветущей волынской земле. Примерно за сто километров от Ровно, туда, на запад есть село Дроздни. Отец мой умер рано. А когда вспыхнула Первая мировая война, меня, четырнадцатилетнюю девочку, вместе с матерью увезли в город Брест рыть окопы и оборонительные сооружения. Затем мы попали на Тихий Дон, в станицу Мелиховскую. Уже позднее, в 1917 году, осенью меня, меньшего моего брата Сережу и сестру Агриппину возвратили обратно в родное село Дроздни. Но без родни — село нам стало мачехой, и все мы разошлись в разные стороны в поисках куска хлеба.

Татьяна Марковна прослезилась, в памяти воскресли безотрадные картины детства, однако она вновь продолжала:

— Я почему-то пошла на восток, куда судьба меня пригонит — не знала. И вот на берегах волинской реки Стоход я оказалась в районе боевых действий. Там шел бой между петлюровскими конниками и поляками. Меня чуть не зарубили, приняв за разведчицу. Выпросилась я у пилсудчиков*, пошла в Ровно. Здесь мне повезло. Брат мамы Василий Вакулук устроил меня на работу в госпиталь Красного креста...

— А когда в начале июля 1920 года в город вступили «красные», госпиталь перешел в ведение Первой Конной армии. Я продолжала в нем работать посудомойкой, затем помощником повара, — уже гордо и энергично продолжала она. — И вот как-то я вышла немного прогуляться. Это было в самом центре города, у моста. Я шла, не торопясь, думала о чем-то своем. И вдруг внезапно застрочили пулеметы, заклацали затворы винтовок, завязался бой. Я видела, как в сторону, откуда стреляли, на коне с обнаженной саблей поскакали командир разведчиков и его адъютант. Командиром был Леонид Погодаев, а его адъютанта звали Павел Анненков. К вечеру оба, тяжело раненные, они оказались в нашем госпитале. Прошло какое-то время, Леониду стало легче, но он еще оставался в госпитале. Он выходил из палаты, мы познакомились, и он стал ухаживать за мной. Он был красивый человек, высокий, я его полюбила крепко, души в нем не чаяла!..

Но вот страшась со мной неприятность. Кто-то написал на меня донос, что, мол, я харчи солдатские разворовываю и кормлю ими свих сестру и брата. И что вы думаете? Разобраться в этом было поручено самой жене Семена Михайловича Буденного — Надежде Ивановне.

— Ну и каков же результат? — с нетерпением спросил Николай Максимович.

— Ох, и женщина она была прекрасная! Пришла она, во всем разобралась и сделала такой вывод: раз я работаю при госпитале, нет у нас родителей, то и дети должны быть при мне, ведь мы же являлись круглыми сиротами... А на прощанье Надежда Ивановна попросила моего начальника: «Детей не обижайте, мы постараемся их пристроить».

Семен Михайлович повел армию на Варшаву, затем началось отступление. Шли через Киев и Дубны, там остановился наш госпиталь

* Стронники Юзефа Пилсудского (1867–1935), польского государственного и политического деятеля, который в 1919–1920 гг. во время советско-польской войны командовал польской армией.

зимовать. В Дубнах Надежда Ивановна и определила моих Сережу и Агриппину в приют. Весной мы приехали в город Днепропетровск. А в 1921 году госпиталь был расформирован, а его персонал направлен в Ростов-на-Дону. Вместе с ними туда отправилась и я. Здесь вышла замуж за Анненкова. После расформирования госпиталя мы поехали в село Борнаки Тамбовской губернии. Прожила я там два года, жизнь наша семейная не удалась, и я переехала в город Белая Церковь.

— В каком году вы приехали в Белую Церковь? — поинтересовался Остафов.

— В 1923-м. Потом получила пропуск и через границу переехала в Польшу. Здесь меня встретили недружелюбно. Сразу же арестовали за службу в Первой Конной и отправили в город Холм на карантин. На границе советские документы у меня были отобраны и уничтожены польскими пограничниками.

После освобождения из холмского карантина я возвратилась в Ровно. По 1928-й год служила домработницей и поварихой у разных людей. В том же 1928 году вышла замуж за Степана Григорьевича Григу, работавшего станционным носильщиком. Затем мне приходилось работать в магазинах, стирать белье, убирать квартиры. Вместе с мужем приобрели вот этот домик, так и живем... Мой муж работает грузчиком на нефтебазе и поддерживает связь с подпольем через Николая Яковлевича Фищенко, а я связана с тем же подпольем через Пантелея Карповича Терещенко и других товарищей. Кроме вас, на нашем хуторе бывают проводники из Самбуровского соединения.

— Вот теперь ясно, что вы, Татьяна Марковна, не являетесь случайным человеком в нашей среде, — резюмировал Остафов. — Такая женщина, как вы, стойко прошедшая большую жизненную школу сквозь бури Гражданской войны вместе с Первой Конной, не склонившая головы перед невзгодами и бедами, является закаленным человеком, преданным нашим идеалам. Да вашей биографии могут позавидовать многие мужчины, а смелости им можно и поучиться у вас, дорогая Татьяна Марковна!

* * *

...В сентябре 1939 года Николай Фищенко по мобилизации был призван в Красную армию. В составе восьмой бригады он участвовал в освобождении западных областей Украины. По возвращении домой зимой того же года Подольским райвоенкоматом города Киева ему было

присвоено звание политрука, и он служил в частях противовоздушной обороны на Подоле.

22 июня 1941 года взрывы бомб на рассвете разбудили киевлян.

— Это учебный налет, — успокаивала жена Александра Андреевна мужа.

Но Николай поспешно оделся и побежал в штаб. Здесь же, получив военное обмундирование, вместе с другими встал на боевую вахту.

...Немцы приближались к столице Украины. Фищенко помог жене и детям последним эшеленом эвакуироваться на восток, сам же участвовал в обороне столицы. В Васильковском направлении создавалась линия обороны: рылись противотанковые рвы, строились укрепления.

А 18 августа 1941 года в составе 33-й армии Фищенко отступил через мост Боша на левый берег Днепра, продвигаясь на Дарницу, Борисполь и дальше сквозь болота — на Березань. В бою за Березань Николай был ранен. Здесь же, в болоте, он успел зарыть свой партийный билет и оказался в плену у немцев. Вместе с другими был этапирован через Новую Басень в Гоголев, Бровары и Киев. А второго ноября 1941 года Фищенко оказался в ровенском лагере, где пробыл целых семь месяцев.

Здесь он повстречал Пантелея Терещенко, при содействии которого был признан тяжело больным и вместе с другими восемью военнопленными был отпущен из лагеря для выздоровления. Вырвавшись из-за проволоки, Николай поступил рабочим на фабрику мармелада. А вскоре через того же Терещенко он был вовлечен в остафовское подполье, где и познакомился с Петром Ершовым, Дмитрием Лисейкиным, Василием Скибиным, Михаилом Твердохлебовым и другими его членами.

Немного спустя Фищенко перешел работать на пивоваренный завод, а затем на бензозаправку при станции Ровно — туда, где работал Степан Грига. Здесь через бывшего офицера Красной армии он познакомился с партизаном-вербовщиком одного из подразделений Сабуровского соединения — Сашкой. Последний изредка появлялся в городе, откуда уводил в лес по восемь-десять человек патриотов, подготовленных остафовским подпольем.

Степан Грига и Николай Фищенко установили связь с военнопленными, охранявшими бензобаки на станции Ровно, и после соответствующей подготовки более тридцати из них организованно отправили в лес к партизанам. Проводил их Сашка, которому дали кличку Сабуровец.

Как-то Фищенко случайно встретил Сашку на мосту в Тютюковичах. Разговорились.

— Плоховаты наши дела, — жаловался партизан.

Николай Фищенко, облокотившись на перила моста, спросил:

— Что-нибудь стряслось?

— Понимаешь, с Лисейкиным и с Сашкой-беспризорником решили машину взять из гаража. Надо было отправить еще одну группу пополнения в лес.

— Ну и что же? — насторожился Фищенко.

— Пока мы копались в машине, немец подвернулся, — рассказывал Сашка. — Сам понимаешь, мы бы могли скрыться, но сторожу, который был заодно с нами, тогда было бы несдобровать. Пришлось немца пустить в расход.

— Ну, хлопцы, теперь будьте начеку! — участливо предупредил Фищенко. — Немцы могут выйти на след, и тогда погибнете. Лучше будет, если вы немедленно оставите город. Успокоится все — снова вернетесь!

— Не беспокойся, Николай, все продумано, — отвечал Сашка. — Будет полный порядок.

— Смотрите, вам виднее. Но мой совет таков, — настаивал Фищенко.

...В глухую ночь хозяйка разбудила Николая:

— Николай, вставай! Слышишь, стрельба какая-то поднялась! А вон и языки пламени над селом бушуют. Быстрее, быстрее подымайтесь!.. — В хате все насторожились, не зажигая света, сквозь окна наблюдали за пожаром.

— Что же могло случиться? Стрельба и пожар! — рассуждала хозяйка.

А на той окраине города, у самой реки произошло следующее. Проводники одного из сабуровских батальонов Алексей и Саша подготовили группу патриотов и перед отправкой их в лес собрались на явочной квартире Шуры Боярчук. На прощальный вечер прибыли их ближайшие товарищи — Люба, Павлуша, Лида, Саша и другие. Стоял тихий майский вечер.

Тем временем под прикрытием ночи по берегу от речки прополз Степан Колыска — лазутчик старосты села Залюбовского. Он залег у берега неподалеку от хаты, говор из которой пробивался через ветхие окна. Было ясно, что в хате собралась группа людей. Колыска осторожно прополз назад и обо всем доложил старосте, а тот, в свою очередь, словно ошпаренный, побежал к Марчуку по прозвищу Кислица — работнику УДСБ, который не заставил себя долго ждать.

Провести операцию решил сам комендант полиции Франц Крупп при активной помощи Кислицы. Группа карателей численностью более

двадцати человек, возглавляемая комендантом столичной полиции, оцепила дом.

Без всякого предупреждения в хату полетели гранаты, вслед за глухими взрывами ночной, тихий, пахнувший влагой воздух прорезали пулеметные и автоматные очереди. Стоны людей, раздирающие душу детские вопли, крики женщин понеслись вдоль речки, над лугом, покрытым весенним туманом. Под прикрытием темноты партизану и Шуре Боярчук удалось прорваться сквозь тесное кольцо карателей. Но они разбежались в разные стороны. Сашка также прорвался и бежал. Фашисты кинулись преследовать беглецов, но никого не догнали. Все трое скрылись в разных направлениях.

Комендант Франц Крупп неистовал.

— Вытаскивайте их всех во двор! — кричал рассвирепевший палач. И когда картели, ворвавшиеся в хату, выбрасывали через окна раненых детей, женщин, он лично стрелял им в головы. — Всех, всех сюда тащите! Большевицкие выродки! Я покажу вам, негодяи!..

— Червоного півня під стріху! — зычно орал Кислица, когда во дворе уже было восемнадцать трупов.

Бушующие языки пламени охватили дом, удушливый дым стелился по зеленому берегу реки.

Круппа отправился на отдых, а Кислица, словно разъяренный зверь, свирепствовал до рассвета. А когда над городом поднялось солнце и своим теплом согрело людские сердца, Кислица стоял на краю вырытой могилы, пересчитывая жертвы.

— Восемнадцать, — произнес он, когда последним бросали в яму малолетнего ребенка. — Колыска! — позвал он к себе лазутчика. — А ты говорил, двадцать два всего с детьми должно быть.

— Так, так, пан Марчук. Двадцать два, по моему подсчету! — выпалил тот.

— Значит, четверо сбежали?! Ну ничего, под землей их найду, коммунистов! — заключил он. — Прочесать все вокруг! — И когда полиция кинулась цепью, они обнаружили во ржи лежавшего человека.

— Это не тот! — определил Кислица.

— Ничего, разденьте и этого! — Тут же расстреляли пленного, и когда тело бросили в яму, подытожил: — Значит, девятнадцать. Нужно еще троих! Отыщем и их, подлецов!..

* Красного петуха под крышу! (укр.).

— Операция не совсем ахти! — заключил комендант Крупп, выслушавший позже доклад палача. — Марчук! Вам следует немедленно найти остальных троих. Причем, это же основные, которые нас интересуют, особенно двое из них. Это Сашка-нелегал и его активная помощница Александра Боярчук. Они должны быть пойманы, чего бы это ни стоило! Ясно?!

— Так точно! Ясно... — отвечал сконфуженный Кислица. — Но где же их, проклятых, отыщешь теперь?

Кислица напрасно беспокоился. Ему на помощь были брошены все контрразведывательные и карательные силы, находившиеся в городе. И теперь озадаченный Кислица принимал все меры по розыску бежавших раненых подпольщиков. В селе появились негласные сотрудники городской полиции и криминального СД. По окраинным улицам села, по кладбищу бродил человек в кожаном пальто. Он пытался завязать разговор с детьми, задабривал их леденцами, но те подозрительно глядели на незнакомца, убегали. Франц Крупп даже сам осмотрел пепелище, но никаких следов не обнаружил. Поиски продолжались. Круппа угрожал жителям села сжечь их жилье и всех молодых угнать в Германию, если они не выдадут тех, кто скрывает бежавших подпольщиков. Но люди молчали. А карателям напасть на след смельчаков так и не удалось.

Тем временем тяжело раненый осколком гранаты в голову Сашка, истекавший кровью и неоднократно терявший сознание, бродил по окраине села. Партизан не сдавался. Он из последних сил вброд перебрался на другой берег речки, полз на четвереньках вдоль оврага к знакомому дому. «Вот она, хатенка, сейчас единственная спасительница», — понял партизан, силясь подняться на колени и пытаясь подтянуться руками к низенькому окошечку.

Осторожный стук в окно со стороны оврага услышала Татьяна Марковна.

— Кто там? — воскликнула она, прислонившись к окну.

— Это я, Сашка! Откройте, тетя Таня! — донесся приглушенный шепот.

Давно уже не спавшая хозяйка моментально втащила раненого в сени, промыла самогонкой рану на голове, забинтовала чистым лоскутом и, переодев его в одежду мужа, уложила на чердаке.

С того времени Татьяна Марковна зорко следила за действиями фашистских палачей и знала, что негласная слежка, сопровождаемая обысками карателей, грозила и ей. Она понимала, что раненого немедленно надо перевести в другое место, более надежное и безопасное. «Время не

ждет», — обеспокоенно прикинула хозяйка. Смертельная опасность с каждым часом приближалась к ее хутору.

Наконец наступил долгожданный вечер. На условленном месте она встретила Митю Лисейкина. Накоротке сообщила ему обстановку, просила немедленно решить вопрос о переводе раненого партизана.

— Хорошо, тетя Таня, — успокоил ее Лисейкин. — Через полчаса выводите его, и пусть он через калитку выходит на улицу. Тут я буду наблюдать и заберу его.

Они расстались.

Как и договорились, по поручению Остафова подпольщики Михаил Болдырев и Василий Бурим следили за прохожими, чтобы среди них не оказалось карателей. Татьяна Марковна, убедившись в отсутствии поблизости от хаты подозрительных лиц, тропинкой проводила раненого в указанное место.

Только вышел Сашка из калитки, как тут же подкатил крытый фаэтон. Лисейкин соскочил с фаэтона, взял товарища за локоть и помог взобраться в него. Коня понесли по улице Уланской. Спустя двадцать минут Дмитрий Лисейкин и раненый Сашка Сабуровец поднялись на второй этаж, в квартиру Василия Бурима по улице Ясной, 25.

Через двое суток Михаил Шевчук через Василия Бурима порекомендовал Сашке немедленно оставить город, ибо каратели могли при внезапной облаве обнаружить его, что грозило бы провалом всего подполья.

— Возьми, Саша, эту штуку, — сказал Василий Бурим, передавая в руки партизана гранату. — На всякий случай, может пригодиться.

Раненый партизан ушел из города знакомой одному ему дорогой в лес. С того времени судьба его неизвестна.

Кислица, опираясь на старосту Залюбовского, Колыску и подобных им предателей, продолжал поиск бежавших. Каратели проводили обыски в квартирах подозрительных семей в городе, а на подступах к хутору Татьяны в ночное время устраивали засады. Староста села принимал в этом самое активное участие. Однажды ночью он лежал на берегу реки, выслеживая тех, кто, возможно, будет пробираться к хате Григи. В это время наткнулся на лежавшего Залюбовского военнопленный по имени Сергей. Староста избил его сильно, безжизненное тело бросил в речку, а сам скрылся. В прохладной воде Сергей очнулся и приполз к хате Татьяны Марковны. Подпольщица перевязала ему раны, накормила его и через Дмитрия Лисейкина сразу же отправила в отряд.

Шура Боярчук, сбежавшая от облавы, укрылась среди санитарок при госпитале. Но спустя несколько дней она все же решила вернуться на

то место, где стоял ее родной дом, а теперь были лишь груды камней и пепла и лежали в земле ее близкие и соседи, в гибели которых она была виновата. Под прикрытием сумерек Шура пробралась на еврейское кладбище, расположенное на возвышенности почти у самого родного очага. Но ей не повезло... Ее обнаружили и схватили каратели.

На допросах Шура вела себя мужественно. На вопросы не отвечала. Фашисты зверели. Ее жестоко истязали. Ей выкололи глаза, отрезали язык. Но Шура не назвала никого из участников подполья и умерла от пыток. Самый жесточайший фашистский террор в те дни вовсе перестал удивлять мирных жителей, ибо он вошел в систему обыденной жизни. Одни акты террора по своей жестокости затмевали другие. Антифашистов расстреливали без суда и следствия прямо на улицах города, выкалывали им глаза, вырезали языки, прилюдно вешали, жестоко истязали, рассекали тела шомполами, казнили в застенках гестапо.

Активными помощниками фашистов в этих делах были украинские буржуазные националисты. Оуновцы направляли своих членов в украинскую полицию, УДСБ, криминальное СД, и, облачившись в одежду карателей, те своими руками губили советских активистов. Такие бандформирования оуновцев на Ровенщине и Волыни возглавили братья Буселы, Яков и Александр. Именно они совместно с фашистскими карателями тайно планировали все убийства антифашистов. Это они подсаживали в тюремные камеры провокаторов, которые выдавали себя за великомучеников, бывших участников КПЗУ*, якобы оставленных партией для работы в тылу. Они проникали в души настоящих советских патриотов, а потом предавали их садистам — Костецким, Огибовским, Жовтуцким**, Крупнам и другим, спасая свои шкуры предателей и провокаторов.

* * *

Заброшенный хуторок у оврага еще с ранней весны 1942 года стал центром формирования остафовского подполья. Со всех уголков города сюда стекались люди, тосковавшие по свободной Родине. Они делились своими отчаянными думами, а затем через Терещенко, Галузу, Лисейкина и Родионова эти думы тщательно обсуждались вместе с руководителем всего ровенского подполья — Николаем Максимовичем Остафовым, и намечались новые планы дальнейшей деятельности.

* КПЗУ — Коммунистическая партия Западной Украины.

** Костецкий, Огибовский, Жовтуцкий — активные деятели УПА.

Степан Грига был связан с Дмитрием Лисейкиным. Нередко по его распоряжению он заправлял грузовые машины Калинин, Шелуцко, Скибину и другим для отправки патриотов в лес, к партизанам.

Гестапо напало на след некоторых шоферов, и четверо из них в начале мая 1943 года были арестованы. Вместе с ними схватили и Степана Григу. С того времени подпольщики реже стали посещать хутор Татьяны Марковны, которая теперь носила передачи в тюрьму на Почтовую улицу.

А 16 июня 1943 года группу шоферов, связанных между собой, в том числе и Степана Григу, втокнули в грузовую машину и куда-то повезли. Степан на полном ходу выпрыгнул и пытался бежать, но охранники автоматными очередями тут же убили его. Труп Степана бросили в машину и вместе с группой из одиннадцати человек доставили в песчаные карьеры на восточную окраину города, где всех расстреляли. Дмитрий Лисейкин, ставший случайным свидетелем этой трагедии, сообщил обо всем Николаю Остафому.

Уголовной полицией был схвачен и Николай Фищенко, но он ни в чем не был изобличен, поэтому его отпустили, по-видимому, надеясь выявить его связи. Но Николай, почуяв нависшую над ним опасность, в тот же день связался с Дмитрием Лисейкиным и, получив через него указания от Николая Остафова, скрылся из города.

— Спрячьте двухрядку, Татьяна Марковна, — попросил он на прощанье. — Если появится Яша, передайте ему — за нами охотятся немцы, и я ухожу из города. До встречи на освобожденной земле!

— Счастливо тебе, Николай Яковлевич, пусть хранит тебя Господь! — сказала она от души. Так они и расстались.

Спустя пять дней после уходе Фищенко, в субботу, в доме Татьяны Марковны Григи появились двое в штатском. Они арестовали и увели с собой хозяйку дома.

— Куда делься военнопленный Фищенко? — последовал вопрос из уст переводчицы.

— Он у меня не проживал. Всего несколько раз приходил к мужу. Так и знала его, а где он сейчас находится, не могу сказать. Он меня вовсе не интересуется, — отпарировала Татьяна Марковна.

В результате произведенного обыска в доме Татьяны Марковны не было обнаружено ни бензина, ни оружия, причастность ее к заговорщикам доказана также не была, и ее отпустили.

— Смотри, — сказала переводчица, проводившая ее за дверь. — Вторично попадешься — поминай, как звали. Поняла?

Грига ничего не ответила, а возвратившись домой, написала записку и быстро отнесла в тайник под обрывом. В ту ночь в коридорчике дремала керосиновая лампочка, что означало: «В дом заходить опасно. Записка в тайнике».

Под прикрытием ночи Митя Лисейкин пробрался к тайнику, извлек записку и прочел: «В дом заходить нельзя. Следят. Связь установлю сама. Таня».

...Прочитав записку, Николай Максимович нахмурил брови:

— Да, обстановка опасная. Надо выждать несколько дней, пусть наши люди понаблюдают за хатой.

Но когда уже было точно выяснено, что каратели за хутором наблюдения не ведут, остафовцы снова стали сюда наведываться.

Однажды от партизан прибыл Василий Галуза. Закончив свои дела, он возвращался в отряд с Николаем Куликовым. В этот день в хате Татьяны Марковны собрались остафовцы с тем, чтобы проводить боевых друзей. Оказалось, что Николай Афанасьевич Куликов не имел оружия.

— Как-то неудобно появляться в отряде без оружия... — обратился он к Галузе. — Просто позор!

Василий безнадежно развел руками и промолчал.

— И вы собрались в такую опасную дорогу с голыми руками?! — с хитринкой спросила Татьяна Марковна.

— Как видите!

— Ну что ж, Коля, я попытаюсь выручить тебя на этот раз, — решительно поднялась хозяйка дома и вышла в сени. А возвратившись, подала Куликову браунинг, завернутый в мягкую кожу, и к нему две обоймы с патронами.

— Спасибо, тетя Таня! Большое вам спасибо! Век буду помнить ваш подарок. А сейчас он мне дороже всего на свете... Вы понимаете? Дороже всего! — воскликнул Николай.

В это время они заметили в окно, что на дороге остановился грузовик, и из него стали выпрыгивать солдаты в черной одежде. Казалось, все погибло. Ведь несколько пистолетов ничего не могли решить против вооруженных солдат.

— Все на чердак, быстро! — скомандовала Татьяна Марковна.

Все бросились в сени, быстро взобрались на чердак и замаскировались в сене.

Два солдата зашли в дом. Бегло осмотрели небольшую комнату, кухню и убедившись, что здесь, кроме хозяйки, никого нет, удалились. Затем оцепление было снято.

А когда летняя июньская ночь опустилась над селом, подпольщики вошли в хату, и двое из них — Василий Галуза и Николай Куликов, распрощавшись с Татьяной Марковной, ушли в отряд.

Формирование коммунистического подполья, выпавшее на долю Николая Максимовича, оказалось делом не только сложным, но и очень тяжелым. Для того, чтобы находиться в курсе всех событий, руководителю коммунистического подполья приходилось недосыпать ночей, всегда быть начеку, в разных концах города назначать встречи с членами руководящего ядра, давать правильные указания, советы, распоряжения. И Остафов делал это. Он не считался со своей жизнью, самоотверженно действовал во имя своей Родины.

Здесь было непросто действовать еще и потому, что нередко подпольщики-остафовцы пересекались с другим коммунистическим подпольем, действовавшим в городе Ровно, которым руководил Павел Михайлович Мирющенко. Это происходило потому, что советские патриоты, ненавидевшие фашистов, стремились к борьбе, зачастую сами, по собственной инициативе создавали подпольные группы, намечали их действия и корректировали их с другими мелкими группами. В силу того, что руководители подполья Николай Максимович Остафов и Павел Михайлович Мирющенко жили под вымышленными фамилиями, конспирировались, осуществляли руководство через своих соратников, подпольщикам было трудно знать, кто конкретно является руководителем всей организации. В свою очередь, руководители не всегда знали участников своего подполья, ибо задания патриотам они давали через третьих лиц.

Например, Василий Скибин, состоявший в подполье П. М. Мирющенко, по заданию последнего отправил из Ровно в разные партизанские отряды, в том числе и в отряд «Победитель», около двухсот патриотов. Все шло хорошо, но однажды стряслась беда. К отправке было подготовлено шестнадцать человек, но на сборный пункт явилось лишь тринадцать. Скибин доставил их на Оржевский «маяк» и, возвратившись в город, как ни в чем не бывало поставил машину на место и приступил к работе. Тут из-за грузовиков вышел немецкий фельдфебель и подошел к Скибину. Вася заметил на лице у гитлеровца ухмылку, а в глазах — застенную злобу.

— Куда отлучался? Партизан в лес возил?! — злобно наступал фельдфебель.

— Нет, нет! Что вы! Я ни с кем не знаюсь! — отпирался Скибин.

— Врешь! Хватит. Головой будешь отвечать. Быстро пошли в гестапо, там будешь объясняться! — наступал гитлеровец.

— Прошу вас, герр шеф, помилуйте! — умолял Василий.

— Пошли, быстро! — прикрикнул фашист, не желая слушать.

«Гестапо, — мелькнуло в голове Василия. — Значит, все!»

Ничего не отвечая фельдфебелю, Скибин схватил случайно подвернувшийся металлический прут и со всей силы ударил им по голове гитлеровца. Фашист даже не крикнул, свалился на цементный пол, брызнула кровь. Василия словно ветром сдуло!

Вечером он появился на хуторе Татьяны Марковны Григи, где и укрылся. А спустя несколько дней он с Василием Галузой отправился на Оржевский «маяк» в действующий отряд «Победитель» и, овладев станковым пулеметом, участвовал в боях против оуновских банд и гитлеровских оккупантов. В одном из боев Василий Скибин был тяжело ранен. А когда его спрашивали, кто же являлся руководителем подполья, в котором он состоял, Скибин не смог никого назвать. Он лишь отвечал: «В Ровно руководили подпольем коммунисты, это я точно знаю!»

ПОДГОТОВКА ПАРТИЗАНСКОЙ БАЗЫ

По узким улочкам печального города тянуло свежестью весны. Здесь не грохотали орудийные залпы, не ходили в штыковые атаки солдаты с криками «Ура!», здесь не пикировали к земле горящие самолеты. Все это было там, далеко на востоке, на подступах к Москве, Ленинграду, у рубежей могучей реки Волги — у стен Сталинграда! Но зато здесь, в этом тихом западно-украинском городе Ровно, по улицам которого расхаживали самоуверенные гитлеровские солдаты, шла упорная борьба коммунистов-остафовцев за душу каждого патриота, за укрепление в них морального духа, веры в победу, за вовлечение в свои ряды и поднятие на решительный бой против гитлеровских оккупантов. Спокойствие, которое господствовало здесь, было обманчивым.

День угасал. Когда над городом опустился вечерний мрак, со двора главной почты вышел коренастый мужчина среднего роста в коричневой полувоенной одежде, в солдатских изрядно поношенных ботинках. Уверенно пройдя к перекрестку и очутившись у пересечения улиц, он чуть замедлил шаг, приостановился и, нагнувшись, озабоченно начал поправлять на левой ноге холстяную темно-синюю обмотку, осторожно оглядываясь по сторонам.

«Кажется, никто не следит», — подумал он про себя и, поднявшись во весь рост, свернул в узенький переулок и направился к дому «советов». Здесь он встретил Пантелея Карповича, прогуливавшегося около дома, и на ходу сказал ему:

— Через час всем быть у меня!

Сам, не останавливаясь, удалился. Это была заранее назначенная встреча подпольщиков.

— Понял! — отозвался Терещенко. Николай Максимович от дома «советов» свернул к Степановой и, поговорив с ней минут десять, с авоськой, набитой белой сахарной свеклой и картофелем, отправился на свою «виллу» по Восточной улице. Раздевшись, Николай Максимович стал разжигать металлическую печку, на которой уже стоял чугунок с картофелем в мундирах.

Пантелей Карпович сообщил о сборе Михаилу Твердохлебову, который также поджидал его в условленном месте, и тот, в свою очередь, отправился к Сергею Родионову, а сам он поспешил за Василием Галузой.

— Всем объявил, Николай Максимович! — доложил вошедший Терещенко.

— Молодец! Проходи! — похвалил Остафов. — А я ужин готовлю. Покушаем картошки в мундирах. Другими лакомствами не располагаю...

— И так жирно живете, пан профессор! — пошутил Терещенко.

Последним в остафовскую «резиденцию» добрался Сергей Родионов.

— Проходи, Сергей, — тихо пригласил Остафов, встретивший его у входной двери подвала. — Мы уже забеспокоились, зная твою аккуратность.

Во втором отсеке подвала вошедшего встретили Василий Галуза, Михаил Твердохлебов и Пантелей Терещенко.

— Где же это ты, милый друг, гуляешь? — с усмешкой осведомился Твердохлебов.

— Наверное, по дороге к знакомой заглянул, а та и придержала! — пошутил, в свою очередь, Терещенко.

— Успокойтесь, друзья! — остановил вошедший. — Дело-то серьезное, а вы шутить собрались, — с каким-то внутренним волнением сказал он. — Не к теще шел, а на совет подпольный. Значит, надо было в оба смотреть, проверять. Вот и заметил одного подозрительного типа, он увязался за мной. Я начал по переулкам петлять, и благодаря темноте мне удалось от него оторваться.

— А какой он из себя? Как одет? — заинтересовались все в один голос.

— Да так себе, незавидный, — отвечал Родионов, вспоминая. — Близо он не подходил, все в стороне держался. А одет в кожаное пальто пониже колен, вот и все, что мне удалось заметить. Но он воротник держал приподнятым, лицо как-то опускал, чуть отворачивался в сторону все время.

— Прости, Сергей, за шутку. Я и не предвидел такого, — извинился Пантелей.

— А этот тип не смог скрытно проследить, куда ты пошел? — осведомился Остафов ровным голосом.

— Нет, нет, что вы, Николай Максимович! Я сделал все для того, чтобы не навести его сюда. Не беспокойтесь, товарищи!

— Ну ладно. Надеюсь, все обойдется благополучно. Сергей поступил правильно, как и следовало от него ожидать. Молодец! — с одобрением закончил Остафов. — Мы все должны так поступать. Идешь на встречу — остерегайся обязательно! Сам будешь в безопасности и товарища не погубишь, подполье сохранять надо. Прозеваешь — все погиб-ло! Эту истину надо помнить всегда, товарищи, твердо!

Все присутствовавшие слушали с большим вниманием своего руководителя. Сергей Родионов все еще продолжал думать: и почему этот тип за ним увязался? Возможно, он перепутал его с кем-либо другим? Наверное, так и было. Но сам факт не был разгадан Сергеем до конца, оставались лишь предположения и догадки. Это его беспокоило.

Где-то в стороне от города прокатился гулкий весенний гром.

— Вот первый раскат грома в этом году! — констатировал Твердохлебов. — Предвестник тепла...

За первым раскатом последовал второй, а вскоре еще и еще гремели раскаты и уплывали куда-то вдаль, пока полностью не угасали. А чуть спустя по железным крышам домов забарабанил тихий дождь.

— Друзья, какие у кого новости? Кто какие сведения принес? Давайте обменяемся! — предложил Остафов.

— Вчера под вечер мне пришлось быть свидетелем страшного зрелища, — возбужденно начал Родионов. — Сразу за переездом, — продолжал он, — шущманы блокировали весь квартал, в кого-то стреляли. Доносились душераздирающие крики. Горожане стремились удалиться от тех мест. Я также поспешил с ними, чтобы не оказаться в беде. Вдруг с крыши трехэтажного дома донесся душераздирающий крик женщины. Я невольно остановился и посмотрел вверх. Женщина оборонялась от нападавшего на нее полиция, который старался ее столкнуть вниз. Другой рукой женщина всеми силами прижимала к себе годовалое дитя. Но

полицай вырвал его у матери и сбросил вниз, ребенок упал неподалеку от меня, судорожно задергал ножками и ручками, и смерть наступила мгновенно! Господи, это надо было видеть!

Я не мог сдвинуться с места от этой страшной картины! Сердце неимоверно стучало в груди, я шевелил губами, но голоса не было. Когда осознал происходящее, кинулся наутек узеньким переулком. Удалившись на приличное расстояние от происходившего, остановился, так как дальше не мог уже двигаться. Это страшное зрелище меня потрясло!

— Вот, товарищи, это и есть гитлеровский фашизм в полном понимании этого слова! Это его лицо! — твердо, с расстановкой констатировал Остафов. — Сегодня мы и собрались с вами здесь для того, чтобы подытожить свои труды, вскрыть допущенные нами промахи, недостатки. Нам следует все учесть и исправить, не допускать в дальнейшем ошибок, наметить планы и методы дальнейших действий. Чувствуете, весной пахнет. Недалек тот час, когда листва зазеленеет. Нам пора решить главный вопрос — создать отряд и начать действовать против врага с оружием в руках! Зимой я был в лесу с дровосеками. Чаши этого леса, думаю, в летний период нас укроют...

Он замолчал, словно прислушиваясь к чему-то. В обеспокоенных глазах присутствующих читалось одобрение. Искорки надежды зажглись в груди у каждого. Но все молчали. Брошенный оратором клич открывал новый этап в борьбе с врагом. Однако подпольщики со всей ответственностью понимали, что речь шла о вооруженном отряде, о боевом подразделении, которое открыто с оружием в руках должно выступить против фашистов, против нового порядка! За такие дела фашисты зверски расправляются, и, если попадешься к ним, помилования не будет!

— Николай Максимович, а что вы думаете об этом? — осведомился Василий Галуза.

— Как вам известно, — сообщил Остафов, — часть патриотов, которых можно увести в лес, у нас уже имеется, но этого мало. Следует подбирать людей осторожно, всесторонне их изучать. Вы понимаете, в наши ряды могут заслать провокаторов, вражеских лазутчиков. Поэтому наша задача — тщательно проверять каждого, изучать их готовность к предстоящим сражениям. Одновременно нам нужно готовить оружие, боеприпасы, снаряжение, обдумать вопрос запаса продуктов питания. Того, что у нас имеется, далеко не достаточно. Нужны также одежда, обувь, топоры, пилы...

Постановка таких вопросов руководителем подполья поднимала его авторитет. Николай Максимович становился каким-то необычайно

величественным, и присутствующие слушали каждое его слово с большим вниманием и интересом, не перебивая, боясь прервать нить его мысли, а он продолжал:

— Все это мы будем готовить, но, на мой взгляд, необходимо послать кого-то из нас в лес, облюбовать там места для организации партизанской базы. — И, окинув спокойными серыми глазами друзей, спросил: — Кто пойдет? Кому поручим важное дело?

— На мой взгляд, разведку предполагаемой базы следует поручить Василию Петровичу. Надеюсь, он справится с этой задачей, — решительно предложил Сергей Родионов.

— Как, товарищи? — обратился Остафов. — Согласимся?

— Считаю, все правильно! — поддержали Твердохлебов и Терещенко в один голос. — Лучшей кандидатуры не придумать.

— Я вполне согласен с вами! — одобчительно сказал Остафов. — Ну, а Василий Петрович что нам ответит?

— Я тронут таким доверием ко мне и постараюсь выполнить все зависящее от меня, чтобы оправдать его! — согласился смутившийся Галуза.

— Считаю, кандидатура удачная, и вот почему, — аргументировал Родионов: — Наряду с тем, что он строевой командир, он имеет агрономическое образование, сможет ориентировочно определиться в зарослях лесов. Он также является десятником ремонтно-строительной организации, располагает пропуском немецкой администрации, имеет право удаляться за город в поисках строительных материалов, и в этой части его связь с лесом естественна. Все эти факторы работают в его пользу. Верно?

— Замечательно. Этот вопрос мы решили. Василий Петрович, готовься в дорогу, — констатировал Николай Максимович.

— Хорошо бы нам раздобыть карту данной местности! Ведь все мы впервые в этих краях, — высказал пожелание Родионов.

— Верно, не помешала бы она сейчас, — поддержал мысль Галуза.

— Она нам очень необходима, и ее приобретение беру на себя! — вызвался Твердохлебов. — Я ее заприметил в одном месте...

— Отлично! Только прошу не медлить! — попросил Остафов. — Но действовать в то же время осторожно. Подбором личного состава в отряд будем заниматься все вместе. Но персональное предварительное согласование кандидатур поручим товарищу Родионову, ведь именно его мы наметили на должность комиссара этого отряда...

Наметив дальнейшие действия, коммунисты так же, как и собрались, поодиночке покидали подпольный штаб. Теперь перед каждым из них яснее вырисовывались контуры предстоящих проблем, грядущие сражения созданного и руководимого ими коммунистического подполья, обосновавшегося у самой берлоги фашистского зверя на Украине. Ведь столицей Украины Эрих Кох избрал именно этот тихий волынский город Ровно. И сегодня, возвращаясь к своему временному очагу, каждый из них мысленно перебирал свои связи. Кому из них можно довериться уже сейчас, а кого следовало бы подвергнуть проверке в преданности Родине, каким путем это сделать, кому поручить?..

* * *

Спустя несколько дней после заседания подпольного штаба Василий Галуза оформил документы для заготовки стройматериалов и отправился за ними в Клеванский лес. Он понимал, что на него как на будущего командира намеченного отряда возлагалась ответственная задача. Наряду с подбором базы, нужно было предвидеть и все другие вопросы, которые вытекали из первой задачи и, словно подводные камни, могли встать на пути: он изучал маршрут из города к базе, расположение близлежащих сел, хуторов, их обитателей, расположение рек, водоемов. Стратегические дороги, пролегающие в этих местах, расположение немецких гарнизонов, полицейские участки и тому подобное. Все это необходимо было выяснить и осмыслить в самые сжатые сроки и доложить подпольному штабу.

Подбор личного состава шел быстрыми темпами. Как только начала зеленеть листва на деревьях, было одобрено более тридцати кандидатур патриотов, готовых взяться за оружие.

После возвращения Василия из разведки был созван очередной совет руководящего ядра. У развернутой на столике карты склонились пятеро коммунистов. Высокий, стройный, с чистыми голубыми глазами Галуза подробным образом обрисовал обстановку, докладывал обо всем том, что ему удалось установить, часто прибегая к карте, подчеркивая на ней населенные пункты или иные обозначения.

— Должен обрадовать вас, друзья, тем, что не мы первые беремся за оружие. От местных жителей мен удалось узнать, что там, в лесах, появляются вооруженные группы. Но кто они и где находятся постоянно, никто не знает.

Схематические планы Василия Петровича о создании и местах дислокации отряда были в основном одобрены штабом подпольного ядра на очередном заседании.

— В исключительно трудных условиях, в боях добывается победа над врагом на фронтах Великой Отечественной войны. Вы это прекрасно понимаете, — выступал далее Остафов. — Тяжелой, сложной и полной лишений будет лесная партизанская жизнь. Но тяжелее всего приходится тем советским людям, которые ведут тайную войну против захватчиков, — нашим подпольщикам.

Солдаты на фронте, партизаны в тылу сражаются с врагом воткнутой. Их ненависть выплескивается огнем винтовок, автоматов и пулеметов, взрывами гранат и горячей рукопашной схваткой. В повседневной жизни они живут коллективом советских людей, если, конечно, не считать особых военных условий. Иное дело — подпольщики. Они не могут и помышлять об открытой борьбе, они живут среди оккупантов тайно. Понятно, что над ними всегда довлеют и слежка фашистов, предателей и глаза гестапо. Каждый их шаг подстерегают явные и тайные пособники врага. Нам всячески приходится скрывать свою ненависть, постоянно притворяться, находясь среди врагов. Порой мы таимся даже от самых родных и близких людей, а иногда нам приходится играть роль фашистских прислужников, получая за это презрение своего народа...

Мы бываем иногда вынуждены отбросить привычное достоинство, прямоту и откровенность и в то же время должны сохранять в своем характере смелость и изворотливость. Подпольщик всегда должен помнить, что если он будет выслежен или выдан предателями, то его ожидает страшный конец — пытки, муки, которыми гитлеровские палачи будут стараться развязать язык своей жертве. Он должен остаться верным сыном своей Родины, сохранить доверенную ему тайну и, если придется, достойно умереть... Более того, мы знаем, что такая же участь может ожидать и наши семьи.

И невзирая на все это, люди сознательно и смело идут на это буквально по всей оккупированной территории Украины и Белоруссии — везде, где свирепствуют гитлеровские палачи.

Во многих городах и селах на оккупированной врагом советской земле активно и бесстрашно действуют большие и мелкие антифашистские подпольные организации, внося свой важный вклад в общую народную борьбу, в дело будущей нашей победы.

Славные патриоты нашей Родины, в большинстве своем не искушенные в подпольной борьбе, нередко терпят поражение в смертельном

состязании с опытным врагом, мощным аппаратом абвера, гестапо и полиции. Выслеженные провокаторами, они погибают под пытками. Это и есть настоящие герои, которые идут не казнь во имя свободы и независимости своего народа, ничем не запятнав своей совести. Надеюсь, и мы с вами, если потребуется, умрем достойно!..

Так закончил свою напутственную речь достойный сын политкаторжанина Николай Максимович Остафов.

В ОТРЯД ИМЕНИ ЧАПАЕВА МОСТ ПРОЛОЖЕН

В один из последних июньских дней Петр Александрович Шевчук был вызван в Рокитновский райком партии.

— Есть мнение доверить вам, Петр Александрович, истребительную группу, — обратился к нему секретарь райкома. — Как вы на это смотрите?

— Лично я согласен, — отвечал растерянно Шевчук. — А как же моя лесопилка?

— Мы решили доверить вам более ответственное задание. Необходимо преследовать бандитов, а лесопилка от вас никуда не денется! Как вы, не подведете?

— Ну что вы, я солдат партии и готов выполнить любое задание!

На этом же заседании бюро райкома Шевчук был единогласно утвержден в должности командира истребительной группы. А когда он, не успев опомниться по-настоящему, оказался в приемной, к нему подошел начальник райотдела НКВД и пригласил к себе в кабинет на беседу.

В тот вечер между ними долго шла беседа, и трудно сказать, когда бы она закончилась, если бы в кабинет не вошел оперативный работник, доложивший, что несколько часов тому назад неизвестные лица разграбили магазин и сельский совет в селе Дроздынь, а также ограбили две еврейские семьи, плутили над последними. Бандиты, никем не преследуемые, скрылись в лесу.

— К сожалению, это не первое появление бандитов в нашем районе за последние двое суток, — констатировал начальник. — Но ни одно из них пока не раскрыто. — Он забарабанил пальцами по столу, над чем-то беспокойно думая, и, наконец, взглядевшись в лицо собеседника, решительно предложил: — Петр Александрович, это происшествие поручаю раскрыть вам. Из района следует выйти до рассвета и незамеченными

пробраться в леса возле села Дроздынь, там остановиться, а наш оперативный работник, выделенный для вашей группы, пойдет вместе с вами и сделает все, чтобы ликвидировать этих молодчиков...

— Пришлось усиленно поработать, — вспоминает Шевчук. — Сам главарь банды и несколько ее членов были захвачены живыми и доставлены в райотдел, а другие, оказавшие сопротивление, были ликвидированы.

Тогда Шевчук рапортовал в райкоме партии о выполнении первого боевого задания в военной обстановке. Военные события стремительно разворачивались, и истребительной группе во главе с ее командиром пришлось сражаться против десанта немецких парашютистов, против банды «Тараса Бульбы» и других уголовных преступников, терроризировавших мирных жителей на дорогах Полесья.

Но вот фронт совсем рядом. Советский партийный актив в сборе. Не позднее завтрашнего дня придется оставить город. И вдруг Петра Александровича Шевчука снова пригласили в райком партии. Решением бюро райкома Петр Александрович был оставлен на оккупированной врагом территории для организации подрывной работы и диверсий.

Шевчук гордился тем, что партия доверила ему такой острый и ответственный участок работы — руководить борьбой патриотов в тылу вражеских войск. Не беспокоясь о собственной безопасности, преобразившись, словно Денис Давыдов в далекие времена наполеоновского нашествия на святую Русь, он шагал со своим небольшим партизанским отрядом по лесам Олевщины и Людвипольщины, иногда перекочевывая в лесные массивы Овручины, скрываясь в непроходимых лесных болотах и лишь изредка проводя мелкие боевые операции.

В дни, когда Красная армия в жестоких боях обороняла город Киев, в Житомирских лесах появился первый партизанский полк. Командир этого полка Чехов и комиссар Евменов предложили Шевчуку присоединиться к их части со своей группой и действовать совместно. Шевчук согласился на это предложение и после присоединения к полку со своей группой отправился на первое крупное боевое задание.

Гитлеровские войска двигались на восток. Группа патриотов во главе с Шевчуком пробралась вплотную к шоссе, неподалеку от села Великая Глумча Городницкого района и, замаскировавшись, замерла в ожидании.

Наконец появились колонны фашистов. Дружно затарахтели партизанские пулеметы, рвались гранаты, мощное русское «Ура!» катилось к берегу тихой реки Служи. Более часа кипел бой, но силы были неравными, и партизанам пришлось отступить. Они отошли в глухие лесные

чащи. Над лесом плотным ковром спустилась глухая ночь. Немцы преследовать партизан не решились. Много было погибших среди гитлеровцев, но на поле боя также остались три партизана и двое, будучи тяжело ранеными, напрягая последние силы, старались отступить вместе с группой.

На второй день партизанская разведслужба доложила о больших потерях фашистов у села Великая Глумча. Две грузовые машины с трупami чистокровных арийцев немцы отправили на кладбище.

За эту успешно проведенную операцию, за смелость и решительность Петр Шевчук был представлен командиром партизанского полка к ордену Боевого Красного Знамени.

В составе партизанского полка группа Шевчука с боями двигалась на территорию Болеруссии. Здесь был получен новый приказ — продвигаться на соединение с Пятой армией.

В селе Андреевка Коцюбинского района, что на Черниговщине, партизаны соединились с частями Красной армии. На второй день после соединения рано утром Шевчука вызвали в штаб полка.

— Я уполномоченный ЦК партии, — представился уже не молодой человек в полувоенной форме. Предложив садиться, сам он расхаживал по глиняному полу сельской хаты. Он говорил: — О вас, Петр Александрович, мне все известно. Знаю, как вы первый громили фашистов своей артиллерией под Бугом. Тогда вы пострадали за это. Не обижайтесь! Так нужно было. Политика, дипломатия. Ничего не поделаешь. Не так ли? — он подошел вплотную к Шевчуку, чуть было приподнявшемуся на ноги, внимательно, по-отцовски посмотрел ему в глаза и сказал: — Это было тогда... — Чуть подумал, продолжил: — А теперь вам разрешено открыто бить эту сволочь, приползшую на вашу землю. Ну как, согласны выполнять задание партии?..

— Согласен! Если под силу мне окажется. Горжусь высоким доверием! — четко отрапортовал Шевчук.

— Тогда готовьтесь и завтра же отправитесь на прежние, уже знакомые вам места. С вами пойдут еще двое. С ними вас познакомят чуть позже. Ну, а сейчас расскажите, как вы сбили спесь с фашистов в сентябре 1939 года.

Шевчук стушевался.

— Мне просто интересно, прошу, расскажите вкратце, — попросил собеседник.

— Семнадцатого сентября наши войска пересекли бывший польско-советский кордон и двинулись на запад, освобождая от ига польских панов города и села и занимая западные области Украины. Наконец водная

преграда — Буг. Закат солнца плескался на его широкой ленте. Невдалеке стоял островок зеленого леса, из него-то и раздалось несколько артиллерийских залпов. Снаряды легли в расположении нашей части. Были убитые. Тяжелораненого командира нашего артдивизиона отправили в медсанбат, и мне временно пришлось принять командование подразделением. Сигналом я приказал противнику, стрелявшему из леса, прекратить артиллерийский обстрел и немедленно сдаться. Но тот не унимался.

Тогда я скомандовал: «Артиллерия, к бою!» И наши артиллеристы накрыли огнем этот лесок. Оказалось, мы перекалечили отборный эсесовский полк. Много их там пострадало — и убитые были, и раненые.

— Ну, а дальше? — спросил собеседник.

— В порыве командирского гнева я даже не осмыслил происшедшего. Но тут же появились товарищи из особого отдела.

— Кто дал команду стрелять по немцам? — строго осведомился один из них.

— Я! — ответил им.

Они тут же отобрали у меня наган, сняли ремень, усадили в машину и под строгой охраной доставили в киевскую тюрьму... Ну, а настоящая война застала меня на должности директора лесопильного завода в городе Олевске.

Тяжело вздохнув, Шевчук вспомнил следующий этап в своей жизни. Сидел на табуретке, задумчиво смотрел в окно. Наступила пауза...

— Я прекрасно вас понимаю, Петр Александрович, — нарушил молчание собеседник. — Но ваш патриотический порыв тогда, в сентябре 1939 года, мог втянуть нашу Родину в войну с фашистами. Германия в то время для нас была очень опасной. Поэтому вы и были строго наказаны. А немного спустя Родина реабилитировала вас. Надеюсь, вы это все правильно понимаете?

— Да, безусловно, понимаю! — согласился Шевчук.

— И сегодня, когда Родина в опасности, от имени партии я поручаю вам исключительно опасное и ответственное задание. Партия вам верит и надеется, что вы не подведете!

— Я тронут таким доверием и обещаю доказать свою преданность Родине ценой собственной жизни, — заверил расчувствовавшийся Шевчук.

— Тогда готовьтесь в дорогу. Опасную и ответственную! Счастливого пути. До встречи! — собеседник крепко сдал ладонь Петра Александровича.

В штабе особого отдела корпуса Шевчук встретился со своими будущими попутчиками Ольгой Калистратовной Бабич родом из села Андреевки и Петром Моторным с Житомирщины. Все трое получили документы, удостоверяющие их личности, и познакомились с ними.

— Значит, товарищи, — обратился сотрудник органов государственной безопасности, — вас мы доставим к примерной линии фронта, которая сейчас нестабильна, организуем переправу на ту сторону, а дальше все будет зависеть от вашей смекалки, от вашей сообразительности, ибо вы должны знать — отправляетесь прямо в пасть к лютому зверю.

Все трое переглянулись. Сотрудник органов госбезопасности продолжал:

— Основным вашим спасением по ту сторону фронта будут являться выданные вам справки о том, что вы жители села Кленового, были мобилизованы колхозом для угона скота. И здесь, в Чернигове, сдали на базу скот, освобождены немецкими войсками, возвращаетесь теперь в село Кленовое Городницкого района домой. Эта легенда должна стать для каждого из вас основным законом жизни. Малейшие отклонения при ответах немцам от этой легенды, колебания смерти подобны! Прошу запомнить это!.. Ольга Калистратовна идет с вами для того, чтобы вас не заподозрили немцы...

В ту же ночь трое патриотов, очутившись за линией фронта, продвигались к своей цели. Несколько раз в пути их останавливали немцы и полицаи, но, проверив документы, отпускали. Наконец они переплыли на лодке Днепр и, обогнув город Брагин, уже пробирались к Припяти. И здесь, в лесу, случайно встретили советских партизан. Командиром этого отряда был майор Пашун.

— Вот что, товарищи, — посоветовал Пашун. — Дальше идите так, чтобы немцам на глаза не попадаться. Так будет безопаснее...

— Мы тоже так решили между собой, — согласился Шевчук.

— А как у вас с оружием? — осведомился командир. — Вижу, с пустыми руками идете?

— К сожалению, это верно, — огорченно подтвердил Моторный.

— Тогда вот что, друзья, — решительно сказал майор. — У меня есть лишнее оружие, если вы хотите, могу помочь. Мы все равно здесь прождем недолго, пойдем к линии фронта. Берете оружие?

— Конечно, берем! — воскликнул Шевчук. — Мы очень будем вам благодарны, товарищ майор!

— Тогда получайте! — Он взял у одного партизана из вещмешка два пистолета «ТТ», по пять обойм к каждому из них и рассыпью сорок патронов, затем восемь гранат РГД и передал все это Шевчуку.

— Товарищ майор! — обратилась Ольга Калистратовна к Пашуну, уловив, что они пойдут к линии фронта. — Прошу вас, возьмите меня с собой. Я пригожусь вам в разведке. С женщиной все же будет легче. Там, где мужчине будет трудно разведать, я все постараюсь сделать!

— А как задание? — осведомился Пашун.

— В основном я справилась! Мои попутчики почти на месте, тем более, теперь они с оружием, и я вряд ли им буду полезна. Дело в том, что я очень заболела в пути, нервы на пределе. Умоляю вас, товарищ майор, возьмите меня с собой...

...Крепкие рукопожатия — и, словно родная семья, патриоты разошлись в разные направления. Пашун повел отряд строго на восток, к линии фронта, Шевчук и Моторный отправились на запад.

Наконец, снова родные леса. В селе Искорость неподалеку от Коростеня они обнаружили небольшой немецкий госпиталь.

— Давай, Петро, гроыхнем по парочке гранат в окна, — обратился Шевчук.

— Ну что ж, раз надо, то надо! — согласился тот.

Огородами они подкрались к помещению, в котором находились на излечении раненые фашисты, и, метнув в окна гранаты, кинулись наутек. Поднялась ружейная стрельба, партизаны побежали в разные стороны. Шевчук очутился на соседнем хуторе.

Он вскарабкался на забор, чтобы преодолеть его и бежать дальше, но внезапный удар в голову свалил его. Очнувшись, увидел троих полицейских, стоявших рядом, и четвертого мужчину — крестьянина.

Полиции связали Шевчуку руки ремнем и, не допрашивая, вывели на большак, по которому часто проезжали немецкие военные машины. Они остановили одну из машин и доложили офицеру: — Нами пойман партизан-бандит, увезите его в жандармерию!

Шевчука загнали в кузов крытой машины, где находилось шесть немецких солдат. Когда машина тронулась, один из солдат ради удовольствия начал избивать Шевчука. Другой немецкий солдат прикрикнул на него, и избивание прекратилось. В Коростене задержанного передали в немецкую полицию, а затем он был определен в тюрьму.

Спустя несколько часов два конвоира привели Шевчука в помещение бывшего горкома партии Коростеня. Здесь офицер приступил к допросу.

— Ну, партизан, расскажи, откуда ты и что намерен здесь делать? — потребовал он через переводчика.

— Я из села Кленовое Городницкого района, звать меня Литвинчук Петр Кондратьевич, бежал от большевиков, пробираюсь домой.

Офицер побагровел, вышел из-за стола, с криком и бранью стал избивать допрашиваемого. Хлестал его нагайкой по голове, лицу, где попало. В это время вошел второй офицер, вместе с ним вползла овчарка. Бить прекратили, перешли на мирный разговор.

— Из какого ты партизанского отряда? Где он находится? Сколько людей в отряде или в полку? — задал первый вопрос вошедший офицер.

— Никакого полка не знаю, партизаном не был, — не задумываясь, ответил Шевчук.

Вошедший, не дослушав ответа, кинулся вновь истязать Шевчука. Он бил его по лицу своими здоровенными кулачищами, травил овчаркой. Затем схватил возле печки сучковатое полено и стал бить им по голове и рукам, которыми Шевчук старался заслонить свое лицо. Кровь текла по его лицу, одежде, он потерял сознание. А когда очнулся и открыл глаза, переводчик снова задавал вопросы офицера: сколько с тобой партизан и где они?

— Весь наш народ, который находится под вашей оккупацией, — это и есть партизаны! — уверенно ответил Шевчук.

Выслушав ответ через переводчика, офицер со всей силы ударил Шевчука сапогом в живот, и тот со стоном свалился на пол у стены.

Когда он очнулся и открыл глаза, то почувствовал в полумраке, что два человека волокут его к машине. Они держали его под руки. Приехали в Коростеньскую тюрьму. Над городом была глухая ночь. Шевчука бросили в камеру, зазвенел уже знакомый тяжелый засов. Здесь Шевчук никого не видел, но тихий шепот выдавал присутствие людей в камере.

«Здесь такие же неудачники, как и я, — подумал Шевчук. — Возможно, и единомышленники? Но кто они? А вдруг здесь и Петро Моторный?»

Как оказалось позже, здесь находились пять человек. Из них один был тяжело ранен и постоянно стонал. К утру привели еще одного. Его стоны показались заключенным притворными. Он представился офицером Красной армии, что бежал из немецкого лагеря и снова оказался в плену у немцев. «Офицера» дважды уводили на допросы и возвращали все таким же притворно стонавшим. Выдержав некоторую паузу после своего прихода в камеру, он мудро пытался у каждого, кто он, откуда, где оставил отряд товарищей. Уверял, что немцы о нем ничего не

знают. И если ему удастся выйти на волю, попытается оказать узникам какую-то помощь.

Используя отсутствие «офицера», которого куда-то уводили по вечерам, узники шептались между собой. Как оказалось, двое из них — бывшие председатели колхозов, один лесничий, и четвертый — председатель сельского совета Житомирщины.

— Неподалеку от нашей деревни, — откровенничал один из них, — партизаны разгромили гитлеровский обоз с охраной. Подорвали на минах четыре автомашины и перебили много немцев. После случившегося нас двоих и прихватили.

Шевчук помалкивал. Человек рассказывал как раз о той операции, которую провел он со своей группой перед уходом с полком в Белоруссию.

— Чем все это закончится, никто не знает, — с грустью говорил земляк. — Скорее бы прикончили. Смерть, пусть будет смерть, но жить так дальше еще страшнее. Больше нет мочи.

— Не спеши, дружище! Умереть всегда успеем! — возразил лесничий.

Наступило грустное молчание. Все сидели на полу, опустив вниз головы. Вдруг послышался шепот, дверь открылась, и вошел пожилой мужчина, весь заросший, а с ним, как позже оказалось, был его сын, подросток. Это была еврейская семья.

— Выходи! — раздалась команда в распахнувшуюся дверь. Во дворе тюрьмы стояло три автомашины. Одна большая крытая грузовая и две легковые.

Конвоиры прикладами втолкнули узников в грузовик. Трое фашистов обратились к своим жертвам:

— Всякие разговоры между собой категорически запрещены! Разрешено только Богу молиться!

Узники тревожно переглянулись между собой. Теперь каждый из них догадался, куда везут: на расстрел!

Офицеры сели в легковые машины. Одна из них покатилась впереди, вторая двигалась последней, а посередине — охраняемый грузовик. Как только машины тронулись с места, Шевчук размашисто перекрестился и, встав в кузове на колени, начал усердно читать «Отче наш». В своей «молитве» он обращался к остальным узникам и предлагал им вместе напасть на конвоиров, отобрать у них оружие и, если придется, погибнуть с врагом в открытом бою. Но те словно не понимали его и искоса недоверчиво поглядывали, не откликаясь на его призыв. Его недолгая молитва прервалась одновременно с остановкой автомашины. Сгнав на

землю узников и построив их по три в ряд, их погнали в сторону ольховой поросли.

Шевчук двигался в передней тройке. Задний ряд немного отстал. Немцы их торопили.

«Отвлекают, — решил Шевчук. — Пора!» — И, собрав все свои силы, кинулся в сторону наутек. Его примеру последовало еще трое узников. Рассеявшись в разные стороны, они быстро мелькали промеж ольховой поросли. Четверо узников остались на месте. Охрана чуть растерялась. Затем раздалась гортанная команда: «Хальт! Хальт! Хальт!» — В сторону бежавших открыли стрельбу. Кто-то застонал...

Оторвавшись от немцев метров на пятьсот, Шевчук свернул к речке и, поняв, что скрылся, с разгона прыгнул в воду. Немного прополз в сторону, укрылся под нависшим над водой берегом и опустившейся осокой. Шевчук крепко вцепился руками за подмытые корни вербодоза. Со всех сторон доносились выстрелы. Снова отчетливо доносились крики «Хальт!». Он переживал о трагической участи тех узников, которые не сумели убежать от немцев. Фашисты где-то неподалеку их настигали и приканчивали.

Вдруг до него донеслась ненавистная гортанная речь фашистов. «Господи! Обнаружат, проклятые!..» — пронеслось в его сознании. Шевчук еще крепче уцепился руками за корни деревьев и тихо прильнул всем своим существом ко дну берега в этой своеобразной пещере. Чувствовалось, что фашисты где-то рядом. Постояв немного на берегу, они удалились. Женщина, пасшая неподалеку корову, махнула рукой в сторону, по-видимому, направляя фашистов по ложному следу. А немного погодя голос женщины зазвучал над головой Шевчука:

— Выходите. Немцы ушли! Бегите вон туда, — показала она рукой в сторону леса. Шевчук немного выдвинулся из-под берега. — Быстро бегите, немцы могут вернуться! — торопила она.

Цепляясь озябшими руками за траву, Шевчук взобрался на берег, торпливыми движениями растер заостеневшие ноги и кинулся в сторону, куда указывала женщина. Как стало ему известно позже, это была Юлия Даниловна Яминская.

С одежды стекала струйкой вода. Шевчук окоченел, но продолжал бежать. Вдруг вдали показались хаты, он поспешил к ним.

— К какому селу относятся эти хутора? — спросил Шевчук встретившуюся по дороге старушку.

— Хотиновского сельсовета, — ответила старушка. — А дальше начинается село Искорость.

Беглец свернул в первую попавшуюся хату хутора, попросил переодеться, но здесь ему отказали. Тогда он поспешил во вторую хату, где проживала Мария Филлиповна Наумчик. Здесь хозяйка сочувственно встретила его, накормила и передела в старенькую одежку своего мужа, который был на фронте.

— Спасибо вам, люди добрые, — поблагодарил Шевчук и попытался покинуть хутор. Но выйдя из хаты, заметил неподалеку вооруженного человека и тут же возвратился. «Наверное, полицейай», — подумал он.

— Идите в сарай, в солому заройтесь! — предложила хозяйка. — Ночью уйдете!

— Другого выхода пока нет! — сказал Шевчук и пошел в сарай.

— А вот вам харчи на дорогу, — вошла в сарай хозяйка с небольшим узелком. — Могу и оружием помочь, если нужно...

Но Шевчука заметили. Как только он скрылся в сарае, полицейай окружили усадьбу гостеприимных хозяев.

— Сдавайся, юда!* — кричали полицейай. Они избивали хозяйку, грозили поджечь хутор.

— Он не юда! Он такой же как и вы, украинец! — оправдывалась Мария. — За что же его убивать?

— Если не юда, мы его не тронем! — пообещали полицейай. — Зови, пусть выходит!

И тут Шевчук пожалел свою спасительницу, которая умоляла его выйти из сарая, потому что фашисты угрожали сжечь и его, и хату. Полицейай набросились на Шевчука, связали ему руки и отвели в село Хотинку, завели в сельскую хату. Крестьяне, узнав о случившемся, сбегались со всего села и с любопытством осматривали партизана, убежавшего из-под расстрела.

Многие крестьяне приносили хлеб, сало, молоко, и каждый хотел, чтобы партизан взял угощение именно от него. А один старик ухитрился и меду в кружечке передать.

— Пошли в другую хату, — предложили полицейские и перевели узника в хозяйство Андрея Васильевича Зинчука. Здесь его загнали на печь и всю ночь не разрешали спускаться.

Жена Зинчука вызвала старосту села и коменданта полиции, стала их уговаривать:

— Отпустите человека, он же ведь наш, украинец, страдалец. Какой он партизан? Пусть идет домой... — умоляла она.

* Сдавайся, еврей! (нем.).

— Отпустите, хлопцы, — просился и сам Шевчук. — Дома есть швейная машинка, бутылка водки закопана, завтра все привезу вам в подарок, только отпустите меня.

Но ответ был один:

— Нет! Не можем! Немцы узнают — учинят расправу над нами...

Комендант полиции и староста ушли домой, обеспечив узника полицейской охраной.

Как только рассвело, к хате, в которой ночевал партизан, снова начали сходить крестьяне, и каждый — не с пустыми руками. Вновь принесли вареные яйца, сало, молоко, мед, хлеб. А один старичок подсел к Шевчуку, подал ему бутылочку, хлеба и сказал:

— Возьми, парень, выпей, тебе сразу легче станет, сил прибавится, молочко-то от божьей коровки! Еще тепленькое! — и подмигнул.

Шевчук сразу не понял хитрости старика, но взял от него чекушку, открыл пробку и почуял запах самогонки. Молодец, старик! Залпом выпил все из бутылочки и, не подавая виду, стал кушать. А народ все подходил и подходил.

«Вот скоро придут полицаи и заберут меня, — со скорбью подумал Шевчук. — Погибну ведь! А что, если я откроюсь народу?»

И он решился. Несмотря на запрет полицаев, во весь голос обратился к людям:

— Дорогие мои земляки. Я советский партизан! Хочу, чтобы вы об этом знали. Меня эти полицаи передадут в руки немцев, безусловно, те меня казнят. Я ведь уже два раза бежал из-под расстрелов! Знайте, дорогие мои земляки, Советская власть все равно сюда вернется, и вы сообщите ей о тех, кто повезет меня на расстрел. Возможно, я погибну от их пули еще в пути. Но знайте, Советская власть им этого никогда не простит!

— Сейчас же замолчи, мерзавец! — закричал ворвавшийся в хату комендант. — А вы чего рты раскрыли! А ну марш все к черту! — надрываясь, разгонял он крестьян.

И вдруг жены охранявших Шевчука полицейских настойчиво одна за другой заявили, что их мужья не повезут партизана в район.

— Пусть комендант со старостой сами везут его в район, если он им понадобился. А я бы отпустила мужика домой. Чем же он провинился перед нашим селом? Ничем! — укоряла коменданта моложавая женщина. — За что же вы его повезете? — наступала она на старосту.

— Отпустите хлопца, — уговаривала другая женщина немного растерявшегося коменданта. Шевчук это заметил.

— А ну, бабы, найдите быстро потрепанную одежду красноармейца, — поторопил староста.

— Какую и зачем? — поинтересовалась одна из женщин.

— Переоденем его и просьбу вашу выполним, — ответил староста.

— То есть как это? — в один голос спросили женщины.

— А вот так! В другой район отправим его и там сдадим как военнопленного. Поняли? Иначе мы не можем! — схитрил комендант.

— Хорошо! Мы согласны, пусть будет так!

Не прошло и часа, как Шевчук, переодетый в форму красноармейца, побритый и подкрепившийся, сидел на кухне, а полицейский ел картошку, жаренную на сале. В хату вошел бывший бригадир колхоза и, заметив Шевчука, стал его ругать, употребляя нецензурные слова, обзывая вором и партизаном. А затем, подойдя поближе и понизив голос, предупредил:

— Полицейские под нажимом своих жен отказались конвоировать тебя, поэтому комендант послал за немцами, и они вот-вот будут здесь. Так что, парень, спасайся, как можешь, пока не поздно!

Шевчук, сняв рваные и не по ноге солдатские ботинки, попросился во двор.

— Иди, проводи его! — кивнул старший полицай своему подручному Павлу Обиходу. Тот поднялся из-за стола и без оружия вышел с Шевчуком во двор. Оказавшись у распахнутой калитки, Шевчук рванул-ся вперед и помчался по широкой улице села. Полицай хотел его догнать но, увидев, что это не получится, закричал:

— Зинчук! Оружие, скорее!

Оставшийся в хате Зинчук схватил обе винтовки и поспешил на улицу. Шевчук уже был далеко, и только голова его мелькала поверх плетней.

— Стой! Стой! — кричали полицайи, стреляя наугад по мелькавшей между плетнями фигуре удалявшегося пленника. Но тот стремительно бежал вперед, уменьшаясь на глазах.

— Беги вот сюда! — указал дорогу стоявший возле плетня молодой человек. — Через огороды, прямо, здесь ближняя дорога к лесу, — показывал он направление.

А Шевчук в это время уже выбежал за село. Перед ним было неспаханное поле, а далее, метрах в пятистах, — лес. Ноги у Шевчука дрожали от бессилия, отказываясь ему подчиняться. Еще! Еще! Осталось немного! Ведь если не убежишь, пропадешь!

И вот лес. Очутившись под прикрытием деревьев, Шевчук, словно по инерции, продолжал бежать. Но тут в глазах его потемнело, он остановился и повалился на землю. Собрав последние силы, он пополз в густой

кустарник на холодный мох, расстилавшийся темно-зеленым ковром вокруг неглубокой болотистой впадины. Он все время прислушивался и озибался по сторонам — ему казалось, что за ним бегут, и вот-вот преследователи появятся где-то рядом.

И в этот момент он заметил фигуры, мелькавшие между деревьями. Шевчук припал грудью к мягкому мху, стараясь всем телом втиснуться в холодную перину и так умереть. Лучше умереть, чем снова попасться в руки карателей! Но опасность миновала. Позже оказалось, что рядом проходила лесная тропа, по которой и двигались люди. Они ушли в своем направлении.

Коченели босые ноги. Сквозь солдатскую гимнастерку пробирался холод. Дрожало бесконечно измученное тело. Немного приподнявшись, на четвереньках он насобибал сухого мха и листьев, насовал их за пазуху под гимнастерку, под брюки, попрыгал немного и, кажется, чуть-чуть согрелся. Он снова прилег на собранные сухие листья и мох. И сразу же уснул.

День угасал. Вскоре над лесом опустилась темная осенняя ночь. В далекой холодной голубизне неба замерцали звезды. Холодный ветер колыхал верхушки голых деревьев, а между ними шипели на ветру еловые ветви, словно говорили о чем-то между собой громким шепотом. Коченев от холода, Шевчук проснулся. Тут он осознал свое положение. Вокруг уже стояла ночь. Лес по-прежнему таинственно гудел. «Куда же податься теперь? — рассуждал Шевчук. — С чего начать?..» Он попытался встать на ноги, но те не повиновались ему, и он снова опустился в «постель», которая все-таки немного его согревала.

Теперь Шевчуку надо было бороться за жизнь. Он принялся растирать совсем застывшее тело, тер пальцы ног, шею, руки. Собравшись с последними силами, поднялся на ноги, шатаясь, сделал шаг вперед, затем еще и еще. Ускоряя шаг, пошел незнакомой лесной дорогой.

Шевчук всю ночь потихоньку бежал лесом, ориентируясь по звездам. Когда рассвело, он вдруг заметил недалеко от себя старика с топором в руках и коробом за плечами. Последний недоверчиво отнесся к путнику, а узнав, что с ним приключилось, вытянул из короба пирог с фасолью и кусок черного хлеба. Протянув все это, старик сказал:

— Бери, бери, тебе пригодится, а я обойдусь! И будь осторожен, впереди село Емильчино, там полицаи снуют по дорогам. Схватят — поминай, как звали!

— Спасибо, дедушка, за харчи, за добрые слова и совет. Желаю вам здоровья, чтобы дождались вы Советской власти!..

За ночь Шевчук обогнул село Емильчино и снова вышел на дорогу. Впереди, обогранный восходящим солнцем, показался знакомый лес. Немного пробежав, беглец очутился неподалеку от железнодорожной станций Жужель. Но вдруг, словно леший из камыша, с боковой лесной дороги выскочил человек с винтовкой на правом плече. Под левой рукой он нес оконное стекло. Друг друга они заметили одновременно, скрыться было невозможно. Поэтому они осторожно пошли навстречу друг другу.

— Добрый день! — поздоровался Шевчук первым.

— Добрый-то добрый! — звонким голоском ответил полицейский. — А откуда ты будешь, куда тебя Бог несет?

— Надеюсь, земляче, ты меня поймешь! — с надеждой ответил Шевчук. — Из плена, браток, я бежал. Иду домой. Соскучился, натерпелся всякого, дома жена, дети малые, отец и мать, ждут меня.

— Я так и знал, что ты пленный. Отпустить тебя не могу. Знаешь, есть приказ нашего коменданта — всех таких, как ты, задерживать и доставлять в Емильчино. А там разберутся, и пусть отпустят или расстреляют — у меня к тебе дела не будет! Понял?

— Конечно, понял! Но ты же свой, хлопец, и дети у тебя тоже есть. Моя душа стремится домой, к детям, жене, да и самому передохнуть не мешает. Отпусти, дружище! — просил Шевчук.

— Кончай дурные разговоры! — запротестовал полицейский. — Поворачивай и ступай, куда говорю, а то как врежу из этой вот штуки! Здесь же зароят, в канаве! Ступай, говорю!!!

«Решайся, парень!» — мелькнула мысль в голове Шевчука, и, молниеносно развернувшись, он изо всей силы ударил кулаком по голове полицейского. Оглушенный, тот рухнул на землю. Шевчук рванул на себя винтовку, ремень лопнул, и она оказалась в руках партизана.

— Вот так, дорогой, у кого оружие, тот и хозяин, у того и власть, предатель! Подымайся, подлец, и следуй вон туда, да побыстрее! — и, загнав патрон в патронник, Шевчук повел полицейского лесом.

Полицейский начал ныть:

— Не убивай, прошу тебя! Я не собирался отнимать твоей жизни, — оправдывался он.

— Твоя скотская душа мне ни к чему. А вот одежду и ботинки ты мне займешь, надеюсь? Стой! Снимай все это и уходи, пока я не передумал.

Полицейский остановился. Моментально снял обувь, одежду, и его словно ветром сдуло. А спустя каких-то пять минут Шевчук, облачившись в одежду полицейского, с винтовкой шагнул в родные места...

Появившись в селе Кленовом, Шевчук осторожно разведал обстановку и уже на третий день после своего возвращения попросил собрать свою группу в хате Александра Кондратьевича Литвинчука.

На подпольное собрание явилось всего десять человек. Были из Кленового, а также и из соседних сел — Дубники и Ковалевичи. Подпольщики встретились как братья, ведь не виделись они несколько месяцев. Затем они перешли к обсуждению организационных вопросов. Прежде всего распределили обязанности. Было решено всем без исключения заниматься сбором оружия, боеприпасов, военного снаряжения, выявлять доносчиков полиции, а также готовить для борьбы с немцами надежных патриотов. В связи с тем, что близилась зима, которая сильно ограничивала возможности партизан, предварительно было решено принять меры по сохранению имеющихся сил, и как только в лесу зазеленеет листва, начать открытую партизанскую борьбу на границе Житомирской и Ровенской областей.

Отсюда после Нового года Шевчук отправился на территорию Рокитновского района, и в селах Нетреба, Будка Боровская, Окопы им была создана подпольная группа из молодежи, в которую вошли Степан и Петро Заленские, Володя Крыжов и другие. В самом городе Рокитно была также создана подпольная группа из пятнадцати человек.

Самой тяжелой оказалась зима 1941–1942 годов. Действовать приходилось весьма осторожно, чтобы не привлечь повышенного внимания немцев к этим селам, не нарваться на провокатора, немецкого агента и не погубить недавно созданное подполье.

Была весна 1942 года. Лес, преобразившись в ясно-зеленый наряд, принял в свои объятия народных мстителей. Птичьи хороводы провожали их на боевые задания, встречали при возвращении, пели, словно заботливая няня у их колыбели. Под командованием Петра Александровича Шевчука собирались его земляки, а также патриоты из соседних районов. Совершенствовались боевое мастерство, навыки партизанской жизни. Гитлеровские оккупанты в этих районах уже недосчитывались нескольких своих агентов, старост и полицейских. Они точно сквозь землю провалились. Но командир отряда и его боевые друзья понимали, что все это не та борьба, которую они должны были вести. Родина нуждалась в более серьезных операциях. Партизанская борьба должна была принять более широкий размах, в ней должны были участвовать широкие народные массы.

«Но кто должен возглавить все это движение? К кому обратиться за советом?» — мучила командира мысль. И он нашел ответ на свой вопрос.

Областным центром являлся город Ровно. Теперь он стал центром всей оккупированной Украины, ее столицей. А раз так, то именно в этом городе должно было существовать областное руководство подпольем. Вот с ним-то необходимо было связаться. Долго перебирал он в своей памяти патриотов, которые смогли бы справиться с такой миссией. Командир отряда придавал вопросу связи с руководством ровенского подполья самое серьезное значение. Наконец, остановился на бывшей учительнице Мясоедовой, которая жила тогда в селе Окопы Рокитковского района.

Несколько дней находилась связная отряда в городе Ровно, но нигде не удалось ей напасть на след подполья, и в расстроенных чувствах она уже было намеревалась ни с чем покинуть город.

— Как же так! Неужели с пустыми руками пойду обратно? — мучительно думала она.

Но в этот момент впереди появились две рослые мужские фигуры. Мужчины между собой о чем-то разговаривали, а затем, обменявшись рукопожатием, разошлись. Шедший ей навстречу, обернувшись ко второму, который отошел чуть-чуть от первого, сказал:

— Михаил, завтра вечером я подойду с ним. Ждите!

— Куда подойдешь, Василий? — уточнил тот.

— Ну туда же, к дому «советов»! — ответил Василий.

«Что же это за дом “советов” объявился здесь, в столичном городе?» — мелькнуло в голове Мясоедовой. И она решила выяснить это у мужчины, который шел ей навстречу.

— Извините, молодой человек, — обратилась связная, пристально вглядываясь в лицо незнакомого человека.

— Что вам угодно, гражданочка? — участливо откликнулся подошедший.

— Я невольно услышала весь ваш разговор с тем товарищем, — заговорила неловко она. — И... И какой-то дом «советов» здесь объявился. Любопытство и заставило меня обратиться сейчас к вам с таким вопросом.

— Что, простое любопытство? — сухо осведомился Василий. — И все?

— Нет. Интересно все же, я сама не знаю, как вам и сказать... — замялась Мясоедова. — А вы из военнопленных, если не секрет? — вместе с ответом задала она попутный вопрос.

Василий насторожился. «Значит, у женщины не простое любопытство. Что-то здесь еще кроется?» — спросил он сам себя. Но, посмотрев приветливо на женщину, он ответил:

— Да, я из военнопленных. А дом «советов», который вас заинтересовал, — это двухэтажный дом среди развалин неподалеку от базара, общежитие советских военнопленных.

— А почему же его так величают?

— Это местные так говорят, мол, «советы» там живут, — разъяснил Василий. — Вот и войдет в историю как дом «советов».

— Да, а что вы думаете, и в историю может войти, если там добрые люди обитают, — согласилась она.

— Да разные есть там люди, но в основном — хорошие, — подчеркнул Василий. — А откуда вы, гражданочка? Мне кажется, вы приезжая?

— Да, верно. Угадали!

— Издалека сюда, в столицу завитали?*

— Да не очень. Из Олевщины я, — и, пристально поглядев в доверчивые глаза собеседника, она продолжила: — Одно дело у меня есть. Да вот не могу никак найти доброго человека, которому можно довериться, — решила она наконец сказать напрямую, так как чувствовала, что этому человеку можно доверять.

— Ну что ж, если это в моих возможностях, помогу. Пройдемте, где-то присядем, поговорим, — предложил Василий.

Неподалеку от вокзала они свернули на тропинку, уселись у насыпи. Внизу плескалась мутная речушка, а за ней мимо станции с грохотом мчались на запад фашистские составы.

— Буду счастлива, если вам Родина дорога так же, как и мне, — начала Мясоедова. — А если я ошиблась, то сама и понесу ответ.

— Говорите, не бойтесь. Во всяком случае, заверяю вас, достоянием врага не станет, — подбадривающе заговорил Василий.

— Человек один меня прислал в этот город с тем, чтобы своих людей разыскать, связаться с ними, — наконец призналась связная.

— Кто же он такой и зачем ему такие люди понадобились? — уточнил Василий.

— А для того, чтобы вот эти твари поменьше двигались на восток, — ответила она, указав рукой на проходивший состав, перевозивший танки на платформах.

— И вы не боитесь меня, человека, встретившегося вам впервые? — поинтересовался Василий. — И как же вы решились на это?

— Я уже четвертый день в городе. Поиски мои не увенчались успехом, а с голыми руками возвращаться совесть не позволяла.

* Здесь — в значении «залетели».

Разговор был долгим, и в процессе его у собеседников родилось доверие друг к другу. Когда же солнце клонилось к закату, Василий сказал:

— Я верю вам и, думаю, окажу соответствующую помощь. Завтра к двенадцати часам приходите сюда же.

...Василий Галуза обо всем доложил руководителю подполья Николаю Максимовичу Остафову. В заключение сказал, что женщина вполне внушает доверие и что случая такого упускать не следует.

— Я разделяю вашу точку зрения, Василий! — согласился Остафов. — Веди с ней переговоры, а главное, выясни, в чем нуждается их отряд, какая помощь от нас требуется, и договорись о месте и времени встречи на будущее.

Согласовав вопрос с руководителем подполья, Василий отправился к речке. Мясоедова уже гуляла в сторонке, а заметив Василия, подошла к нему.

— Ну, каковы наши успехи? — сразу обратилась она. — Обрадуете или огорчите меня?

— Вести хорошие принес, — отвечал Василий. — Нужный человек найден. Сам он не спешит с вами встречаться, поручил эту миссию мне. Он сказал: раз ты начал, доводи все до конца. Я и согласился, хотя в этих его делах непосредственного участия не принимаю.

«Осторожен, чего и следовало ожидать», — подумала Мясоедова. А вслух ответила:

— Я искренне вам благодарна и предложение принимаю.

Вysłушав вопросы Василия, ответила:

— Отряд нуждается в хороших, надежных людях. Нужны сведения о замыслах карателей. А дальше все будет решаться в зависимости от обстановки.

...В жаркие дни лета 1942 года Мясоедова дважды побывала в Ровно и встречалась с Василием Галузой.

Итак, с лета 1942 года сведения о зверствах и замыслах фашистов в городе Ровно, добываемые подпольем, руководимым Остафовым, потекли в отряд Шевчука. По его же просьбе подбирались и готовились люди для отправки в отряд.

В январские морозные дни 1943 года Мясоедова снова появилась на той же конспиративной квартире в Ровно, неподалеку от дома «советов». В этот раз связная возвращалась с хорошими сведениями. Остафов сообщал, что ведется кропотливая работа по подбору и подготовке патриотов для отправки в отряд. И далее сообщалось: «В составе областной полицейской карательной экспедиции в Людвиполь выехал наш

человек — Жухрай. Он нами проверен, и ему полностью можно доверять. В его группе есть и другие хорошие товарищи, рекомендуем установить связь с Жухраем».

По заданию Шевчука Мясоедова отправилась в Людвиполь. Через нее Шевчук передал Жухраю задание подобрать людей, захватить с собой побольше оружия, боеприпасов и придти в отряд. Места явок были назначены заранее.

В полицейской роте Жухрай подобрал патриотов и создал там подпольную группу. За короткое время он сумел войти в доверие к своему начальству и в составе карательной группы из 32 человек отправился в лесные массивы. В основном в группу были включены лица, которых назвал Жухрай. Очутившись в лесу, подпольщики выявили в своем составе четырех агентов гестапо, из которых Жухрай двоих расстрелял на месте, а двоих разоружил и привел в партизанский отряд имени Чапаева, которым в то время уже командовал Петр Александрович Шевчук. Это было первое пополнение, пришедшее в этот отряд от остафовцев.

В декабре 1942 года Шевчук со своим небольшим отрядом влился в партизанское соединение Шитова, которое появилось на этой территории. Шевчук сразу был назначен на должность командира взвода, затем получил повышение и стал командовать отрядом имени Чапаева в составе Шитовского соединения. А после проведения ряда удачных боевых операций он был назначен на должность командира третьего партизанского полка того же соединения, в которое входили отряды имени Чапаева, имени Ворошилова и имени Дзержинского. Так как полк крайне нуждался в пополнении рядовым и командным составом, Шевчук вновь обратился с просьбой к руководителю ровенского коммунистического подполья Остафову. В город Ровно вновь и вновь направлялась связная Мясоедова, которую в лесной массив под Ровно всегда провожала вооруженная группа партизан. В конце февраля 1943 года Мясоедова вновь появилась в городе.

Неподалеку от дома «советов», у старой аптеки, Мясоедова встретила Василия Галузу. Доложила о партизанских буднях.

— Зима окончилась, — говорила она Василию, — партизанская война все больше разворачивается, отряду нужны хорошие люди, и побольше.

Василий все слушал Мясоедову и восхищался ее повествованием о героических делах партизан. Он с восхищением говорил:

— Да, народ поднялся на борьбу с ненавистным врагом во всех уголках оккупированной территории. — И тут же спросил: — А как там с Жухраем? Связались с ним или нет?

— Конечно! Сразу же после возвращения в отряд я ходила по заданию в Людвиполь.

— Ну, и нашли его?

— Нашла! Он привел в отряд двадцать восемь человек, все с оружием. Люди действуют! Командир просил передать вам привет и велел поблагодарить за эту помощь.

— Значит, Жухрай уже там, действует! Молодчина он. Хороший парень! — радовался Василий.

После появления в городе связной партизанского отряда Василий Галуза встретился со своим командиром — Николаем Максимовичем Остафовым. Остафову было доложено и о просьбе командира отряда о пополнении, и об оружии.

Остафов вдруг спросил Василия Галузу:

— Ты уверен в том, что мы на верном пути? Не игра ли это гестапо? Не удивляйся моему вопросу! Надо все еще раз продумать...

— Николай Максимович, я полностью уверен, верю связной...

— Тогда передай Мясоедовой: люди нами готовятся, в следующее воскресенье, во второй половине дня, в лесничевке около сорока человек будут ожидать связных из отряда. Или пусть пришлют туда вооруженную группу партизан — надо будет сопровождать людей в отряд, чтобы обеспечить их безопасность в пути следования. Ты знаешь, Василий, дорога далекая, везде шастают оуновские бандиты, к тому же картели могут перехватить. Люди без оружия, да и в обстановке дезориентированы. Как думаешь?

— Абсолютно с вами согласен, Николай Максимович! Все передам, как вы говорите...

...По поручению Остафова и Галузы Дмитрий Лисейкин усадил патриотов в грузовик и доставил безо всяких препятствий в лес. С ним было 34 человека, которых он переправлял в партизанский отряд.

Дмитрий наблюдал за опушкой леса, но партизаны не появлялись. Где-то за Горынью, в лесу, разгорался бой. День угасал. Солнце уже почти что зашло, а партизан не было. Волнение все больше охватывало Лисейкина, ведь он теперь полностью отвечал за судьбу людей. Что теперь делать? О возвращении в город не могло быть и речи. Ведь люди оборвали все связи, наверняка за ними уже там разыгралась целая погоня. Другая дорога — вперед — ему была неизвестна. Он присел,

прижимался грудью к сырой, не согретой еще земле, просматривал подходы, прислушивался к шорохам. Было слышно, что бой за Горынью свелся к отдельным одиночным выстрелам, а со временем и вовсе утих. И вдруг Лисейкин заметил силуэты людей, которые спускались к оврагу.

— Эй, ребята, вы откуда и куда? — окликнул Дмитрий. Затем немного подошел ближе — думал, что это группа партизан, которая шла ему навстречу. Люди приостановились, заняли оборону.

— Кто ты такой? Подходи ближе!

«Ну, черт возьми, напоролся!» — огорченно подумал Дмитрий, но деваться теперь было некуда. Приблизился к ним. Семеро вооруженных людей смотрели на него в упор.

— Кто такой? Что тебе нужно? — тихим голосом осведомился, по-видимому, старший.

— А вы кто такие? — задал встречный вопрос Дмитрий.

— А тебе зачем такие сведения? Из полицаев, наверное? Заблудился? — с усмешкой спросил второй. — Толком отвечай, кто такой? Зачем оказался в этих местах?

«Наверное, партизаны, — подумал Дмитрий. — Придется рассказать им обо всем». И он решился: рассказал о том, что ведет людей в отряд.

— А люди-то твои надежные? — осведомился старший.

— Ну а как же? Мы подбирали людей. Все проверены! — сказал Лисейкин.

— Если правду говоришь, то мы можем всех забрать с собой. Хорошие солдаты сейчас на вес золота, сам понимаешь. Где они? Давай, познакомимся! — уже с доверием сказал старший.

Случилось так, что это была группа подрывников доселе неизвестного отряда. Вся группа людей отправилась с ними, а Дмитрий Лисейкин к утру был уже в городе Ровно.

Как выяснилось позже, отделение, отправленное Шевчуком для встречи и сопровождения в отряд нового пополнения, встретилось на своем пути с бандой и в навязанном ею бою потеряло несколько часов времени, затем после боя двинулось другим маршрутом и к месту встречи прибыло лишь глухой ночью. В отряд оно возвратилось ни с чем.

В последние дни марта 1943 года Мясоедова вновь появилась в Ровно. В последнее время остафовцы самоотверженно потрудились над созданием новой группы патриотов и подготовкой их для отряда Шевчука.

В этот раз местом встречи была явочная квартира в доме номер 12«А» по улице Мазепы. В ней жили Вера Константиновна Охота и ее муж

Сергей Федорович Вошинский, который работал в то время шофером грузовой автомашины в лесном инспекторате по улице Мицкевича.

Сергей Родионов и Василий Галуза по поручению Николая Максимовича Остафова отвечали за персональный подбор людей и отправку их в лес. О ходе подготовки докладывали непосредственно ему.

В данной операции участвовали еще двое — Павел Серов и Григорий Ярмоленко. Последний был непосредственно связан с патриотами, многим из них назначал места явок, приводил некоторых на явочную квартиру к Вошинскому, куда они должны были потом по сигналу явиться для отправки.

И когда Родионов и Галуза доложили о готовности, Николай Максимович назначил сбор и отправку патриотов на воскресный день.

— Сколько всего патриотов подготовлено на сей раз? — спросил Остафов.

— Шестьдесят два человека, среди них шесть женщин, — доложил Родионов.

— Конечно, все подготовленные нами люди должны попасть в партизанский отряд. Для этого надо продумать каждый шаг, каждую подробность обстановки и ситуаций, которые могут возникнуть на пути продвижения в отряд, — сказал Остафов.

— Да, шестьдесят бойцов мы возвращаем в строй, Николай Максимович. Это очень отраднo! — сказал Родионов.

— Во сколько сбор? Где? Назначены ли старшие? — интересовался Остафов.

— Сбор в девять утра. На квартире Вошинского. И еще часть людей соберется на базаре.

— Надо будет человек пятнадцать отправить тремя-четырьмя группами сегодня вечером самостоятельно к лесничевке, где уже будут люди из отряда. В составе одной из групп отправляйте и Мясоедову. Завтра же утром, как условлено, пусть собираются оставшиеся, там, где вы считаете нужным. Часть мужчин и все женщины могут собраться в квартире Вошинских. Как думаете?

— Совершенно верно. Так и решено, — подтверждал Родионов. — Остальные — вокруг и на самом базаре.

— А чья машина пойдет — Калинина или Вошинского? — осведомился Остафов.

— Как и было решено накануне, Николай Максимович, пойдет машина лесного инспектората, поведет ее сам Сергей Федорович Вошинский, — объяснил Галуза.

— Думаю, что мы все продумали и подготовили тщательно. Я бы еще вот что рекомендовал: часть людей, человек десять, в начале сбора отправить цепочкой по тому маршруту, по которому будет следовать машина, и постепенно их будут догонять и подбирать в машину. Этим преследуется две цели: не будет большого количества людей в машине в самом городе — легче будет ускользнуть от подозрений карателей. И второе — в случае перехвата машины полицией при выходе из города легче будет выкручиваться. Главное еще и то, что люди окажутся уже за городом и будут садиться в машину по пути.

— Да, это очень важно. Все будет учтено, — согласились подпольщики.

— Передайте Пантелею Карповичу — пусть обеспечит разведку маршрута. Необходимо знать каждую минуту перед отправкой машины — нет ли заслонов в сторону Золотиева на Городок, — предупредил Остафов боевых соратников. — Желаю успехов! — участливо сказал Николай Максимович, пожимая всем руки. — Я, наверное, буду присутствовать при отправке товарищей. Прошу меня не узнавать...

Все организаторы данной операции чувствовали ответственность за жизнь патриотов, доверивших им свою судьбу. Но все это переживал каждый по-своему. Родионов всю ночь не мог уснуть. Он уже в сотый раз обдумывал каждое свое действие. И лишь к рассвету он немного задремал.

Василий Галуза и Дмитрий Лисейкин, отправив группу людей с вечера в лес, урегулировали другие вопросы, наладили связь с лицами, покидавшими город, распределили роли между отдельными из них и сразу после наступления комендантского часа пришли домой, уснули крепким сном. А когда на дворе начало сереть, они уже готовили отправку, уточняли последние вопросы. Их беспокоило теперь основное: сумеет ли Сергей Федорович вызвать грузовик. На всякий случай «на якорях» стоял Иван Калинин.

Сергей Вошинский в субботу раньше обычного загнал в бокс свой грузовик. Побегал домой, умылся, одел чистый костюм, взял корзинку, приготовленную женой, и отправился к шефу гаража. Постучался. У распахнутой двери встретил самого хозяина. Тот встретил недружелюбно, но, обратив внимание на корзину в руках Сергея, подумал, что тот пришел просить машину, чтобы ехать в лес по дрова, и сразу подобрел, пригласил пройти в кухню.

В этот раз Сергей принес живую курицу, полсотни яиц, с килограмм сливочного масла. Вручая все это немцу, сказал:

— Прошу, пан шеф! В благодарность вам за машину в прошлый раз! Дрова мне очень необходимы. Я еще хочу попросить вас разрешить мне воспользоваться машиной — договорился с лесником, тут неподалеку за городом он мне выделил дрова, уже готовые. И, если можно, со мной поедет Яков Белянин, шофер. Не откажите, пан шеф, в долгу я не останусь!

— Ну что с тобой поделаешь! Бери машину, но хочу предупредить тебя — надо быть очень осторожным. В лесах, я узнал, появились какие-то бандиты! — говорил шеф.

— Что вы, пан шеф, в такой холод в лесу никто не сможет продержаться. Этого быть не может! — удивлялся Вощинский.

— Ладно, иди. Я позвоню на проходную, чтобы тебя пропустили с машиной.

— Спасибо! Спасибо, пан шеф! — услужливо раскланиваясь, удалился из квартиры Сергей.

Утром, оформив путевой лист, Вощанский выехал из ворот гаража и подкатил на машине к дому номер 12 по улице Мазепы. В квартире его уже ожидали Мария Пыжанкова, Ксения Марчук, Мария Гладько, бежавшая от угона в Германию, Нина Паталаха и жена Сергея Вера Охота.

На столе стоял дымивший паром чугунок только что сваренного картофеля в мундирах; в голубой миске стояли огурцы, рядом — квашеная капуста. Хозяйка несмело поставила на стол бутылку с самогонем.

Как только грузовик подъехал к дому, в него также сели Николай Пыжанков, Александр Лазарев, Макар Москалев, Дмитрий Ключико, Степан Носенко, и чуть позже — Григорий Ярмоленко.

Хозяйка пригласила всех к столу:

— Садитесь, товарищи, позавтракаем все вместе и выпьем за счастливую дорогу.

Хозяин провозгласил тост:

— За счастливый благополучный путь, товарищи!

Все подняли рюмки, чокнулись.

После завтрака появился связной от Галузы. Он передал команду, чтобы трогались в дорогу. Все вышли к машине — кто с узелками, кто с рюкзаком, разместились в ее кузове.

Последними вышли Сергей Вощинский и Вера Константиновна Охота. Сергей дважды повернул ключ в двери, подергал за ручку. Все было закрыто, Сергей поспешил к машине. Вера трижды перекрестилась. Повлажневшими глазами окинула все вокруг, никого не заметив рядом, прильнула губами к ручке двери своего дома, быстро повернулась и поспешила за мужем.

В ее голове вертелась мысль: «Куда приведет нас эта дорога — к свободе или обратно в этот же город, на виселицу?»

Николай Максимович Остафов специально решил пойти по улице Мазепы, чтобы посмотреть, как идет отправка. Но он вел себя как посторонний человек. «Почему они задерживаются, почему машина так долго стоит возле дома? Скорее! Скорее! Надо уезжать, иначе кто-то из полицейев, гестаповцев обратит внимание — и провал, полнейший провал может случиться! Да и среди самих людей, которые отправлялись в лес, могли найтись провокаторы!.. Ведь такое страшное время...»

Но вот он заметил, как по чьей-то команде машина тронулась, поехала прямо, а затем свернула на другую улицу, остановилась. И здесь в кузов уселась еще группа людей с вещами, корзинками и небольшими свертками. Между ними даже не было никаких приветствий, словно никто друг друга не знал — таковы были условия поездки.

Вдруг Николай Максимович увидел, как к машине подошли три полиция. Ну все, предательство! Но тут же к машине подошли Павел Серов, Григорий Ярмоленко, и словно из-под земли вырос Василий Галуза.

— Куда следует машина? — спросил один из полицейев.

— А вам куда понадобилось ехать? — опередил шофера с ответом подоспевший Ярмоленко.

— На Александрию, Костополь нам, — ответил полицей.

— О, нет, братцы, нам не по пути с вами. Мы на Клевань! — объяснил Григорий.

— Ну, тогда с Богом! — взмахнул один из полицейев, поворачивая от грузовика.

Остафов невольно обернулся, когда его кто-то тронул за локоть. Рядом стоял Родионов.

— Уходим, Николай Максимович! — тихо проговорил тот.

— Как там, на выходе из города, постов еще нет? — спросил Николай Максимович. — Не опасно ли будет проехать?

— Там есть посты, только наши, Николай Максимович, немцев там нет. Об этом сообщил полчаса тому назад Терещенко!

— Вот и хорошо. Терещенко — человек серьезный. Значит, пока можно быть спокойным.

Николай Максимович Остафов и его боевые друзья со стороны незаметно наблюдали, как Григорий Ярмоленко ходил вокруг автомашины, трогал ногой скаты, будто проверяя их состояние. Но он в то же время незаметно наблюдал за прилегавшими улочками, далее — за пустырем с разрушенными домами, за проходившими изредка людьми, которые,

возможно, следят за машиной. Не обнаружив никого подозрительного, он залез в кабину к Сергею, и в тот же миг грузовик плавно покати́л вперед. Из открытого кузова машины мужчины и женщины — кто с тоской, кто с чувством скрытой радости — молча прощались с городом. Они не знали, что ждет их впереди, как будет пролегать их дорога в тяжелой партизанской борьбе с врагом.

Остафовцы, которые оставалась в городе, также думали о том, как сложится судьба этих людей. Сколько испытаний предстояло им впереди!

Но вот машина скрылась за поворотом...

По пути Вошинский останавливал машину, подбирая отдельные группы патриотов, которые, согласно договоренности, уже вырвались за город. Позади остались села Золотиев, Бегень, Городок. Наконец подъехали к лесу. Проехали еще некоторое расстояние, углубились в глухой лес. Кругом была тишина.

Машина остановилась. По условленному сигналу из-за деревьев показались партизаны. Встретились с вновь прибывшими. Когда подсчитали приехавших, оказалось — их было сорок пять человек.

Партизаны приняли всех приехавших. Сорок пять патриотов! Благодаря усилиям остафовцев они встали в строй на борьбу с ненавистным врагом в глубоком тылу. Народные мстители — Григорий Ярмоленко, Семен Шаканов, Александр Лебедь и Дмитрий Ключко — стали командирами взводов. Щедриков и Мария Гладко — лихими пулеметчиками, Мария Пыжанкова — санитаркой, Петр Дорохов — начальником хозяйственной роты. Павел Бессмертный — оружейным мастером, Николай Павлов и Федор Степашко — политруками рот. Дмитрий Макаренко и Иван Чепурных — командирами рот соединения Шитова. Против гитлеровских оккупантов они сражались до полного изгнания фашистов за пределы Советской Родины.

ДЕЛОВАЯ ВСТРЕЧА

В сквере Богомолова, заложенном еще до Отечественной войны, словно стебельки, тянулись тоненькие саженцы ясеня. Здесь в воскресный день ранней весной собрались Николай Остафов, Сергей Родионов, Василий Галуза, Пантелей Терещенко и Михаил Твердохлебов. Трое, усевшись на самодельную скамейку, слушали рассказы стоявших

рядом товарищей и часто, прерывая их вопросами, дружно и громко смеялись.

Казалось, эти люди пришли сюда только за тем, чтобы весело провести свободное время в кругу своих приятелей в общей беседе. Ничто вокруг их не беспокоило и не интересовало. Подобное впечатление сложилось и у дежуривших вокруг двух немецких патрулей, которые, проверив документы у незнакомцев, удалились в сторону улицы Немецкой, насвистывая флировольный мотив.

— Жандармы ушли, — вполголоса заговорил Остафов. — Теперь продолжим наш «веселый» разговор. На чем мы остановились?

— Какие наши задачи на первое время, — напомнил Родионов, продолжавший все еще в целях конспирации негромко посмеиваться.

— Так вот, вспомнил, — снова тихо проговорил Остафов. — Перед нами стоит задача организовать звенья нашего подполья. Вспомните, на прошлой встрече разговор мы вели о том, что при подборе людей следует их тщательно проверять всевозможными способами. Ведь понимаете сами — один ненадежный человек может погубить все... Надо искать и вовлекать в подполье прежде всего коммунистов. Впоследствии каждый из нас не спеша будет организовывать глубоко законспирированные группы. Группы можно создавать из трех, пяти, шести, семи человек, можно до десяти! Группы должны быть изолированными одна от другой. Понимаете сами: в случае провала это поможет избежать гибели всех членов подполья.

Внимательно слушавшие его товарищи старались не проронить ни единого слова. Они понимали всю важность и сложность предстоящей подпольной работы в тылу беспощадного врага. Тем более, что действия проходили в «столице» оккупированной Украины — Ровно.

Николай Максимович продолжал:

— Расширять подполье начнем бойцами из рядов военнопленных коммунистов и комсомольцев. Они есть в ровенских лагерях, а также в госпитале по Дворецкой. Об этом я хорошо знаю. Есть там и стойкие люди среди медицинского персонала, среди бывших наших военных медиков, попавших в плен. С некоторыми из них я установил непосредственную связь. Так что в самое ближайшее время нам предстоит важная работа, — Николай Максимович сделал паузу и продолжал:

— Наряду с этим вам следует завести знакомство с чиновниками магистрата и работающими там лицами, которые в ряде случаев не по собственной воле работают у немцев. Они также нам пригодятся для оформления наших товарищей по заданию подполья на определенную работу в

эти же учреждения. Не менее важным является создание явочных квартир, где бы можно было, не опасаясь посторонних глаз и ушей, встречаться, обсуждать наши действия, намечать планы, хранить оружие — делать все то, что необходимо в данное время...

— Я так понимаю, это вопрос очень сложный. Тут и провал более вероятен, поэтому и люди должны быть особо тщательно проверены, — вставил Василий Галуза.

— Правильно понимаешь. Да, задача сложная, но она вполне осуществима! Все будет зависеть от нас. На и без этих квартир никак не обойтись. Готовить квартиры надо особенно тщательно. Изучать хозяев издалека, осторожно узнавать человека через его знакомых по работе, в случайных разговорах. Надо искать семьи командиров Красной армии. Это могут быть очень надежные люди... — Остафов медленно прохаживался со своими собеседниками по скверику, незаметно наблюдая за происходящим вокруг. — Следует также узнавать, кто из жителей города при панской Польше, а возможно, и при царском самодержавии подвергался гонениям со стороны этих властей. Выявлять сочувствующих Советской власти. Такие люди в нашем подполье будут на вес золота. Прошедшие через тюрьмы и муки, они с горячим патриотизмом вступят на дорогу борьбы против фашистских варваров и при любых обстоятельствах не изменят великому делу освобождения родной земли от «коричневой чумы». Но хочется еще раз подчеркнуть: подбирать людей нужно с максимальной осторожностью!

— А как быть с оружием? — спросил Сергей Родионов, когда Остафов закончил говорить. — Без оружия подпольщикам не обойтись!..

— Оружие, сами понимаете, мы должны добыть у врага. Пока взять его больше нигде. И вообще, я так думаю: гитлеровцы должны нас снабжать всем необходимым для борьбы. Конечно, доставать все это нам придется с помощью силы, смекалки. Это будем делать чуть-чуть попозже, а сейчас основная наша задача — в глубокой тайне развить подполье, присматриваться к людям, изучать их. Мы должны знать, кто чем дышит, но агитация наша должна быть осторожной. Вселять веру в наших людей о конечной победе над фашизмом — это тоже одна из важных задач, стоящих перед коммунистами. Агитировать нужно на примерах, которые можно взять из гитлеровской действительности. То, что пишут гитлеровцы в своих бульварных газетах, — это одно, а то, как страдает наш народ, какие жертвы мы несем сегодня, жестокость, с которой сталкиваемся на каждом шагу, — это уже реальность и практические примеры.

Мы должны верить в свой народ. Ибо народ — это наша сила, слава и гордость. И наша задача сейчас — поднимать народ на борьбу, спланивать его и руководить им.

...Остафов весь преобразился. Его тихий бархатный голос от волнения срывался на высокие нотки, а впалые серые глаза светились задорным огнем, щеки его покрыл заметный румянец, желваки вздрагивали... Собеседникам редко приходилось видеть Николая Максимовича таким возбужденным. Он продолжал:

— Друзья, товарищи... Коммунисты! Так поклянемся же сейчас, что никакие муки, даже смерть не поколеблют нас в борьбе... Смерть немецким оккупантам на нашей земле! — сдержанным голосом вдруг призвал Родионов, стоявший рядом с верными друзьями с крепко сжатыми кулаками...

— Клянемся! — шепотом ответили все. — Клянемся! Клянемся!

Подпольщики, воодушевленные разговорами и призывами, не замечали того, что в небе плыли большие косматые облака, закрывая холодное солнце, и дождь уже собирался ливнем упасть на стонущую землю, чтобы смыть с нее позор фашистской оккупации, пролитую кровь борющегося народа и последние островки потемневшего снега.

Сегодня, как никогда за последний год, окрыленные верой в победу своей Родины, они не чувствовали того, что холодный ветер пронизывает насквозь их ветхую одежку, дырявую в заплатках обувь, пробирается к их телам, истощенным недоеданием, великими муками, перенесенными в фашистских лагерях. Сегодня каждый из них был готов на любой подвиг, и никакие пытки, даже самая ужасная смерть, не могли остановить их порыва к самоотверженной борьбе.

— В такое тяжкое время все нами пережитое и вся наша борьба кажутся совсем незначительными. Хочется сделать в десять раз больше для того, чтобы наша Родина стала свободной, а народ наш — счастливым. Эх, с каким интересом я понаблюдал бы через телескоп за Марсом, за покрытой туманами Венерой, — мечтательно заговорил Остафов. — В моих довоенных научных исследованиях эти планеты занимали не последнее место... Какой там материальный мир? Есть ли растительность? Есть ли условия для развития жизни?..

Друзья! Вот увидите: закончится война, и наши ученые изобретут такие совершенные приборы и летательные аппараты, при помощи которых можно будет достичь многих планет и даже побывать на Луне... По-видимому, это будут ракеты, как предполагал отец русской авиации академик Жуковский, человек большого и разностороннего творческого

ума. Я уверен, все это будет, обязательно будет, и в недалеком будущем. Человек обязательно начнет завоевывать космос и даже осваивать его. Если бы не вероломное нападение фашистов, чего бы уже достигли советские люди! Вы только вдумайтесь хорошенько... — Остафов все продолжал:

— Не будь этой проклятой войны, мы достигли бы очень многого для всего человечества, ибо в планах советских ученых нет ни края, ни конца, и я уверен, этим планам не помешает никакой враг! Даже такой жестокий, как германский фашизм! Он лишь оттянет на некоторое время осуществление этой заветной мечты.

— Не оглядывайтесь! — предупредил Галуза. — Появились патрули. Они нас пока еще не заметили.

— Да уже и без них пора расходиться, — сказал Остафов.

— Пойдемте, товарищи! — обменявшись рукопожатиями, они по двое разошлись в разные стороны. Остафов отправился один.

Два фельдполицая подошли к тому месту, где недавно стояли коммунисты. И, положив руки на автоматы, висевшие у них на груди, колючими глазами долго смотрели в сторону соседней улицы, по которой удалился последний человек.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТОРЖАНКА

— На территории, прилегавшей раньше к бывшей советской границе, действовало подполье коммунистов и комсомольцев западных областей Украины. Подполье когда-то самоотверженно боролось против польского помещичьего произвола, его члены пытались свергнуть пилсудщину и установить в этих краях Советскую власть. Многие из них, как известно, погибли в застенках польских тюрем, другие выжили и в настоящее время, возможно, живут здесь, среди нас, в этом городе. Причем я глубоко уверен в том, что они не отказались от прежних своих идей и, безусловно, ищут связей с коммунистами, оставшимися по заданию партии на оккупированной врагом территории. Но никто из нас не нашел таких товарищей и пока не связался с ними. В этом состоит наше упущение, — так говорил Николай Остафов. — Предлагаю, товарищи, заняться этим вопросом вплотную. Согласны?

— Конечно, согласны! — одобрительно отозвался Василий Галуза.

— Такие люди представляют для нас большую ценность, — поддержал Пантелей Карпович. — В городе они, конечно, есть, их просто найти надо. Я уверен, что у нас это получится.

Согласились с этим предложением и Михаил Твердохлебов и Сергей Пантюшенко.

— Тогда наряду с остальной работой занимайтесь и этим вопросом! — уверенно сказал Остафов.

...Летом 1942 года Павел Серов — «Деркач» — познакомился с Клавдией Кирилловой, женой офицера Красной армии, который был на фронте. А через Клавдию он познакомился и с Ольгой Голдованской.

Первоначально подпольщики изучали поведение обеих женщин, а когда убедились в их патриотических настроениях, Терещенко вместе с Серовым посетил Ольгу Голдованскую. Вскоре Терещенко переселился в ее квартиру, здесь он стал сапожничать. Эта квартира стала конспиративной для остафовского подполья. Здесь Терещенко посещали Дмитрий Лисейкин, Сергей Пантюшенко, Павел Серов, Николай Прятка. Бывал здесь и руководитель ровенского коммунистического подполья Николай Максимович Остафов. В этой квартире подпольщики неоднократно проводили свои тайные совещания.

Терещенко, сапожничая по вечерам, по прошествии определенного времени в непринужденном разговоре выяснил у Ольги, что ее мать до революции проживала в Белоруссии, а в период Первой мировой войны вместе с Ольгой и ее сестрой по неизвестным для Ольги причинам уехала на Украину. В пути следования на Украину мать Ольги познакомилась с одним человеком, артистом по профессии, и он увез трехлетнюю Олю с собой. Сестра ее уехала с матерью и, как выяснилось позже, потерялась в пути. Оля о них ничего не знала.

Так уж случилось, что тот человек оставил ее на произвол судьбы. Оля стала беспризорной, и волею судьбы оказалась в семье владельца ресторана в городе Остроге на Ровенщине.

После 1920 года Острог оказался на территории панской Польши и стал пограничным с Советским Союзом. На его окраине пролегал польско-советская граница. Оля росла в этой семье, работала в ресторане разнорабочей, затем стала поваром.

Работая здесь, Оля была вовлечена в «Русское общество», руководителем которого был в то время некий Ваня. По его заданию Оля нелегально переходила границу, бывала на советских пограничных заставах, посещала пограничный город Славуту, расположенный неподалеку от границы на советской стороне. Возвращалась обратно, снова и снова уходила.

Советским пограничникам Оля передавала сведения, которые их интересовали, а от них приносила указания для «Русского общества».

Однажды она со своей подругой пошла на танцы. Здесь ей вдруг стало плохо и, потеряв сознание, она упала на пол. Танцевавший с ней сержант с польской пограничной заставы, проявив беспокойство, оказал ей помощь. Он поднял ее на руки и унес в соседнюю комнату, уложил на диван. Оля не хватало свежего воздуха, она задыхалась. Тогда сержант-пограничник разорвал воротничок ее блузки и зацепил цепочку висевшего на ней медальона, к которому был прикреплен миниатюрный пакетик. Все это он изъясил у Оли. (Как оказалось впоследствии, сержант являлся сотрудником польских разведорганов.) В пакетике из папиросной бумаги был список подпольной группы из «Русского общества», который был составлен для советской разведки. Побывав на танцах, Оля должна была сразу отправиться на советскую сторону и, передав пакетик пограничникам, возвратиться обратно в Острог.

Теперь же все погибло. Подпольщики были арестованы польской пограничной полицией, в том числе, конечно, и Оля. В период следствия она находилась в камере-одиночке Острогской тюрьмы. Затем польским судом была приговорена к смертной казни через повешение. Но Пилсудский амнистировал Олю как женщину, заменив казнь десятью годами тюрьмы.

Хозяин ресторана, приемный отец Оли, приложил все усилия к ее освобождению, и после пяти лет тюремного заключения она вышла на свободу, но проживать в приграничных районах ей запрещалось, и она выехала в глубь Польши. Первоначально проживала в городе Люблине, вышла замуж, затем переехала в город Ровно.

Накануне начала военных действий гитлеровской Германии с панской Польшей муж Оли был мобилизован в польскую армию и отправлен на фронт, где в сентябре 1939 года попал в плен к немцам, и с того времени Оля о нем ничего не знала.

Окутившись в Ровно, Оля работала поваром в различных столовых, затем торговала на базаре фруктами, так и жила.

— Боже мой, вся моя жизнь тернистая, изломанная, покалеченная! — заключила она.

Теперь Оля жила на южной окраине Ровно по улице Леси Украинки, номер 4, в деревянном одноэтажном домике, состоявшем из одной комнаты, кухни и небольшого коридорчика. Здесь ее застала фашистская оккупация.

Оля подружилась с женой офицера Красной армии Клавдией Кирилловой, жившей неподалеку от нее по улице Торговой. В первые дни войны с гитлеровской Германией муж Клавдии, комиссар артиллерийского полка Кириллов, был в составе части направлен к границе на Буге. Клава, будучи уверенной в силе Красной армии, не спешила эвакуироваться, ожидала известия от мужа. Но события быстро опередили все ее ожидания. Обстановка резко изменилась. Части Красной армии, в которых находился Кириллов, отступали с боями на восток. Клавдия, потеряв связь с мужем, кинулась было эвакуироваться, но, оказалось, уже поздно. Она отправилась на восток пешком, но в тот же день фашисты захватили Ровно, а другие колонны врага, охватив своими клещами город, очутились далеко впереди, и ей в удрученном состоянии пришлось возвратиться обратно. Подруги встретились вновь. Горевавали, советовались, что же дальше делать? Страшно переживали, что Красная армия отступила. А когда немецкие власти стали преследовать не работавших в их учреждениях горожан, было решено — Оле нужно оформляться на работу.

— Иди, Оля, поступай на работу, специальность у тебя хорошая. Может, и мне пособишь немного кусочком хлеба, — советовала Клава.

Вскоре Ольге удалось поступить к Кранкенгаузе подсобной рабочей, а затем и помощником повара на кухню в госпиталь по улице Зеленой. И теперь, будучи связанной с остафовцами, Ольга выполняла отдельные поручения Пантелея Карповича и Павла Серова (Деркача). А когда встал вопрос о приобретении оружия для подполья, она вызвалась помочь и в этом нелегком деле.

Терещенко обратился к Ольге Михайловне:

— Как вы думаете сделать это?

— У меня есть хорошая знакомая фольксдойче, — поделилась Оля с Терещенко. — Она убирает квартиру офицера райхскомиссариата Украины Шрайбера, а у последнего есть автомат. Вот у кого я и планирую его «занять».

— Где живет этот Шрайбер? — поинтересовался Терещенко.

— На противоположной окраине города. Вблизи лагеря по Пшениной улице.

— Будьте осторожны, Ольга Михайловна, — предупреждал Терещенко, — ибо ваши опрометчивые действия могут губительно отразиться не только на нас, но и... сами понимаете, — недоговорил он.

— Знаю, постараюсь не подвести! — уверенно отвечала женщина. — А сама продолжала посещать свою знакомую фольксдойче. Помогала ей чистить сапоги ненавистному оккупанту, стирать и гладить

белье, убирать квартиру и в то же время изучала обстановку: расположение квартиры, входы, запоры дверей, а вскоре заметила и унесла запасной ключ от входной двери.

Спустя месяц после пропажи ключа летним утром 1943 года Ольга ушла на задание, предварительно проконсультировавшись с Терещенко. С собой она взяла Клавдию. По дороге она объяснила подруге, что начиная со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра Шнайдер справлял свои именины — пятидесятилетие.

— А где он сейчас? — в свою очередь поинтересовалась Клава.

— Утром опохмелился и побежал на работу. Квартира уже убрана, я проследила. Уборщица ушла домой. Ты здесь прохаживайся на всякий случай, а я быстренько сама... — и осторожно оглянувшись по сторонам, Ольга решительными шагами приблизилась к двери, моментально открыла ее ключом и скрылась за дверью. Клавдия с волнением считала минуты. Сердце ее учащенно билось. «Скорее, скорее выходи!» — мысленно торопила она подругу, с волнением оглядывая улицу.

Но вот дверь приоткрылась. Появилась Ольга. Не спеша закрыв дверь на ключ, не оглядываясь, она подошла к Клаве и сказала:

— Пошли, все в порядке!

— Как, взяла автомат? — удивилась подруга. — Где же он?

— А вот здесь, — Ольга чуть отвернула полу плаща, и Клава заметила оружие. — И не только автомат, но и обоймы с патронами прихватила. В карманах лежат, — спокойным голосом докладывала Ольга, словно ничего особенного и не случилось.

— Ну и молодец же ты, Оля! — прошептала Клавдия взволнованно. А спустя полчаса Терещенко уже пожимал руки Ольги и Клавы, горячо благодарил мужественных женщин.

Позже, когда Павел Серов с Дмитрием Лисейкиным проводили группу патриотов из Ровно на «маяк», они воспользовались подарком Ольги в обороне товарищей от оуновских бандитов, пытавшихся помешать им в пути.

* * *

Голдованская проработала на кухне Кранкенгаузе до мая 1943 года, а затем уволилась и трудилась по хозяйству дома. У нее появилось больше свободного времени, и теперь она выполняла любые поручения остафовцев.

Терещенко на первом этапе формирования подполья мастерил в будке возле базарчика, а теперь уже стал настоящим сапожником. Он перетаскивал свой столик на новое место и в свободное от подпольной работы время усердно клепал старые подметки, возился с потрепанной обувью, примерял, порол, летал, стучал молотком, создавал видимость лихого мастера. К нему на встречу под видом заказчиков приходили подпольщики и тут же, заинтересованно наблюдая за его работой, решали вопросы подполья.

Все вроде шло хорошо. Но искалеченные экземой руки Терещенко не давали покоя бедному сапожнику.

Ольга сочувственно относилась к заболеванию своего квартиранта и не упускала случая посоветоваться с компетентными людьми, намереваясь с помощью народных средств облегчить его страдания. Но ничего не получалось. Экзема на его руках не проходила, а временами воспалялась еще больше.

— Пантелей Карпович! — обратилась к нему как-то Ольга Михайловна. — Есть у меня один знакомый — хороший человек, по специальности зубной техник.

— Что вы имеете в виду? — спросил Терещенко, не поняв вначале, чего хочет Оля.

— Хотела бы его пригласить к нам, возможно, он сможет помочь вам или у него есть знакомые врачи, умеющие лечить экзему.

— А кто он такой, как его фамилия? — заинтересовался Пантелей Карпович.

— Зовут его Евгением, фамилия Ткаченко. Он работает в Кранкенгаузе по улице Зеленой.

— Спасибо вам за беспокойство, — согласился Пантелей Карпович. — Можно будет его пригласить к нам в воскресенье, кстати, в тот день будут мои именины.

— Хорошо! — воскликнула хозяйка. — На именины и приглашаю. Договорились?

— Конечно! Только, Ольга Михайловна, других вопросов никаких не задавать, ни о чем не говорить, — попросил Терещенко.

— Конечно, я же понимаю, Пантелей Карпович! Как вы могли подумать о чем-то? — с ноткой обиды проговорила Оля.

...В воскресенье состоялось небольшое празднество. На именинах Терещенко познакомился с зубным техником и завел с ним откровенный разговор. Последний оказался Терещенко человеком, внушающим доверие.

Действительно, Евгений оказался исключительно чутким товарищем. На второй день он отвел Терещенко к знакомому врачу-дерматологу и представил как своего близкого друга, попросив оказать помощь. Тот внимательно исследовал руки больного, назначил лечение. Через несколько дней Терещенко немного полегчало.

А Пантелей Карпович сблизился с Евгением Ткаченко настолько, что со временем вовлек его в подпольную работу.

«ФИГОВЫЙ ЛИСТ»

— Товарищи! Мы сегодня собрались для того, чтобы вскрыть реакционную сущность, направленность и функции так называемого «Украинского допомогового комитета»*. Давайте обменяемся мнениями по этому вопросу! — предложил однажды Николай Максимович Остафов. — Предоставим слово Пантелею Карповичу!

Терещенко сказал:

— В последние несколько недель активизировали свою деятельность профашистские элементы столицы во главе с Кононенковой. Я имею в виду украинских националистов. Да, да. Мадам Кононенкова в настоящее время даже с советскими военнопленными стала заигрывать. Комитетом во главе с Кононенковой проводится усиленная антикоммунистическая агитация среди военнопленных украинцев. По селам собирают сухари, которыми поддерживают в лагере тех, кто лестно отзывается об Украинском допомоговом комитете, об украинских националистах, кто соглашается с «новым порядком» в Европе, злобно высказывается против большевиков. Не скупится Кононенкова и на обещания: мол, украинцы тогда заживут по-новому, когда Германия овладеет всеми просторами России. Гитлер лично позаботится об украинском населении...

Затем слово взял Николай Максимович:

— Формы и методы борьбы фашистов против нашего народа различны. Так называемый «допомоговый комитет» — это звено в составе гитлеровских оккупационных властей. Вот что из себя представляет УДК. Во второй половине сентября 1939 года на территории оккупированной

* Украинский допомоговый комитет (УДК) — антисоветская организация, созданная во время Великой Отечественной войны для оказания помощи оккупантам // См. об этом, например: URL: www.ukrstor.com

Польши с согласия немцев под различными названиями были созданы украинские националистические организации: народные рады, вспомогательные комитеты и другие. Следует подчеркнуть, — говорил Николай Максимович, — что с момента своего зарождения все эти организации состояли на службе гитлеровских фашистов, а их главари из числа эмигрантов с Украины втайне от народа были тесно связаны с фашистскими карателями, и деятельность всех организаций направлялась гестаповскими молодчиками.

В октябре 1939 года в Кракове немецкими властями была проведена конференция представителей отдельных организаций и комитетов. А 17 ноября 1939 года к генерал-губернатору доктору Франку явилась делегация украинских националистов во главе с Владимиром Кубийовичем и полковником Сушко, а от немцев присутствовали негласный представитель гестапо полковник Альфред Бизанц и Крупп.

Делегация подала Франку меморандум, в котором националисты заверяли фашистов, что они полностью отдают себя на службу гитлеровской Германии. Так был совершен акт предательства за спиной неосведомленных масс западно-украинского народа. Тогда же генерал-губернатор Франк благословил создание объединенной организации на территории Западной Украины.

В июне 1940 года гитлеровские власти утвердили устав центрального органа правления местными комитетами, назвав его «Украинским центральным комитетом» (сокращенно — УЦК). УЦК фактически и юридически является органом генерал-губернаторства и фашистской национал-социалистической партии по работе среди украинского населения на территории генерал-губернаторства. Состоя на службе у гитлеровцев, УЦК всецело выполнял волю и указания генерал-губернатора Франка. А функции их состояли в следующем:

- 1) агитация и мобилизация украинской молодежи на работу в Германию;
- 2) мобилизация взрослого населения в так называемую Украинскую службу Отечества;
- 3) помощь немцам в выколачивании различных налогов с населения;
- 4) разведка против советских патриотов, действующих среди фашистов;
- 5) злостная клевета на советскую действительность и восхваление гитлеровского «нового порядка».

УЦК имеет ряд отделов, в том числе отдел «помощи» пленным и голодающим. Эту «помощь» советским военнопленным УЦК осуществляет

под руководством ставленника гестапо полковника Альфреда Бизанца. «Помощь» эта, как известно, является фиговым листом, оказывается только лишь на словах, а на деле немцы продолжают вывозить из лагеря ежесуточно по несколько сотен заколоченных трупов людей, погибших голодной смертью.

Злодеяния немцев против советских людей, в том числе и на территории Украины, здесь, в городе Ровно, прикрывает Кононенко. Своими иезуитскими действиями она пытается усыпить бдительность ровенчан, задобрить их и настроить против борющихся советских патриотов. На мой взгляд, нам с вами сейчас как никогда необходимо усилить бдительность, кропотливо и последовательно отслеживать и анализировать коварные действия этой ядовитой змеи Кононенко и намечать свои контрмеры против профашистского националистического ядра.

Нам с вами, товарищи, следует доводить реакционную сущность этого комитета в целом и его главаря Кононенко, в частности, до наших низших звеньев подполья, а самим уметь и осторожно маневрировать, чтобы не попасть под подозрение этих прожженных молодчиков. Перед народом надо их разоблачить полностью.

Над Ровенщиной, стонущей в фашистской оккупации, уже властвовала весна 1942 года. На деревьях набухали почки. Кое-где уже выделялись нежной зеленью отдельные деревья. За городом, на холмистых нивах, люди вспахивали после зимней спячки глинистую землю, сеяли ячмень, овес, сажали картофель. А по центральным улицам города на Восточный фронт двигалось пополнение гитлеровских армий. О победе над гитлеровской Германией в эти дни могли мечтать лишь преданные до фанатизма патриоты социалистической Родины. Подпольная партизанская борьба разворачивалась с большой силой, народ-гигант подымался на смертный бой.

НОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Теплая июньская ночь. Город, утопающий в зелени, беспокойно спит. В темно-синей лазури мерцают далекие звезды. Чуть ощутимый южный ветерок даже не тревожит листья деревьев, отливающие серебром в лунном сиянии. Безмятежное сияние серпанка* опускается на

* Серпанок — молодой месяц (*диал.*).

тихие и узенькие улочки, отцветшие сады, доверчиво приютившиеся около домов. Ночной влажный воздух, насыщенный ароматом цветов и молодой травы, присущим только чудесному и неповторимому в своей красе июню, вторгается со стороны луга и речки.

Казалось бы, природой все создано для жизни людей. Только строить человеческие отношения, жить и наслаждаться! Но теперь об этом можно было лишь мечтать. Коварные гитлеровские звери нарушили покой народов Европы...

...Бледный свет луны мерцал на касках патрульных, равномерно шагавших по Замковой улице. На груди фашистов висели вороненные автоматы. Они негромко переговаривались между собой, зловеще озирались по сторонам. Фашисты понимали, что тишина обманчива, что край этот им чужой и что за их злодеяния народ их не простит.

Там, где улица упиралась в развалины старинного замка, патрульные остановились. Молча постояли, прислушались к окружающей их тишине. Настороженно вглядывались в развалины, поросшие бурьяном да чертополохом. Патрульные развернулись и, позвякивая подковами о базальтовые «кости» мостовой, таким же медленным шагом удалились, не заметив того, как в тени под хатой притаились двое, пережидая, пока они уйдут.

— Где?

— Кто-то вон на том доме листовки развешал, — сообщил старик. — Говорят, много листовок расклеили на домах и заборах!

— Интересно, кто мог такое свинство совершить? Ведь в городе, кажется, так все спокойно, — безразличным тоном поинтересовался Василий.

— Я сам удивляюсь, — пожимая плечами, отвечал старик. — Но мне лишь одно стало понятным — борьба против швабов разворачивается!

...В конце того же дня в мастерскую к Терещенко зашли Василий Бурим и Митя Лисейкин.

— Ну как, друзья, все обошлось? Кажется, все благополучно? — спросил Пантелей Карпович.

— Как и следовало ожидать, все тихо! — сохраняя внешнее спокойствие, отвечали подпольщики.

— Молодцы! Вот вам еще пара десятков, — протягивая Лисейкину пакет, сказал Терещенко. — Когда надо будет пустить их в дело, я сообщу. Пока спрячьте их у себя понадежнее. Пропаганда сегодня — наше главное дело. Наряду с этим необходимо разведывать данные о законспирированных предателях, немецких лазутчиках, собирать информацию

о штабах немецких карателей и войск, дислоцирующихся в городе. При каждой возможности старайтесь добывать оружие, боеприпасы, военное снаряжение. Оно понадобится нам в недалеком будущем...

ПАТРИОТКИ

В сентябрьские дни 1941 года из заурядной хатенки, расположенной на окраине города Ровно, в районе бывшей бурсы, на вымощенную булыжником улицу Мицкевича выходила стройная, среднего роста женщина. Она несла чем-то наполненные ведра, обвязанные сверху чистой марлевой тряпкой. Обычно мать сопровождали две юркие черноглазые дочурки — семилетняя Вера и шестилетняя Надя.

На пути им встречались вооруженные фашисты из различных служб охраной полиции, гестапо, СД. Некоторые из них даже пытались заигрывать с симпатичной женщиной, выражая умиление ее детьми. Улыбались им, «шпрехая» что-то по-немецки.

Понимая намерения «новых хозяев», женщина словно не замечала их, она гордо и целеустремленно проходила мимо, спускалась вниз по улице, осторожно пересекала главную улицу города, которая называлась тогда Дойче штрассе, далее следовала по улице 17 Сентября и появлялась на улице Громова, разделявшей жилые кварталы города с лагерем смерти.

Женщину с милыми детьми неподалеку от проволочной ограды лагеря часто встречали жители южной окраины города. Ее знали не только жители этого района, но и многие советские военнопленные, томившиеся по ту сторону колючей проволоки.

Ведра передавались через охрану лагеря, их содержимое тщательно проверялось, переливалось в здешнюю посуду, а сами ведра возвращались хозяйке. Женщина продолжала ходить до тех пор, пока охрана лагеря принимала передачи.

Это была вдова — Антонина Васильевна Кулаковская, два брата которой, Сергей и Юхим, служили в карательных органах врага.

— Откуда же ты, Антося, берешь столько продуктов? — поинтересовались как-то знакомые этой женщины.

А дело было так. Антося трудилась на разных поденных работах, растила и воспитывала, как уже было упомянуто выше, двоих дочерей. Однажды она стала свидетелем такой картины: из лагеря советских военнопленных, расположенного на южной окраине Ровно, увозили на

фурманках и машинах много окостеневших трупов, некоторые были в солдатской обтрепанной одежде.

Антося не поверила своим глазам, остолбенев, стояла неподвижно. «Боже мой, — подумала она, — неужели так поступают “хозяева нового порядка” с моим народом?» И она нашла ответ: «Значит, они пришли сюда, чтобы уничтожить мой народ, а оставшихся в живых превратить в рабов!...»

Возвратившись домой, она долго не могла уснуть. А когда рассвело, Антонина ужа хлопотала у плиты. Накормив детей, она поспешила в том направлении, в котором вчера скрылись транспорты с замученными воинами.

Вот что она увидела. Противотанковые рвы планомерно заполнялись трупами, которые потом присыпались известью, а затем все засыпалось землей.

С того дня Антонина Васильевна ежедневно начала посещать лагерную охрану и приносить пищу для голодающих военнопленных. Она стремилась накормить все больше и больше людей, встречавших ее на подступах к лагерю, сквозь два ряда колючей проволоки. Они с тоской провожали ее чуть тлеющими огоньками глаз.

Антонина Васильевна работала на бойне разнорабочей, отсюда она могла принести обрезки. Дома она готовила незатейливый суп с картофелем и доставляла почти ежедневно в лагерь — к гауптвахте. Истощенные воины между собой звали ее матерью, тогда как она была не старше многих из них.

«Наверное, кто-то из ее родственников там, за проволокой оказался», — злорадствовали местные предатели. Но, как выяснилось, в лагере не было никого из родственников или знакомых Кулаковской. Она просто в меру своей человеческой совести, гуманности, сочувствуя страдающим людям и из растущей в ней ненависти к фашистам оказывала помощь военнопленным. На вопросы любопытных она отвечала: «Наш долг — помочь советским людям, которых швабы морят голодом».

Нередко Антонине Васильевне удавалось за пол-литра самогонки, кусок сала, масла или несколько пачек сигарет плюс некоторые ухищрения освобождать из лагеря людей. Этому она очень радовалась. Но тут же приходили новые заботы. Надо было доставать этим людям документы, определять их на работу и жительство куда-то в близлежащие села или на хутора. Она принимала живое участие и в помощи другим воинам, которым удавалось вырваться из лагеря. Много таких обездоленных встречалось тогда на дорогах Ровенщины.

Не всегда она знала их настоящие фамилии, имена, но это не смущало ее. Многие из этих людей впоследствии попадали в подполье Остафова, в партизанские соединения Ковпака, Сабурова, Федорова, отряды Медведева, Прокопюка, Карасева, Шитова, а также в действующую Советскую армию.

Но вскоре фашистская военная администрация запретила принимать передачи пленным от гражданского населения. Голод свирепствовал в лагере и продолжал с еще большей силой косить пленных. Смертность усилилась. Подход к проволочному ограждению лагеря был строго воспрещен. Охрана стреляла в граждан, приближавшихся к запретной зоне, без всякого предупреждения. И теперь, оказавшись совсем бессильной помочь пленным с питанием, с болью в сердце Антонина Васильевна вынуждена была смириться с этим положением. Она стала реже появляться возле лагеря, но больше стала искать людей, нуждавшихся в помощи, которые скрывались без документов.

Весной 1942 года Антонина Васильевна приютила у себя бежавшего из плена Петра Яременко. А немного спустя при помощи добрых людей ей удалось сменить место жительства. Семья Кулаковской переехала в двухэтажный дом по улице Хмельной, и поселилась на втором этаже в двухкомнатной квартире с отдельной кухней и запасным потайным выходом в коридор и на чердак. Но тогда Антонина Васильевна и не предполагала, что этот потайной выход так пригодится ее боевым соратникам.

На первом этаже в этом доме жила Лидия Майер — фольксдойче. Двдцатисемилетняя женщина среднего роста, Лидия Майер занимала отдельную квартиру, состоявшую из комнаты с кухней.

Спокойный открытый характер Лидии, ее сдержанность и достойное поведение заслуживали внимания порядочных людей. «Вот молодец женщина, живет одна, без мужа, а не водится с этими мародерами-гитлеровцами», — говорили между собой жильцы соседних домов.

Сразу после переезда на улицу Хмельную Антонина Васильевна и Лидия Майер познакомились, а вскоре стали задушевными подругами.

— Жаль, Антося, — говорила Лидия, — что запретили людям жизнь спасать. Меня хоть и срамили неоднократно, что, мол, фольксдойче, а этим большевикам помогаешь, а я бы и сейчас последнее им отдала. Где записано, в каких законах, чтобы люди так страдали? Нигде! Здесь настоящий произвол...

Приходя друг к другу в гости, Лидия и Антося просиживали вечера за разговорами, возмущались людским горем, чтобы как-то скоротать

время, играли в карты. Они приглядывались к людям, осторожно искали надежных единомышленников.

Не раз Антося упрекала своего брата:

— Ты зачем полез на службу к варварам? Сережа! Народ так страдает! Зачем нужна тебе эта служба? Неужели без нее не мог обойтись?!

— Служить служу, но людей не терзаю! — отвечал брат. — Вот подберу момент и уйду. Ведь не так-то это просто. Без причины не отпускают, — оправдывался Сергей.

Во время таких разговоров Лидия молча слушала брата и сестру, ни во что не вмешивалась, иногда вовсе уходила...

ПОДПОЛЬЕ ПРИ ШТАБЕ ПИКЛЕРА

— Родился я 30 марта 1914 года, — докладывал Володин старшему группы остафовского подполья. — Есть такое местечко на Сумщине — Середино-Буда. Сразу за Мерщиной, за пределами его района, стоит могучий Брянский лес! Наверное, слышали про такой, товарищ Деркач?

— Ну как же, слышал! — уверенно ответил Павел.

— Хотя и работаю у вражины за кусок хлеба, но душа-то у меня советская, был комсомольцем и остался верен своей Родине навсегда, душа к делу рвется, — продолжал Володин. — Я окончил четырехлетнюю школу. Дальше учиться не смог, так как остались мы без родителей — они умерли рано. В документах пишуь украинцем, в действительности же я русский. Да и в Буде у нас в обиходе русский язык, все на нем говорят. Как русский человек люблю и предан своей Родине. Но вот как случилось — плен, лагеря, позор...

Не знаю, как к нам отнесутся в России, но, клянусь Богом, в плену оказался не по своей воле! Вот и сам понимай теперь, кто я — свой или чужой? Эх, будь она проклята, такая жизнь, фашист проклятый, сколько он нашего брата уничтожил...

Володин опустил на бревно, обхватил свою стриженую голову руками и оставался так некоторое время в полном волнении и отчаянии.

— Ну что ты, Кирилл, не отчаивайся! — успокаивал его собеседник. — Дело исправлять надо. Мы с тобой остались живы, ходим по земле. Надо подымать народ, братья за оружие. Уничтожать фашизм!

— Конечно, я согласен с тобой, я о том же думаю все время! — со страстью в голосе сказал Володин.

— Вижу, парень ты решительный! А в каких частях служил? — спросил Деркач.

— Я был мобилизован в армию 12 июня 1940 года, — рассказывал Кирилл Трофимович Володин, — с повесткой и рюкзаком за плечами явился в Середино-Будский райвоенкомат и в составе отобранной команды прибыл в распоряжение штаба Новоград-Волынского укрепрайона. Там был зачислен солдатом в состав 86-го отдельного пулеметного батальона. Здесь меня и захватила проклятая война!..

Он снова затих, как будто обдумывал то, что с ним произошло. Затем поглядел на собеседника: видимо, пытался понять, все ли можно ему рассказывать честно? Ведь познакомились они совсем недавно. Может и провокатором оказаться, немцами может быть подослан...

Деркач, словно догадавшись о думах Володина, сказал:

— Рассказывай, браток, все начистую, я тебя не выдам... Я свой человек, разве, ты думаешь, честных людей уже нет?..

— Ну что ты, конечно, надо говорить честно! — согласился Володин. — Службу я проходил на старой границе, у самого села. Дзоты были замаскированы бревнами, хворостом. Неподалеку от нас, в ложине, прорезанной тысячелетиями, лениво плескалась Случь. Дальше раскинулась холмистая местность, степь. Встречались перелески, колосились нивы золотой пшеницы, виднелись вдали темно-синие гривы родного леса. Здесь обучались военному мастерству красноармейцы. Шла будничная солдатская жизнь.

Каждый из нас мечтал отслужить действительную службу, возвратиться в родную Буду, построить свою семью. Но, как видишь, не вышло.

Кирилл развел реками, замолчал.

— Ну а дальше что было? — участливо поинтересовался Деркач.

— Дзоты своими амбразурами были устремлены на запад. Солдатам разрешалось обучаться лишь в отдельных. Остальные, в основном, пустовали. Стояли молча, притаившись, словно кого-то ожидали. Боевая техника с них была снята, складирована отдельно. И лишь в комендантские дни в этих дзотах появлялись солдаты. Они проводили профилактику — снимали старую смазку с металла, чистили и снова смазывали заново. Затем снова оставляли эти осиротевшие притаившиеся крепости.

И вот, хотя и чувствовалось какое-то напряжение, здесь, в укрепрайоне, протекала обыденная солдатская жизнь. С самого утра часть солдат, как и прежде, по увольнительным отправлялась в Новоград-Волынский. Другие в сопровождении сержантов и офицеров уходили к Случи на купанье. И война уже началась, а жизнь не менялась.

И лишь когда в 12 часов 22 июня по радио прозвучал голос Молотова, все словно спохватились и осознали опасность начавшейся войны. В этот же день орудия, пулеметы и другая боевая техника были возвращены на прежние места, в дзоты, и их жерла сурово устремились на запад. В тот же день войска заняли боевые позиции. Солдаты толпились у замаскированных крепостей. Томительно и долго тянулись военные дни. И вот уже по дорогам Житомирщины начали отступать наши войска. Могучий грохот техники, сопровождаемый взрывами артиллерийских снарядов, бомб и мин, приближался. Но тут случилось непонятное. Столкновение миновало. Грохот продолжался по обеим сторонам Новоград-Волынского укрепрайона и, охватив его, словно гигантскими клещами, удалился в восточном направлении. А все тот же 86-й пулеметный батальон в непонятном ожидании оставался на прежнем месте. Даже солдатам стало ясно, что гитлеровские войска, прорвав нашу оборону на главном направлении и обойдя укрепрайон с двух сторон, двинулись по главной магистрали на Житомир. Батальон укрепрайона оказался в кольце врага.

Лишь в середине августа батальон вышел из дзотов и двинулся в северном направлении. Впереди пролежала Мархлевская военная дорога. В лесу завязался сильный бой, длившийся почти сутки. От учебной роты, в составе которой сражался и я, осталось лишь несколько десятков бойцов. Они потеряли почти всех своих командиров, которые, показывая личный пример в бою, бросались вперед и погибали. Оставшиеся группами стали прорываться из окружения.

Я вместе с лейтенантом Порохницким и сержантом Николаем, уроженцем Алтая, вырвались из вражеского кольца и бродили по лесам Житомирщины целых десять дней. А день 24 августа стал для нас роковым. Обстрелянные немцами на лесной дороге, мы разбежались в разные стороны. Я был пленен и очутился за колючей проволокой Житомирского лагеря. С того дня я стал живым свидетелем трагедии своего народа. А самому мне сколько пришлось хлебнуть горя!

Володин остановил свой рассказ, а думы его витали над житомирским, затем ровенским лагерями смерти. Сколько товарищей по оружию ушло из жизни!

— Ну, а здесь в каких отделениях побывал? — снова спросил его собеседник.

— Сразу попал в лагерь по Киевскому шоссе, что напротив кладбища «Габник» на окраине города. Позднее отправили в другой, центральный, по Здолбуновскому шоссе. Начальником здесь был предатель по кличке «Борода». Ох, и гадом он оказался! Сколько народной крови

им пролито! А каких людей погубил!.. Вот веришь, Павел, здесь горю человеческому не было ни конца, ни края. Чистый ад!..

— Я верю тебе, сам там побывал! — сказал собеседник. — А вот теперь, на воле, будем мстить врагу за содеянные им злодеяния. О тебе мне Ващенко рассказал.

А дело было так.

За колючей проволокой, в лагере моральный дух был не у всех, как говорят, на высоте. О скорой победе над гитлеровцами могли говорить тихо только люди, свято верившие в нее и прошедшие большую закалку в революционной деятельности, а гитлеровская военщина уже топтала своими сапожищами огромные просторы нашей Родины. О том, чтобы немедленно, сегодня же Красная армия могла круто повернуть гитлеровцев назад, на запад, без потерь и поражений, даже и мысли не было. В такой сложнейшей обстановке для этого требовались время, людские ресурсы, военная техника. Люди это понимали. Но находились и такие, которые падали духом, не видели никакой надежды.

В лагере постоянно через рупор объявлялось о разгроме Красной армии, о завоевании таких-то городов, территорий, местностей. Требовались усилия, чтобы все это осмыслить, проанализировать, отделить правду от лжи. А главное — требовалась большая вера в свою Родину!

Попадались и изменники Родины, которые и распространяли всякие нелепые слухи. Как-то в узком кругу пленных, среди которых находился и Володин, один из таких изменников сетовал:

— Вот посмотрите, не пройдет и месяца, как немцы чай будут пить в Москве...

— Перестань, это же глупо, — возразил кто-то. — Немцу никогда не бывать в Москве!

— Ага, ты еще не веришь, — возмутился предатель, обращаясь к одному из красноармейцев. — Вот, крест святой! Уверяю, что так будет!

— Замолчи, ты, подлец! — продвинулся вперед Володин.

— Это ты большевистский агитатор, — не унимался предатель. — Посмотришь, посмотришь, если доживешь, как немец будет в Москве!

Кирилл весь побагровел, задержались его желваки, он от возмущения даже глаза закрыл. И тут его худая жилистая рука сжала солдатский ремень и, уже не владея собой, он мертвой хваткой прижал предателя, стараясь вцепиться ему в горло.

— Что ты, Кирилл, брось! — удерживал его Иващенко.

— Пусти сейчас же! — завопил предатель. — Посмотрим, где ты сейчас окажешься! И все же по-моему будет, немец войдет в Москву!..

Эти слова окончательно вывели Володина из терпения. Медная пряжка солдатского ремня блеснула над головой и врезалась в череп предателя. Брызнула кровь. Тот, как подкошенный, упал на землю.

— Ну, где будет немец? Пададь ты несусветная! Говори! Говори! — шипел над ухом предателя Кирилл. — Запомни: не видать немцу Москвы, как своих ушей! — с твердой уверенностью протянул Володин, удаляясь от толпы военнопленных.

Предатель очнулся лишь ночью. За это время Кирилл облачился в другую одежду, которой обменялся со своим земляком, и теперь отсиживался в закоулках лагерных трущоб среди многотысячной толпы военнопленных. Товарищи его не выдали.

Из лагеря Володину удалось выскользнуть весьма удачно. Вскоре после случившегося в лагерь вошел офицер интендантской службы, сопровождаемый комендантом лагеря. И когда по распоряжению последних собралось несколько сот военнопленных, было объявлено:

— Сапожники, шорники, портные есть? Выходите!

— Только предупреждаю, — сказал офицер, — кто попытается обмануть — плохо будет. Требуются настоящие мастеравые!

— Ему верить можно, как думаешь? Не отправит ли на свалку? — осведомился Кирилл у стоявшего рядом Ващенко.

— Нет, не отправит, — заговорил Василий. — Они евреев шестнадцать тысяч расстреляли, истребили мастеровых, а теперь их, сволочей, обшивать некому, вот и рыщут среди нашего брата. Нужны дармовые руки!.. Пойдем, если смекаешь что-либо в этом деле! — советовал Ващенко.

И Володин решился. Он решительно шагнул вслед за Василием вперед и стал последним в сформированную неровную шеренгу. Фашисты прошлись взад, вперед, подобно коммерсантам разглядывали приобретенную скотину, строго поглядывали каждому в запавшие от голода глаза. Интендант кивнул в знак благодарности коменданту лагеря за даром приобретенную рабочую силу и направился к воротам. А вслед за ним на улицу «СС» привели группу мастеровых, в том числе Василия Ващенко и Кирилла Володина. Их определили в сапожно-портняжную мастерскую при военном тыловом штабе. «Вот и гнем спину здесь на хозяина “нового порядка”», — закончил свое повествование Володин.

— Кто у вас шефом? — поинтересовался Деркач.

— Обер-лейтенент Пиклер!

— А где у вас склад с оружием, боеприпасами?

— Склад трофейного оружия и боеприпасов расположен на этой же территории, им заведует фельфебель Вигна. Пиклер и Вигна оба немцы.

— Хорошо, Кирилл! Мы к этой теме еще вернемся. Но помни, это будет главный наш вопрос! — предупредил Деркач. — Ну, а дальше как?

— В эти мастерские со мной попал и мой друг по лагерю — политрук Красной армии Василий Ващенко, я о нем уже рассказывал. Он работает электромонтером. Иногда чинит немцам радиоприемники, тайком Москву слушает и кое-какие новости нам передает. Хороший парень! Мы уже начали создавать группу патриотов, а вот как конкретно действовать, еще не знаем, — признался Володин.

— А еще есть хорошие товарищи? — поинтересовался Деркач.

— Есть такой, Никитюк, мой сослуживец из стрелково-пулеметного взвода, затем Иванков, бывший интендант, и другие, все из нашего батальона.

— Ну что ж, если так все складывается у нас, при штабе Пиклера могут быть серьезные дела. Поработаем вместе. Только прошу вас обо мне никому не говорить. Хорошо?

— Ну что ты, Павел! — двинул плечами Володин. — На меня можешь положиться, как на самого себя.

С того времени при мастерских немецкого военного штаба возникло звено остафовского подполья, созданное Павлом Яковлевичем Серовым (подпольная кличка — Деркач). В него вошли старший сержант Василий Ващенко, лейтенант Алексей Иванков, Кирилл Володин, Алексей Зарва, Никитюк и другие.

Получив разрешение Деркача, Володин на второй день встретился с Ващенко и обо всем ему рассказал. Тот высказал свое одобрение и добавил:

— А помнишь, Кирилл, как мы с тобой бродили по пригородным селам в надежде связаться с партизанами, а возвращались ни с чем? Я еще тогда был уверен, что напрасно мы теряли время. В самом городе патриоты есть, они рядом. Ну что, прав я был? Я давно подозревал, что Деркач связан с подпольем, умный он парень!

— Да, ты был прав, Василий! Жаль только потерянного времени, — констатировал Володин.

— Ничего, мы перед немцами в долгу не останемся, нагоним все, что потеряли! Вот только осторожными нам надо быть, не нарваться бы на

provokatora, это очень опасно! А все остальное пойдет хорошо! — произнес Ващенко.

Хотя люди и вырвались из-за колючей проволоки, они продолжали голодать. Немцы заставляли их безустанно работать, а кормили все той же лагерной баландой. Постепенно городские жители узнали, что в мастерских трудятся голодные военнопленные, и стали приносить им продукты питания, одежду — кто что мог. Пленные немного ожили, у них появилась надежда на спасение.

Большую активность в этом благородном деле проявила Розалия Ковнацкая, жившая со своим мужем Владимиром Броневицким в глухом переулочке-отроге Красноармейской улицы, в доме номер 42. С самого утра Розалия ходила по домам, собирала все, что люди давали ей, затем приносила домой, в огромном казане готовила пищу и относила ее в мастерские Пиклера. Немцы искоса поглядывали на женщину, но не запрещали ей передавать продукты питания военнопленным. Нужда и потребность в рабочих руках заставили немцев смотреть на это сквозь пальцы. Ковнацкая продолжала свое бескорыстное и благородное дело. Рабочие с сыновней благодарностью относились к ней. А когда однажды Володину удалось стащить со склада трофейный автомат, Рузя (так называли ее военнопленные) отнесла его домой и упрятала неподалеку от хаты, в развалинах. Затем по указанию Володина передала автомат Деркачу. В своих казанах Рузя переносила гранаты, боеприпасы и передавала их по назначению. С того времени она и стала активной участницей остафовского подполья.

А Володин познакомился и подружился с девушкой из пригородного села Тютюковичи Валентиной Тихоновной Петручук. Знакомство их состоялось во время передачи Валец продуктов военнопленным. Вскоре Валя стала его боевой подругой по подполью, а впоследствии они поженились.

Василий Ващенко встретился в Ровно с Екатериной Чуль, вместе с ней он был в подполье, затем они тоже поженились. Екатерина вместе со своей мамой Агафьей Чуль и двумя сестрами жила в Ровно по улице Леси Украинки, 13. Квартира Агафьи Чуль являлась конспиративной квартирой подполья. Сюда Валя Петручук доставляла похищенную Володиным взрывчатку и боеприпасы. Все это передавалось на хранение сестрам — Надежде и Екатерине Чуль. После ухода Василия Ващенко в отряд его жена Екатерина была арестована и казнена. В городе Ровно в настоящее время проживает их дочь Галя.

* * *

...Однажды, когда над городом уже опускались сумерки, Рузя спешила домой. Близился комендантский час, появляться на улицах в это время было небезопасно. Немцы окликали прохожих с расстояния и, если кто-то не останавливался, стреляли без предупреждения. Вдруг она увидела идущего ей навстречу человека. Подумала: «Кто же это может быть?» И вдруг узнала и сразу окликнула:

— Николай! Бондарчук!

— Тетя Рузя! — в свою очередь воскликнул Бондарчук.

— Какими судьбами ты здесь, Коля? — поинтересовалась женщина, зная, что он до войны работал шофером в НКВД.

— На прожнем месте живете? — встречным вопросом ответил Николай.

— Да, на прежнем. Ты заходи, Коля, к нам, дорогим гостем будешь. Мы с Володей не раз тебя вспоминали...

В ту же ночь Николай Бондарчук, воспользовавшись приглашением Рузи, заночевал в их семье как у своих довоенных знакомых, ничего не зная об их подпольной работе. И лишь утром, прощаясь, Николай признался:

— Долго буду помнить, как вы спасли меня от нависшей беды...

А обстановка в тот вечер сложилась так. Полковник Дмитрий Медведев дал Николаю Бондарчуку такое задание: «В Княжем переулке, у самого парка Шевченко, проживает наш, но не совсем еще проверенный человек. Сегодня он крайне интересуется нас». Описав его внешний вид, полковник предложил встретиться с ним, назвать пароль: «Привет из Минска». Отзыв звучал так: «Я ждал из Варшавы». После этого нужно было передать записку и, ни о чем дальше не разговаривая, срочно возвращаться в отряд.

Николай нашел нужный адрес, вошел в дом. Женщина и двое детей находились в комнате. Вскоре вошел мужчина. Николай определил, что это тот самый человек, и пригласил его в кухню, где был назван пароль: «Привет из Минска». Хозяин замялся. Смерил гостя с ног до головы. И, не отвечая отзыва, предложил: «Подождите, я сейчас», а сам скрылся за дверь.

Николай поспешил за ним, но не тут-то было. Хозяин исчез. Не стал дожидаться его и разведчик, понявший, что тот отправился докладывать немцам! Николай быстро ушел из квартиры. Скрылся. Но ночевать ему было негде. Спасибо Рузе, попавшейся ему навстречу.

С тех пор Николай Бондарчук, посещая с заданиями город Ровно, останавливался у Розалии, а отсюда снова возвращался в отряд. Но однажды, оказавшись в переулке и чуть было не повернув к Рузиной хате, он встретился с человеком, которого раньше на машине лично доставлял в НКВД. Этого человека звали Романом. Роман, увидев Бондарчука, шарахнулся в сторону, но тут же, овладев собой, стал поспешно удаляться. Оглянувшись, с угрозой прохрипел: «Ага, вот где ты обитаешь!..» В тот раз они разошлись, но Николай тут же обязан был покинуть город.

Как-то Николай решил провести свою мать Ольгу Максимовну, жившую в отдаленном от города хуторе Дывень. Напрямик через поле он пробрался к родному дому. Вокруг стояла глухая ночь. Николай, прислонившись к стене дома, вслушивался в тишину. Возможно, кто-то заметил его и подстерегает. Сердце учащенно билось. Наконец он решился и постучал раз, второй в окно комнаты, в которой всегда отдыхала мама. Приоткрылась дверь, они обнялись, Ольга Максимовна поцеловала своего сына.

— Коля, родное мое дитяtko, ты жив! Храни тебя Бог, я потеряла всю надежду тебя увидеть! Откуда ты взялся здесь? — волнуясь, спрашивала Ольга Максимовна. — А бандиты часто наведывались ко мне, все тебя спрашивают. А вот не так давно слух прошел, что ты погиб... — заплакала мать. — Ты хоть не попадайся им в руки, замучают, катюги*. Сколько людей они здесь погубили!.. — шептала она.

Они тихо вошли в хату. Николай попросил не зажигать свет. Они продолжали разговаривать шепотом:

— А кто в селе с немцами заодно действует, мама? Кто народ мучает, кто главарь? — интересовался Николай, одновременно прислушиваясь к каждому постороннему шороху — не идут ли за ним.

В этот раз Николай покинул родной дом, когда на востоке зарделся рассвет.

— Теперь, мама, не знаю, когда снова навещу вас. Прощай, родная. Тужить не надо! Вернусь, когда наши придут, сполна рассчитаюсь с душегубами... — Николай прижался к холодной руке старушки, поцеловал ее и тихо прикрыл за собой дверь, скрылся в сизой дымке предрассветного тумана.

Ольга Максимовна еще долго стояла у хаты и вытирала фартуком катившиеся слезы, всматривалась туда, где, как ей казалось, все еще маячил

* Кат — мучитель, палач // *Н. Абрамов*. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : в 4 ч. М., 1999. Ч. 2.

силуэт сына. «Увижусь ли с тобой, дорогой сыночек, или ты ушел навсегда?» — шептали ее дрожащие губы. Но вокруг стояла тишина, никто не прошептал ей желанного ответа. Хотя сердце Ольги Максимовны и подсказывало, что она больше не увидится с сыном, она и не догадывалась, кто из них погибнет раньше.

После этой встречи Николай возвратился в отряд, в составе которого отправился в Карпаты.

Советские войска с ожесточением вели бои и продвигались по родной земле на запад, освобождая все новые и новые города и села от гитлеровских орд.

Ольга Максимовна встречала советских воинов в своей хате. Во дворе они мылись у колодца, в хате она угощала их горячей пищей, поила молоком, сообщала, какая обстановка в их селе.

Как-то в глухую ночь в хату ворвались вооруженные оуновские бандиты. Они обыскали все уголки в хате и на дворе и пригрозили матери: «Не скажешь, где твой сын — на куски изрубим!»

— Воля ваша! — отвечала мама. — Но не в банде он ходит. А вам советую выйти на верную дорогу!

— Ах так! Ты и нас пытаешься заразить тем дурманом, которым заразила своего сына! — прошипел главарь. — Гей, хлопцы, несите солому!

Ольга Максимовна, увидев это, всполошилась: что же они задумали, варвары?

— Ось так — тебе зарубаемо секирою, а хату спалимо, говори, де син є? Де Микола?*

— На то ви і є бандити. Зовуть вас душегубами. Прокляв вас український народ за ті звірячі вчинки, які коїте!** — сказала им Ольга Максимовна.

— Ага, ось як! — прошипел разозленный бандит. — Тоді ми не станемо свої руки мазати в твоїй крові! — Спалимо тебе живцем. — И позвал: — Сурмач, давай сюди мотузку!***

* Вот так — тебя зарубим топором, а хату спалим, говори, где сын? Где Николай? (укр.).

** На то вы и бандиты. Зовут вас душегубами. Проклял вас украинский народ за те зверские поступки, что вы творите! (укр.).

*** Ага, вот так! — прошипел разозленный бандит. — Тогда мы не станем свои руки пачкать в твоей крови! Спалим тебя живьем. — И позвал: — Горнист, давай сюда бечевку! (укр.).

Врезалась в мозолистые руки веревка, старушку привязали к железным ножкам кровати. Вокруг разбросали солому и подожгли ее.

— Ось так ми тебе, тітка? Ну, прощай!* — скалил зубы бандит, поджигавший солому.

— Боже мой, Боже мой! — шептала старушка в эти минуты. — Не попадись и ты, сынку, в руки этим душегубам!

...Не суждено было партизанской матери заживо сгореть. В этот момент неподалеку от хаты проходила группа советских солдат. Заметив в окне языки пламени, они кинулись на помощь.

Приближаясь к хате, солдаты заметили убежавших бандитов. Завязался бой. Майор Мегера выбил окно и посадил одного солдата через окно. Там он обнаружил старую женщину, которая лежала на полу без сознания. Задыхаясь в дыму, солдат приподнял старушку, но почувствовал, что ее что-то удерживает.

«Привязана!» — мелькнула мысль. Он финкой перерезал веревку и подтянул женщину к окну. Но силы покидали его. Женщину он все-таки передал на руки майору, который понес ее подальше от горящего дома. Солдат же упал на пол дома, потеряв сознание. Но тут же второй солдат вытащил через окно своего товарища, который был без сознания.

Из восьми бандитов двоих убили, одного схватили живым, остальные бежали. Но один из пленных указал место, где скрывались бандиты, и впоследствии их настигла суровая кара.

Вскоре Ольга Максимовна умерла от тяжких побоев бандитов и ожогов, полученных в горящем доме.

...Группа Ващенко занималась разведкой, подбирала новых патриотов для работы в городе и для отправки в отряд.

Володин по заданию Деркача старался войти в доверие своего начальника обер-лейтенанта Пиклера и фельдфебеля Вигны с тем, чтобы найти пути проникновения на трофейный оружейный склад.

Для того, чтобы проложить к ним дорожку, выяснить, в чем они нуждаются, на что могут клюнуть, Деркач поучал Володина:

— Мне уже сейчас известно, что Пиклер увлечен элегантными сапогами. Даже у меня интересовался, как их приобрести.

— Вообще-то у меня есть идея! — он вынул из кармана немецкие марки и, подавая Володину, сказал:

— Для начала возьми! Сорок марок. Надо приобрести набор на сапоги, и продумай, как ему в осторожной форме предложить его.

* Вот так мы тебя, тетка! Ну, прощай! (укр.).

Намеченный план блестяще удался. Пиклер с ходу клюнул на заготовки, и вскоре он уже примерял хромовые элегантные сапоги, которые и сделали свое дело: Кирилл Трофимович стал в глазах немца замечательным специалистом и стал пользоваться солидной репутацией как хороший мастер.

Чуть позже обер-лейтенант снова обратился к Володину. Дольметчер перевел:

— Шефу нужна еще одна пара сапог, такая же.

Володин посмотрел на Пиклера, нетерпеливо ожидавшего положительного ответа, одобрительно кивнул головой и с расстановкой уверенно добавил:

— Передайте господину шефу: если нужно — будет сделано!

Дольметчер снова перевел сказанное. Повеселевший обер-лейтенант тут же похлопал по плечу Кирилла:

— Корошо! Отчень корошо! Сделайт...

— Но мне нужен материал на колодки для голенищ, те у меня плохие! — сказал Володин.

Узнав через переводчика, что требуется, Пиклер пригласил Володина на трофейный склад, где они вместе выбирали материал на колодки. Здесь, на складе, Володин старался заметить все. На стеллажах и на полу валялось разное трофейное оружие, боеприпасы, гранаты, лежала сотнями килограммов взрывчатка, но в этот раз он не нашел материала для колодок, который якобы был ему необходим. Зато он увидел все то, что было крайне необходимо для подполья.

«Фельфебель Вигна является владельцем этого склада, но ходит в плохонькой, даже в заплатках обуви. Ему и только ему необходимо срочно сшить сапожки», — прикинул Кирилл.

На очередной встрече с Деркачом Володин доложил обо всем этом подробно. Внимательно выслушав собеседника, Павел воскликнул:

— Ну, Кирилл, и золотой клад ты обнаружил! Надо сделать все от тебя зависящее, чтобы мы с этого склада сумели кое-что получить в свои руки. Первое боевое задание: раздобудь патронов к пистолету «ТТ».

Володин изложил свой план действий и получил одобрение Деркача. Он приступил к его осуществлению...

В мастерскую к Володину заходили военнопленные Василий Борисов, Михаил Болдырев и другие. Между ними велись откровенные разговоры. Звучали тоска по родине, возмущение зверствами фашистов. Но Володин не знал тогда, что Василий Борисов уже состоит в подпольной группе Деркача и по заданию последнего давненько изучает его.

Однажды Володин беседовал с Деркачом, и к ним запросто подошел Борисов.

— Вы знакомы хорошо? — обратился Деркач. — Верите ли вы друг другу?

— Да, знаем и доверяем друг другу! — ответили в один голос Володин и Борисов, глядя друг другу в глаза.

«Значит вот кто Василий! Такой же участник того же подполья, что и я, — подумал Володин. — Никогда даже намеком не показывал своей связи с подпольем. Молодец он!» А вслух сказал:

— Тогда вот что, Кирилл Трофимович. С сегодняшнего дня все распоряжения подполья будешь получать непосредственно через него, — указал рукой на Борисова. — Со мной тебе встречаться в дальнейшем не надо. Василий живет рядом с городским базаром. Побываешь у него, обговорите свои дела, обсудите общих знакомых, определитесь, с кем из них можно встретиться, со временем и сблизиться, возможно, приобщить к нашей работе, а кого и вовсе отсеять. При необходимости вызывай меня на встречу!

— Значит, так, давай договоримся, Кирюша, где будем встречаться, где ты живешь, что это за семья? — Борисов сразу же приступил к решению деловых вопросов.

— Я живу в семье Гоменюков по улице Кавалерийской. Семья простая. Правда, их сын накануне войны был репрессирован органами Советской власти, судьба его неизвестна. Но несмотря на это Гоменюки не питают никакой злобы к Советам. Однако я считаю, что встречаться или хранить что-нибудь из оружия у них в доме не следует.

— Я такого же мнения! — одобрительно сказал Борисов. — Мы можем встречаться у меня, а иногда и на базаре.

...Получив от Володина еще одну пару военных сапог, Пиклер преподал их своему шефу. Володин вошел к Пиклеру в большее доверие. Он уже трижды побывал на трофейном складе Вигны, примеряя ему сапожки и разбивая их на колодках.

Сблизившись с фельдфебелем, Кирилл неоднократно доставлял на склад для Вигны самогонку, здесь же и распивал ее с ним. А узнав, что семья Вигны живет в нужде, Володин помог ему организовать посылочку. Такие действия подпольщика окончательно расположили к себе начальника склада трофейного имущества. Кирилл под большим секретом признался Вигне, что иногда выполняет «левые» заказы, и ему негде прятать заготовленный материал. Тут же и попросил Вигну, чтобы тот помог ему в этом деле, а он постарается отблагодарить его за эту любезность.

Понимая это как простую коммерческую сделку, фельфебель охотно согласился хранить на складе среди оружия и боеприпасов заготовки сапог и ботинок Володина. С того времени Кирилл стал частым посетителем трофейного склада. Он приносил туда колодки для изготовления обуви, для голенищ, хром на заготовки, подошву и тому подобное.

Первое задание было выполнено. Володину удалось вынести со склада полсотни патронов в пистолету «ТТ», которые он через Валю передал Деркачу. Другую партию патронов передал через Василия Ващенко. Дела складывались отлично, и Володина это окрыляло. «Хоть какую-то пользу я стал приносить подполью», — думал он.

Но вдруг как снег на голову свалилась новая опасность. Все работники мастерских были выстроены во дворе, и Вигна огласил им распоряжение высшего начальства о поднятии дисциплины, о запрете на любые контакты с незнакомыми лицами, так как в лесах действуют советские партизаны, которые могут проникнуть на территорию склада.

Вигна предложил докладывать немецкому командованию о коммунистах и комиссарах, возможно, появляющихся в городе, а также о других лицах, представляющих опасность для немецких властей.

Как только немец закончил свою монотонную речь, из шеренги вышел военнопленный Леонид Кузьминчук, работавший парикмахером, и, указав рукой на стоявшего рядом Василия Ващенко, заявил:

— Как же так получается? Я, сын офицера царской армии, замученного в тюрьме большевиками, сегодня нахожусь под надзором наравне с политруками-коммунистами?

Многие стоявшие в шеренге заволновались, ибо почти каждый скрыл свою прошлую деятельность в пользу Советской власти, и они не знали, кого из них Ленька решил выдать. Все молчали, никто не проронил ни слова!

— О ком ты говоришь? — насторожился Вигна. — Думаю, что среди присутствующих таких нет!

Ленька метнул змеиный взгляд на стоявшего напротив него в шеренге Василия Ващенко. Но указать на него сразу не решался.

«Меня!» — спазмы сдавили горло Ващенко. Он несколько раз кашлянул, думая, как поступить, когда тот покажет на него пальцем. Дело в том, что Ленька был двоюродным братом Ващенко. «Но, — думал Ващенко, — я ему никогда никакого зла не причинял, мы жили как братья. Если что, буду оправдываться. Ведь если я попытаюсь ударить Вигну и бежать, охрана меня сразу же прикончит».

— Ну, кто он, этот политрук? — наступал Вигна. — Говори, почему замолчал? Боишься? — он понял, что речь идет о присутствующем здесь человеке.

Ленька переступая с ноги на ногу, поглядывал исподлобья то на пленных, то прямо на Ващенко.

— Ну, говори, почему молчишь? Скрыть хочешь? — бесновался Вигна.

— Вот он! Василий Ващенко! — решился Ленька. — С детства его знаю.

— А, вот кто ты такой! — залепетал немец. — Пригнулся где, видишь...

— Да вы что, господин фельфебель, он дурной, что ли? Я никогда никем не был. Солдатом служил, это точно. Вот клянусь, был солдатом, — оправдывался Ващенко.

— Ничего! На всякий случай тебя закроем, а потом пойдешь в гестапо! Там быстро разберутся, кто ты на самом деле, — констатировал немец. — А теперь поручаю его тебе, Никитюк, бери его, отвечаешь за него головой. Я сейчас, — распорядился Вигна и куда-то ушел.

— Пошли в более безопасное место, — обратился Никитюк при всех к Василию. — А то, чего доброго, еще и убежишь.

— Да ты что, парень, куда мне бежать? Я ведь солдат.

«Врет он, подлый», — огрызнулся Ващенко, поглядывая на родича-предателя. И наконец понял: Володин кивком головы и взмахом руки торопит — мол, иди скорее. Может, все обойдется. «Никитюк, кажется, свой парень», — успокоился Василий.

— Ну, пошли же, чего ждешь? Не бежать ли на самом деле ты задумал? — строго обратился Никитюк и, взяв Василия за руку, повел от столпившихся мастеровых. Они прошли в помещение конторы и там, минуя охранника, через потайной ход вышли в другую часть двора. В этот момент из двора выкатывалась немецкая крытая машина.

— Гриша! — крикнул Ващенко, узнавший водителя.

— Что случилось, Вася? — осведомился водитель, заметивший отчаяние соотечественника.

— Опасность нависла, браток! Немцу мою родословную доложили. Сейчас придут из гестапо.

— Так быстрее в кузов! Какого черта мешкаешь? — прошептал Гриша. — Куда вас?

— До электростанции давай!

— По Млыновской?

— Да.

— А дальше?

— Дальше мы сами, без тебя!

— Хорошо!

Машина на большой скорости помчалась по улицам города и напротив электростанции затормозила. Ващенко и Никитюк моментально выскочили и скрылись между сельскими хатами, а машина умчалась своей дорогой.

Как только машина свернула на соседнюю улицу, во дворе появился сотрудник гестапо. Вигна в приподнятом расположении духа встретил его возле ворот и, яростно жестикулируя, стал о чем-то с энтузиазмом рассказывать. Затем они поднялись по ступенькам, прошли в помещение и скрылись за дверью. Спустя пять минут взволнованный Вигна выбежал во двор и, случайно встретив Володина, спросил:

— Где Ващенко и Никитюк?

— Не знаю, герр шеф! — ответил Володин, сделав удивленный вид. — Никитюк повел Ващенко в контору. Там, наверное, и сидят.

Напрасно Вигна суетился, бегая по всему двору и заглядывая в укромные уголки. Подпольщиков словно ветром сдуло. Их и след пропал, а Вигна отделался лишь небольшой неприятностью.

С наступлением сумерек Василий пробрался на хутор Татьяны Марковны, на всякий случай указанный ему Дмитрием Лисейкиным. Хозяйка хуторка приютила беглецов. А спустя два дня Василий Галуза в числе других организовал их отправку в отряд через оржевский «маяк».

Находясь уже в отряде, Никитюк сообщил о себе Василию: накануне войны тот служил вместе с Кириллом Володиным в 86-м пулеметном батальоне в звании старшего сержанта.

С того времени патриоты еще крепче подружились. Находясь в отряде Медведева, вместе громили фашистов и оуновские банды. Но 8 ноября 1943 года, самоотверженно сражаясь против войск «мастера смерти», Василий Николаевич Ващенко 1916 года рождения, уроженец города Красный Сулин, сложил свою голову в открытом бою в лесу под Берестянами. В начале войны он сражался в действующей армии в должности командира отделения войск НКВД. Еще не угас горячий бой и могучее русское «Ура!» катилось над лесом, когда в сырую болотистую могилу боевые друзья опустили его навечно...

Водитель автомашины Григорий не случайно согласился спасти подпольщиков. Он состоял в подпольной группе Арсентия

Мажуры, действовавшего в городе Ровно в качестве разведчика отряда «Победитель», о чем Никитюк и Ващенко не знали.

В группе подпольщиков, связанных с Мажурой, состояла и Мария Прилипко, которая по работе подполья была связана непосредственно с Гришей.

Судьба ее сложилась так же, как и у многих советских женщин. Муж ее, Александр Тимофеевич Прилипко, начальник второй части Гошанского райвоенкомата, в первые дни войны был отправлен на боевое задание. Его семья (жена Мария Антоновна, работавшая машинисткой в том же военкомате, с детьми — пятилетним Юрой и десятилетней Зиной) отправилась на восток. От мужа никаких известий она не получала. В дороге дети приболели, да и она сама тяжело заболела — так и оказалась на оккупированной врагом земле. Настали тяжелые дни. Не стало никаких средств для существования, и она возвратилась на Ровенщину. Думала, что, возможно, муж окажется где-то здесь, ведь он выполнял задание Родины.

Мужа она здесь не встретила, но добрые люди ее приютили. Она устроилась у старушки Цейко в одной общей комнате на улице Цвинтарной, в доме номер 16. В этом же доме, в соседней комнатке проживали сын Цейко Семен и его жена Янина. Янина Цейко являлась участницей подполья, руководимого легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым. Женщины пользовались одной общей кухней, жили в хороших добрососедских отношениях, помогали друг другу, но о причастности друг друга к партизанскому подполью ничего не знали.

Семья Цейко замечала, что красивый крепкий водитель грузовой немецкой автомашины выручал семью Марии — неоднократно привозил дрова, муку на хлеб, а бывало, и кусок сала. Гришу все знали как хорошего знакомого семьи Марии Прилипко, и не более.

Но однажды Мария Антоновна возвратилась к детям с пустыми руками, крайне удрученная.

— Что случилось, Марийка? — спросила Цейко.

— Да ничего не случилось, с чего вы взяли? — Мария решила ни о чем не рассказывать хозяйке. Однако сама ходила очень взволнованная.

— Не кройся от меня, дорогая, — заговорила старая женщина. — Не все же люди плохие. Если в силах, поможем тебе в твоём горе.

— Нашего кормильца немцы схватили! — призналась Мария.

— Кого же это?

Во время этого разговора в комнату вошла Янина. И тайна Марии перестала быть тайной...

Прошло несколько дней, и, установив место, где содержался Григорий, Мария решила отнести ему передачу.

— Не делай этого, Мария, — настаивала Янина Цейко. — Неужели ты не понимаешь, что эти людоеды могут всех нас уничтожить.

— Нет, Янина. Меня мучает совесть. Он моих детей столько времени кормил, а теперь, когда он в беде оказался, я должна ему кусок хлеба отнести! — решительно ответила Мария.

— Ну как, интересовались в гестапо, где ты живешь, Мария? — поинтересовалась старушка Цейко.

— Да, интересовались, окаянные. Даже адрес записали, — с волнением ответила Мария.

— И ты так спокойно говоришь об этом?! — упрекнула старушка, сорвавшись с табурета, и, подойдя к Марии, предупредила: — Тогда знаешь что, дочка, немедленно покидай этот дом. Беги, куда глаза глядят. За детьми мы с Яниной присмотрим. Неужели ты не понимаешь — тебе грозит беда...

— Спасибо, добрая мать. Сейчас продам канистру бензина, куплю детям хлеба, и в путь, — согласилась Мария. Она вышла и вскоре явилась с канистрой в руках, наполненной бензином. Обращаясь к хозяйке, сказала:

— Сейчас покупатели придут. Обменяю бензин — и в дорогу.

В этот момент со двора донесся топот, сопровождаемый немецкой гортанной речью.

— О Боже! — тихо запричитали женщины. Янина Цейко бегом кинулась спасать детей Марии. Она схватила их и быстро втокнула к себе в комнату.

Марию схватили и вместе с канистрой посадили в грузовик.

— Мало того, что связана с партизанами, так она еще и бензином торгует, — словно в свое оправдание сказал офицер, покидавший квартиру Цейко последним.

На второй день после ареста Марии те же немцы снова посетили квартиру Цейко. Они добивались выдачи детей Марии Прилипко Юры и Зины, угрожая всем расправой.

— А вчера еще, как только вы уехали, подъехал какой-то шофер и увез детей, — объяснила Янина. Это же подтвердила и старушка. — Кто их увез и где они сейчас находятся, мы не знаем.

На самом деле детей Марии Янина немедленно отправила на окраину города Ровно, в село Дворец к Евгении Фоминой. Там они скрывались и воспитывались до прихода в Ровно советских войск.

Каратели произвели обыск в обеих квартирах и удалились ни с чем.

Как впоследствии было установлено, Мария Антоновна Прилипко и Григорий были расстреляны фашистами во дворе Ровенской тюрьмы.

Борьба патриотов Родины продолжалась... Когда оккупанты уже собирались бежать на Запад, для создания среди них паники и недоверия ко всему окружающему командованием отряда было решено произвести взрывы на некоторых объектах в Ровно. К таким действиям готовились и остафовцы совместно с Михаилом Шевчуком.

Обстановка в мастерских Пиклера немного сгладилась. Володин закрепил свое доверие у Пиклера и Вигны. Еще несколько пар сапог совсем расположили к нему обоих фашистов. Подбирая удобные и выгодные для себя моменты, Володин вместе с Вигной, а иногда и с Пиклером появлялся на глазах охранников, прохаживался вместе с ними по мастерским, стал чаще бывать на трофейном складе, заходил туда с портфелем, в котором что-то лежало, уходил тоже с полным портфелем. Рядом с ним были оба шефа. Охрана знала Володина как человека, к которому сам хозяин трофейного склада и всего штаба мастерских относится с полным доверием.

Но это Володина не устраивало. Ему необходимо было добиться такого положения, чтобы охранники не вздумали проверить его портфель на проходной. И лишь случай блестяще решил эту задачу. Произошло это так. Володин на приобретенном им велосипеде появился у проходной. Охранник, обративший внимание на туго набитый портфель, прикрепленный к багажнику, остановил его, заставил раскрыть портфель и, обнаружив в нем перу заготовок хромовых сапог, обозвал его вором и попытался задержать. Тут словно из-под земли появился Пиклер. Он остановил вахтера, распорядился возвратить портфель и отпустить Володина. И тут же вызвал старшего вахтера и приказал:

— Володина с сегодняшнего дня на проходной на проверять и не задерживать. Он выполняет мои и Вигны поручения и заказы. Ясно?!

— Яволь, герр обер-лейтенант! — щелкнув каблуками, отвечал старший вахтер, выбросив руку вперед.

— Нужно было раньше нам сказать, Кирильо, что выполняешь заказы шефа, — неловко заговорил старший вахтёр, оставшись с Володиным наедине. — Я бы дал распоряжения тебя не обыскайт! Но я тоже хотел иметь красивый сапоги!..

— Будет сделано! — пообещал Кирилл. Отойдя немного, он обернулся и, встретив провожающий взгляд вахтенного, предложил: — Заходите завтра ко мне, мерку сниму. Хорошо?

— Хорошо. Буду заходить! — раболепственно согласился последний...

— Так вот, Кирюша, подполью нужны взрывчатка, капсюли и бикфордов шнур! — объяснил Василий Деркач Володину на очередной встрече. — Как там твои дела? Приручил уже немцев? — И, не ожидая ответа, продолжил: — Из всех видов взрывчатки лучше применять толовые шашки по 200 и 400 граммов. Ты и раздобудь их. Шнур и капсюли бери разные, какие попадут под руки. Но будь осторожен, не горячись. Условия прежние: трофеи вези к «пану доктору» на квартиру (так звали в подполье Василия Борисова). Вот пока и все! А если его не окажется на месте, то к Валентине или к Екатерине.

В этот же день Володин на велосипеде приблизился к проходной и без проверки был пропущен в город, где посетил хорошего мастера сапожного дела — пана Червяковского, с которым был знаком и раньше. Попросил у него колодки и уложил их в портфель, затем возвратился в мастерские через проходную. Вахтер не проверил содержимого портфеля. На трофейном складе Володин сказал Вигне, что привез колодки, по распоряжению Вигны все привезенное он складывал в определенном уголке. Рядом стояли ящики с толом, валом лежала целая куча гранат, далее — бикфордов шнур, а чуть дальше — ящики с трофейными боеприпасами. Володин очень волновался, но действовал осторожно. Это были первые шаги подпольщика в хищении большого количества взрывчатки и боеприпасов.

Возвратившись к Вигне, Кирилл извлек из кармана брюк поллитровую бутылку самогона; в бумагу был завернут небольшой кусок колбасы. Такие угощения Володин предлагал не впервые. Немец с охотой согласился выпить. Володин вытащил пробку из бутылки и передал ее Вигне. Последний потянулся к небольшой полке за стаканом, которого на месте не оказалось. Немец развел руками и сказал:

— Плёхо. Нет во что пить.

— А вот так! — поучал Володин, показывая рукой, что надо пить прямо из горлышка бутылки.

— О, нет. Нехорошо! — и он отдал бутылку Володину, а сам направился к открытой двери. — Я сейчас! — сказал он, удаляясь.

Володин поставил бутылку на полку и проследовал вслед за Вигной. Но его не было видно. «Куда же он пошел?» — подумал Володин. Затем быстро возвратился обратно, подошел к портфелю, вынул из него все содержимое и наполнил толовыми шашками, прихватив также и бикфордов шнур. Когда Вигна возвратился из конторы со стаканом в руке, Володин

как ни в чем не бывало стоял на прежнем месте и всем своим видом выражал одобрение находчивости Вигны.

Распив с Вигной бутылку, Володин прикрепил портфель к багажнику велосипеда и подкатил к проходной. Сердце у него учащенно колотилось. А вдруг остановят? Обнаружат взрывчатку — что тогда? Поминай, как звали! Но на проходной оказался старший охранник, который в это воскресенье разгуливал по городу в новеньких сапогах, сшитых и подаренных ему Володиным.

— А, Кирильо, давай проехаль! — с уважением сказал он Володину и, улыбаясь, пропустил его через проходную.

— Данке, данке!* — пробормотал Володин, протаскивая смертоносный груз. И подумал: «Какие можно дела творить при помощи взятки!..»

Итак, с маленькими интервалами Кирилл Володин, выбирая удобные для этого моменты, систематически вывозил со склада Вигны толовые шашки, бикфордов шнур, капсюли, винтовочные и пистолетные боевые патроны и гранаты. Все это он доставлял в соседний с базаром домик, в котором жил «пан доктор» — Василий Борисов. А последний все это переносил на улицу Торговую — на конспиративную квартиру Клавдии Кирилловой. Часть взрывчатки, гранаты и боеприпасы отправлялись в действующий партизанский отряд, а часть укрывали в городе.

НА ГРАНИ ПРОПАСТИ

Хотя и дороговато стоила коммерция Володина с его шефами, но ее результат оправдывал себя. Главное состояло в ее самоокупаемости. Кирилл получал от Деркача марки, приобретая на них кожу, и по просьбе то Вигны, то Пиклера мастерил сапоги, а те уже сбывали их другим немцам — не задаром, конечно, а за определенную цену.

Володину по целым дням приходилось подбирать колодки — это он делал у «пана» Червяковского, а материал на сапоги добывал у городских спекулянтов. Но все его усилия направлялись на то, чтобы в удобный момент, побывав на складе, увезти взрывчатку и оружие. Он старался контролировать, не следят ли за ним, не наблюдают ли за квартирами, куда он увозит свои трофеи. Это был невероятно тяжелый труд, его нервное напряжение доходило до предела, не раз у него до помрачения в голове

* Спасибо, спасибо! (нем.).

колотилось сердце, когда вдруг, увидев какого-нибудь фашиста или подозрительного типа, думал: всё, провал, это за ним!

Володин выработал себе определенный маршрут: после склада, имея в портфеле оружие или взрывчатку, он заезжал к Червяковскому, затем ехал на базар, проехав мимо базара, возвращался, проверял, нет ли слежки. У «пана» Червяковского он сбывал предназначенный для него груз, затем отправлялся добывать заготовки на сапоги. Вот так, поездив по городу и посетив нужные места, все время проверяя, не следят ли за ним, Володин возвращался в мастерские.

И вот однажды Володин, воспользовавшись тем, что Вигна на некоторое время отлучился со склада, быстро набил рюкзак и портфель оружием и взрывчаткой, уложил все это на багажник велосипеда, с которым при таких операциях не расставался. Возвратившись, Вигна махнул рукой — мол, до свидания, и разрешил Володину уходить.

Не доезжая до проходной, Володин услышал, как его окликнули:

— Вольодин, ком!*

Кирилл резко затормозил, остановился посередине двора, оглянулся и остолбенел. У штабной двери стоял обер-лейтенант Пиклер и пальцем подзывал его подойти: «Ком, ком!»

«Ну, все! Доездили! — подумал подпольщик. — Выследили». Как нарочно, сегодня он пожадничал и прихватил с собой побольше оружия и теперь будет задержан Пиклером. Но бежать некуда, да и не удастся! Глупо все это получилось. Стараясь не терять самообладание, он подошел к Пиклеру.

— Где сапоги, мой камарад** Котке? — ехидно улыбаясь, спросил обер-лейтенант.

«Черт побери, а я чуть не сглупил!» — подумал Володин. А вслух выпалил:

— Завтра же будут готовы, герр обер-лейтенант! — и показал большой палец на правой руке.

— Айн?*** — уточняюще спросил тот.

— Я, я, айн, один день! — повторил громко Володин.

— О, гут! Аллее гут! Мольодец, Володин! — одобрительно согласился тот, похлопывая Кирилла по плечу.

* Володин, подойди! (нем.).

** Мой товарищ (франц.).

*** Один? (нем.).

— Здесь тоже сапоги? — осведомился он, тыкая указательным пальцем в рюкзак на багажнике.

— Нет, нет, колодки, их возвращаю мастеру. Дерево!

— Яволь, яволь, понимайт! Дерево! Корошо! — протянул Пиклер удаляясь от Кирилла.

Володин кинулся к вахтеру, наблюдавшему за встречей сапожника с шефом. Проехав сквозь проходную, домчался вдоль улицы СС — к базару, подумав: «Значит, мне еще суждено пожить!»

Напрягая все свои силы, Володин спешил к Борису, чтобы как можно быстрее передать ему груз, ибо наступал комендантский час. «А вдруг дома его не застану? — мучительно думал он. — Куда же мне с ним деваться? В мастерские обратно не повезешь! О, нет, лучше бы он был дома, Господи, помоги мне!» — с отчаянием взывал к Богу Володин.

Наконец вот она, Советская улица. Володин свернул в переулок, поставил велосипед у входной двери к забору, снял рюкзак и портфель, не стучась, зашел в помещение. Здесь сразу же хотел рассказать о своих переживаниях и радости, как вдруг заметил незнакомого мужчину.

Собравшись с мыслями, Володин спокойно обратился к хозяину:

— Как-то на базаре вы интересовались мылом. Вот я и заехал к вам с этим товаром. Возьмите немного..

Борисов как-то преобразился и строго сказал:

— Мне не нужно сейчас этого товара. На него нет спроса. Спасибо! Это означало — «опасность!», и следовало без оглядки удалиться.

— Тогда извините, что побеспокоил вас, — Володин быстро юркнул за дверь, прикрывая ее поплотнее.

«Куда же теперь деваться?» — ломал голову Володин. Уже наступил комендантский час. С таким грузом, да еще на окраине города... И в этот момент из-за поворота улицы показался патруль. Кирилл, не растерявшись, свернул в первый же попавшийся дворик, за домиком поставил велосипед с грузом, а сам зашел в хату, где, застав одну хозяйку с малыми детьми, попросил напиться воды.

— Наверное, селедку ели, что так воду пьете? — осведомилась хозяйка хаты, когда гость с продолжительными интервалами осушал до дна вторую здоровенную кружку, незаметно поглядывая сквозь окно за медленно удалявшимся патрулем.

— Да, проголодавшись, с жадностью поел селедки с картошкой, — ответил Володин, — а теперь вот очень захотелось пить. — А про себя подумал: «Если бы ты знала, хозяйка, как я голоден, волка бы съел, а тут насильно целый литр воды выпил, да еще радуюсь вдобавок».

Из этого двора Володин повел свой велосипед пешком по тропинке, перебрался по кладке через речушку, остановился. «Выбросить к черту все в речку, и концы в воду! — размышлял Кирилл. — Иначе деваться некуда». Тащить к хозяину, где жил, он не решался. Выдать его он не выдаст, но и доверяться ему он не хотел. И уже хотел было все утопить в речке, но заело самолюбие: сколько труда вложил, а напереживался сколько, и теперь вот так выбросить все... Нет! Надо что-то придумать... Но что?

Наконец он решил: поехал в Тютюковичи к Валентине. Здесь переночевал, а на второй день, никем не замеченный, еще на заре поплелся со своим грузом снова в город — на Торговую улицу, где содержимое рюкзака и портфеля передал в руки Клавдии Васильевны Кирилловой — отличнейшей разведчицы остафовского подполья и хозяйки конспиративной квартиры. Оставив здесь тяжелую и опасную ношу, Володин облегченно вздохнул и быстро направился в мастерские...

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

— Я уже давно приглядывался к одному пареньку, который работает на главпочтамте. Он наблюдателен, неболтлив, неплохо разбирается в политике. Думаю, ему можно доверять.

— Как его фамилия? — спросил Терещенко у Николая Максимовича, который рассказал ему об этом человеке.

— Его зовут Николаем, фамилия, кажется, Волков. Говорить с ним более откровенно рискованно... Бывают же такие случаи, что мы подбираем людей, готовим их к борьбе, а когда дело доходит до конкретных действий, они дают задний ход...

— Конечно, я смогу с ним связаться, если поручаете, — согласился Терещенко.

— Я тоже так считаю, — поддержал предложение Серов. — Тебе сподручнее будет заняться этим человеком.

— А где удобнее его встретить? — поинтересовался Терещенко.

— Сегодня он провел день в открытом дворе почты, — объяснил Остафов. — Проволоку распутывает. Думаю, что он и завтра там будет. Сам он из военнопленных. На этой основе и найди с ним общий язык...

Терещенко не любил откладывать все в долгий ящик и на следующий же день подошел к почтовому двору, где увидел белобрысого парня,

хлопотавшего над мотком проволоки. Облокотившись на забор руками, Терещенко проговорил:

— Добрый день, дружище!

— Добрый день! — ответил рабочий, с присущим ему любопытством разглядывая Терещенко.

— Посмотрел на вас и думаю: где-то я вас видел? Лицо уж больно знакомое. Не Николаем вас зовут?

— А если Федором, то что? — с хитрецей кинул парень.

— Да нет, я так, просто хотел уточнить! — оправдывался Терещенко. — Если память не подводит меня, не так давно мы с вами вместе по Громова за проволокой «наслаждались». Не так ли?

— Ах вот оно что! Друзья, значит, по несчастью! А вы тот больной, с экземой? Теперь припоминаю. Вас-то как зовут, не Пантелеем ли?

— Он самый! — улыбаясь, подтвердил Терещенко. — Оказывается, мы друг друга знаем по лагерю, и даже неплохо. Да... Горя мы хлебнули сполна!..

— А сейчас лучше, что ли?.. Работаешь, как раб закрепощенный в старину! А кругом что творится? Терепение лопается...

Достаточно было еще одной встречи у общежития, где проживал Волков, для того чтобы бывшие воины доверились друг другу и нашли общий язык. С того времени Николай вошел в подпольную группу Пантелея Карповича.

— Ваш кандидат, Николай Максимович, оказался хорошим парнем! — докладывал Терещенко на очередной встрече. — Оказывается, мы друг друга отлично знаем еще по лагерю.

— Ну, а теперь как?

— Все в норме! Волков — наш человек! Безоговорочно дал согласие работать с нами.

Вот так шаг за шагом, день за днем росли ряды остафовского подполья за счет советских воинов, очутившихся на временно захваченной фашистами земле.

Николаю шел двадцать третий год, он проходил кадровую службу в рядах Красной армии, попал в плен. После выхода из лагеря военнопленных использовался в качестве рабочей силы хозяевами «нового порядка» в Европе.

— Есть дело, Пантелей Карпович, — доложил однажды Николай Пантелею Карповичу, отозвав его в сторонку.

— Какое дело? — заинтересовался Карпович.

— У инженера главпочты есть пистолет «вальтер». Я вспомнил ваше задание, исследовал обстановку, считаю, что его можно изъять.

— Ну что ж, будем только приветствовать, — одобрительно отозвался Терещенко. — Конечно, операцию следует подготовить и провести на уровне. Все обстоятельно еще раз продумай, а затем действуй...

...С того времени прошло более двух недель, Волков пока молчал. «В чем же дело? — думал Терещенко. — Не прихватили ли парня?»

Как-то Пантелей Карпович шел неторопливой походкой мимо базара. Вдруг его кто-то тронул за локоть. Чуть вздрогнув, он обернулся. Перед ним стоял Николай.

— Ну как дела, почему не появлялся? — спросил Терещенко.

— Да так получилось, инженер находился в отъезде вместе со своим, а теперь уже нашим «вальтером». Он в моем кармане, — с улыбкой докладывал Волков.

Убедившись, что за ними никто не следит, они разошлись и разными дорогами пришли на явочную квартиру. Николай передал трофейный «вальтер» своему руководителю группы Пантелею Терещенко.

— Вот спасибо, дружище! — благодарил его Терещенко, крепко пожимая руку. — А теперь готовься в дорогу. Завтра с нашим проводником отправишься в большую партизанскую семью. Оставаться тебе дальше в городе считаю опасным.

— Я давно об этом мечтаю. Спасибо вам! Я готов выполнять любые задания! — с благодарностью согласился Волков.

...В один из жарких июльских дней Николай Волков вместе с опытным разведчиком партизанского отряда Дмитрием Лисейкиным, воспитанником остафовского подполья, глухими зарослями Клеванского леса пробирались на партизанский «маяк».... Позже Николай Волков был зачислен в роту тяжелого орудия, командовал которой Фома Михайлович Орехов.

ПОДПОЛЬЕ ВЫШЛО НА СЛЕД

...Василий Галуза докладывал Остафому:

— Познакомился с одним человеком, тот пообещал связать меня с партизанами. Правда, осторожный такой, полностью не раскрывается... Но из его намеков я понял, что отряд где-то недалеко от города, в лесу.

— Кто же он такой, этот человек? Надежный ли? — удивился Николай Максимович.

— На мой взгляд, надежный, думаю, не подведет. Но быть полностью уверенным я не могу...

Услышав это, Остафов спросил:

— А что вам удалось о нем узнать, Василий Петрович? А вдруг попадем в сети изменника...

— О нем мне удалось узнать следующее: он из Армении. Фамилия — Карапетян. До войны работал учителем на родине. Человек грамотный и, видать, не из трусливого десятка. Говорит, что являлся сержантом Красной армии. Освободился из лагеря военнопленных. В Ровно, среди надежных людей, Карапетян имеет большие связи. Среди них мне известен Давтян, по специальности горный инженер, работает десятником со мной при магистрате; Борисов и другие Карапетяна характеризуют положительно.

— Хм... Заманчиво! — призадумался Остафов.

— Ничего, Николай Максимович, надеюсь, все будет как следует! — решительно сказал Галуза, пытаясь развеять тревогу Остафова.

— Дело не в том, чтобы сразу с ним связаться! Пойми меня правильно, Василий! — заговорил Остафов. — О себе я не думаю. Беспокоюсь за людей, за тебя, в первую очередь. Провокатор, изменник в цепочке подполья — страшное дело. Все погубит от начала до конца. Каждый наш шаг должен быть глубоко продуманным. Риск должен быть оправдан и только при необходимости.

— Я все хорошо понимаю, Николай Максимович...

— Ты ему что-нибудь говорил о нашем подполье? — тихо спросил Остафов. Его глаза изучающе смотрели на Василия, в них была тревога, и в то же время от них исходило какое-то тепло, как от родного и близкого человека.

— Нет, Николай Максимович, — ответил Василий.

— Молодец. Сразу доверяться ни в коем случае не следует.

— Согласен. Будем за ним наблюдать, изучим немного, а затем я обо всем доложу вам, — сказал Галуза.

— Но и затягивать не следует — время не ждет.

— У меня есть и второй вопрос к вам, правда, немного щепетильный...

— Хорошо. Что за вопрос, говори, — согласился Остафов, улавливая в глазах собеседника заметную смущенность.

— Не знаю, с чего и начать, — призадумался Василий.

— А ты начинай с начала, все как есть, чем проще, тем доходчивее.

— В последнее время мы с Николаем Куликовым часто бывали на квартире у Антонины Кулаковской, — начал Галуза. — Она местная, ровенская, воспитывает двоих детей. Вдова. Ее второй муж — наш брат, из военнопленных, Петро Яременко. Антонина — наш человек. Она спасла много пленных. К Советской власти относится с любовью. А вот два ее брата служат в полиции, один из них, Сергей, часто бывает у нее.

Здесь Остафов, слушавший Василия с большим интересом, покачал головой, немного улыбнулся и хотел что-то сказать.

— Это еще не все, Николай Максимович, — опередил его Василий.

— Ну, ну, давай! — с той же застывшей улыбкой на лице сказал Остафов.

— Так вот. Здесь же, в этом доме, на первом этаже в отдельной квартире, состоящей из одной комнаты и кухни, проживает подруга Антонины, фольксдойчка Лидия Майер. Она так же, как и Антонина Васильевна, убежденная антифашистка.

— Почему же она тогда фольксдойче?! — поинтересовался Остафов.

— Этот вопрос я выяснил.

— Интересно...

— Ее несколько раз вызывали в гебитскомиссариат. Она не хотела быть фольксдойче, пыталась отказаться, но ее потащили к самому Бауэру. Тот пригрозил:

— Фамилию носишь немецкую, знаешь немецкий язык, а своей нации чураться! Значит, ты являешься нашим врагом! Не одумаешься — найдем тебе место! Даю два дня срока! Иди!..

— После этого перед ней было два пути: вступить в фольксдойче и остаться в Ровно или отказаться и очутиться в лагере.

— Если на самом деле так было, то она поступила правильно, — одобрительно сказал Остафов. — Наверное, они сможет принести нашему подполью неоценимую пользу...

— Вот и я решил согласовать с вами, Николай Максимович, все эти вопросы, — облегченно сказал Василий, почувствовав поддержку руководителя подполья...

— Ну, Василий, ты совсем озадачил меня! — Остафов призадумался. Перед его взором мысленно появилось открытое лагерное поле. Словно вот сейчас по приказу фашистских палачей узники роют три ямы, опускают в них три столба, зарывают их концы...

«Что будет, что будет дальше?» — настороженно интересовались пленные друг у друга, издали наблюдая за происходящим. Но никто не отвечал. Трепетали сердца людей. Душа предсказывала недоброе.

Сюда же стали сгонять заключенных. Люди стояли большим кругом. Лагерная охрана привела троих пленных.

Толпа ахнула. Чуть подалась назад, расширяя круг. Теперь всем было ясно: их собрали на место казни. Катюги моментально привязали веревками свои жертвы к позорным столбам. Обреченные с окровавленными лицами молча глядели на соотечественников, таких же невольников, как и они сами.

— Неужели будут казнить? — прошептал Остафов, стоявший в первом ряду. Он подался немного вперед. Учащенно забилося сердце, но он беспомощно смотрел на обреченных, которые еще вчера представляли грозную силу для фашистов. Так сложились обстоятельства, что они остались без оружия, их человеческое достоинство было уничтожено, растоптано. Не сон ли это? Неужели так и не удастся справиться с силами, прогнать проклятого врага, вернуть себе достоинство и честь советского человека?

Но вот конвоиры принесли палки, бросили их у ног обреченных. Появился взвод фашистских солдат, они встали в ряд. По команде офицера каждый брал в руки палку и, подойдя к пленному, бил ею по чем попало. Люди вздрагивали от боли. На обреченных одежда рвалась в клочья, брызгала кровь. Казнь все продолжалась. Уже обвисли руки у жертв, склонились безжизненно головы. Поступила команда прекратить избиение. Солдат увели. В этот момент приблизились пять офицеров гестапо. Важно, подражая своим господам, лениво шагали овчарки.

— Взять! — произнес офицер, и собаки набросились рвать еще не остывшие тела пленных. Куски людского мяса, кожи вместе с лохмотьями оборванной одежды падали у ног.

Несколько десятков тысяч людей презрительно смотрели на палачей, готовые кинуться на них и рвать их зубами.

Небрежно указывая рукой в сторону казненных, вышедший немного вперед один из офицеров прокричал:

— Каждого из вас ожидает такая же смерть, если он попытается бежать из лагеря. Ясно?! — не дождавшись ответа, приказал: — Разойдись!..

Все это мигом пролетело в голове Николая Максимовича, и он, словно проснувшись, сказал:

— Мы, Вася, теперь на свободе, о которой так мечтали тогда, в лагере. И жить сейчас мы должны не для себя, а для тех, кто остались там, за колючей проволокой, на всей оккупированной гитлеровцами земле, для тех, кого истязают в застенках гестапо, наконец, для всех обреченных. Наша жизнь — тяжелая борьба с врагом за освобождение родного края,

советского народа, и эта мысль обязывает нас обдумывать каждый свой поступок. Советую и к Лиде, и к Антонине хорошенько присмотреться. А вот перед братьями Антонины ни в коем случае не раскрываться... Согласен с этим, Василий?

— Конечно, Николай Максимович! Вы правильно все говорите.

— Тогда — по рукам! Но помни, главная нить — Карапетян. Не оборви ее, но и не спеши. Будь бдительным, Вася!

ДМИТРИЙ БАЛАНЮК И МАРИЯ МОСКВИТИНА

«Как же все это случилось?» — растерянно рассуждала Мария Москвитина, сидя на берегу речки за городом.

Всего десять лет тому назад, будучи шестнадцатилетней девушкой, после смерти отца она переехала в город Днепрпетровск. Здесь поступила рабочей в чугунолитейный цех завода металлургического оборудования. В том же 1930 году вступила в комсомол. Занималась на вечернем отделении рабфака, а затем в филиале института. И уже замужней в 1937 году выехала в Башкирию, куда муж был направлен в трест «Таймазнефть». В мае 1941 года мужа командировали в город Луцк, а вместе с ним отправилась и Мария. Одиннадцатого июня прибыли в совсем неизвестный город, а спустя десять дней внезапно грянула война. Даже багаж, отправленный с прежнего места жительства в Луцк, еще не поступил.

Внезапная война потрясла всех. Начиная с четырех часов утра и весь воскресный день 22 июня фашисты непрерывно бомбили город. Продолжалось это и на второй, и на третий день.

Вместе с другими жильцами дома номер 9 Мария Ивановна с мужем покинули улицу Третьего Мая и из центра отправились на окраину города. На подступах к городу доносился рев большого звена бомбардировщиков. Нависла опасность.

— Быстрее, быстрее, Маруся! — торопил муж. — А то чего доброго попадет — и поминай, как звали. Вот перестанут бомбить, тогда и вернемся обратно.

— А если немцы ворвутся в город? Хотя бы кое-какие вещи прихватить... — настаивала женщина.

— Да ты что, смеешься? Неужели не понимаешь, что происходит? Маленькая, что ли? — с укором возразил муж. — Разве могут наши

допустить, чтобы немцы в город вошли? Такая силища на границе стоит! Да и в городе сколько военных. Быстрее, быстрее! Побежали, Маруся...

24 июня в спешном порядке эвакуировали семьи совпартактива. Транспорта не хватало. Взрослые мужчины и женщины пешком шли на Ровно. Среди этого потока беженцев шла и Мария со своим мужем, и уже в Ровно они сели в эшелон, переполненный в основном женщинами и детьми.

Вдоль состава прошел вагонный мастер, постукивая молоточком по колесам. Состав готовился к отправке. Но в этот момент оглушительно завывала сирена. Массированным налетом немцы бомбили станцию, стоявшие здесь эшелоны. Люди выскакивали из вагонов, метались между составами, бежали, наталкиваясь друг на друга, в разные стороны. Отчаянно кричали женщины, дети звали своих мам, матери — детей, стонали раненые. А фашисты не унимались, раз за разом заходили на бомбежку, пикировали в воздухе над эшелонами, строчили из пулеметов по бегущим людям. С визгом неслись на головы людей бомбы.

— Граждане! Просим покинуть территорию станции! Эшелоны повреждены и будут переформированы, отправка задерживается! — объявляли работники вокзала и милиционеры. — Уходите за город, не скапливайтесь. Враг заметит — снова организует налет. Спасайтесь, граждане, надо уходить!

В этой суматохе Мария потеряла мужа. Вместе с другими женщинами она пересекла реку, отправилась на окраину города и здесь, на кладбище, просидела весь день, а вечером сошла вниз и всю ночь просидела возле какой-то хаты. А когда рассвело, незнакомая женщина, проходившая мимо, поинтересовалась, кто она и откуда. Мария рассказала ей все, как было. Новая знакомая оказалась Евдокией Огородниковой из Гайсина. Муж ее, танкист, со своей частью отбыл на фронт.

— Идемте ко мне, Мария. У меня двое детей, мама. Ждут меня. Будем вместе. Думаю, наши не допустят сюда немца!

Мария теперь уже с меньшим доверием глядела на свою новую знакомую, но молчала. Про себя думала: муж тоже говорил, что не допустят немца. А что же получается? Остались без вещей, да и самого его потеряла.

А 27 июня в город уже ворвались механизированные части фашистов. На улицах людей расстреливали только за то, что они отвечали по-русски, были в солдатской одежде или просто вызывали подозрение. Местных жителей насильно выгоняли из своих домов рыть ямы, стаскивать трупы и закапывать их...

— Вот, еще одну нехристь привела, — с ненавистью сказала соседка Огородниковой, узнав о новой поселенке. — Топтали вы нашего Христа, а теперь Гитлер с вами счеты сведет! — грозила пани Заенцова, мечая из глаз зловещие молнии.

Вскоре им пришлось покинуть это неприветливое и ненадежное место и вместе с Дусей поселиться по улице Шевченко, в доме 36, у человека, который нуждался в рабочей силе. Жили в большой нужде. Но однажды Москвитина встретила Марию Троценко, двоюродную сестру своего мужа, и перешла к ней на жительство. Немного освоившись, Мария устроилась уборщицей у немцев, охранявших бензиновый склад неподалеку от вокзала. У Москвитиной появились новые знакомые из числа жителей восточных областей, которые оказались в городе так же, как и она. Появились и знакомые из числа местных горожан, хорошие люди. В их числе была и Нина Колдун, вышедшая замуж за советского инженера-коммуниста, впоследствии расстрелянного немцами. Семья Колдунов ненавидела фашистов.

Сблизившись с Ниной Колдун, Мария с ней ходила к лагерям-кошарам, в которых томились советские военнопленные. Они передавали им собранные у горожан продукты: кусочки хлеба, сахарную свеклу, тыкву, порезанную на кусочки. От колючей проволоки, которая окутывала лагерь, немцы прогоняли женщин, но они все равно продолжали ходить туда.

Вместе с Марией работала Лида из Оренбурга, которая разговаривала по-немецки. Не раз женщины появлялись возле лагеря вместе с Лидой, она уговаривала немцев, по-немецки просила их принять передачи с продуктами, и с трудом они все же попадали к военнопленным. Это были первые шаги помощи Марии Москвитиной советским военнопленным в эти трудные для Родины дни.

Наступил 1942 год. Горожане заговорили о силах сопротивления оккупантам. Внешне пока всё казалось спокойным. В городе шла борьба за существование. Незнание страшно угнетало, люди не понимали, что же происходит и когда все это может закончиться. В это время Марии удалось приобрести два аусвайса: один — белого цвета — как русской на фамилию Москвитиной, а второй — голубого цвета — как украинке, на фамилию мужа — Савченко.

Шестого ноября 1941 года гитлеровцы провели в Ровно массовый расстрел еврейского населения. Учинив этот произвол, фашисты разграбили большие ценности. В то же время они лишились большой дармовой силы. Местные немецкие оккупационные власти совместно с

украинскими националистами, создав промышленные фирмы, перестраивали на свой лад небольшие заводы и фабрики, теперь же они остались в безвыходном положении. Предприятия почти приостановили работу.

Бургомистр города Савюк и ровенский гебитскомиссар Беер забили тревогу. Они обратились в райхскомиссариат к Эриху Коху, находившемуся в них под боком, а тот ходатайствовал перед высшим командованием, и вскоре несколько сот военнопленных получили «свободу». Их вывели из лагеря, предварительно расконвоировав, а местные власти распределили по предприятиям, разместили по баракам-общежитиям. Фирма «Бендера» получила свою долю дармовых рук для работы, и пленных разместили возле базара по улице Гонты, почти в самом центре города.

«Вот и создан манифест: мертвым — свобода, а живым — под арест!» — говорили пленные.

Мария предпринимала попытки связаться с людьми, которые, возможно, уже создали подполье и борются с врагом, но ее усилия оказались тщетными. Ведь чтобы довериться человеку, надо его хорошо изучить, убедиться в его честности. Однажды управдом Кропачек, относившийся к Марии с уважением, заметил разорванную обувь на ее ногах и сказал:

— Пани Мария, где вы латаете свои туфли?

Мария смутилась, однако ответила:

— Я не располагаю средствами на ремонт или приобретение новой обуви...

Кропачек оглянулся по сторонам, словно убеждаясь в отсутствии посторонних ушей и глаз, и тихо сказал:

— Послушайте меня. На улице Гонты, возле базара, есть дом «советов», в нем живут военнопленные, работающие в фирме «Бендера» и при отделах магистрата. Подойдите к ним, и они вам отремонтируют обувь совсем бесплатно. И знаете, пани Мария, там есть свои люди!

Не откладывая, Мария отправилась к дому «советов». Она несмело зашла в мастерскую и попросила, чтобы ей помогли в ремонте. В это время сюда зашли военнопленные, и Мария познакомилась с Дмитрием Лисейкиным, Костей Кривоносом, Валентином Егоровым и другими. А спустя недели две Марию познакомил с Митей Баланюком. Вскоре Мария вошла в состав подполья. Сначала она выполняла отдельные поручения, а затем на одной из встреч Дмитрий Баланюк попросил ее разведать, где и через кого можно добыть документы, по которым необходимо легализовать двух военнопленных.

— Вам как женщине это сделать удобнее, чем нам, мужчинам. Меньше подозрений... — аргументировал он свою просьбу.

— Хорошо, я постараюсь... — ответила Мария.

Она вспомнила, что у ее хозяйки жил Иван Нотченко, имевший некоторое отношение к типографии. Ранее он работал там наборщиком. Мария решилась переговорить с ним. При встрече с Иван спросил ее:

— А зачем тебе такие бланки?

— Видите ли, я женщина одинокая, — начала Мария, — близкий человек страдает, сами понимаете, где, если выйдет на свободу, возможно, мы поженимся...

— Ну что ж, двадцать марок, и бланк вам раздобуду, — не задумываясь, предложил Нотченко.

— Где же мне такую сумму достать? Я ведь за месяц столько получаю, — жаловалась Мария. — А как же мне жить целый месяц без денег...

— Ну ладно, неси десять марок, — подобрел Нотченко.

— Как-нибудь постараюсь достать...

Выслушав Москвитину, Баланюк похвалил ее действия. Он дал ей одну двадцатимарочную купюру.

— Бери, Мария, это на два бланка. Запиши фамилии, имена и отчества людей. И если вдруг, не дай Бог, задержат тебя, то держись одного — искала себе мужа! Поняла?!

Нотченко познакомил Марию с человеком, который принес два бланка, получил от Марии деньги и сказал:

— Вот что, бабонька, запомни: ты меня не видела и не знаешь! Дай слово! — потребовал он подтверждения.

— Обещаю! — заверила Мария.

После получения бланков у подпольщиков возникли новые хлопоты. Для того, чтобы ходатайствовать перед администрацией лагеря о человеке, необходимо было заполнить все графы, и шеф воинской или полувоинской организации должен был написать свое прошение. И эта нелегкая миссия была поручена Москвитиной.

Все с той же легендой Мария обратилась к шефу, в подразделении которого работала уборщицей и которому стирала белье, убирала комнату. Бренхардт Шмидт поморщился, но не отказался. Им было написано несколько строчек и поставлена заковыристая подпись.

Операция прошла удачно. Так по распоряжению Николая Максимовича Остафова из лагеря был выведен Иван Черный и отправлен в одно из сел Ровенщины. А немного спустя тем же путем были освобождены из лагеря еще двое военнопленных.

Теперь у Марии были широкие связи среди советских военнопленных в городе. Группой, в которую она входила, непосредственно руководил Дмитрий Баланюк. С ней были связаны по подпольной работе Алексей Никитин, Павел Бакута, Сергей Бородатый, Соболев, Аникин, Гасай, Иван Куценко и другие. По два-три человека они собирались в квартире Москвитиной, обсуждали задания группы, обменивались мнениями об окружающих, советовались, кого из них остерегаться и на кого можно положиться в случае необходимости в помощи.

— А теперь, Маруся, тебе предстоит выполнить не очень опасную, но довольно сложную задачу, — хитро сказал Дмитрий Баланюк. — Как ты, готова?

— Если это мне под силу, постараюсь сделать, я готова! — согласилась она, не задумываясь.

— Тогда слушай. Вот это немец, который остается за старшего у вас на бензоскладе. Он нас интересуется. Попытайся ближе с ним познакомиться, заговорить. Нам нужно узнать поподробнее, что он собой представляет. Если можно, постарайся войти к нему в доверие. Сможешь ли ты это сделать? — мягко спросил Дмитрий.

— Действительно, задача эта для меня сложная. Поэтому полностью за ее успех не ручаюсь, — неуверенно начала Мария.

— Да, еще одна просьба. Нам очень нужен рожок — это обойма к автомату «козел». Присмотрись там — вдруг увидишь, постарайся не пропустить случая...

— Хорошо, буду иметь в виду...

...Закончив уборку конторы, Мария стряхнула пыль с одежды, вымыла руки, лицо и уже собиралась уходить домой. В этот момент вошедший немец подал ей сверток и попросил как можно быстрее выстирать его белье. Приносить не надо, он сам постарается зайти за ним. «Господи, словно ему кто-то подсказал мое задание, — подумала Мария. — Зайдет, угощу его ликером, а там сам язык развяжет».

Выстирав полученное белье, она повесила его сушить, а сама пошла к своему руководителю и обо всем доложила.

— Вот и хорошо, что он сам зайдет за бельем! — сказал Дмитрий. — Вот тебе марки на угощение шефа. Знай, что они аерликер* уважают... — предупредил Баланюк, подавая Марии рейхсмарки.

* Яичный ликер (нем.).

На следующий день вечером Мария докладывала Дмитрию Баланюку всю подноготную своего начальника — обеспокоен он судьбой своего народа, политику Гитлера осуждает, уверен, что немцы уйдут битыми.

— И так открыто говорил обо всем? — недоверчиво осведомился Дмитрий.

— Да, но он изрядно выпил. И мало того, — рассказывала Мария, — шеф признался, что до прихода Гитлера к власти состоял в коммунистической партии Германии, был в подполье, а теперь опасается разоблачения.

— Вот здорово! — одобрительно констатировал Баланюк. — Ты, Мария, поддерживай с ним хорошие отношения. Со временем я постараюсь встретиться с ним и поговорить. А пока что постарайся достать у него парочку гранат. Скажи, что знакомые хотят рыбы наглушить, и закуску ты приготовишь такую, что он пальчики оближет. Договорились?

Марии дважды пришлось просить у шефа гранаты для того, чтобы «глушить рыбу». Как-то он зашел к Марии и вместе с бельем, которое принес для стирки, отдал две гранаты и капсули, завернутые отдельно в бумажку. Правда, тут же предупредил:

— Только передай в руки надежным ребятам. Не подведи меня.

— Ну что вы, конечно. Это ребята надежные! — заверила Мария шефа.

А вот рыбу свежую для приготовления обещанной закуски пришлось покупать на базаре. Гранаты пошли по прямому назначению — через Баланюка в отряд.

И так неоднократно по просьбе Москвитиной немец приносил вместе с бельем по паре гранат, думая, что они будут использованы для оглушения в Горыни рыбы.

Мария выполнила также и одно из прежних заданий руководства подполья. Она достала обойму к автомату «козел», которую «заняла» у немцев.

Наконец Мария так освоила эту коммерцию, что даже другим немцам этой же части доставляла рыбу, получая от них гранаты-лимонки «для оглушения рыбы».

Впоследствии немец что-то заподозрил и, появившись у Марии как-то уже под хмельком, обратился к ней с вопросом:

— А скажи, Мария, честно, куда пошли мои гранаты?

— Сказать честно? По-русски? — задала Мария обратный вопрос, собираясь с мыслями.

— Только честно! — попросил немец.

— Гранаты пошли по прямому назначению! — призналась подпольщица, глядя прямо в глаза своему собеседнику и пытаясь разгадать его дальнейший замысел.

— Значит, в лес, к партизанам! — уточнил он.

— Да. Именно так! — подтвердила Мария.

— Обманули старика. Но я рад вашим успехам. А теперь прощайте. Прошу забыть меня и дать умереть своей смертью. Завтра мы покидаем город.

Его часть была переведена в другой город. На второй день они снялись и уехали. Узнав об этом, Баланюк доложил Николаю Максимовичу Остафову, а тот, подумав немного, сказал:

— Ну что ж, сделали, что нужно, и концы в воду! Конечно, старик мог бы нам еще пригодиться. Но коль так случилось, ничего тут не поделаешь...

Оставшись не удел, Мария выполняла различные поручения Баланюка, а чуть спустя по его же заданию устроилась снова прибирать квартиры немцев — работников рейхскомиссариата.

Ознакомившись со своим новым участком работы, Мария нашла возможность слушать сводки Совинформбюро. Как только немцы расходились на работу и Мария оставалась в квартире одна, она включала приемник и, прильнув к нему, с интересом улавливала каждое слово Родины. Запоминала сведения и передавала их через Баланюка в остафовское подполье.

Подвела ее беспечность. Она потеряла бдительность. А дело было так. Как только хозяева ушли на работу, подпольщица включила радиоприемник и, стараясь не пропустить ни одного слова, старалась запомнить сводку информационного бюро Родины о положении дел на фронте.

Один из фашистов, видимо, что-то заподозрив, вскоре возвратился, запасным ключом отпер дверь и, осторожно приоткрыв дверь в комнату, появился в квартире. Он услышал радиопередачу, тихонько приблизился к приемнику.

Москвитина почувствовала сильный удар в голову. Вскочив на ноги, она с испугом увидела одного из хозяев квартиры, который неумолимо продолжал ее избивать. Он бил кулаками по голове, хлестал ладонью по щекам, а когда она, не выдержав ударов, свалилась на пол, начал пинать ее ногами куда попало.

В тот же день Марию уволили с работы и распорядились отправить в Германию. Но с помощью врачей-остафовцев ей удалось этого избежать.

Мария получила документ о наличии у нее туберкулеза, а ее внешний вид вполне соответствовал приписанной болезни.

Вскоре к Марии пришли Дмитрий Баланюк вместе с Ниной Гаюр. Женщины познакомились.

— Есть предложение, — обратился Дмитрий к Марии, — чтобы эта дамочка проживала вместе с тобой. Как ты на это смотришь?

— Раз так нужно, то смотрю положительно, — согласилась подпольщица. — Вдвоем веселее будет.

— Тогда будьте здоровы!

Женщины жили дружно. Все шло своим чередом. Из отряда приходили разведчики, бывали у Марии на явочной квартире, иногда заночевывали, а женщинам перед соседями приходилось брать на себя не совсем благородную миссию — мол, кавалеры наши, объясняли они людям, особенно любопытным. И вот как-то одна соседка съязвила:

— Ой, бабоньки, что-то многовато их ходит, ваших кавалеров, и все призжие!

А домоуправ Кропачек, как-то встретившись с Марией, под секретом предупредил:

— Пани Мария, за вами следят.

Марию словно ледяной водой облили. Но, взяв себя в руки, она рассмеялась, изображая непонимание, а между прочим спросила:

— За мной или за моими поклонниками?

— Пани Мария, вы не смейтесь, я говорю серьезно, именно за вами следят! — настойчиво предупредил Кропачек.

— Ну что я могу сделать, — стараясь быть спокойной, сказала подпольщица. — Помогите мне как-то, чтобы они не приходили больше.

— Э, нет! Это уж вы сами решите, и чем поскорее это сделаете, тем будет лучше для вас же, — уходя, быстро прошептал Кропачек.

Развязка наступила неожиданно. На следующий день от партизан прибыл разведчик Алексей Никитин. Он принес тревожную весть: из отряда бежал Науменко, ранее работавший в типографии, знавший о бланках, приобретенных Марией.

И вот, когда над городом опускались сумерки, Никитин, Гаюр и Мария сидели в комнате за столом. Они играли в карты. На столе стояли бутылка ликера, рюмки, закуска. Из коридора донесся топот, и в распахнувшуюся дверь без стука ворвались каратели во главе с Иваном Марчуком по прозвищу Кислица, известным всем горожанам карателем.

— Москвитина тут живет? — спросил Кислица.

— Нет, такой мы не знаем! — ответили в один голос женщины.

— А вы кто такие? Ваши документы! — распорядился он.

— Прошу, прошу! — все показали аусвайсы.

— Мария Савченко, Нина Гаюр, Алексей Никитин, — читал вслух Кислица, как-то растерянно возвращая аусвайсы. — А где ты работаешь, парень? — обратился он к разведчику. — У тебя есть на этот счет документ? А вид такой, как будто с того света пришел!

— Конечно. Прошу! — И Алексей развернул желтого цвета мельд-карту, в которой было отмечено, что он работает учителем в школе. А в дополнение и справку от врача: болеет туберкулезом.

— А где же проживает Москвитина? — возвратился к прежнему вопросу Кислица.

— А кто она и как выглядит? — наивно уточняла Нина. Мария же в это время стояла молча, словно лишилась дара речи.

— А черт ее видел! Говорят, такая молодая, худощавая, вот как вы с ней, — показал на Марию и Нину.

— Вроде как-то слыхала московскую фамилию, вон, кажется в том доме, — показала рукой на противоположный дом во дворе Нина.

— Ну что ж, пойдем знакомиться. А вы все трое сидите здесь, из квартиры — ни на шаг! Ясно? — уходя, распорядился Кислица.

— Разумеется, куда же нам идти? — ответили все в один голос.

— Неужели так легко отделались? — недоуменно произнес Никитин.

— Нет, они возвратятся! — произнесла Мария. — Надо немедленно скрыться! Бежать! — и, не мешкая, открыла окно. Никитин быстро скрылся в проеме окна, за ним Мария. Нина же решила прихватить некоторые вещи и заметалась по комнате, складывая кое-что в узелок. Связала его и решила выйти через дверь, карателей, кажется, не было видно во дворе. Она закрыла ключом дверь и стала уже отдаляться от двери дома, как вдруг услышала:

— Эй, девка, а ты куда? — это был голос Кислицы. Нина кинулась наутек. Но было уже поздно. Каратели схватили ее, увели с собой. Позже стало известно, что ее заточили в тюрьму и там казнили. А вскоре были схвачены управдом Кропачек и два его сына. Все эти люди были замучены в застенках гестапо.

Мария бежала на квартиру Дмитрия Баланюка. Он возмущился всем произошедшим и на следующий день пошел в ее квартиру, забрал вещи и принес Марии. Это был выдержанный, малоразговорчивый человек исключительной отваги и воли!

— Вот, конфисковал имущество партизанки! — сказал он Марии.

— Многие, наверное, глазели, спрашивали о нас? — поинтересовалась Мария.

— Представь себе, никого не встретил и, мне кажется, никто меня не видел. Я собрал постель, вот еще кое-какие вещи прихватил, связал все в узел, вынес за угол дома, где ожидала меня машина... И поминай, как звали! — улыбнулся Баланюк.

— Ну и смелый ты, Митя! — еле сдержала слезы радости Мария.

«Такие люди, как Дмитрий, — это наша гордость!» — подумала Мария.

Марии не было ничего известно о Дмитрие Баланюке, о его биографии, о довоенной жизни. Дмитрий родился в 1917 году, по национальности был русский. До войны окончил военную танковую школу, имел звание старшего лейтенанта Красной армии. Сражался на фронте в должности командира танка и, будучи контуженным на поле боя, был пленен немцами. После выхода из ровенского лагеря военнопленных вместе с Василием Галузой работал в отделе коммунального хозяйства Ровенского городского магистрата. В конце 1942 года Василием Галузой был вовлечен в ровенское коммунистическое подполье, руководимое Остафовым, состоял непосредственно в группе Василия Галузы, выполнял задания последнего. Так поначалу Дмитрий по заданию руководящего ядра подполья проводил антифашистскую агитацию среди советских военнопленных и местных жителей города, подбирал патриотов для остафовского подполья. Совместно с Василием Галузой, Дмитрием Лисейкиным, Сергеем Шишмаревым, а также другими подпольщиками занимался разведкой в городе и отправкой патриотов в действующий партизанский отряд. До лета 1943 года проживал в комнате по улице Школьной напротив синагоги совместно с Аней, которая на Киевщине состояла в десантном батальоне, готовилась к выброске в тыл противника, но при обороне Киева была контужена, попала в плен к немцам и содержалась в ровенском лагере. После выхода из лагеря стала женой бывшего танкиста Дмитрия Баланюка и действовала с ним в ровенском подполье.

Подпольная деятельность звена, руководимого Баланюком, шла неплохо. Люди подобрались хорошие, преданные, казалось, не было причин для беспокойства. Они научились конспирации и осторожности в сложнейшей обстановке оккупации. Но вот однажды бывший военнопленный Григорий Наumenко, который был отправлен в отряд, вскоре, находясь с группой партизан на боевом задании, дезертировал оттуда и появился в городе. Вслед за ним в город прибыл Николай Афанасьевич Куликов. Он дал распоряжение Ане, жене Дмитрия:

— Необходимо предупредить наших людей, которых знал Науменко, что он дезертир и предатель. Надо срочно связаться с Терещенко.

Аня тотчас же отправилась в город. Она посетила все места, где мог быть Терещенко, но встретить его не смогла. Время уходило. И она решила пойти на базар. У входных ворот заметила Пантелея Карповича. Проходя мимо него, шепнула:

— Вас ожидает Дмитрий! Срочно зайдите! — и, не останавливаясь, повернула домой. На небольшом расстоянии за ней шел Терещенко.

На квартире Дмитрия встретились Куликов и Терещенко.

— Знаете о том, что бежал Науменко? — обратился без всякого вступления Куликов.

Терещенко настороженно ответил:

— Ничего не знал, впервые слышу. Это же очень опасно для многих из нас!

— В отряде это понимают, поэтому я и прибыл сюда! — взволнованно сказал Куликов. — Мы должны немедленно его ликвидировать!

— Какая помощь нужна? — спросил Пантелей Карпович.

— Пока никакой. Сегодня я сам постараюсь все выяснить. Но, если возникнет необходимость, свяжусь с вами, Пантелей Карпович. Завтра в двенадцать часов встретимся и все вопросы решим, — предложил Куликов.

— А где встретимся?

— На первом мосту от вокзала! Договорились?

— Согласен. Буду вовремя!..

На следующий день Куликов и Терещенко встретились. Куликов возмущался:

— У меня ничего не получается, Пантелей Карпович. Мои люди не нашли Науменко, словно он сквозь землю провалился. Науменко, если его сейчас же не изолировать, может натворить много бед. А я немедленно должен покинуть город! Таков приказ...

— Хорошо. Я все меры приму!.. Так и передайте командованию.

Противившись с Николаем Афанасьевичем, Терещенко отправился на розыск подпольщицы Анны Лобачевой, с помощью которой рассчитывал найти Науменко. Наконец он встретил ее и обратился с просьбой:

— Аня, вы можете разыскать Науменко?

— Какого, Григория?

— Да, его!

— Хорошо. Если разыщу, как вам сообщать об этом? Он часто бывает на базаре!

— Тогда и я буду там весь день, — сказал Терещенко. — Ведь сегодня четверг — базарный день!

...И вот Аня на базаре незаметно указала ему на Григория Науменко. Это был человек лет сорока, с лысиной, выше среднего роста, плечистый, блондин. Чувствовалось, что это крепкий и здоровый мужчина.

— Спасибо, Аня! — поблагодарил Терещенко. — Но прошу тебя, об этом никому ни слова... Так надо, Аня!

— Ну что вы, Пантелей Карпович! — смутилась женщина. — Я же все понимаю, конспирация должна быть во всем...

Когда базар стал понемногу расходиться и день угасал, Науменко двинулся к выходу, оставил базарную площадь, повел пешком велосипед к железнодорожному переезду прямо по улице Немецкой. Минув военные казармы, за гарнизонной баней свернул в узенький переулок и, войдя во двор, скрылся в одноэтажном кирпичном особняке.

Терещенко усиленно следил за ним двое суток. Но Науменко больше не появлялся. И снова пришлось прибегнуть к помощи Ани.

— Послушай, Аня, снова исчез твой знакомый. Ты не сможешь его разыскать еще раз?

— Постараюсь, — согласилась подпольщица.

А вскоре было установлено, что в городе его нет вовсе. Он ускользнул из Ровно к сестре своей любовницы, которая проживала в Житомире...

...Москвитина проживала на полулегальном положении. Вместе с Терещенко она выслеживали Науменко — вдруг появится. День-два жили у Огородниковой по улице Черемшины, затем Мария переходила к Дмитрию Баланюку. Жена Баланюка Аня была в положении, скоро предстояли роды, беременность была тяжелой. Аня болела, лежала в постели... Дмитрий достал Марии белый халат, медицинский чепчик, и если вдруг кто-то появлялся в квартире, Мария присаживалась к постели больной Ани и хлопотала, облегчая ее состояние.

Наконец поступило сообщение из отряда, что в Ровно снова появился Алексей Никитин. Также было дано указание забрать в отряд Марию. Никитин предложил связаться с Аникиным, Соболевым, Гасаем, и на второй день, как только рассветло, они всей группой оставили город.

...Мчавшаяся из города грузовая машина, обогнав группу подпольщиков, остановилась. Невысокого роста водитель по имени Илья предложил свои услуги. Все быстро залезли в кузов, и машина тронулась в сторону Клевани. Поднявшись на возвышенность за селом Бронники, машина, свернув вправо, понеслась по извилистой полевой дороге. Невдалеке был виден лес. Очутившись в лощине, водитель притормозил:

— Ну, люди добрые, прибыли! Счастливого вам пути! А мне пора по делам официальной службы. До свидания! — развернул грузовик и скрылся за бугром.

— Ничего! Тут осталось метров триста до железной дороги, а за ней — сразу лес. Там мы хозяева — партизаны!

Словно родные братья встретились на оржевском «маяке» Борис Сухенко, Юра Евдокимов, Алексей Глинко, Володя Ступин и другие. С прибывшими беседовали до поздней ночи, а затем улеглись отдыхать. Здесь, на «маяке», встретили и Василия Галузу. Одет он был в вышитую рубаху, направлялся из отряда в Ровно.

В лагерь прибыли 12 июня 1943 года вечером. Горели костры, вокруг которых на бревнах сидели партизаны. Все они показались Марии очень утомленными, измученными.

Тогда в отряде под Берестянами было всего двенадцать женщин. Командир отряда, знакомясь с Марией, сказал:

— Ну вот, теперь у нас будет тринадцатая женщина! Чертова дюжина! — сострил он...

Отряд пополнялся ежедневно. Сюда приходили патриоты не только из Ровно, но также из Луцка, Здолбуново, Винницы и других городов и местностей. Мария чувствовала себя одиноко, ведь знакомых, кроме прибывших вместе с ней в отряд, не было. Ей все здесь было ново: строгие порядки, дисциплина, тишина и то, что каждый партизан был занят своим конкретным делом. Это ей нравилось. Теперь и Мария получила задание: она стала сестрой-хозяйкой при штабной разведке отряда. Но Мария здесь делала все — стирала, сушила и гладила белье разведчикам. В ее ведении находилась большая плетеная корзина, в которой хранились чистое белье, швейная машинка, стиральная доска, утюг на углях, баляя* для стирки белья. А немного освоившись, Мария научилась кроить и шить на машинке. За летний день она распарывала целый парашют, затем разглаживала отдельные куски, если были грязными — отстирывала, сушила, снова гладила, кроила и шила для партизан нательные рубахи и белье.

Иногда разведчики приносили шерстяную пряжу. Мария часто дневалила у костра, когда разведчики, утомленные после выполнения задания, отдыхали, бывало, за ночь, не сомкнув глаз, она вывязывала по два носка.

С приходом в отряд Марии Ивановны Москвитиной разведчики как-то ожили. Их быт преобразился. Мария, словно мать, содержала в

* Баляя — лохань (укр.).

чистоте своих детей. Возвратившись с «маяков» в отряд, они получали из рук Марии по паре чистого белья, старались помыться, переодевались, и лишь затем располагались в своем чуме — землянке штабной разведки.

К Марии все относились с большим уважением, называя ее только по имени и отчеству — Мария Александровна. Они снабжали ее сигаретами и папиросами (она курила). Разведчики были для нее словно сыновья и братья, и они платили ей взаимностью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот вы и перевернули последний листок этой уникальной книги, дорогой читатель. История появления на свет сборника «Во имя Родины» тоже по-своему уникальна.

О существовании рукописи «Сын политкаторжанина» стало известно в первой половине апреля 2011 года. Нашему творческому тандему с режиссером и оператором Ириной Мороз предстояло создать фильм об автопробеге ДОСААФ Свердловской области, посвященном 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Освежая в памяти страницы жизни разведчика, мы захотели побольше узнать и о послевоенной судьбе партизанской семьи Струтинских. В статье журналиста Андрея Лубенского, посвященной 90-летию Николая Струтинского, мы прочитали строки, которые заделали нас за живое: «Незадолго до своей смерти Николай Струтинский передал мне рукопись своей последней книги, сказав, что в независимой Украине ее никто не хочет издать. *Хочется верить, что в России найдутся издатели, которые заинтересуются последней книгой легендарного разведчика*».

Поняв друг друга с полуслова, мы с Ириной начали поиски рукописи. С помощью социальных сетей удалось быстро связаться с автором статьи, киевским журналистом и писателем Андреем Лубенским (кстати, выпускником УрГУ). Он сообщил, что с 2006 года рукопись находится в Москве у создателя сетевой Малорусской народной исторической библиотечки (МНИБ) Андрея Чубрикова. Вскоре пришел ответ из Москвы. Последняя документальная повесть Николая Струтинского «Сын политкаторжанина», написанная автором в 1988 году, оказалась бережно сохраненной.

Задавшись целью издать книгу, мы вынуждены были одновременно решать множество вопросов. Предстояло найти родственников Николая Струтинского, издательство, а главное — равнодушных людей, которые помогли бы воплотить задуманное в реальность. В инициативную группу сразу же вошел председатель Регионального отделения ДОСААФ России Герой России генерал-майор Геворк Анушаванович Исаханян и со своей стороны стал помогать в сложном деле сохранения памяти. Нити

руководства акцией взял в свои руки ветеран Афганистана Виктор Ильин (г. Североуральск), у которого за плечами уже был колоссальный опыт по организации благотворительного сбора средств.

От имени культурного центра «Солдаты России», которым руководит ветеран афганской войны Евгений Бунтов, мы обратились к директору издательства Уральского университета Алексею Васильевичу Подчиненову. К этому моменту в наличии были лишь большое желание и уверенность в том, что задача нам по силам. Зная, что деньги на издание придется собирать всем миром, Алексей Васильевич согласился поддержать акцию.

С помощью военного журналиста Игоря Яворского (г. Черкассы, Украина) нам удалось связаться во Львове с сыном Николая Струтинского Владимиром Николаевичем. В процессе общения с ним стало ясно, что необходимо издавать сборник повестей его героического отца. Все это время было прожито нами с непередаваемым ощущением прикосновения к великой истории. Казалось, что Герои былых времен вдруг ожили и сошли с книжных страниц, ведь имена разведчика Николая Кузнецова и его соратников давно обросли легендами. Видимо, недаром сам Кузнецов однажды обронил фразу о том, что не поверил бы в то, что ему и его друзьям приходилось делать в Ровно, если б сам не был участником этих событий.

Спустя две недели с начала поиска рукописи все основные договоренности были достигнуты. С необходимым пакетом документов Ирина Мороз отправилась по маршруту Львов — Киев — Москва. Рассказывает Ирина Мороз: «Времени во Львове у меня было полдня. Владимир Николаевич Струтинский встретил прямо на перроне — подтянутый, стройный человек с удивительно молодыми глазами. Мы отправились на Холм Славы, где захоронены Николай Иванович Кузнецов и множество воинов Великой Победы. В центре Львова было шумно и людно — веселые группы туристов, студенты, местные жители... А на Холме Славы стояла безлюдная тишина. “Девятого мая здесь будет много народа”, — сказал Владимир Николаевич».

Тогда еще никто не знал, что девятое мая 2011 года станет для ветеранов Львова самым унижительным днем за всю историю постсоветского времени. Их не пропустят к Холму Славы, чтобы почтить память павших друзей. А в это же время в Екатеринбурге начнется народная акция по изданию сборника документальных повестей Николая Струтинского «Во имя Родины».

Полученный нами авторский экземпляр старых выпусков журнала «Байкал» с опубликованной там повестью «Во имя Родины»

испещрен пометками автора. В конце — обращение к читателям, написанное от руки, и дата — девятое марта 2001 года (годовщина гибели Николая Кузнецова). О чем думал, на что надеялся полковник Струтинский, редактируя опубликованную почти тридцать лет назад повесть, мы уже не узнаем. Но есть что-то символичное в том, что именно здесь на Урале, в Екатеринбурге, в год 100-летия Николая Кузнецова повести Николая Владимировича Струтинского обрели новую жизнь.

*От имени и по поручению инициативной группы
Каринэ Кировосьян — журналист, режиссер
документального кино, обладатель гран-при
Всероссийского фестиваля духовности и культуры
«Бородинская осень» (2009), лауреат Всероссийского
конкурса МВД России «Щит и перо» (2005).*

**Книга вышла в свет благодаря финансовой поддержке
следующих организаций и частных лиц:**

- Региональное отделение ДОСААФ России Свердловской области;
- местные отделения ДОСААФ России Свердловской области;
- Председатель Совета директоров ЗАО «Таганский ряд» Анатолий Никифоров;
- ветеран Афганистана Виктор Ильин, Мария Ильиных, Владимир Шакиров (г. Североуральск Свердловской обл.);
- храм Михаила Архангела, настоятель – отец Николай Егоров (г. Тюмень);
- казак Иван Статьев (г. Тюмень);
- Союз ветеранов Афганистана г. Верхотурье Свердловской обл.;
- Союз ветеранов Афганистана г. Качканара Свердловской обл. и лично Дмитрий Порываев;
- Направление специальной подготовки им. Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова Института военно-технического образования и безопасности УрФУ и лично Герой России полковник Олег Касков;
- ветеран Афганистана полковник Леонид Хабаров;
- ветераны Афганистана и Чечни г. Краснотурьинска Свердловской области и лично депутат Городской думы г. Краснотурьинска Роман Бисеров;
- Управление по культуре, спорту и делам молодежи г. Североуральска;
- школа № 11 г. Североуральска.

*Информационная поддержка —
телекомпания «Резонанс» (г. Екатеринбург)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
ВО ИМЯ РОДИНЫ.....	7
Часть 1. По следам героев, по следам войны.....	9
Часть 2. Партизанскими тропами	36
Часть 3. Герой встает на пьедестал.....	110
НА БЕРЕГАХ ГОРЫНИ И СЛУЧИ	125
Оружие и еще раз оружие.....	127
Незванные гости	130
Встреча с Пихуром	136
Полицейские исследуют... обувь	137
Под конвоем шуцманов	141
Запоздалый обыск	144
На уроке закона Божьего	146
Похороны... в долг	150
Стойка на вершине дерева.....	150
На границе.....	152
Клятва Пospelовского	155
Письмо вручено	158
Побег из ночи.....	162
Рассвет.....	166
Снова тучи.....	167
Тревожный поиск	171
Брат не оставляет брата	173
Неожиданная встреча.....	180
Минуты вели свой счет.....	183
На лесных тропах	186
Тайное подземелье	190
Первая потеря	195
Сквозь блокаду	196
Допрос	200
В кругу друзей	204
Засада в имении помещика.....	207
Директор открывает сейф	213
Переговоры с Бульбой.....	220
Еще пять стволов.....	225
Конец «лесного коршуна»	228

Пленники освобождены.....	232
Приглашение на свадьбу.....	237
Мечта сбылась.....	243
В разведке.....	248
Испытание верности.....	254
В родных местах.....	259
Расплата.....	266
Роковая ошибка.....	268
В Луцке.....	270
Схватка.....	275
На Большую землю.....	278
Мы идем на запад.....	283
СЫН ПОЛИТКАТОРЖАНИНА	287
Уроки детства.....	289
Мотрина судьба.....	298
«Будет и на нашей улице праздник!».....	301
Первые испытания.....	315
«Новый порядок».....	339
Возвращение к жизни.....	352
Неожиданная встреча.....	360
«Мы должны выбраться из этого ада!».....	371
Дом «советов».....	385
Два танкиста.....	391
Солдатка Первой Конной.....	400
Подготовка партизанской базы.....	413
В отряд имени Чапаева мост проложен.....	420
Деловая встреча.....	445
Политическая каторжанка.....	449
«Фиговый лист».....	455
Ночная операция.....	457
Патриотки.....	459
Подполье при штабе Пиклера.....	462
На грани пропасти.....	482
Новое пополнение.....	485
Подполье вышло на след.....	487
Дмитрий Баланюк и Мария Москвитина.....	491
Послесловие	506
Благодарности.....	509

Литературно-художественное издание

Николай Струтинский

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Документальные повести

Редактор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*

Ответственный за выпуск *А. В. Благодатских*

ISBN 978-5-7996-0617-6

Подписано в печать 28.06.2011. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 32,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 671.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press.info@usu.ru